

Учреждение образования
«Гомельский государственный университет
имени Франциска Скорины»

Фразеологическая комиссия при Международном комитете славистов

Представительство Россотрудничества в Республике Беларусь
Российский центр науки и культуры в Гомеле

**СЛАВЯНСКАЯ
ФРАЗЕОЛОГИЯ И ПАРЕМИОЛОГИЯ
НАЦИОНАЛЬНОЕ И ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОЕ.
СТАБИЛЬНОЕ И ИЗМЕНЧИВОЕ**

К 70-летию со дня рождения
профессора В. И. Коваля

Сборник научных статей

Гомель
ГГУ им. Ф. Скорины
2021

УДК 811.16:398.9(082)

Славянская фразеология и паремиология. Национальное и интернациональное. Стабильное и изменчивое. К 70-летию со дня рождения профессора В. И. Коваля : сборник научных статей / редкол. : Е. В. Ничипорчик (отв. ред.) [и др.] ; Гомельский гос. ун-т им. Ф. Скорины ; Фразеологическая комиссия при Международном комитете славистов ; Представительство Россотрудничества в Республике Беларусь, Российский центр науки и культуры в Гомеле. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2021. – 347 с.

ISBN 978-985-577-810-4

В сборнике помещены статьи, которые отражают результаты исследований славянской фразеологии и паремиологии. В статьях сборника затрагивается ряд актуальных проблем, к числу которых относятся определение доли национального и интернационального в славянской фразеологии и паремиологии, выявление сходств и различий в наглядно-образных представлениях славян, положенных в основу фразео- и паремиотворчества, установление аксиологических доминант и динамика ценностных предпочтений в славянских фразео- и паремиопространствах. В центре внимания исследователей жанровое и тематическое разнообразие славянских устойчивых выражений, бытование фразеологизмов и паремий в разных типах дискурса, фразеологическая и паремиологическая неология, лингвокультурографическая репрезентация славянской фразеологии и паремиологии прошлого и настоящего, вопросы, связанные с созданием фразеологических и паремиологических словарей нового типа.

Адресуется фразеологам, паремиологам, лингвокультурологам, социолингвистам, лексикографам, фольклористам, преподавателям и студентам-филологам.

Сборник издается в соответствии с оригиналом, подготовленным редакционной коллегией, при участии издательства.

Сборник издан при финансовой поддержке Российского центра науки и культуры в Гомеле

Редколлегия:

Е. В. Ничипорчик (гл. ред.),
И. Г. Гомонова (зам. гл. ред.), Н. И. Лапицкая (отв. секретарь),
В. И. Коваль, Е. И. Холявко

Рецензенты:

доктор филологических наук А. Н. Мельникова,
кандидат филологических наук Л. В. Кулик

Рекомендован к изданию научно-техническим советом учреждения образования «Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины»

ISBN 978-985-577-810-4

© Учреждение образования
«Гомельский государственный университет
имени Франциска Скорины», 2021

*К 70-летию со дня рождения доктора филологических наук,
профессора кафедры русского, общего и славянского языкознания
Томельского государственного университета имени
Франциска Скорины, известного фразеолога, замечательного
педагога, инициатора проведения культурно-образовательных
и научных мероприятий «Славянские встречи» в городе Томеле*

Владимира Ивановича Ковалева

СЛОВО О ЮБИЛЯРЕ

Коваль Владимир Иванович. Доктор филологических наук. Профессор. Профессор кафедры русского, общего и славянского языкознания Гомельского государственного университета имени Франциска Скорины. За несколькими короткими словосочетаниями большой научный путь, счастливая творческая судьба, Личность.

Интерес к филологии проявился еще в школе, и желание изучать творчество Сергея Есенина привело на филологический факультет Гомельского государственного университета. Круг научных интересов сформировался рано, но он оказался связан не с поэзией Сергея Есенина, а с изучением фразеологических сочетаний тавтологического типа, которыми юный студент стал заниматься под руководством кандидата филологических наук, лексиколога и диалектолога, доцента кафедры русского языка, ученицы Рубена Ивановича Аванесова Тамары Семеновны Янковой. О своих университетских преподавателях – не только о Тамаре Семеновне, но и о Валерии Ивановне Медведевой, Галине Дмитриевне Зелинской, Матвее Ефимовиче Ханине, Людмиле Григорьевне Яцкевич – Владимир Иванович всегда говорит с глубоким уважением, восхищением и искренней благодарностью. А интерес к тавтологическим сочетаниям оказался таким же устойчивым, как и сами конструкции, и определил судьбу будущего ученого: ею стала фразеология.

И вот окончен с отличием университет, за плечами служба в армии, а впереди – преподавательская работа, аспирантура (под руководством доктора филологических наук профессора и заведующего кафедрой русского языка Белорусского государственного университета Павла Павловича Шубы), защита диссертаций, профессиональное становление и широкое научное признание. Признание пришло рано, с защитой кандидатской диссертации на тему «Образование фразеологических единиц и фразеоморфологический анализ», в которой выявлялись закономерности формирования фразеологизмов на широком этнологическом фоне, определялась их внутренняя форма, объяснялось переосмысление реальных предметов и действий человека в разных жизненных ситуациях в языковые образы. Богатейший языковой материал был проанализирован в системно-типологическом аспекте.

Проблема происхождения фразеологизмов «не отпускала»: последовал целый ряд работ, посвященных поискам этимологических истоков устойчивых выражений; сопоставительная языковая база, на которой выполнялись исследования, расширялась: «К вопросу о происхождении фразем с компонентами-антропонимами», «К происхождению фразеологических единиц. Собаку съест», «Да паходжання фразеалагізма як Піліп з канпель», «К вопросу о характере фразеологических соответствий в славянских и балтийских языках»; статьи, посвященные украинскому фразеологизму

дати гарбуза, беларускім калаціць зялёны мак, абое рабое, клёпкі не хапае, злавіць зайца, садзіць на пасады, рускім дело табак, кондрашка хваціл, вот где собака зарыта, задать баню и многим другим. Анализ происхождения многих фразеологических оборотов невозможен без этнокультурной информации. Необходимость ее привлечения обусловила интерес к разнообразным фольклорным текстам, в которых отражены народные духовные представления, обряды и верования. Отражение таких представлений во фразеологизмах также стало темой целого ряда научных работ: «Народныя замовы як крыніца ўтварэння этнафразем», «Да паходжання этнафразем. *Серада з-над пятніцы відаць*», «Аб адлюстраванні ў фразеалогіі магічных дзеянняў-засцярог. *Дарогу перасякерыць*», «К проблеме “язык и язычество” (*Распоясацься. Заткнуць за пояс*)» и других. К середине 90-х годов были изданы первые монографические работы и справочники: «Чым адгукаецца слова? Фразеалагізмы ў павер’ях, абрадах і звычаях» и «Народныя ўяўленні, павер’і і прыкметы: Даведнік па ўсходнеславянскай міфалогіі».

Круг научных интересов постоянно расширялся – этого требовала сама логика подхода к исследованию этнофразеологии: изучение фразеологических и диалектных словарей русского, белорусского, украинского и других славянских, а также балтийских языков, разнообразных фольклорных текстов стало основой формирования интереса к мифологической проблематике. Лекции по спецкурсу «Славянская мифология» любимы не только студентами, но и преподавателями факультета, слушать их не просто интересно – увлекательно: ведь по-настоящему увлечен сам лектор, а не увлеченным быть нельзя, потому что речь идет об истоках нашего мирознания, духовности, нашей славянской души.

Многолетнее накопление и осмысление этнофразеологического материала восточнославянских и других родственных языков позволило в 1999 году блестяще защитить докторскую диссертацию («Восточнославянская этнофразеология: деривация, семантика, происхождение»). С этого же времени начинается регулярное участие в Международных съездах славистов: в 1998 году в Кракове, в 2003 – в Любляне, в 2008 – в Охриде, в 2013 – в Минске. Научные работы издаются в Беларуси, России, на Украине, в Литве, Германии, Латвии, Польше.

Круг научных интересов Владимира Ивановича, однако, не ограничен только фразеологической и мифологической проблематикой. Издаются словари новых иностранных и актуальных слов; в гендерном аспекте исследуется художественный текст («Женское общение и женская речь в романе Л. Н. Толстого “Анна Каренина”»), «Языковое выражение феминности в художественном тексте», «Гендерно маркированный концепт “стыд” и его вербализация в художественных текстах», монография «Язык и текст в аспекте гендерной лингвистики»); появляется ряд интересных работ, посвященных анализу истинного смысла фольклорных текстов – сказок и народных песен («“Цячэ вада ў ярок”:

тэкст і падтэкст», «Адлюстраванне вербальнай і акцыянальнай магіі ў народных песнях пра каханне», «К лингвокультурологической интерпретации сказочного текста “Курочка Ряба”», «Сказка “Репка”: лингвокультурологический анализ» и др.). Расширение культурных и научных связей с Китаем обусловило интерес к сопоставительно-типологическому изучению содержания многих важных для русского и китайского языкового сознания концептов. Последняя монография «Язычество в языке и тексте» (Гомель, 2021) представляет собой глубокое системное исследование единиц разных языковых уровней, в которых отразились языческие, а также христианские, переплетенные с языческими представления восточных славян.

Владимир Иванович – человек «сути»: он видит проблему и стремится к ее разрешению. Любая его научная работа содержательна и интересна; читая ее, узнаешь глубокие и интересные вещи, связанные то с происхождением фразеологического оборота, то с глубинным смыслом народного обряда, то с символикой имени собственного в художественном тексте. К такому же подходу он приобщает и своих учеников – студентов и аспирантов. Под его руководством защищено 5 кандидатских диссертаций. 4 кандидата наук, научным руководителем которых был Владимир Иванович, стали его коллегами по кафедре.

Объемная научная работа (в списке публикаций на сегодняшний день 275 наименований) на протяжении многих лет совмещается с весьма ответственной, требующей больших нервных, интеллектуальных и физических затрат административной работой: заведование кафедрой русского языка как иностранного, затем, в продолжение почти тридцати лет, – кафедрой русского, общего и славянского языкознания; работа на общественных началах в качестве заместителя директора Института Конфуция. В течение многих лет Владимир Иванович был членом научных советов по защите диссертаций, а сейчас работает в Высшей аттестационной комиссии Республики Беларусь.

Глубокая порядочность, надежность (именно на таких людях мир и стоит), ответственность, добрый и мягкий юмор, самоирония привлекают к Владимиру Ивановичу студентов и коллег. С ним всегда интересно и хочется общаться. Коллектив кафедры русского, общего и славянского языкознания отмечает семидесятилетний юбилей Владимира Ивановича Коваля проведением международной конференции, посвященной проблемам славянской фразеологии, и изданием сборника научных работ. Мы желаем нашему Юбилею крепкого здоровья, успехов в научном творчестве, способных учеников, верных и любящих людей рядом.

Е. И. Тимошенко

О. Б. Абакумова

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ МЕТАФОРЫ В ПОСЛОВИЦАХ О ПРАВДЕ И ЛЖИ

Аннотация. В данной статье мы проводим описание концептуальной метафоры в семантической структуре русских и английских пословиц о правде и лжи с использованием предложенной нами тематической роли «квалитатив», который позволяет описать качество действия или состояния, выраженного пословичным предикатом и соответствующими актантами в семантической структуре пословичного предложения-высказывания.

Ключевые слова: метафора, пословица, правда и ложь, русский язык, английский язык, универсальное и специфическое.

Изучение метафоры в сопоставительно-типологическом плане позволяет проникнуть в общие закономерности человеческого мышления, выявить типичные ассоциации и вместе с тем определить специфику каждого языка, отделяющего его от общего и всеобщего. Исследователями метафоры были выделены три универсальных типа метафоризации: антропоморфизм, перенос от конкретного к абстрактному и синестезию. Другие ученые предложили к рассмотрению пространственные, метеорологические, антропоморфные, зооморфные, ботанические, технические, социоморфные метафоры [1, с. 11–26]. Дж. Лакофф и М. Джонсон [2] в своей классической работе рассматривают целый ряд метафор: ориентационные метафоры, структурные, пространственные, онтологические, метафоры типа «контейнер» и др.

В. Н. Телия включила в процесс метафоризации субъекта метафоры и его новое знание о мире, его знание языковых значений и их ассоциативных комплексов, его замысел относительно объема нового понятия, цели метафорической интеракции, а также фактор адресата. Кроме этих сущностей в процессе взаимодействуют: *модус фиктивности* (als ob «как если бы X тождествен Y»); *модус антропоцентричности*, который соотносит свойства Y со стереотипами в рамках знаний человека о мире или языковой картине мира; *оценочный модус*, определяющий ценность X по некоторой шкале, отражающей систему оценок, принятых в данном обществе; *эмотивный модус*, содержанием которого является выражение чувств-отношений в диапазоне одобрения / неодобрения того, что X предстает в образе Y, *эстетический модус* и стилистический «режим» [3, с. 46–47]. Метафоры, образные сравнения, вместе с символами, эталонами, стереотипами и другими культурно нагруженными единицами языка являются репрезентантами культурных кодов. В. Н. Телия трактует культурный код как систему знаков материального и культурного мира, ставших носителями культурных смыслов; как способ сохранения и передачи культурной информации, иначе говоря, тип культурной памяти [4, с. 40]. Эти идеи развиваются в «Словаре лингвокультурологических терминов» М. Л. Ковшовой и Д. Б. Гудкова [5].

Е. Г. Беляевская предлагает рассмотреть несколько разновидностей одной концептуальной метафоры, связанных с антропоцентрическим фактором – изменением позиции наблюдателя. Так, при использовании метафоры типа «контейнер» человек может концептуализироваться как вместилище эмоций (внутренний контейнер), но эмоции можно рассмотреть и как некоторый контейнер, в который погружается человек (контейнер-пространство): *на него нахлынула волна нежности, она погрузилась в воспоминания* и т. п. [6, с. 122–124].

Пословица занимает свое важное место в языковой интерпретации внешнего мира и внутреннего мира человека, обращая особенное внимание на социальные нормы и фиксируя в своей семантике и прагматике (эксплицитно или имплицитно) культур-

ные установки и предпочтения данной культуры. Л. Г. Пермяков указывает на тройственную природу пословицы, выявляя в ней свойства единицы языка, логики (так как она выражает суждение) и литературного произведения (поскольку это художественная миниатюра) [7]. Мы полагаем, что пословица представляет собой сложный языковой знак, фразеологизм со структурой предложения и обобщенным значением, с текстовыми характеристиками и прагматическими функциями, практическое оценочное суждение, функционирующее в речи как косвенный речевой акт чаще всего директивного типа, который используется в речи как тактическое средство реализации коммуникативной стратегии говорящего [8].

Исследователи фольклора, относящие пословицы к текстам, считают, что их семантика складывается из темы (идеи), образа и синтаксической конструкции (структуры) (см. работы Каньо, Кууси, Григаса и др.), но ведущим, по мнению К. Григаса [9], является ядерный образ, связанный с метафорой.

Нами было исследовано около 600 русских пословиц по данным словаря В. М. Мокиенко и Т. Г. Никитиной «Народная мудрость. Русские пословицы» [10] и более 100 английских паремических единиц, взятых из словаря Р. Фергюссон и Дж. Лоу «The Penguin Dictionary of English Proverbs» [11]. Анализ проводился с использованием аппарата когнитивной семантики и предложенной нами тематической роли «квалитатив», который определяется как «падеж, характеризующий качество описываемого объекта» [8, с. 26].

Результатом анализа являются следующие типы концептуальных метафор, которые нам удалось выявить на материале русских и английских пословиц о правде.

Пространственная метафора:

– оппозиция «верх / низ» («Правда всегда наверху»):

Завали правду золотом, затопчи в грязь, а она все равно наружу вылезет (квалитатив силы, могущества); *Правда – елей: везде наверх всплывает* (квалитатив принадлежности Высшим силам); *Правда в воде не тонет и в огне не горит* (квалитатив прочности, надежности); *Truth is God's daughter* (квалитатив принадлежности Высшим силам); *Truth and oil are ever above* (квалитатив силы, власти); *Truth is mighty and will prevail* (квалитатив власти, могущества); *Truth will out* (квалитатив силы, могущества); *Truth will come to light* (квалитатив силы, могущества); *Правда со дна моря выйдет* (квалитатив силы, могущества); *Правда к Петру и Павлу ушла, а кривда по земле пошла* (квалитатив принадлежности Высшим силам); *Правда у Бога, а кривда на земле* (квалитатив принадлежности Высшим силам); *Истина от земли, а правда с небес* (квалитатив принадлежности Высшим силам).

Пословицы этой группы в двух языках характеризуют правду прежде всего с позиции религиозной культуры, наделяя ее сверхъестественной силой и приписывая ей надежность, прочность, могущество. Пространственный код культуры используется здесь в совокупности с религиозно-духовным, а в английских паремиях и акциональным лингвокультурными кодами.

– оппозиция «прямо / криво» («Правда прямо идет»):

Правда прямо идёт, а ни обойти ее, ни объехать (квалитатив силы, могущества, справедливости); *Сидеть можешь криво, но говори прямо* (квалитатив прямолинейности, искренности, честности); *Кривдой свет пройдешь, да назад не воротишься* (квалитатив нечестности, слабости, поиска легких путей); *Была когда-то правда, а ныне стала кривда* (квалитатив изменчивости, отсутствия справедливости); *Лучше неправда прямая, нежели правда кривая* (квалитатив честности).

Эта группа пословиц представлена русскими паремиями и характеризует феномен правды с позиций пути, который выбирает человек. Пословицы предостерегают против поиска кривых, легких путей, показывают, что надежды простого человека на справедливость не всегда оправдываются, он часто бывает разочарован и даже впадает в отчая-

ние, но все-таки следует надеяться на лучшее и не сворачивать с прямого пути, говорить правду и вести нравственный образ жизни. Пространственный код сопровождается антропоморфным и акциональным кодами культуры.

– оппозиция «внутри / наружу» («Правда живет открыто»):

Пропадай, кривда, выходи, правда, наружу! (квалитатив надежды на лучшее, на справедливость); *Мошенники повздорили, а правда – наружу* (квалитатив сокровенности / справедливого возмездия); *Правду похоронишь, да сам из ямы не вылезешь* (квалитатив справедливого возмездия); *Truth shows best being naked* (квалитатив открытости).

Данные пословицы в двух культурах учат открытому, честному образу жизни, когда ничего не нужно скрывать и прятаться от чужих глаз, предупреждают о справедливом возмездии в случае неправильного поведения человека. Пространственный код используется в комбинации с акциональным, а в английских пословицах и с костюмным кодом культуры.

– оппозиция «далеко / близко» («Правда сокровенна»):

Молодое сердце всегда ближе к правде (квалитатив искренности, принадлежности молодым); *Правда далеко, а кривда под боком* (квалитатив отсутствия справедливости); *Не ищи в селе, ищи в себе* (квалитатив своего внутреннего пространства, совести); *Face to face, the truth comes out* (квалитатив приватного общения, доверительности); *Truth lies at the bottom of a well* (квалитатив глубины, сокровенности); *Ищи ветра в поле, а правду на дне моря* (квалитатив отсутствия справедливости).

Пословицы показывают, что правда не всегда лежит на поверхности, часто нужно потрудиться, чтобы узнать правду, поскольку зачастую ее скрывают те, кому она не выгодна. Пространственный код культуры комбинируется в данном случае с антропным (соматическим) и с природно-стихийным кодами культуры. Русские пословицы советуют быть искренним, предъявлять больше требований к себе, английские советуют общаться наедине, так как только в беседе с глазу на глаз скрытый англичанин может быть откровенным. Английские пословицы утверждают, что правду найти нелегко, она глубоко спрятана; русские полагают, что не нужно ее искать, поскольку под правдой понимают социальную справедливость, в которую не верят.

– оппозиция «центр / периферия» («Правда в лес ушла»):

И твоя правда, и моя правда, и нигде ее нет (квалитатив отсутствия справедливости); *Была когда-то правда, да в лес ушла* (квалитатив отсутствия справедливости); *Truth seeks no corners* (квалитатив центрального положения); *In too much dispute truth is lost* (квалитатив согласия / бесспорности); *In many words, the truth goes by* (квалитатив молчаливого согласия, взаимопонимания).

Английские пословицы данной группы отводят правде центральное положение, но связывают ее с молчаливым согласием и компромиссом, отсутствием споров. В русских паремиях правда часто находится на периферии, а то и вообще исчезает, что говорит о вхождении идеи справедливости в ядро русского пословичного концепта. Пространственный код в данном случае комбинируется с домоустроительным в английских паремиях и с биоморфным в русских.

Временная метафора («Правда требует времени»):

Time is the father of truth (квалитатив проверки временем); *Truth is time's daughter* (квалитатив проверки временем); *Все тайное становится явным* (квалитатив времени); *Все минется, одна правда останется* (квалитатив вечности).

Временной код используется в двух лингвокультурах для указания на принцип проверки истинности временем и комбинируется с антропоморфным кодом в английских пословицах и с числовым в русских.

Онтологические метафоры:

– Метафора персонификации («Правда / Ложь – живое существо»):

Правда-истина огнем палит (квалитатив силы, власти, могущества); *Ложь на глиняных ногах ходит* (квалитатив недолговечности); *У лжи короткие ноги* (квалитатив недолговечности); *Была правда, да в лес ушла* (квалитатив отсутствия справедливости); *Truth has a scratched face* (квалитатив опасности); *Follow not truth too near the heels, lest it dash out thy teeth* (квалитатив опасности, нежелательности); *Truth is Time's daughter* (квалитатив проверки временем); *Truth shows best being naked* (квалитатив очевидности, прямоты); *Правда истомилась, лжи покорилась* (квалитатив отсутствия справедливости).

Пословицы изображают правду и ложь в виде аллегорических образов, наделяя их качествами живого существа, способного передвигаться, носить одежду, вести себя подобно воину, побеждая врагов, но также и терпеть поражение, вступать в родственные отношения, испытывать чувство усталости и покоряться врагу. В английском паремическом дискурсе правда более агрессивна и уверена в себе, готова себя защищать. В русских пословицах находим два аллегорических образа: правды-истины и правды-матки, в которых воплощается сложный амбивалентный пословичный концепт. Используется в основном антропоморфный код культуры.

– Метафора объективации («Правда – ценный объект»):

Truth has always a sure bottom (квалитатив надежного основания); *Была правда, да по мелочам, в разновеску ушла* (квалитатив объекта продажи); *И правда тонет, когда золото всплывает* (квалитатив объекта купли, продажи); *Правда в огне не горит и в воде не тонет* (квалитатив прочности, надежности); *Правда рогатиной торчит* (квалитатив неудобства); *Правда глаза колет* (квалитатив опасности).

Правда представлена в данной группе пословиц как ценный объект, который может быть предметом купли или продажи. В английских пословицах он отличается прочностью и надежностью, в русских может быть еще и неудобным и даже опасным. Артефактивный код культуры кодирует культурные смыслы в совокупности с предметно-денежным, природно-стихийным и соматическим кодами в русском паремическом дискурсе.

– Метафора типа «контейнер» («Правда / ложь – контейнер скрытой информации»):

Враль клал в ларь, вралья брала из ларя (квалитатив сокровенности); *There is truth in wine* (квалитатив сокровенности / искренности); *Истина в вине* (квалитатив сокровенности / искренности); *Правда на дне рюмки* (квалитатив раскрепощенности, доверительности); *В море глубины, а в людях правды не изведаетишь* (квалитатив множественности, субъективности); *Не ищи правды в других, коли в тебе её нет* (квалитатив честности, совестливости); *Не ищи в селе, ищи в себе* (квалитатив совести, честности).

Пословицы раскрывают возможные источники хранения информации и способы их извлечения, говорят о сокровенности правды и сокрытии лжи. В двух лингвокультурах люди верят, что правду о человеке можно узнать, если он примет спиртное, расслабится и расскажет то, что не решится раскрыть или будет скрывать, будучи трезвым.

– Биоморфная метафора («Правда – опасное животное / насекомое»):

– зооморфная:

Правда что цепная собака: на кого спустят, в того и вцепится (квалитатив субъективности, отсутствия несправедливости); *Не прав медведь, что корову съел, не права корова, что в лес зашла* (квалитатив субъективности / несправедливости / своего, чужого пространства); *Кудакнула курица, а узнала вся улица* (квалитатив глупости, опасности, нежелательности);

– инсективная:

Правда что оса: лезет в глаза (квалитатив опасности, нежелательности); *Правда что у мизгиря в тенетах: имель пробьется, а муха увязнет* (квалитатив множественности, субъективности / отсутствия справедливости);

– ботаническая («Правда – красивый цветок с шипами / выращенный урожай»):

Truth and roses have thorns about them (квалитатив защиты от опасности); *Будет в поле рожь, будет и в людях ложь* (квалитатив неизбежности, естественной природы); *Посеешь ложь – не вырастет рожь* (квалитатив причинности / справедливости).

Зооморфный код культуры выявляется только в русских пословицах о правде, что указывает на национальную специфику русского пословичного концепта, включающего идею социальной справедливости. Ботанический код имеет как общие признаки, связанные с сельским хозяйством и получением урожая, так и символический образ розы, способной защитить себя шипами.

– Гастрономическая метафора («Правда – лакомый кусок»):

Правда как масло: везде наверх всплывает (квалитатив праведности / справедливости); *Всяк правду жуёт, да не всяк творит* (квалитатив слова и дела); *There is truth in wine* (квалитатив удовольствия от общения, искренности); *Истина в вине* (квалитатив удовольствия, искренности, доверительности); *Лучше горькая правда, чем сладкая ложь* (квалитатив полезности); *Хлеб-соль ешь, а правду режь* (квалитатив прямоты, честности).

Гастрономическая метафора раскрывает свойства правды, с одной стороны, как лакомого куса, а с другой, как горького, но полезного продукта питания, который дает человеку возможность исправить свое поведение и понимание жизни. В русской культуре считается правильным поведением говорить правду в глаза (эталон). Стереотип связан с типовой ситуацией, когда человек, говорящий правду, становится всем неудобным и даже опасным, поскольку большинству людей есть, что скрывать. Русские пословицы советуют посмотреть на ситуацию с другой стороны и получить пользу от той информации о себе, которую может предоставить другой человек, имеющий возможно более объективный взгляд и свое видение объекта. Гастрономический (пищевой) код сочетается здесь с антропоморфным, вещественным, акциональным и даже пространственным.

– Социоморфная метафора («Правда – атрибут бедных»):

Правда в лаптях, а кривда в сапогах (квалитатив отсутствия социальной справедливости); *Sooth saws be to lords lothe* (квалитатив нежелательности).

Пословицы указывают на то, что говорение правды, раскрытие тайн часто бывает неприятно богатым людям, которые получили свое богатство нечестным путем. В русских пословицах присутствует идея социальной несправедливости.

В результате анализа пословиц как оценочных суждений можно убедиться в том, что модус фиктивности в структуре метафорических пословичных высказываний сохраняется, хоть и несколько ослаблен в силу опоры на эталоны и стереотипы. На первый план в русской культуре чаще выходит эмотивный модус, в английской – оценочный, что связано с опорой на систему ценностей каждой лингвокультуры.

Проведенный сопоставительный анализ показал как универсальное, так и специфическое в структуре метафорических образов пословиц о правде и лжи. Универсальное проявляется в довольно ограниченном выборе областей целей и источников концептуальной метафоры, которые совпадают у носителей двух даже неблизкородственных языков. Национально специфическое связано с изменением фокуса метафорического концепта, обусловленного позицией наблюдателя и системой ценностей, характерной для каждой лингвокультуры. В русских пословицах субъектом оценки в основном является крестьянин, жизнь которого нельзя считать благополучной в отношении социальной справедливости. В английской культуре крестьяне как класс исчезли довольно давно, источником формирования пословиц являются в большей степени разговорные и художественные тексты, которые отражают систему ценностей моряка или воина [8].

Список использованных источников

1. Гак, В. Г. Метафора: универсальное и специфическое / В. Г. Гак // Метафора в языке и тексте. – М. : Наука, 1988. – С. 11–26.
2. Lakoff, G. Metaphors we live by / G. Lakoff, M. Johnson. – Chicago and London : The University of Chicago Press, 1980. – 242 p.
3. Телия, В. Н. Метафора как модель смыслопроизводства и ее экспрессивно-оценочная функция / В. Н. Телия // Метафора в языке и тексте. – М. : Наука, 1988. – С. 26–52.
4. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Лингвокультурологический комментарий / отв. ред. В. Н. Телия. – М. : АСТ-Пресс книга, 2006. – 784 с.
5. Ковшова, М. Л. Словарь лингвокультурологических терминов / М. Л. Ковшова, Д. Б. Гудков. – 2-е изд. – М. : Гнозис, 2018. – 189 с.
6. Беляевская, Е. Г. Антропоцентризм в конструировании метафорических концептов / Е. Г. Беляевская // Когнитивные исследования языка. 2016. – Вып. XXVII. – С. 119–127.
7. Пермяков, Г. Л. К вопросу о структуре паремиологического фонда / Г. Л. Пермяков // Типологические исследования по фольклору. – М. : Наука, 1975. – С. 247–274.
8. Абакумова, О. Б. Пословицы в языке, сознании и коммуникации / О. Б. Абакумова. – СПб. : Алеф-пресс, 2012. – 354 с.
9. Григас, К. Литовские пословицы: Сравнительное исследование / К. Григас. – Вильнюс : Вага, 1987. –
10. Мокиенко, В. М. Народная мудрость / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. – М. : ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2011. – 416 с.
11. The Penguin Dictionary of Proverbs / Editors R. Fergusson, J. Law. – London : Market House Books Ltd, 2000. – 365 с.

Abstract. In this article, we describe the conceptual metaphor in the semantic structure of Russian and English proverbs about truth and lies using our proposed thematic role of “qualitative”, which allows us to describe the quality of an action or state expressed by a proverbial predicate and corresponding actants in the semantic structure of a proverbial sentence-statement.

Keywords: metaphor, proverb, truth and lie, Russian language, English language, universal and specific.

УДК 811'42'27'371:398.92(=161.1):398.92(=581)

А. А. Аксёникова-Бирюкова

ОТРАЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ СПЕЦИФИКИ ВО ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ, ОБЪЕКТИВИРУЮЩИХ ЭМОЦИЮ ГНЕВА В РУССКОЙ И КИТАЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

Аннотация. В статье рассматриваются философские и религиозно-мифологические основания для возникновения фразеологизмов, передающих состояние гнева в русском и китайском языках; анализируются фразеологизмы, описывающие способы выражения гнева и его влияние на организм человека.

Ключевые слова: эмоции, гнев, конфуцианство, даосизм, православие, фразеологизмы.

Фразеологизмы – это народная мудрость, отражающая взгляды людей на окружающую их действительность в яркой, образной и сжатой форме. Они передают характерные черты национального менталитета, своеобразие мировосприятия, исторические и культурные особенности развития народа. Знание фразеологизмов, используемых в определенной стране, помогает лучше понять ее традиции, обычаи и культуру, а также установить успешную межкультурную коммуникацию между носителями разных языков, таких, например, как китайский и русский.

Каждый человек испытывает эмоции. При этом реакции на переживаемые эмоции у людей разных национальностей могут быть как одинаковыми, так и различными. Обозначение эмоций в языке обладает отличительными чертами, на которые оказывают влияние особенности менталитета, традиции и обычаи той или иной культуры [1, с. 287]. Гнев является одной из базовых эмоций. В связи с этим интерес представляет рассмотрение того, какие фразеологизмы, отражающие эмоциональное состояние гнева, употребляются представителями двух национальностей.

В китайских медицинских трактатах выделяется семь базовых эмоций (радость, печаль, гнев, страх, любовь, отвращение и вождление): 七情六欲 qī qíng liù yù – *семь чувств, шесть страстей* – ‘человеческие эмоции’ [2, с. 514]. С точки зрения этических требований, только «радость» и «печаль» являются положительными эмоциями, остальные – отрицательными. По мнению конфуцианцев, эмоции не позволяют человеку правильно воспринимать окружающую действительность, активизируют в нем дурные наклонности [1, с. 217]. В связи с этим, 君子 jūnzǐ – *благородный муж* – идеальная личность, обладающая пятью добродетелями: человечность, справедливость, верность, мудрость, искренность, ритуал – обязан сдерживать свои эмоции. В конфуцианстве был сформирован один из ключевых принципов, в основе которого находится идея необходимости избегать крайностей во всех проявлениях: 中庸之道 zhōng yōng zhī dào – *принцип золотой середины* [2, с. 495]. Это правило также касается выражения человеком своих чувств: 不偏不倚 bù piān bù yǐ – *Быть беспристрастным, не отклоняться ни в ту, ни в другую сторону* [2, с. 43].

Однако в действительности человеку управлять своими эмоциями оказывается очень трудно, в связи с этим можно отметить его желание спрятать негативные эмоции: 藏怒宿怨 cáng nù sù yuàn – *Затаить гнев, приютить ненависть* – в значении ‘спрятать камень за пазухой, затаить злобу’ [2, с. 62]. Следует отметить, что страх перед наказанием является тем фактором, который также не позволяет открыто выражать свой гнев: 懲忿窒欲 chéng fèn zhì yù – *Сдерживать негодование, гнев и пресечь желание* – в значении ‘страх перед наказанием сдерживает гнев и умеряет желания’ [2, с. 68]. 敢怒不敢言 gǎn nù bù gǎn yán – *Кто-либо возмущается, но не смеет выговорить* [2, с. 115].

Нормами конфуцианской морали предписывается заботиться о своем добром имени и достоинстве и сдерживать эмоции, однако в то же время страх «потерять лицо», выглядеть неправым, глупым зачастую является причиной проявления гнева: 老羞成怒 lǎo xiū chéng nù – *От стыда разгневаться* – ‘прикрывать неправоту гневом; удариться в амбицию’ [2, с. 252]. 恼羞成怒 nǎo xiū chéng nù – *Досада и смущение превращаются в гнев* [2, с. 321]. Таким образом, следует отметить непосредственную взаимосвязь следующих эмоций – *страха, стыда и гнева*.

Что касается православия, то оно, в свою очередь, призывает людей владеть собой и не допускать проявления негативных эмоций, разрушающих Душу человека: *Кто гнев свой одолевает, крепок бывает* [3, с. 321]. Вера в Господа предполагает веру в Его Промысел, так как «никто не может сотворить никакого зла и оскорбления без Его воли» [4, Мф. 10:29]. Господь «заповедал любить оскорбляющих» [4, Мф. 5: 44]. Истинный христианин, таким образом, должен *зла не помнить* [5].

В христианстве гнев считается одним из восьми смертных грехов и трактуется как сильное возбужденное состояние духа против ближнего. Душа является Божьим храмом, в котором при крещении человека поселяется Дух Божий, олицетворяющий духовное начало, устремленное к Богу, к общению с ним. Духовного человека отличает любовь к окружающему миру, радость и покой. Гнев изгоняет из человека Душу. Отсюда выражения: *выйти из себя; вне себя от злости (ярости); был вне себя* [5]. Человек при этом может не помнить, какие поступки он совершал в порыве гнева. Гнев, являясь грехом, связан с представителями нечистой силы, и злые духи становятся хозяе-

вами человека: *зло берет* [5]. Лексемы *злой, злиться* свидетельствуют о том, что гнев связан со злом. Они восходят к праславянскому * *zъlъ* – ‘плохой’. В старославянском языке *зло* – ‘беда, грех’ [6]. Нил Синайский говорил: «Набежавшее облако омрачает солнце, а помысл памятозлобия – ум» [7]. Гневаясь, человек может потерять рассудок: *прийти в бешенство* [5]. *Бешенство* – болезнь, передающаяся человеку от животных, при которой происходит поражение центральной нервной системы [8, с. 35].

Святой Иоанн Кассиан Римлянин характеризует три вида гнева: внутренний, внешний и злопамятство [7]. *Гнев – человеческое, а злопамятство – дьявольское* [3, с. 35]. «Не будем злопамятны, но погасим гнев, чтобы сподобиться милости от Бога», – призывал Иоанн Златоуст [7]. Признается, таким образом, что человек может быть подвержен гневу. Однако эта эмоция не должна длиться долго, иначе она превращается в злопамятство, желание отомстить: *держат камень за пазухой* – таить злобу против кого-либо [9, с. 228]. А церковь учит прощать врагов наших: *Гневайся, да не согреши* [3, с. 35].

Для благородного человека величайшую ценность в китайской традиции имеет преданность долгу. В связи с этим допускается существование справедливого гнева: 义愤填膺 *yì fèn tián yīng* – *Благородный гнев переполняет грудь* [2, с. 520]. Такой гнев может быть связан, например, с непорядочными нравами, существующими в обществе: 愤世嫉俗 *fèn shì jí sú* – *Возмущаться несправедливостью в обществе* [2, с. 97].

В русском языке существует аналогичное выражение – *праведный гнев*. Таковым является гнев Божий, так как он справедливый и происходит только после долгого периода Божьего терпения и многих его предупреждений, посылаемых грешнику [4, Пс.77:38]. Праведным может быть также гнев благочестивых людей, в том случае если он безгрешный и представляет собой негодование против греха.

Интересно отметить, что гнев замещается в свою очередь радостью: 回嗔作喜 *huí chēn zuò xǐ* – *сменить негодование на радость* [2, с. 177]. Таким образом, из возбужденного состояния человек переходит в гармоничное и радостное, что соответствует теории о смене двух противоположных энергий Инь-Ян. В русском языке существует подобное выражение: *сменить гнев на милость* [5]. Однако суть фразеологизма несколько иная. *Милость* – ‘доброе, человеколюбивое отношение к кому-то’ [8, с. 453]. В данном случае происходят изменения отношения к другому человеку.

Одним из синонимов лексемы *гневаться* является глагол *сердиться*, родственный существительному *сердце* и восходящий к общеславянскому корню *serd-*. По предположениям некоторых этимологов, происхождение слова *сердце* связано с литовским *sirda* – ‘ссора’. Согласно представлениям древних людей, сердце не только олицетворяет собой средоточие любви, но и являетсяместищем гнева, ярости. Отсюда изначальное значение *сърдь* – ‘гнев’, позже – ‘сердце’, а прилагательное *сърдитый* – ‘гневный, злой’ [10]. Отсюда: *держат сердце на кого* – ‘сердиться, гневаться’; *в сердцах* – ‘в порыве гнева, раздражения делать что-либо’; *сердце отходит* – кто-либо перестает волноваться, раздражаться [5].

Святитель Иоанн Златоуст писал, что «гнев – сильный, все пожирающий огонь, он и телу вредит и душу растлевает» [7]. Метафора огня характерна для выражения степени проявления гнева: *горячиться, распалиться, вспылить, пылать гневом, дойти (довести) до белого каления*. Перед ковкой металл нагревается. По мере повышения температуры его цвет меняется. Сначала он приобретает красный цвет, затем желтый. Когда температура достигает максимума, металл становится белым [11, с. 246].

Согласно учениям древней китайской медицины, существует энергия Ци, которая пронизывает организм человека и является некой жизненной субстанцией, которая формирует все во Вселенной. Печень контролирует перемещение Ци по всем направлениям, и в особенности вверх. Гнев, в свою очередь, – это эмоция, связанная с печенью. Если человек долгое время испытывает гнев, возмущение, злобу или негодова-

ние, то данные эмоции могут навредить органу, вызывая застой Ци печени или возгорание Огня печени: 大动肝火 dàdòng-gānhuǒ – *Печень загорается* – в значении ‘приходить в ярость’ [2, с. 180]. И чем сильнее гневается человек, тем больше застаивается в его печени кровь, накапливаясь, но не распределяясь по организму. Этот застой и приводит к разогреву печени. Огонь печени стремится вверх, увлекая за собой кровь, поднимается в сердце и голову: 激忿填膺 jī fèn tián yīng – *Возмущение наполняет грудь* [2, с. 191]. Высокая скорость кровотока вызовет носовые кровотечения, подъемы артериального давления. В связи с этим говорят: 鼻头出火 bí tóu chū huǒ – *Вырывается огонь из носа* – в значении ‘приходить в возбуждение’ [2, с. 43]. Чем сильнее гневается человек, тем выше поднимается огонь: 火冒三丈 huǒmào sānzhàng – *Огонь поднимается высотой в три чжана* (мера длины, равная 3,33 метра) – в значении ‘прийти в состояние ярости’ [2, с. 182]; 怒气冲天 nù qì chōng tiān – *Гнев стремится к небесам* [2, с. 311]; 气冲牛斗 qì chōng niú dòu qì chōng niú dòu – *Гнев воздымается до созвездий* [2, с. 331]. Помимо интенсивности, эмоция гнева характеризуется продолжительностью проявления: 一朝之忿 yī zhāo zhī fèn – *Гнев на один рассвет* – ‘минутная, короткая вспышка гнева’ [2, с. 514].

Вызванная гневом энергия, которая стремится вверх, вызывает произвольные преобразования в мимике человека: 忿然作色 fèn rán zuò sè – *Измениться в лице от гнева* [2, с. 93]. Гнев находит выражение в изменении практически всех частей лица. Однако непосредственно с печенью, в соответствии с китайской трактовкой, связаны глаза. Через глаза выходят шлаки, накопленные в печени. Гневные глаза получают огненную кровь. Они раскрываются шире: 怒目横眉 nù mù héng méi – *гневные глаза и стоящие поперек (и сдвинутые) брови* [2, с. 312]. 吹胡子瞪眼 chuī húzi dèngyǎn – *Раздуть усы и выпучить глаза* – ‘гневаться’ [2, с. 51].

Волосы у китайцев считались наследием предков и никогда не стриглись. Мужчины собирали их в тугой пучок, закрепляли шпилькой. Поверх всегда надевался головной убор. В связи с этим дисбаланс энергии, вызванный гневом и поднимающий волосы, представляется огромным: 发指眦裂 fà zhǐ zì liè – *Волосы встали дыбом, глаза вылезли из орбит* – ‘разозлиться; рассвирепеть’ [2, с. 119]; выйти из себя’, 怒发冲冠 nù fà chōng guān – *От гнева волосы уперлись в шапку* [2, с. 308].

Интересен тот факт, что в русском языке так же, как и в китайском, присутствуют фразеологизмы *глаза вылезли из орбит; выпучил глаза* [9, с. 107]. Однако они характеризуют эмоцию «удивление», а не «гнев». Кроме того, в русском языке фразеологизм *волосы на голове встали дыбом* в значении ‘сильно испугаться’ описывает состояние страха [9, с. 79]. Это связано с наблюдением за животными, у которых в момент страха происходит подготовка к самозащите путем придания себе устрашающего вида.

С целью устрашения субъекта, вызывающего недовольство и раздражение, человек принимает пугающий вид, который в моменты гнева уподобляет его хищным животным: 咬牙切齿 yǎo yá qiè chǐ – *скрежетать зубами, стискивать зубы* – ‘возмущаться; сердитый; злобный’ [2, с. 500]. 瞋目切齿 chēn mù qiè chǐ – *Свирепо вытаращить глаза, скрежетать зубами* [2, с. 62]; 张牙舞爪 zhāng yá wǔ zhǎo – *Оскалить зубы и выпустить когти* – сильный гнев; дикая ярость; в бешенстве [2, с. 549]. В русской фразеологии существуют выражения *точить зубы; скрежетать зубами* в значении ‘быть в гневе, ярости’. Данные действия в мифологических представлениях славян связаны с Бабой Ягой, которая точит затупившиеся зубы, чтобы съесть жертву [11, с. 225].

В китайской мифологии присутствуют богиня молний Дянь Му и крылатый бог грома Лэй Гун. Считается, что Дянь Му стоит на облаке и создает с помощью зеркал молнии, освещающие сердца грешников, которых должен наказать Лэй Гун. Бог грома

бьет в барабаны, вызывая тем самым раскаты грома [12, с. 256]. Именно звук барабанов, а не молния являются причиной смерти людей: 暴跳如雷 *bào tiào rú léi* – *Разозлиться и подпрыгнуть подобно грому* [2, с. 33]. Таким образом, сильный гнев, направленный на человека, выполняет карающую функцию. В русской культуре эмоция гнева связана с мстостью и наказанием: *метать громы и молнии* – ‘говорить гневно, раздраженно, упрекая, обличая или угрожая кому-либо’; *метать перуны* – ‘гневаться, сердиться’ [5]. В славянской мифологии Перун – бог-громовержец; верховный языческий бог являлся главным божеством, он ездил по небу на колеснице и метал огненные стрелы – перуны, или молнии. Народ верил в то, что Перун обязательно накажет преступника – ударит его своей стрелой-молнией.

Таким образом, анализ фразеологизмов, объективирующих эмоцию гнева, показал:

1. Проявление гнева человеком не одобряется как в русской, так и в китайской традициях. В русской культуре гнев порицается в связи с тем, что имеет отношение к греху, темным силам и утрате человеком рассудка. В китайской культуре эмоция гнева считается недостойной «благородного мужа», так как активизирует в нем дурные наклонности и мешает адекватному восприятию происходящего.

Однако и в русской, и в китайской лингвокультурах признается наличие праведного гнева.

2. Во фразеологизмах русского и китайского языков обозначение гнева связывается с такими физическими состояниями человека, как повышение температуры тела, изменение давления, утрата адекватного восприятия мира.

3. В составе и русских, и китайских фразеологических единиц, обозначающих гнев, фиксируются соматические компоненты. Однако для русских фразеологизмов наиболее характерной является ассоциативная связь гнева с сердцем и душой, а для китайских – с печенью.

Список использованных источников

1. Кравцова, М. Е. История культуры Китая / М. Е. Кравцова. – СПб. : Лань, 1999. – 416 с.
2. Готлиб, О. М. Китайско-русский фразеологический словарь : около 3500 выражений / О. М. Готлиб, Му Хуаин. – Иркутск : Издательство ИГУ, 2019. – 596 с.
3. Даль, В. И. Пословицы и поговорки русского народа / В. И. Даль. – Минск : Эксмо, 2009. – 640 с.
4. Библия [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://bible.by>. – Дата доступа : 27.07.2021.
5. Молотков, А. И. Фразеологический словарь русского языка [Электронный ресурс] / А. И. Молотков. – М. : Русский язык, 1987. – 542 с. – Режим доступа : <https://bookree.org/reader?file=1334134&pg=520>. – Дата доступа : 15.07.2021.
6. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка : в 4. т. [Электронный ресурс] / М. Фасмер ; пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. – 4-е изд., стер. – М. : Астрель : АСТ, 2007. – Режим доступа : <https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/etimologicheskij-slovar-russkogo-jazyka-fasmer/>. – Дата доступа : 29.04.2021.
7. Грех гнева [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://blagobog.by>. – Дата доступа : 15.07.2021.
8. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – 4-е изд. – М. : ИТИ ТЕХНОЛОГИИ, 2003. – 944 с.
9. Степанова, М. И. Фразеологический словарь русского языка / М. И. Степанова. – СПб. : ООО «Полиграфуслуги», 2005. – 608 с.
10. Этимологический словарь славянских языков / под. ред. О. Н. Трубачева [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.proto-slavic.ru>. – Дата доступа : 22.04.2020.
11. Бирих, А. К. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник / А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова. – СПб. : Фолио-Пресс. 1998. – 704 с.

12. Духовная культура Китая : энциклопедия : в 5 т. / гл. ред. М. Л. Титаренко ; Ин-т Дальнего Востока. – Т. 2 : Мифология. Религия. – М. : Изд-во «Восточная литература», 2007. – 869 с.

Abstract. The article examines the philosophical and religious-mythological foundations for the emergence of phraseological units that convey the state of anger in the Russian and Chinese languages; the phraseological units describing the ways of expressing anger and its effect on the human body are analyzed.

Keywords: emotions, anger, Confucianism, Taoism, Orthodoxy, phraseological units.

УДК 811.161.1'373:398.9:087.5

А. А. Алексеева

ЗАГЛАВИЯ-ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ, КРЫЛАТЫЕ СЛОВА И ПОСЛОВИЦЫ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ДЛЯ ДЕТЕЙ

Аннотация. В статье анализируются названия глав серий книг Д. А. Емца, представляющие собой трансформированные паремии (антипословицы), и заглавия, включающие их в свой состав, объясняется значение и происхождение паремий-прототипов, определяется вид трансформаций согласно различным классификациям, а также объясняется смысл заглавий в контексте их связи с текстами глав, которым они предпосланы.

Ключевые слова: заглавие, детская литература, фразеологизм, идиома, афоризм, пословица, трансформация, антипословица, прототип, фразеотворчество.

Использование фразеологизмов и пословиц придает тексту образность и экспрессивность. Авторы современных художественных произведений нередко трансформируют паремии, что позволяет им выразить свой творческий потенциал.

Для любого художественного произведения заглавие имеет большое значение. Оно не только называет текст, но и, обладая информативной и концептуально-содержательной функциями, кратко передает его смысл. Следовательно, употребление в заглавиях фразеологических единиц, пословиц, афоризмов требует пристального внимания при анализе озаглавленного таким образом текста.

Объектом нашего исследования являются названия глав в произведениях современной детской литературы, предметом – использованные в них фразеологизмы и пословицы. Материалом послужили серии книг Д. А. Емца «Таня Гроттер», «Мефодий Буслаев», «ШНыр», «Ева и магические существа». Актуальность обусловлена тем, что работы, посвященные данным сериям, немногочисленны, кроме того, при анализе фразеотворчества Д. А. Емца лингвисты обращают внимание в основном на паремии, встречающиеся непосредственно в тексте, а не в заглавиях.

Исследованием серий книг «Таня Гроттер» и «Мефодий Буслаев» с лингвистической и литературоведческой точек зрения занимались такие ученые, как В. В. Белоусова [1], М. А. Белькова [2], Р. В. Разумов [3] и др. Трансформациям фразеологизмов в текстах автора посвящены работы К. С. Чугуновой [4; 5], а также О. В. Закировой и Д. А. Заляевой [6]. Заглавия названных серий рассматривались в формальном и семантическом аспекте в работах А. А. Алексеевой [7; 8]. На материале серии «ШНыр» написано несколько статей в других научных областях. Серия «Ева и магические существа» до настоящего времени не становилась предметом исследования, поскольку она не закончена: на сегодняшний день в нее входит всего две книги.

Итак, перейдем к рассмотрению трансформированных паремий, использованных в названиях глав книг Д. А. Емца.

1. «Так говорил Теофедулий» («Таня Гроттер и колодец Посейдона», глава 5).

Название главы является аллюзией на известный философский роман Ф. Ницше «Так говорил Заратустра». Д. Емец заменил имя *Заратустра* (так звали исторического персидского пророка) на имя *Теофедулий*. Теофедулий – персонаж книги «Таня Гроттер и колодец Посейдона», ученик Древнира, составитель универсального магического теста для выпускников школ чародейства. Глава 5, которой писатель предпослал данное заглавие, посвящена подробному описанию экзамена, где выпускники Тибидохса выполняют тест Теофедулия.

2. «Новый друг хуже Б/У двух» («Таня Гроттер и колодец Посейдона», глава 6).

Прецедентная пословица – *Старый друг лучше новых двух* [9, с. 301]. Смысл заключается в том, что друг, проверенный временем, надежнее новых друзей: «Говорят те, кто дорожит верными старыми друзьями, или сожалеет, что их нет» [10, с. 90].

Д. Емец использует антонимическую замену компонентов *старый* – *новый*, *лучше* – *хуже* и добавляет аббревиатуру *Б/У*, что позволяет осовременить традиционную пословицу и сделать ее более экспрессивной.

В главе 6 повествуется о ночном полете главной героини серии – Тани Гроттер – на ее магическом контрабасе с некромагом Глебом Бейбарсовым, летающим на ступе. Вероятно, с помощью такого заглавия писатель подчеркивает, что, несмотря на внезапную кратковременную симпатию к Глебу, Таня осталась верна своему молодому человеку – Ваньке Валялкину.

Д. А. Емец не первым трансформировал данную пословицу. Различные варианты ее преобразования можно найти в интернете. Лингвисты относят такие трансформированные выражения к антипословицам [11, с. 8]. Наиболее полный список вариантов трансформации пословицы о старом друге приведен в словаре «Антипословицы русского народа» [12, с. 143].

3. «Будешь мало знать – никогда не состаришься» («Таня Гроттер и локон Афродиты», глава 4).

Прототип – пословица *Много будешь знать – так (скоро) состаришься* [9, с. 379]. Имеет варианты: *Много будешь знать, скоро состаришься (состареешься)*, *Много знать – скоро состареешься* [Там же].

Традиционная паремия употребляется в ситуации, когда говорящий не желает рассказывать определенную информацию, интересующую собеседника: «Отказ объяснить, сообщить что-л. Говорится с недовольством, либо шутливо, дружески в ответ на проявленное кем-л. излишнее любопытство (часто по отношению к младшему)» [10, с. 107]. В более широком контексте может обозначать, что человек, который много знает, имеет больше забот и тревог.

Д. А. Емец, как и в предыдущем случае, прибегает к антонимической замене компонентов, но в данном заглавии частеречная принадлежность всех компонентов антипословицы совпадает с частеречной принадлежностью компонентов оригинала.

Х. Вальтер и В. М. Мокиенко приводят 6 вариантов трансформаций этой пословицы, а также синонимичной ей «Меньше знать – больше (лучше) спать» [12, с. 379].

Трансформированная пословица в названии главы книги Д. А. Емца ранее анализировалась О. В. Закировой и Д. А. Заляевой: «Преобразованный вариант употребляется автором в оглавлении, тем самым определяя оценку происходящему с главной героиней. Таня Гроттер узнает о силе локона Афродиты и начинает размышлять о том, как использовать такую возможность. Главная героиня начинает жалеть о том, что узнала о магической силе артефакта» [6, с. 849].

4. «Большому кораблю – большая торпеда» («Таня Гроттер и проклятие некромага», глава 3).

В оригинале пословица звучит так: *Большому кораблю – большое (и) плавание* [9, с. 434]. Имеет следующие варианты: *Большому кораблю – дальнее плавание*, *Большому*

шому кораблю – и плавание большое, а барам – барская честь и место столбовое (столповое), Великому кораблю – велико и плавание [Там же].

По некоторым данным, пословица восходит к афоризму *Большой корабль имеет большую смелость*, автором которого считают древнеримского сатирика Гая Патрония Арбитра – придворного писателя императора Нерона [13]. Смысл изречения таков: «Большой корабль легче преодолеет тяготы дальнего плавания, ему менее страшна непогода. Так и человек, которому многое дано от природы, который многое знает и умеет, способен на большие дела» [13].

Использованная Д. Емцом в названии третьей главы книги «Таня Гроттер и проклятие некромага» трансформация была известна в интернет-пространстве задолго до выхода книги [12, с. 225].

Преобразуя традиционную паремию, автор антипословицы производит замену положительной коннотации на отрицательную. Лексемы *плавание* и *торпеда* становятся таким образом контекстуальными антонимами.

Примечательно, что в тексте главы 1 этой же книги главная героиня иронически произносит другой вариант трансформации анализируемой нами пословицы: «Большому кораблю – судьбу “Титаника”» [14].

5. «Обучение – труп сомнения» («Мефодий Буслаев. Маг полуночи», глава 8).

Название восьмой главы книги «Мефодий Буслаев. Маг полуночи» отсылает к пословице *Повторение – мать учения* [9, с. 672], как и оригинальная паремия, антипословица реализует структурную схему N1 сор N1/5. Она выражает значимость процесса обучения, благодаря которому не остается сомнений в достоверности той или иной информации, и принципиально отличается от традиционной пословицы значением. Глава повествует о том, как старый мечник Арей обучает главного героя серии – наследника мрака Мефодия Буслаева.

Повторение – мать учения – латинское выражение, закрепившееся в русском языке в усеченном виде. Автором изречения считается Овидий, полностью оно звучит так: *Повторение – мать учения и прибежище ослов (утешение дураков)* [15].

В словаре антипословиц представлены такие преобразования: *Отчисление... мать учения?*; *Повторение – мать удовлетворения*; *Повторение – мать учения, а заикание – отец* [12, с. 357].

6. «Терпение и труд в порошок сотрут» («Мефодий Буслаев. Свиток желаний», глава 6).

Прототип – пословица *Терпение и труд всё перетрут* – обладает следующим значением: упорство и трудолюбие помогут преодолеть любые препятствия на пути к поставленной цели.

Иная трансформация встречается ранее в тексте книги «Таня Гроттер и посох волхвов»: «Пипе нравилось перекраивать пословицы и поговорки. Самыми удачными из вновь созданных были: “Терпение и труд мозги перетрут”, “На обиженных водку возят”» [16, с. 94]. Сравн. следующие варианты: *Май и труд всё перетрут*; *Учеба и труд до добра не доведут!* [12, с. 481].

На данный момент в интернет-пространстве популярны также антипословицы *Терпение и труд всё перетрут... даже здоровье* [17], *Терпение и труд всё я устал* [18], *Терпение и труд – инфаркт и инсульт* [19] и др.

7. «Ветка о двух колючках» («ШНыр. Мост в чужую мечту», глава 4).

Значение прецедентного выражения *Палка о двух концах* определяется так: «О том, что может иметь и положительный и отрицательный исход, и положительные и отрицательные последствия» [20, с. 478]. В главе описана церемония заключения шныровского брака между главными персонажами серии – Ярой и Улом. Для первого этапа вступления в шныровский брак им необходимо было уколоться пальцами о магический артефакт – ветку с двумя колючками. В таком контексте автор обыгрывает зна-

чение прецедентного выражения. Брак может получиться крепким и счастливым, а может распасться, что в случае со шнырами чревато трагическими последствиями.

8. «Пу́ха Вам и пера!» («Ева и магические существа. Последний стожар», глава 18).

Прототипом является фразеологизм *Ни пуха, ни пера!*, представляющий собой пожелание удачи: «Имеется в виду, что лицо (X) желает другому лицу (Y) удачи, успеха в предстоящем, обычно опасном, рискованном, таящем неожиданности деле. Часто говорится шутливым тоном» [21].

Относительно этимологии исходной фразеологической единицы лингвисты придерживаются версии о связи с древним суеверием, что прямым пожеланием удачи можно было сглазить охоту, а данное напутствие произносилось перед ней: «Отрицательная форма связана с суеверной боязнью “сглазить” охоту, если пожелать удачи прямо. Сравн. *ни костей ни чешуи; ни пера ни жучки*» [22, с. 480]. Таким образом, антонимическое преобразование фразеологизма изменяет его семантику на прямо противоположную. Либо пожелание становится недобрым, либо свидетельствует о том, что произнесший его не суеверен.

9. «Кузькина мать, мякишка и прочие якорные бабай» («Ева и магические существа. Обещание гарпии», глава 6).

В этом заглавии Д. Емец не употребляет фразеологизмов в первоначальном виде, а только упоминает их фигурантов. Название главы является аллюзией на идиомы *показать кузькину мать* и *ёкорный бабай*.

Фразеологизм *показать кузькину мать* имеет значение ‘расправиться с кем-л., наказать кого-л. (чаще как угроза расправы)’ [20, с. 390]. Существует большое количество версий его происхождения. По одной из них, Кузькой или Кузьмой иносказательно называли плеть, по другой – приемного сына «женщины крутого нрава». Этимологию также связывают с названием насекомого-вредителя – хлебного жука, либо с коми-зырянским и коми-пермяцким словами *кузь, кузьо* ‘черт, леший’ [22, с. 369].

Эвфемистический оборот *ёкорный (ёкерный) бабай* выражает удивление, досаду или раздражение [20, с. 22]. Д. Емец изменил лишь одну букву прецедентного фразеологизма, основываясь на фонетическом созвучии.

Вслед за К. С. Чугуновой, можно отнести рассмотренные преобразования-антипословицы к типу «замена компонентного состава крылатого выражения, при которой происходит трансформация семантического ядра», а именно – к крылатым выражениям, отсылающим к народным пословицам и поговоркам [4, с. 129–130].

Согласно классификации Х. Вальтера и В. М. Мокиенко, заглавия-антипословицы «Новый друг хуже Б/У двух» и «Будешь мало знать – никогда не состаришься» относятся к деривационному типу «стандартные преобразования, основанные на грамматически равноценной замене компонентов» [12, с. 13].

Заглавия-антипословицы «Большому кораблю – большая торпеда», «Терпение и труд в порошок сотрут», «Пу́ха Вам и пера!» – к типу «структурные (структурно-семантические) преобразования», заглавие «Так говорил Теофедулий» – к типу «замена компонентов паремии», а заглавия-антипословицы «Обучение – труп сомнения», «Ветка о двух колючках» квалифицируются как «окказиональные единицы, образованные по модели той или иной пословицы». Заглавие «Кузькина мать, мякишка и прочие якорные бабай» антипословицей не является, но содержит в себе аллюзию на две фразеологические единицы. Все рассмотренные антипословицы, за исключением названия главы 8 книги «Мефодий Буслаев. Билет на Лысую гору», являются производными, если осуществлять их кодификацию, опираясь на концепцию Е. Е. Иванова [11, с. 14].

Из вышеизложенного следует, что названия глав произведений Д. А. Емца представляют интерес, в том числе с точки зрения фразеологии и паремиологии. Трансформируя прецедентные паремии и создавая авторские окказиональные преобразования, писатель более точно доносит до читателей свою интенцию. Пословицы, фразеологиз-

мы, афоризмы и созданные на их основе антипословицы в названиях глав серий книг «Таня Гроттер», «Мефодий Буслаев», «ШНыр», «Ева и магические существа» способствуют реализации не только аттрактивной функции заглавий, но и, даже в большей степени, – концептуально-содержательной.

Список использованных источников

1. Белоусова, В. В. Критерии определения неомифонимов в фантастических жанрах XX–XXI вв. / В. В. Белоусова // Известия ВГПУ. Филологические науки. – 2016. – № 3 (107). – С. 191–197.
2. Белькова, М. А. Ономастическое шаржирование в художественном тексте (на примере номинаций главного героя литературного сериала Д. Емца «Мефодий Буслаев») / М. А. Белькова // Актуальные вопросы филологической науки XXI века: сборник статей по материалам III Всероссийской научной конференции молодых ученых с международным участием (8 февраля 2013 г.). Ч. 1. – Екатеринбург : УрФУ, 2013. – С. 170–177.
3. Разумов, А. В. Ономастическое пространство Лысой горы (на материале произведений Д. Емца) / А. В. Разумов // Ономастика Поволжья : материалы XIII международной научной конференции. – Ярославль, 2012. – С. 379–384.
4. Чугунова, К. С. Замена компонентов крылатого выражения с трансформацией семантического ядра как один из способов создания «Универсального» текста Д. Емца / К. С. Чугунова // Вестник Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина. – Рязань, 2016. – № 4 (53). – С. 128–139.
5. Чугунова, К. С. Замена компонентов крылатого выражения с изменением семантики исходных фразеологических единиц в прозе Д. Емца / К. С. Чугунова // Вестник ОГУ. – № 6. – 2016. – С. 40–44.
6. Закирова, О. В. Процесс трансформации фразеологических единиц в художественных текстах детского фантаста Дмитрия Емца / О. В. Закирова, Д. А. Заляева // Аллея науки. – 2019. – № 6 (33). – С. 847–852.
7. Алексеева, А. А. Семантическая организация заглавий серии книг Д. Емца о Мефодии Буслаеве [Электронный ресурс] / А. А. Алексеева // Всероссийские с международным участием научные Далевские чтения молодых исследователей : материалы XVI чтений, посвященных памяти В. И. Даля. – Канск, 21–22 ноября 2019 г., Красноярск, 2019. – С. 178–179. – Режим доступа : http://www.cross-kpk.ru/documents/Dal2019_2.pdf. – Дата доступа : 09.09.2021.
8. Пихутина, В. И. Структурно-семантическая организация заглавий художественных произведений для детей и работа с ними на уроках русского языка [Электронный ресурс] / В. И. Пихутина, А. А. Алексеева // Электронная библиотечная система. – Режим доступа : <http://elib.kspu.ru/document/59357>. – Дата доступа : 09.09.2021.
9. Мокиенко, В. М. Большой словарь русских пословиц / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина, Е. К. Николаева. – М. : ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2010. – 1024 с.
10. Школьный словарь живых русских пословиц / гл. ред. В. М. Мокиенко, редакторы: Е. К. Николаева, Е. И. Селиверстова. – СПб. : Издательский дом «Нева»; «ОЛМА-ПРЕСС», 2002. – 352 с. (соавт.: Ю. А. Ермолаева, А. А. Зайнульдинов, Т. В. Кормилицына, Е. И. Селиверстова, Н. Я. Якименко).
11. Иванов, Е. Е. Антипословицы Рунета: типология и словарь. Выпуск 3 / Е. Е. Иванов; ред. С. Важник. – Минск : Право и экономика, 2009. – 72 с.
12. Вальтер, Х. Антипословицы русского народа / Х. Вальтер, В. М. Мокиенко. – СПб. : Издательский Дом «Нева», 2005. – 576 с.
13. Большому кораблю – большое плавание // Мир фразеологизмов [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.fraze.ru/index.php/poslovitsy-pogovorki/poslov-na-bukvu-b/bolshomu-korablju-bolshoe-plavane>. – Дата доступа : 11.09.2021.
14. Емец, Д. А. Таня Гроттер и проклятие некромага [Электронный ресурс] / Д. А. Емец // KNIZHNIK.ORG. – Режим доступа : <https://knizhnik.org/dmitrij-emets/tanja-grotter-i-prokljatie-nekromaga/1>. – Дата доступа : 11.09.2021.
15. «Повторение – мать учения и прибежище ослов», – гласит народная мудрость // Нухлеу – альманах о философии, бизнесе, искусстве и науке [Электронный ресурс]. – Режим

доступа : <https://huxley.media/povtorenie-mat-uchenija-i-pribezhisshhe-oslov-glasit-narodnaja-mudrost/>. – Дата доступа : 10.10.2021.

16. Емец, Д. А. Таня Гротгер и локон Афродиты / Д. А. Емец. – М. : Эскмо, 2016. – 352 с.

17. Аتكритка №231804 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://atkritka.com/231804/>. – Дата доступа : 10.09.2021.

18. Аتكритка №148171 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://atkritka.com/148171/>. – Дата доступа : 10.09.2021.

19. Терпение и труд // pikabu [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://pikabu.ru/story/terpenie_i_trud_7895741. – Дата доступа : 11.09.2021.

20. Мокиенко, В. М. Большой словарь русских поговорок / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. – М. : ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2007. – 784 с.

21. Большой фразеологический словарь русского языка: значение. употребление. культурологический комментарий / отв. ред. В. Н. Телия. – М. : АСТ-Пресс книга, 2006. – 784 с.

22. Бирих, А. К. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник / А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова. – СПб. : Фолио-Пресс, 1998. – 704 с.

Abstract. The article analyzes the titles of the chapters of the book series by D. A. Yemets, which are transformed paremias (anti-words), explains the meaning and origin of prototype paremias, determines the type of transformations according to various classifications, and also explains the meaning of the titles in the context of their connection with the texts of the chapters to which they are prefaced.

Keywords: title, children's literature, phraseological unit, idiom, aphorism, proverb, transformation, anti-phrase, prototype, phrase creation.

УДК 811.161.1'276'373.7:398.9

Н. Ф. Алефиренко

ЛИНГВОКРЕАТИВНЫЕ СТИМУЛЫ ФРАЗЕМОСЕМИОЗИСА

Аннотация. Рассматриваются когнитивные механизмы фраземосемиозиса, под которым понимается речемыслительный процесс, управляющий возникновением и функционированием знаков косвенно-производной номинации. Природа косвенно-производной номинации предопределяется сопряжением ассоциативно-образного и дискурсивного мышления, запускающим механизмы лингвокреативного фраземосемиозиса. Доказывается, что дискурсивное мышление порождает образную модель номинируемого фразеологизмом коммуникативно значимого фрагмента картины мира.

Ключевые слова: фраземосемиозис, лингвокреативное мышление, перцептивный мир, образ, дискурсивно-модусный концепт.

1. Когнитивные факторы фраземосемиозиса связаны с лингвокреативными механизмами ассоциативно-образного мышления [см. о соотношении семиозиса и семиотики: 1; 2, р. 29–116; 3]. Под фраземосемиозисом нами понимается речемыслительный процесс, ведущий к возникновению знаков косвенно-производной номинации – фразем (в европейской терминологии фразема = идиома) [4, с. 19]. Исходной гипотезой служит предположение о том, что природа косвенно-производной номинации обуславливается сопряжением ассоциативно-образного и дискурсивного мышления, запускающего механизмы лингвокреативного фраземосемиозиса [5; 6]. Дискурсивное мышление порождает образную модель номинируемого фразеологизмом коммуникативно значимого фрагмента картины мира. Так, фразеологизм *волк в овечьей шкуре* в образной форме обозначает коварного, вероломного человека через устоявшееся в коллективном сознании представление, с одной стороны, о *о л к е* как крайне опасном и хищном звере. В Евангелии этим выражением Иисус предупреждал своих учеников: «*Берегитесь*

лжепророков, которые приходят к вам в овечьей шкуре, а внутри суть волки хищные». В христианском образном мировосприятии волк – символ дьявола, представляющего угрозу верующим своим притворством. В древнегреческом трактате «Физиологусе» его коварная алчность описана весьма впечатляющим фрагментом: встретив человека, волк притворяется пораженным параличом, чтобы затем нанести простодушному смертельный удар. С другой стороны, образ о в ц ы , символизирующий безобидность и невинность. При поверхностном восприятии *волки в овечьих шкурах* выглядят как вполне безобидные. Лингвокреативные механизмы фраземосемиозиса опираются (а) на творческое использование уже имеющихся в народном сознании языковых образов и (б) на способность порождать те выражения, смысл которых проецируется ассоциативными связями новой дискурсивной ситуации с ранее сформированными в этнокультурном сознании образами. В современной речи лингвокреативный потенциал данного фразеологизма проявляется в расширении его смыслового диапазона: обманщик, лицемер, фарисей, иезуит, двурушник, притворщик и др.

Закрепление процессов познания фразеологическими единицами сопряжено с механизмами ассоциативно-образной фиксации экстралингвистической действительности в языковом сознании коммуникантов и «языковлечения» возникших продуктов когнитивной знаками непрямого номинации. Данный постулат послужил основанием для выделения различных видов языковой картины мира (ЯКМ). Всё чаще стали говорить о паремийной и фразеологической картине мира [7], в основании которой лежит глобальное понятие современной теории речемышления – когнитивная метафора [8; 9; 10]. Различные ее толкования содержатся в популярных ныне трудах Дж. Лакоффа и М. Джонсона, Н. Д. Арутюновой, Н. Ф. Крюковой, В. Н. Телия, Е. О. Опариной и др. Однако их интересные исследования лишь открывают новые аспекты проблемы когнитивной фразеологии. Наши изыскания показывают ее неисчерпаемость, так как в каждом исследовании наряду с ответами на существующие появляются новые «белые пятна», появляется необходимость углубленного осмысления механизмов функционирования единиц образной номинации. Для решения многих проблем когнитивной фразеологии необходимо, хотя это и непросто, очистить зерна от плевел. Во-первых, когнитивные факторы фраземосемиозиса не следует отождествлять с одним лишь психическим отражением. Главное их различие: по сравнению с психическими, когнитивные факторы имеют интегративно-конвергентную природу. Опираются они как на осознаваемые, так и на подсознательные акты. Повод для таких утверждений дает психология. Так, А. Н. Леонтьев, рассуждая о сущности образа мира, отмечал, что в сознании человека в процессе познания формируется «многомерный образ мира». Вводимое А. Н. Леонтьевым понятие ученый истолковал как «целостную, многоуровневую систему представлений человека о мире, других людях, о себе и своей деятельности» [11]. На основе предложенного понимания образа мира современными исследователями делаются попытки примерить к такому «многомерному образу мира» фразеологические средства его интерпретации.

Действительно, в структурировании когнитивно-прагматического слоя картины мира фраземика играет ведущую роль. Ясно также, что «многомерный образ мира» моделируется сопряженными усилиями единиц разных языковых уровней. Чем выше структурный уровень языка, тем более важную роль играет синергия всех нижележащих языковых уровней. Однако осмысление места фраземики в структурировании картины мира пока ограничивается иллюстративным описанием, что для когнитивной фразеологии служит весьма ценным материалом. И всё же для исследования фраземосемиозиса как функционально-прагматического механизма формирования столь «многомерного образа мира» требуется осмысление когнитивной составляющей. В этом плане, разумеется, не обойтись без категорий мышления и сознания, восприятия, памяти, эмоций и др. психических явлений.

2. Прежде всего, фразеомобразование связано с процессами восприятия, которые, по мнению Б. Ф. Ломова, невозможно рассматривать обособленно от памяти, мышления, эмоций и др. психических явлений. Действительно, как убеждают наши предыдущие исследования, процесс, благодаря которому, собственно, и возникает мощный субъективно-объективный фон языковой картины мира, связан с формированием дискурсивно-модусных концептов – когнитивного субстрата фразеоморождения [12, с. 7–12]. В отличие от картины мира – диктумного представления об устройстве окружающей действительности и понимания роли в нём человека – ЯКМ обладает специфическими характеристиками. Во-первых, это эксплицируемое языком вторичное восприятие мира – результат модусного преломления в человеческом сознании реальной действительности; во-вторых, исторически сложившаяся в обыденном сознании каждого этноязыкового сообщества совокупность ценностно-оценочных представлений о бытийном пространстве. Всё это служит когнитивно-прагматическим способом структурирования эмотивного слоя концептосферы родного языка.

Формирующийся таким способом *субъективный образ мира* является ассоциативно-смысловым продуктом когнитивной деятельности человека. Это утверждение базируется на том, что фразеологическая составляющая в ЯКМ своим возникновением обязана такой же многоканальной, т. е. нелинейной, синергийной и креативной, языковой деятельности. Характер фразеологической репрезентации субъективного образа мира во многом обуславливается сложным переплетением многовекторной деятельности людей. Интерпретируемый с этой точки зрения образ мира [13; 14; 15] открывает для фраземосемиозиса широкие возможности:

- включать в свой лингвокреативный арсенал уже преобразованную реальность;
- вырваться из «серого» одноплоскостного мировосприятия;
- расставлять ценностно-смысловые акценты в неосфере своего бытования;
- формировать осмысленную картину мира в ассоциативном соотношении предметных и словесных образов.

Межуровневая сущность фраземосемиозиса является когнитивно обусловленной. К тому же такая обусловленность имеет изоморфную природу. Дело в том, что, как доказывают психологические изыскания, субъективный опыт, на основе которого формируется образ мира, имеет, подобно языковой системе, уровневую организацию. Это один из базовых постулатов когнитивной психологии [13].

Прежде всего, нужно отметить, что отображение субъективного опыта фразеомобразующими компонентами осуществляется на двух взаимосвязанных ярусах познания: поверхностном и глубинном. На поверхностном ярусе структурируется чувственное восприятие мира. Глубинный ярус содержит результаты его рационально-эмоционального осмысления.

Начальный этап возникновения образа мира является переходом от одной предметно-чувственной презентации реалий к другой – дискурсивно моделируемого восприятия того или иного коммуникативно значимого события. Так, начальным этапом возникновения образа фраземы [*строить*] *воздушные замки* служит поверхностная, чувственно-размытая картинка замка в нереальном воздушном пространстве. Эта картинка создается семантикой свободно рационального смысла соответствующего концепта, отражающего нечто фантастическое, невыполнимое, несбыточное. Такого рода переход, осуществляясь по сенситограмме «чувственное – рациональное», оформляет концепт во всём его ценностно-смысловом спектре: ‘фантастические, невыполнимые планы, замыслы, несбыточные мечты’. Из каких этапов состоит процесс порождения данного смыслового содержания? Ответить на этот вопрос – значит определить источники возникновения основных слоев дискурсивно-модусного концепта, служащего когнитивным субстратом фразеологической единицы. Полагаю, что многослойная структура дискурсивно-модусного концепта, репрезентируемого той или иной фраземой, де-

терминирован онтологическим предназначением каждого уровня познания того объекта, который подлежит фразеологической репрезентации.

Основными следующими друг за другом механизмами отражения номинируемой фраземами действительности являются четыре процесса:

- а) сенсорно-перцептивный,
- б) ассоциативно-образный,
- в) речемыслительный,
- г) народно-понятийное познание.

Когнитивно-дискурсивная специфика такого восхождения от предметно-чувственного к обыденно-понятийному уровню познания состоит в гармонизации субъективно-чувственного и этнокультурного факторов фразеологического знакообозначения.

1. Сенсорно-перцептивное отражение осуществляется в условиях непосредственного взаимодействия человека с реалиями – в тот момент, когда предмет напрямую действует на органы чувств. Результатом такого взаимодействия является, конечно, не копирование предмета восприятия, а более сложный процесс речемыслительного сканирования объекта косвенной номинации. Данное убеждение строится на выявленных лингвокогнитивной психологией сведениях, согласно которым сенсорно-перцептивный уровень, будучи опережающим отражением, включает в себя элементы антиципации (от лат. *anticipatio* – предвосхищаю). В когнитивной фразеологии антиципация формирует представление предмета косвенной номинации в сознании человека еще до того, как предмет реально воспринимается и осмысленно интерпретируется. Восприятие процесса фразеомобразующей антиципации через призму опережающего отражения (П. К. Анохин) создает некий *концептуальный мост* (термин Е. Е. Витяева), соединяющий рациональное предвосхищение фразеологического денотата с эмоционально-образной оценочностью. В нашем примере такой мост ведет к актуализации таких оценочных компонентов, как ‘невыполнимость’ замыслов, их ‘несбыточность’. Мотивируя концепт и характер функционирования фразем, концептуальный мост служит также объяснением пути возникновения в семантической структуре фраземы ее эмотивного компонента. Когнитивную природу этого компонента можно раскрыть, опираясь на теорию эмоций, разработанную в когнитивной психологии П. В. Симоновым [15]. В свете его концепции эмотивность фраземы должна рассматриваться не как побочный, вне фразеологической семантики, компонент, а как ее полно-весную составляющую. В русле этой теории эмотивный компонент фразеологического значения по своей природе является продуктом отражения в нашем сознании какой-либо актуальной потребности и видением возможностей ее удовлетворения. Такого рода потребность оценивается нами на основе глубинных архетипов и ранее приобретенного субъективного опыта. Иначе говоря, эмоционально-образная оценочность возникает в результате ассоциативно-оценочного эффекта межуровневого взаимодействия всех фразеомобразующих компонентов.

2. На этапе представления формируются уже не сугубо личностные, а обобщенные образы предметов и явлений. Наиболее характерная особенность представления состоит в том, что в нем соединяется наглядность и обобщенность. Как правило, представление о том или другом объекте формируется в процессе его многократного восприятия. Благодаря этому в ходе фразеомобразующего взаимодействия единиц разных уровней происходит (а) селекция признаков объекта, (б) их интеграция и (в) трансформация. В результате этого в семантике фразем случайные признаки отсеиваются и фиксируются лишь те, которые прежде всего бросаются в глаза и в силу этого оказываются наиболее информативными. По этой схеме формируется представление (обобщенный образ) той денотативной ситуации, которая обозначается фраземой *выносить сор из избы / вынести сор из избы*. Из множества признаков первичной денотативной ситу-

ации отбираются лишь коннотации, вызываемые лексическими компонентами. Семантика существительного *сор* – ‘мелкие сухие отбросы, мелкий мусор’ сопровождается отрицательной коннотацией нечистот и грязи; глагол *выносить* кого-что ‘нести откуда-нибудь; неся, переместить за пределы чего-либо, вынести наружу’ обозначает 1. ‘Разглашать дразги, ссоры, происходящие между близкими людьми’. 2 ‘Разглашать где-либо или кому-либо то, что касается узкого круга лиц и чего не должны знать другие’. 3. ‘Разглашать семейные, внутренние раздоры, ссоры, дразги’. На уровне представлений структура фразеопорождающего образа, индуцируемого восприятием, меняется: образ, избираемый в качестве когнитивного субстрата фразеобразования, схематизируется, приобретает «панорамность». Это дает возможность выйти за рамки конкретно воспринимаемой ситуации. С помощью каких механизмов происходит расширение панорамного видения объекта именованного? – Ответ на этот вопрос нужно искать в лингвокогнитивном сопряжении процессов номинации и предикации. В процессе номинации осуществляется переход от референции (обозначения конкретного предмета) к денотации (обозначению обобщенного объекта). Особенно ярко такое сопряжение проявляется в таком многоуровневом виде косвенной номинации, как номинация фразеологическая. Обычно это выражение употребляется с отрицанием: «Не выноси сор из избы!». Переносное значение его обычно известно каждому: ‘не следует разглашать ссоры, дразги, происходящие между близкими людьми, или тайны узкого круга лиц’. А вот этнокультурные истоки этого фразеологизма требуют архетипного погружения в имплицитные смыслы традиционного русского мировосприятия. Связано это выражение с убеждением о существовании нечистой силы. По древним поверьям, сор из избы непременно должен сжигаться в печи, чтобы он не достался злонамеренным людям. В этой связи очень распространены в древности были так называемые знахарские «отводы» или «относы». Отводом мог служить, например, узелок, брошенный на перепутье дорог. Этим, считалось, устранялась различная хворь. В такой узелок обычно вкладывали печную золу, поскольку именно в печи сжигали сор из избы, а вместе с ним волосы и другие используемые в колдовстве предметы. Благодаря такого рода предрассудкам, «запрет выносить мусор из избы» обрел статус внутренней формы дискурсивно-модусного концепта.

3. На обыденно-понятийном уровне закладываются сущностные основания фразеологической номинации – ее способность интегрировать личностный и этнокультурный опыт [16] освоения окружающей человека среды. На этом уровне актуализируется наивное понятие – ядро дискурсивно-модусного концепта, выражающего основную идею фраземы. Поскольку обыденно-понятийная фаза взаимодействия фраземы и ее деривационной базы начинается тогда, когда «индивидуальный опыт обогащается многовековым багажом знаний [2; 17, с. 16], то фразеологическое значение на данном уровне обрастает соответствующими этнокультурными смыслами. Другим основанием для выделения уровней фиксации субъективного опыта являются способы и средства их знаковой репрезентации. Внешне выделение фаз фразеобразования по этому основанию имеет явное сходство с описанными выше уровнями. И все же оно имеет функциональную специфику.

Первая, самая поверхностная, фаза фразеопорождения соответствует первой и второй ступеням когнитивно-дискурсивного механизма лингвогенезиса – сенсорно-перцептивной и ассоциативно-образной. Одним из когнитивных конструктов этой фазы является понятие «*перцептивный мир*».

Для адекватного понимания первичного этапа фразеопорождения важно разъяснить сущность понятий «когнитивный конструкт» и «перцептивный мир». Под когнитивным конструктом данной фазы фразеопорождения понимается одна из категорий протOVERбального мышления. Его ментальное предназначение состоит в интерпретации (осмыслении) житейских компетенций. Феномен «личностного конструкта», согласно

адаптируемой нами к лингвокогнитивистике одноименной теории американского психолога Джорджа Келли, определяется как обобщение имеющегося у человека жизненного опыта [18]. На его основе им создается «классификационно-оценочный эталон», правомерность которого проверяется всё тем же личным жизненным опытом. Другими словами, личностный конструкт является неким архетипическим определением, оценивающим соответствующие явления и дискурсивные ситуации, для которых он служит своего рода эмотивно-ментальным «ярлыком». Такого рода «ярлыки» (а) избавляют нас давать оценочные определения ранее воспринятому объекту в новой дискурсивной ситуации – совокупности прототекстовых условий и обстоятельств, возникающих в сознании коммуникантов; (б) идентифицируют события; (в) в ярких красках воспроизводят те или иные фрагменты картины мира. Так, устойчивым выражением *сам чёрт ему не брат*, вместо ординарных определений, даются более яркие интерпретации:

- приводится оценочная характеристика человеку – крайне отважному, независимому в своих поступках;
- устанавливается полное совпадение уникальных признаков концепта «запредельная смелость»;
- экспрессивно идентифицируется дискурсивная ситуация, в которой кому-либо «всё нипочём».

Исходным для лингвокогнитивного осмысления понятия «перцептивный мир» для нас служит его истолкование отечественными исследователями психосемантики – сферы лингвокогнитивистики, реконструирующей скрытые феномены субъективного познания (значения и смыслы), имплицитно конструирующие образ мира коммуниканта [см.: 13, 19, с. 13–14, 27–39; 12; 17]. Перцептивный мир – это поверхностная структура, состоящая из системы внешних признаков. Их мысленная конвергенция порождает предсмыслы, превращающие образы в представления. Стимулом к избранию его в качестве лингвокогнитивного основания первичной фазы фраземопорождения служит его главное свойство. А именно: кроме пространственно-временных координат, в перцептивный мир включаются еще *значения и смыслы*.

Семантические координаты позволяют перцептивному миру выходить за пределы чувственного восприятия. Будучи «красочным», «перцептивный мир» оказывается качественно более сложной структурой, чем чувственный образ непосредственного восприятия референта. Созидаемый на базе сенсорного отражения (представлений), он наполняется системой значений и смыслов. Это делает его функционально родственным глубинным слоям личностного опыта. Своеобразие перцептивного мира обуславливается модусными характеристиками, что позволяет рассматривать его как более сложную структуру, чем сенсорно-перцептивное отражение. Это уже результат речемыслительного осмысления номинируемого фраземой события. Сравн.: у *разбитого корыта* – ‘потеря всего ранее приобретенного’. Поскольку этот слой соотносится с поверхностными структурами образа мира, весьма актуальным является взаимодействие фразем с их свободно синтаксическими генотипами, а также с синонимическими единицами, вербализующими данный денотативный образ, такими как (*остаться*) *ни с чем, при тиковом интересе, с носом, в дураках; (сидеть) на бобах; (пить, есть) с таким*.

4. Следующая фаза – семантическая. Следы отнесенности фразеологизма к номинируемым референтам сохраняются в этом слое в виде различных образных, признаков, субъективных представлений (сравн. представления о силе / слабости: *силушка богатырская, медвежья сила, геркулесова сила / силёнок как у цыплёнка, кишка тонка, хоть верёвки вей*). По своей природе такие образные представления близки к фразеологическим значениям, служат их генетическими истоками. Поэтому данный слой и называется семантическим. Фраземопорождающий эффект таких отношений обуславливается всеми тремя этапами формирования образа: сенсорно-перцептивного, представленческого и речемыслительного.

Сопоставление семантической фазы с образом мира позволяет говорить об этой фазе как о переходной прослойке между поверхностными и глубинными (ядерными) структурами фразеопорождения. Семантическая фаза уже не является только поверхностной структурой, так как кроме субъективного представления о референте содержит некий целостный образ (гештальт). На этой фазе осуществляется глубинное измерение фразеомобозначаемого фрагмента мира. В психолингвистических изысканиях А. Н. Леонтьева [11] такого рода глубинное измерение называется «пятым квазиизмерением», тем «смысловым полем», которое является одним из основных компонентов образа мира. Для формирования фразеологического образа «пятое квазиизмерение» играет приоритетную роль, поскольку данное измерение погружено в субъективное мировосприятие. И тем самым формирует в континууме образа мира тот его дискурсивно-модусный фрагмент, который выходит за пределы объективного метрического представления пространства, создавая субъективную значимость коммуникативного события. Достигается это несколькими психическими актами. Один из них состоит в аффективном «стягивании и растягивании» хронотопа (пространства-времени), разрушении его устоявшихся логических параметров и связей. Другой – является следствием первого, поскольку деструкция логических связей требует нового их упорядочения. С этой целью расставляются неожиданные, иррациональные пространственно-временные акценты. Семантическая сущность данного психического акта предопределяется его связями с дискурсивными процессами. На основе рационального и иррационального восприятия коммуникативного события формируется его дискурсивно-модусный образ, представляющий субъективное, пристрастное видение дискурсивной ситуации. Рационально-иррациональное синтезирование ассоциативно возникающего образа проецирует народное, обыденное понятие, которое служит основанием дискурсивно-модусного концепта, той единицы мыслекода, средством вербализации которой служат провербиальные единицы – фразеологизмы и паремии.

Семантическая фаза отличается от сенсорно-перцептивной двумя свойствами: а) целостным воспроизведением фразеологического денотата и б) воплощением личностных смыслов. Формируются они путем фиксации модусного отношения коммуниканта к дискурсивному видению коммуникативно значимого события. Именно личностные смыслы представляют глубинный (ядерный) слой идиоматизируемого образа мира. Глубинный слой фразеопорождения формируется в процессе интерпретации субъективных смыслов. Данный слой теснейшим образом связан с мотивационным уровнем ментальности языковой личности, с ее принадлежностью к той или иной этнокультуре. Этим, собственно, объясняются аффективные модуляции означаемого и означаемого фразеомознака, отражающие его этнокультурную специфику. В результате в одной лингвокультуре некоторые атрибуты дискурсивно-модусного концепта находятся в его эпицентре, а в другой – на периферии. Сравн. фразеологические номинации концепта «глупый человек»: белорус. *галава яловая, без клёпки ў галаве, конь божы, куст альховы, мех з саломай*; рус. *еловая голова. дубина стоеросовая, глуп как сивый мерин*; укр. *дурне сало без хліба, без сьомої клепки, десятої клепки не вистачає, мішком прибитий*. Подобные ядерно-периферийные смещения наблюдаются во фразеологических номинациях концепта «нищета»: белорус. *ні хаты ні палаты*; рус. *ни кола ни двора*; укр. *ні двору ні тину*. Такие же фразеологические номинации концепта «бессмысленная сделка»: белорус. *быка на індыка мяняць, галубку на саву мяняць*; рус. *выменять (променять) кукушку на ястреба*; укр. *проміняти вовка на собаку; виміняти ремінець на личко*.

В целом семантическая фаза фразеопорождения состоит в косвенно-производном означивании пристрастного истолкования картины мира. Косвенно-производная номинация базируется на ядерно-периферийном смещении ассоциативных признаков дискурсивного образа коммуникативно значимого события. В результате та-

кого рода ядерно-периферийных перемещений из глобальной картины мира формируется языковая картина мира, дискурсивно-прагматической доминантой которой выступает провербиальный код, состоящий из фразеологизмов и паремий.

5. Речемыслительный уровень формирования фразеологической составляющей языковой картины мира структурирует собственно значение фразеологизма.

Наиболее глубинным слоем, соотносимым с ядерными структурами языковой картины мира, являются структуры косвенно-производной номинации. Такие структуры порождаются в результате интерпретации продуктов познания, полученных на семантической фазе фразеопорождения. Основанием наиболее глубинного слоя возникновения структур косвенно-производной номинации служит так называемый образ мира. Это внемодальная (диктумная) структура. Она остается относительно статичной до тех пор, пока в результате осуществления текущей речемыслительной деятельности начинаются смысловые сдвиги, адаптирующие элементы образа мира к коммуникативно значимому событию. При этом взаимодействуют все уровни отражения объектов фразеомобозначения: на этапах формирования образа мира, картины мира и языковой картины мира. Образ мира в процессе производства личностных смыслов проецирует картину мира. Ее семантический слой представляет собой осмысленную матрицу отношений между коммуникантом и актуально воспринимаемыми явлениями дискурсивной ситуации [20]. Она непосредственно связана с личностным восприятием, в том числе и с модусными его аспектами.

Семантическая ипостась картины мира создается глубинными механизмами субъективного освоения образа мира. Строительный материал ей поставляет «перцептивный мир» и, на более ранней ступени, непосредственное восприятие. Картина мира находится в своеобразном отношении гомоморфизма с образом мира. Образ мира управляет картиной мира, отражаясь в ней частью своих отношений, а картина мира «передает» ему разномодальные свойства и отношения его объектов. Языковая картина мира формируется в процессе оязыкования картины мира. Элементами обеих картин мира, в отличие от глобального и амодального образа мира, служат не предметные образы (первичные объекты языковой номинации), а их этнокультурные производные [21], выражающие субъективные отношения данного языкового сообщества к регулярно повторяющейся дискурсивной ситуации.

Список использованных источников

1. Chandler, D. *Semiotics. The Basics* / D. Chandler. – NY, L., Routledge, 2007. – 273 p.
2. Merrel, F. *Sign, mind, time, space: Contradictory complementary coalescence* / F. Merrel // *Semiotica*. Vol. 177. № 1/4. De Gruyter Mouton, 2009. – P. 29–116.
3. Sebeok, T. *Global semiotics* / T. Sebeok. – Bloomington : Indiana University Press, 2001. – 238 p.
4. Fink, Z. *Bibliografija hrvatske frazeologije i popis frazema analiziranih u znanstvenim i strucnim radovima* / Z. Fink, B. Kovacevic, A. Hrnjak. – Zagreb : Knjigra, 2010. – 814 s.
5. Алефиренко, Н. Ф. *Когнитивно-прагматические истоки фраземосемиозиса : монография* / Н. Ф. Алефиренко. – М. : Флинта-Наука, 2018. – 192 с.
6. Алефиренко, Н. Ф. *Введение в когнитивную фразеологию* / Н. Ф. Алефиренко. – LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. – 152 с.
7. Семененко, Н. Н. *Русские паремии: функции, семантика, прагматика* / Н. Н. Семененко. – Старый Оскол : Изд-во «Роса», 2011. – 355 с.
8. Кимов, Р. С. *Метафора и метонимия как когнитивные и эпистемические механизмы формирования языковой картины мира* / Р. С. Кимов. – Нальчик : Каб.-Балк. ун-т, 2010. – 183 с.
9. Опарина, Е. О. *Концептуальная метафора* / Е. О. Опарина // *Метафора в языке и тексте*. – М. : Наука, 1988. – С. 65–78.
10. Телия, В. Н. *Метафора как модель смыслопроизводства и ее экспрессивно-оценочная функция* / В. Н. Телия // *Метафора в языке и тексте*. – М. : Наука, 1988. – С. 26–52.

11. Леонтьев, А. Н. Избранные психологические произведения : в 2 т. / А. Н. Леонтьев. – Т. 1. – М. : Педагогика, 1983. – 392 с.
12. Алефиренко, Н. Ф. Дискурсивно-модусный концепт как источник фраземосемиозиса / Н. Ф. Алефиренко // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики: научный журнал; Сев.-Осет. гос. ун-т им. К. Л. Хетагурова. – Владикавказ : Изд-во СОГУ, 2016. № 3. – С. 7–12.
13. Артемьева, Е. Ю. Основы психологии субъективной семантики / Е. Ю. Артемьева ; под ред. И. Б. Ханиной. – М. : Наука : Смысл, 1999. – 349 с.
14. Петухов, В. В. Образ мира и психологическое изучение мышления / В. В. Петухов // Вестник Московского ун-та. Серия 14. Психология, 1984. – № 4. – С. 13–20.
15. Симонов, П. В. Эмоциональный мозг / П. В. Симонов. – М. : Наука, 1981. – 216 с.
16. Ломов, Б. Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии / Б. Ф. Ломов. – М. : Директ-Медиа, 2008. – 446 с.
17. Петренко, В. Ф. Основы психосемантики : учеб. пособие / В. Ф. Петренко. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1997. – 400 с.
18. Келли, Дж. А. Теория личности: Психология личностных конструктов / Джордж А. Келли; пер. с англ. и науч. ред. А. А. Алексеева. – СПб. : «Речь», 2000. – 248 с.
19. Серкин, В. П. Методы психологии субъективной семантики и психосемантики : учеб. пособие / В. П. Серкин. – М. : Изд-во «Пчела», 2008. – 382 с.
20. Alefirenko, N. Metaphorical Discourse / N. Alefirenko, M. Nurtazina // Cuadernos de Rusística Española. – Granada : Universidad de Granada, 2018. – Vol. 14. – P. 15–28.
21. Коваль, В. И. Фразеология народной духовной культуры: состав, семантика, происхождение / В. И. Коваль. – Минск : Республиканский институт высшей школы, 2011. – 194 с.

Abstract. The article considers the cognitive mechanisms of phrasemosemiosis, which is understood as a speech-thinking process that controls the appearance and functioning of signs of an indirectly derived nomination. The nature of the indirectly derived nomination is predetermined by the conjugation of associative-figurative and discursive thinking, which triggers the mechanisms of linguo-creative phrasemosemiosis. It is proved that discursive thinking generates a figurative model of a communicatively significant fragment of the world picture nominated by a phraseological unit.

Keywords: phrasemosemiosis, linguistic creative thinking, perceptual world, image, discursive-modus concept.

УДК 811.16'367'42:398.9

Д. В. Андрианова, Н. Д. Игнатьева

О НЕКОТОРЫХ СЛОЖНЫХ СЛУЧАЯХ ФОРМИРОВАНИЯ СЛОВАРНОЙ СТАТЬИ ДЛЯ «АКСИОЛОГИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ РУССКИХ, УКРАИНСКИХ И БЕЛОРУССКИХ ПОСЛОВИЦ»

Аннотация. В статье представлен обзор некоторых сложных случаев, с которыми пришлось столкнуться составителям «Аксиологического словаря русских, украинских и белорусских пословиц» на этапе лексикографирования. Концепция привлечения для работы максимально полного пословичного материала, с одной стороны, позволила обеспечить высокий уровень достоверности исследования, с другой стороны, потребовала очертить границы допустимой семантической и аксиологической диффузности единиц, включаемых в рамки одной словарной статьи. Работа с трехязычным материалом выявила необходимость определить последовательность расположения пословиц разных языков, а в отдельных случаях – сделать исключения из этого порядка. Принятая составителями ориентация на структурно-семантическую модель пословиц при их группировке в рамках словарной статьи, в свою очередь, обнажила случаи аксиологической оппозиции некоторых пословичных эквивалентов.

Ключевые слова: пословица, аксиология, аксиологическая оппозиция, восточнославянские пословицы, аксиологический словарь.

«Аксиологический словарь русских, украинских и белорусских пословиц», работа над которым в настоящее время ведется группой исследователей из Санкт-Петербургского государственного университета, Псковского государственного университета, Российского государственного университета им. Герцена, Российского государственного гидрометеорологического университета, Института лингвистических исследований РАН под руководством проф. В. М. Мокиенко, ставит перед собой достаточно амбициозную цель – максимально объективно представить аксиологическую картину мира восточнославянских народов. Для нас важна и ценна мысль о том, что сегодня, как и в любые другие периоды социальной и политической турбулентности, аксиологическое единство восточнославянского языкового пространства в своей основе остается неизменным. Это единство, как представляется, обусловлено исторически и закреплено в языке, особенно в паремике. Таким образом, научная значимость составляемого словаря нам видится не в последнюю очередь в последовательном и аргументированном обширным языковым материалом представлении аксиологического единства восточнославянского языкового пространства в пословичном аспекте.

В своей работе мы ориентируемся на тезис М. М. Бахтина, утверждавшего, что «в абсолютной ценностной пустоте невозможно никакое высказывание, невозможно само сознание» [1, с. 134]. Ценности, по его мнению, имеют конвенциональный характер, т. е. с определением главных ценностей в обществе существует согласие. В пословицах положительный или отрицательный оценочный заряд, как представляется, коррелирует с соответствующей принятой обществом ценностью или антиценностью. Актуальность нашего исследования видится нам, в частности, в выявлении определенных ценностных доминант восточнославянского пословичного пространства, а также несхожих, национально маркированных элементов. Работа над Словарем позволит установить общность основных пословичных структурно-семантических моделей, отражающую и определенный аксиологический универсализм, заложенный в них общим происхождением и общечеловеческими ценностями.

Словарь будет построен на принципе дуалистических оппозиций – аксиологических диад (Богатство и бедность; Вера и религия; Война и мир; Гость и хозяин; Дружба и вражда; Жизнь и смерть; Родина и чужбина; Свобода и неволя; Труд и безделье и т. д.). Эта общая классификация семантически конкретизируется подрубриками к каждой аксиологеме соответствующей диады, например: Богатство и Бедность (Богатство, достаток; Бедность, нищета; Богач – бедняк; Деньги; Долг; Прибыль – убытки); Вера и Религия (Ад – рай; Бог – дьявол; Вера – молитва; Пост; Грех – покаяние; Церковь – духовенство) и под.

Каждый из разделов содержит макростатьи, объединяющие русские, украинские и белорусские пословицы-параллели, прежде всего, на основании их структурно-семантической, а также образной близости. Знаком тире (–) соединяются выносимые в заглавие статьи пословичные эквиваленты, далее по степени нарастания структурно-семантических различий частичные эквиваленты, которые маркируются знаками (~), (~ ~). Удаленные по своему внутреннему образу и структурной модели от первой в макростатье пословицы, но близкие ей по значению и по смыслу, приводятся в конце статьи под знаком (~ ~ ~).

Реализация разработанной словарной концепции на этапе лексикографирования материала потребовала решения ряда практических вопросов. И, как это часто бывает, конкретные примеры не всегда укладываются в стройную концепцию.

В частности, один из сложных случаев связан с необходимостью определить границы диффузности словарной статьи в той ее части, которая касается межъязыковых пословиц-аналогов. (Материалом русских пословиц послужила картотека нового издания «Большого словаря русских пословиц» [2], над которым

в настоящее время ведется работа под руководством проф. В. М. Мокиенко, поэтому в данной статье не указываются многочисленные словарные источники).

Глупого учить – что мёртвого лечить (рус); *Дурака (дураков) учить, что мёртвого лечить* (рус). – *Дурного учити, що й мертвого лічити* (укр) [3, т. 2, с. 343]; *Дурного учить – як мертвого лічити* (укр). [3, т. 2, с. 343]. ~ ~ *Глупого учить что решетом воду носить* (рус); *Дурака учить – в решете воду носить* (рус); *Мёртвого не вылечишь, а дурака не выучишь* (рус); *Дурака не научишь* (рус). ~ ~ *Мертвого не вилічити, а дурня не вивчити* (укр); *Дірявого мішка не надуєш, а дурня не навчиш* (укр) [3, т. 2, с. 343]. ~ ~ *Школа дурня не навчить* (укр) [3, т. 2, с. 343]. ~ ~ ~ *Чорт і тэй не навуча (каго-небудзь)* (бел) [4, с. 52].

Включение в словарную статью пословиц, приведенных под знаком (~ ~ ~), представляется дискуссионным, поскольку в данном случае помимо расхождения собственно синтаксической модели присутствуют некоторые различия в значении пословиц. В то же время общая смысловая и аксиологическая близость этих паремий, согласно выбранному нами подходу, позволяет в рамках данного проекта рассматривать их в пределах одной словарной статьи.

Еще один интересный случай представляют собой словарные статьи, в которых приводятся пословицы, имеющие одну структурно-семантическую модель, но противоположное значение и противоположный аксиологический заряд. Ниже рассмотрим несколько примеров.

С чужого похмелья голова не болит (рус). – *З чужого похмілля голова не болить* (укр). [3, т. 2, 442]. **Ср.** *З чужого похмілля голова болить* (укр) [3, т. 2, 442]. – *Ад чужога пахмелля галава баліць* (бел) [5, т. 2, с. 360]. В приведенной статье объединены русская, украинские и белорусская пословицы, которые являются практически полными эквивалентами по своей структуре и в то же время – аксиологическими антиподами.

Подобным образом на наличие аксиологической оппозиции указано в следующей статье: *Свет спокон веку неправдой стоит* (рус). ~ ~ *Неправда светом началась, светом и кончится* (рус). ~ ~ *Враньём люди живут* (рус). ~ ~ *Брехнею світ держиться* (укр); *Брехнею світ живе* (укр) [3, т. 2, 379]. ~ ~ ~ *Будет в поле рожь, будет и в людях ложь* (рус). *В море туманы, в мире обманы* (рус). **Ср.** *Правдой мир стоит* (рус). – *На праўдзе свет стаіць* (бел) [5, с. 432].

Менее однозначна аксиологическая противоположность пословиц в статье: *Хмель, а не вода, чоловікові біда* (укр); *Хмель – не вода, чоловіку біда* (укр) [3, т. 2, 443]. ~ ~ *Хмель не вада многа не вып'єш* (бел). [6, с. 264]. **Ср.** *Чай не водка – много не выпьешь* (рус). Если первые два из приведенных примеров (украинские) прямо порицают употребление алкоголя, белорусская пословица призывает к умеренности в употреблении спиртных напитков, в то время как русская пословица, имея тождественную белорусской пословице синтаксическую структуру, по-видимому, указывает на преимущество водки над чаем. То есть аксиологический вектор алкогольных напитков в последней пословице противоположен приведенным выше.

В объемных статьях аксиологические оппозиции могут указываться для нескольких пословиц: *Неправдой богатства не наживёшь* (рус). ~ *Хлуснёй багаты не будзеш* (бел) [5, с. 313].; *Лгарствам шмат не скарыстаеш* (бел) [5, с. 313]. ~ ~ *Обманом не разбогатеешь, а обеднеешь* (рус); *Ложь что мелкая монета: на неё долго не проживёшь* (рус); *Обманом барыша не наторгуешь* (рус). **Ср.** *Обманом города берут* (рус). ~ ~ *Брехнею хліба не їсти* (укр); *Брехнею далеко не зайдеш* (укр); *Брехнею не далеко зайдеш* (укр) [3, т. 2, 379]. ~ ~ ~ *Дарам падманьвае* (бел) [5, т. 2, с. 312]. *Абманіў – то сабе горш зрабіў* (бел) [5, с. 313]. **Ср.** *Правдой жить – ничего не нажить* (рус).

Подобные случаи имеют большое значение в характеристике трехязычных аксиологических доминант и выделении пословичных уникалий. Ввиду того, что поме-

щение противоположных по смыслу пословиц в отдельные статьи не позволяет раскрыть многогранность паремий, было принято решение использовать перекрестные ссылки на статьи, содержащие противоположный аксиологический заряд, маркируя такие пословицы указателем «Ср.» (Сравните). В противном случае они бы затерялись в корпусе словаря, и не представилось бы возможности наглядно продемонстрировать широкий диапазон вариативности тех или иных паремий и их аксиологического значения.

Еще одной дилеммой, с которой столкнулись составители словаря, был порядок расположения трехязычного пословичного материала в рамках словарной статьи. Исходя из количества носителей, пользующихся языком как родным, было решено всегда в рамках принятой концепции распределения эквивалентов и аналогов первыми приводить русские, затем украинские и далее белорусские единицы. Помещение в качестве заглавной паремии всегда русских единиц позволяет логично и ясно представить материал для читателя и упростить процесс поиска в словаре. Однако при этом в случае лакunarности русского эквивалента возникала вероятность потери полных украинско-белорусских параллелей. Например, *Жениться – не лапоть надеть* (рус). ~ ~ *Заміж вийти – не лапті сплести* (укр) [3, т. 2, 73]. ~ ~ *Замуж ісці – не лапці плясці* (бел) [5, с. 57]. Во избежание такого рода ситуаций составителями было принято решение в отдельных случаях выносить в начало макростатьи не русскую, а украинскую пословицу и ее белорусский эквивалент: *Заміж вийти – не лапті сплести* (укр) [3, т. 2, 73]. – *Замуж ісці – не лапці плясці* (бел) [5, с. 57]. ~ ~ *Жениться – не лапоть надеть* (рус).

В заключение отметим, что, безусловно, приведенные в настоящей статье примеры сложностей, с которыми столкнулись составители в работе над «Аксиологическим словарем русских, украинских и белорусских пословиц», в большинстве своем лишь частные случаи, требующие дополнения к общей лексикографической концепции. Их решение опирается, с одной стороны, на цели и задачи словарного проекта, с другой стороны, требует учесть удобство пользования словарем для его целевой аудитории и, в-третьих, опирается на лексикографическую традицию. Не всегда решение таких дилемм дается легко именно потому, что иногда соблюсти все три вышеприведенных положения не представляется возможным. Так, в случае, когда заглавной оказывается не русская, а украинская пословица, приоритетом становится объективность отражения в словаре всей полноты трехязычной пословичной картины. В то же время приходится смириться с тем, что это решение может доставить неудобства читателю. Это решение также идет вразрез с общепринятой лексикографической традицией. С другой стороны, включение в словарную статью пословиц-аналогов, напротив, согласуется с принятой практикой составления переводных словарей пословиц, например, в «Русско-славянском словаре пословиц с английскими соответствиями» М. Ю. Котовой. Традиция перекрестных ссылок в словарях также подсказала нам решение использования пометы «Ср.» в случаях с аксиологическими оппозициями или пословицами, имеющими расхождения в значении и оценочной характеристике того или иного феномена.

Список использованных источников

1. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – М. : Искусство, 1986. – 445 с.
2. Мокиенко, В. М. Большой словарь русских поговорок / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. – М. : ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2007. – 784 с.
3. Пазяк, М. М. Прислів'я та приказки / М. М. Пазяк. – Київ : «Наукова думка». – Т. 1. Природа. Господарська діяльність людини. – 1989. – 479 с.; Т. 2. Людина. Родинне життя. Риси характеру. – 1990. – 524 с.; Т. 3. Взаємини між людьми. – 1991. – 440 с.; Т. 4. Українські прислів'я, приказки та порівняння з літературних пам'яток.
4. Лапацін, Г. І. “К кождому разгавору прыказка ё...” З вопыту вывучэння дыялектнай фразеалогіі / Г. І. Лапацін // Матэрыялы да фразеалагічна-парэміялагічнага слоўніка асобы. Вар-

вара Аляксандраўна Грэцкая. Запісы 2005–2012 гг. Частка 2. На правах рукапісу. – Гомель, 2018. – 115 с.

5. Грынблат, М. Я. Прыказкі і прымаўкі. Кн. 2. / М. Я. Грынблат. – Мінск : Навука і тэхніка, 1976. – 616 с.

6. Тетрады пареміографа. Выпуск 5 : Белорусские пословичные параллели русских пословиц паремииологического минимума : учебно-методическое пособие для студентов / под ред. М. Ю. Котовой. – СПб. : Изд-во ВВМ, 2019. – 304 с.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, (проект № 20-18-00091 «Мир восточных славян в паремииологической интерпретации: аксиологические доминанты и их лингвокультурнографическая репрезентация», реализуемый в Санкт-Петербургском государственном университете).

Abstract. The article presents an overview of some difficult cases that the compilers of the “Axiological Dictionary of Russian, Ukrainian and Belarusian Proverbs” had to face at the stage of lexicography. The concept of attracting the most complete proverbial material for the work, on the one hand, made it possible to ensure a high level of reliability of the study, on the other hand, it required delineating the boundaries of permissible semantic and axiological diffusivity of units included in the framework of a single dictionary entry. The work with the trilingual material revealed the need to determine the sequence of proverbs of different languages, and in some cases-to make exceptions from this order. The orientation adopted by the compilers to the structural and semantic model of proverbs when grouping them within a dictionary entry, in turn, exposed cases of axiological opposition of some proverbial equivalents.

Keywords: proverb, axiology, axiological opposition, East Slavic proverbs, axiological dictionary.

УДК 811.161.1'22'282.2(477.74)'373.7

Н. Г. Арефьева

ДУХОВНО-РЕЛИГИОЗНЫЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ КОД ВО ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ НОСИТЕЛЕЙ РУССКИХ ГОВОРОВ ОДЕСЩИНЫ

Аннотация. В статье рассматриваются фраземы, бытующие в русских говорах Одесщины и группирующиеся в рамках духовно-религиозного лингвокультурного кода. На широком языковом материале автор приходит к выводу о том, что духовно-религиозный код транслирует ставшие неотъемлемой частью традиционной народной культуры важнейшие морально-нравственные установки, прескрипции и глубинные ценности.

Ключевые слова: духовно-религиозный лингвокультурный код, фразема, русские говоры Одесщины.

Фразеология русских говоров Одесской области Украины – переселенческих, островных, южно-русских по своему происхождению, преимущественно курско-орловских – богата и разнообразна; ее национально-культурная специфика сегодня активно исследуется в аспекте лингвокультурного кодирования, см., напр.: [1; 2; 3].

Духовно-религиозный, или духовный, код, который проф. В. А. Маслова называет «одним из самых богатых и специфичных для русской культуры» [4, с. 78], получил яркое отображение во фраземике русских переселенцев, воссоздавая внутренние установки, прескрипции и ценности, на которых основывается культура носителей русских говоров Одесщины. Так, опираясь на обширный фразеологический материал, можно говорить о *богоцентричности* лингвокультурного пространства диалектоносителей, о чем свидетельствуют многочисленные фраземы с компонентом *бог* и его дериватами: *бог-бог* ‘о большом количестве чего-л.’: *Хазяїн кукòбник был, боу-боу была ф хати*

(Ст. Некр.) [5, т. 1, с. 42]; *бог дал (даст)* ‘о роженице’ (Ст. Некр.) [6, с. 38]; *бог не повелел* ‘не сложилось, не судьба сделать что-л.’: *Ана́ миня́ хатела́ вдачерить, но Боу́ ни навилел* (Никол., 2018) [6, с. 38]; *бей тебя́ сила́ Божья!* – бран. ‘восклицание, выражающее гнев, негодование, возмущение’ [7, с. 610]; *на Божий храм* (идти, итить, пойти и т. п.) ‘идти венчаться’: *Я ея́ наблауаславила́ на Божый храм итить, ана́ з жанихом пи́ривинчала́ся* (Серг., 1974) [8] и многие другие.

Во фразеологическом фонде русских переселенцев отмечены фраземы с компонентом *господь*. Как и фраземы с компонентом *бог*, они употребляются в самых разных бытовых ситуациях (сравн.: *одін Господь знает* ‘никто не знает’: *Да чивò я бисчасная, адін уасподь знаить* (Ст. Некр.) [6, с. 38]), во время значимых для сельской общины событий, каковыми могли считаться начало весеннего сева и завершённый обмолот пшеницы: *И Господа помянем добрым словом, и нам будет хорошо!* ‘ритуальная фраза во время трапезы по поводу завершённого обмолота пшеницы’ (Троиц.) [6, с. 99].

Представлены во фразеологической картине мира (далее – ФКМ) русских переселенцев названия постов и религиозных праздников: *Вербный воскресный день* и *Вербный праздник* ‘христианский праздник за неделю до Пасхи; Вербное воскресенье’ [6, с. 48]; *усеёдная неделя* ‘неделя, в которой отсутствуют постные дни’: *Аусеёдная неделя – усю неделю ядятъ* (Возн., 1971) [6, с. 215]; *Спасовка-ласовка* ‘Спас, церковный праздник в августе’: *Кавуны́ будут на Спасавку-ласавку* (Б. Пл., 1976) [5, т. 2, с. 181; 6, с. 197], где *ласовка* – ‘о времени, когда едят обильно и вкусно’ [9, с. 653]; *Петровка-голодовка* ‘пост, предшествующий Петрову дню, церковный праздник свв. Петра и Павла’: *Ф нятрòфку-галадòфку настують* (Б. Пл.) [6, с. 156]. Последняя фразема зафиксирована в русских говорах Эстонии [9, с. 653]. Сравн. также широкую представленность поговорки, основанной на противопоставлении «пост – разговенье», в русском лингвокультурном пространстве: *Петровка-голодовка, а Спасовка-ласовка; Петровка – сухая, а Петров день – скоромный; Спасовка – лакомка, а Петровка – голодовка; Спасовцы – ласовцы, петровцы – голодовцы* (Смол., 1914) [9, с. 862]. Широко известный в народе праздник «Юрьев день» фиксирует фразема *праздник Юрия*, соотносимая с днем памяти церковного великомученика Георгия Победоносца, отмечаемым 6 мая (23 апреля по юлианскому календарю): *Калдавицы ночью ф праздник Юрия на пирихрести сабираюцца, на кошках, на сабаках калдують* (Град., 1983) [6, с. 170], а также фразема *на маленького Юрия* – *шутл.* ‘неизвестно когда; никогда’ [7, с. 764] – региональный вариант общенародной *Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!* – *погов., ирон.* или *шутл.* ‘о неожиданно не сбывшихся надеждах, внезапных переменах к худшему; резком ограничении свободы действий и т. п.’ [10, с. 38]. Последняя фразема сопряжена с зимним днем святого Георгия 9 декабря (26 ноября по юлианскому календарю) – единственным днем в году, когда крестьянам разрешалось переходить от одного помещика к другому. Упразднение данного закона в конце XVI века и послужило образной основой фразеологизации [10, с. 38–39]. Иногда местное название праздника – ключевой компонент пословицы: *В Благовещию птица гнезда не вьёт, девица косы ни плетёт* – ‘о запрете любых видов работ в Благовещенье’ (Ст. Некр.) [9, с. 54; 6, с. 45], где *Благовещия* – ‘Благовещенье, весенний церковный праздник’ [5, т. 1, с. 40]. Сравн. также: *В праздник птица унезда не вьёт* – *посл.* ‘о запрете любых видов работ в дни религиозных праздников’: *В праздник птица унезда ни вьёт* (Введ., 2019) [11].

Ярко представлено во фразеологическом пространстве русских диалектоносителей мировоззрение старообрядцев: фразема *И Богу нашему слава!* – заключительная фраза в богослужении – со временем стала означать конец любого дела, сохранив при этом сакральность и торжественность в самых, казалось бы, повседневных ситуациях: *Замарылись за день, наарутились... Шчас навичерим, памдимся, и Богу нашому слава* (Прим., 2017–2018) [6, с. 99]; *ни печали ни въздыхания* – ритуальная фраза, произно-

симая во время погребения в одной из молитв – со временем стала употребляться по отношению к человеку беспечному, ко всему равнодушному, то есть такому, который по своему поведению и внутреннему состоянию ассоциировался с покойником: *Жы-вётъ он – ни печали, ни ваздыхания* (Прим., 2017–2018) [6, с. 141–142]; *Нехай Бог да-ёт вам с воды и росы!* – ‘пожелание удачи и счастья в речевом этикете старообрядцев-липован’ [6, с. 138]; *родимая молитва* – ‘молитва, которая читается во время рождения ребёнка’: *Да крищёния ба́тюшка чита́ить радиму́ю малитву. Ф хату захади́ть нильзя, ёсли малитва ни вы́читана* (Б. Пл.) [6, с. 182]. А. И. Шве́ц акцентирует внимание на преобладании в старообрядческих сёлах церковной традиции, подчинившей себе народную, тогда как у диалектоносителей, исповедующих каноническое православие, отмечается преобладание традиции народной, со временем утрачивающейся под влиянием городской культуры [12, с. 74]. К примеру, у старообрядцев *пойти́ у ход* употребляется в значении ‘начать выздоравливать’; *пойти́ на лек* у старообрядцев в 1-ом значении – ‘начать поправляться после таинства соборования’ [12, с. 74; 6, с. 162–163]. *Свива́ть младе́нца* у старообрядцев – ‘заворачивать новорождённого в пелёнки’; у староверов – ‘свивать новорождённого свивальником вокруг по пелёнкам крестообразно трижды’ [12, с. 74; 6, с. 186]. А. И. Шве́ц отмечает разветвленную структуру сегмента со значением ‘способствовать выздоровлению в результате различных способов магического и немагического лечебного воздействия’ как у старообрядцев, так и у старообрядцев, сравн.: *вылива́ть на ежеви́ку* ‘выливать в сосуд с водой над головой болящего расплавленную смолу дерева, произнося заклинательные слова’ (Б. Пл.) [13, с. 270]; *сажа́ть в требу́ху* ‘лечить детский рахит, помещая ребёнка в свежий, горячий коровий желудок и произнося заговоры от болезни’ (Троиц., 2018) [12, с. 74; 6, с. 184]; *вылива́ть на сви́нец* ‘выливать в сосуд с водой над головой болящего расплавленный свинец, произнося заклинательные слова’: *Кагда́ рибёнак пирипу́жный, ба́бка-знаха́рка вылива́ють на сви́нец* (Коса, 1985) [6, с. 63]; *вылива́ть пере-пу́г* 1) ‘выливать в сосуд с водой над головой болящего расплавленную смолу дерева или свинец, произнося заклинательные слова’: *Пирипу́г вылива́ють на сви́нец или смалу́* (Коса, 1985). *Када́ пирипу́жаны́й* (* испуганный) *рибе́нак, вылива́ють пирипу́у* (Коса, 1985; Б. Пл.); 2) ‘лечить от заикания, выкатывая свежим яйцом и произнося заклинательные слова. После выкатывания бабка-знахарка разбивала яйцо на глазах у больного, показывая то, что находилось внутри, обычно червяка или что-л. под.’ (Троиц., 2018) [6, с. 63], где *перепу́г* – ‘заикание’.

Вера – неверие противопоставляются в рамках оппозиции «норма – антинорма», «хорошо – плохо», «достойно – недостойно», сравн. [*правильный*] *как контора* ‘о правильной (по представлениям старообрядцев) вере’ [14, с. 283] и *в образ не ве́рять – неодобр.* ‘не верить в бога’: *Па кнѣгам их правели – в образ ни ве́рять* (Петр., 1963) [6, с. 54]; *ни бо́га не зна́ет, ни в челове́ка не ве́рит* – погов. ‘о некрещёном человеке’: *Ёсли ён нихрищёдный атарва́нец, ни бо́га ни зна́ить, ни ф чилаве́ка ни ве́рит* (Коса, 1980) [6, с. 139]. Утрата религиозности в ФКМ староверов оценивается крайне негативно и даже уничтожительно: уже упоминаемая нами диалектная ФЕ *локта́ть как соба́ки вду́ из одной кру́жки* – ‘об утрате религиозности, обусловленной совместным проживанием с представителями других конфессий (у старообрядцев)’ – построена на сравнении забывших веру или не соблюдающих конфессиональные традиции с бездомными собаками [6, с. 123]. Ярко представлена в ФКМ староверов смерть праведника и грешника, сравн. *пойти́ к Бо́гу* ‘умереть (у старообрядцев Подунавья – о хорошем, безгрешном человеке)’ (Ст. Некр.) [6, с. 162]; *быть на пра́вде, пойти́ на пра́вду, приня́л Бог* в том же значении [6, с. 43, 162–163, 172] и *пойти́ вверх нога́ми* ‘у старообрядцев – о смерти плохого человека, грешника’ (Ст. Некр.) [6, с. 162].

Показная, неискренняя религиозность, однако, будучи противопоставленной истинно верующим людям, живущим «по Божьим законам», сопряжена с негативными

качествами личности и актуализируется во фраземах *Боду моліться, а с чертями водіться* – *неодобр.* ‘быть двуличным, лицемерным’ [7, с. 48]; *Бог за пазухой и на стени, а в носу черт* – *неодобр.* ‘о двуличном, внешне благочестивом человеке’ [9, с. 45].

Красный (передний) угол в доме, где находятся иконы (в ФКМ диалектоносителей – *святдой кут, красной кут, передний кут, святдой угол*), выполняет особую сакральную функцию: там читают молитвы, туда сажают почетных гостей: *Там, где абраза, святдой кут мы называем* (Б. Пл.) [5, т. 2, с. 161, 23; 6, с. 187, 115, 155]. У староверов в святой угол под иконы кладут умирающих, читая над ними молитвы, что отражают фраземы *покласть под святые* и *покласть под иконы* – ‘положить больного под иконы, читая над ним молитвы’ (Ст. Некр.) [6, с. 164]; *класть под иконы* – ‘класть умирающего больного на пол или лавку в святой угол под иконы’ (Б. Пл.) [6, с. 111].

Вера в Бога у старообрядцев и нестарообрядцев сопровождается целым комплексом мероприятий и действий, требующих неукоснительного соблюдения устоявшихся ритуалов: *делат храм* ‘проводить церковную трапезу’: *Усе идуць у церкву, делают храм* (Мур., 1973) [6, с. 80], где *храм* – ‘накрытый стол’; *кресты класть* ‘осенять крестным знаменем’: *Он навиваить йиво, кресты кладеть* (Мирн., 1972) [6, с. 116], где *повивать* ‘крестить мертвеца’ [8]; *творить молитву* ‘читать молитву; молиться’: *Сваты стучат в акно и патом творять малітву* (Б. Пл., 1976). *Малітву тварять и назат к работе виртаюцца* (Ст. Некр.) [6, с. 206]. Сравн.: *бузовать молитву* в том же значении: *Па вичирам сабираюцца и малітву бузують* (Алекс.) [6, с. 42]. Аналогичная структурно-семантическая модель нашла отражение и в других русских говорах, сравн. *брать молитву* – *кар.* ‘молиться’; *новг.* ‘исполнять церковный обряд с новорожденным’; *давать молитву* – *арх.* ‘читать молитву’; *молить молитвы* *сиб.* ‘молиться’ [7, с. 408]. Церковь в ФКМ диалектоносителей – дом, где читаются молитвы, молятся – *молітвенный дом* ‘церковь’: *Пашли мы на Пасху в малітвенный дом* (Возн.) [6, с. 126]. Наибольшее распространение получает всё же общенациональное слово *церковь*, сравн. поговорку *Наша церковь на два пальца выше* ‘употребляется в качестве последнего аргумента в споре’, эксплицирующую исключительно важное значение церкви в жизни диалектоносителей: *Ды нихай! Гаварі ни гаварі, а наша церкафь фсе равно на два пальца выше* (Прим., 2017–2018) [6, с. 131–132]. Отдельные фрагменты концептуальной картины мира, сопряженные с глубокой религиозностью и соблюдением церковных ритуалов, метафорически переосмысливаются, образуя идиомы: *вот такой (такое) пресвятдой (пресвятдо)* ‘вот такие дела’: *Вот такое присвятдо* (Мирн.) [ФСРГО, с. 58]; *замять обедню* – *неодобр.* ‘не сдержать обещание’ [7, с. 454].

Представлен в ФКМ диалектоносителей и концепт «черт» / «бес». Черт ассоциируется с хитростью, пронырливостью, непредсказуемостью, пугающим внешним видом: *слово три беса* у кого – *шутл.* ‘о находчивом в разговоре, красноречивом человеке’ [7, с. 621]; *суций бес* кто ‘о человеке с непредсказуемым поведением; сущее наказание’: *Йти (* эти) онуки ну суций бес* (Павлов.) [6, с. 204]; уже упоминаемые нами пословицы *Боду моліться, а с чертями водіться, Бог за пазухой и на стени, а в носу черт; Откуда черт не вылезет, всё к нам лезет* – ‘о постоянном невезении’: *Мала таво, што денік нима, йищє и забалєла – аткуда черт ни вылизит, фсе к нам лезит* (Прим., 2017–2018) [6, с. 149]; *семь чертей твоей голове!* ‘восклицание, выражающее удивление, досаду, раздражение ли негодование’ [6, с. 737, 735]; *как дидька* (ходить, бегать и т. п.) ‘об очень плохо, неряшливо одетом человеке’: *Ходит, как дитька на вулицам* (Б. Пл.) [6, с. 105], где *дидька* – ‘нечистая сила, бес’ (в СРГО – *дитька* [5, т. 1, с. 169]). Интересно, что компонент *дидько* в том же значении характеризуется широкой представленностью в украинской фразеологии, являя собой яркий фрагмент национально-языковой картины мира. Так, в «Словаре устойчивых народных сравнений» А. С. Юрченко и А. А. Ивченко находим 27 единиц, ключевым компонентом которых является данная лексема; при этом фраземы бытуют в самих разных регионах

Украины: *бовтнув як дідько в смолу* (Терн.), *боїтсі як дідько ладану* (Львів.), *боїтсья як дідько хреста* (Ів.-Фр.), *ходить як дідько по пеклу* (Харк.) и др. [15, с. 47].

Чёрт / бес являет собой воплощение нечистой (темной) силы, от которой прежде всего защищались крестным знаменем. Так, внутренняя форма диалектной ФЕ *оградитсья крестом* ‘перекреститься’: *Ф цэркви зафсиудà ну́жна аўраді́цца крестом* (Трост., 1979) [6, с. 145] и *ограждать / оградить крестом (хрестом)* кого ‘осенять крестным знаменем’ заключена в лексических компонентах фразем и сопряжена с концептом *ограды / укрепления / границы* (сравн. диал. *граждà* ‘ограда’, ст.-сл. *градь* – ‘стена’, чеш. *hrad* ‘крепость’, *hrada* ‘граница’ [5, т. 1, с. 143; 16, с. 90]), предполагающими защиту от внешнего негативного воздействия: *Бàтюшка хрестом аўраждаеть* (Мур., 1973). *Начилà йиє аўраждать крестом* (Б. Пл., 1979). *Тяцька аўраділ крестом ми́ня* (Б. Пл., 1979). *Становлять дешку, поп аўраждать нас крестом* (Мур.); 2) ‘креститься’: *Пайдёшь ф церкофь и аграждайишь крестом* (Б. Пл., 1979) [7, с. 329; 6, с. 145]. Нечистая сила, однако, не только внешний, но и внутренний враг человека, с которым надлежит вести постоянную борьбу, сравн.: *Есть у человека уды от Бòга и от врагà* – посл. ‘о противоречивой натуре человека’: *Есть у чилавèка уды ад Бòга и ат врагà* (Б. Пл.) [6, с. 86], где диалектизм *уды* – ‘жилы’ [5, т. 2, с. 239].

Библейский образ Иуды – одного из учеников Иисуса Христа, предавшего своего Учителя, получил отражение во фраземах-омонимах *как Юда 1* ‘о некрасивом, уродливом, с отталкивающей внешностью человеке’ и *как Юда 2* ‘о человеке, способном на предательство; о предателе’ [5, с. 109].

Глубинный славянский фатализм, наслоившийся на христианские ценности, находит воплощение во фраземах *Вь́бором не вь́берешь, колì бог не дàст* – посл. ‘человек предполагает, а бог располагает; от судьбы не уйдёшь’: *Èсли есть дòля, анà тибè и на пèчке найдёть. А вь́барам ни вь́бирешь, калì боу ни дàсть* (Прим., 2017– 2018) [6, с. 61]; *посл. Дàёт господь крест – несì егò до смèрти* ‘трудности и испытания, которые встречаются на жизненном пути, нужно переносить терпеливо, не жалуясь’: *Как ф наслòвице: дàёт уаспòть крест – нисì йивò да смèрти* (Никол., 2018) [6, с. 76]; *предатьсья Бòгу* ‘на всё Божья воля; как Бог даст’: *Жыть тижылò, но я придаюсь Бòгу. На нивò, всивь̀шнисуа, надèюсь* (Прим., 2017– 2018) [6, с. 170]; *Аки убàвить, аки прибàвить* – погов. ‘сколько Богом отмерено (о продолжительности жизни)’: *Хачу йишцò пажыть, ну а тàm как Бòу дасть: аки убàвить, аки прибàвить, йиму ни укажыи* (Прим., 2017– 2018) [6, с. 32].

Как известно, одной из основных христианских добродетелей является терпение, сравн.: *Терплìвому Бог помогает, а у кручèного отымает* – посл. ‘терпеливый человек в конце концов вознаграждается судьбой, а нетерпеливый терпит неудачи’: *Терплìваму Бох памауàить, а у кручèнава атымàить* (Ст. Некр., 1989) [6, с. 207]. Пословица построена по типичной структурно-семантической модели «человеку, живущему по законам Божьим, Бог помогает; у человека, нарушающего эти законы, чёрт (реже Бог) отнимает». Сравн.: *Дòброму Бог помогàет [, а у скупòго чèрт отнимàет]. Торовàтому Бог дàёт (подаёт), а [у] скупòго чèрт берёт. Торовàтому Бог дàёт, а у скупòго чèрт таскаёт. Торовàтому Бог подаёт, а у скупòго [у] чèрт отбирàет (отнимàет)* [9, с. 65, 69].

Традиционная славянская соборность (общинность) ярко выражена, на наш взгляд, в лингвокультурном пространстве русских диалектоносителей, сравн. диалектные ФЕ *Гуртòм (гуртом) да мìром сподручней; Гуртòм дòбре и бàтьку бить; Гуртòм и бàтька мòжно побить; Гуртòм и бàтька убить мòжно; В друзяке и бàтька бить дòбре; В друзяке и бàтька хорошò бить* в общем для них значении ‘вместе легче выполнять любое сложное дело, любую работу’ [6, с. 74–75, 46]. Представленный вариантный ряд органично дополняют пословицы и других южнорусских материнских говоров, а также украинских говоров Кубани: *Артèлем и бàтьку хорошò бить. Дон. Артèлью хорошò*

и недруга бить. Гуртѡм и бѣтька дѡбрѣ быты. Кубан. Гуртылѣм и бѣтьку хорошѡ бить. Ворон. В гурте и кѣша ѣстся. В гурте и кѣша лучше ѣстся. Кубан. В гурте кѣша дружнѣе ѣстся, в колхозѣ работа спорится [9, с. 21–22, 36–37, 231]. Сравн. также: *Гуртовѣя копѣйка виднѣе* [17, т. 1, с. 281].

Идеи широты, щедрости, гостеприимства, характерные для многих славянских народов, часто передаются с помощью глаголов *давать / дать*, достаточно продуктивных во фраземике русских говоров Одесщины, сравн.: *дашь-на-дашь* – 1) ‘поровну’: *Усѣ с брѣткой дялилѣ даш-на-даш* (Усп.). *Усѣ даш-на-даш имѣли.* (Усп.); 2) ‘взаимы’: *Няхѣй пайдѣть к дѣду напроситѣ. У нас так, даш-на-даш дѣлаица* (Усп., 1976) [5, т. 1, с. 157; 6, с. 77–78]; *дать на дать* ‘так на так’: *У нас так дать на дать дѣлаица* (Усп.) [5, т. 1, с. 157]; *давать подмогу* – *одобр.* ‘помогать кому-л.’ (Введ., 1971) [6, с. 76]. Сравн. *общеупотр.* ФЕ *отдѣть последнее, отдѣть последнюю рубѣшку, отдѣть [всю] дѣшу.*

Культ рода у древних славян, поклонение ему как наивысшей ценности имплицитно бытующие в русских говорах Одесщины фраземы *такѣм родѡм* ‘так, таким образом’: *Ну ѣ такѣм родѣм нашѣ дѣды имѣли собствѣную степь – и пахату, и талаку* (Усп.) [8] (сравн. *сиб.* ДФЕ *такѣм родѡм* в том же значении [7, с. 566]), *роднѡе (родовѡе) гнездѡ* – *одобр.* ‘о родном доме’: *Где ни идѣи, ни ѣдиш, а фсѣ равнѡ дамѡй идѣи. Как ѣа жѣть биз раднѡѣа ѣниздѣ?* (Прим., 2017–2018; Троиц.) [6, с. 182]; *Рѡду-плѣмени покѡр* – *фолькл. экспресс.* ‘о детях, которые своим поведением, поступками и т. п. нарушили моральные нормы’ (Серг., 1974) [6] и другие. Внутренняя форма перечисленных выше фразем соотносится с архисемой «род», духовный код неразрывно связан с кодом семейным: *Не меняѣ своего плохого на хорошего чужого* – *посл.* ‘нужно ценить своих родных, какими бы они ни были’: *Я сваѡ брѣта ни на кавѡ ни праминѣю. Ни минѣй сваѡ плахѡва на харѡшѣва чужѡва* (Прим., 2017–2018) [6, с. 135]. Человек, забывающий свои корни, и сейчас негативно оценивается в народном сознании, сравн. *общеупотр.* *Иван, не помнящий родствѣа*, общеизвестный фразеологизм *без рѡду-плѣмени (ни рѡду, ни плѣмени)* ‘о человеке без родины, без родственных связей; об одиноком человеке’ [10, с. 599], а также бытующий в русских говорах Одесщины региональный вариант общеупотребительной фраземы *ни брѣта ни свѣта* ‘никого (об отсутствии родственников у кого-л.)’: *Ни брѣта ни свѣта, никаѡ нет* (Введ., 2019) [6, с. 140], выражающий преимущественно сочувствие, сожаление.

Фраземы, группирующиеся вокруг духовно-религиозного лингвокультурного кода, отображают прескрипции и духовные ценности, выработавшиеся в народной культуре на протяжении столетий и являющиеся актуальными и по сей день. Так, прескрипция «Люби людей, желай им добра!», соотносимая с библейским предписанием «Возлюби ближнего как самого себя!», находит яркое воплощение во фраземах *Не зычь другѡму, чѣгѡ себѣ не желѣеши* – *посл.* ‘не желай людям зла, желай добра’: *Анѣ самѣ сваѡ свѣкруху ни пачитѣла, ф хѣту ни пускѣла. А типѣрь на сваѡ нѣвѣстку абѣжѣица. Штѡ ѣа ты абѣжѣицца: чем мѣряиш, тем и ваздѣсца. Ни зыч другѡму, чѣвѡ сибѣ ни жѣлиши* (Прим., 2017–2018) [6, с. 133]; *не отвертѣйся от чужѡй бѣды* – *посл.* ‘человек должен помогать другим в трудную минуту’: *Ни атвертѣйся ат чужѡй бѣды* (Никол.) [6, с. 136]. Прескрипция «Детей нужно не только родить, но и воспитать» отражена в пословице *Не тот родѣтель, кто породѣл, а тот, кто вскармѣл* – *посл.* ‘настоящими родителями являются люди, воспитавшие ребѣнка (в отличие от родивших)’: *Ни тот радѣтиль, хтѡ парадѣл, а тот, хтѡ вскармѣл* (Павл., 1959) [6, с. 138], где *воскормить* – ‘вскармливать, вырастить’ [5, т. 1, с. 138]. Прескрипция «Нельзя отказываться от своих слов» представлена в пословице *Скѣзано – свѣто* – ‘то, что сказано – решено, не обсуждается’: *Никудѣ я ни паѣду, скѣзана – свѣта* (Возн., 1971) [6, с. 191–192], являющейся усечением паремии *Скѣзано свѣто: обручи сняты, кадка в печи, вода не потечѣт* [9, с. 614, 811, 796] и транслирующей сакральную сим-

волику слова. Сравн. также представленность данного мотива в общенародном фразеологическом пространстве: *Сказано – связано, положено – не тронь* ‘то, что установлено, решено, не подлежит произвольным изменениям’; *Сказано – связано; Что сделано, то свято; что сказано, то свято* [9, с. 614, 811, 796]. Прекрипция «Каждый получает по заслугам», перекликающаяся с библейским «Да воздастся каждому по делам его!» эксплицирована в пословице *Чем мёряешь, тем и воздаётся* ‘всё, что человек совершает в течение жизни, возвращается: и хорошее и плохое’ [6, с. 224].

Таким образом, можно констатировать: духовно-религиозный лингвокультурный код, отображенный во фразеологическом пространстве русских переселенцев, транслирует ставшие неотъемлемой частью традиционной народной культуры важнейшие морально-нравственные установки, прескрипции и глубинные ценности, изучение которых с опорой на научно-методический инструментарий лингвокультурологии, лингво-семиотики и когнитивной лингвистики остается по-прежнему плодотворным.

Список использованных источников

1. Арефьева, Н. Г. Кодовые пространства и лингвокультурные коды как способ организации культурного знания (на материале фразеологии русских говоров Юга Украины) / Н. Г. Арефьева // Мова : науково-теоретичний часопис з мовознавства. – Одеса : «Астропринт», 2021. – № 35. – С. 7–15.
2. Арефьева, Н. Г. Гендерный код и его отражение в русских говорах Одесщины (на материале фразеологии) / Н. Г. Арефьева // Лингвистика. Лингвокультурология : зб. наук. пр.; редкол.: Ю. О. Шепель (відп. ред.) та ін. – Дніпро : Акцент ПП, 2017. – № 11. – С. 188–199.
3. Арефьева, Н. Г. Космогонический код в диалектной картине мира (на материале фразеологии русских островных говоров Одесской области Украины) / Н. Г. Арефьева // Percersia nadprirodzena vo frayzeológii. Slavofraz 2019. – Bratislava : Univerzita Komenského v Bratislave, 2019. – S. 34–40.
4. Маслова, В. А. Духовный код с позиции лингвокультурологии: единство сакрального и светского / В. А. Маслова // Метафизика. – М. : РУДН, 2016. – № 4 (22). – С. 78–97.
5. Словарь русских говоров Одесщины / [ред. коллегия: проф. Ю. А. Карпенко (отв. ред.), проф. Уэмура, проф. Д. С. Ищенко, доц. Л. Ф. Баранник] : в 2 т. – Одесса : АстроПринт. – Т. I : А–О. – 2000. – 369 с.; Т. II : П–Я. – 2001. – 293 с.
6. Арефьева, Н. Г. Фразеологический словарь русских говоров Одесщины / Н. Г. Арефьева ; под ред. Е. Н. Степанова. – Одесса : ОНУ им. И. И. Мечникова, 2020. – 236 с.
7. Мокиенко, В. М. Большой словарь русских поговорок / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. – М. : ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2007. – 784 с.
8. Картотека «Словаря русских говоров Одесщины». Рукопись. Кафедра русского языка (с 2020 года – кафедра общего и славянского языкознания) ОНУ имени И. И. Мечникова, 1956–2018.
9. Мокиенко, В. М. Большой словарь русских пословиц / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина, Е. К. Николаева. – М. : ОЛМА «Медиа групп», 2010. – 1026 с.
10. Бирих, А. К. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь : ок. 6000 фразеологизмов / А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова ; под ред. В. М. Мокиенко. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : Астрель : АСТ : Люкс, 2005. – 926, [2] с.
11. Картотека Н. Г. Арефьевой. Компьютерный вариант, 2018–2021.
12. Шве́ц, А. И. Традиционная народная культура и её отражение в диалектной лексике / А. И. Шве́ц // Мова : науково-теоретичний часопис з мовознавства. – Одеса, 2012. – № 18. – С. 71–74.
13. Шве́ц, А. И. Глагольная лексика русских говоров Одесской области : дис.... канд. филол. наук : 10.02.01 / А. И. Шве́ц. – Киев, 2008. – 321 с.
14. Мокиенко, В. М. Большой словарь русских народных сравнений / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. – М. : ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2008. – 800 с.
15. Юрченко, О. С. Словник стійких народних порівнянь / О. С. Юрченко, А. О. Івченко. – Харків : Основа, 1993. – 176 с.

16. Цыганенко, Г. П. Этимологический словарь русского языка / Г. П. Цыганенко. – 2-е изд., перераб. и доп. – Киев : Рад. шк., 1989. – 511 с.

17. Даль, В. И. Пословицы русского народа : сборник : в 2-х томах / В. И. Даль. – М. : Художественная литература, 1984. – 399 с., илл.

Abstract. Phraseological units, which exist in the Russian dialects of Odessa region and group within the framework of spiritual-religious linguocultural code, are examined in the article. On the wide language material the author comes to conclusion that the spiritually-religious code translates becoming the inalienable part of traditional folk culture major moral directions, prescriptions and deep values.

Keywords: spiritual-religious linguocultural code, phraseological unit, Russian dialects of Odessa region.

УДК 811.162.3'373

А. М. Архангельская

KOLIKRÁTE ČECH MUŽE ŘÍCI: JEST OPILÝ
(лингвистические размышления над первым списком
чешской «алкогольной» фразеологии)

Аннотация. В основу исследования положен первый список чешских устойчивых выражений, обозначающих пьяного человека, составленный известным этнографом Ченек Зибертом в начале XX века. Осуществлен семантико-мотивационный анализ устойчивых фраз с учетом общих для европейского ареала мотивационных моделей в сопоставлении с алкофразеологией, представленной в чешской фразеологии XX–XXI вв., изучена динамика выражений из «списка Зиберта» в проекции на фразеологические и паремиологические, идеографические словари и словари чешского субстандарта.

Ключевые слова: Ченек Зиберт, первый список чешской алкогольной фразеологии, семантико-мотивационное моделирование, фразеологическая динамика.

Семантическое поле «Пьянство», несомненно, – одна из мощных фразеологических универсалий, характерных для всех языков Европы. Его систематизации в языках европейского ареала уже более ста лет, а изучение и разносторонняя интерпретация образа Homo alcoholicus как на материале различных славянских и неславянских языков, так и в сопоставительном плане продолжает оставаться актуальной и сегодня.

Инспирацией к написанию данного исследования стали заметки известного чешского этнографа Ченека Зиберта [1; 2], одного из первых славянских ученых (после русского этнографа Павла Никитича Тиханова), собравших воедино и представивших обобщенную систематизацию выражений, обозначающих пьяного человека в чешском языке. Перечень чешских алко-выражений («přehled, jak Čech může naznačit, komu pivo chutnalo»), собранный Ченек Зибертом и поданный списком без комментариев, впервые увидел свет по просьбе издателя и редактора журнала чешских пивоваров «Sládek» Отакара Захара под названием «Kolikrát Čech muže říci o někom, že se napil» как одностраничный сегмент книги «Pivo v písních lidových a národných» [1, с. 238]. Позже, в 1913 году, он опубликован повторно в журнале «Vydrovy besedy» под несколько измененным названием «Kolikrát Čech muže říci: jest opilý» [2, с. 215–216]. Оба списка не являются абсолютно идентичными, поэтому в анализе они объединены под общим названием «список Зиберта». Примечательно, что в тексте книги, собранной воедино народно-песенный фольклор, посвященный пиву в чешской культурной традиции, встречается значительное количество алко-выражений, по непонятным причинам не включенных в «список» (*Kamarád z mokré čtvrti, Spolek mokrých bratříčků, Pivní bratr (kamarád), Napil se jako putna, Tluče žbáňku, Kouká do džbáňky, Poljevat po plněm poháři*

(*po plnej skleničce*), *Vzítí si opici za ženu*, *Propit svou duši*, *Mít rúš*, *Nachytal opic*, *Jít ouzkou cestou*, *Měl čepici za klobouk*, *Má bez dna střevo*, *Vypil by i dřevo*, *Má rozumu plnou čepici* и многие другие).

В двух упомянутых выше «списках Зиберта» находим 123 выражения с общим значением 'он пьян', актуальных на рубеже XIX и XX веков. При этом составляющие языкового образа чешского пьяницы, систематизированные и представленные им, обнаруживают выразительную качественную и количественную специфику по сравнению с аналогичными языковыми образами, засвидетельствованными в сборниках Я. Заоралека (LR), В. Флайшганса (ČP), в Словаре чешской фразеологии и идиоматики (SČFI 1–5), в идеографических словарях чешского языка (ČSVS, TJČ), словарях субстандарта (ŠJČ) и описанными в целом ряде работ [3; 4; 5; 6; 7; 8 и др.].

Всецело принимая мнение В. М. Мокиенко о том, что «алкогольный дух (spiritus) во фразеологическом преломлении <...> не имеет ничего общего с сугубо национальным характером русских, немцев, поляков или чехов», что при сопоставлении такого материала «сугубо национальной специфики ни в самом древнейшем феномене пьянства, ни в его языковой картине найти невозможно», и предупреждение об обязательном оснащении изучения образа пьяницы межъязыковым анализом, не пытаясь вывести из универсально человеческого национально специфическое и уклоняясь от упрощенной характеристики национального, мы решились на не межъязыковое, а на внутриязыковое исследование. Его целью стал взгляд на вербальную презентацию чешского пьяницы «в списке Зиберта», на ее специфику как оригинальный результат народной фантазии, народного фразеотворчества и мотивационно-языковой избирательности с учетом иноязычных влияний. Отдельное внимание будет уделено динамике зафиксированных Ченекон Зибертом единиц в проекции на «*Lidová rčení*» Я. Заоралека и «*Česká přísloví*» В. Флайшганса, фразеологический словарь чешского языка, идеографические словари и словари субстандарта.

Метр изучения фразеологии пьянства в славянском и неславянском языковом пространстве, автор идеи фразеологического моделирования В. М. Мокиенко на основе огромного количества исследований приходит к выводам: «За национальной маркировкой сравнений стоит лишь универсальная для фразеологических систем семиотическая оппозиция «СВОЙ» – «ЧУЖОЙ», ко второму полюсу которой обычно относят отрицательно коннотированные характеристики» [3, с. 21]. По его убеждению, в славянских и неславянских языках обнаруживаются и работают равноположные структурно-семантические и мотивационные модели, легко обнаруживающие общий *tertium comparationis* [3, с. 21]. Изучение семантического поля «пьянство» на основе внутренней мотивации его составляющих свидетельствует о том, что преобладающее большинство подобных выражений образованы в рамках определенных семантических моделей [5, с. 65]. И хотя далеко не все устойчивые фразы, представленные в заинтересовавшем нас «списке Зиберта» представляют собой классические эксплицитные сравнения, попытаемся проанализировать их за базовыми мотивационными сферами, очерченными В. М. Мокиенко на материале чешского языка и уточненными на материале русского языка в соавторстве с Х. Вальтером [5, с. 65; 4, с. 55–58]. Авторы подобной схемы анализа алко-фразем замечают, что «не все подобные выражения, разумеется, могут быть уложены в прокрустово ложе предлагаемой классификации» [4, с. 55–58], но в нашем случае такая классификация становится крайне ценной, поскольку позволяет, по образному выражению О. И. Федосова, на первом этапе сравнить «яблоко с яблоком, а не с арбузом» [8, с. 255]. В дальнейшем анализе мы принимаем во внимание и неизбежные факты интеракций и пересечений мотивационных сфер, одна из которых оказывается доминирующей в вербальной презентации алко-фразеологического образа.

Изучая с точки зрения мотивационного моделирования чешскую алко-фразеологию, В. М. Мокиенко ставит на первое место мотивационную модель «матери-

ал, легко впитывающий жидкость, или что-либо, сделанное из такого материала». В «списке Зиберта» обнаруживаются типичные и особые мотивы, связанные с жидкостью и ее способностью впитываться в больших и чрезмерных количествах. Уподобление материалу, легко всасывающему жидкость, стало мотивом относительно небольшого количества выражений, основанных на способности впитывать жидкость деревянным предметом, в том числе и деревянной частью хозяйственных предметов, а также фитилем керосиновой лампы: *Ten ji má jako tram, Ten jako motyka, Má knot*. Часть примеров содержит глагол *mazati* ‘pít přes míru’: *Ten se namazal* и апелляцию к предметной сфере объектов, впитывающих жидкость (включая и голову человека – в переносном смысле): *Mazal píšťalu, Maže deku, Listonoš Kuchta říkal: Mažem deku!, Maže kouli, Namazal si šišku*. Более активно представлен мотив наличия чрезмерного количества «горючей» жидкости в организме человека: *Te se nacáknul, Ten je zmoklý, Ten se nalil, Ten si cucnul, Ten se naflakal, Je zmáchán, Je nalíznut*. В эксплицированном сравнении пьяница уподобляется кляксе: *Je jako kaňka*. Мотив «размокший, раскисший» проступает в выражениях *Ten je zbryndán, Ten střikuje, Je nastříknut*. Наличие определенно-го или чрезмерного количества жидкости (алкоголя) в организме мотивируется также движениями человека и действиями с емкостью для его употребления (наклонить, чокнуться с кем-то): *Ten si notně přihnul, Je naťuknut*. Любопытным представляется пример с «отталкивающим жидкость» мотивом, видимо, для обозначения человека-бездонной бочки, устойчивого к алкоголю: *Je osmolen*.

Мотивационная модель алко-сравнений и алко-выражений «емкость, куда налита или наливалась жидкость» в анализируемом материале представлена лишь фрагментарно: *Pil o sklenici víc, Pařil na tři kotle*. Зафиксировано два примера с мотивацией «заглядывать на дно» емкости для употребления алкоголя: *Kouknul se hluboko, Kouknul se ke dnu*. Мотивационные модели «животное», «человек по профессии, социальному статусу, этнической принадлежности» и другие модели, выделенные В. М. Мокиенко и Х. Вальтером [4], в «списке Зиберта» не представлены. Любопытно, что не представлена и мотивационная сфера «уподобление тяжелому, грубому, твердому предмету», однако имеет место уподобление предмету (материалу или веществу) испорченному, измельченному, ненужному и мягкому: *Je zdrcnut, Je na cucky, Je na hadry, Je na padří, Je rozsekán, Je zmáchán, Je naťuknut, Je na cimpcampr*. Имеют место и два примера, связанные с огнем как мотивом объективации характеристики «пьяный»: *Ten hoří, Hoří ti v troudňiku (troudňik – ‘сосуд для складирования troudu – легковоспламеняющегося материала для разжигания огня’)* и рапсовым маслом (*Má řepici*).

С другой стороны, в исследуемом материале широко представлена антропная сфера и антропные мотивационные сегменты. Первым из них оказывается измененное физическое состояние, дезориентация и абнормальные движения пьяного человека: *Neví jak hlavu nést, Hlava mu jde kolem, Všetko se ním točí, Svět se s ním točí, Ta jím mlátí, Ta jím trhá*, изменение качества зрения: *Dělají mu mžitky, Dělají se mu kola, Svití se mu z očí*, невозможность нормально передвигаться с помощью ног: *Metal pochopy (pochop – устар. ‘спотыкание’)* или мотание из стороны в сторону vs движение кругами: *Má širokou cestu, Jde široce, Cesta nu nestačí, Jde ode zdi ke zdi, Motá se, Plete krajky, Ten kroužil, Neví jak hlavu nést*. Далее следуют изменения речи – неспособность к нормальному произношению и говорению: *Má těžký jazyk, Ten bručí, Nemůže říci: mohovitost, Ten neřekne: Meklembruk*, чрезмерная разговорчивость: *Ten zná mluvnicki* и необычно высокий тон голоса: *Z fis ožralý (fis – нем. ‘наименование тона, на полутон выше, чем тон’)*. Мотив неадекватного поведения (похож на маленького ребенка, странно себя ведет, будто у него что-то чешется) обнаруживаем в выражениях *Je na capart, Má drbnici*. Пьяный становится либо вполне счастливым и довольным жизнью: *Udělat si bene (bene – лат. ‘хорошо’), Má habemus (habemus – лат. ‘у нас есть’)*, либо сентиментально-плаксивым: *Ten je zdrcnut, Má plačtivou, Ten se trápí, On želí*, либо готов буйно веселиться и пуститься в разгул: *Te je na frc (frc – нем. сленг. ‘забава’)*,

Je střelen, Vyrazil si z kopejtky, либо ведет себя как полоумный: *Má cvrčky v palici, Má v hořejším štoku* (*štok* – ‘верхняя часть побега хмеля’). Да и выглядит он странно: *Má pentlici, Má cop*, сам синего цвета: *Je slíva*, растрепанный: *Ten se zcuchal, Má beranici*, неопрятный: *Kácejí se mu holinky*.

Не можем обойти вниманием и тот факт, что исследованный материал представляет значительную часть выражений, иронически обозначающих пьяного человека, уверенного в своих высоких умственных способностях («dobré pivo i flamendrovi jakési vážnosti dodává... on si předce vykračuje jako lev, jako tento, králem býti mně» [2, с. 245]): *Jest osvícen, Má páru v hlavě, Má již o kolečko víc, Vypsal pár plajštiftů* (*plajštift* – из нем. *Bleistift* ‘карандаш’). Особый интерес представляют выражения *Ten má fištroun* и *Má v kotrbě*. В издании «Krkonošské nářečí, aneb co to je, když se řekne...» (www.krnar.cz) находим оба ключевых для исследуемых алко-фразем слова в одном контексте: *Ani krkonošští horáci nebyli žádní nedovtipové, fištrónu mívaly jejich horské kotrby na rozdávání*. Первый из них – *fištrón* – немецкое заимствование, в чешском имеет два значения – 1. Рыбий жир. 2. Остроумие, сообразительность; находчивое решение. *Mit fištrón* во фразеологическом словаре фиксируется в значении ‘находчивый, остроумный, умный’ (SČFI 2). В одной из статей Карла Чапека «*Ze života slov IV*», опубликованной в «*Lidových novinách*» в 1934 году, читаем: *Kulturní historikové by nám mohli říci, nebyl-li někdy snad prodáván rybí tuk čili Fischtran jako zázračný prostředek pro zvýšení inteligence, jak bychom mohli soudit podle rčení «mit fištrón». Nebo je to zbytek nějaké hapatykářské anekdoty, ve které otázka po fištrónu hrála hlavní roli?* (*Ze života slov IV. Lidové noviny, 09.01.1934*). Одни этимологи и сегодня выводят значение выражения *míti fištrón* из лечебного, стимулирующего мозговую деятельность свойства рыбьего (китового) жира [ČESR, s. 172]. Другие считают, что это значение возникло как шутка [SESJČ, s. 158], что видоизмененное нем. *Verstand* ‘ум, сообразительность’ как следствие ложной этимологии приписано слову *fištrón* в значении ‘рыбий жир’: В. Махек в своем словаре фиксирует *fištrón₁* ‘рыбий жир’ и *fištrón₂* ‘ум, сообразительность’ как омонимы, этимологически восходящие к нем. *Fischtran* и *Verstand* соответственно [ESJČ, s. 143]. П. Айснер выводит *fištrón* в значении ‘остроумие’ из нем. *Fischtran*, обращая при этом внимание на отсутствие в немецком языке переносного значения, эквивалентного чешскому, и подчеркивая, что этот пример – один из тысячи случаев, подтверждающих особое семантическое развитие заимствованного чешским языком иноязычного слова [9, с. 76]. Любопытно, что положительное влияние рыбьего жира на активизацию мозговой деятельности, о котором упоминал Карел Чапек, до сих пор никем не доказано... Тем не менее в «списке Зиберта» выражение *Ten má fištroun* приводится в ряду обозначений пьяного человека.

Kotrba изначально обозначало своеобразную треногу из соединенных жердей, предназначенную для сушки сена. Для лучшего проветривания и высыхания сено укладывалось во взрыхленном виде, вследствие чего оно торчало в разные стороны. Приспособление использовалось и в военном деле как подобие лестницы для преодоления стен. Направленность такой конструкции вверх и взрыхленность сена стали основой переносного наименования *kotrba* ‘постоянно встрепанная, лохматая и взъерошенная голова’ [SESJČ, s. 246] – именно так выглядел *císařův rekař Matěj Kotrba* в известном фильме режиссера Мартина Фрича, далее – ‘о лохматом и нерасторопном человеке’ и экспрессивное наименование ‘голова’ (www.krnar.cz). *Má v kotrbě* могло использоваться для обозначения либо умного, смекалистого, либо нерасторопного человека vs упрямого (такие значения засвидетельствованы в SJČ, s. 734 и SSJČ 2, s. 415). Заметим, что в словаре В. Флайшганса *kotrba* толкуется как ‘невоспитанный человек’, ‘голова’, в частности и глупая (*když je v ní sečka = hloupá*), но не в значении «пьяный» [СР, с. 604]. Однако нет оснований не верить Ченеку Зиберту, поставившему его в начале XX века в ряд алко-выражений.

Приведенные нами примеры свидетельствуют о сложности их семантизации и однозначного отнесения выражения к той или иной мотивационной группе. На наличие подобных фактов обращают внимание многие исследователи чешской фразеологии [5, с. 66–67; 7, с. 351; 8, с. 256]. Л. И. Степанова в 1995 году провела специальное исследование среди 60-ти респондентов (студентов и преподавателей Университета им. Ф. Палацкого в Оломоуце), предложив им самим решить, откуда у того или иного алко-выражения, выражаясь фразеологически, «ноги растут». Одним из предложенных ею фразеологизмов было засвидетельствованное и Ченеком Зибертом выражение *Je na mol*, являющееся элементом активного словаря носителей чешского языка. Студенты «осовременили» истоки выражения, связав ключевой компонент *mol* с молью как вредным насекомым и музыкальным термином *моль* (чеш. *mol*). Именно этот фразеологизм в ее исследовании обнаружил самый высокий индекс активности его известности респондентам и употребления (39) [7, с. 350]. При этом авторитетный историк чешской литературы и чешского языка В. Флайшганс в двухтомном издании «*Česká přísloví. Sbíрка přísloví, průřovědí a pořekadel lidu Českého v Čechách, na Moravě a v Slezsku*» (ČP) указывает, что выражения *opilý na mol* и *opilý jak mol* известны в чешском языке с 16 столетия, и приводит такое объяснение: для обозначения пьяницы существовали выражения *vinný mol* и *pivní mol*, связанные с мушками-дрозофилами, хаотично летающими над бродящим вином или пивом. Возможно, что выражение *Je na mol* обозначало ‘выглядеть как мушка, медленно и хаотично летающая над выпитым вином’ [ČP, s. 1008]. По В. Махеку, *mol* соотносится со старочешским *mol, molek* ‘пьяница’, однако он приводит и выражение *ožralý na mlamolý*, допуская, что *mol* вполне могло быть связано с *mlamolati (mlamola – ‘болтун, балаболка’)* [ESJČ Machek, s. 373]. Л. И. Степанова склоняется к версии, предложенной в этимологическом словаре И. Голуба и С. Лиера и поддержанной авторами Словаря чешской фразеологии и идиоматики, которые выводят *mol* из немецкого сленгового *Molum* ‘пьянство’, вероятно, еврейского по происхождению, замечая при этом, что эта версия все же не объясняет слитного написания в современном варианте *je namol* [7, с. 351]. Если же принять версию В. Махека с *mlamolati*, такое написание объяснить можно. Таким образом, исходя их различных версий происхождения выражения, его можно отнести к различным мотивационным сферам, как и засвидетельствованное в «списке Зиберта» *Má tampus*: с одной стороны, выражение может быть отнесено к антропной мотивационной сфере «состояние человека» (*tampus* из нем. ‘быть в приподнятом настроении’), с другой, по Я. Заоралеку, – к предметной (*campus* ‘сосуд с пивом’ [LR, с. 733]). Подобные примеры приводит и В. М. Мокиенко (в частности, *opilý jako tech*), замечая, что, несмотря на определенную лабильность приведенных семантических мотивационных моделей, они все же имеют объективные типологические характеристики [5, с. 66].

Примечательно, что среди типичных структурных моделей чешских алко-фразеологизмов и устойчивых выражений «ten + děj vs stav», «mít něco», «být jaký», «být na něco» и др. встречаются и нетипичные для современной алко-фразеологии выражения с личным местоимением женского рода ОНА (= *opice*) в различных формах: *Ten ji vede, Ten ji nese, Ten ji chytil, Ten ji má, Ta jím mlátí, Ta jím trhá, Ta mu dala, Ta se s ním rve*. Выражения подобной структуры в единичных случаях встречаются в сборнике Я. Заоралека (LR): *Má ji ode zdi ke zdi, Sedla mu na záda*, идеографическом словаре И. Галлера (ČSVS): *Ta ho má, Ta ho drží, Ten ji má* и в известном словаре П. Оуржедника «*Šmirbuch jazyka českého*» (ŠJČ), охватывающем уже послевоенный период до конца девяностых прошлого века (*Umotal si ji, Mít ji na zádech, Mít ji jak z praku*). В перечне алко-фразеологизмов в Словаре чешской фразеологии и идиоматики (SČFI 5) эта модель не представлена.

Дальнейшая судьба алко-выражений, зафиксированных в «списке Зиберта», такова. В сборнике Я. Заоралека (LR) встречается лишь 33 из 123-х выражений, системати-

зированных Ченеком Зибертом (*Ten je podroušilý, Má tampus, Má múcu, Má famulu, Má fištron, Hodil přes šňuru, Metá pochopy, Je na hadry* и др.) В соразмерном по времени созданию работы Ч. Зиберта словаре чешских пословиц В. Флайшганса (ČР) – одно (*opilý na mol*). В идеографическом словаре Й. Галлера (ČSVS) анализируемых единиц зафиксировано 15 (*Má cvrčky v palici, Neví o světě, Má hamebus, Má v hořejším štoku, Má opici, Má pod čepici* и др.). В новейшем идеографическом словаре А. Клегера (ТЖС) – 5 (*Mít v hlavě, Být na mol, Mít opici, Být nadratovaný, Být nadraný*). В Словаре чешской фразеологии и идиоматики Ф. Чермака (SČFI 1-5) находим лишь 11 выражений из «списка Зиберта», вошедших в актив современной алко-фразеологии (*Sotva stát na pohou, Být namol, Být namazaný, Mít dost, Má těžký jazyk*). Некоторые из них представлены в несколько измененном виде: *Mít opici* → *Mít smutnou (veselou) opici*, *Být na mol* → *Být namol*, *Být stříknutý* → *Bejt trochu stříknutý*, *Mít páru v hlavě* → *Být pod párou*, *Nevědět o světě* → *Nezná svět*, *Je slíva* → *Je jako slíva*. В отдельных случаях компонент немецкого (латинского) происхождения (а таких случаев в «списке Зиберта» обнаружено немало) заменен чешским эквивалентом: *Má tampus* → *Být v podroušeném stavu*. В словаре П. Оуржедника (ŠJČ), включающем элементы сленга, арго, разговорного языка и под., во многих случаях обойденные «официальной» лексикографией, находим 10 единиц из анализируемого «списка», некоторые также в несколько измененном виде с сохранением образа (*Být na motyku, Být na cucky, Zlítej jako kanón, Být stříknete, Být pod párou* и др.).

Осуществленный анализ еще раз подтверждает вывод В. М. Мокиенко о том, что приведенные выше модели не являются четкой и стабильной семантической и мотивационной системой, они могут взаимодействовать, накладываться друг на друга, трансформироваться, изменяться под влиянием конструкций иного типа [5, с. 66]. Могут формально модифицироваться и сами фразеологизмы, сохраняя за собой семантическую и мотивационную сферу, которая стимулировала их появление. Преобладающее большинство алко-выражений из «списка Зиберта», как показал анализ, со временем деактуализировались и вышли из активного употребления. Однако их ценность для создания общей картины языковой презентации чешского пьяницы, видения национального взгляда на пьянство и любителя выпить homo alcoholicus, инкрустированного в общие для европейского ареала семантико-мотивационные модели, его трансформаций в пространстве и времени и – возможно в будущем – для создания аналога русско-му чешского алкословаря-справочника представляется несомненной.

Список использованных источников

1. Zíbrt, Č. Kolikrát Čech může říci: jest opilý / Č. Zíbrt // Vydrovy besedy. – 1913. – R. XIII. – S. 215–216.
2. Zíbrt, Č. Pivo v písních lidových a znárodnělých / Č. Zíbrt. – Praha, 1909. – 401 s.
3. Мокиенко, В. Современная русская и славянская фразеология (синхрония и диахрония) / В. Мокиенко // Przegląd Rusycystyczny. – 2004. – № 4 (124). – С. 9–26.
4. Вальтер, Х. Homo Alcoholicus в русской языковой картине мира / Х. Вальтер, В. Мокиенко // Słowo. Text. Czas VI. – Szczecin, 2005. – S. 48–64.
5. Mokienko, V. Pije jako holendr – pije jako Holendr? / V. Mokienko // Naše řeč. – 1973. – R. 56. – S. 63–71.
6. Степанова, Л. К динамике чешских фразеологизмов (семантическое поле «Пьянство») / Л. Степанова // Функционирование фразеологии в тексте в периоды кризиса идеологии и культуры. – Оломоуц, 1995. – С. 68–70.
7. Stěpanová, L. K některým problémům současné české frazeologie / L. Stěpanová // Spisovná čeština a jazyková kultura. 2. – Praha, 1995. – S. 348–351.
8. Федосов, О. Старое и новое во фразеологии пьянства (на примерах венгерского и чешского языков) / О. Федосов // Новое в русской и славянской фразеологии. – Оломоуц, 2020. – С. 254–259.
9. Eisner, P. Čeština poklepem a poslechem / P. Eisner. – Praha, 2000.

Принятые сокращения

- ČES – Rejzek, J. Český etymologický slovník / J. Rejzek. – Praha, 2012.
ČP – Fajšhans, V. Česká přísloví. Sbírnka přísloví, průpovědí a pořekadel lidu českého v Čechách, na Moravě a v Slezsku. D. 1–2 / V. Fajšhans. – Praha, 1911, 1913.
ČSVS – Haller, J. Český slovník věcný a synonymický. D. 1–4 / J. Haller. – Praha, 1969–1987.
ESJČ – Machek, V. Etymologický slovník jazyka českého / V. Machek. – Praha, 1968.
LR – Zaoralek, J. Lidová rčení / J. Zaoralek. – Praha, 1963.
SČFI 1 – Slovník české frazeologie a idiomatiky. Výrazy neslovesné. – Praha, 1983.
SČFI 2 – Slovník české frazeologie a idiomatiky. Výrazy slovesné. D. 1–2. – Praha, 1983.
SČFI 3 – Slovník české frazeologie a idiomatiky Přírovnání. – Praha, 1983.
SČFI 4 – Slovník české frazeologie a idiomatiky. Výrazy větné. – Praha, 2009.
SČFI 5 – Slovník české frazeologie a idiomatiky 5: Onomaziologický slovník. – Praha, 2016.
SESJČ – Holub, J. Stručný etymologický slovník jazyka českého / J. Holub, S. Lyer. – Praha, 1978.
ŠJČ – Ouředník, P. Šmírbuch jazyka českého. Slovník nekonvenční češtiny 1945–1989 / P. Ouředník. – Praha, 2016.
SJČ – Trávníček, F. Slovník jazyka českého / F. Trávníček. – Praha, 1952.
SSJČ – Slovník spisovného jazyka českého. D. 1–8. – Praha, 1978.
TJČ – Klégr, A. Tezaurus jazyka českého. Slovník českých slov a frází souznačných, blízkých a příbuzných / A. Klégr. – Praha, 2007.

Zpracování a vydání publikace bylo umožněno díky účelové podpoře na specifický vysokoškolský výzkum udělené Ministerstvem školství, mládeže a tělovýchovy ČR Univerzitě Palackého v Olomouci (IGA_FF_2021_009).

Abstract. The study is based on the first list of Czech phraseologisms denoting a drunk person, which was compiled by the famous ethnographer Čeněk Zíbrt at the beginning of the 20th century. The semantic-motivational analysis of the expressions presented there with regard to the common for the European area motivational models in comparison with the “alco-phraseology” presented in the Czech phraseography of the 20th-20th centuries has been carried out. The dynamics of expressions from the “Zíbrt’s list” in the projection on the phraseological, paremiological, ideographic, and Czech substandard dictionaries has been studied.

Keywords: Čeněk Zíbrt, the first list of Czech phraseologisms connected to alcohol vocabulary, semantic-motivational modeling, phraseological dynamics.

УДК 811.161.1'42'371:398.92:27-23

А. Д. Бакина

КОНЦЕПТОСФЕРА БИБЛЕЙСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

Аннотация. В статье обсуждаются вопросы, касающиеся исследования концептов фразеологии библейского происхождения при внимании к структурно-содержательному наполнению ее концептосферы. Выявляются библейские концепты, представляются библейские фразеологизмы, их вербализующие. Перспектива исследования заключается в выделении ключевых и периферийных концептов библейской фразеологии, подробном их анализе и описании, определении структуры концептосферы библейской фразеологии, а также сопоставлении концептосфер библейской фразеологии в разных языках.

Ключевые слова: концепт, концептуализация, концептосфера, библейская фразеология, фразеологизмы библейского происхождения, библейские тексты.

Современные исследования в русле когнитивного подхода ознаменовали новый этап в развитии лингвистической науки, и ее раздела – фразеологии, в частности. Ис-

следование фразеологии в лингвокогнитивном аспекте позволяет определять фразеологические единицы как «микротексты, в номинативное основание которых, связанное с ситуативным характером обозначаемого, втягиваются при его концептуализации все типы информации, характерные для отображения ситуации в тексте, но представленные во фразеологизмах в виде «свертки», готовой к употреблению как текст в тексте» [1, с. 8]. Разработка базовых вопросов на стыке языкознания и когнитологии позволила по-новому взглянуть и на проблемы фразеологии библейского происхождения.

Язык, как средство выражения мировоззрения той или иной культуры, в то же время обуславливает ее миропонимание. Невозможно переоценить влияние Библии на английскую и русскую культуру, поскольку долгое время общество жило именно по законам Книги книг, а библейские тексты считались сакральными. «Фразеологизмы библейского происхождения – своеобразные фразеологические вехи библейских преданий в современном языке» [2, с. 109]. Несомненно, культурно-национальная специфичность отражена в библейских фразеологизмах разных языков.

Если языковая картина мира представляет собой состав фрагментов картины мира в некотором семантическом пространстве, определяет объем входящих в них единиц, оценивает связи и отношения между отдельными фрагментами, то концептуальная картина мира, формирующаяся на основе знания как отражения познавательной деятельности человека, понимается как «совокупность моделей, структурирующих знание о мире» [3, с. 34]. Концептуальная картина мира богаче языковой картины мира, поскольку в ее создании участвуют разные типы мышления, в том числе и невербальные [4, с. 3–7].

Основополагающий вклад в изучение концептов через соотношения с материалом языка внесла Н. Д. Арутюнова. С ее именем связан логический подход к изучению концептов. Она определяет концепты как понятия практической философии, возникающие «...в результате взаимодействия таких факторов, как национальная традиция и фольклор, религия и идеология, жизненный опыт и образы искусства, ощущения и системы ценностей» [5, с. 3]. Концепты образуют «...культурный слой, посредничающий между человеком и миром» [Там же].

Ю. С. Степанов рассматривает концепт как явление того же порядка, что и понятие. Необходимо отметить, что Ю. С. Степанов показывает и отличие концепта от понятия: «концепт богаче по содержанию, чем понятие, и неразрывно связан с миром культуры, так как представляет собой как бы сгусток культуры в сознании человека; способ представления культуры в ментальном мире человека, с другой стороны, концепт – это то, посредством чего человек – рядовой, обычный человек, не «творец культурных ценностей» – сам входит в культуру, а в некоторых случаях влияет на неё» [6, с. 45].

Представим также точку зрения зарубежного лингвиста А. Ланглоца на то, что есть концепт: “Concepts fulfil the central functions of representing, storing, structuring and organising information about the world economically and thus allow us to retrieve, process and communicate knowledge in an efficient way...” [7, с. 61].

Концептосфера (термин Д. С. Лихачева) – еще одно из фундаментальных понятий в когнитивной лингвистике. Это совокупность знаний, состоящая из концептов, обобщающая различные знания внешнего мира, существующая в виде абстрактных значений. «Концептосфера – это совокупность концептов нации, она образуется через все потенции и комплексы концептов носителей языка» [8, с. 5].

Библейская концептосфера являет собой фрагмент библейской картины мира, сформировавшейся на основе древнееврейского, реже древнегреческого, представления и включает в себе совокупность понятий, которые могут быть связаны отношениями взаимосвязи, оппозиции, иерархическими отношениями, а также быть тематически сгруппированными.

Перевод Библии на тот или иной национальный язык определяет специфику формирования национальных библейских концептосфер в результате многочисленных интерпретаций библейских первоисточников.

Обращаясь непосредственно к проблеме изучения фразеологических единиц библейского происхождения, под которыми понимаются «устойчивые, воспроизводимые в речи сочетания слов или предложения с полностью или частично переосмысленным значением, возникшие на основе библейского прототипа и восходящие к тексту Библии или библейскому сюжету» [9, с. 23], отметим, что к отличительным характеристикам библейских текстов относятся интертекстуальность, воспроизводимость, контекстуальная культурно-историческая насыщенность, образность, символизм. Спецификой текста Библии является также и то, что вследствие нечеткости и неясности плана содержания, в то же время его универсальности, процессы восприятия и механизмы понимания и интерпретации библейских текстов, а значит осмысления семантики фразеологических единиц библейской этимологии, сугубо индивидуальны и комплексно сложны.

Итак, библейская фразеология того или иного национального языка представлена рядом концептов, которые формируются в некую концептосферу, обуславливающую специфику преломления и отражения информации о мире, действительности посредством использования фразеологических единиц библейской этимологии.

Следуя за З. Д. Поповой и И. А. Стерниным, предложившими типологию концептов, выделяем следующие их типы: концепт-представление (объективируется в языке лексическими единицами конкретной семантики); концепт-схема (представлен обобщенной пространственно-графической или контурной схемой); концепт-понятие (состоящий из существенных признаков предмета или явления); концепт-фрейм (мыслимый в целостности его составных частей многокомпонентный концепт, некоторая совокупность стандартных знаний о предмете или явлении); концепт-сценарий / скрипт (последовательность нескольких эпизодов во времени); концепт-гештальт (комплексная, целостная функциональная мыслительная структура, упорядочивающая многообразие отдельных явлений в сознании) [10].

Ранее в своих работах мы уже обращались к исследованию концептов (в рамках фреймового описания), в частности, концепта *хлеб* (*bread*) в русской и английской культурах, выявляя его субфреймы [11]. Исследование показало, что данный концепт реализуется в следующих субфреймах:

- хлеб как главная пища, дающая жизнь человеку. Например: Man shall not live by bread alone (Matthew IV: Man shall not live by bread alone, but by every word that proceedeth out of the mouth of God); The staff of life (Leviticus XXVI, 26; Psalms CV, 16: And when I have broken the staff of your bread, ten women shall bake your bread in one oven, and they shall deliver you your bread again by weight: and ye shall eat, and not be satisfied) [12];

- хлеб как сущность бытия. Например: Eat the bread of idleness (Proverbs XXXI, 27: She looketh well to the ways of her household, and eateth not the bread of idleness); Eat the bread of affliction / humiliation / sorrows (Psalms CXXVII, 2: It is vain for you to rise up early, to sit up late, to eat the bread of sorrows: for so he giveth his beloved sleep) [12];

- хлеб как дар, главным образом, Божий дар, божественное чудо. Например: bread of life (John 6:31-35: Lord, thou hast fed us with the bread of life; I am the bread of life; he that cometh to me shall never hunger); Ask for bread and be given (or receive) a stone (Matthew VII, 9: Or what man is there of you, whom if his son ask bread, will he give him a stone?) [12];

- хлеб как символ священного таинства. Например: last meal; break bread with somebody (Act XX, 7: And upon the first day of the week, when the disciples came together to break bread, Paul preached unto them, ready to depart on the morrow; and continued his speech until midnight) [12];

- эсхатологический хлеб как символ наивысшего дара с небес (особенно при достижении Царства Божьего). Например: manna in the desert; bread from heaven; manna from heaven (Exodus XVI; 14, 15, 31: And when the children of Israel saw it, they said one to another, It is manna: for they wist not what it was. And Moses said unto them, This is the

bread which the Lord hath given you to eat); Daily bread (Matthew VI, 11: Give us this day our daily bread) [12].

К базовым концептам, наряду с *хлеб (bread)*, относят *правда (truth)*, *свет (light)*, *тьма (darkness)*, *предательство (treachery)*, *грех (sin)*, *любовь (love)* и мн. др., которые помогают получить некоторое представление о структурно-содержательном наполнении концептосферы библейской фразеологии. Однако для того, чтобы приблизиться к потенциально возможному выделению всех концептов, формирующих библейскую концептосферу, необходимо выявить классы, отдельные тематические группы лексики библейских текстов. Это послужит первым шагом на пути к концептуальному анализу. Мы будем следовать выделенной тематике библейской фразеологии, предложенной профессором Т. Н. Федуленковой [9]. Выделив такие группы, как «Человек и его отношения с окружающим миром» и «Неживая природа», а также их подгруппы, как, например, «Наименования лица», «Возраст человека», «Поведение человека», «Общество и общественные отношения», можно представить структуру библейских концептов. С опорой на четкую тематическую организацию, можно выделить фразеологические единицы библейского происхождения, с помощью которых библейские концепты вербализуются. Так, в тематическую группу «Человек и его отношения с окружающим миром» входят следующие подгруппы: человек – представитель человеческого рода, например, *a weaker vessel* – «слабый пол»; черты характера человека, поведение, эмоции, например, *a broken reed* – *ненадежный человек*; *be a law to oneself* – *сам себе закон*; *good Samaritan* – *добрый самаритянин*, *a prodigal son* – *блудный сын*, *Judas Iscariot* – *предатель Иуда*; социальные характеристики человека – *a citizen of no mean city* – *достопочтенный гражданин*; *a fisher of men* – *проповедник, миссионер* и т. д. В другой тематической группе «Неживая природа» могут быть выделены такие подгруппы, как «Абстрактные понятия» («Время», «Начало», «Конец» и др.) и «Явления и состояния внешнего мира». Эти подгруппы могут быть представлены такими фразеологизмами, как *at the eleventh hour* – *в самый последний момент*; *one's hour has come* – *час настал, настало время*; *For everything there is a season...* – *Всему свое время...*; *Alpha and Omega* – *начало и конец, суть, самое существенное*; *give up a ghost* – *умереть, скончаться* [9].

Отметим, что, с одной стороны, «наднациональность» библейской фразеологии «просвечивает» не только в аспектах содержания, употребления библейских фразеологизмов, но и в концептуализации объективной действительности, с другой, национально-культурная специфика обуславливает специфичность концептосферы библейской фразеологии в различных лингвокультурных сообществах.

Рассмотрим, какими средствами вербализуется концепт «правда» («truth»). В ходе анализа его понятийных признаков, актуализированных в толковых словарях, выделяем ряд сем, которые составляют семантику слова *правда* и которые помогают выделить признаки актуализации концепта. *Правда* в библейском тексте есть *божественная истина, божья справедливость. Истина и правда* – «святые» (*святая истина, святая правда, holy truth*), за них принято молча страдать, их отстаивают. Можно выделить такие признаки, как *вера, объект веры, признак Бог, божественность. Истина / правда, (truth)* актуализируются признаком *величайшая ценность*, а также признаками *правдивость, справедливость, правильность, праведность, правость, правота, честность, неподкупность, добросовестность, безгрешность, добродетель, заповедь, право, суд, правосудие* и т. п.

Концепт может быть вербализован соответствующей лексемой в английском (*truth*) и русском языке (*правда / истина*), а может не выражаться лексемой, но содержаться в понятийном смысле библейского фразеологизма. Представим английские и русские фразеологизмы библейского происхождения, репрезентирующие концепт «правда» («truth»):

1. *Truth will set you free* – (русск. *правда освободит вас*), говоря о духовной свободе человека от грехов и тягот. Данное выражение (сравн. лат. *Vēritās liberābit vōs* (библейский) или *Vēritās vōs liberābit* (общий), греческий ἀλήθεια ἐλευθερώσει ὑμᾶς) восходит к стиху Иоанна 8:32, в котором Иисус Христос обращается к группе евреев, уверовавших в Него:

Then Jesus said to the Jews who had believed in him, “If you continue in my word, you are truly my disciples;

and you will know the truth, and the truth will make you free.”

They answered him, “We are descendants of Abraham and have never been slaves to anyone. What do you mean by saying, ‘You will be made free’?”

Jesus answered them, “Very truly, I tell you, everyone who commits sin is a slave to sin.

The slave does not have a permanent place in the household; the son has a place there forever” [12].

Примечательно, что это библейское утверждение высечено в камне в оригинальном здании штаб-квартиры Центрального разведывательного управления США, а также используется в качестве девиза многими университетами и колледжами, например, Кентерберийский университет Крайст Черч, Университет Портленда, Университет штата Айдахо, Университет Оттавы, Католический университет Уругвая и др.

Языковая реализация концепта в разных видах дискурса представлена следующими контекстами употребления:

– *“They say the **truth will set you free**. But I’m more interested in what they don’t say” (Winston Churchill) – “Говорят, что **правда несет освобождение**, но меня больше интересует то, о чем не говорят” (У. Черчилль) [13].*

– *“Меч правды преобладает по всей темноте, это – **правда**, которая могла **освободить вас**, это – правда, которая не знает никаких ограничений” [13].*

2. *What is the truth?* – (русск. Что есть истина?). Выражает форму скептицизма, обычно о непознаваемости истины. См. в источнике: *“Pilate saith unto him, ‘**What is truth?**’ And when he had said this, he went out again unto the Jews, and saith unto them, I find in him no fault at all” [12].*

– *“Ах, какой еще истины старик! Разве кто-нибудь знает, что есть истина” [13].*

– *“This is a commendable aim. I mean, **what is the truth** of everything?” [13].*

3. *Truth comes out of the mouths of babes and sucklings* – (русск. устами младенца глаголет истина). См. в первоисточнике: *“Out of the mouths of babes and sucklings hast thou ordained strength because of thine enemies, that thou mightest still the enemy and the avenger” [12].*

– *“My dear, talk about **out of the mouths of babes and sucklings!** I don't even know who Hazlitt is, let alone what he does! It's quite obvious I must cancel the Express and start taking The Times. Isn't it just coming to something when one has to try to keep up with one's daughter?” [14].*

– *“**Out of the mouths of babes and sucklings,**” said George, who sometimes quoted the abhorred Bible without realizing it [13].*

– *“**Устами младенцев глаголет истина,**” – сказал Джордж, который, сам того не зная, иногда цитировал ненавистную ему Библию [13].*

4. *To beat one's breast* – (русск. бить себя в грудь, т. е. громко и решительно уверять, клясться в **истинности** сделанного или сказанного).

– *Как говорится, “И в судный день, посыпав голову пеплом, плакать и **бить себя в грудь**” [13].*

– *“И тут некие «честные коммунисты» стали **бить себя в грудь** и кричать, что они, оказывается, ничего не знали” [13].*

– *“The president **beat his breast** and called that deal a mistake” [13].*

5. *To open smb.'s eyes (the eyes of smb.) to smth* – (русск. раскрыть глаза на что-то, показывать **истинное** положение вещей тому, кто представляет себе его ложно, рассказывать правду; выводить кого-л. из заблуждения). См. в тексте оригинала: “*And Jesus stood still, and called them, and said, ‘What will ye that I shall do unto you?’ They say unto him, ‘Lord, **that our eyes may be opened**’. So Jesus had compassion on them, and touched their eyes: and immediately their eyes received sight, and they followed him*” [12].

– “*Давно достигнутому совершеннолетия андерсеновскому мальчику все неймется **раскрыть глаза** заблуждающемуся большинству*” [13].

– “*Since the world began was it not heard that any man **opened the eyes** of one that was born blind*” [13].

– “*All that has happened to me has helped **open my eyes** and I am still young enough to put the past firmly behind me*” [13].

6. *Clean hands* – «чистые руки», незапятнанная репутация, честность, **правдивость**.

– “*...by Olivetti over the last 15 years as politica favours to the Mani Pulite – **Clean Hands** – investigating judges in Milan on Sunday. In a one-hour face-to-face meeting with...*” [13].

– “*But they do not come to the policy debate with **clean hands***” [13].

– “*И да: сотрудники государственной безопасности там пользуются особым расположением. Всё ж **чистые руки**, горячее сердце. Хотя корочками ребята там не размахивают*” [13].

– “*Lady Wanley. Are you ready still for any adventure that comes your way? Jack Straw. So long as I can do it with **clean hands***” [13].

7. *The golden rule* – «золотое правило», мудрое и правдивое правило, помогающее всегда и всем. См. в тексте оригинала: “*One should treat other people the way one would like to be treated, often expressed proverbially as “Do unto others as you would have them do unto you. Whatsoever ye would that men should do to you, do ye even so to them”; “thou shalt love thy neighbour as thyself*” [12].

– “*They consider their own intelligence as far above a simple maxim like the **Golden Rule***” [13].

– “*My son wanted to steal the bike of a boy who stole his lunch money, so I told him that the only way to get along with people is to follow **the golden rule.***”

– “*Это **золотое правило** я запомнил и памятую ныне*” [13].

8. *A lost sheep* – «заблудшая овца», человек, сбившийся с истинного пути. В первоисточнике: “*... But go rather to the lost sheep of the house of Israel; ...I have gone astray like a lost sheep; seek thy servant; for I do not forget thy commandments*” [12].

– “*Движение к совершенству мытаря Закхея, блудницы, разбойника на кресте по этому учению большее благо, чем неподвижная праведность фарисея. **Заблудшая овца** дороже 99-ти незаблудших. Блудный сын, потерянная и опять найденная монета дороже, любимее Богом тех, которые не пропали*” [13].

– “*...joy experienced when the lost son returned to his father, or when **the lost sheep** was found, or when the lost coin was pulled from its hiding-place*” [13].

– “*...same principle that the son who was lost is found again. Unlike **the lost sheep** and the lost coin, the son is lost through his own deliberate choice*” [13].

– “*It was plain that she had erred and strayed like a **lost sheep**, and had been duly if severally punished*” [13].

Таким образом, проведенное исследование позволяет заключить, что концепты, формирующие концептосферу библейской фразеологии, актуализируются фразеологизмами библейского происхождения, содержащими в качестве компонента соответствующую концепту лексему или не имеющими ее в своем компонентном составе, но выделяемую сему(ы) в значении в качестве признака концепта. Концепты есть опорные элементы языка, им свойственно отображать особенности той или иной лингвокультуры, а также обеспечивать взаимопонимание между представителями различных линг-

вокультурных сообществ. Исследование специфики концептуализации библейской фразеологии и ее концептосферы позволяет глубже проникнуть в библейскую картину мира. Перспектива настоящего исследования видится в доказательстве предположения о том, что концептосфера библейской фразеологии представляет собой разветвленную структуру, включающую ключевые / базовые и периферийные концепты, а также в возможности сопоставительного анализа и описания концептосфер библейской фразеологии разных языков.

Список использованных источников

1. Телия, В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – М. : Языки русской культуры, 1996. – 288 с.
2. Федуленкова, Т. Н. Характеристика прототипов библейской фразеологии и способы их преобразования в языковые единицы / Т. Н. Федуленкова // Язык и культура, 2019. – № 1 (45). – С. 108–120.
3. Каменская, О. Л. Текст и коммуникация : учеб. пособие для ин-тов и фак-тов иностр. яз. / О. Л. Каменская. – М. : Высш. шк., 1990. – 152 с.
4. Серебренников, Б. А. Предисловие / Б. А. Серебренников // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / под ред. Б. А. Серебренникова, Е. С. Кубряковой. – М. : Наука, 1988. – 216 с.
5. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – М. : Языки русской культуры, 1998. – 895 с.
6. Степанов, Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю. С. Степанов. – М. : Языки русской культуры, 1997. – 824 с.
7. Langlotz, A. Idiomatic creativity. A cognitive-linguistic model of idiom-representation and idiom-variation in English / A. Langlotz. – Amsterdam, 2006. – 340 p.
8. Лихачев, Д. С. Концептосфера русского языка / Д. С. Лихачев // Изв. РАН – СЛЯ. – 1993, №1. – С. 3–9.
9. Федуленкова, Т. Н. Лекции по английской фразеологии библейского происхождения : учебное пособие / Т. Н. Федуленкова. – М. : Издательство дом Академии Естествознания, 2016. – 146 с.
10. Попова, З. Д. Очерки по когнитивной лингвистике / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Воронеж : «Истоки», 2001. – 191 с.
11. Бакина, А. Д. Структура и организация фрейма «bread» (хлеб) в библейской фразеологии / А. Д. Бакина // Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики : материалы ежегодной международной конференции. Екатеринбург, 5-6 февраля 2021 г. Ч. I ; Уральский государственный педагогический университет. – Екатеринбург, 2021. – С. 12–18.
12. King James Bible Online [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.kingjamesbibleonline.org>. – Дата доступа : 15.10.2021.
13. Reverso Context [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://context.reverso.net>. – Дата доступа : 15.10.2021.
14. British National Corpus [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.natcorp.ox.ac.uk>. – Дата доступа : 10.10.2021.

Abstract. The article discusses questions pertaining to the study of concepts of biblical phraseology with attention to the structural and content aspects of its conceptual sphere. Biblical concepts are identified. Biblical phraseological units that verbalize them are presented. The prospect of the research is seen in the allocation of key and peripheral concepts of biblical phraseology, their detailed analysis and description, identification of the structure of the conceptual sphere of biblical phraseology, as well as comparison of the conceptual spheres of biblical phraseology in various languages.

Keywords: concept, conceptualization, conceptual sphere, biblical phraseology, phraseological units of biblical origin, biblical texts.

Л. Е. Беженару

**РОДОВОЕ ПОМЕСТЬЕ И ЛОКУС ДОМА КАК ПРОСТРАНСТВО
«МАЛОЙ РОДИНЫ» В ОБРАЗНОЙ АНАЛОГИИ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ**

Аннотация. В статье рассматривается концепт «малая родина» как единство природы, характера народа, его мышления на основе анализа локуса *дома* и *родового поместья* как моделей мира в образной аналогии фразеологизмов и устойчивых словесных комплексов.

Ключевые слова: дом, родовое поместье, локус, малая родина, фразеология.

Национальная специфика универсальной концептосферы «Родина» отличается в каждой национальной культуре. Эту отличительную черту мы именуем феноменом «малая родина», который имеет свою национальную специфику и колорит, свои характерные черты, свою жизнеспособность и продуктивность структурно-смысловых констант. Концептуальный анализ этого феномена [1] в общей системе национальной картины мира (родина) в русской литературе позволил нам определить его как концепт, имеющий свои составные компоненты и формирующий национальную модель текста; как самостоятельную культурологическую константу, имеющую ментальную, языковую и литературно-философскую репрезентацию.

Концепт «малая родина» имеет и антропологическую составную: жизнь индивидуума связана с местом рождения, с его размещением в пространстве; это пространство отличается от страны к стране, от ландшафта к ландшафту и способствует географическому моделированию образа страны в целом и образа «малой родины» в отдельности. Исследователь В. Абашев называет этот аспект отношений *экзистенциальным*. В этом смысле образ «малой родины» можно определить как устойчивый и диверсифицированный географический образ, имеющий культурно-историческую и природную насыщенность. В образно-символическом смысле природные или культурные ареалы «малой родины» могут иногда выступать и в качестве образа всей страны, акцентируя внимание на самых ярких и существенных чертах ее образа. Так, в русской литературе регион Урала часто рассматривался как символ мощи, а Сибирь – как символ неосвоенности и первозданности России. Образ «малой родины» – родной земли – указывает и на принадлежность творчества некоторых авторов к определенному локусу, изображению которого авторы отдают предпочтение в своих произведениях. Творчество Ф. Абрамова связано с архангельской деревней; образ вологодской деревни прослеживается у В. Белова, сибирской – у В. Распутина и В. Астафьева, алтайской – у В. Шукшина.

Образ «малой родины» связан и с тем, что географические и этнические образы часто формируют устойчивые системы или комплексы – некие «стереоскопические пары» объемного изображения местности, позволяющие представить «малую родину» / регион и олицетворяющие ее народ емко и объемно. Это объясняется тем, что этнический образ несет в себе в скрытом или явном виде и черты этнической территории, локуса, а персонифицированные этнические образы (запорожский казак Тарас Бульба, донской казак Григорий Мелехов, персонаж румынской литературы *moș Ion Roată* / мош Ион Роатэ) наиболее полно воплощают представления о конкретной территории и эпохе.

По мнению Д. Замятина, в филологии изучение образов географического пространства связано и с соотношениями языка и пространства, текста и пространства, языка и географической карты [2]. Образ пространства «малой родины» изображается авторами по-разному. Он отражает в основном специфические характеристики местности, региона, эпохи и выражается в языке. Это «угор» (А. Яшин) (*горка, взгорок, высотка, нагорье, взлобок, возвышенность, бугор, возвышение, пригорок, повышение,*

взгорье, высота, холм, увал, курган) [3], «подъезд», «коммунальная квартира», «три переулка», «двор», «Чистые пруды», «малая речка», «мост», (Ю. Нагибин), «увал» (пологий холм, имеющий значительную протяженность) (В. Астафьев). «География воображения» (Д. Замятин), вне зависимости от вида физико-географического пространства, имеет душевно-эмоциональный компонент, потому «стихийное ощущение родного гнезда не зависит от красоты местности» (В. Белов, «Лад»).

В ценностной картине мира образ *малой родины* связан с местом рождения человека, и это действие выражено в пословицах *Где кто родится, там и пригодится; Где жить, тем и слыть*.

В русской ментальности с концептом «малая родина» связаны выражения *родовое поместье, родовое имение, родовое гнездо, родовая усадьба*. Родовая усадьба, в исконном смысле этого слова, – малая родина человека, где жило несколько поколений его предков. Это и яснополянская усадьба, усадьба Архангельское, усадьба Покровское Брянчаниновых, усадьбы Шереметьевых, Оболенских, Голицыных, Меньшиковых, Демидовых, Муровых – места, где родились другие поколения и элементами которых обязательно должны были быть *дом, сад, дерево, колодец / родник*. Вот почему мы считаем «родовое поместье», «малую родину», «дом» основными хранителями корней рода, этноса, нации в целом.

Локус *дома* как составная микрокосмоса «малой родины» дополняет восприятие сложного мира малой родины, того «корневища», *родового поместья, родового имения, родового гнезда*, которое заложено в каждом этносе и в каждой национальной культуре. В русском культурном пространстве в выражениях *родительский дом, порог родного дома* делается установка на дом как главное родовое пространство детства / семьи / поколений. «Деревенская проза» отмечена новым осмыслением концептуального поля «дом» внутри макрополя концепта «малая родина», так как способствует обогащению его семантического наполнения за счет смысловых приращений. «Дом» является в какой-то мере проекцией самого человека, он включается в систему *человек – дом – родовое поместье / родовая усадьба – деревня / город – страна – мир* и представляет собой одну из важнейших культурных, ментальных и языковых констант в русской национальной и художественной картинах мира [4].

В традиционной русской культуре чрезвычайно развито чувство любви к родному краю и к собственному дому: *Родная сторона – колыбель, чужая – дырявое корыто*. На малой родине, в родном доме русский человек находит уединение и успокоение: *Родной дом и край – сердцу рай*. Возможно, поэтому в пословице и используется аллегория рая.

Этому чувству рая нашел объяснение культуролог Г. Гачев, который обратил внимание на особую, «миромоделирующую» роль *дома* в представлении человека: «Дом – макет мироздания, национальный космос в уменьшении. Здесь земля – пол, небо – крыша, страны света – стены <...> Как мир (природа) – храм, дом Бога, так дом – храм человека, человек творит дом, как Бог мир – по своему образу и подобию» [5, с. 11–12]. Г. Гачев отмечает: «Общая тенденция жилища – вознесение...» [5, с. 13]. В русской избе стены изготовлены из дерева, и это, по словам исследователя, означает, что «лес вовнутрь введен – прямо с лесом живут» [5, с. 20].

Понятие *дом* в русской языковой картине мира представляет собой фокус главных жизненных ценностей – счастья и семьи, и основной функцией дома является защита. Данные лексикографических источников подтверждают истинность положения о представлении понятия *дом* в сознании носителя русского языка как о *жилье* и олицетворении понятия *семья*. Дом нередко называется макетом мироздания, национальным космосом в миниатюре.

В основе народного представления о *доме* лежало не только понятие о здании, но и понятие о чем-то созданном, постоянном, общем для всех «своих», которые объеди-

няются кровом такого дома. Об этом свидетельствуют «Словарь живого великорусского языка В. И. Даля» [6], «Пословицы русского народа: сборник в 2-х томах» [7] и приведенные в них многочисленные пословицы и загадки, относящиеся к дому. Пословицы о *доме* – это и семья, и умение вести хозяйство, и гостеприимство. Свой дом справедливо называют крепостью: *Мой дом – моя крепость; Своя избушка – свой простор*. Чтобы дом был полной чашей (*Дом – полная чаша; Мило тому, у кого много всего в дому*), надо в него принести хлеба, испечь пироги: *Изба красна углами, обед – пирогами*. Чтобы в доме был достаток, в нем нужны хорошая хозяйка и хозяин-труженик: *Всякий дом хозяином держится; Где работно, там и густо, а в ленивом доме пусто; Горе тому, кто непорядком живет в дому; Дом вести – не лапти плести; Всякий дом хозяином хорош; Без хозяина двор плачет, а без хозяйки – изба; Всяк хозяин в своем дому большой; Хозяин добр – и дом хорош, хозяин худ – и в доме тож*.

В традиционном сознании русских типичным образом дома являлась *изба*. У представителей «деревенской» прозы часто встречаются одни и те же слова, которые раскрывают концепт «дом». Так, в текстах повестей В. Распутина «Живи и помни», «Пожар», «Последний срок» можно отметить следующие значения концепта «дом»: *изба, избушка, хоромы, жилище, курятник, домишко, пятистенник, многоэтажка, жилплощадь*. Слова *избушка* и *изба* по частотности занимают первое место. В «Последнем поклоне» В. Астафьева концепт «дом» пополняется словами *караулка, избушка, домовина*. Концепт «Дом» как единица лексикона раскрывает совокупность всех смыслов, характерных для русской культуры. В произведениях писателей за словом *дом* стоит не только мир образов, представлений, система ценностных установок, метафор, но и мудрость народных пословиц и поговорок об этом русском традиционном деревянном жилище. В рассказе В. Распутина читаем, что над избой Агафьи «будто свет струился». Изба встала «в рост, сразу вдвигаясь в жилой порядок» [8, с. 318]. И этот « жилой порядок» происходит из народной мудрости и психологии русского человека: *Не для лета изба рубится, для зимы; Не бравшись за топор, избы не срубить*. Народные поговорки говорят, что в каждой избе свой уклад жизни: *В гости со своим уставом не ходят*.

Автор замечает, что в избе «приятно грело душу, навевало покой и окунало в сладкую и далеко уведящую задушевность, в которой неслышно и согласно беседуют одни только души» [8, с. 300]. Издавна считалось, что дом является пристанищем души, только дома было спокойно и уютно: *И тесен дом, да просторен он; В своем дому, хоть болячкой сяду, нет дела никому; И стены в доме помогают. Дома и солома едома*.

Устойчивые словесные комплексы с общим компонентом *дом* отражают специфику и мышление народа, развивают языковое чутье, воспитывают эстетическое чувство языка, чувство любви к родному дому. В «Словаре живого великорусского языка» В. И. Даля [6] можно встретить словосочетания *держать дом, вести дом*, что означает вести хозяйство, *открытый дом* ‘хлебосольный, гостеприимный’, *Сгори мой дом!* (клятва), *не все дома* ‘о глуповатом человеке со странностями’. В толковом словаре С. И. Ожегова [9] можно встретить следующие устойчивые словесные комплексы: *дом вверх дном* ‘о нарушении обычного порядка’, *отказаться от дома* ‘перестать принимать, приглашать к себе’, *как дома* ‘без стеснения, свободно’. Эти фразеологизмы и устойчивые словесные комплексы раскрывают значение слова *дом* по-разному: они нацелены на размышление о доме как важнейшей ценности бытия, уходящей корнями в далекое прошлое и продолжающей оставаться нравственной опорой в жизни сегодняшней. Локус дома, символизируя связь с корнями, наделен и психологической функцией, прочно связан с родной землей: *На чужбине родная земля во сне снится; Родная сторона – мать, чужая – мачеха; И кости по родине плачут; Пока под чужой крышей не побываешь, своя, где течет, не узнаешь; Своя сторона по шерстке гладит, чужая насупротив; На чужой стороне и весна не красна*.

Таким образом, *родовое гнездо* и *локус дома* формируют внутреннее и внешнее пространство человека, что соответствует двум функциям концепта «малая родина» в художественной литературе: миромоделирующей и психомоделирующей. Через эти функции, благодаря духовно-эмоциональному компоненту, раскрывается национальный образ мира, национальный характер народа и его миропонимание, космопсихологус *малой родины*, который веками отражается в образной аналогии фразеологизмов и устойчивых словесных комплексов.

Список использованных источников

1. Беженару, Л. Концептът “малка родина” в диалога на националните литератури от XX–XXI век : автореф. на дис. труд за присъждане на науч. степен “Доктор на науките” / Л. Беженару. – София, 2015. – 48 с.
2. Замятин, Д. Культура и пространство. Моделирование географических образов [Электронный ресурс] / Д. Замятин. – Режим доступа : http://thelib.ru/books/dmitriy_nikolaevich_zamyatin/kultura_i_prostranstvo_modelirovanie_geograficheskikh_obrazov-read.html. – Дата доступа : 12.03.2014.
3. Словарь русских синонимов [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://enc-dic.com/synonym/Ugor-149019.html>. – Дата доступа: 10.10.2019.
4. Базылова, Л. А. Микрополе «Родина» как фрагмент «Дом» (на материале произведений А. Г. Битова) / Л. А. Базылова // Молодой ученый. – 2010. – № 5 (16). – Т. 2. – С. 9–13.
5. Гачев, Г. Д. Национальные образы мира. Евразия – космос кочевника, земледельца и горца / Г. Д. Гачев. – М. : Институт ДИ-ДИК, 1999. – 368 с.
6. Даль, В. И. Толковый словарь русского языка : современная версия / В. И. Даль. – М. : ЗАО Издательство ЭКСМО-Пресс, 2002. – 736 с.
7. Даль, В. И. Пословицы русского народа : сборник в 2-х томах / вступительное слово М. Шолохова; художник Г. Клодт / В. И. Даль. – М. : Художественная литература, 1984. – Т. 1. – 276 с.
8. Распутин, В. Г. В поисках берега: Повести, рассказы, статьи / В. Г. Распутин. – М. : Русский мир : Московские учебники, 2008. – 480 с.
9. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М. : ООО «А ТЕМП», 2010. – 944 с.

Abstract. The article considers the concept of “small homeland” as a unity of nature, character of the people, their thinking based on the analysis of the locus of the house and the family estate as models of the world in the figurative analogy of phraseological units and stable verbal complexes.

Keywords: house, family estate, locus, small homeland, phraseology.

УДК 811.161.1'373'42

Е. В. Бодрова, Л. Н. Чурилина

ЭПОХА КОРОНАВИРУСА В КОЛЛОКАЦИЯХ (на материале административного дискурса)

Аннотация. Статья посвящена актуальным проблемам неологии и фразеобразования. Наблюдения за спецификой функционирования в административном дискурсе неофразем, вхождение которых в язык связано с пандемией коронавирусной инфекции, позволили выявить сопровождающие фразеологизацию процессы: использование устойчивой синтаксической модели, метафоризация, семантическая трансформация термина.

Ключевые слова: фразеологизация, неофразема, коллокация, административный дискурс.

Начало второго десятилетия текущего века останется в истории в том числе и как время молниеносного формирования нового лексического пласта – словаря эпохи коронавируса. Беспрецедентность ситуации, сложившейся одновременно практически во всех развитых языках, мотивирует специалистов к активному использованию метафор типа *лингвистический пир, языковой карнавал, языковое бурление* и под. Идея необходимости «паспортизации» новообразований коронавирусной эпохи буквально витает в воздухе [1; 2; 3], на материале русского языка реализован первый масштабный лексикографический проект, включающий 3 тысячи неологем [4].

В ходе первичного анализа и самого процесса формирования нового словаря, и его результатов исследователи констатируют факт национализации аббревиатуры COVID [5; 6], узуализации ковидных неологизмов [7], в том числе и сверхсловных [8; 9]. Сверхсловные единицы ковидного словаря претендуют на статус «новых» фразеологизмов, или неофразем. Именно эти новообразования представляют особый интерес для проводимого нами исследования, одной из промежуточных целей которого является выявление сопровождающих и обеспечивающих фразеологизацию процессов (подробнее см. в [10; 11; 12]).

Пандемийный статус новой инфекции определил возможность проникновения ковидного словаря во все сферы социальной жизни, в том или ином объеме его единицы представлены практически во всех дискурсивных практиках. В качестве источника материала нами использовался сайт Kremlin.ru: находящиеся в свободном доступе стенограммы встреч Президента РФ как фрагменты современного административного дискурса. Анализ лексического состава 16-ти стенограмм, посвященных обсуждению насущных проблем пандемии и размещенных на сайте в период с марта 2020 по апрель 2021 г., позволил выявить 80 частотных в употреблении сверхсловных единиц (индекс частотности ≥ 3). В числе отобранных для анализа оказались регулярно воспроизводимые в рассматриваемом дискурсе, характеризующиеся слабой идиоматичностью единицы со структурой словосочетания, или коллокации [13, с. 67].

Классификация коллокаций как фрагментов ковидного словаря осуществлялась с учетом комплекса признаков: тип денотата, характер семантических трансформаций, синтаксическая структура.

Как можно было ожидать, бо́льшая часть коллокаций ковидного словаря формируется на базе терминологических словосочетаний, функционирующих в профессиональном (медицинском) дискурсе. Речь может идти о простом расширении сферы функционирования сверхсловных терминов: *обмениваться вирусной информацией, возбудитель инфекции, санитарные правила, масочный режим, коечный фонд* и т. п. Однако в отобранном материале как частотные отмечены случаи трансформации использованной в терминосистеме продуктивной синтаксической конструкции.

Ковидные коллокации формируются с использованием не только собственно схемы / конструкции, но и типичных ее компонентов. Формирование новой единицы связано с включением в синтаксическую схему названия нового вида инфекции:

- конструкция 1: «*диагностика / профилактика / лечение / распространение / последствия* (чего?) + название заболевания / инфекции»: *диагностика коронавируса, диагностика COVID-19, диагностика коронавирусной инфекции, лечение COVID, лечение новой коронавирусной инфекции, распространение коронавируса, лечение и профилактика коронавируса;*

- конструкция 2: «*вакцина / препарат / лекарство + от* (чего?) + название заболевания / инфекции»: *вакцина от коронавируса, вакцинация от коронавируса, вакцинация от COVID-19, лекарства от COVID;*

- конструкция 3: «*привиться / прививка + от / против* (чего?) + название инфекции»: *прививка от COVID, прививаться от COVID, несколько вариантов прививки от коронавируса.*

Возможности использования устойчивой в профессиональном дискурсе синтаксической конструкции при формировании новой единицы не ограничиваются рассмотренными случаями. Та же стратегия реализуется и в менее частотных в рассматриваемом дискурсе коллокациях: *COVID лёгкого течения, лёгкие / среднетяжёлые формы коронавирусной инфекции; тестирование на COVID, экспресс-тестирование на COVID; заражение COVID-19, заражение коронавирусом, заразить коронавирусной инфекцией; смертность от COVID; повторная вакцинация, вакцинальные пункты, вакцинация российскими вакцинами.*

Устойчивая ориентация на ранее использованные в медицинском дискурсе синтаксические конструкции отмечена и при выборе способа именования заболевания и пациентов с соответствующим заболеванием; на этапе первичной номинации фиксируется регулярная вариативность, которая проявляется в обозначении явлений одного порядка разными сочетаниями базы и коллокаторов:

- *новая инфекционная болезнь, COVID-инфекция, новая инфекция COVID-19, новая коронавирусная инфекция, новый коронавирус, ковидная пневмония;*
- *больные COVID / COVID-19; больные с (новой) коронавирусной инфекцией, больные (с) коронавирусом, ковидные больные; пациенты с коронавирусом, пациенты с COVID / COVID-19.*

Отмеченная вариативность может являться следствием многовариантной русификации интернациональной аббревиатуры COVID. Название заболевания и закрепленное в специальной литературе название вируса, вызывающего это заболевание (коронавирус), в русскоязычных текстах функционируют параллельно и оцениваются говорящими как тождественные синонимы (дублиеты) (сравн. аналогичную картину с базовым компонентом *ситуация – ситуация с эпидемией коронавируса, ситуация с коронавирусом и ситуация с коронавирусной инфекцией*). Как видим, замена компонентов или расширение компонентного состава не приводит к значительному семантическому сдвигу.

Особого внимания заслуживают сверхсловные единицы ковидного словаря, один из компонентов которых реализует переносное значение. Все выявленные в административном дискурсе метафорические выражения являются экспликаторами одной метафоры «ПАНДЕМИЯ КОРОНАВИРУСА – ЭТО ВОЙНА»: *фронт борьбы с коронавирусом, на передовой пандемии, штаб по борьбе с коронавирусной инфекцией, прицельно бьет коронавирус, коронавирус нанес удар* (значимость метафоры войны в пандемийном дискурсе в целом отмечена в работах [14; 15]).

В поиске ответа на вопрос о структуре тематического поля, организуемого неологизмом *COVID / ковид*, нами использована классификация коллокаций с ориентацией на типологию предикатов, разработанную и используемую Московской семантической школой [16]. В структуре поля в качестве доминирующих выделяются три таксона:

- «деятельность / воздействие»: предикаты *диагностировать, лечить, вакцинировать, тестировать, бороться, перепрофилировать;*
- «процесс»: предикаты *выявлять, заражать / заразиться, распространять / распространяться, выздоравливать, очистить, преодолеть; прирост, выход;*
- «состояние»: предикаты *эпидемия, больной, выздоравливающий, инфицированный.*

Выявленная структура тематического поля *COVID / ковид* как фрагмента административного дискурса в полной мере соответствует институциональным признакам последнего. Доминирующей функцией административного дискурса является контроль за процессами (таксон «процесс»), что предполагает необходимость установления обратной связи и получение информации о состоянии дел (таксон «состояние»), о проводимых профильными специалистами мероприятиях (таксон «деятельность / воздействие»).

Административный дискурс, как видим, в значительной степени ограничивает возможности семантической трансформации сверхсловных единиц профессионального дискурса, претендующих на статус потенциальных фразеологизмов. Практически един-

ственным условием фразеологизации остается устойчивое воспроизведение за рамками профессионального дискурса типичных для него синтаксических моделей с возможной их частичной трансформацией (замена / внедрение компонента).

Полученные результаты позволяют констатировать, что вопрос о дальнейшей судьбе выявленных коллокаций, в частности, о возможности их закрепления в узусе, с последующим вхождением во фразеологический фонд русского языка, остается открытым, поскольку одним из критериев при определении стадии фразеологизации сверхсловной единицы является идиоматичность, т. е. трансформация семантической структуры.

Список использованных источников

1. Бурцева, Т. Н. Лексикография в ситуации неологического экстрима (на материале неологизмов, связанной с пандемией коронавируса) / Т. Н. Бурцева, А. В. Зеленин // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2020. – № 6. – С. 86–105.
2. Громенко, Е. С. «Коронный» потенциал русского языка начала 2020 г. / Е. С. Громенко // Новые слова и словари новых слов. 2020: сборник научных статей / отв. ред. Н. В. Козловская / Институт лингвистических исследований РАН. – СПб. : ИЛИ РАН, 2020. – С. 45–62.
3. Словарь эпохи коронавируса: «Ковидиоты на самоизоляции зачали корониалов, зумились и оформили ковидиворс» // Комсомольская правда. 22.05.2020 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.kp.ru/daily/27132/4221683/>. – Дата доступа : 25.09.2021.
4. Словарь русского языка коронавирусной эпохи / сост. Х. Вальтер, Е. С. Громенко, А. Ю. Кожевников и др. / Институт лингвистических исследований РАН. – СПб. : ИЛИ РАН, 2021. – 440 с.
5. Башкова, И. В. COVID-19 – КОВИД: русификация интернационализма / И. В. Башкова // Мир науки, культуры образования. – 2020. – № 6 (85). – С. 689–692.
6. Павлова, А. С. Наименования коронавирусной инфекции COVID-19 в русском, английском и немецком языках: культурно-национальная специфика / А. С. Павлова // Новые слова и словари новых слов. 2020 : сборник научных статей / отв. ред. Н. В. Козловская / Институт лингвистических исследований РАН. – СПб. : ИЛИ РАН, 2020. – С. 126–138.
7. Новикова, О. Н. COVID-19 в контексте современного состояния исследования дискурса о пандемии / О. Н. Новикова, Ю. В. Калугина // Вестник Башкирского университета. – 2020. – Т. 25. – № 2. – С. 376–379.
8. Вальтер, Х. Аксиологическое пространство коронавирусной паремиологии (на славянском фоне) / Х. Вальтер, В. М. Мокиенко // Новые слова и словари новых слов. 2020 : сборник научных статей / отв. ред. Н. В. Козловская / Институт лингвистических исследований РАН. – СПб. : ИЛИ РАН, 2020. – С. 33–44.
9. Савченко, А. В. «Коронавирусные неологизмы»: от лексики и фразеологии к интернет-мемам (на материале русского и китайских языков) / А. В. Савченко, Лай Янь-Цзюнь // Коммуникативные исследования. – 2020. – Т. 7. – № 4. – С. 865–886.
10. Чурилина, Л. Н. Интернет-дискурс как среда формирования новой фразеологии / Л. Н. Чурилина // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2020. – № 3 (96). – С. 126–135.
11. Чурилина, Л. Н. Глобальный мир, глобальный язык и «новая» фразеология как феномен / Л. Н. Чурилина // Проблемы русско-болгарской фразеологической неогграфии : коллективная монография / гл. ред. С. Г. Шулежкова. – Магнитогорск : Магнитогорский гос. тех. ун-т им. Г. И. Носова; Пловдив : Пловдивский университет им. Паисия Хилендарского, 2021. – С. 31–49.
12. Чурилина, Л. Н. Фразеологизация как лингвокогнитивный процесс: формирование концептуальной структуры «поколение» / Л. Н. Чурилина, Н. В. Позднякова // Филология и культура. – 2020. – № 2 (60). – С. 122–132.
13. Баранов, А. Н. Аспекты теории фразеологии / А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский. – М. : Знак, 2008. – 656 с.
14. Козловская, Н. В. «Коронавирус: бой продолжается»: метафора войны в пандемийном дискурсе / Н. В. Козловская // Новые слова и словари новых слов. 2020 : сборник научных

статей / отв. ред. Н. В. Козловская / Институт лингвистических исследований РАН. – СПб. : ИЛИ РАН, 2020. – С. 101–109.

15. Балашова, Л. В. Милитарная метафора как способ формирования концепта КОВИД-19 в речи В. В. Путина / Л. В. Балашова // Коммуникативные исследования. – 2020. – Т. 7. – № 4. – С. 777–800.

16. Языковая картина мира и системная лексикография / В. Ю. Апресян, Ю. Д. Апресян, Е. Э. Бабаева, О. Ю. Богуславская, Б. Л. Иомдин, Т. В. Крылова, И. Б. Левонтина, А. В. Санников, Е. В. Урысон; отв. ред. Ю. Д. Апресян. – М. : Языки славянских культур, 2006. – 912 с.

Abstract. The article is devoted to the actual problems of the formation of a new phraseology. The main object of the study is the superlative units used in administrative discourse, which have appeared in connection with COVID-19. The analysis of fragments of discursive practice made it possible to identify derivational processes that provide the formation of collocation.

Keywords: phraseologization, neophraseme, collocation, fixed phrase, administrative discourse.

УДК 811.16'373:398.9

Н. Е. Боева, О. В. Гусева, О. В. Раина

О БЕЛОРУССКИХ ПОСЛОВИЧНЫХ ПАРАЛЛЕЛЯХ РУССКИХ ПОСЛОВИЦ В «ЭЛЕКТРОННОМ СЛОВАРЕ СОВРЕМЕННЫХ АКТИВНЫХ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ПОСЛОВИЦ»

Аннотация. Настоящее исследование посвящено описанию белорусских пословичных параллелей русских пословиц в «Электронном словаре современных активных восточнославянских пословиц», отражающих специфику национальной паремиологической картины мира. Они являются хорошим иллюстративным материалом, дающим представление о стране и ее культуре.

Ключевые слова: пословица, пословичная параллель, лакуна, русский язык, белорусский язык, социолингвистический паремиологический эксперимент, электронный словарь.

Проблемой русско-белорусской паремиологии специалисты заинтересовались относительно недавно. Большой «Русско-белорусский словарь пословиц» в двух частях вышел в 2001 г. До него в 1991 г. З. Санько издал «Малый русско-белорусский словарь пословиц, поговорок и фразем». При этом необходимо отметить хорошую разработанность паремиологической тематики как в русском, так и в белорусском языках. Одной из малоисследованных тем являются паремиологические лакуны в русском и белорусском языках. Настоящее исследование посвящено выявлению лакун среди белорусских параллелей русских пословиц, вошедших в «Электронный словарь современных активных восточнославянских пословиц» (далее – ЭССАВП), над которым сейчас ведется работа на кафедре славянской филологии Санкт-Петербургского государственного университета (в проекте принимают участие авторы доклада, а также М. Ю. Котова, В. В. Мушинская, О. С. Сергиенко). ЭССАВП демонстрирует активно употребляющиеся белорусские и украинские пословичные параллели русского паремиологического минимума. Основу Электронного словаря составили пословицы, вошедшие в «Русско-славянский словарь пословиц с английскими соответствиями» (далее – РССПАС), опубликованный в 2000 г. М. Ю. Котовой [1]. Коллектив исследователей под руководством проф. М. Ю. Котовой занимается выявлением и изучением параллелей русского паремиологического минимума в каждом из представленных в словаре славянских языков [2; 3; 4]. Каждая белорусская пословичная параллель прошла проверку в следующих источниках: в национальном корпусе русского языка (параллельный корпус (Белорусский)) (далее в тексте – ПК) [5], национальном корпусе белорусского языка [6], в словарях белорусских пословиц И. И. Носовича [7], Я. Н. Рапановича [8] и З. Санько [9], в русско-белорусском

словаре пословиц Е. Е. Иванова [10; 11], в этимологическом словаре пословиц И. Я. Лепешева [12]. Было обнаружено 519 белорусских пословичных параллелей, покрывающих следующие тематические разделы: I. Занятия. Работа. Дело. Учение. – Отдых. Безделье. Ленъ. Невежество; II. Человек; III. Характер. Психика. Нравственность. Эмоции; IV. Дом. Семья. Дети. Родители. Воспитание; V. Собственность. Хозяин. Гость. Богатство; VI. Время. Терпение; VII. Любовь. Дружба; VIII. Взаимоотношения людей; IX. Конфликтность; X. Счастье – Беда; XI. Жизнь. Смерть. Советы; XII. Судьба. Бог. В ходе выверки белорусских пословичных параллелей русского паремиологического минимума были выявлены лакуны в белорусском паремиологическом фонде.

По мнению И. А. Стернина, Г. В. Быковой, Т. И. Жарковой, Г. В. Сорковых, О. М. Смирновой, межъязыковая лакуна – это отсутствие в том или ином языке эквивалента для единицы какого-либо другого языка.

По результатам этого эксперимента пословичные лакуны русских пословиц в белорусском языке были распределены по двенадцати тематическим разделам, предложенным в тематическом индексе (далее – ТИ) РССПАС и ЭССАВП.

I. ЗАНЯТИЯ. РАБОТА. ДЕЛО. УЧЕНИЕ. – ОТДЫХ. БЕЗДЕЛЬЕ. ЛЕНЬ. НЕВЕЖЕСТВО

В этом разделе встречаются три лакунарные для белорусского языка пословицы:

Нос вытащит – хвост увяз, хвост вытащит – нос увяз. Эта пословица говорит о человеке, которого постоянно преследуют неудачи, так как, решая одни проблемы, он создает себе другие. В ТИ она включена в две тематические группы: 8) Успех – неудача и 13) Уменьше – неуменьше. Как отмечают составители «Большого словаря русских пословиц», в своей исходной версии данная пословица восходит к сказке о журавле, она была записана В. Далем и вошла в его сборник «Пословицы русского народа» [13, с. 205].

Тебе русским языком говорят, а ты не понимаешь! Данная паремия используется, чтобы сделать замечание тому, кто не реагирует на ясные и очевидные вещи. Она входит в группу 16) Учение, знания – невежество, невнимательность. В русских словарях пословиц данная паремия не зафиксирована. В словарь фразеологизмов М. И. Михельсона вошло выражение *русским языком говорить* со значением: (иноск.) ‘ясно, понятно, истинно’. Паремия образована по структурно-семантической модели, известной в разных европейских языках со времен античности: сравн. *Latine loqui* – ‘говорить ясно, открыто, честно’; *Deutsch mit einem sprechen*; *Deutsch und gut (sprechen)*; *Parler français* (‘ясно, откровенно’) [14].

Чуть-чуть не считается. Используется как шутовское замечание о чем-либо незначительном по количеству (размеру, объему), что не следует принимать во внимание. В ТИ пословица входит в группу 6) Большое – малое. Кроме того, эта паремия зафиксирована в разделе XII. СУДЬБА. БОГ, группа 4) Много – мало. В белорусском языке имеется выражение *ледзь-ледзь*, означающее ‘едва-едва, чуть-чуть’, но калька русской паремии *Ледзь-ледзь не лічыцца* также не встречается.

Два лакунарные паремии входят в раздел II. ЧЕЛОВЕК:

На всякого мудреца довольно простоты. В ТИ входит в группу 6) Хитрец – простак. Означает, что ошибиться может даже самый умный человек. Эта паремия неоднократно фиксировалась в словарях русских пословиц, начиная с XVIII в. Впервые она вошла в «Сборник пословиц Петровской галереи» начала XVIII в. Как пишет В. М. Мокиенко, «пословица исконно русская, хотя в других языках имеются близкие по смыслу аналогии. О народном происхождении свидетельствуют устаревшие ныне значения слов *довольно* – ‘достаточно’, ‘в избытке’ и *простота* – ‘наивность, простодушие’, ‘глупость’» [13, с. 203].

Взглянет – /что/ рублем подарит. Эта пословица в ТИ находится в разделе II. ЧЕЛОВЕК, группа 1) Внешний вид и в разделе III. ХАРАКТЕР. ПСИХИКА. ПРАВСТВЕННОСТЬ. ЭМОЦИИ, группа 3) Неприветливость – любезность, ласковость. Она

содержит русскую этнокультурную реалию «рубль», но национальная специфика не препятствует пониманию ее универсального значения: так говорят 1) о впечатлении, которое производит на окружающих красивый и привлекательный человек; 2) о приветливом и ласковом человеке, общение с которым приносит радость. В белорусском языке мы не находим данной пословицы (букв. *Зірне – /што/ рубель падаруе*), что позволяет назвать русскую лакунарную паремию национально-специфической.

В ТИ в разделе III. ХАРАКТЕР. ПСИХИКА. ПРАВДСТВЕННОСТЬ. ЭМОЦИИ мы встречаем две пословицы, которые не имеют белорусской параллели:

Моё дело сторона. Пословица (в ТИ группа 5) Эгоизм) впервые была зафиксирована в сборнике В. Даля «Пословицы русского народа», выражение *мое дело сторона* также встречается во фразеологических словарях русского языка со значением 'я тут ни при чем'. Данная паремия активно используется современными носителями русского языка, что подтверждают примеры из Интернета.

Нечистая совесть спать не даёт. В ТИ группа 7) Совесть – так говорят о том, кто страдает от того, что нарушил нормы морали. Русская пословица имеет довольно позднее происхождение – впервые она была зафиксирована в 1985 г. в сборнике А. С. Спирина «Русские пословицы. Сборник русских народных пословиц и поговорок, присловиц, молвушек, приговорков, присказок, крылатых выражений литературного происхождения». Эта паремия является лакунарной в отношении белорусского языка.

Следующие две лакунарные паремии входят в раздел IV. ДОМ. СЕМЬЯ. ДЕТИ. РОДИТЕЛИ. ВОСПИТАНИЕ:

Не в мать, не в отца, а в проезжего молодца. Пословица (группа ТИ 4) Дети – родители) шутливо описывает человека, который совсем не похож на своих родителей. Эта паремия входит в словарь В. Даля «Пословицы русского народа» [15, с. 748]. Данная пословица (букв. *Не ў маці, не ў бацьку, а ў праезджага маладца*) не обнаружена в белорусских источниках.

Хоть не люби, только почаще взглядывай! Входит в группу ТИ 3) Муж – жена. Так говорят (в отношениях между супругами) с мольбой о внимании и заботе, если уже нет любви. В этом варианте оно встречается в «Сборнике пословиц русского языка» В. Танчука (Нью-Йорк, 1986) и в «Большом словаре русских пословиц» [13, с. 500]. В XIX в. более употребительным был вариант *Люби, не люби, да почаще взглядывай*, о чем свидетельствуют произведения А. Н. Островского и М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Этот же вариант включен в «Большой толково-фразеологический словарь русского языка» Михельсона: *люби (любить хоть) не люби, да почаще взглядывай (угождай, коли не любишь: муж жене)* [14].

Четыре лакунарные паремии мы встречаем в ТИ в разделе V. СОБСТВЕННОСТЬ. ХОЗЯИН. ГОСТЬ. БОГАТСТВО:

Не ел – не мог, а поел – без ног. Русская пословица (в ТИ группа 3) Пища – угощение) говорит о человеке, который страдал от голода, а когда утолил его, почувствовал, что очень устал и должен лечь. Пословица двучленная по композиционному строю, ее мерность задается ямбом. Данная паремия является региональной: она была известна на территории Олонецкой губернии. В версии *Не ел – не мог, а поел – совсем отстал от ног*, записанной в 1896 г., она вошла в «Словарь русских народных говоров» под ред. Ф. П. Филина и Ф. П. Сороколетова.

Остатки сладки. В ТИ группа 3) Пища – угощение. Так шутливо говорят о последней оставшейся на столе части еды. Пословица впервые появилась в сборнике В. Даля «Пословицы русского народа», неоднократно фиксировалась составителями словарей пословиц в XX в. Возможно, данное выражение появилось еще в XVII в., в голодные времена, когда последний кусок пищи казался голодающему человеку самым сладким и желанным. По другой из версий, выражение появилось в Москве в 40-е гг. XIX в. и связано

с развитием торговых отношений и появлением системы скидок в торговле: оставшийся после торгового дня товар продавался дешевле.

Редкое свиданье – приятный гость. Об удовольствии хозяина от встречи с гостем, который не злоупотребляет его гостеприимством. Входит в ТИ в группу 2) Хозяин – гость. В обширной тематической группе пословиц и поговорок со значением гостеприимства данная паремия не имеет высокой частотности употребления. Она впервые появилась в сборнике В. Даля «Пословицы русского народа», после чего встречается только в XX в., в сборнике А. А. Разумова «Мудрое слово: русские пословицы и поговорки» [16, с. 119]. Мы не находим соответствия этой пословицы в белорусском языке.

Суму нищего не наполнишь. Пословица (в ТИ группа 6) Богатство – бедность) зафиксирована в сборнике В. Даля «Пословицы русского народа». М.И. Михельсон отмечает, что это выражение иносказательно используется для обозначения ненасытных и приводит ряд пословиц из других европейских языков, образованных по схожей структурно-семантической модели: *Bettelsack ist bodenlos* (нем.) /букв. Мешок для попрошайничества бездонный/; *La besace du mendiant n'est jamais pleine* (франц.) /букв. Сумка нищего никогда не бывает полной/ [14]. В «Большом словаре русских пословиц» приведен вариант *Суму нищему не наполнишь* [13, с. 887].

В разделе ТИ VII. ЛЮБОВЬ. ДРУЖБА также четыре лакунарные пословицы:

Любовь – кольцо, а у кольца /начала нет и / нет конца. О взаимной любви. Входит в ТИ в группу 1) Любовь взаимная. Впервые она была зафиксирована в сборнике Снегирева «Русские народные пословицы и притчи» 1848 г., позднее она вошла в сборник В. Даля «Пословицы русского народа», появлялась в нескольких источниках в XX в. Пословица используется для характеристики постоянного и сильного чувства, которое всё время обновляется. Внутренняя рифма задает ритм паремии. Ее наиболее известный парафраз встречается в песне «Любовь-Кольцо» на слова Михаила Танича, прозвучавшей в 1966 г. в исполнении Нины Бродской: *Любовь-кольцо, а у кольца, Начала нет и нет конца.* Рифма не только придает русской пословице мелодичность, но и определяет ее национальную специфику.

Любовь горы свернёт. Паремия (в ТИ группы 1) Любовь взаимная и 3) Любовь – безразличие) не встречается в белорусском языке.

Иссушила молодца чужая девичья краса. Пословица (в ТИ группа 2) Любовь невзаимная) говорит о страданиях влюбленного в девушку парня, который хуеет от переживаний. Встречаются также следующие варианты пословицы в словаре В. Даля: *Иссушила молодца вольна девичья краса* и *Иссушила молодца девичья краса* [15, с. 36]. В белорусских источниках данная паремия не функционирует.

Невеста без места, жених без ума. Пословица (в ТИ группа 8) Свадьба) шуточно говорит о влюбленных друг в друга и счастливых юноше и девушке, вступающих в брак. Пословица двучленная по композиции, основанная на синтаксическом параллелизме, в ритмической схеме первой части использованы аллитерация и ассонанс. Она была зафиксирована в сборниках В. И. Даля, появлялась в сборниках XX в. В источниках белорусской пословичной параллели не зафиксировано.

В разделе ТИ IX. КОНФЛИКТНОСТЬ мы нашли лишь одну лакунарную паремию:

Вор у вора дубинку украл (в ТИ группа 8) Преступление – разоблачение) со значением ‘Мошенник мошенника перехитрил’. Паремия неоднократно фиксировалась в сборниках и словарях русских пословиц, начиная со сборника И. М. Снегирева «Русские народные пословицы и притчи» (1848 г.). В белорусском языке данная паремия не встречается ни в языковых корпусах, ни в словарях пословиц.

Одна пословица, не имеющая параллели в белорусском языке, встречается в ТИ в разделе X. СЧАСТЬЕ – БЕДА:

В рай за волоса (за волосы) не тянут (в ТИ группа 2) Радость – беда). Она означает невозможность уговорить человека сделать что-либо себе во благо, если он этого не

хочет. Пословица известна в русском языке с XIX в. Данная поговорка впервые была зафиксирована в 1848 г. в сборнике И. М. Снегирева «Русские народные пословицы и притчи». Позднее она вошла в «Толковый словарь живого великорусского языка» В. Даля (1863–1866).

В ТИ в разделе XII. СУДЬБА. БОГ встречаем три лакунарных пословицы:

В Риме был, а папы не видал. Пословица (в ТИ группа 5) Главное – второстепенное) имеет оценочное значение: так говорят о том, кто обращает внимание на второстепенные детали и не замечает главного. Эта поговорка содержит компонент-топоним *Рим* и реалию *папа*, связанную с католическим Римом. Пословица имеет давнюю историю в русском языке: впервые она появилась в сборнике пословиц крупнейшего российского историка и общественного деятеля В. Н. Татищева в начале XVIII в., в 1741 г. ее включил в свое собрание пословиц А. И. Богданов. Она являлась этнокультурным маркером языкового сознания просвещенного европейца: посещение Рима и аудиенция у папы римского в Ватикане считались неременным условием путешествия в Италию. Ассоциативное поле поговорки было связано не только с невнимательностью, но и, прежде всего, с невнимательностью при посещении Европы. Эта поговорка зафиксирована в словаре В. И. Даля, после чего она уже не встречается в словарях и сборниках русских поговорок. Вероятно, она была вытеснена народными поговорками о невнимательном человеке, например: *Лесом шел, а дров не видал; Был в Кремле: видел колокол в земле, а Ивана Великого не заметил.*

Говори, да не заговаривайся. Еще одна поговорка, известная в русском языке с давних времен и сохраняющая свою популярность (в ТИ группа 7) Правда – обман). Так говорят тому, кто лжет, рассказывает неправду, чтобы он понял, что ему не верят. Впервые эта поговорка появилась в рукописном сборнике XVIII в., ее фиксируют словарь В. И. Даля. Многочисленные примеры из Интернета доказывают актуальность поговорки в современном русском языке. Она не встречается в словарях белорусских поговорок и в языковых корпусах.

Дважды два – четыре. В ТИ входит в группу 2) Объективное – субъективное. Известна в русском языке с XVIII в., когда она впервые была зафиксирована в «Собрании пословиц А. И. Богданова» 1741 г. в варианте *Дважды два всегда четыре.* Так говорят об истинах, которые очевидны сами по себе и не требуют доказательства, поскольку всем известны. Однако ни белорусские языковые корпуса, ни словари поговорок и поговорок не фиксируют данную поговорку.

Выводы:

1. Согласно данным социолингвистического эксперимента выявлены поговорочные параллели русских поговорок в белорусском языке. 652 белорусские поговорочные параллели представлены во всех двенадцати тематических разделах; 519 белорусских поговорочных параллелей покрывают следующие тематические разделы: I. Занятия. Работа. Дело. Ученье. – Отдых. Безделье. Лень. Невежество; II. Человек; III. Характер. Психика. Нравственность. Эмоции; IV. Дом. Семья. Дети. Родители. Воспитание; V. Собственность. Хозяин. Гость. Богатство; VI. Время. Терпение; VII. Любовь. Дружба; VIII. Взаимоотношения людей; IX. Конфликтность; X. Счастье – Беда; XI. Жизнь. Смерть. Советы; XII. Судьба. Бог.

2. Обнаружены 22 лакуны в белорусском поговорочном фонде, которые классифицированы по следующим тематическим рубрикам: I. Занятия. Работа. Дело. Ученье. – Отдых. Безделье. Лень. Невежество (группы: 6) Большое – малое, 8) Успех – неудача, 13) Уменьше – неуменше и 16) Ученье, знания – невежество, невнимательность), II. Человек (1) Внешний вид, 6) Хитрец – простак), III. Характер. Психика. Нравственность. Эмоции (3) Неприветливость – любезность, ласковость, 5) Эгоизм, 7) Совесть), IV. Дом. Семья. Дети. Родители. Воспитание (3) Муж – жена и 4) Дети – родители), V. Собственность. Хозяин. Гость. Богатство (2) Хозяин – гость, 3) Пища – угощение

и 6) Богатство – бедность), VII. Любовь. Дружба (1) Любовь взаимная, 2) Любовь невзаимная, 3) Любовь – безразличие и 8) Свадьба), IX. Конфликтность (8) Преступление – разоблачение), X. Счастье. – Беда (2) Радость – беда), XII. Судьба. Бог (2) Объективное – субъективное, 4) Много – мало, 5) Главное – второстепенное и 7) Правда – обман).

3. Сопоставление 9 из 12 тематических глав русских пословиц ЭССАВП демонстрирует лакуны в белорусском материале, что является отражением особенности национальной паремиологической картины мира, несмотря на то что специфика, проявляющаяся на уровне образности, сочетается в таких паремиях с универсальным ценностным смыслом. Паремиологическая лакуна не всегда означает отсутствие соответствующего концепта в концептосфере белорусского народа, так как паремии могут не иметь общеязыкового выражения в силу целого ряда причин, например, отсутствие коммуникативной потребности в выражении данного концепта, яркая внутренняя структура паремии (наличие в ней реалий, ритма или рифмы).

Список использованных источников

1. Котова, М. Ю. Русско-славянский словарь пословиц с английскими соответствиями / М. Ю. Котова ; под ред. П. А. Дмитриева. – СПб. : Издательство Санкт-Петербургского университета, 2000. – 360 с.

2. Котова, М. Ю. Тетради паремиографа. Выпуск 5: Белорусские пословичные параллели русских пословиц паремиологического минимума : учебно-методическое пособие для студентов / М. Ю. Котова, Н. Е. Боева. – СПб.: Изд-во «ВВМ», 2019. – 304 с.

3. Боева, Н. Е. Имя собственное в составе современных белорусских пословиц на фоне чешских паремий / Н. Е. Боева // *Vohemistyka*. – 2021. – №1. – С. 81–96.

4. Kotova, M. Yu. East Slavonic proverbs with ethnonyms in the electronic dictionary of current proverbs / M. Yu. Kotova, V. V. Mushchinskaya, O. S. Sergienko // *The European Proceedings of Social and Behavioral Sciences EpSBS. WUT 2020. 10th International Conference “Word, Utterance, Text: Cognitive, Pragmatic and Cultural Aspects”*, 2020. – P. 748–757.

5. Национальный корпус русского языка. Параллельный корпус [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://ruscorpora.ru/new/search-para-be.html>. – Дата доступа : 18.08.2021.

6. Беларускі N-корпус [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://bnkorpora.info/index.html>. – Дата доступа : 18.08.2021.

7. Носович, И. И. Сборник белорусских пословиц / И. И. Носович. – СПб. : В тип. Имп. Академии наук, 1874. – 232 с.

8. Рапановіч, Я. Н. Беларускія прыказкі, прымаўкі і загадкі. – выд. 2-е, дап. і перапр. / Я. Н. Рапановіч. – Мінск : Вышэйшая школа, 1974. – 384 с.

9. Санько, З. Малы руска-беларускі слоўнік прыказак, прымавак і фразем / З. Санько. – Мінск : Навука і тэхніка 1991. – 58 с.

10. Иванов, Е. Е. Русско-белорусский словарь пословиц = Руска-беларускі слоўнік прыказак: 777 пословиц русского языка, свыше 5000 белорусских паремиологических эквивалентов и соответствий : в 2 ч. / Е. Е. Иванов. – Могилев : ГА МТ «Брама», 2001. – Ч. 1: А–М. – 144 с.

11. Иванов, Е. Е. Русско-белорусский словарь пословиц = Руска-беларускі слоўнік прыказак: 777 пословиц русского языка, свыше 5000 белорусских паремиологических эквивалентов и соответствий : в 2 ч. / Е. Е. Иванов. – Могилев : ГА МТ «Брама», 2001. – Ч. 2: Н–Я. – 164 с.

12. Лепешаў, І. Я. Этымалагічны слоўнік прыказак / І. Я. Лепешаў. – Минск : Вышэйшая школа, 2014. – 141 с.

13. Мокиенко, В. М. Большой словарь русских пословиц : около 70 000 пословиц / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина, Е. К. Николаева. – М. : ОЛМА Медиа Групп, 2010. – 1024 с.

14. Михельсон, М. И. Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний. Т. 1–2. Ходячие и меткие слова. Сборник русских и иностранных цитат, пословиц, поговорок, пословичных выражений и отдельных слов (иносказаний). – СПб. : Тип. Ак. наук, 1896–1912. – 2208 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://gufo.me/dict/mikhelson/>. – Дата доступа : 18.08.2021.

15. Даль, В. И. Пословицы русского народа / В. И. Даль. – М. : «Художественная литература», 1957. – 992 с.

16. Разумов, А. А. Мудрое слово: русские пословицы и поговорки / А. А. Разумов. – М. : Детгиз, 1957. – 240 с.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00105/21.

Abstract. This research is devoted to the Belarusian proverbial parallels of Russian proverbs in the “Electronic Dictionary of Current East Slavonic Proverb”, that reflect the specifics of the national paremiological picture of the world. They are good illustrations to give an idea of the country and its culture.

Keywords: proverb, proverbial parallel, lacuna, Russian language, Belarusian language, socio-linguistic paremiological experiment, electronic dictionary.

УДК 811.162.4'373:398

A. Braxatorisová

DAS SPRACHLICHE BILD DER MUTTER IN DER SLOWAKISCHEN PHRASEOLOGIE

Abstract. Der Beitrag stellt einen Versuch der Rekonstruktion des sprachlichen Bildes der Mutterschaft und der Persönlichkeit der Mutter im Allgemeinen in der slowakischen Sprachkultur anhand lexikalisierte slowakischer Phraseologismen dar. Dabei wird aus der These ausgegangen, dass Phraseologismen als sprachliche Träger der traditionellen kulturspezifischen Wertvorstellungen fungieren können. Anhand der Phraseologismen wurden folgende wichtige Aspekte ihrer Motivation identifiziert: Sehnsucht nach einem Kind, Schwangerschaft, Geburt, Genetik vs. Erziehung, Beziehung zu den Kindern, Dankbarkeit, morale Charakteristika, Genese.

Schlüsselwörter: Mutter, Rekonstruktion von sprachlichen Bildern, Stereotyp, Phraseologismus, mentales Lexikon.

Die Mutterschaft ist eine der wichtigsten biologisch-sozial-psychologischen Phänomene der Menschheit, die wegen ihrer Komplexität ein interessantes interdisziplinäres Forschungsfeld bietet. Es ist überraschend, dass man dem spezifischen Bild der Mutter in der abendländischen sprachwissenschaftlichen Literatur weniger Aufmerksamkeit widmet, und wenn schon, dann auch eher nur marginal in Bezug auf die Familiensituation und sozialen Rollen der Frauen. Dabei hat die Mutterschaft unter anderem auch einen am tiefsten verwurzelten sozialpsychologischen Einfluss sowohl auf das Alltagsleben als auch auf die innere Welt des Menschen. Die Beziehung zwischen der Mutter und ihres Kindes ist fundamental nicht nur für eine glückliche und zufriedene Kindheit, sondern bildet auch Basis für das gesunde Selbstwertgefühl, für Selbstvertrauen und Gelassenheit sowohl in der Jugend als auch in den erwachsenen Jahren. Die Vorbereitung auf die Elternschaft beginnt schon in frühem Alter unbewusst mit der Erwerbung von Verhaltensmustern durch eigene Erfahrungen, Geschichten, Märchen, familiäre und institutionelle Erziehung, soziale Stereotypen, Sitten usw. Diese Arbeit konzentriert sich auf die überlieferten Klischees und Muster des mütterlichen Verhaltens, die im mentalen Lexikon des Sprachbenutzers in Form von Phraseologismen in der slowakischen Sprache reflektiert und verankert wurden. Anhand der gewonnenen phraseologischen Materialien versucht man das sprachliche Bild der Mutter in der slowakischen Sprache zu rekonstruieren. Der Beitrag geht von existierenden, phraseologischen ([1; 2; 3; 4; 5; 6; 7]), ethno-linguistischen ([8; 9; 10; 11]) und psychologischen Modellen [12] des Mutterkonzeptes aus und präsentiert die wichtigsten Aspekte, die im Zusammenhang mit den typisierten Eigen-

schaften der Person der Mutter oder mit der Mutterschaft und mit den phraseologisch thematisierten reziproken Attituden innerhalb der Beziehung zwischen der Mutter und ihrem Kind oder ihren Kindern sprachlich formuliert und von Generation zu Generation als Volksweisheit weitergegeben wurden.

1. Sehnsucht nach einem Kind

Eine mentale Voretappe der Mutterschaft realisiert sich in Gedanken, in der *Sehnsucht nach einem Kind*, eventuell nach einer großen Familie. Für die slowakische Kultur war in der Vergangenheit eine große Familie mit vielen Kindern typisch, um die sich die Mütter nach dem tradierenden phraseologischen Bild mit Liebe gekümmert haben. Im Slowakischen warnt man sogar: *Pán Boh chráň, aby jedna mať toľko detí mala, koľko vládze rada vidieť*. (Herr Gott hüte davor, dass eine Mutter so viele Kinder habe, wie viele sie möchte.)

2. werdende Mutter

Die Mutterschaft beginnt schon mit der Schwangerschaft, deshalb nennt man die schwangeren Frauen im Slowakischen folgendermaßen: *Budúce mamičky, ktoré sa tešia na svoje potomstvo*. (werdende Mütter, die sich auf ihren Nachwuchs freuen).

3. Schwangerschaft

Obwohl die Schwangerschaft auch schwierig sein kann, worüber auch die slowakischen Bezeichnungen zeugen: *tarchavosť, tehotenstvo*, deren Wortstamm mit den Wörtern *schwierig, Schwere, Last* zusammenhängt [13], wurde sie nie als Krankheit angesehen: *byť v druhom stave (im anderen Zustand sein), nosiť dieťa pod srdcom (ein Kind unter dem Herzen tragen)*.

Das kommende Kind wurde als ein Geschenk oder Segen von Gott genannt: *je v požehnanom stave (im gesegneten Zustand sein)*. Deutsche Frauen genießen sogar "ausgesprochen" sowohl die Geburt als auch die Erziehung von ihren Kindern, da man über schwangere Frauen im Deutschen sagt: *Mutterfreuden entgegensehen/genießen*, auf Slowakisch: *užívať si materské radosti / šťastie*. Im Slowakischen wird dieser Ausdruck sowohl während der Schwangerschaftsperiode als auch nach der Geburt benutzt. Außerdem erlebt die Frau umgangssprachlich ihr mütterliches Glück "*užívať si materské šťastie*" in solchen Momenten, wenn ihr einziges Kind oder alle ihre Kinder eingeschlafen ist oder sind.

4. Größe der Familie

In einigen Kulturen, wie z.B. in der indonesischen Sprache bedeuten viele Kinder große Einkünfte im späteren Alter. [1] Dementgegen widerspiegelt sich in slowakischen Phraseologismen die Undankbarkeit und die Abwesenheit der reziproken Fürsorglichkeit von der Seite der Kinder der veralteten Mutter oder den Eltern gegenüber: *Lahšie vychová jedna matka sedmoro detí, ako sedem detí dochová jednu matku*. (Leichter erzieht eine Mutter sieben Kinder, als erhalten sieben Kinder eine Mutter.). In der Slowakei leistet sogar ein Mädchen die Mutter erst dann ab, wenn es ihr anderes Kind stillen hilft: *Dievka sa iba vtedy materi odslúži, keď jej dieťa pridojí*.

5. Stillen - Muttermilch

Die Schwangerschaft endet mit der Geburt, danach kommt es zu den ersten physischen Kontakten zwischen der Mutter und ihrem Kind. Die Mutter fängt an, ihre Funktion zu erfüllen und sich um den Wohlstand des Kindes zu kümmern. Zu der Fürsorglichkeit gehört auch das Stillen, was in den europäischen Ländern sehr oft phraseologisch mit derselben Bedeutung thematisiert wird: mit etwas von Anfang an im Kontakt sein, sehr früh Kenntnis über etwas bekommen, "*Eigenschaften und Eigenheiten als angeborene Eigentümlichkeit besitzen*" [14, c. 646]: *sať do seba spolu s materským mliekom (etw. mit der Muttermilch eingesogen haben, auf Ungarisch: anyatejjel szív magába, auf Tschechisch: sať do seba materským mliekom, auf Französisch: sucer avec le lait [14, c. 646], auf Englisch: to imbibe with one's mother's milk [14, c. 646], auf Niederländisch: iets met de moedermelk inzuigen [14, c. 646]*.

Eine der wichtigsten Sachen, die die Kinder einer Mutter „zusammen mit der Muttermilch eingesogen bekommen, ist ihre *Muttersprache – materinský jazyk*, die die Mutter ihren Kindern beibringt.

6. Genetik versus Erziehung

In der Psychologie diskutierten die Gestalt-Psychologen und die Behavioristen lange darüber, was auf die Einzelperson größeren Einfluss ausübt, die genetische Disposition oder die Erziehung. Bei den folgenden Phraseologismen bekommen wir die erwartete Antwort leider nicht, weil sie nämlich in beiden Situationen verwendbar sind: *Celá matka*. (Ganz die Mutter), *Aká matka, taká Katka*. (Wie die Mutter, so die Tochter.). Das letzterwähnte Beispiel bezieht sich aber meistens eher auf das Fungieren von Verhaltensmustern als auf die äußere Ähnlichkeit. Im Falle des Phraseologismus *Dieťa ide za matkou ako teliatko za kravou* (Ein Kind geht nach seiner Mutter, wie ein Kalb nach einer Kuh) setzt sich das Vorbild der Mutter im Benehmen stark durch.

Die Genetik setzt sich dagegen im folgenden Ausdruck durch: *Materské znamienko* (Muttermal, das im Duden [15] als "angeborener, brauner oder [dunkel]roter Fleck auf der Haut" definiert ist.).

6.1. Erzieherische Methoden der Mutter

Auch die erzieherischen Methoden der Mütter werden in den slowakischen Phraseologismen thematisiert. Im Allgemeinen wird die Mutter aus diesem Aspekt als ein zärtlicher Elternteil dem Vater entgegen dargestellt: *Materinská bitka je polovičatá*. (Die Prügelei der Mutter ist halbbatzig.), *Matka sladká, otec drak, nezriedka to býva tak*. (Süße Mutter, Drachenvater, nicht selten ist es so.).

6.2. Erziehung zur Ehre der Eltern und zum Zusammengehörigkeitsgefühl der Geschwister

Die Kinder werden mit den folgenden Phraseologismen zur Ehre ihrer Eltern aufgerufen: *Nezaslúži dôvery, kto kláje otcu, materi*. (Wer seinen Vater und seine Mutter verflucht, verdient kein Vertrauen.); *Otca, mať nemáš drať*. (Den Vater, die Mutter darfst du nicht schlagen.)

Die Geschwister sollen sich bei Unstimmigkeit die Zusammengehörigkeit der Familie durch den Phraseologismus: *Pamätajte, že vás jedna mať pod srdcom nosila*. (Erinnert euch daran, dass euch dieselbe Mutter unter ihrem Herzen getragen hat.) vor Auge behalten.

6.2.1. Unterstützender Rat der Mutter bei der Erziehung

Der Phraseologismus *Ohýbaj ma mamko, zakiaľ som ja Janko, keď ja budem Jano, neohneš ma, mamo*. (Beuge mich, Mama, solange ich Janko/Hänschen bin, wenn ich Jano/Hans bin, wirst du mich nicht mehr beugen, Mama.) wird im Slowakischen mit der Bedeutung "Was Hänschen nicht lernt, lernt Hans nimmermehr" benutzt.

7. Person der Mutter

Die typisierte persönliche Charakteristika einer Mutter kommen auch in unterschiedlichen Aspekten zum Ausdruck:

7.1. Fürsorglichkeit

Fürsorglichkeit, reiche Gastlichkeit, angenehme Atmosphäre bei jemandem oder irgendwo vergleicht man im Slowakischen mit der Fürsorglichkeit der eigenen Mutter. Man spricht im Slowakischen von einem schönen, gemütlichen Ort: *ako u mamičky* (wie bei Mütterchen) und über leckerem hausgemachtem Brot: *ako keby od mamičky* (als ob von der Mutter.). Es tradiert der Phraseologismus im Slowakischen über die Wichtigkeit der mütterlichen Fürsorglichkeit: *Keď umrie otec, sú deti len polosiroty, keď umrie matka, sú celé*. (Wenn der Vater stirbt, sind die Kinder nur Halbwaisen, wenn die Mutter stirbt, sind sie Vollwaisen.) oder *Matka je matka* (Die Mutter ist Mutter), *Matka sladká, kto ju má* (Süß ist die Mutter, wenn jemand sie hat.). Obwohl die Stiefmütter in der Phraseologie und in den Volksmärchen in der Regel als eine negative Opposition der eigenen liebevollen und fürsorglichen Mutter gegenübergestellt werden, wird die Absenz der mütterlichen Fürsorglichkeit mit dem Phraseologismus *Daktorá macocha je lepšia ako vlastná matka* (Manche Stiefmütter sind besser als einige eigene Mütter) thematisiert. Für eine schlechte, den generellen Erwartungen nicht ent-

sprechende Mutter wird ein weiterer negativer metaphorisierter Ausdruck: *krkavčia matka* benutzt, dem im Deutschen das Einwortidiom *Rabenmutter* entspricht.

7.2. Charaktereigenschaften

7.2.1. Mutter als Schützerin

Die Beziehung zwischen Mutter und Kind drückt in einigen Fällen gewisse typisierte, hauptsächlich negative Charaktereigenschaften des Kindes aus. Zum Beispiel die Phraseologismen über die Mutter als Schützerin sagen mehr über die moralen Charakteristika der Kinder aus, die als verwöhnt und schüchtern dargestellt werden: *Držať sa maminej sukne. (Am Mutters Schürze hängen.), pod ochrannými krídlami matky (unter den Fittichen der Mutter).*

7.2.2. Habgier des Kindes

Weiter kann die Beziehung zu der eigenen Mutter negative morale Charakteristika des Einzelwesens, und zwar Habgier, Gewinnsucht ausdrücken: *predal by aj vlastnú matku (er / sie würde auch die eigene Mutter verkaufen).*

7.3. Weisheit

Die metaphorisierte Wendung *V starých časoch našich mám* (in den alten Zeiten von unseren Müttern) deutet auf die Lebensbedingungen der Vorfahren und die Wendung *múdrosť našich mám* (Weisheiten unserer Mütter) weist auf die Klugheit, Weisheit und Lebenserfahrungen der mütterlichen Vorfahren hin.

8. Beziehung zwischen der Mutter und ihres Kindes

8.1. Bedingungslose Liebe

Die Person der Mutter tritt im phraseologischen Fond der slowakischen Sprache vor allem als eine fürsorgliche, liebevolle Person auf, die ihr eigenes Kind oder ihre Kinder über alles und bedingungslos liebt: *Čo jedno dieťa, to milšie. (Was ein Kind, das lieberes.), Každý materi jej decko najkrajšie. (Jeder Mutter ist ihr eigenes Kind am schönsten.), Milé materi decko, čo by hneď slepé bolo. (Lieb ist der Mutter das Kind, auch wenn es gleich blind wäre.), Pekné materi dieťa. (Schön ist der Mutter ihr eigenes Kind.)*

8.1.1. Verwöhnung des Lieblingskindes

Im Slowakischen wird auch das Bild sprachlich reflektiert, wenn eine Mutter ein Lieblingskind hat und es verwöhnt: *Najhoršie decko mater najviac k prsiam tisne / najviac na rukách nosí / najviac k sebe túli. (Das schlimmste Kind klammert sich die Mutter am meisten an ihre Brüste / trägt sie am meisten an ihren Armen/kuschelt sie sich an ihm am meisten.)*

8.2. Vertrauliche Bekanntschaft

In den folgenden Phraseologismen wird mit der Absenz für die Mutter-Kind-Beziehung typische Vertraulichkeit hyperbolisiert: *Nemému [dieťaťu] ani vlastná mať nerozumie (einen stummen Kind versteht nicht einmal seine Mutter) mit der Bedeutung "Einem schweigenden Mund ist nicht zu helfen"; zbit' niekoho, že ho vlastná mať nespozná (jemanden so verprügeln, dass ihn seine eigene Mutter nicht erkennt).*

9. Genese

In den Phraseologismen mit der Konstruktion X ist Mutter von Y, das Komponent *Mutter* verliert seine Gender-Charakteristik. Die Seme Frau und Gebärende gehen verloren und in den Vordergrund kommt die Bedeutung Quelle, Ursprung von etwas. Diese Konstruktion kommt in unterschiedlichen Sprachen mit unterschiedlichen Variationen vor.

Opatrnosť je matkou múdrosti. (Vorsicht ist die Mutter der Weisheit. – Vorsicht ist die Mutter der Porzellankiste.)

Skúsenosť je matka múdrosti. (Erfahrung ist die Mutter der Wissenschaft.)

Opakovanie ja matkou múdrosti. (Wiederholung ist die Mutter der Weisheit.)

Cvičenie je matkou múdrosti. (Übung ist die Mutter der Studien/der Weisheit.)

Cvičenie je matkou umenia. (Übung ist die Mutter der Kunst.)

Matkou umenia je nutnosť. (Not ist die Mutter der Künste.)

Nutnosť je matka vynálezu. (Notwendigkeit ist Mutter der Erfindung.)

Pýcha býva matkou svárov. (Stolz ist die Mutter des Streits.)

Zusammenfassung

Im Zusammenhang mit dem Gesamtbild der Mutter im slowakischen phraseologischen Bestand stimmen wir mit Kmecovás [7] Behauptung überein, dass die Mutterschaft und das Bild der Mutter in der slowakischen Phraseologie mit einigen Ausnahmen überwiegend positiv gewertet werden. Folgende Bedeutungskomponenten konnten wir identifizieren, die mit dem positiv betrachteten Bild der *Mutter* in der slowakischen Phraseologie verbunden sind: *Geborgenheit, Zartheit, Fürsorglichkeit, Weisheit, Begnadigung in den Erziehungsmethoden und Strafen, bedingungslose Liebe, gegenseitige Liebe, genetische Ähnlichkeit, Mutter als Vorbild*. Die Mutter hat im Allgemeinen im slowakischen phraseologischen Bestand ein *hartes Leben (alte Zeiten, alte Lebensbedingungen im Vergleich mit den heutigen)*, und *hat immer viel Arbeit*. Nur in wenigen Phraseologismen kommt die Mutter negativ vor und nur dann, wenn sie ihre mütterlichen Aufgaben oder Funktion nicht erfüllt, z.B.: *Daktorá ma-cocha je lepšia ako vlastná matka* (Einige Stiefmütter sind besser als die eigene Mutter) oder nicht gut genug erfüllt, was zur *Verwöhnung weiter zur Undankbarkeit, Egoismus und Habgier der erwachsenen Kinder* führen kann.

Bei der Untersuchung sind wir von der These ausgegangen, dass Phraseologismen als sprachliche Träger, sog. Meme von Wertvorstellungen fungieren können, die in einer bestimmten kulturellen Sprachgemeinde von Generation zu Generation als Volkweisheiten tradieren. Ein weiterer Ausgangspunkt war die These, dass im phraseologischen Fond einer Sprachgemeinde eben das fixiert wird, was im Rahmen dieser Kultur für wichtig und allgemeingültig angesehen wurde. Mithilfe der semantischen und pragmatischen Untersuchung von den meistbenutzten slowakischen Phraseologismen mit der Komponente *matka – Mutter* anhand einer Korpusuntersuchung und einer umfassenden Analyse der slowakischen lexikographischen Werke, wurden folgende wichtige Aspekte ihrer Motivation identifiziert: *Sehnsucht nach einem Kind, Schwangerschaft, Größe der Familie, Geburt, genetische Ähnlichkeit, Erziehung, Beziehung zu den Kindern, Dankbarkeit, morale Charakteristika, Genese*. Wir können behaupten, dass in der slowakischen Sprachgemeinschaft eben diese Aspekte waren dermaßen relevant, dass sie in den phraseologischen Fond reflektiert, verankert und mit der Zeit lexikalisiert worden sind. Der Beitrag bietet einen Anhaltspunkt zu weiteren inter- und intralingualen semantischen, phraseologischen, pragmatischen und axiologischen Forschungen. In erster Reihe beabsichtigen wir unsere Forschung auf die Rekonstruktion des Bildes weiterer Familienmitglieder intralingual zu orientieren und im Nachhinein das rekonstruierte Bild mit weiteren Sprachen zu vergleichen und ihre Gültigkeit mit dem Ziel zu überprüfen, darauf Antwort zu geben, wie fern diese Bilder universal sein können und welche spezifische Züge sie in den jeweiligen Sprachgemeinschaften aufweisen und welche Auswirkungen sie heutzutage noch auf das Perzipieren der Mutterschaft / Vaterschaft usw. bewirken.

Literaturverzeichnis

1. Рахмат, А. Вербализация концепта «мать» в русской фразеологии (на фоне индонезийского языка) / А. Рахмат // Известия Российского гос. педагогического университета им. А. И. Герцена. – СПб. : Российский гос. педагогический ун-т им. А. И. Герцена, 2012. – № 152. – С. 101–105.
2. Ян, С. Сопоставительный анализ концепта «женщина» в семье, представленного в поговорках русского и китайского языков / С. Ян // Карповские научные чтения. – Минск : «Белорусский Дом печати», 2014. – Вып. 2. – С. 149–154.
3. Коногорова, А. В. Образ женщины в немецкой фразеологии / А. В. Коногорова // Вестник Бурятского гос. университета. – Улан-Удэ : Изд-во Бурят. госуниверситета, 2010. – Вып. 11. – С. 66–69.
4. Rakhimova, A. E. Linguistic and cultural characteristics of proverbs describing family relations in the german linguistic picture of the world / A. E. Rakhimova, A. F. Mukhamadiarova, F. Kh. Tarasova // Humanities & Social Sciences Reviews. – 2019. – Vol. 6. – P. 1048–1055.

5. Закирова, Ю. А. Образ матери в языковой картине мира британцев (на примере семантической группы материнство паремий английского, валлийского, гэльского и англо-шотландского языков) / Ю. А. Закирова // Вестник РУДН, серия «Теория языка. Семиотика. Семантика». – М. : Изд-во Российского ун-та дружбы народов, 2015. – № 4. – С. 117–125.
6. Губарева, С. А. Экспликация образа женщины в русской и турецкой паремиологических парадигмах / С. А. Губарева, А. И. Дорохова // Проблемы и перспективы языковой подготовки иностранных студентов : материалы X Международной научно-практической конференции, посвященной 85-летию ХНАДУ. – Харьков : ХНАДУ, 2015. – С. 285–288.
7. Kmecová, S. “Pec sa im pováľala... materstvo a jeho obraz v slovenskej a slovinskej frazeológii”. In Slovanski jeziki na stičišču kultur, Mednarodno znanstveno srečanje mladih humanistov [Электронный ресурс] / S. Kmecová // Slavic Languages on the Cultural Contact, International Conference for Young Humanists. Nova Gorica : Zveza društev Slavistično društvo Slovenije (Študentska sekcija). – 2016. – С. 61–74. – Режим доступа : https://www.academia.edu/26291862/Slovanski_jeziki_na_sti%C4%8Di%C5%A1%C4%8Du_kultur_Mednarodno_znanstveno_sre%C4%8Danje_mladih_humanistov_Slavic_Languages_on_the_Cultural_Contact_International_Conference_for_Young_Humanists. – Дата доступа : 23.09.2021.
8. Bańczerowski, J. Az anya fogalmának nyelvi képe a magyar nyelvben / J. Bańczerowski // Magyar Nyelvőr. – 2006. – 130/3. – S. 261–271.
9. Bańczerowski, J. A család fogalma a világ magyar nyelvi képében (egy kérdőíves anyag tükrében) / J. Bańczerowski // Magyar Nyelvőr. – 2006. – 131/2. – S. 235–245.
10. Bańczerowski, J. A világ nyelvi képe / J. Bańczerowski. – Budapest : Tintakönyvkiadó, 2008.
11. Bartmiński, J. Polski stereotyp matki / J. Bartmiński // Postscriptum Polonistyczne. – 2008. – 1/1. S. 33–53.
12. Мецлер, В. В. Особенности содержания социальных представлений о матери в юношеском возрасте / В. В. Мецлер // Вестник МГОУ. Серия: Психологические науки. – 2009. – 1. – С. 178–184.
13. Králik, E. Stručný etymologický slovník slovenčiny / E. Králik. – Bratislava : Veda, 2015.
14. Röhrich, L. Lexikon der sprichwörtlichen Redensarten. Band 2: Maul bis zwölf mit ca. 300 Abbildungen. Dritte Auflage / L. Röhrich. – Freiburg / Basel / Wien : Herder. 1974.
15. Duden Online Universalwörterbuch [Elektronische Ressource]. – Режим доступа : <https://www.duden.de/rechtschreibung/Muttermal>. – Дата доступа : 23.09.2021.

Abstract. The article presents an attempt to reconstruct the linguistic image of motherhood and the personality of the mother in general in Slovak linguistic culture on the basis of lexicalised Slovak phraseologisms. It is based on the thesis that phraseologisms can function as linguistic carriers of traditional culture-specific values. Based on the phraseologisms, the following important aspects of their motivation were identified: longing for a child, pregnancy, birth, genetics vs. upbringing, relationship with children, gratitude, moral characteristics, genesis.

Keywords: Mother, reconstruction of linguistic images, stereotype, phraseologism, mental lexicon.

УДК 398.9+ 398(47)“20”+ 811.161

Т. Валодзіна

БЕЗ МАСКІ ЧЭРГІ ЗА КАВІДАМ НЕ ЗАЙМАЦЬ: КАНЦЭПТУАЛІЗАЦЫЯ МАСКІ Ў МОВЕ І ФАЛЬКЛОРЫ

Анотацыя. На матэрыялах інтэрнэт-рэсурсаў і СМІ праводзіцца выяўленне сродкаў і вынікаў канцэптуалізацыі медыцынскай маскі як аднаго з найбольш яркіх атрыбутаў COVID-19; даводзіцца ідэя ўспрымання маскі як аўтаномнага носьбіта сэнсу, па сутнасці, знака чалавека, элемента іерархіі з дэманстрацыяй статусных характарыстык.

Ключавыя словы: COVID-19, фальклор, парэміі, мемы, неалагізмы.

Да вядучых тэндэнцый сучаснага фальклорнага працэсу адносіцца імкненне выхапіць актуальныя з’явы штодзённасці і падаць іх у максімальна прывабнай для масавага спажываўца абгортцы. Пад уплывам трансфармацыі ладу жыцця, працэсаў мадэрнізацыі, татальнай інфарматызацыі спрадвечныя каштоўнасныя канстанты і выпрацаваныя вякамі эстэтычныя прынцыпы аказваюцца некалькі прыхаванымі, адсунутымі больш павярхоўнымі забаўляльнымі намерамі. На першы план выходзяць жанравыя комплексы альбо сучасныя (напрыклад, гарадскія песні і анекдоты), альбо істотна мадыфікаваныя – пераказы, паданні, такія слаба структураваныя тэксты, як чуткі і плёткі. Сённяшні фальклор жыва адгукаецца на змены ў жыцці чалавека і грамадства. Яркае пацверджанне таму – так званы “кавідны” фальклор.

COVID-19 аказаў і аказвае істотны ўплыў на побыт і свядомасць грамадства: пасяліў у душы людзей страх за здароўе сваё і блізкіх і няўпэўненасць у будучым, увёў у штодзённы ўжытак нязвычайныя аксэсуары (маскі, пальчаткі, антысептыкі), парушыў устойлівыя традыцыі сумесных святочных застолляў, істотна змяніў фарматы дзелавых сустрэч. На роўні фальклору выбухнулі гіпотэзы аб паходжанні віруса, плёткі пра запланаванае чыпіраванне, школьныя і студэнцкія анекдоты пра дыстанцыйнае навучанне, “удалёнку”, народныя рэцэпты, прыпеўкі (*частушкі-ковидушкі*), афарызмы, прымаўкі і г. д. Да адметных асаблівасцяў такога фальклору адносяцца актуальнасць, апэратыўнасць рэагавання на новыя чуткі і факты, рухомасць жанравых межаў і адкрытасць для ўзаемапрацікнення. Прадметам аналізу ў даным выпадку стане канцэптуалізацыя, у тым ліку і моўная, фразеалагічная, адной з самых яркіх прыкмет кавіднага часу – маскі.

Выконвайце масачны рэжым – гэтыя словы мы чуем фактычна штодня ў грамадскім транспарце, іншых публічных месцах. Зразумела, гэта ўзор канцылярскай мовы, што самім фактам афіцыйнага стылю адсоўвае чалавека далёка ўбок. Між тым падобныя выпадкі моватворчасці ўздымаюць пытанні развіцця беларускай мовы ў час пандэміі, узнікнення / калькавання штампаў, стварэння вобразаў. Адбываюцца і працэсы перагляду канцэптаў, пашырэння семантычнага поля ўжо вядомых лексем і фразеалагізмаў. Так і маска як шматзначны архаічны культурны атрыбут сёння перажывае магутны ўспляск пераасэнсавання.

Але вернемся да *выканання масачнага рэжыму*. Відавочна, гэта калька з рускай мовы (*Соблюдать масочный режим*), і даволі няўдалая з прычыны таго, што пераклад слова *соблюдать* на беларускую мову залежыць ад кантэксту, у даным выпадку сэнс можа быць пераказаны рознымі словамі: *трымайцеся, датрымоўвайцеся* масачнага (ці ўсё ж лепш *маскавага*) рэжыму. Тэрміналагічнае словазлучэнне *маскавы рэжым*, утворанае па аналогіі з выразамі *пасцельны* або *хуткасны рэжым*, нароўні з кампанентам *маска* ўключае і кампанент *рэжым*, лексему з багатым і шматзначным кананатыўным фонам, што на роўні асацыяцый найперш адсылае да рэжыму крывавага. У выніку, больш “чалавечным” было б чуць напамін пра маскі ў простых, даступных канструкцыях: *Надзявайце маскі, калі ласка!*, *Абавязкова карыстайцеся маскамі; Абавязкова насіце маскі!*

Прыняты ў краіне і свеце гэты так званы маскавы рэжым спарадзіў у грамадстве самыя розныя эмоцыі, у тым ліку лавіну абурэння, непрымання і адмаўлення, увайшоў у тэксты розных жанраў, асабліва ярка ўвасобіўся ў інтэрнэт-мемах і антыпрыказках. І выклікаў хвалю неалагізмаў. Раней патрабавалася ўдакладненне, якая маска маецца на ўвазе. Аднак падчас пандэміі ўсе людзі вымушаныя насіць медыцынскія маскі, і цяпер гэта ўдакладненне неабавязковае: калі гаворка ідзе пра маску, то дакладна, што пра медыцынскую. Менавіта таму можна лічыць, што значэнне слова *маска* падчас пандэміі змянілася ў бок звужэння, большай канкрэтызацыі, што адразу стала аб’ектам моўнай гульні.

Моўная гульня будуецца на эфекце няспраўджанага чакання і накладання розных значэнняў данага слова. Прыкладам, больш звычайнае значэнне маскі як атрыбута злодзея, рабаўніка накладаецца на яе новую сему размывання асобы, ураўноўвання з іншымі: *Грабитель в маске вышел из сберкассы и стал неотличим от общей массы* [1, с. 59];

*я собираюсь в ювелирный
колье мне нужно позарез
при мне перчатки сумка маска
обрез* [1, с. 60]

В банк зашли двое в медицинских масках. Началась паника. Потом выяснилось, что это ограбление. Все сразу успокоились [2].

Менавіта маска становіцца своеасаблівай лакмусавай паперкай стаўлення чалавека не толькі да інфекцыі ў цэлым, але і да сябе самога і іншых людзей. Рэзка вылучаюцца скептыкі, якія наогул адмаўляюць небяспеку каранавіруса і тлумачаць яго ў тэрмінах сусветнай змовы, адпаведна і нежаданне насіць маску. Колькасна, аднак, пераважаюць людзі проста неабавязковыя, аб'якавыя, хто забывае ці проста лянуецца паклапаціцца пра сваю і суседскую абароненасць. На роўні лексікі яны атрымалі выразныя найменні *антимасочники, безмасочники і голмордые* 'людзі, якія адмаўляюцца насіць маскі ці робяць гэта безадказна'; *голоносье, синебородые і подбородочники* 'тыя, хто носіць маску толькі на падбародку «для бачнасці» выканання правіл' [1, с. 28]; *наруженосцы* 'хто носіць маску сітуацыйна, няправільна' [3, с. 12].

Адпаведна, *масачнікі* – тыя, хто маску носіць. Адна лексема для гэтай групы насельніцтва. Але заканамерна больш актыўная распрацаванасць менавіта адмоўна канатаваных груп пры адзінкавых намінацыях нейтральнага ці станоўчага плану. Сама атмасфера насаджвання масак у грамадстве, часам нелагічных мераў іх прымусовага выкарыстання можа пазначацца як *маскобесие* [4, с. 864] ці нават *маски-шоу*. Новае значэнне выразу *маски-шоу* апеллюе да супярэчлівых правілаў нашэння маскі ў грамадскіх месцах.

Н. А. Ярашэнка нават праводзіць класіфікацыі асоб у залежнасці ад спосабу нашэння маскі: *масконос обыкновенный, хендмейдер, модник, бородавочник, карманник, беспредельщик* і г. д. [5, с. 83–84]. На базе лексемы *маска* па аналогіі са словам *банкомат* быў утвораны неалагізм *маскомат* 'аўтаматычная прылада для продажу аднаразаваых масак'. Статус інтэрнацыялізма мае цікавы прыклад лексічнай навацыі *маскне* 'акне, справакаванае нашэннем маскі', тэрмін паходзіць ад англійскага *Face Mask Acne*, скарачана *маскне* [6, с. 142]. Нацыянальную рускую спецыфіку можна прыпісаць хіба найменню *маска-ушанка*.

Негатыўная рэакцыя часткі грамадства на неабходнасць трымацца маскавага рэжыму ў грамадскіх месцах спарадзіла з'яўленне новага гутарковага значэння з ярка выяўленым пеярэтыўным эмацыйна-стылістычным складнікам у слова *намордник*. Першапачаткова гэта своеасаблівая сетка, прызначаная для сабак ці іншых жывёл. Выкарыстоўваецца яна для прадухілення атакі, каб жывёла не змагла адкрыць пашчу і ўкусіць. У дачыненні да медыцынскай маскі адбываецца рэзкая змена стылістыкі, гэта ўжо грубае і саркастычнае найменне: *чтоб не расслаблялись второгодники педагог не в маске а в наморднике* [1, с. 58]. Відавочна імкненне да размывання чалавечага, асобаснага ў гэтай лексемы з новым дадатковым значэннем.

Устойлівае вызначэнне маскі як *намордника* знаходзіць працяг у жартах пра сабак і гаспадароў, якія памяняліся ролямі: *Из-за коронавируса мир перевернулся: хозяин – в наморднике, а собака – нет; Собака имеет право выгуливать одного человека. Человек должен быть в наморднике, с документом и на поводке* [5, с. 83]. І нават на роўні анекдота: "Щенок спрашивает у матери-собаки: «Мама, почему мы всегда ходили в намордниках, а люди только сейчас начали?» – «Ну так мы и в космос первыми полетели...»" [1, с. 58].

Выкарыстанне менавіта гэтага наймення маскі ў газетных загаловах рэзка ўзмацніла яго пеярэтыўнасць і фактычна ўзняла да роўня сімвала несвабоды: *Свобода или «намордник»: вторая волна коронавируса не остановила антимасочников Франции* [7]. Самы стары манах Беларусі Іаан, які да пострыгу быў вядомы як паэт Зьніч, філосаф Алег Бембель, у сваім вершы слова *намордник* бярэ ў двухкоссе, пазначаючы семантычную адлегласць скарыстанага слова ад патрэбнага ў даным кантэксце:

Без «намордніка» на ўзгорку
 Вызнаю імунітэт.
 Мне і соладка, і горка
 Рыхтавацца на той сьвет.
 Соладка – бо стрэне Збаўца.
 Горка – ад былых грахоў.
 Божа, дай мне не паддацца
 Здрадзе й кінуць шлях Хрыстоў! [8]

У рускай гутарковай мове з’явіліся і такія неалагізмы, як *подбородочник* ‘той, хто носіць маску на падбародку’, *синебородый* ‘тое ж’, *Синяя Борода* ‘маска сінім бокам вонкі’ [1, с. 50]. Асацыяцыі з французскай казкай «Сіняя барада» Шарля Перо пра арыстакрата, што забіваў сваіх жонак, толькі дадаюць негатыўу і трывожных чаканняў. Да лексікаграфічнага поля маскі можна аднесці і семантычны неалагізм *наличник*: *у меня не морда у меня лицо а на нем налчник получаетцо*. “Метафорычэска маску можна назваць *наличником*. Если предположить, что лицо – это стена, улица – это оконная или дверная коробка, нос и рот – это щели. Вполне логично, что *наличник* (маска) декларативно закрывает эти щели между лицом и улицей” [1, с. 57].

У значэнні ‘маска’ з’явілася новая фразеалагічная адзінка *марлевый занавес*, якая паўтарыла мадэль выразу *железный занавес*: *Про прочность материала, / Скажу я, друг любезный: / А марлевый-то занавес – / Прочнее, чем железный...* [9]. З пэўнай доляй іроніі маску пазначылі як першую і яшчэ даволі прымальную прыступку ў руху чалавецтва да ізаляцыі (скафандра), як у мемах: *Однажды, перебирая в шкафу, ты найдешь старую одноразовую маску в кармане пуховика. И ностальгически улыбнешься, поправляя скафандр*.

На сённяшні дзень самым яркім і аператыўным сродкам рэагавання на сітуацыю сталі мемы. *Носишь маску – доживешь до Пасхи* – гэта адзін з першых мемаў вясны 2020-га, шматкроць паўтораны на самых розных інтэрнэт-старонках. Мемы – гэта адзін з яркіх эмацыянальна-экспрэсіўных прыёмаў адлюстравання рэчаіснасці, праява крэатыўнасці (у моўным і візуальным увасабленні), іранічнага, гумарыстычнага стаўлення да пэўных падзеяў. Як правіла, мемы складаюцца з дзвюх частак: вядомы, растыражаваны малюнак, карціна ў спалучэнні з другой, часта выяўленай вербальна часткай. Дасягненне гумарыстычнага эфекту забяспечваецца сутыкненнем старога візуальнага, як правіла, узвышана-сур’эзнага плану з нечаканым подпісам або візуальнай дэтальлю. Вясной 2020 года сеціва перапоўнілася мемамі, у аснове якіх вядомы мастацкі вобраз з прымаляванай маскай. Такія “фотажабы” прайшліся па многіх знакамітых карцінах: ад Моны Лізы да Адама на фрэсцы Мікеланджэла. У выпадку з аўтапартрэтам Ван Гога спрацаваў лінгвістычны жарт: сталася абыграным прозвішча мастака Gogh, сугучнае слову cough ‘кашаль’ [10].

У беларускамоўным сегменце інтэрнэта пік папулярнасці “кавідных” мемаў прыйшоўся на вясну 2020 года і затым быў адсунуты ўнутранымі палітычнымі праблемамі. Тым не менш з’явіўся шэраг паказальных мемаў, відавочна перакладных, але выбіральнасць можа сведчыць аб запатрабаваных стэрэатыпах.

Найменне маскі *падузнікам* выяўляе шматкроць абыграную міфапаэтычную апазіцыю твар / органы цялеснага нізу, якія з лёгкасцю мяняюцца месцамі, што стварае дадатковую семантычную і канататыўную нагруканасць. Камічны эфект дасягаецца і праз атракцыю лексемы *маска* з імем *Ілона Маска*.

Аператыўнасць рэагавання на змены ў жыцці характэрная і для прыпевак (частушак), за апошні год з’явіўся нават новы іх раздзел *частушкі-пандемушкі*: *На прививку я ходила и прививку получила. Теперь нечего бояться – мне без маски целоваться* [11]; *От заразы нет приема. / Это ясно и ежу... / Мимо тещиного дома / я без маски не хожу* [12]; *Эх, масонька, да маска белая, / я негож лицом, зато смелый я* [13]; *Чтобы с милкой без опаски / утоляют любовный пыл, /не ложись в постель без маски, / без перчаток и бахил!* [14]. Варта ўсё ж прызнаць, што актуальнасць і відавочны аўтарскі пачатак перакрываюцца пэўнай штучнасцю і бяздушнасцю ў падобных аднадзёнках.

Яшчэ больш аператыўнымі аказаліся антыпрыказкі, ужо добра прааналізаваныя Х. Вальтэрам і В. М. Макіенка: *Любишь кататься – люби и масочки носить; Не снимайте маски круглосуточно! Этим вы защитите себя от переедания!*; *На Бога надейся, а сам маску надень; На маску надейся, а сам не плошай; Каше маска не помеха; У семи докторов пациент без маски; По маске встречаются, по температуре провожают* [15, с. 37]. Журналісты ў загалоўках для СМІ гэтаксама актыўна скарыстоўваюць ранейшыя прыказкі, фразеалагізмы, метафары, што дазваляе ёміста і досыць кідка выказаць асноўны сэнс публікацыі: *Театр масок* (радыё “Свабода”); *Мир в маске* (Навіны плюс); *Обратная сторона маски* (*Новая газета*) і інш.

Фальклор інфармацыйнага грамадства аддае перавагу хуткаму рэагаванню з адсоўваннем убок эстэтычнага складніку, але з акцэнтам на сенсацыйнасць паведамлення. Так, на першае месца сярод інфадэмічных наратываў выходзяць самыя розныя чуткі і фэйкі, у тым ліку пра шкоду медыцынскіх масак. Напрыклад, існуе думка пра тое, што ў масках жывуць страшныя чарвякі, нана-, мікрачарвякі, так званыя *маргелоны* [16]. У Мінску былі заўважаныя лістоўкі з папярэджаннем аб злачынцах, што ходзяць па дамах і распаўсюджваюць маскі, прапітаных наркатывымі рэчамі, для лёгкага пранікнення ў кватэру і рабавання.

Канцэптуалізацыя маскі ў Беларусі атрымлівае дадатковыя сэнсавыя нюансы і канатацыі ў сувязі з яе ўваходжаннем у сферу маркераў палітычнай сітуацыі. Абавязковая маска або нават у сваёй гіпертрафіраванай форме чорнай балаклавы стала неад’емным атрыбутам прадстаўніка органаў МУС. Такія маскі, хаваючы асобу,

закліканыя далёка не столькі абараняць яе ўладальніка ад інфекцыі, але дэманстраваць інтэнцыі застрашвання або сваёй беспакаранасці. Парадокс сітуацыі ў тым, што падобныя маскі сталі ўспрымацца ў процілеглым задуманаму значэнні – як прыкмета слабасці і страху. Лозунг “*Маскі будуць сорваны*” не сыходзіў з вуліц восені 2020 года. І ўжо зусім іншы, з адсылкай да сітуацыі з пандэміяй, загалоўкавак “*Будуць ли сорваны маскі?*” у значэнні адмены маскавага рэжыму [17].

Акрамя санітарна-гігіенічных патрабаванняў нашэнне маскі замацавалася як статусна-рытуальнае дзеянне. На фоне абавязковасці з’яўляцца ў публічных месцах у масцы выпадкі невыканання сведчаць аб культурна і сацыяльна значымых сітуацыях, што відавочна ў часе трансляцыі шматлікіх нарадаў і візітаў. Маска фактычна стала элементам іерархіі з дэманстрацыяй статусных характарыстык: хто больш важны ці галоўны – той без маскі. З іншага боку ў сітуацыі Беларусі з яе працяглым адмаўленнем небяспекі каранавірусу з’яўленне чалавека ў масцы маркіравала адказнага грамадзяніна, арыентаванага на заходні варыянт супрацьстаяння эпідэміі.

Відавочна, наш час дае разнастайны матэрыял для апісання ўласна семіётыкі маскі. Як феномен культуры яна прысутная не толькі архаічнаму, але інфармацыйнаму грамадству, дзе яе функцыі якраз атрымліваюць заўважнае пашырэнне. Маска стала сродкам не толькі прыкрывання і змены знешнасці, але і маркіроўкі або абазначэння сацыяльна значнай з’явы. Узаемадзеянне культур, перамена значэнняў масак, інверсія іх сэнсаў – абавязковая частка жывога гістарычнага працэсу развіцця культуры. Маскі карнавалаў, містэрый і маскарадаў дэманструюць здольнасць гэтага знака быць неабходным у розныя гістарычныя перыяды. Асабліва вялікае значэнне маскі ў крызісныя часы, у часы вялікіх палітычных, сацыяльных і культурных пераменаў, крызісаў свядомасці [18, с. 62]. Маска стала аўтаномным носьбітам сэнсу, па сутнасці, знакам чалавека, замяняючы і выцясняючы яго ідэнтычнасць. Выконваючы знакавыя функцыі, маска ўключае тое, што характарызуе чалавека, у механізм, які забяспечвае існаванне сацыума і дзяржавы, – каментуюць спецыялісты [19].

Такім чынам, прааналізаваны матэрыял прадэманстраваў камунікатыўную маркіраванасць маскі, прычым “камунікацыя адбываецца не толькі паміж людзьмі, але і ў прасторы сімвалічнага абмену” [20, с. 74]. Багаты семіятычны фон маскі абумовіў семантычны і канататыўны прырост у самой лексемы і ўжо тым даў штуршок фальклорнай творчасці. Імгненнае рэагаванне і хуткаплыннасць інтэрнэт-фальклору між тым дазваляюць вылучыць актуальныя сэнсы і нюансы. Парэміі як форма эмацыйнага і вобразнага ўвасаблення сэнсу адгукнуліся на сітуацыю досыць хутка, але пакуль пераважна ў форме прыкладаў хуткага рэагавання – антыпрыказак і мемаў.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Romanova, E. Словообразование как инструмент языковой игры: «коронные» неологизмы в эпоху пандемии Covid-19 / E. Romanova. Pro gradu-avhandling i ryska språket och litteraturen. 2021 [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: <https://urn.fi/URN:NBN:fi-fe2021052631822>. – Дата доступу: 24.08.2021.

2. Белый юмор [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: https://twitter.com/w_humor/status/1238034755796578306. – Дата доступу: 20.08.2021.

3. Шарафадина, К. И. Лингвисты об изменении языковой картины мира в 2020 году / К. И. Шарафадина // Электронные средства массовой информации: вчера, сегодня, завтра: XV Всероссийская научно-практическая конференция, 9 апреля 2021 г. – СПб.: СПбГУП, 2021. – С. 10–13.

4. Савченко, А. В. «Коронавирусные неологизмы»: от лексики и фразеологии к интернет-мемам (на материале русского и китайского языков) / А. В. Савченко, Лай Янь-Цзюнь // Коммуникативные исследования. – 2020. – Т. 7. – № 4. – С. 865–886.

5. Ярошенко, Н. А. Пандемия COVID-19 в зеркале языка: лексико-семантические группы неонимаций / Н. А. Ярошенко // Вестник ДонНУ. Сер. Д: Филология и психология. – 2020. – № 3–4. – С. 63–93.

6. Романик, А. Лексические новации русского языка в период пандемии коронавируса / А. Романик // Новые слова и словари новых слов. 2020 : сборник научных статей / отв. ред. Н. В. Козловская / Ин-т лингв. исслед. РАН. – СПб. : Институт лингвистических исследований РАН, 2020. – С. 139–147.

7. Rfi [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу : <https://www.rfi.fr/ru>. – Дата доступу : 15.09.2021.

8. Карней, І. Ня толькі каранавірус. Колькі эпідэміі перажыў Жыровіцкі манастыр за 500 гадоў сваёй гісторыі / І. Карней [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу : <https://www.svaboda.org/a/30583085.html>. – Дата доступу : 2.08.2021.

9. Коронавирус: приколы про COVID-19 [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу : <https://dni.ru/articles/koronavirus-prikoly/>. – Дата доступу : 12.08.2021.

10. Туманов А. Дайте им маску: как мемы про коронавирус захлестнули интернет / А. Туманов, С. Сычев [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу : <https://iz.ru/981184/andrei-tumanov-sergei-sychev/daite-im-masku-kak-memy-pro-koronavirus-zakhlestnuli-internet>. – Дата доступу : 20.08.2021.

11. В Ленобласти запустили конкурс частушек про вакцинацию от COVID-19 [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу : <https://www.fontanka.ru/2021/07/14/70024787/>. – Дата доступу : 20.08.2021.

12. Хорт, А. Новые задорные короновирусные частушки / А. Хорт [Электронны рэсурс]. – Режим доступу : https://www.ng.ru/ng_exlibris/2020-07-01/14_1036_ditties.html?id_user=Y. – Дата доступу : 20.08.2021.

13. Коронный номер: частушки в тему [Электронны рэсурс]. – Режим доступу : <https://crimea-news.com/society/2020/03/30/630437.html>. – Дата доступу : 20.08.2021.

14. Орский поэт сочинил частушки-пандемюшки [Электронны рэсурс]. – Режим доступу : <https://orsk.ru/news/96651>. – Дата доступу : 20.08.2021.

15. Вальтер, Х. Аксиологическое пространство короновирусной паремииологии (на славянском фоне) / Х. Вальтер, В. М. Мокиенко // Новые слова и словари новых слов. 2020 : сборник научных статей / отв. ред. Н. В. Козловская ; Институт лингвистических исследований РАН. – СПб. : ИЛИ РАН, 2020. – С. 33–44.

16. Сохнин, А. Билл Гейтс и пары водки: победить пандемию может быть легче, чем слухи и конспирологию / А. Сохнин [Электронны рэсурс]. – Режим доступу : <https://moskvichmag.ru/lyudi/bill-gejts-i-pary-vodki-pobedit-pandemiyu-mozhet-byt-legche-chem-sluhi-i-konspirologiyu/>. – Дата доступу : 7.08.2021.

17. Будут ли сорваны маски [Электронны рэсурс]. – Режим доступу : <https://www.bfm.ru/news/464785>. – Дата доступу : 7.08.2021.

18. Толшин, А. В. Значения и свойства маски в карнавале и маскарде / А. В. Толшин // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2007. – С. 62–69.

19. Эксперт: маску наделили автономным носителем смысла и сути [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу : <https://rossaprimavera.ru/news/96e39139>. – Дата доступу : 10.08.2021.

20. Штейнман, М. А. Анатомия маски протеста: коммуникативный аспект / М. А. Штейнман // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение. – 2013. – № 1. – С. 74–85.

Артыкул падрыхтаваны ў межах выканання праекта БРФФД Г21-027 “Каранавірус у фальклоры ці новы змест у старых формах: стэрэатыпы, жанры, сюжэты”.

Abstract. The means and results of conceptualizing a medical mask as one of the significant attributes of the COVID-19 pandemic are revealed in the article. The idea of perception the mask as an independent bearer of meanings and, in fact, as a sign of a person, an element of a hierarchy with a demonstration of status characteristics is proposed. It presented based on the materials of online resources and media.

Keywords: COVID-19, folklore, paremias, memes, neologisms.

Н. Ф. Венжинович

**ФРАЗЕОЛОГІЯ У СИСТЕМІ
СУЧАСНОЇ ЛІНГВІСТИЧНОЇ ПАРАДИГМИ**

Анотація. Стаття присвячена опису фразеології в системі сучасної лінгвістичної парадигми. Розглянуто нагальні проблеми й сучасний стан досліджень, в яких основне місце займають положення про те, що фразеологія є вмістищем значних культурних надбань етносу. Акцентована увага на питаннях вивчення фразеологізму як основної одиниці фразеології, функціонування фразеологізмів у мовленні, їх класифікацій, визначення методів дослідження.

Ключові слова: фразеологія, фразеологізм, сучасна лінгвістична парадигма, класифікації фразеологізмів, лінгвокультурологічні дослідження.

Фразеологія як самостійна лінгвістична дисципліна виникла в 40-х роках ХХ століття. Передумови теорії фразеології були закладені в працях О. Потебні, І. Срезневського, О. Шахматова і Ф. Фортунатова. Вплив на розвиток фразеології зробили також мовознавчі праці швейцарського лінгвіста Ш. Баллі. Відомо, що у західноєвропейському й американському мовознавстві фразеологія не виділяється в особливий розділ лінгвістики. Питання про вивчення стійких сполучень слів у спеціальному розділі мовознавства – фразеології було поставлено в навчально-методичній літературі в 20–40-х роках у роботах С. Абакумова, Л. Булаховського, Є. Поліванова. Вивчення фразеології стимулювалося лексикографічною практикою та працями В. Виноградова, в яких були розглянуті питання про основні поняття фразеології, її завдання та обсяг. У 50-х роках основна увага приділялася питанням подібності та розходженням фразеологізмів зі словом і сполученням слів; вивчення фразеології зосереджувалося в основному у з'ясуванні критеріїв фразеологічності та уточнення основ класифікації фразеологізмів.

У 60–70-х роках ХХ ст. інтенсивно почали розроблятися власне фразеологічні методи дослідження об'єктів фразеології, засновані на ідеях системно-рівневого аналізу фактів мови (В. Архангельський, В. Жуков, М. Тагієв), популярності набуло вивчення системної організації фразеологічного складу (І. Чернишова, Н. Шанський) і його розвитку (В. Мокієнко, Ф. Попов, А. Федоров). Особлива увага приділялася семантиці фразеологізмів і її номінативному аспекту (В. Телія), фразеоутворенню в його динаміці (С. Гаврін, Ю. Гвоздарьов), ознакам сполучуваності слів-компонентів (М. Копиленко, З. Попова), зіставно-типологічному вивченню фразеологічного складу (Ю. Аваліані, Л. Ройзензон), а також розробленню опису фразеологізмів у словниках (А. Бабкін, А. Молотков).

Теоретичні дослідження з фразеології охоплюють у сучасній лінгвістиці широке коло проблем. Можна виділити кілька основних: вивчення фразеологізму як основної одиниці фразеології, функціонування фразеологізмів у мові, мовленні, визначення методів дослідження тощо.

Незважаючи на помітні досягнення у дослідженні фразеології, актуальними продовжують залишатися проблеми, що стосуються специфіки фразеології як лінгвістичної дисципліни, семантики і форми фразеологічних одиниць, класифікації фразеологізмів, джерела їх виникнення, системні зв'язки у фразеологічній системі, розвиток діалектної фразеології тощо.

Як наука фразеологія вивчає стійкі словосполучення двох і більше слів, які утворюють семантичну цілісність і в процесі мовлення сприймаються як готові словесні формули. Крім спільних із лексикологією аспектів розгляду, фразеологія має свої специфічні завдання: вивчення особливостей структури фразеологічних одиниць і механі-

зму витворення семантичної цілісності у сполученнях слів; аналіз причин їх фразеологізації; дослідження взаємовідношень фразеологічних зворотів з іншими лінгвістичними одиницями – словом, словосполученням, реченням; з'ясування історико-етимологічної основи фразеологічних одиниць тощо.

Науковці вважають, що фразеологізми – це знаки мовної культури. Наприклад, О. Галинська [1, с. 72] розглядає фразеологізми як особливі мовні знаки, як засоби зберігання і передачі культурної інформації. Дослідниця наголошує, що лінгвокультурологічний напрям у фразеології досліджує взаємодію мови і культури крізь призму культурно-національної свідомості.

На думку багатьох дослідників, саме в мові втілюється історична пам'ять народу, мова відображає як культурний, так і мовний досвід народу. Лінгвокультурологічні дослідження на матеріалі фразеології допомагають нам уявити духовні цінності, витворені окремими етносами протягом тисячоліть.

Проблематиці *фразеологія і національна культура* присвячені роботи багатьох дослідників. Зокрема, це праці Л. Даниленко, С. Денисенко, В. Жайворонка, В. Ковалю, Н. Мазур, Ф. Медведєва, Л. Мельник, Л. Скрипник, Д. Ужченка, В. Ужченка та ін. Особливо цінними для науковців є фразеологізми, що відбивають народні традиції, обряди та звичаї того чи іншого народу, історичні факти його життя.

На думку Л. Савченко, фразеологія – це відбиток картин реальності, у якій містяться фрагменти культури, історії, етнографії, психології, світогляду, релігії, менталітету, відтворюється національний характер народу, це своєрідний зразок ретельного та пильного кодування його духовної культури [2, с. 522].

Фразеологізми є неповторними, своєрідними за своєю внутрішньою формою. Вони становлять собою складний феномен, що відображає як власне лінгвістичні фактори, що визначаються специфікою лексико-семантичної і граматичної системи конкретних мов, так і екстралінгвальні фактори, пов'язані з життям нації, – особливості національного характеру, духовного складу, культури, своєрідності етнічного побуту, традицій, звичаїв, специфіка історичного розвитку народу. Особливості образної мотивації в структурі значення ідіом є важливими для з'ясування мовної картини світу і її бачення народом, який розмовляє тією чи іншою мовою.

Наукове дослідження фраземіки в лінгвокультурологічному й етнопсихологічному аспектах розпочалося порівняно недавно й відбувається в межах вивчення мови загалом як антропологічного феномену

В. Жайворонка, зокрема, зазначає, що «фразеологія – це та сфера мовної діяльності, де, з одного боку, в мовних фактах яскраво відбиваються етнопсихологічні особливості соціуму, а з другого, – чітко простежується вплив мови на формування його менталітету» [3, с. 33]. Одним із головних векторів дослідження, на думку О. Селіванової, є «... вияв ціннісних орієнтацій етнічної спільноти, зафіксованих у фразеологічних найменуваннях і їхній знаковій динаміці» [4, с. 8]. Погоджуємося з думкою В. Ужченка про те, що «великим культурно-національним потенціалом наділені фразеологізми із соціолінгвістичними, етнографічними й країнознавчими характеристиками» [5, с. 278]. А В. Кононенко слушно зауважує, що «світогляд українців знайшов реалізацію в численних висловах, що відповідають різним ситуаціям життя, характерологічним рисам людей, створюючи у своїй сукупності загальний образ мовця, неоднозначного за своїми уявленнями, але загалом скоріше позитивний, аніж негативний» [6, с. 91]. Передумовами дослідження етнокультурної специфіки фразем є зосередження уваги на мовній, а через неї і на духовній культурі як окремої людини, так і всієї мовної спільноти. Будучи інструментом осягнення розумом світу і його сприйняття, мова бере активну участь у формуванні культури ще з давніх часів. Про це красномовно засвідчує фразеологія як автономна лінгвістична дисципліна, яка пододала наслідки недоліків структурно-таксономічної парадигми і сьогодні стала на шлях вияв-

лення того, як використовується мова суб'єктом мовлення залежно від його комунікативних інтенцій, від чинника адресата, від тла спільних для них знань про світ і т. ін. Це спричинилося до наступного кроку – дослідження мовного чинника в людині – того, як саме оновлена й завжди культурно забарвлена картина світу впливає на людину, формуючи її мовну свідомість, а разом із нею і культурно-національну самосвідомість. І тільки на основі цих даних можна говорити про фразеологію як про найбільш культурноношений компонент мови в дії.

Лінгвокультурологічна цінність фразеологічних одиниць полягає в тому, що вони відображають своєрідність світобачення мовної спільноти і є найбільш прозорими для концептів культури, втілованих мовними засобами. Саме у фразеології накопичений досвід багатьох поколінь зі своїми, тільки їм властивими особливостями, що складають самотність кожного народу. Вихідною тезою досліджень культурно-національної специфіки фразем є наявність у них своїх способів її відображення і засобів співвіднесення з нею, «тобто слугувати своєрідною ланкою, що об'єднує в єдиний ланцюг «тіло знака» (а для знаків вторинної номінації – це і «буквальне значення» самого означуваного) – з одного боку, а з іншого, – концепти, стереотипи, еталони, символи, міфологеми і т. ін. знаки національної й ширше – загальнолюдської культури, засвоєні народом – носієм мови» [7, с. 215].

На думку М. Жуйкової, лінгвокультурологічний аналіз має дві сфери застосування. Із одного боку, його активно залучають до рівня «фразеологічної статистики», тобто до аналізу певних фразем як елементів мовно-культурного коду, що підлягає інтерпретації. Із другого боку, лінгвокультурологічний аналіз має пряме застосування в дослідженнях «фразеологічної динаміки», тобто передусім у сфері генези фразеологічних одиниць [8, с. 127].

Дослідження останніх років переконливо доводять явні намагання «розгляду фразеологізмів у широкому лінгвокультурологічному аспекті – в аспекті участі мови у створенні духовної культури у формуванні мови» [9, с. 25].

Засобом утілення національно-культурної специфіки фразем слугує образна основа, а способом указівки на цю специфіку є інтерпретація образної основи у знаковому просторі певної мовної спільноти. Ця інтерпретація і складає зміст національно-культурної конотації. Надпоняттєвий смисл слова, зумовлений екстралінгвальними чинниками, найяскравіше проявляється у сфері периферійних семантичних компонентів, а також у його імпліцитній репрезентації. Виходячи з того, що культурна інформація міститься у внутрішній формі фраземи, є всі підстави вважати, що вивчення фраземіки має нині не тільки мовознавчу й філологічну цінність, а й також сприяє поглибленому студіюванню цивілізацій та культур різних народів. Воно також допомагає зрозуміти первісне наївне уявлення про навколишній світ народу, що розмовляє певною мовою, риси його національного характеру, менталітет, ритуали, традиції, вірування і т. ін. Особливості образної мотивованості у структурі фразем можуть представляти інтерес для з'ясування мовної картини світу і її бачення конкретним народом.

У зв'язку з пізнанням народного менталітету через фразеологічні одиниці ми маємо всі підстави для тверджень про наявність у них етнопсихологічного забарвлення. Вивчення фразем неможливе нині без звернення уваги на відображення в них національного характеру, темпераменту, настроїв, забобонів і т. ін. – усього того, що входить у компетенцію вивчення національної психології. У фразеологічних одиницях як самотньому пласті для кожної мови знаходять відображення як стереотипи соціальної поведінки, так і суспільно важливі реалії, що можуть бути предметом особливого одночасного дослідження в мовному й культурному планах. Таку змогу надає лінгвокультурологія як нова галузь лінгвістики, що об'єднує в собі як дані мови, так і культури для побудови теорії зі своїм власним апаратом понять. В основі цієї теорії знаходиться модель, яка орієнтована на культурний чинник у мові і лінгвальний чинник у людині.

Усе це спричинило зосередження фразеологічної проблематики на людині як носієві певної культури і дало змогу відповісти на запитання, які образи покладені в основу виникнення конкретних метафор, визначити їх роль як у мові, так і в репрезентації культури. Ці образи набувають символічного, образно-метафоричного значення в культурі, узагальнюючи результати власне людської свідомості, зафіксованої в міфах, легендах, ритуалах і т. ін. Частим явищем у цьому є перехід стереотипу, ритуалу спочатку в приказку, а згодом і у фразеологічну одиницю. Водночас потрібно завжди мати на увазі, що фразеологічна одиниця, зафіксована в голові людини, – це частина інформації, яка не є результатом особистого досвіду, а успадкована носієм тієї чи іншої мови від багатьох попередніх поколінь. Ось чому все більша увага в наукових пошуках сьогодення звертається на співвіднесеність компонентів фразеологічних одиниць із категоріями культури, властивими носіям різних мов.

Серед лінгвістів нині переважає розуміння того, що вивчення фразеології в парадигмі сучасної науки передбачає не тільки лінгвокультурологічний аналіз, а й когнітивно-культурологічний. Когнітивний аспект вивчення фраземіки має широкі перспективи застосування в дослідженні етнокультурної семантики фразеологічних одиниць, що є номінативними мовними одиницями, для яких важливий не стільки денотативно-сигніфікативний аспект, скільки різнотипні конотації, емоції, експресії й образи. Саме вони є тими основними ознаками, які відрізняють фраземи від слів.

Лінгвокультурологічний аспект дослідження – це вияв та опис синергетичної за своєю суттю кореляції між „мовою” культури і семантикою фразем. Його мета – досягнути розумом живі культурно значущі смисли одиниць фразеології, які проявляються не тільки й не стільки у віддалених від нас за часом текстах, скільки в життєдайних дискурсивних практиках, у яких і проявляється володіння культурно-мовною компетенцією. І тільки на основі цих даних можна говорити про фразеологію як про найбільш культуроносний компонент мови в дії. У контексті сказаного в завдання лінгвокультурології взагалі та лінгвокультурологічного аналізу й опису фразем зокрема входить вивчення здатності носіїв мови й культури до інтерпретації стійких висловів як знаків „мови” культури й до досягнення розумом та усвідомлення втілених у них настанов культури в мовленнєвій діяльності. Суть такого підходу полягає в тому, що мовна компетенція розглядається як володіння не тільки лінгвальним кодом, а й усіма тими типами широкого фонового знання, які притаманні як мовцю / авторові, так і слухачу / читачеві.

Докладний аналіз інформації, збереженої у внутрішніх формах, допомагає зрозуміти наївне уявлення про світ народу, який розмовляє певною мовою, та деякі риси його національного характеру. Найбільш інформативними у плані лінгвокультурологічного аналізу є фразеологічні єдності й такі фразеологічні сполучення, що виражають національне образно-асоціативне мислення народу – носія певної мови.

У мові є багато фразем, у значенні яких велику роль відіграє денотативний аспект, завдяки якому можна судити про побут і звичаї народу, його традиції, вірування – все те, що входить у поняття „культурна інформація”. Водночас у багатьох фраземах культурна інформація прихована в образному розумінні і в конотативних аспектах його значення. Для того, щоб глибше зрозуміти це, звернемося до висвітлення процесу становлення образно-емотивного характеру у фраземі. Саме первісні слова формують в образі своє значення. Так виникає внутрішня форма, в якій міститься основна інформація, пов'язана з культурою, стереотипами й символами мовних спільнот. У цьому й відображається зв'язок асоціативно-образної основи з культурою. Поступово фраземи починають виконувати роль своєрідних символів, „умовних знаків”, еталонів, стереотипів культури, що веде до створення образу, який лежить в основі усталеного вислову та всіх його можливих конотацій.

Як відомо, мова є засобом накопичення, зберігання, впорядкування й передавання інформації у просторі та часі. Найкраще репрезентована культурна інформація

в текстах, де мова йде про фольклор, класику поетів і прозаїків, прислів'я та приказки. Виходячи з того, що кожна фразема – мікротекст, мікроісторія й мікроміф, дослідники сьогодні схиляються до думки про те, що усталені словосполучення передають культурну інформацію як через денотативний аспект, так і через образну основу та пов'язані з ним конотації. Ці два аспекти якраз і супроводжують внутрішню форму фраземи. Принагідно зауважимо, що В. Телія запропонувала термін *культурна конотація*, під яким вона розуміє культурно-національну своєрідність фразем і метафор. На її думку, інтерпретуючи фразеологічні єдності на основі співвіднесення їх асоціативно-образного сприйняття зі стереотипами, що відображають народний менталітет, ми тим самим розкриваємо їхній культурно-національний смисл і характер, який і є змістом національно-культурної конотації [7, с. 223]. Давно утворені фраземи мають подвійний зв'язок із культурою – „сама їхня зовнішня форма – це вже мова культури, з одного боку, а з іншого, – цей образ усвідомлюється й інтерпретується носіями певної мови відповідно до їхньої культурної компетенції” [там само, с. 251].

Питання фразеологічної образності стали привертати належну увагу лише недавно. «Фразеологічний образ – це цілісне безпосереднє уявлення, яке має на меті розкрити в наочній формі ставлення до дійсності, що зображається. Внутрішня цілісність багатьох висловів зумовлена єдністю образу» (Переклад наш. – Н. В.) [10]. Внутрішня форма фразеологічної одиниці – це її початкове денотативне значення, що впливає з суми реальних значень слів-компонентів. Лексико-фразеологічні паралелі (відповідності серед вільних словосполучень) ніби повертають фразеологічну одиницю до її початкового значення (денотата) й утворюють її семантичну двоплановість, своєрідну смислову призму, де основою є внутрішня форма, а „поверхневий” пласт – сучасне значення. Експресивність відображення картини світу, виникнення своєрідних ігрових ситуацій і створюються у фразеології за рахунок наявності внутрішньої форми. Фраземи, що мають внутрішню форму, представляють її у формі образу, який виникає як асоціативний зв'язок між значенням слів вільного вживання і значенням фразеологічної одиниці загалом. Внутрішня форма виконує роль посередника образного бачення фразеологічного значення, яке ґрунтується на внутрішній формі, образній основі та різнохарактерних конотаціях.

На нашу думку, способом утворення фразеологічної одиниці є «метафоризація як когнітивний процес, пов'язаний із діяльністю підсвідомості» [11, с. 113]. Метафори характеризуються національною специфічністю і навіть антропоцентричністю, оскільки людина постійно намагається порівнювати конкретне і абстрактне. «В новому метафоризованому значенні можуть залишатися сліди і буквального значення, яке ґрунтується на основі подібності, схожості двох або більше сутностей, що знаходяться в центрі уваги» [там само].

Семантика фразеологізмів, незважаючи на інтенсивність та тривалість її вивчення, залишається основною проблемою фразеології. Це пов'язано з невирішеністю цілої низки питань, які мають принципово важливе значення для подальшого розвитку фразеологічної науки. Існують значні розбіжності у розумінні сутності фразеологічного значення, у тлумаченні аспектів змістової структури фразеологічної одиниці, її смислового обсягу тощо. Залишається відкритою проблема семантичної цілісності фразеологічної одиниці порівняно зі словом, можливість моделювання семантики фразеологізму тощо.

Дослідники вважають, що специфіка фразеологічного символу полягає в його багатозначності, спричиненій тим, що він сформований на основі різноджерельних уявлень. Слово, якому властива символічна функція, зокрема й у фразеології, може бути компонентом фразеологізму, не виконуючи роль символу.

Оскільки фразеологія – це лінгвістична наука, яка потребує систематизації різних підходів до визначення ознак фразеологічних одиниць, дотримуючись певних принци-

пів (семантичного, генетичного, функціонального), дослідники запропонували низку класифікаційних систем, що використовуються у теоретичній і методичній літературі.

Спробу систематизації стійких (фразеологічних) сполук у функціональному аспекті здійснив С. Гаврин [див.: 12, с. 340]. Він виділяє шість основних типів:

1) образно-виразні стійкі сполуки (*пустити червоного півня, із гязі в князі, свиня свинею, яблуко незгоди*);

2) еліптичні сполуки (*рад не рад, хоч куди, ні пуху ні пера, хоч кужди*);

3) термінологічні фразеологізми (*заломлення променів, річ у собі, колінчастий вал*);

4) афористичні фразеологізми (*друзі пізнаються в біді, буття визначає свідомість*);

5) контекстологічні сполуки, які ототожнюються із стійкими утвореннями, що в класифікації В. Виноградова називаються фразеологічними сполученнями;

6) ідіоми (*собаку з їсти, була не була*).

Розглянута класифікаційна схема допомагає з'ясувати природу фразеологічних одиниць, охарактеризувати особливості їх функціонування і еволюцію їх у лінгвістичній системі.

Одним із джерел збагачення національної фразеології є мова письменника. Протягом всієї історії розвитку національної культури слова видатних майстрів входили в літературну мову. Місце фразеологічних одиниць у мові окремих письменників, певних літературних жанрів та стилів досліджували в своїх працях багато українських мовознавців, а саме: Л. Авксентьев, Л. Булаховський, П. Плющ, В. Ужченко, Д. Ужченко та ін. Однак актуальними продовжують залишатися проблеми, пов'язані із вивченням індивідуально-авторського фразеовживання та розширення конкретних досліджень усіх аспектів та особливостей мови. Тому глибоке та всебічне вивчення процесів та явищ мовного розвитку з метою теоретичних узагальнень є першорядним і постійним її завданням.

Особливості смислової реалізації фразеологічного значення в художньому дискурсі зумовлюються такими чинниками:

1) жанровою приналежністю тексту;

2) комунікативно-прагматичними установками автора і читача, що передбачають семантичну варіацію фразем;

3) ініціацією сенсу за пропозиційними і екстралінгвальними факторами. Ці чинники «працюють» комплексно.

Науковці акцентують увагу на тому, що фразеологізми здавна вважаються одним із найяскравіших та найвиразніших знаків мови. Містячи в собі значну кількість експресії та емоційної наснаги, вони є потужним засобом підсилення зображуваного у певному тексті. У мовленні фразеологізми виконують функцію образної характеристики конкретного об'єкта, суб'єкта, дії, ситуації. Саме тому, на нашу думку, останнім часом лінгвісти дедалі більше уваги приділяють функціональному аспекту фразеологічних одиниць, тобто вживанню їх у різних ситуаціях спілкування з різними комунікативно-прагматичними цілями, а також у мові творів письменників.

На сучасному етапі у фразеології продовжують розроблятися синхронний і діахронний аспекти, уточнюється термінологія, досліджуються системні зв'язки фразеологічних одиниць, розкривається – із залученням генетичних і типологічних паралелей – механізм фразеотворення. Багато з таких питань стали традиційними.

Новими аспектами у фразеології вважаються не тільки нові напрями досліджень фразеології, а й фундаментальне висвітлення й раніше окреслених, але недостатньо опрацьованих питань. У працях сучасних мовознавців спостерігаємо нові аспекти у вивченні фразеології. На зміну структурно-семантичній парадигмі поступово приходить психокогнітивний аспект (О. Баранов, Є. Бартмінський, С. Денисенко, Д. Добровольський, О. Левченко), найбільш виразно він представлений у працях О. Селіванової.

Особливо посилилось вивчення ареальної (діалектної) фразеології української мови. Учені намагаються звернути увагу на подальше накопичування діалектного ма-

теріалу, на необхідність подати ареальну фразеологію як систему, проаналізувати фразеологію в ідеографічно-тематичному аспекті, уточнити дериваційну базу, способи й чинники фразеотворення. Науковці стверджують, що останнім часом зросла увага до жаргонно-арготичної фразеології, укладення фразеологічних словників різних типів, дослідження зв'язку між фраземами різних мов та їх зв'язку з іншими розділами мови.

Українська фразеологія пройшла довгий і складний шлях свого становлення. Вона постійно поповнюється новими одиницями, частково або й повністю архаїзуючи чи трансформуючи семантичну структуру питомих чи давно запозичених фразем. Фразеологізми є надзвичайно розгалуженими за своєю семантикою і тісно пов'язані з культурою та ментальністю народу. Із поглибленим вивченням фразеології з'явилися новітні погляди вчених на природу зазначених мовних одиниць.

Доходимо висновку, що питання обсягу, ролі та місця фразеологізмів у системі мови залишаються досить актуальними та потребують подальших наукових розвідок, зважаючи на неоднозначне розуміння віднесеності окремих одиниць до цієї підсистеми та зміни парадигми сучасних лінгвістичних досліджень.

Список використаних джерел

1. Галинська, О. М. Фразеологізми як знаки культурної інформації / О. М. Галинська, 2011. – Вип. 10(2). – С. 72–77.
2. Савченко, Л. В. Феномен етнокодів духовної культури у фразеології української мови: етимологічний та етнолінгвістичний аспекти : монографія / Л. В. Савченко. – Сімферополь : Доля, 2013. – 600 с.
3. Жайворонок, В. Мовні знаки української етнокультури в антропоцентричному висвітленні / В. Жайворонок // Мовознавство. – 2012. – № 2. – С. 58–64.
4. Селіванова, О. Нариси з української фразеології (психокогнітивний та етнокультурний аспекти) : монографія / О. Селіванова. – Київ – Черкаси : Брама, 2004. – 276 с.
5. Ужченко, В. Д. Фразеологія сучасної української мови / В. Д. Ужченко, Д. В. Ужченко. – Київ : Знання, 2007. – 494 с.
6. Кононенко, В. Мова в контексті культури / В. Кононенко. – Київ – Івано-Франківськ : Плай, 2008. – 390 с.
7. Теля, В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты : монография / В. Н. Теля. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1996. – 286 с.
8. Жуйкова, М. Динамічні процеси у фразеологічній системі східнослов'янських мов / М. Жуйкова. – Луцьк : Вежа, 2007. – 416 с.
9. Постовалова, В. Лингвокультурология в свете антропологической парадигмы (к проблеме оснований и границ современной фразеологии) / В. Постовалова // Фразеология в контексте культуры / отв. ред. Теля В. Н. – М. : Языки русской культуры, 1999. – С. 25–33.
10. Современный русский язык. – Ч. 1. – М. : Владос, 2001. – 346 с.
11. Венжинович, Н. Ф. Лингвокультурологические особенности фразеологизмов в русском и украинском языках / Н. Ф. Венжинович // Материалы XXXIX международной филологической конференции (15–19 марта 2010 года). – Вып. 22. Фразеология и языковая динамика. – СПб., 2011. – С. 113–117.
12. Сучасна українська літературна мова: Лексика і фразеологія / за заг. ред. акад. І. К. Білодіда. – Київ : Наукова думка, 1969. – 438 с.

Abstract. The article is devoted to the description of phraseology in the system of modern linguistic paradigm. Urgent problems and the current state of research are considered, in which the main place is occupied by the position that phraseology is a container of significant cultural heritage of the ethnos. Emphasis is placed on the study of phraseology as the basic unit of phraseology, the functioning of phrasemes in speech, their classifications, the definition of research methods.

Keywords: phraseme, phraseology, modern linguistic paradigm, classifications of phrasemes, linguocultural research.

Т. Е. Владимирова

**АКСИОЛОГИЯ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ПАРЕМИЙ
С ПОЗИЦИЙ АНТРОПОЛОГИИ**

Аннотация. Настоящая статья посвящена аксиологическому аспекту восточнославянской паремической картины мира, которая является своего рода ключом к стоящим за ней языковым личностям. В работе представлены русские, белорусские, русинские и украинские пословицы, восходящие к архаичным мифоконцептам. Предпринятое рассмотрение образно-смыслового содержания и семантико-синтаксической формы паремий позволило уточнить понятие коллективной восточнославянской личности.

Ключевые слова: паремия, пословица, личность, ценность, картина мира, антропология, концепт, русский, белорусский, русинский, украинский.

Паремическая картина мира – один из древнейших феноменов языка и культуры, в котором получил выражение накопленный опыт бытия, рефлексии и духовных переживаний народа, уходящих корнями в мифопоэтический образ мира. Действительно, как и миф, пословица «содержит в себе строжайшую и определенную структуру и есть логически, т. е. прежде всего диалектически, необходимая категория сознания и бытия вообще». Кроме того, ее сближает с мифом «живое субъект-объектное взаимодействие, содержащее в себе свою собственную, вне-научную, чисто мифическую же (а также пословичную – Т. В.) истинность, достоверность и принципиальную закономерность» [1, с. 24].

В настоящей статье с позиций антропоцентризма рассматривается аксиология паремической картины мира восточных славян, которая является своего рода ключом к стоящим за ней языковым личностям. Ведь «культура как совокупность и система культурных ценностей предполагает целесообразное творчество, а такое творчество предполагает личность, немислимо без личности» [2, с. 104]. Следовательно, обращение к пословицам, в которых получила выражение «коллективная народная личность», через призму антропологии как науки о человеке и его бытии, приближает к раскрытию аксиологии «коллективного самопознания» [2, с. 117].

При этом мы опирались на концепцию этнической общности, разработанную академиком В. А. Тишковым в русле социально-культурной антропологии [3, с. 29], на культурно-историческую концепцию Г. Г. Шпета, который выделил 5 основных этапов в эволюции сознания [4, с. 79–80] и на аристотелевскую триаду процесса, которая раскрывает соотношенность замысла (*dynamis*) и собственно речевого высказывания (*energeia*) с представлением о его искомом совершенстве (*entelecheia*) [5, с. 232–233]. В этой связи заметим, что энтелехийное начало заложено в самой природе пословицы, которая, даже отрицая и иронизируя, утверждает сокровенное.

Чтобы раскрыть степень общности восточнославянских паремий, в работе использовались пословицы русинов, которые «сохраняют свою генетическую приверженность к Восточной Славии, но в то же время открыты к взаимодействию с западнославянским пространством» [6, с. 126]. А в качестве основного паремиологического материала в работе использовались «Большой словарь русских пословиц» В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитиной, Е. К. Николаевой [7], «Слоўнік беларускіх прыказак» І. Я. Лепешава, М. А. Якалцэвіч [8], «Русинско-украинско-русский и русско-украинско-русинский фразеологические словари» Д. Попа [9], «Прислів'я та приказки» М. М. Пазяка [10] и другие паремиологические собрания.

В поисках базовых констант восточнославянской паремической картины мира попытаемся ответить на вопрос: *Какие фундаментальные смыслы и ценности легли*

в основу самобытной славянской ментальности, а затем русской, белорусской, русинской и украинской коллективных личностей?

С этой целью обратимся к праиндоевропейскому языку как первоначальной, – «называющей» (Г. Г. Шпет), – ступени «оязыковлениа» древнейших протопонятий, отметив следующий факт. В эпоху матриархата «брак был смешанным в полном смысле слова, прямым следствием чего была невыясненность отцовства» [11, с. 14]. Поэтому все мужчины большой экзогамной семьи считались отцами и членами фратрии (*phrātra*), носящей имя первопретка [12, с. 147].

Так, общеславянская номинация **otьсь* восходит к обыденному индоевропейскому термину родства **ātta* ‘принадлежащий к родовому классу мужчин-отцов’, за которым стоял их Первопреток. Следовательно, возникшие позднее восточнославянские лексемы *отец / тятя, тата* (русск.), *айцец / тата* (белор.), *отиць / тато* (русин.) и *отець / тато, татко* (украин.) вбирали в себя не только кровную, но и унаследованную магическую связь с Первопретком, который олицетворял вечное единение живых и умерших родичей. Таким образом, **коллективистическая ценностная установка**, которая длительное время выполняла функцию энтелехийного прообраза бытия, имеет глубокие корни.

В неславянских языках номинации отца восходят к сакральному термину родства **pāter* ‘бог-отец’, который служил для обращения к высшим богам, например, к Зевсу *Ζεύς πάτερ!* (*Ζεύς < Διός*) или Юпитеру *Diespiter!* При этом именование матери во всех языках индоевропейской семьи было образовано от сакрального термина **māter*.

Мотив «космизации “первых людей”» (Е. М. Мелетинский) получил выражение в концептах «Небо-отец» и «Земля-мать». Возникшая на этой основе **мифологема Неба-отца и Земли-матери** воспринималась как целостное единство оплодотворяющего (мужского) и рождающего (женского) начал, а урожай – как разрешение от бремени. Известны и наделенные магической функцией формульные вокативы: *Ты, Небо-отец, ты, Земля-мать!*, которые использовались в заговорах и обрядовых действиях всех восточных славян [(подробнее об этом см. в: [13, с. 421–433)]. При этом концепты «муж», «мужчина», «человек» соотносились с зерном и семенем, «жена», «женщина» – с землей, готовой к посеву, а «семья» – с зернами одного семени [14, т. 1, с. 288–289; т. 2, с. 378].

В качестве иллюстрации сошлемся на паремии, приведенные в «Русинско-украинско-русском и русско-украинско-русинском фразеологических словарях» Димитро Попа: *Жона – земля, а чоловік – насіння* (русин.); *Женщина – земля, а мужчина – семена* (русск.); *Жінка – земля, а чоловік – насіння* (украин.). Рассматривая эти пословицы как варианты более ранних паремий с лексемами *жена, человек* (с XI в.), обратим внимание, с одной стороны, на тождественность их образно-смыслового содержания и семантико-синтаксической формы его выражения. А с другой, – на лаконичную лексико-грамматическую модель: сложносочиненное предложение с союзом *а*, которое, сопоставляя, утверждает не только различие мужского и женского начал, но и их целостность.

В этой связи также заметим, что *Сварог*, древнеславянское именование Неба-отца (отсанскрит. *Svar ga* ‘ходячее небо’), установил первые законы, повелев каждому мужчине иметь только одну жену, а жене – одного мужа. В дальнейшем принятие Православия еще более упрочило семейный уклад, а образ Матери-земли со временем слился в народном мировосприятии с Богородицей [15, с. 24, 75]. Таким образом, на религиозно-мифологическом этапе эволюции (Г. Г. Шпет) ценностную основу картины мира и бытия составляли **целостное мировосприятие и взаимодополнительность мужского (инструментального) и женского (экспрессивного) стилей жизни** [16, с. 15].

Возвращаясь к античным представлениям о брачном союзе Неба и Земли, заметим, что мифы о Зевсе и его супруге Гере, утратив начальную сакрализацию, со временем превратились в повествование об их внебрачных связях. Кроме того, развернувшийся процесс девальвации семейных ценностей привел к отождествлению энтелехий-

ного ориентира бытия с мужчиной, который стремится к личностной самоактуализации. В итоге индивидуалистический модус мировосприятия и бытия стал доминирующим. Так, на некогда едином индоевропейском фундаменте сформировались различные типы народной личности и соответственно **коллективистический и индивидуалистический типы культуры** [17, с. 306].

И здесь перед нами встает вопрос: ***Сохраняет ли паремическая картина мира ценностные представления культуры коллективистического типа, которые составляли исконную основу восточнославянской ментальности?***

Принимая во внимание ограниченный объем статьи, приведем следующие пословицы, в которых выражены унаследованные фратерниальные, коллективистические и семейные ценности, восходящие к древнерусскому культу Рода, ключевой константы восточнославянской ментальности:

1) *Доброе братство – лучшее богатство* (русс.); *Добрае братэрства – лепшае багацце* (белор.); *Доброє братство милоє богатства* (русин.); *Добре братство – краще багатства* (украин.);

2) *Хороший сосед – как близкая родня* (русс.); *Добры сусед – як блізка радня* (белор.); *Добрий сусід – май ближжа родина* (русин.); *Хороший сусід – як близька рідня* (украин.);

3) *Гуртом и каша вкуснее* (русс.); **Адзін у кашы няспорны* (белор.); *У рокаши и крумпля пічена смачна* (русин.); *У гурті й каша добре їться* (украин.);

4) *Пусть будет одна каша, была б дружной семья наша* (русс.); *Хай будзе адна каша, была б дружнай сям'я наша* (белор.); *Най буде и чир, лем кобы в хижі мир* (русин.); *Нехай буде адна каша, була б дружна сім'я наша* (украин.).

Тождественность или близость образно-смыслового содержания и семантико-синтаксической формы пословиц свидетельствует, как представляется, не только о существовании их общего источника, но и о самобытности стоящих за ними коллективных личностей. (Здесь и далее эти пословицы отмечены знаком *.) В этой связи заметим, что в паремиях, восходящих к библейскому источнику, эти отличия минимальны, что возвращает нас к мысли об особой роли духовной (энтелехийной) составляющей сознания [18, с. 113]. Приведем эти пословицы, обращая внимание на сохранность их образно-смыслового содержания и семантико-синтаксической формы:

1) *Будет день – будет и пища* (русс.); *Дасць Бог дзень, дасць і хлеб* (белор.); **Бог днину – дасть и годіну* (русин.); *Буде день – буде і пожива* (украин.);

2) *Кесарево кесарю, а божие Богу* (русс.); *Кесару кесарава, а Богу богара* (белор.); *Богови божое, а кесарю кесарьово* (русин.); *Кесарева кесарю, а боже Богу* (украин.);

3) *Кто рано встает, тому Бог подает* (русс.); *Хто рана ўстае, таму Бог падае* (белор.); *Ко рано встає, тому Бог дає* (русин.); *Хто рано встає, тому Бог подає* (украин.);

4) *Бог судит лишь того, кто обидит кого* (русс.); *Бог судзіць толькі таго, хто пакрыўдзіць каго* (белор.); *Бог судить лем того, ко вразить дакого* (русин.); *Бог судить лиш того, хто образить кого* (украин.).

Таким образом, религиозно-мифологическое мировосприятие восточных славян обусловило общность паремической картины мира, что, разумеется, не исключало проявления в пословицах их этносоциокультурной самобытности.

Принятие православных ценностей и потребность в преодолении экзистенциальной напряженности бытия постепенно приближали переход на следующий – художественно-героический – этап в развитии сознания. Это третий из исторически возникавших «моментов», «приобщающий природную вещь социо-культурному бытию» (Г. Г. Шпет). Акцентуация героического начала и вероучительных принципов бытия способствовала появлению в фольклоре новых мотивов, героев и жанров. Так, в русском устном народном творчестве появились образы труженика-земледельца, воинов-

защитников и исповедников веры (Микула Селянинович, Илья Муромец, Егорий Храбрый, Авдотья Рязаночка, Пётр и Феврония Муромские и др.).

Очевидно, что обновление восточнославянской устно-поэтической традиции получило отражение и в паремической картине мира. Так, после Крещения Руси всеильный Род продолжал восприниматься как «довольно грозная еще общественная сила» (В. Л. Комарович) [19, с. 103]. Что же касается всевластия судьбы, записанной в книгу Рода, то о нем свидетельствуют многочисленные пословицы, дошедшие до нашего времени. В рамках данной статьи ограничимся приведением лишь наиболее распространенных «народных афоризмов», обращая внимание на характерную для них образно-смысловую и семантико-синтаксическую тождественность, а также на общность архаичного мировосприятия и экзистенциально напряженного бытия, за которыми стоят унаследованные ценностные представления:

1) *Так ему на роду написано* (русск.); *Так яму на родзе напісана* (белор.); *Так му на роду написано* (русин.); *Так йому на роду написано* (украин.);

2) *Такова его судьба* (русск.); *Такі яго лёс* (белор.); *Так му было суджено* (русин.); *Така його доля* (украин.).

Крещение Руси упрочило общность лингвокультурных истоков всех восточных славян, способствуя введению в образно-смысловую ткань паремической картины мира пословиц, которые восходят к библейским текстам и также отличаются слабой вариативностью. В качестве иллюстрации сошлемся на следующие пословицы:

1) *Кто рано встает, тому Бог подает* (русск.); *Хто рана ўстае, таму Бог падае* (белор.); *Ко рано встае, тому Бог дае* (русин.); *Хто рано встае, тому Бог подае* (украин.);

2) *Бог судит лишь того, кто обидит кого* (русск.); *Бог судзіць толькі таго, хто пакрыўдзіць кого* (белор.); *Бог судить лем того, ко вразить дакого* (русин.); *Бог судить лиш того, хто образить кого* (украин.).

Тем не менее недостаточная объяснительная сила паремической картины мира усиливала потребность в преодолении экзистенциальной тревожности и общей неудовлетворенности. Утвердившийся в этой атмосфере переход на следующую, – четвертую, – ступень эволюции сознания актуализировал научно-техническое миропонимание со свойственным ему «материальным преобразованием и социализацией, но через познающее сознание» (Г. Г. Шпет). Развернувшийся пересмотр отношения к миру и бытию привел к вхождению в паремическую картину мира уничижительных оценок и к постепенной девальвации ценностных представлений о жене (1–3) и о семье в целом (4):

1) *Деньги счет любят, а жена тумак* (русск.); *Грошы кошт любяць, а жонка кухталі* (белор.); **Грѣші дѣбрі личині, а жона бита* (русин.); *Копійка любить, щоб її рахували, а жінка – щоб її били* (украин.);

2) *Муж задурит, половина двора горит; а жена задурит, и весь сгорит* (русск.); **Добрая жонка дом зберажэ, а ліхая рукавом расправе* (белор.); *Кідь чоловік не – п'євбіды, кідь жона – ціла біда* (русин.); *Чоловік здуріє – пів дому горить, а жінка здуріє – усе пожежею піде* (украин.);

3) *Жена не рукавица: с руки не сбросишь* (русск.); **Жонка не лапаць: з нагі не скінеш* (белор.); *Жона не рукавица, з руки не стягнеш* (русин.); *Жінка не рукавица, з руки не скинеш* (украин.);

4) **Родных много, а голова одинока* (русск.); **Сваіх многа, а як прыходзіць тапіцца, не за каго ўхапіцца* (белор.); **Родины ги вербины, а свого никого* (русин.); **Рідних аж замного, а слухати никого* (украин.).

Настоящая статья носит поисковый характер, тем не менее значительная доля тождественных пословиц вполне объяснима. Языки надстраивались над генетическим кодом, восходящим к глубокой древности. Это и обусловило изоморфизм генетического и языкового кодов [20, с. 18–19] и изначальное родство славянских, а позднее восточнославянских языков. Возникшее на этом фундаменте общее «смысловое поле»

(Л. С. Выготский) обеспечивало потенциальную готовность к взаимодействию и взаимопониманию между восточными славянами. Однако своеобразие исторического пути и накопленного экзистенциального опыта привносилось в межэтнические контакты. В результате взаимодействие между восточнославянскими личностями могло не только ослабляться, но и прерываться и постепенно угасать, а общение на родном языке – сокращаться в силу приоритетности контактов на государственном языке. Так, в национальных паремических картинах мира и бытия, с одной стороны, проявлялись самобытные особенности, отражающие ценностные представления, смысложизненные установки и жизненный опыт, а с другой – возникали иноязычные заимствования.

Предпринятое обращение к индоевропейскому языку как истоку славянской языковой личности возвращает нас к мысли о «генной памяти» (В. В. Колесов), которая переходит от одного поколения к другому. Действительно, рассмотренные мифоконцепты позволяют в первом приближении представить развитие их ценностного потенциала от далекого праязыка до настоящего времени. Более того, анализ русских, белорусских, русинских и украинских пословиц подтверждает вывод Б. В. Горнунга, согласно которому славянское единство «обладало большею внутренней спаянностью, чем относительное единство многих других ветвей индоевропейской языковой семьи» [21, с. 3]. Действительно, ценностное ядро языка, культуры и стоящей за ними коллективной личности сохраняется при всех катаклизмах общественной жизни в силу укорененности сущностных основ бытия в языке и культуре. Однако пренебрежение унаследованными ценностями, а также влияние иных лингвокультур и традиций постепенно уменьшают культурные ценности.

В заключение, возвращаясь к «коллективной народной личности» как творцу и носителю паремической картины мира, приведем вывод академика В. А. Тишкова, занимающегося исследованием вопросов, связанных с этносоциокультурным развитием. Согласно его концепции, социально-культурная антропология «все больше будет уходить от культурной нормы и типа к культурной сложности и к многокультурности, но только если понимать многокультурность не как суррогат “многонациональности”, а как сложность, начинающуюся на уровне личности» [5, с. 29]. При таком подходе открывается возможность уточнить понятие коллективной восточнославянской личности как полилингвокультурной общности, которая обладает историко-культурной памятью, а также чувством солидарности к другим членам этой общности и развивается в процессе взаимодействия и взаимопознания друг друга.

Список использованных источников

1. Лосев, А. Ф. Философия. Мифология. Культура / А. Ф. Лосев. – М. : Изд-во политической литературы. 1991. – 525 с.
2. Трубецкой, Н. С. К проблеме русского самопознания / Н. С. Трубецкой // Трубецкой Н. С. История. Культура. Язык / общ. ред. В. М. Живова. – М. : Издательская группа «Прогресс», 1995. – С. 105–210.
3. Тишков, В. А. (2001) Интервью с профессором Валерием Тишковым / В. А. Тишков // Журнал социологии и социальной антропологии. – Том IV. – № 4. – С. 5–36.
4. Шпет, Г. Г. Архивные материалы, опубликованные в: Зинченко В.П. Сознание и творческий акт / Г. Г. Шпет. – М. : Языки славянских культур, 2010. – С. 79–80.
5. Аристотель. Метафизика / Аристотель. – М. : Эксмо, 2008. – 608 с.
6. Ломакина, О. В. Познавательный потенциал русинских паремий на фоне русского и украинского языков / О. В. Ломакина, В. М. Мокиенко // Русин. [Кишинев]. – 2016. – № 3. – С. 119–128.
7. Мокиенко, В. М. Большой словарь русских пословиц / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина, Е. К. Николаева. – М. : ОЛМА Медиа Групп, 2010. – 1024 с.
8. Лепешаў, І. Я. Тлумачальны слоўнік беларускіх прыказак / І. Я. Лепешаў, М. А. Якалцэвіч. – Мінск : Беларуская навука, 2002. – 511 с.

9. Поп, Д. Русинско-украинско-русский и русско-русинско-украинский фразеологические словари / Д. Поп. – Ужгород : [б/и], 2011. – 241 с.
10. Прислів'я та приказки. Упорядник М. М. Пазяк. – Т. 1: Природа. Господарська діяльність людини. – Київ : Наукова думка, 1989. – 479 с.; Людина. Родинне життя. Риси характеру. – 1990. – 524 с.; Т. 3 : Взаємини між людьми. – 1991. – 440 с.
11. Бенвенист, Э. Словарь индоевропейских социальных терминов / Э. Бенвенист. – М. : Прогресс-Универс, 1970. – 456 с.
12. Комарович, В. Л. Культ Рода и земли в княжеской среде XI–XII вв. / В. Л. Комарович // Труды Отдела древнерусской литературы. – М.–Л. : Изд-во АН СССР. 1960. – Т. XVI. – С. 84–104.
13. Черных, П. Я. Историко-этимологический словарь русского языка / П. Я. Черных. – М. : Русский язык. 1993. – Т. 1. – 623 с.; Т 2. – 560 с.
14. Федотов, Г. П. Стихи духовные. Русская народная вера по духовным стихам / Г. П. Федотов. – М. : Прогресс. Гнозис, 1991. – 192 с.
15. Зинченко, В. П. Сознание и творческий акт / В. П. Зинченко. – М. : Языки славянских культур, 2010. – 592 с.
16. Владимирова, Т. Е. Дохристианские верования восточных славян / Т. Е. Владимирова // Логический анализ языка. Понятие веры в различных языках и культурах / отв. ред. Н. Д. Артюнова, М. Л. Ковшова. – М. : Гнозис, 2019. – С. 421–433.
17. Трубачев, О. Н. История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя / О. Н. Трубачев. – изд. 3-е. – М. : КомКнига, 2009. – 240 с.
18. Ильин, Е. П. Дифференциальная психология мужчины и женщины / Е. П. Ильин. – СПб. : Питер, 2003. – 365 с.
19. Гришина, Е. А. Культуры индивидуалистические и коллективистические / Е. А. Гришина // Психология общения. Энциклопедический словарь / под общ. ред. А. А. Бодалева. – М. : Когито-Центр, 2011. – С. 306–308.
20. Маковский, М. М. Лингвистическая генетика: проблемы онтогенеза слова в индоевропейских языках / М. М. Маковский. – изд. 2. – М. : URSS, 2007. – 201 с.
21. Горнунг, Б. В. Из предыстории образования общеславянского единства / Б. В. Горнунг. – М. : Изд-во АН СССР, 1963. – 143 с.

Abstract. This article is devoted to the basic values of the East Slavic paremic picture of the world, which is a kind of key to the linguistic personalities behind it. Consideration of Russian, Belarusian, Ukrainian and Ruthenian proverbs, extracted by the method of continuous sampling, made it possible to clarify the concept of a collective East Slavic personality.

Keywords: paremia, proverb, personality, value, picture of the world, anthropology, concept, Russian, Belarusian, Rusyn, Ukrainian.

УДК 811.161.1'282:398.91(470.25):398.92(470.25):159.922.736.3

Л. Б. Воробьева

**ДЕТСТВО В ДИАЛЕКТНОЙ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ
И ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТИНЕ МИРА
(на материале псковских говоров)**

Аннотация. В статье предпринята попытка проанализировать особенности фразеологического и паремиологического отражения детства в псковской диалектной картине мира. Делается вывод о разностороннем отражении детско-родительских отношений в устойчивых выражениях псковских говоров, разнообразии коннотаций фразеологизмов и паремий о детях.

Ключевые слова: детство, фразеология, паремиология, псковские говоры, диалектная картина мира.

Язык непосредственно связан с культурой и национальным менталитетом, он выражает характерные для картины мира той или иной этнической общности понятия, категории, ценности, идеи и т. п. Фразеологизмы, являясь составным элементом языковой системы, также участвуют в кумуляции и трансляции национальной культуры. «Пословицы и поговорки представляют собой богатейший экспрессивно-выразительный пласт языковой системы, веками хранящий в себе народные наблюдения, умозаключения и представления о мире, народе, его образе жизни, традициях и обычаях. В пословицах и поговорках также отразился опыт хозяйствования, этические нормы, взаимоотношения людей, в том числе и в семье» [1, с. 153].

Фразеологический материал псковских говоров является одним из ярчайших выразителей культурных ценностей, позволяющих раскрыть традиционную картину мира, свойственную русскому менталитету. «Псковская земля, ее культура и язык издавна привлекают внимание культурологов, фольклористов, историков языка, этнографов и диалектологов. Народная псковская речь сыграла важную роль в формировании современного русского литературного языка, памятники псковской письменности служили образцом книжной и деловой словесности, псковский фольклор до сих пор остается живым источником художественной речи для многих писателей. Не случаен интерес к Псковщине и зарубежных исследователей-славистов. Уже с начала XVII в. иностранцы (особенно немцы) записывали устную речь Пскова, оставляя важное культурно-историческое свидетельство реальной жизни его обитателей» [2, с. 7].

Из всего разнообразия фразеологизмов (в широком смысле) рассматриваемый материал включает в себя пословицы, поговорки и устойчивые сравнения, извлеченные из «Словаря псковских пословиц и поговорок» (2001).

Родственные отношения занимают важное место в жизни человека и его культуре, и особенно ярко значимость семьи проявляется в традиционной картине мира.

«Одним из ключевых образов, актуализирующих понятие *семья*, является концепт *ребенок / дети*» [3, с. 10]. Фразеологизмы, напрямую репрезентирующие отношения родителей и детей, тесно связаны с устойчивыми выражениями, включающими в себя компонент *ребенок*, а также отражающими процесс воспитания. В комплексе эти группы устойчивых выражений позволяют установить содержание и своеобразие семейных отношений с точки зрения народной культуры.

Большое количество исследований в рамках изучения семейных отношений, отраженных во фразеологизмах, посвящено рассмотрению компонента *ребенок* в составе устойчивых выражений. Это работы М. А. Гасановой (2016), А. В. Ледневой (2011), П. А. Якимова и М. М. Кириной (2014), В. А. Рожиной (2016), М. М. Угрюмовой (2017), Е. А. Шимко (2016) и др.

В данных исследованиях отмечено, что оценка образа ребенка носит неоднозначный характер: с одной стороны, дети – это большая ответственность, требующая жертв и связанная со сложностями бытового характера (для крестьянской семьи большое количество детей могло стать настоящим испытанием), а с другой – это ценность, радость, гордость родителей; нередко во фразеологизмах находит выражение установка «все дети одинаково любимы».

Все эти разносторонние оценки отражены и в материале псковских говоров. В пословице *Кому детей родить, дай Боже тому поить и кормить* прослеживается мысль о том, что содержание детей требует повышенной ответственности и затрат ресурсов. Уход за детьми предполагает повышенное внимание, заботливое и бережное отношение, о чем свидетельствуют следующие устойчивые сравнения с лексическим компонентом *ребенок*: *растить как ребёнка* («Об очень заботливом, бережном уходе за каким-л. детёнышем животного»), *принимать как родного детёнка* («О чьих-л. заботах, уходе за кем-л.»), *носиться как с дитёвкой* (*Неодобр.* «Об излишнем внимании к кому-л., чрезмерных заботах о ком-л.»). В то же время такие пословицы, как *Хотя дитя криво*,

да отцу да матери мило; Когда в детях лад, не надо и клад; Дети пойдут в лад, не надо копать клад, подчеркивают ценность семьи, любовь отца и матери к своим детям.

То, как родители называют своих детей в разговоре, непосредственно показывает отношение к ним взрослых, создающих те или иные номинации. Оценка образа ребенка в устойчивых выражениях разнообразна: от ласкового, одобрительного отношения до шутивно-ироничного или негативно окрашенного.

Образ ребенка чаще всего ассоциируется с невинностью, наивностью, искренностью; по отношению к детям часто используют уменьшительно-ласкательные слова. Так, в псковских говорах встречаются такие устойчивые сравнения: *сверну́ться барáшкой* (Ум.-ласк. 'О свернувшемся округло, калачиком ребенку'), *(хоро́ший) что куклёнушек* (Ум.-ласк. 'О красивом, нарядном, хорошеньком ребенке'; *куклёнушек* – 'куколка'), *как лялёха* (Одобр. 'Об очень красивых, выглядящих здоровыми детьми'; *лялёха* – 'кукла'), *как ментусо́к* (Ласк. 'О маленьком и полненьком ребенке'; *ментусо́к* – 'маленький налим') и др.

Кроме того, в диалектной речи широко распространены наименования, представляющие отрицательные черты характера ребенка. «Лексемы, номинирующие детей, отражают идеи малости, стихийности, дикости, озорства, простоты, т. е. характерных черт периода детства» [4, с. 73]. Такие характеристики могут быть подвергнуты двойной оценке. Встречаются как насмешливо-шутивные фразеологизмы про озорных, шаловливых детей – *купоро́сное ма́сло* (Шутл. 'О живом, непоседливом ребенке'), *свинью́ соса́л* (Шутл. 'О грязном, перепачканном ребенке') и др., – так и устойчивые выражения с неодобрительной, даже бранной окраской: *бе́си сидя́т* (Неодобр. 'Об озорном, непослушном ребенке'), *оторви́ (отсеки́) [го́лову] и (да) брось* (Неодобр. 'О своевольном, отчаянном человеке, озорном ребенке'), *слухательная ко́стка* (Бран. 'О подслушивающем ребенке').

Образ ребенка может появляться во фразеологизмах тогда, когда является основой для сопоставления, становясь непосредственным компонентом устойчивого выражения. При этом лексический элемент *ребёнок* в устойчивых сравнениях фиксирует наиболее характерные с точки зрения традиционной картины мира черты детей, при проявлении которых в поведении взрослого человека у носителя народной культуры сразу возникает соответствующая ассоциация: *(глумно́й) как ребёнок* (Неодобр. 'О глупом, бестолковом человеке'). *Ба́ба ста́рая ста́ла, така́я глумна́я, как рябе́нак*. Сер.), *(де́лать что) как ребёнок* ('О неумелом, неловком исполнении чего-л.' *Няво́ж ня сты́дна пёльку зывазго́лил, как рябе́нак*. Пушк.). В данном случае видно, что важным признаком, лежащим в основе сравнения, становится глупость и неумелость ребенка, которому эти особенности простительны и свойственны по биолого-психологическим причинам (наивный взгляд на жизнь, неполнота знаний о мире, неопытность, недостаточно развитая мелкая моторика и пр.), но в образе действий взрослого они вызывают неодобрительную оценку.

Вместе с тем фразеологизмы с образом ребенка прямо передают отношение к детям носителей культуры: любовь, заботу и внимание со стороны родителей. Это проявляется в устойчивых выражениях *принимáть как ро́дного дете́нка* (кого. 'О чьих-л. заботах, уходе за кем-л.' *Ана́ мяня́ прини́мае как ро́ннава дятёнка*. Порх.), *расти́ть как ребё́нка* (кого. 'Об очень заботливым, бережном уходе за каким-л. детёнышем животного'. *Жеребе́нка расти́шь, как рябе́нка: и галу́бишь, и ко́рам даёшь ему́*. Печ.). В устойчивом сравнении *носи́ться как с дитё́нкой* (с кем. Неодобр. 'Об излишнем внимании к кому-л., чрезмерных заботах о ком-л.' *Как с дитё́нкой но́сится*. Печ.) обнаруживается неодобрительная оценка любви, заботе и вниманию сверх меры по отношению к взрослому, которая, на взгляд носителя традиционной культуры, уместна только по отношению к ребенку. Однако и в проявлении родительской любви и ласки важна мера, как это считается в народной среде.

Чрезмерная любовь родителей, переходящая в потворство капризам и прихотям ребенка, осуждается в устойчивых выражениях *маменькин сыно́к* (*Неодобр.* ‘Избалованный, изнеженный ребёнок’), *как барчу́к* (*Неодобр.* ‘Об избалованных, изнеженных и ленивых детях или подростках’). *Два па́рня в Ленингра́де, как барчуки́.* *Стр.*), поскольку изнеженные дети – это плоды неправильного воспитания. Стоит отметить, что оба фразеологизма содержат в себе образ сына (*барчу́к* – ‘малолетний сын помещика’); причину их избалованности «народная педагогика видит в первую очередь в нарушении полоролевой структуры воспитания, когда мать чрезмерно влияет на своего сына» [5, с. 58].

Образ ребенка не существует изолированно, он становится одним из компонентов отношений «родители – дети» и объектом воспитания. Так, исследователи в близкородственных связях разделяют отношения «мать – ребенок» и «отец – ребенок», «родители – дочь» и «родители – сын». Такое деление связано с семейной иерархией, принятой в традиционной культуре.

Ключевая роль воспитания отводилась матери, именно ее образ зачастую связан с проявлением искренней, теплой родительской любви и заботы: *Без матки-пчелки – пропащие детки; Всяка мать за свое дитя молится; Мать кормит детей, так сохнет, а оне по ней нет.*

Однако воспитание – не односторонний процесс, дети сами перенимают от родителей внешние признаки, характер, общие интересы, опыт: *с ма́ткным молоко́м всоса́ть / вса́сывать* (‘Усваивать что-л. с детства’); *Какой ба́тька, такой и сын; Как ма́тка, так и дитя́тко; Какова ма́тка, таковы и детки.*

Распространенным воспитательным методом было наказание, что зафиксировано в устойчивых выражениях и довольно типично для традиционного уклада жизни: *да́ть / дава́ть дра́нины* (*дра́ницы, дра́нки, дра́нку*) (‘Избить, наказать кого-л. поркой’), *да́ть (насы́пать) ре́мня (реме́нник)* (‘Выпороть, наказать поркой кого-л.’), *застеба́ть как гаде́ньши* (*Бран.* ‘Жестоко избить, телесно наказать кого-л. (обычно – проказливого ребенка)’).

Отдельное место в русских поговорках занимает явление сиротства. Отношения между мачехой и пасынком или падчерицей практически всегда окрашены негативно. Во фразеологизмах прослеживается мысль о том, что мачеха неспособна любить ребенка так, как любила его родная мать. Подтверждение таким народным представлениям находим и во фразеологизмах псковских говоров: *Ма́ть высоко замахи́вается, да не больно бьёт, ма́чеха низко замахи́вается, да больно бьёт; Из до́му гонит ма́чеха, а из ле́су ме́дведь.*

Кроме изучения прямого выражения семейных отношений во фразеологизмах, отражающих родственные связи, можно подойти к данным устойчивым выражениям с точки зрения отражения ими других смыслов, обнаружить реализацию вторичных, метафорических номинаций на основе понятий родства. С. М. Толстая отмечает, что среди непрямых обозначений родственных отношений наиболее регулярными являются соматизмы (лексика частей тела и телесных субстанций) и фитонимы (названия растений) [6, с. 10]. Так, Е. Л. Березович отмечает, что «пальцы рук как объект номинации предоставляют редкую по выразительной силе возможность воплощения «семейной» метафоры», поскольку им присуща диалектика множества и одновременно единства (здесь можно найти отражение идеи коллективности), они различны по размеру, а значит, по своей «иерархии», динамичны и функциональны [7, с. 261–262]. Данная метафора воплощена в различных вариантах пословицы *Который па́лец ни укуси, все больно; Который (па́лец) ни порежь – всё больно; Который (па́лец) ни срежь – всё жалко (о детях).*

Хотя в патриархальной семье мужчина иерархически находится выше женщины, хотя предназначение сына и дочери различно (а это тоже накладывало отпечаток на их положение внутри семьи), количество фразеологизмов, где фигурирует сын или дочь, отличается друг от друга незначительно. Небольшой перевес наблюдается в сторону фразеологизмов, репрезентирующих сына, и это вполне ожидаемо. «Сын как глава семьи обязан бес-

печить достойную старость родителям» [8, с. 143], он является главным помощником в хозяйстве, наследником, опорой родителей. Дочь же, повзрослев, после свадьбы перейдет в семью мужа, ее связь с родителями будет уже не столь тесна, как прежде.

Во фразеологизмах прослеживается заботливое отношение родителей к своему ребенку вне зависимости от его пола: *жалеть как своего сына* (кого. 'О сильном сострадании, жалости, испытываемой к кому-л.' *Я явó жалéю как сваявó сына. Порх.*) и *как (что) дочка родная* (кто кому. *Одобр.* 'О заботливом, бережном и ласковом обращении с чужими дочерьми'. *Нявэстка [сноха] как дачка родная. Пск. Дык былá анна мне што дачка ронная. Дед.*), *соблюдать кого как дочку родную* (*Одобр.* 'Очень бережно, заботливо относиться к сестре, племяннице, невестке и т. п.' *Он саблюдáл её [сестру] как дачку ронную. Стр.*). Похожий смысл имеет пословица с лексическим компонентом *дочь*, где прослеживается мысль о том, что каждой матери дорог ее ребенок, и, естественно, она будет хвалить свое чадо: *Хороша дочь, коли мать хвалит*. Однако излишняя забота может привести и к отрицательному результату, сделать ребенка избалованным и невоспитанным, что находит выражение в рассмотренных выше фразеологизмах с неодобрительной окраской *маменькин сынок* и *как барчук*. Вероятнее всего, в данной ситуации фигурирует образ сына, поскольку в процессе воспитания он должен вырасти кормильцем и добытчиком, от него во многом зависит благополучие семьи, поэтому недопустимо растить из мальчика изнеженного, ленивого, не приученного к труду человека.

В псковских говорах встречается пословица *Дочки дороже сына*, которая вопреки устоявшимся в традиционной картине мира представлениям говорит о более высокой ценности дочери, чем сына (скорее всего, для матери). Образ дочери находит также отражение в уже рассмотренных ранее фразеологизмах *криво́е веретенó* ('вертлявая, непоседливая девочка') и *дóчки как бóчки*.

Пословица *Какой батька, такой и сын* утверждает мысль о похожести родителей и детей, которая выражается не только во внешности, но и в характере. В устойчивом выражении *Матка по дочке плачет, а дочка по достьке скачет* прослеживается представление о том, что, пока родители переживают за детей, горюют из-за них, дети не задумываются об этом и ведут себя легкомысленно.

Проблемы воспитания и отношений между родителем и подрастающим сыном находят выражение в следующих пословицах: *С сыном борись, а на печь гребись; С сыном бранись, да на печку гребись, с зятем бранись, да за тягу держись* (*тяга* – 'ручка двери'). Концовка второй пословицы означает, что при ссоре с зятем родителю приходится чуть ли не уходить из дома, настолько силен конфликт по сравнению с отношениями с родным сыном. Отношения между тещей или тестем и зятем далеко не всегда бывают позитивно окрашены, поэтому «пословицы показывают сложности в общении между новоиспеченными родственниками, объясняемые несовпадением в укладе жизни обеих семей» [8, с. 144]. В пословице *Сын матери солжет, а старь бабе не солжет* заметно изменение отношений между матерью и повзрослевшим сыном: влияние жены на мужчину сильнее влияния матери.

Таким образом, устойчивые выражения псковских говоров разносторонне характеризуют представления о родственных отношениях, в частности детско-родительских. В диалектной речи в форме фразеологизмов закрепились субъекты семейных отношений, их взаимоотношения, особенности, тем самым укрепив свое культурное значение.

Список использованных источников

1. Леднева, А. В. Концепт «ребенок» в пословичном фонде (на материале русских и немецких пословиц и поговорок) / А. В. Леднева // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2 : Филология и искусствоведение. – 2011. – № 3. – С. 153–158.

2. Словарь псковских пословиц и поговорок: 13 000 единиц / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. – СПб. : Санкт-Петербургский государственный университет. Межкафедральный словарный кабинет имени проф. Б. А. Ларина, 2001. – 176 с.
3. Гасанова, М. А. Лингвокультурологический анализ концепта «ребенок» в пословицах и поговорках агульского, цахурского и рутульского языков / М. А. Гасанова, Г. В. Майорова // Успехи современной науки. – 2016. – Т. 8. – № 11. – С. 10–13.
4. Угрюмова, М. М. Детство как константа культуры / М. М. Угрюмова // Константы русской народной культуры: языковые воплощения / Т. Б. Банкова, М. М. Угрюмова, Н. А. Агапова; под ред. Т. Б. Банковой. – Томск : Изд-во Томского университета, 2017. – С. 65–128.
5. Грицай, Л. А. Идеалы родительского воспитания в русской традиционной культуре (на материале изучения устного народного творчества) [Электронный ресурс] / Л. А. Грицай // Общество: социология, психология, педагогика. – 2012. – № 4. – С. 53–62. – Режим доступа : http://dom-hors.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/spp/2012-4/gritsay.pdf. – Дата доступа : 08.03.2021.
6. Толстая, С. М. Категория родства в этнолингвистической перспективе (вместо предисловия) / С. М. Толстая // Категория родства в языке и культуре ; отв. ред. С. М. Толстая. – М. : Индрик, 2009. – С. 7–22.
7. Березович, Е. Л. Метафорические комплексы, составленные терминами родства, в славянских языках / Е. Л. Березович // Категория родства в языке и культуре ; отв. ред. С. М. Толстая. – М. : Индрик, 2009. – С. 257–278.
8. Дмитриева, О. А. Бином «родители – дети» в русском и немецком языках (на примере пословиц и поговорок) [Электронный ресурс] / О. А. Дмитриева, Н. А. Ванюшина // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2018. – № 5 (128). – С. 141–145. – Режим доступа : <http://izvestia.vspu.ru/files/publics/128/141-145.pdf>. – Дата доступа : 25.01.2021.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и БРФФИ в рамках научно-го проекта № 20-512-00003 «Субкультура детства в дискурсе устной истории, языке и фольклоре Витебско-Псковского пограничья XX – начала XXI века».

Abstract. The article attempts to analyze the features of the phraseological and paremiological reflection of childhood in the Pskov dialectal picture of the world. The conclusion about the versatile reflection of child-parent relations in the stable expressions of Pskov dialects, the variety of connotations of phraseological units and proverbs about children is made.

Keywords: childhood, phraseology, paremiology, Pskov dialects, dialectal picture of the world.

УДК 821.161.1-9*Н. С. Лесков: 811.161.1'373

О. А. Головачева, С. Н. Стародубец

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ КАК ВЫРАЗИТЕЛИ АВТОРСКОЙ ИНТЕНЦИИ В СТАТЬЯХ Н. С. ЛЕСКОВА, ПОСВЯЩЕННЫХ ЖЕНСКОМУ ВОПРОСУ

Аннотация. В статье рассматриваются фразеологические единицы, использованные Н. С. Лесковым в публикациях «Русские женщины и эмансипация», «Сводные браки в России», «Специалисты по женской части», «С людьми древнего благочестия», «О наемной зависимости». Устойчивые обороты наглядно демонстрируют авторскую позицию по актуальному в России во 2-й половине XIX века вопросу о роли женщины в семье и обществе, о ее правах, эмансипации.

Ключевые слова: Н. С. Лесков, ранняя публицистика, женский вопрос, фразеология, средства оценочности, семантика.

Великий русский писатель Н. С. Лесков, известный и как яркий публицист, выступал в различных печатных изданиях по многим актуальным вопросам, которые не потеряли своей значимости и в наши дни. Это экономическое положение разных районов страны, национальное развитие, образование, условия жизни простолюдинов и др.

Значительное место уделял публицист и так называемому женскому вопросу, о котором во второй половине XIX века писали видные ученые и литераторы: В. О. Ключевский, В. М. Хвостов, В. П. Мещерский, М. Н. Погодин, И. Е. Забелин, Н. М. Костомаров, С. М. Соловьёв. «К сожалению, ни в XIX веке, ни в более поздний период не была обозначена роль Н. С. Лескова в дискуссии по женскому вопросу» [1, с. 268].

Однако русский публицист уже в 60-е годы XIX века создает труды, где убедительно и ярко говорит о роли женщины в обществе, отношении к ней мужчины – мужа, работодателя, общественного деятеля, что показательно демонстрируют, в частности, устойчивые обороты, пословицы и поговорки.

Так, статью «О наемной зависимости» автор предваряет русской пословицей *Нанялся – продался*. В названной работе Н. С. Лесков показательно и емко обозначает практику отношения к женщине-работнице: *Нанятая женщина, к какому бы роду занятий она ни была ангажирована, как бы высоко она ни стояла по своему образованию, нравственности и общественному положению, великим большинством общества рассматривается нередко как конкубина [Наложница – Лат.], ибо она “нанялась – продалась”, она – рабыня, а рабыня неудобомыслима вне наложничества с господином* [«О наемной зависимости»; здесь и далее цит. по: 2].

Здесь автор тиражирует *безнравственную* пословицу, усиливая ее экспрессивно-оценочный потенциал субстантивом *рабыня* – ‘угнетенная, зависимая женщина’ [3, с. 552].

Н. С. Лесков-публицист, страстно обличая неприемлемую в цивилизованном мире, но укоренившуюся в русском социуме порочную традицию, использует лексические единицы в качестве контекстных партнеров фразеологизмов в авторской парадигматике и синтагматике, в специфике которой «обнаруживают себя креативные потенции языковой личности» [4, с. 183].

Если бы наши женщины, получившие несчастную привилегию наниматься, захотели отбросить стыд и рассказать все, что с ними случилось во время их наемной жизни, они указали бы нам на многие образцы связей, возникших не из чувства влечения и страсти, а по необходимости подчиниться хозяйскому праву. Понятие об этом праве до такой степени вошло в нашу кровь и плоть, что мы даже не задумываемся над возможностью практиковать его в жизни, с какою бы женщиною судьба ни поставила нас лицом к лицу в качестве нанимателя [«О наемной зависимости»].

Фразеологизм *войти в кровь и плоть* – ‘укорениться, стать неотъемлемой частью чего-нибудь’ [3, с. 452], репрезентируемый лексикографическими источниками как единица высокого стиля, употреблен литератором в контексте с сочетанием оксюморонного характера *несчастная привилегия*. Опорный компонент *привилегия* – ‘преимущество, право’ [3, с. 508] – синтагматически связан с одним из лексико-семантических вариантов адъектива *несчастный* – ‘приносящий или предвещающий несчастье’ [3, с. 353]. Семантика названных лексем не предполагает их контекстного сцепления, однако выступает в качестве мощного средства воздействия на читателя вследствие «свободного, субъективного отношения автора к возможностям синтагматики» [4, с. 183]. Стилистически неоднородная языковая единица включает в структуру компоненты, на имплицитном уровне противопоставленные друг другу по семам ‘хорошо, приятно / плохо’.

Усиливает авторскую позицию неприятия подобного отношения к женщине адъектив *скотский* – ‘грубый, низкий, отвратительный’ [3, с. 630]. В синтагматическом тандеме с субстантивом *страсть* коннотативный накал прилагательного с пейоративной отмеченностью достигает апогея, поскольку из семантического наполнения опорного слова (*страсть* – ‘сильно выраженное чувство, крайнее увлечение’ [3, с. 670]) «вытянута» сема ‘чувство’: *А вступится женщина за свои права – беда подымется! Скотская страсть разгорается и делается все дерзче... отвергнутый хозяин встает на дыбы... общая развращенность рассматривает всякую женщину как предмет для удовлетворения минутной прихоти* [«О наемной зависимости»].

С помощью фразеологизмов *встать на дыбы, войти в кровь и плоть, судит их Бог, не ad libitum [По желанию, согласно – Лат.], a de jure [По праву – Лат.]* Н. С. Лесков показывает отношение к женщине, желающей наняться на работу в *матушке России*. При этом публицист подкрепляет свою точку зрения ссылкой на другого авторитетного русского писателя, перу которого принадлежит крылатая фраза (*служить бы рад – прислуживаться тошно*), включенная в контекст статьи «О наемной зависимости»: *...мы знаем много и очень много людей, из среды которых раздается известный стих Грибоедова “служить бы рад – прислуживаться тошно”, и самые отчаянные, самые болезненные раздирающие душу ноты в этом вопле поются слабыми голосами наших жен, сестер и дочерей.*

Эмоциональный регистр, заданный синонимическим рядом (*отчаянные, болезненные, раздирающие душу*) с ядерным компонентом ‘страдание, мука’ поддерживается лексико-семантической группой, номинирующей женщин-близких родственников (*жены, сестры и дочери*).

Публицист посредством приема элиминации отмечает также негативное отношение социума к женщинам-литераторам: *Общество осыпает их насмешками: “Писаки! писаки идут!” – говорят об авторе-женщине. “Синие чулки! профессора, педанты”, – говорят о тех женщинах, которые показывают некоторое поползновение учиться [«Русские женщины и эмансипация»].*

Лексемы с ярко выраженной пейоративной оценкой (*писаки, профессора, педанты*) формируют коннотативное сопровождение фразеологизма (*синие чулки*).

Устойчивое выражение *синий чулок* – ‘о сухой, лишенной женственности, всецело поглощенной научными интересами женщине’ [5, т. 4, с. 96] – включает в семантическую структуру отрицательную оценку, сформированную мужчинами, что наличествует в смысле наполнении выражения и фиксируется компонентом ‘лишенная женственности’.

По твердому убеждению Н. С. Лескова, именно женщина в России выступает матрицей нравственно здоровой и крепкой семьи, отсюда автор статей «Специалисты по женской части», «Русские женщины и эмансипация» и ряда других использует широкий спектр различных языковых средств, включая устойчивые выражения с яркой оценочной коннотацией, развернутые цитаты авторитетных писателей, чтобы наглядно представить читателю красоту и силу женского характера: *Одному из наших поэтов внушен его вдохновением тип женщины, “с которой никто не придет зубоскалить: которая в беде не сробеет, спасет, коня на скаку остановит, – в горящую избу войдет”;* другой, бессмертный, доколе звучит русское слово, написал Татьяну – этот светлый облик женщины, которую человек, полный огня и страстей, не склонял к разговорам о совместном ложе... а видел блаженство в одном постижении ее совершенств... [«Специалисты по женской части»].

Однако автор полагает, что нередко именно мужчины, пользуясь социальными обстоятельствами, предопределяют моральное падение женщины, о чем сигнализируют лексические единицы *втягиваются, с голоду* и др., усиливающие экспрессию текста: *Нечего удивляться, как втягиваются известные женщины в этот грязный род жизни, ведь во всяком деле только первый шаг особенно труден, только “первая песенка зарумянившись поется”;* а споется с голоду еще одна, и еще одна [«Специалисты по женской части»].

Здесь в качестве контекстного синонима к описательному обороту метафорического плана (*первый шаг особенно труден*) использована русская пословица *Первую песенку зардевшись поют / спеть* – ‘о робости в новом деле’ [6].

Подвергшийся авторской модификации глагол (*поется*) отражает настоящее неактуальное время, так как обозначает действие, не связанное с моментом речи, а значит, повторяющееся. Нравственное падение, эвфемистически обозначенное указанным глаголом в структуре русской поговорки, по мнению Н. С. Лескова, особенно губительно для женской души.

Публицист сообщает читателю и о бесправном положении женщины в старообрядческой общине, используя прием отстранения (с включением в контекст статьи высказывание раскольницы, содержащее яркую паремию): *В нашем-то звании все, мильный, вот так-то: молода да легка, так все “поди сюда”, а затяжелела, так и милу дружку надоела* [«С людьми древлего благочестия»].

При однозначно отрицательной деонтической оценке публицист несколько смягчает негативную составляющую, что представлено в широком контексте и затекстовой зоне.

Все фразеологические единицы, включая паремии, являются в статьях Н. С. Лескова доминантным способом воздействия на читателя, характеризуют русских женщин, отношение к ним мужской части общества, позицию публициста, которая всегда выражена показательно ярко. Это авторское кредо, манифестирующее внимательного, чуткого человека, который желает помочь русским женщинам.

Список использованных источников

1. Головачева, О. А. Прагматико-стилистический потенциал слова Н. С. Лескова (язык публицистики 60-х годов XIX века) : дис. ... докт. филол. наук / О. А. Головачева. – Смоленск, 2017. – 538 с.
2. Лесков, Н. С. Полное собрание сочинений: [в 30 томах]. Том 3. / Н. С. Лесков; редкол.: Н. И. Либан (гл. ред.) и др.; вступ. ст. И. В. Столяровой. – М. : Терра, 1996. – 799 с.
3. Словарь русского языка : около 57 000 слов / С. И. Ожегов ; под ред. д-ра филол. наук, проф. Н. Ю. Шведовой. – 18-е изд., стер. – М. : Русский язык, 1975. – 797 с.
4. Леденёва, В. В. Слово Лескова : монография / В. В. Леденёва ; М-во образования Московской обл., Гос. образовательное учреждение высш. проф. образования «Московский гос. обл. ун-т». – М. : ИИУ МГОУ, 2015. – 259 с.
5. Словарь русского языка : в 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистических исследований ; под ред. А. П. Евгеньевой. – 3-е изд., стер. – М. : Русский язык, 1985–1988. – Т. 1 : А–Й. – 702 с., Т. 2 : К–О. – 736 с., Т. 3 : П–Р. – 750 с., Т. 4 : С–Я. – 797 с.
6. Большой толково-фразеологический словарь Михельсона [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://dic.academic.ru/dic.nsf/michelson_new/. – Дата доступа : 02.09.2021.

Abstract. The article examines the phraseological units used by N.S. Leskov in the publications “Russian women and emancipation”, “Half-marriages in Russia”, “Specialists in the female part”, “With people of ancient piety”, “On wage dependence”. Steady turnover clearly demonstrates the author’s position on what is relevant in Russia in the 2nd floor. XIX century the question of the role of women in the family and society, about her rights, emancipation.

Keywords: N. S. Leskov, early journalism, women's question, phraseology, evaluation tools, semantics.

УДК 811.161.1’42:398.1:004.77

И. Г. Гомонова

ПАРЕМИИ В ЭЛЕКТРОННЫХ КОРПУСАХ ТЕКСТОВ: ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Аннотация. В статье рассматриваются особенности хронологической характеристики паремий, бытующих в электронных корпусах текстов. Говорится о роли хронологического аспекта в процессе установления основных закономерностей репрезентации паремий в лингвистических корпусах. Анализируется хронологическая информация, представленная в Национальном корпусе русского языка и Белорусском N-корпусе.

Ключевые слова: паремия, паремиологическая единица, корпус текстов, хронологический.

При сопоставлении корпусной и традиционной лингвистики в качестве одного из отличительных признаков первой обычно называют предпочтение количественных методов. Все результаты поиска в корпусе текстов сопровождаются статистической информацией. Развитые корпусные менеджеры позволяют получить самые разные статистические характеристики, связанные как с метаданными, так и с лингвистическими категориями. Статистические методы, применяемые к текстам, дают возможность количественно описать поведение различных языковых единиц, их сочетаемость с другими единицами, их распределение по текстам разных стилей, жанров, тематики, времени создания и т. д. По мнению В. П. Захарова, привлечение количественных методов к исследованию языка «позволяет существенно модифицировать представление о языковой системе и ее функционировании <...> количественная лингвистика может существенно укрепить лингвистическую теорию» [1, с. 83]. В. П. Захаров справедливо говорит о том, что «корпусно-статистический подход к изучению языка позволяет создавать невозможные ранее описания языка, которые можно назвать структурно-вероятностными моделями языка» [Там же].

Очевидно, что как источник достоверных статистических данных корпус текстов должен обладать достаточным объемом, сбалансированностью и богатой разметкой. Однако во многих случаях объем корпусов текстов оказывается недостаточным для получения полноценных количественных данных. Общеизвестно, что коллокации для среднечастотных и низкочастотных слов начинают выявляться только в миллиардных корпусах. В то же время решение проблемы с размером корпуса может привести к его несбалансированности. Таким образом, по определению В. П. Захарова, «проблема верификации и достоверности данных, получаемых на основе статистических методов на базе корпусов – это не только проблема создания больших корпусов, но и проблема хороших и правильных корпусных данных» [Там же].

Одним из компонентов статистической характеристики текстов корпуса и входящих в них языковых единиц являются хронологические данные. Так, Национальный корпус русского языка (далее – НКРЯ) содержит информацию о времени создания представленных в нем текстов, о годах рождения авторов текстов и позволяет систематизировать эти данные при исследовании тех или иных языковых единиц (например, определить, у какого автора и в каком произведении, по данным корпуса, анализируемая единица появилась впервые). Кроме того, НКРЯ содержит графики распределения языковых единиц по годам, включающие информацию об их относительной частоте употребления за определенный год (показатель *ipm*, который определяется как количество употреблений анализируемой единицы за год, разделенное на объем корпуса за этот год и умноженное на 1 миллион). Графики сопровождаются таблицами с абсолютными частотами употреблений за каждый год и общим числом слов в текстах за данный год. Гиперссылки в таблицах позволяют перейти к просмотру примеров из корпуса.

Хронологическая обработка составляет один из этапов в процессе установления основных закономерностей репрезентации устойчивых словесных комплексов (в том числе паремий) в корпусах текстов.

Проиллюстрируем хронологическую информацию, представленную в Национальном корпусе русского языка [2] и Белорусском N-корпусе [3], на примере биноминативных паремий с негатором *Голод не тетка* и *Слово не воробей*.

Паремия *Голод не тетка* в Основном корпусе НКРЯ представлена 84 раза, в Газетном корпусе – 28 раз (при формировании запроса учитываем дистантное расположение компонентов паремии). Первое вхождение в тексты корпуса датируется концом 18 века (1794–1795 гг.) – в русской народной сказке: *Хотя сие и не очень нравилось Правде, однако голод не тетка; и, подумав довольно время, согласилась позволить Кривде выколоть у себя один глаз* (Сказка о Правде и Кривде). Полная хронология вхождений паремии в тексты НКРЯ: 1794–2019 гг.

Многочисленные словарные варианты распространения данной паремии (*Голод не тетка, пирожка (пирога) не подсунет; Голод не тетка: калачика не подложит: Голод не тетка – не терпит; Голод не тетка – за ворота не выкинешь; Голод не тетка – заставит заговорить; Голод не тетка – заставит работать; Голод не тетка, мороз – не свой брат; Голод не тетка, брюхо не лукошко; Голод не тетка, совесть не сосед* и др.) в текстах НКРЯ не представлены. Контексты, в которых пословичное «ядро» *Голод не тетка* распространяется и / или пословица подвергается трансформации, единичны: *Родина (положим) – мать, но и голод не тетка и не свой брат* (Кондратий Биркин (П. П. Каратыгин). *Временщики и фаворитки XVI, XVII и XVIII столетий. Книга третья* (1871)); – *Меня мучает голод, который не тетка, – заявил Громов* (А. Т. Аверченко. *Подходцев и двое других* (1917)); *Голод не тетка, а мать родна. Разгрузочные дни котам полезны* (Оксана Фомина. *Тощие кошки – самые страстные // Комсомольская правда, 2002.04.06*).

Паремия употребляется, как правило, в виде биноминативного предложения. Может сопровождаться в контексте вводной конструкцией: *Неприятно принимать такие подачи, но голод, как говорится, не тетка* (Андрей Некрасов. *Приключения капитана Врунгеля* (1960–1980)); *И не пытайтесь голодать. Голод, как известно, не тетка* (Евгений Черных. *Вкусно и весело встретим Новый год // Комсомольская правда, 2007.12.26*) и метаоператорами *пословица / поговорка* (об употреблении данных метаоператоров при паремиях см: [4]) : *«Голод не тетка» – говорит пословица, но тут и голод не помог, и Савин не в силах был съесть этого «хлебова» ни одной ложки* (Н. Э. Гейнце. *Самозванец* (1898)); *Только сейчас на собственной шкуре почувствовала Катя справедливость пословицы: «Голод – не тетка»* (Татьяна Моспан. *Подиум* (2000)); *А надо сказать, что Андрей сала не переносил. И вот тут Андрей понял поговорку «голод не тетка...». Протянутый кусок сала он почти проглотил* (Лев Дурнов. *Жизнь врача. Записки обыкновенного человека* (2001)).

График распределения данной паремии по годам (Рисунок 1) демонстрирует самую высокую относительную частоту ее употребления в 1795 г. (ipm 3.17688).

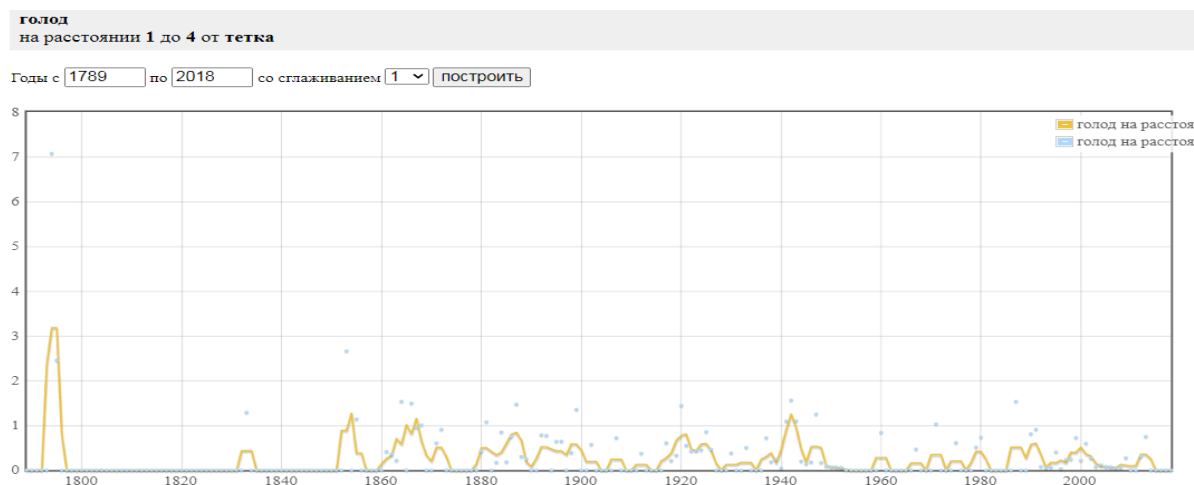

Рисунок 1 – График распределения паремии *Голод не тетка* по годам

Самая высокая абсолютная частота употреблений паремии в текстах НКРЯ наблюдается в 2001 г. – 5 вхождений в произведения разных авторов.

Статистика по метаатрибутам, представленная в НКРЯ, показывает наибольшее число вхождений паремии (4 (5.41% от общего числа)) в «Дневники» Г. С. Эфрона, датируемые 1941–1943 гг.: *Ведь я живу не по средствам – когда есть деньги, я их растрачиваю все на то, чтобы несколько дней быть вполне сытым; голод не тетка, ни*

чего не поделаешь; *Аппетит всегда пересиливает желание купить мыло. Что же поделаешь – голод не тетка. А есть страсть как хочется* (Г. С. Эфрон. Дневники. Т. 2 (1941–1943)).

«Беларускі N-корпус» [3], в котором паремия *Голод не (ня) цётка* представлена 37 раз, содержит информацию о времени создания представленных в нем текстов. Первое вхождение в тексты корпуса датируется 1909 г. – в стихотворении Я. Коласа «Не дамся»: *Праўда, жыць тут не салодка: Харч свінячы – лепшы стол, Пухне пуза, як калодка, Але голод, брат, не цётка: Ем бурду іх, як той вол.* Полная хронология вхождений паремии в тексты корпуса: 1909–1999 (?) гг. Приводимые в корпусе метапараметры – автор, название произведения, его стиль и жанр. Анализируя вхождения паремии в тексты корпуса, по данным метапараметрам можно определить стилистическую принадлежность текстов: художественные (14 вхождений) и публицистические (23 вхождения). Корпус включает 7 вхождений паремии в произведения В. Быкова: *Пери за ўсё: голод – не цётка. Пад вечар усё мы так нагаладаем, што не памагаюць ні курыва, ні вялізныя цяжкія галовы сланечніку з мяккімі, яшчэ зялёнымі семкамі, якіх мы назапашваем з ночы. Хочацца есці* (Васіль Быкаў. Трэцяя ракета); *Мы ўсё ж, як ні былі галодныя, нават на Ўкраіне ня елі каніну, хоць некаторыя й казалі, што каніна – зусім неблагое мяса. Але, мусіць, сапраўды – голод ня цётка* (Васіль Быкаў. Пакахай мяне, салдацік) (Активность использования той или иной паремии отдельными авторами может служить предметом самостоятельного исследования).

Паремия *Слово не воробей* в Основном корпусе НКРЯ представлена 68 раз, в Газетном корпусе – 76 раз. Первое вхождение в тексты корпуса датируется 1870 г. – в рассказе А. И. Левитова «Бесприютный»: *Подкарауливши за собою слоцо «по себе знаю», старик съезживался, конфузливо и секретно поглядывал на меня, бормотал что-то вроде того, что слово не воробей, а летает, – и наконец стремительно перескакивал к другим людям и толковал о других людях, попадавших на его зоркий глаз.* Полная хронология вхождений паремии в тексты НКРЯ: 1870–2019 гг.

В корпусе представлены разные варианты распространения паремии до структуры сложного предложения: *Груздев пожалел про себя, что не вовремя развязал язык с исправником, но уж ничего не поделаешь. Сказанное слово не воробей: вылетит – не поймаешь* (Д. Н. Мамин-Сибиряк. Три конца (1890)); *Речей было произнесено несколько, дебаты велись шумно, но только без очереди, а одновременно, так как ораторы, не будучи в силах сдерживать себя и, сверх того, опасаясь позабыть озарявшие их мысли, торопились их высказывать, справедливо требуя притом о скорейшем занесении таковых в журнал, в том соображении, что «написано пером, не вырубись топором», тогда как «слово не воробей, и за хвост его не поймаешь»* (И. А. Салов. Грачевский крокодил (1884) // «Русский вестник», 1879, No 5, 1879); *Но слово – не воробей, его не воротить* (Ольга Онойко. Некромантисса (2014)). Основным является вариант *Слово не воробей: вылетит – не поймаешь*.

В художественных текстах паремия употребляется преимущественно в виде сложного предложения: *Как только я начал в этом стиле, поляки закричали: – Слушайте, слушайте! Я понял и замолчал. Но слово не воробей: вылетит – не поймаешь. Дело было сделано* (В. В. Шульгин. Последний очевидец (1971)); *Уполномоченный похвалил, народ подивился, а Настена и сама испугалась своей смелости, но слово, как известно, не воробей, вылетит – не поймаешь* (Валентин Распутин. Живи и помни (1974)); в публицистических текстах – преимущественно в виде простого предложения: *Сколько потом ни опровергали чиновники сам факт существования подобного рода перечней и планов, слово не воробей – доверие и к финансовым властям было подорвано* (Владимир Федорцов. Банковский кризис поднимается все выше // РБК Daily, 2004.07.07); *Не проходит и месяца, как тот или иной государственный муж не попадает в сети блогерам за свои поспешные слова, о которых он наверняка горько сожалеет, но слово, как известно, не воробей* (Сергей Роганов. Юпитеры-скандалисты // Известия, 2013.03.17).

Наблюдения над контекстами употребления паремии иллюстрируют различные виды ее трансформации (для данной паремиологической единицы это явление представлено более активно, чем для рассмотренной выше): *Интересно, что, случайно выругавшись, он никогда не извиняется – слово не воробей, вылетит, не отмахнешься* (Саша Грибоедова. Хулиганские новости (2004) // «Хулиган», 2004.08.15); *С другого боку шептались: слово – не воробей, а молчание – золото, как аукнется – не поймашь* (Нина Горланова. Частное расследование (1987–1999)); *Разум умолял меня не топиться с ответом, но слово-не-воробей уже вылетело...* (Василий Голованов. Гадание на чешуе московской рыбы (1997) // «Столица», 1997.07.15) и др. В ряде контекстов паремия сопровождается вводными словами: *Выпалив это, Катерина пожалела. Но, как говорится, слово – не воробей...* Она как-то сразу обмякла и расхотела продолжать разговор (Александр Савельев. Аркан для букмекера (2000)); *В разговоре Блайт проговорила, что Гвинет может сделать ее бабушкой еще раз. Смущилась, поняв, что сболтнула лишнего, но слово, как известно, не воробей...* (Майкл Ганиев. Карьера Гвинет Пэлтроу под угрозой? // Комсомольская правда, 2005.10.25) и метаоператорами пословица / поговорка: *Духом своих произведений он был недоволен; но уже ничего не мог поделать с ними и с сожалением вспомнил русскую пословицу: «Слово как воробей, выпустивши его, не схватишь»* (М. А. Антонович. Мистико-аскетический роман (1881)); *С появлением магнитофона усугубила свою актуальность поговорка «слово что воробей – вылетит, не поймашь»* (Василий Катанян. Прикосновение к идолам (1998)).

График распределения данной паремии по годам (Рисунок 2) демонстрирует самую высокую относительную частоту ее употребления в 1842–1844 гг. (ipm 1.08881).

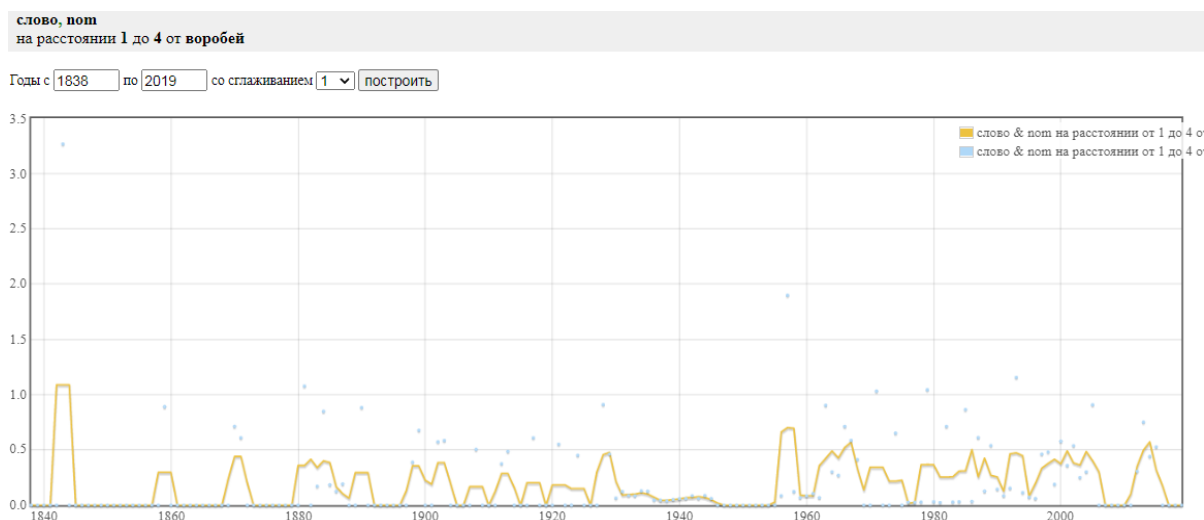

Рисунок 2 – График распределения паремии *Слово не воробей* по годам

Самая высокая абсолютная частота употреблений паремии в текстах НКРЯ наблюдается в 2002 г. – 6 вхождений в произведения разных авторов.

Статистика по метаатрибутам, представленная в НКРЯ, показывает 2 вхождения паремии (3.51% от общего числа) в роман В. Я. Шишкова «Емельян Пугачев», датированный 1934–1945 гг. (один из них в трансформированном виде): – *Вот видишь, Павлуша... сказано: «Слово – не воробей, выпустивши, не поймашь»*; *А вот мы зато по одному выпущенному слову не только воробья, а целого стервятника поймали* (В. Я. Шишков. Емельян Пугачев. Книга третья. Ч. 2 (1934–1945)). У остальных авторов фиксируется по одному вхождению данной паремии.

Интернет-ресурс «Беларускі N-корпус» содержит 12 вхождений паремии *Слова не верабей*. Первое вхождение в тексты корпуса датируется 1947–1953 гг. – в романе И. Мележа «Мінскі напрамак»: – *Ты б паеў спачатку, – параіў Якавенка, – потым раскажаш. Слова не верабей, не ўцячэ, даганяць не прыйдзеца*. Полная хронология вхождений паремии в тексты корпуса: 1947–2001 (?) гг. По содержащимся в корпусе метопараметрам можно определить стилистическую принадлежность текстов: художественные (11 вхождений) и публицистический (1 вхождение). В текстах корпуса паремия представлена преимущественно в виде сложного предложения: – *Я не забаўлюся, – сказаў Асадчы і паглядзіў на галовах дзяцей. – Абяцаў жа я ў іх быць. А слова, што верабей, выпусціш – не зловіш...* (Гурскі Ілья. Неспокойныя характары); – *Кажуць, слова не верабей, не спаймаеш, калі вылеціць... Слова таксама былі, калі нас на лесаўчастак запрашалі. А цяпер сама бачыш...* (Саламаха Уладзімір. Напрадвесні). Небольшой в количественном отношении материал иллюстрирует, тем не менее, трансформы паремии *Слова не верабей*: – *Устань, – быццам не пачуў ягоных слоў Вячка. – Не гожа князю раба свайго прасіць, але я прашу. Забудзь мае словы. Не падумаў я, што сказаць. Як верабей, вылецела слова, і не зловіш яго* (Дайнека Леанід. Меч князя Вячкі); *Слова скажаш, а яно паляціць як верабей, і яго ўжо не зловіш* (Аўрамчык Мікола. Палон).

Таким образом, обращение к корпусам текстов открывает для паремиологических исследований целый ряд возможностей. Хронологическая обработка (ее полнота зависит от возможностей, которые предоставляет пользователю корпус) составляет важный этап в процессе установления основных закономерностей репрезентации паремий, бытующих в корпусах текстов.

Список использованных источников

1. Захаров, В. П. Лингвистика больших корпусов / В. П. Захаров // Компьютерная лингвистика и вычислительные онтологии : сборник научных статей. Труды XVIII объединенной конференции «Интернет и современное общество» (IMS-2015), Санкт-Петербург, 23–25 июня 2015 г. – СПб. : Университет ИТМО, 2015. – С. 82–93.
2. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.ruscorpora.ru>. – Дата доступа : 07.09. 2021.
3. Беларускі N-корпус [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://bnkorpora.info/index.html>. – Дата доступа : 20.09.2021.
4. Гомонова, И. Г. *Русская пословица / поговорка* в представлении носителей языка (на материале Национального корпуса русского языка) / И. Г. Гомонова, Е. В. Ничипорчик // Фольклорная фразеология: проблемы лингвокультурологического и лексикографического описания : коллективная монография / отв. ред. Х. Вальтер, В. М. Мокиенко. – Грайфсвальд – Санкт-Петербург, 2018. – С. 183–186.

Исследование выполнено в рамках финансируемой темы «Беларуска-рускія фразеалагічныя і парэміялагічныя паралелі ў слоўніку і інтэрнэт-камунікацыі», № государственной регистрации 20212044, дата государственной регистрации 02.06.2021.

Abstract. The article examines the features of the chronological characteristic of the proverbs that exist in electronic text corpora. The role of the chronological aspect in the process of establishing the basic laws of the representation of proverbs in linguistic corpora is discussed. The chronological information presented in the Russian National Corpus and the Belarusian N-Corpus is analyzed.

Keywords: proverb, paremiological unit, text corpora, chronological.

Л. І. Даниленко

НАД БІБЛІОГРАФІЄЮ ЧЕСЬКОЇ ФРАЗЕОЛОГІЇ І ПАРЕМІОЛОГІЇ: РЕЗУЛЬТАТИ Й РОЗДУМИ

Анотація. Статтю присвячено аналізу напрямків досліджень чеської фразеології і пареміології на основі щойно виданої бібліографії джерел. Потреба в такій книзі зумовлена кількома чинниками: відсутністю в лінгвістичній славистиці комплексної праці від початків до сучасності, а головне – попитом на підсумування наукових розробок з метою виявлення лакунів, зокрема, і в плані порівняльних студій.

Ключові слова: бібліографія, чеська фразеологія і пареміологія, міжмовні дослідження.

Від рівня бібліографічного опису залежать шляхи й перспективи розвитку будь-якої науки. Досвід нашої роботи свідчив про те, що для чеської фразеології та пареміології є актуальним укладання бібліографічного довідника, який по можливості охоплював би максимально повний хронологічний проміжок. З цією метою ми реалізували проєкт «Чеська фразеологія і пареміологія. Бібліографія джерел ХІХ – 20-х років ХХІ ст.» [1].

У цій статті маємо намір проаналізувати напрямки досліджень чеської фразеології і пареміології на тлі інших слов'янських мов, спираючись на матеріал, зібраний у нашій праці. Потреба в такій книзі випливала з кількох чинників. По-перше, відсутністю в лінгвістичній славистиці комплексного бібліографічного довідника з чеської фразеології та пареміології від початків до сучасності. По-друге, і це найголовніше, актуальність такого видання зумовлена попитом на підсумування наукових розробок з метою поглиблення напрямів досліджень, зокрема, і в плані порівняльних студій.

Історія питання. Першою спробою зібрати бібліографію чеської фразеології була праця професора університету імені Ф. Палацького в Оломоуці Л. Степанової. За своїм змістом це тематичний покажчик, зорієнтований на літературу про історію та етимологію чеських фразеологізмів (чес. *rčení*) [2]. Прислів'я і приказки в довіднику не представлені. Складений за такими ознаками список бібліографічних джерел охоплював 214 назв.

У статті О. С. Сергієнко була сформульована мета подати “загальну бібліографію досліджень чеської пареміології, проведених у ХХІ ст., та окреслити основні теми в цій галузі” [3, с. 49]. Звісно, таке завдання значно перевищує можливості статті як такої. Авторка відзначила досягнення сучасних лінгвістів у Чеській Республіці (левоу частку становлять англійські праці провідного фразеолога Фр. Чермака) та країнах зарубіжжя (передусім у Росії), найважливіші університетські центри з вивчення пареміології та подала інформацію про захист кваліфікаційних праць – магістерських і бакалаврських у Чехії, кандидатських дисертацій у Санкт-Петербурзькому університеті.

Мета нашого проєкту полягала в тому, щоб узагальнити й систематизувати праці чеських та зарубіжних лінгвістів з чеської фразеології та пареміології в широких хронологічних межах – від початку ХІХ ст., коли 1804 р. вийшла збірка чеських прислів'їв Й. Добровського, до двадцятих років ХХІ ст. Ми переконані, що нагальну потребу в такій праці мають науковці, викладачі, аспіранти, студенти.

Структура бібліографічного посібника відображає основні напрями наукових досліджень чеської фразеології та пареміології. Матеріал розподілено за п'ятьма розділами: монографії і тематичні збірники, словники, статті, лінгводидактика, рецензії. Зважаючи на тематичну різноманітність досліджень, розділ «Статті» структуровано за окремими рубриками: Етапи становлення й дослідження чеської фразеології і пареміології; Загальні питання теорії і практики; Історико-етимологічні та діалектологічні студії; Біблійна фразеологія і пареміологія; Мовна картина світу в інтерпретації чеської

фразеології і пареміології; Комунікативно-прагматичний аспект чеської фразеології і пареміології; Чеська фразеологія, пареміологія і корпусна лінгвістика; Чеська фразеологія, пареміологія і проблеми перекладу; Компаративний ракурс чеської фразеології і пареміології.

Бібліографічний опис книг супроводжується довідковими анотаціями. Славістичну періодику презентують провідні видання: «Slavia», «Slovo a slovesnost», «Naše řeč», «Časopis pro moderní filologii», «Bohemistika», «Opera Slavica», «Мовознавство» та ін. Книга налічує 1451 назву теоретичних і прикладних джерел і завершується іменним покажчиком.

А тепер звернімося до підсумків і роздумів, до яких нас спонукала ця праця.

Чеська фразеологія і пареміологія має на теренах Славії одну з найстарших традицій, що сягає часів середньовіччя. У XIV–XV ст. вкраплення образного змісту містилися рукописи Космаса, т. зв. Даліміла, Т. Штітного, Конрада з Гальберштадту. Проте першою найдавнішою збіркою чеської фразеології (за сучасною термінологією), прислів'їв і приказок вважається праця початку XV ст. Сміла Флашки, що містила 236 одиниць. Помітним явищем в історії чеської пареміології стали збірки XVI ст. М. Червенки та Я. Благодслава, Якуба Срнца з Варважова. Чимало образних висловів подавав латинсько-чеський словник XVI ст. Даніеля Адама з Велеславіна. З усвідомлення ролі національної, передусім народної, мови виходив укладач збірки прислів'їв і приказок Я. А. Коменський. Незважаючи на німецькомовну наукову спадщину Й. Добровського, можна висловити припущення, що перший учений-славіст планував слов'янський пареміографічний проект, про що свідчать зібрані ним матеріали у виданнях «Slavin» і «Slovanka», але зреалізувати цей задум вдалося лише Фр. Л. Челаковському у фундаментальному словнику «Mudrosloví národu slovanského ve příslovích» (1852 р.).

XX ст. позначилося великим якісним і кількісним розмахом у створенні чеських фразеологічних і пареміологічних словників. За своїм значенням та науковим рівнем вирізняється двотомний словник давньочеських ідіом і паремій В. Флайшганса (Flajšhans V. Česká přísloví. Sbírnka přísloví, přípovědek a pořekadel lidu Českého v Čechách, na Moravě a v Slezsku, 1911–1913 pp.), перевиданий 2013 р. завдяки зусиллям В. М. Мокієнка та Л. Степанової, народна фразеологія Ярослава Заоралека (Zaorálek J. Lidová rčení, 1947), п'ятитомний словник чеської фразеології та ідіоматики (Slovník české frazeologie a idiomatiku, 1983–2009) за редакцією Фр. Чермака, чеські прислів'я Д. Бітнерової та Ф. Шиндлера (Bittnerová D., Schindler F. Česká přísloví. Soudobý stav konce 20. století, 1997), словник Я. Бахманнової і В. Суксова (Bachmannová J., Suksov V. Jak se to řekne jinde: česká přísloví a jejich jinojazyčné protějšky, 2007) та ін.

Значний внесок у чеську фразеографію зробили закордонні богемісти. Тут слід назвати праці М. Ю. Котової «Русско-славянский словарь пословиц с английскими соответствиями / под ред. проф. П. А. Дмитриева» (2000), В. М. Мокієнка, А. Вурма «Чесько-російський фразеологічний словник» (2002), Л. Степанової «Російсько-чеський фразеологічний словник» (2007), Т. З. Орльош «Великий чесько-польський фразеологічний словник» (2009), І. Калити «Чесько-білоруський фразеологічний словник» (2017).

Теоретичні засади чеської фразеології, ідіоматики й пареміології розбудовували як чеські, так і передусім східнослов'янські лінгвісти. Серед чеських авторів найбільша заслуга належить, безумовно, Фр. Чермакові (див. його монографію «Frazeologie a idiomatika česká a obecná» (2007 р.) і М. Чеховій, згодом проблеми порівняльної фразеології привернули увагу П. Крейчі (чеський, сербський, хорватський, болгарський матеріал), К. Кедрон (чеський, білоруський, польський матеріал), Л. Яновця (чеський матеріал).

Наприкінці XX ст. з'являється ціла низка монографій богемістів з України, Росії, Білорусі, Польщі, що присвячені різним аспектам чеської фразеології та пареміології.

Матеріали цих досліджень спираються здебільшого на загальнославистичний контекст, напр.: Л. І. Даниленко «Національно-культурна семантика чеської фразеології» (2000), «Чеська пареміологія в генетичному, лінгвокогнітивному і дискурсивному висвітленні» (2019), Л. Степанова «Česká a ruská frazeologie: diachronní aspekty» (2004), Т. З. Орльош «Studia z frazeologie české i polské» (2005), О. С. Сергієнко «Нормативность и вариантность чешских и словацких пословиц» (2015), І. В. Калита «Очерки по компаративной фразеологии. Серая палитра в национальных картинах мира русских, белорусов и чехов» (2016), М. Баловський «Obraz świata w czeskich frazeologizmach: (wybrane zagadnienia)» (2018), Г. Баловська «Językowo-kulturowy obraz przyrody nieożywionej w czeskiej frazeologii.» (2019) та ін.

Багато різноманітного матеріалу містять збірники конференцій, серед яких на особливу увагу заслуговують багаторічні «Оломоуцькі дні русистів», «Пареміологія слов'янських народів» в Оставі і нещодавно започаткований Славофраз.

Упродовж другої половини ХХ ст. чеська фразеологія і пареміологія збагатилася численними працями в межах новітніх інтегрованих напрямів – етнолінгвістичного, лінгвокультурологічного, лінгвістичної прагматики, лінгводидактичного тощо. Ці дослідницькі аспекти виявляємо у працях А. Архангельської, Д. Балакової, Е. Мргачової, С. Пастиржика, Я. Рацлавської, С. Рібарової, Я. Шинделаржової та ін.

Незважаючи на існування фразеологічних і паремійних універсалій, національні особливості, закорінені в чеській та інших слов'янських мовах, виявляються в дослідженнях, присвячених проблемам перекладу. У цьому переконують, наприклад, статті В. М. Мокієнка, З. Виходілової, Д. Балакової, П. Крейчі та багатьох інших авторів.

Сучасні тренди в чеській фразеології і пареміології виразно демонструють дослідження, виконані на засадах корпусної лінгвістики. Тут передусім вирізняються праці Фр. Чермака і представників його школи, напр.: Fr. Čermák *Statistické metody hledání frazémů a idiomů v korpusech* (2006), M. Hnátková *Značkování frazémů a idiomů v Českém národním korpusu s pomocí Slovníku české frazeologie a idiomatiky* (2002), T. Jelínek, M. Koprřivová, V. Petkevič, H. Skoumalová *Variabilita českých frazémů v úzu* (2018). Водночас можна констатувати, що закордонні богемісти у своїх розвідках також активно послуговуються матеріалами Чеського національного корпусу (див., напр., О. Федосов «Возможности использования базы данных Чешского национального корпуса для исследования функций религиозной фразеологии в современной чешской журналистике» (1996), «Антропоморфная фразеология жестов и корпус» (2005), Л. І. Даниленко «Синхронна динаміка чеських паремій в тексті і дискурсі (за даними Чеського національного корпусу)» (2008), «Контрастивне дослідження системної і функціональної еквівалентності чеської та української фразеології у художніх перекладах (на матеріалі InterCorp Чеського національного корпусу)» (2021).

Компаративний аспект чеської фразеології і пареміології забезпечено паралелями з багатьох мов – української, російської, білоруської, польської, словацької, хорватської, сербської, болгарської, македонської, німецької, англійської. Дослідження презентують такі теми: психічні, емоційні, інтелектуальні, зовнішні риси людини, роль антропонімів та етнонімів у мовній картині світу слов'ян, різноманітні ідеографічні поля з компонентами-зоонімами, фітонімами, кольоронімами, орієнталізмами, фразеологічні запозичення, неологізми і кальки тощо.

У рецензіях, опублікованих в іноземних і чеських виданнях, одержали оцінку понад 120 робіт з чеської фразеології і пареміології.

Висновки. Робота над укладанням бібліографії чеської фразеології і пареміології виявила сильні і слабкі місця в дослідженні проблем, а також цілу когорту науковців, хто системно працює в цій науковій галузі: Фр. Чермак, Ї. Гронек, М. Чехова, П. Крейчі, Е. Мргачова, З. Голуб, М. Копршивова, С. Пастиржик, Д. Балакова,

Я. Шинделаржова, М. Баловськи, Г. Баловська, В. М. Мокієнко, Л. Степанова, Л. Даниленко, А. Архангельська, О. Федосов, М. Ю. Котова, О. С. Сергієнко та ін.

Бібліографія свідчить про достатньо глибоке опрацювання біблійної тематики. Це підтверджує і вихід у світ двотомного словника 19-ма мовами: «Лепта библейской мудрости: русско-славянский словарь библейских крылатых выражений и афоризмов с соответствиями в германских, романских, армянском и грузинском языках / под общ. ред. Е. Е. Иванова, В. М. Мокиенко, Д. Балаковой, Х. Вальтера» (2019).

На матеріалі чеської фразеології і пареміології динамічно розвивається лінгводидактика. Власне, ця традиція зберегла тяглість з часів пізнього Середньовіччя й епохи Ренесансу, коли постала необхідність продемонструвати можливості рідної мови, здатної конкурувати з латинською мовою. Чеська фразеологія і пареміологія нарощувала свої фонди шляхом перекладів з латини, германських і слов'янських мов і збагачувалася завдяки варіюванню внутрішньої форми образних висловів на народній основі.

Теоретичні засади чеської фразеології і пареміології, розроблені Фр. Чермаком, почасти відрізняються від східнослов'янських концепцій. Це стосується як термінологічного апарату (наприклад, автор послуговується терміном *фразема* (що нині, безпідставно, на нашу думку, скалькували східнослов'янські фразеологи), а не *фразеологізм*, який витлумачує як запозичений русизм), так і структури й характеру номінації фразеологічної й паремійної систем чеської мови, напр. уживає поняття *біноміали, пропозиційні й поліпропозиційні фраземи й ідіоми* стосовно прислів'їв і приказок у східнослов'янській традиції.

Важливо відзначити, що чеські фразеологи перші серед слов'ян видали п'ятитомний тлумачний словник національної фразеології з паралелями в німецькій, англійській, французькій і російській мовах, а також першими створили мовний національний корпус із репрезентативними фразеологічною й паремійною базами, що мають вихід у сорок мов світу.

За нашими спостереженнями, найменш дослідженою залишається чеська діалектна фразеологія, без якої неможливі історико-етимологічні й порівняльні студії. А між тим, як слушно зауважував В. М. Мокієнко, «діалектний матеріал в нашому ХХІ ст. вимагає винятково дбайливого збереження. Екологія народної мови так само є необхідною в епоху глобалізації та цифрових технологій, як і екологія природних ресурсів. Якщо ми, діалектологи, не встигнемо в останній момент зафіксувати перлини народної творчості, які ще збереглися в деяких регіонах, тоді штучний інтелект майбутнього століття (а можливо, й нинішнього) остаточно їх забуде» [4, с. 84].

Чимало ще належить зробити в царині історико-етимологічних студій – найважчій, але й найцікавішій, як нам видається, сфері досліджень. Робота над укладанням бібліографії засвідчила послаблення інтересу до цієї тематики серед сучасних чеських лінгвістів. Маємо, однак, згадати окремі розвідки Й. Зубатого, К. Кучери, В. Махека, Е. Михалека, В. Стибліка, А. Черної. Суттєвим доповненням історико-етимологічних студій є праці В. М. Мокієнка й Л. Степанової. Як редактори вищеназваного другого видання двотомного тезаурусу чеських прислів'їв, приказок і приповідок В. Флайшганса вони помістили історико-етимологічний коментар до 44 фразеологізмів і паремій спільнослов'янського походження, зокрема, й відомого *Trp, kozáče, budeš atamanem – Терти, козаче, будеш отаманом*.

Концептуальний лейтмотив опублікованої бібліографії чеської фразеології і пареміології – демонстрація основних тенденцій розвитку науки в теоретичному і прикладному аспектах. Разом із тим нашим прагненням було показати розвиток чеської фразеології та пареміології від початків до сьогодення як єдиний процес у межах спільнослов'янської та загальноєвропейської фразеологічної і пареміологічної проблематики, на широкому тлі контрастивних студій, розгорнутих на матеріалі всіх слов'янських

мов, а також важливої для чеської лінгвокультури німецької мови й актуальними глобальними впливами англійської мови.

Насамкінець дозволимо собі висловити надію, що наша праця може бути складовою частиною зведеного бібліографічного покажчика фразеології і пареміології слов'янських мов, а це, своєю чергою, сприятиме поглибленню досліджень слов'янської фразеології та пареміології в широкому контексті різних мов світу. Разом із тим зведена бібліографія фразеології і пареміології слов'янських мов гідно презентувала би славістику на черговому Міжнародному з'їзді славістів 2023 р. у Парижі.

Список використаних джерел

1. Даниленко, Л. І. Чеська фразеологія і пареміологія. Бібліографія джерел XIX – 20-х років XXI ст. / Л. І. Даниленко. – Київ : Видавничий дім Дмитра Бураго, 2021. – 191 с.
2. Stěpanova, L. Historie a etymologie českých rčení. Bibliografie pramenů / L. Stěpanova. – Praha : Karolinum, 1998. – 132 s.
3. Sergienko, O. S. Main trends of the current research of Czech paremiology / O. S. Sergienko // *Bohemistyka*. – 2019. – Nr 1. – P. 49–70.
4. Мокиенко, В. М. Диалектная и историческая фразеология Перспективы взаимодействия / В. М. Мокиенко // *Słowiańska frazeologia gwarowa II / pod redakcją Macieja Raka i Valerija M. Mokienki*. – Kraków : Księgarnia Akademicka, 2020. – С. 83–91.

Abstract. The article is devoted to the analysis of the directions of research of Czech phraseology and paremiology on the basis of the just published bibliography of sources. The need for such a book is due to several factors: the lack of a reference book in linguistic Slavic studies from the beginning to the present, as well as the demand for the result of scientific developments in order to identify gaps, including in terms of comparative research.

Keywords: bibliography, Czech phraseology and paremiology, interlingual studies.

УДК 811.161.1-22'373:811.111-22'373

О. В. Данич

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ КАК КОМПОНЕНТ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ КАРТИНЫ МИРА (на материале русского и английского языков)

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы соотношения языка и культуры, формирования языковой (лингвокультурной) картины мира, ее национально-культурных особенностей. В качестве средства и важнейшего компонента лингвокультурной картины мира предлагаются русские и английские фразеологизмы, демонстрирующие уникальное и универсальное в освоении мира через язык.

Ключевые слова: язык, культура, фразеологизм, лингвокультурная картина мира.

Проблема соотношения и взаимодействия языка и культуры «стара, как мир», поскольку всегда вызывала и продолжает вызывать ожесточенные споры. Для одних ученых (еще со времен Платона) совершенно очевидно, что именно язык создает культуру, ибо мысли, идеи существуют в голове носителя языка непосредственно с рождения, другие (начиная от Локка и Гумбольдта) рассматривают язык как «...пассивное дитя культуры. Через многообразие языков для нас открывается богатство мира и многообразие того, что мы познаем в нем; и человеческое бытие становится шире для нас, поскольку языки в отчетливых и действенных чертах дают нам различные способы мышления и восприятия» [1, с. 349]. Несмотря на столь существенные различия во взглядах

на соотношение данных феноменов, несомненными и для тех, и для других представляются теснейшая взаимосвязь и взаимозависимость языка и культуры: язык ощутимо влияет на формирование и развитие культуры и в то же время совершенно непонятен вне культурного контекста.

Признание подобной неразрывности понятий привело к тому, что обязательным условием успешного овладения, например, иностранным языком, является погружение в инокультурную среду, которая служит фоном для изучения языковых явлений. Таким образом, возникло целое направление в методике преподавания иностранного языка – лингвострановедение, а изучение «кровного родства» языка и культуры оформилось в самостоятельный раздел науки о языке в целом – лингвокультурологию, получившую наиболее логичное и развернутое обоснование в работах В. А. Масловой («Введение в лингвокультурологию» (1997), «Лингвокультурология» (2007, 2010), «Коды лингвокультуры» (2016, 2018)).

Кратко характеризуя основные положения данного направления в современном языкознании, можно отметить следующее: язык является составной частью культуры, доставшейся нам в наследство от предков; язык – это инструмент постижения культуры; язык отображает дух народа, национальную ментальность. Итак, знаки естественного языка являются также знаками культуры, поскольку имеют одного субъекта – Человека культуры и Человека национального языка.

Поскольку каждый национальный язык по-разному структурирует и отображает действительность, народ, носитель этого языка, имеет специфическую картину мира, называемую «языковой картиной мира». Безусловно, эта картина мира будет напрямую связана и обусловлена как физическими, так и культурными особенностями и опытом целой нации. Языковая картина мира является не частной картиной мира определенного этноса (как, например, физическая или политическая), поскольку язык – это инструмент познания всего. Сама языковая картина мира отображает и способ структурирования окружающей действительности, формирует и «навязывает» нормы поведения, его оценку и др. В. А. Маслова подчеркивает: «Каждый естественный язык отражает определенный способ восприятия и организации (“концептуализации”) мира. Выражаемые в нем значения складываются в некую единую систему взглядов, своего рода коллективную философию, которая навязывается в качестве обязательной всем носителям языка» [2, с. 63]. В то же время следует помнить, что картина мира, отображенная в языке, не является какой-то принципиально новой сущностью, разительно отличающейся от реальной, она лишь фиксирует дополнительные смыслы, оттенки значений у фактов действительности. Эти коннотации как раз сигнализируют о культурно-национальных особенностях мировосприятия носителей естественного языка и аккумулируют их. Можно говорить о лингвокультурной картине мира как национальном аналоге языковой.

Важно отметить, что национальная языковая картина мира отображает как объективную действительность, так и субъективную, выражающуюся в оценках, эмоциях, интенциях носителей языка и культуры. Безусловно, в большинстве случаев обе картины мира (реальная и языковая) будут совпадать, однако есть уникальные для каждого языка локации, к которым, по нашему глубочайшему убеждению, относится фразеология. Этот пласт языка, как никакой другой, аккумулирует и бережно хранит (причем, практически в неизменном виде) все то, что принято называть «душой народа»: нравственно-этические нормы поведения, нравы, обычаи, взаимоотношения и даже бытовые особенности. Таким образом, мы можем говорить о фразеологизмах как о единицах языка, которые служат инструментом создания лингвокультурной картины мира и ее важнейшим компонентом. Анализ значения данных единиц помогает вывести также источники (названия «культурных» вещей и концептов), которые выступают как своего рода «клише» национально-культурного мировосприятия народа-носителя языка.

Именно они помогают высветить культурное содержание фразеологизмов и очертить лингвокультурную картину мира [3]. Проиллюстрируем вышесказанное фразеологизмами русского и английского языков, которые относятся к разным языковым группам.

Источниками и компонентами лингвокультурной картины мира русских являются фразеологизмы, связанные со следующими фрагментами действительности:

– ритуалы (крестины, похороны, поминки, сватовство и др.): *бросать слова на ветер; перемывать косточки; бобы разводить; заговаривать зубы; вбивать осиноый кол; мазать дегтем* и др.;

– события, имеющие историческую основу: *Мамай воевал; тяжела ты, шапка Мономаха; Потёмкинские деревни; вот тебе, бабушка, и Юрьев день; пропал, как швед под Полтавой; во всю Ивановскую;*

– прецедентные тексты отечественных авторов: *галопом по европам; минуи нас пуще всех печалей...; человек в футляре; не мудрствуя лукаво; умом Россию не понять; луч света в тёмном царстве; есть еще порох в пороховницах; мартышкин труд; лишний человек; маленький человек; зри в корень; мартышка и очки; а счастье было так возможно...; счастливые часов не наблюдают;*

– прецедентные тексты зарубежных авторов: *между молотом и наковальней; мальчик для битья; рыцарь печального образа; сражаться с ветряными мельницами; тайны мадридского двора; слуга двух господ; ищите женщину; бальзаковский возраст; гадкий утенок; слон в посудной лавке;*

– религиозные дискурсы: *петь Лазаря; глас вопиющего в пустыне; внести свою лепту; камень преткновения; Фома неверующий; святая простота; всемирный потоп; блудный сын; волк в овечьей шкуре; соль земли; валаамова ослица; променять на чечевичную похлебку; зарывать талант в землю; продать за тридцать сребреников;*

– культурно-национальные реалии: *задать баню; лаптем щи хлебать; сибирский валенок; воду в решете носить; водить на помочах; вольный казак; аршин с шапкой; коломенская верста; бить баклуши; балалайка бесструнная; тряхнуть мошной;*

– реалии современной жизни: *взять тайм-аут; держаться на плаву; от фонаря; голосовать обеими руками; доводить до ума; хотели, как лучше; из-за бугра; поставить на счетчик; сесть на иглу.*

Лингвокультурную картину английского (британского) общества составляют фразеологизмы, связанные с:

– ритуальными формами культуры: *attendance on somebody* – всегда быть готовым к услугам (согласно старинному обычаю, невеста должна была танцевать с любым гостем); *sit above the salt* – занимать высокое положение в обществе и *sit below the salt* – занимать скромное общественное положение (в старину в Англии солонку ставили посередине стола, причем богатых гостей сажали за верхним концом стола, а бедных родственников и слуг – за нижним); *a black sheep* – изгой, семейный позор (раньше англичане были уверены, что черная масть овцы – печать дьявола);

– событиями с реальной исторической основой: *as well be hanged (or hung) for a sheep as a lamb* – если тебя могут повесить за овцу, то можно заодно украсть и ягненок; *the curse of Scotland* (карт.) – «проклятие Шотландии»; *Baker's dozen* – чертова дюжина;

– прецедентными отечественными (английскими) текстами: *to catch smb. red-handed* (Вальтер Скотт) – «застукать», поймать за руку; *through thick and thin* (Джеффри Чосер) – невзирая ни на что, смело, настойчиво; *fall on evil days* (Джон Мильтон) – обеднеть; *влачить жалкое существование*; *someone is walking over my grave* (Джонатан Свифт) – задрожать;

– прецедентными зарубежными текстами: *the call of the wild* (Дж. Лондон) – зов предков, зов природы, обаяние девственной природы; *the grapes of wrath* (Дж. Хопу; Дж. Стейнбек) – гроздь гнева; *hitch one's wagon to a star* (Р. У. Эмерсон) – витать

в облаках; *the emperor has (или wears) no clothes* (Г. Х. Андерсен) – а король-то голый; *an ugly duckling* (Г. Х. Андерсен) – гадкий утенок; *ilt at windmills* (М. де Сервантес) – сражаться с ветряными мельницами, «донкихотствовать»;

– библейскими текстами: *the apple of Sodom* – плод с червоточинной; обманчивый успех; *daily bread* – хлеб насущный, средства к существованию; *no man can serve two masters* – двум господам не служат; *can the leopard change his spots?* (букв. Может ли леопард переокрасить свои пятна?) – горбатого могила исправит; *to be at one's cross* – нести свой крест;

– культурно-национальной спецификой: *good wine needs no bush* – хорошее вино не нуждается в ярлыке; хороший товар говорит за себя сам; *according to Cocker* – «как по Кокеру», т. е. совершенно буква в букву (Э. Кокер, 1631–1675); *drop the pilot* – отказать от умного и преданного советника;

– современными реалиями: *carry coals to Newcastle* – возить уголь в Ньюкасл (т. е. делать лишнюю работу); *set the Thames on fire the phase* – хватать с неба звезды.

Таким образом, анализ фразеологического состава помогает не только увидеть различие национальных культур, но и выявить то универсальное, что служит точкой соприкосновения и дополняет друг друга на уровне мировой культуры. Совершенно очевидной видится взаимосвязь между формированием и изучением лингвокультурной и собственно картиной мира, поскольку именно эта интерференция определяет способы освоения мира, процессы жизнедеятельности, а также коммуникацию с представителями как своей, так и иной культуры.

Список использованных источников

1. Гумбольдт, В. Язык и философия культуры: перевод с немецкого языка / Вильгельм фон Гумбольдт; сост., общ. ред. и вступ. статьи А. В. Гулыш, Г. В. Рамишвили. – М. : Прогресс, 1985. – 451 с.

2. Маслова, В. А. Лингвокультурология. Введение : учеб. пособие для бакалавриата и магистратуры / В. А. Маслова ; отв. ред. У. М. Бахтикиреева. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Юрайт, 2018. – 206, [1] с.

3. Данич, О. В. Явления культуры как источники формирования идиом поведения / О. В. Данич // Веснік ВДУ. – 1998. – № 1. – С. 48–52.

Abstract. The article deals with the problems of the correlation of language and culture, the formation of a linguistic (linguocultural) picture of the world, its national and cultural characteristics. As a means and an important component of the linguistic and cultural picture of the world, Russian and English phraseological units are proposed, demonstrating the unique and universal in the development of the world through language.

Keywords: language, culture, phraseology, linguistic and cultural picture of the world.

УДК 811.16-13:398.22

Е. Н. Денисенко

ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИЕ ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ КАК РЕПРЕЗЕНТАНТЫ АРХЕТИПА «ДЕРЕВО»

Аннотация. В статье представлены материалы рассмотрения паремиологических единиц русского, белорусского и украинского языков, имеющих в своем составе названия деревьев и отражающих в своих значениях символику дерева, с точки зрения антропоориентированного подхода. Исследуется репрезентация символики деревьев в традиционных бинарных паремиологических оппозициях.

Ключевые слова: архетип, дерево, символика, восточнославянские языки, паремия, антропоориентированный подход.

Для современной науки одной из фундаментальных задач является изучение языкового выражения предметов и явлений объективной действительности и человеческой деятельности, материальной и духовной культуры народов. При изучении лексического фонда языков особенно важным оказывается исследование отдельных лексических и тематических групп в сравнительно-историческом и типологическом аспектах. В последние десятилетия с этой точки зрения исследуются различные славянские лексические микросистемы, в том числе дендронимы. Славянские наименования деревьев анализируются во многих научных работах. Так, выделяются классические и новые исследования, посвященные этимологии, семантике, символике славянских дендронимов (как отдельных, так и в перечне других фрагментов славянской лингвокультуры), их участию в традиционном этнокультурном контексте, в том числе труды А. Н. Афанасьева, В. И. Даля, В. В. Иванова, Т. В. Гамкрелидзе, Н. И. Костомарова, В. В. Мартынова, К. Мошинского, А. А. Потебни, В. Н. Топорова, П. Шафарика, А. К. Байбурина, А. Вацлавика, Н. Н. Велецкой и др. Ученые рассматривают дендронимы не только в специальных исследованиях, но и в словарях и энциклопедиях, в их числе «Славянская мифология. Энциклопедический словарь», «Славянские древности. Этнолингвистический словарь», «Българска митология: Енциклопедичен речник», «Речник српских народних веровања о билькама» и др. Особо значимы исследования А. Н. Афанасьева, А. Н. Веселовского, О. Воропая, Д. К. Зеленина, А. Илиева, П. Сobotки, Н. И. Толстого, В. В. Усачевой и др., посвященные этнолингвистической, мифологической, фольклорной составляющим проблемы. Важны научные изыскания в этих областях в отношении восточнославянского контекста Л. Дучыца, А. В. Гуры, М. Забылина, Д. К. Зеленина, Ю. А. Каминской, В. В. Колесова, А. В. Курочкина, В. М. Мокиенко, Ю. С. Степанова и др. В настоящее время наука располагает значительным количеством фактов и наблюдений, связанных с наименованиями деревьев в славянских языках.

Для восточнославянских языков характерна родственность и близость, которая объясняется не только общностью происхождения, но и относительно поздним распадом праславянского языка и интенсивными контактами между носителями этих языков в последующие периоды. Однако анализ архетипичности деревьев в паремиологическом аспекте в восточнославянском континууме пока представлен фрагментарно.

В статье предпринята попытка выявить паремиологические единицы восточнославянских языков, отражающие символику, которая присуща архетипу «дерево». Исследование проведено в русле антропоориентированного и когнитивного подходов. В качестве основных использованы сравнительный и описательный методы исследования. Источниками паремиологического материала послужили словари пословиц и поговорок, фразеологические словари, энциклопедии белорусского, русского и украинского языков [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 10 и др.].

Дендроним в восточнославянской культуре представляет собой сложный знаковый комплекс, имеющий в большинстве случаев общеславянское происхождение; деревья и их номинации обладают высокой степенью участия в обрядовом контексте, основой которого являются реликты восприятия природы в восточнославянской языковой и мифологической картинах мира. Архетипичность дерева – это древнейшая форма надличностного осознания и моделирования мира-хаоса; архетип «дерево» – это результат схематизированного преобразования хаоса в порядок, основанный на системных оппозициях (верх / низ, короткий / длинный, свой / чужой и т. п.). Образ мира,

формирующийся в системе координат определенной этнической культуры, является «основополагающей компонентой культуры этноса» [11, с. 221].

Архетип «дерево» лежит в истоках «универсального или этнического окультуренного формирования констант мира духовного и представляет собой спонтанно действующие, интуитивно постигаемые когнитивные структуры обработки, хранения и репрезентации коллективного опыта» [12, с. 213]. Архетипичность дерева исторически соотносится с язычеством. Рудименты язычества разных стадияльных уровней устойчиво сохранились не только в обрядовых действиях и фольклоре, в различного рода ритуалах, связанных с растительным миром, но и в паремиях. Стойкой сохранности этих элементов в значительной мере способствовало представление о растительном мире, в частности о деревьях, как универсальном семиотическом комплексе, синтезирующем все отношения в жизни человека. Деревья славяне-язычники наделяли особыми свойствами, посредством которых возможна тайная связь с высшими силами небесного, земного и подземного миров, а через них и с силой воздействия на стихии природы, т. е. постоянно и многосторонне воздействующими на земную жизнь.

Дерево – один из самых древних многозначных архетипов, содержание которого многогранно, неоднозначно и непосредственно связано с его символикой. Так, одним из ведущих в символике дерева является его плодovitость и жизнестойкость. В славянской мифологической традиции образ сада как совокупности деревьев и растений связан с семьей, рождением, возрастающей силой, урожаем (образ рая-каравай), с персонифицированным образом плодородия – Раем либо растительным символом плодородия – Спорышем. В антропоориентированном аспекте символика плодovitости дерева отражается в паремиях в смысловых связях:

а) «предкип – потомки», «отцы – дети» (включают значения, связанные с природной наследственностью и воспитанием, с терпением, добротой и доброжелательностью родителей и др.): бел. *якоя дрэва, такі й клін, які бацька, такі й сын*=русск. *какое дерево, таков и клин, каков батько, таков и сын*=укр. *який дуб, такий тин, яка гребля, такий млин, який батько, такий син*=яке *дерево, такі і квіточки, які батьки, такі і діточки*=яке *коріння, таке й насіння*=русск. *какова березка, такова и отростка*=от *хорошего дерева хороший плод*; бел. *кывога дрэва не выпрастаеш*=русск. *кривое дерево не выпрямится*=укр. *з кривого дерева – крива й тіль*; бел. *на вярбе грушы не растуць*=русск. *не родит верба груши / от осины – осина, от свиньи – свинья; /от яблони – яблоко, от сосны (ели) – шишки / не бывает сосновой шишке на рябине; приживчивое дерево из тычка растет; дерево скоро садыт, да нескоро от него плоды едыт; не откормить коня сухопарого, не отрастить дерева суховерхого; под большим деревом и гриб вольготнее растет*;

б) «воспитание – обучение» (включают значения, связанные с необходимостью строгости, справедливости, терпения, доброты родителей, учителей, указывающие на сложности учебы и обучения и др.): русск. *верба хлест, бей до слез; не я бью, верба бьет; верба красна бьет напрасно; верба бела бьет за дело; береза ума дадыт; дерево не поранишь – соку не достанешь; дерево немо, а вежеству учит; одному глазком мигни, а другого дубинкой подтолкни; дал бог сыночка, дал и дубочка; не научили дубцем, и дубиной не научишь; батожье – дерево божье: терпеть можно; куда дерево подрублено, туда и валится; аз не вяз; гни дерево, пока гнется, учи дитятку, пока слушається*=укр. *згинай дерево поки молоде, вчи дітей, поки малі*; русск. *березовая каша*=бел. *дубца даць*=укр. *як кому, то й березова каша не вадить*;

в) «хлеб – благополучие» (включают значения, связанные с материальным благополучием в семье, трудом для его достижения): русск. *хлеба ни куска, так и в горнице тоска, а хлеба каравай – и под елью рай / как хлеба край, так и под елью рай* и др.;

г) «семья – одиночество»: бел. *адзін дуб у полі, то не лес; вялікага дуба з малым карэннем не бывае*; укр. *аби дубки, березки будуть*; русск. *держись за дубок: дубок в землю глубок; дуб в одиночестве засыхает, а в лесу живёт века*.

Дерево – символ, отождествляемый с источником бессмертия (бел. *Дрэва Жыцця* – русск. *Древо Жизни* – укр. *Дерево Життя*; бел. *Дрэва Пазнання* – русск. *Дерево Познания* – укр. *Дерево Пізнання* добра і зла), раем и т. д. В дереве реализуется идея вечной жизни. В этой связи особую роль приобретает семиотизация понятия «сад» в значении ‘рай’. Вырий – древнее название райской обители, находящейся за чертой видимого мира. Представление о нем как о «красивом зеленом саде» сложилось у славян задолго до христианства. Понятия Вырия и рая практически идентичны, и на основе этих понятий с восприятием сада как метафоры для обозначения идеального места жизни человека реализовывалась в славянских верованиях идея вечной жизни: укр. *був би сад, а солов'ї прилетять*. По преданиям, в раю произрастают два дерева, которые являются неприкосновенными и которые не разрешено осквернять человеку. Каждое дерево в раю дает плоды, включая Древо Жизни (часто дуб, явор) и Древо Познания (традиционно – яблоня), вбирая из земли ее соки – воду. В этом контексте идею передают поговорки: русск. *как ни гни дерево, оно все вверх растет; нет такого дерева, чтоб на него птица не садилась; где вода – там и верба, где верба – там и вода*.

Дерево – центр мира и опора Вселенной. В древних культурных традициях дерево часто рассматривалось как ось мира, вокруг которой сгруппирован космос. Оно растет в центре мира и является опорой Вселенной. Подобный знаковый комплекс с его неизменным окружением из космологических символов указывает на то, что данное место есть «центр мира», что именно здесь находится источник жизни, молодости и бессмертия. Деревья символизируют постоянное возрождение Вселенной, в центре же Вселенной находится дерево. В традиционном восприятии славян священное дерево представлялось большим, мощным, нередко старым растением. Место, где оно произрастало, приобретало статус сакрального. При этом в разных районах Славии в качестве священных выбирались разные деревья – и дуб, и вяз, и кедр и др.: русск. *есть кедр – будет соболев, и белка, и медведь; нет кедр – тайга пуста*. Дерево выступает как аналог храма, объект почитания и жертвоприношения; место совершения сакральных обрядов: русск. *в ельнике – трудиться, в березняке – веселиться, а в кедровнике – Богу молиться; в келье под елью; летом и под елью найдешь келью; стоит дуб-стародуб / загадка в поле-полинском стоит дуб веретинской...* (но мы не в лесу родились, не пенью молились). В противовес функционируют выражения, связанные с «проклятыми» деревьями: русск. *на проклятое дерево и козы скачут*; бел. *асіна плача* и *заламаць асінку* в значении ‘принять твердое решение, отрекаясь делать что-нибудь’; русск. *осина горькая; ладила б тебя на осину*. В примерах прослеживается связь с культурной коннотацией осины как нечистого дерева и одновременно восприятием ее как апотропеи [13, с. 11].

Сакральность дерева проявляется и в его бытовой функциональности: укр. *з одного дерева і хрест, і лопата – хрестові ся кланяють, а лопатою гній носять*. Дерево – комплекс, связывающий разные планы бытия. В этом плане дерево выступает в функции определенного медиатора, посредством которого человек попадает в мир людей и покидает его. Связующая роль дерева проявляется при рождении, вхождении во взрослую жизнь, свадьбе, смерти, приобретении или изменении социального или духовного статуса. В магических формулах, с помощью которых детям объясняли, откуда они берутся, одним из частых является упоминание о том, что детей нашли на дереве (русс. *с груши упал, на вербе тебя поймали*; бел. *упаў з грушы*; укр. *баба з груши принесла*), со свадьбой связано упоминание о *свадебном деревце*, со смертью или ее приближением соотносится характерная фразеология, например, бел. *урэзаць дуба / даваць дуба*=русс. *дать дуба / найти последнюю березку / уйти под зеленую березку / глядеть*

в дуб / дубовыми досками пахнутъ / в березки собирается / под березы пора; осиноый кол, сосновый гроб / деревянный тулуп; укр. закохавсь, як чорт в суху вербу; русск. кто вербу посадит, сам себе заступ готовит.

Дерево – иллюстрация целого, состоящая из множества элементов иерархизированных в нескольких планах. В. Даль зафиксировал загадки *выросло дерево от земли до неба, на этом дереве двенадцать сучков, на каждом сучке по четыре кошеля, в каждом кошеле по семи яиц, а седьмое красное (год); стоит дуб, на дубу двенадцать ветвей, на каждой ветке по четыре отростка, на каждом отростке по семи прутьев (год)* [2]. Отдельные деревья выражают отдельные аспекты широкого спектра значений. Так, дерево соотносится с человеком по внешним признакам: ноги – корни, туловище – ствол, руки – ветви, пальцы, ногти – листья на ветке, сок – кровь, шелест листьев – человеческая речь (сравн. «рамень, рамень» в русск. «лес, поросль», «раменный» – «боровой, лесной» однокоренные «рамена» – плечи). Примером может служить параллель бел. *зляцець як лісток з дрэва* = укр. *од дерева одірваний листочок*; русск. *середка всему делу корень*. Деревья выступают в качестве вместилища, проводника или показателя чувств и эмоций человека. Данная символика транслируется в восточнославянских паремиологических единицах: бел. *стаяць як бузіна ў полі, сірата-вярбіна* = русск. *как тополь на ветру* ‘быть в одиночестве’; *бярозаю ліцца* ‘горько плакать’.

Восточнославянские паремии антропоцентричны. Типы соотнесенности человека и дерева различны. Часто сопоставимость опирается на сравнение: например, тонкое дерево – символ девичьей красоты: русск. *тонкая как верба* / бел. *высока як вярба; стройная як вярба* / укр. *тонка як тополя*.

Растительным символом, воплощающим в себе универсальную концепцию мира, выступает Мировое дерево: русск. *Мировое дерево* – укр. *Світове дерево* – бел. *Дрэва Сусвету*. Мировое дерево (лат. *Arbor Mundi*, «древо жизни», «древо плодородия», «древо центра», «древо восхождения», «небесное древо», «мистическое древо», «древо познания» и т. д.) – один из наиболее интересных и красноречивых символов растительного мира. Символ Мирового дерева играл особую организующую роль, он служил той основой, которая необходима для упорядочения мышления, памяти, восприятия [14, с. 398]. Образы внешнего и внутреннего мира нанизывались на этот символ, в результате чего становилось возможным выражение этих образов посредством главного символа в знаковых системах – в словах, числах, формулах, изображениях. Это и символ Космоса, Вселенной, центра мира, модель мира с определенной системой координат (троичная (вертикальная) и четверичная (горизонтальная) структуры, которые схематизируются в сознании, в результате чего возникают различные абстракции и символы) и символ противопоставления добра и зла. В функции Мирового дерева в славянских фольклорных текстах обычно выступают такие деревья, как явор (клен), дуб, сосна, яблоня и др. С символикой Мирового дерева, помимо обрядового деревца связаны многочисленные обрядовые предметы (хлеб, каравай и др.). Всякий обряд, таким образом, совершался как бы в центре мироздания, у Мирового дерева, и повторял акт сотворения мира (в Новый год и другие календарные праздники), обновления жизни (свадьба и другие семейные обряды). Мировое дерево имеет различные варианты в мифологических представлениях славян (*древо Жизни, древо Познания* и др.), эти вариации главного знакового комплекса актуализируют мифологические представления о жизни человека во всех ее проявлениях. В русском и белорусском языках не зафиксированы паремиологические единицы, прямо или косвенно репрезентирующие фрагмент этого архетипа. В украинском же языке отмечены единицы грона *з дерева життя / гілочка із дерева життя* в значении ‘счастливей момент жизни’.

Архетип «дерево» также транслируется общим оценочным противопоставлением «хороший / хорошо – плохой / плохо», когнитивно связанным с оппозициями «правильный / правильно – неправильный / неправильно», «истинный / правда – ложный / ложь»,

«верный – неверный», «умный – глупый» и др. Сравн. паремиологические единицы, включающие характеристики человека: бел. *вярба таўстая, ды ў сярэдзіне пустая* (в значении ‘никчемность’); *прывязаўся як чорт да старой ігрушыны / удоўбацца як той дзяцёл у дзерэво / прычапіцца як смала да дрэва/ зачэпіцца за пень, дык і прастаіць цэлы дзень* = русск. *зацепился за пень, да и стоит день* (значение ‘назойливый’); русск. *кривое дерево не разогнется прямо; с осину вырос, а ума не вынес; не все сосны в лесу корабельные*; русск. *велик дуб, да дупляст, а мал дуб, да здоров; дерево деревом / рабоботать деревом / туп, как дерево / здравствуй, дерево / дуб дубом / дуб стоеросовый / пень березовый / сдуру, что с дубу* / бел. *куст альховы / пень альховы / у лес дровы возіць / дурны, як даўбешка (як доўбня, як пень)* = укр. *як пню стати / як на пень з`їхати* в значении ‘дурак, бестолковый человек’; *с дуба упал / бузины об`єднався в значении ‘с ума сошел’*; русск. *смелому медовые пышки, а трусу – еловые шишки; клен да берега, чем не дрова / клен да ясень – плюнь да сгасни (плюнь да наземь) / смирен пень, да что в нем в значении ‘не все хорошо / хорошие в жизни’*; русск. *была правда, да в лес ушла*; укр. *скільки вовка не годуй, а він усе в ліс дивиться* = русск. *сколько волка ни корми – всё равно в лес смотрит*; укр. *лихе око на дуб гляне, так і дуб зав`яне*.

Архетипичность дерева реализуется в горизонтальных бинарных оппозициях, транслируемых в паремиях:

– «свой – чужой», соотносимой с оппозицией «мы–они»: русск. *руби дерево здоровое, а гнилое и само свалится; дерево держится корнями, а человек друзьями; дерево дереву рознь; и на дереве лист на лист не приходится; немец, что верба: куда ни ткни, тут и принялся; на дубу не мое, а в кулаке мое; лес по дереву не плачет; всякая сосна своему бору шумит; руби дерево по себе*;

– «верх – низ»: русск. *дерево срубил – ветви сами упадут, не беречь поросли – не видать и дерева, под большим деревом и гриб вольготнее растет*;

– «добро – зло»: русск. *дерево с одного стуку не валится; не от добра дерево листья роняет*; укр. *їли кози деревця і хвалили без кінця*;

– «молодость – старость» как антропоориентированная оппозиция «утро–вечер», «весна–осень»: бел. *як дерава трухлявае шапацець; ліпецъ як тое гнілое да старое дзераво; на пахілае дрэва й козы скачуць* = укр. *на похиле дерево й цапи скачуть ‘о старом, слабом, немощном человеке’*; бел. *скрыпучая дрэва доўга скрыпіць* = русск. *скрипучее дерево долго скрипит / скрипучее дерево два века стоит / скрипучее дерево долго живет / старое дерево скрипит, да живет* = укр. *скрипливе дерево довше росте*; русск. *старое дерево трещит, молодое летит; старый дуб не скоро сломится*;

– «мудрость / сила – молодость / слабость»: русск. *теленок с дубом бодался, да комольй [безрогий] остался; олень с дубом бодался, да рога сломал; топору на ёлке не страшны иголки*; бел. *за адным цягам дрэва не ссячэш= вялікае дрэва паволі расце* = русск. *большое дерево долго растет*;

– «труд – лень»: русск. *дерево по плодам, а человек по делам познается; замахнулся на дуб, а срубил соломинку; работнику – медовые пышки, а лодырю – еловые шишки; солнце на ели, а он еще в постели; не срубил дуба, не отдув губы*; укр. *з його помочі, як з осинки груш*;

– «дом – вне дома»: бел. *бяроза – не пагроза: дзе стаіць, там і шуміць* = русск. *береза не угроза: где стоит, там и шумит*; русск. *где сосна выросла, там она и красна / всякая сосна своему бору шумит / всякая сосна своему лесу весть подает; перелетный соловей: то на сосну, то на ель*;

– «главное – второстепенное»: бел. *за дрэвамі не бачыць лесу* = русск. *за деревьями не видеть леса* = укр. *не бачити за деревами лісу*; русск. *все едино, что мед, что калина, только мед давай наперед*; русск. *в огороде бузина, а в Киеве дядька* = укр. *в городі бузина, в Київі дядько*; русск. *за лесом видит, а под лесом нет / лесом шел, а дров не видал / под лесом видит, а под носом не видит; все одно, что дерево, что бревно*;

– «много – мало»: укр. *аж гілля гнеться, аж гай шумить*; русск. *много лесу темного, да нет дерева годного; в лесу и сковорода звонка; в лесу – дуб рубль*.

Таким образом, в данной работе рассмотрены лишь некоторые аспекты широкой темы репрезентации древнейшего архетипа в восточнославянских языках, приведены отдельные иллюстрации выделенных символических значений дендронимов.

Трансляция архетипа «дерево» широко представлена в паремиологических единицах белорусского, русского и украинского языков, что позволяет более полно осознать связь между человеком и деревом. Символика дерева отражает не только жизненный цикл человека, но и функционирование Вселенной в целом. Таксономия паремиологических единиц – репрезентантов архетипа «дерево» объединяет общие признаки и черты, т. е. дерево представляет живой Космос, непрерывно возрождающийся, причем делает это как ритуальным, конкретным способом в мифологическом и космологическом плане, так и чисто символическим путем.

Список использованных источников

1. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / отв. ред. В. Н. Телия. – М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. – 784 с.
2. Даль, В. И. Пословицы русского народа / В. И. Даль. – М. : Русский яз. Медиа, 2009. – 814 с.
3. Зимин, В. И. Пословицы и поговорки русского народа : большой объяснительный словарь / В. И. Зимин, А. С. Спиринов. – изд. 4-е, стер. – М. : Цитадель ; Ростов-на-Дону : Феникс, 2008. – 590 с.
4. Иванов, Е. Е. Русско-белорусский паремиологический словарь / Е. Е. Иванов, В. М. Мокиенко. – Могилев : МГУ им. А. А. Кулешова, 2007. – 242 с.
5. Лепешаў, І. Я. Тлумачальны слоўнік прыказак / І. Я. Лепешаў. – Гродна : ГрДУ, 2011. – 667 с.
6. Прыказкі і прымаўкі : у 2 кн. / упор. М. Я. Грынблат. – Мінск : Навука і тэхніка, 1976. – Кн. 1. – 560 с., Кн. 2. – 616 с.
7. Удовиченко, Г. М. Фразеологічний словник української мови : в 2 т. / Г. М. Удовиченко. – Київ : Вища школа, 1984. – Т. 1. – 304 с.; Т. 2. – 384 с.
8. Українські прислів'я та приказки. – вид. 2-е, випр. та доповн. – Київ : Вид-во АН УРСР, 1961.
9. Фразеологічний словник української мови / АН України, Ін-т укр. мови ; [уклад.: В. М. Білоноженко та ін., редкол.: Л. С. Паламарчук (голова) та ін.]. – Київ : Наук. думка, 1993. – 980 с.
10. Українські народні прислів'я та приказки / упоряд. В. С. Бобкова, Ф. І. Лавров, М. П. Ліждвой та інші; відп. ред. М.Т. Рильський. – 2-е вид., випр. та доп. – Київ : АН УРСР, 1961. – 526 с.
11. Лурье, С. В. Историческая этнология. – М. : Аспект Пресс 1997. – 448 с.
12. Телия, В. Н. Лингвокультурология – ключ к новой реальности феномена воспроизводимости несколькихсловных образований / В. Н. Телия, А. В. Дорошенко // Язык, культура, общество : сборник научных трудов. – М. : Гнозис, 2008. – С. 207–216.
13. Малюха, М. Фразеология и национальная картина мира, фразеологизмы с компонентом-названием дерева в восточнославянских и польском языках : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.03 / М. Малюха. – Минск, 1996. – 22 с.
14. Топоров, В. Н. Древо Мировое / В. Н. Топоров // Мифы народов мира. Энциклопедия : в 2 т. – М. : Советская Энциклопедия, 1980. – С. 398–406.

Abstract. The article presents materials of consideration of the paremiological units of the Russian, Belarusian and Ukrainian languages, which include the names of trees and reflect in their meanings the symbolism of a tree, from the point of view of an anthropo-oriented approach. The representation of the symbolism of trees, the representation of paremias in traditional binary paremiological oppositions is investigated.

Keywords: archetype, wood, symbolism, East Slavic languages, paremia, anthropo-oriented approach.

З. К. Дербешева

**КОГНИТИВНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА
ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ КОНЦЕПТА «ДРУГ»**

Аннотация. В статье представлен сопоставительный анализ паремий о дружбе в русском и киргизском языках. Лингвокогнитивный подход к исследованию паремиологического материала позволил выявить существенные отличия в содержании концепта «Друг» в русском и киргизском языковом сознании.

Ключевые слова: паремия, пословицы, поговорки, концепт, когнитивная тема, русский язык, киргизский язык.

Слово *друг* как лексический репрезентант концепта «Дружба» является одним из самых важных слов в словарном запасе русского языка, о чем свидетельствует его частотность (свыше 1000 на 1 млн словоупотреблений) [1, с. 284]. По мнению И. С. Кона, «древнейший образ дружбы в русской литературе – побратимство, “крестовое братство” былинных богатырей. В “названное” или “крестовое” братство (обряд скреплялся обменом нательными крестами) вступают практически все былинные богатыри. “Крестовое” братство ставилось выше всех прочих отношений, даже кровного родства» [2]. Настоящий культ интимной дружбы в России, как и в Европе, по И. С. Кону, появляется вместе с романтизмом. Почти все хрестоматийные образцы дружбы в русской литературе и жизни первой половины XIX в. (лицейская дружба А. С. Пушкина, дружба А. И. Герцена и Н. П. Огарева, взаимоотношения В. Г. Белинского и М. А. Бакунина и т. д.) имели отчетливо романтический характер. При этом нормативный канон дружбы и индивидуальные переживания сплошь и рядом переплетаются, накладываются друг на друга. На разных этапах развития советского общества на первый план выступали разные аспекты дружбы. Громадный подъем чувства дружбы, если так можно выразиться, произошел в годы Великой Отечественной войны. Воинское товарищество было действительно братством – один за всех и все за одного. Для людей, прошедших войну, солдатская дружба навсегда остается эталоном идеальных человеческих отношений. Один из важнейших социально-психологических процессов 1960–1970-х годов связан с перемещением товарищества из политических и трудовых структур в туристические походы, альпинизм, романтику дальних странствий, в сферу интимной, частной жизни [2, с. 330].

В киргизской культуре категория «друг» – явление более позднего происхождения. Образ жизни киргизов, живших в основном семейно-родственными кланами, исключал потребность в формировании такого понятия. Киргизские семьи были большими, дефицита в коммуникации не было, так как он обеспечивался общением с многочисленными братьями, сестрами, кузенами и т. д. Когнитивно-семантический анализ языкового материала подтверждает, что категория «друг» в киргизской культуре – продукт более позднего времени, который стал формироваться в период советского образа жизни, когда общинно-родовые связи в киргизском обществе начинали распадаться; взамен родственных связей стала появляться новая система социальных отношений, которые стали выходить за пределы семьи и родственного клана. Естественно, что вне семьи появляется потребность в других социальных связях, которые реализуются через такую форму социального общения, как дружба. Но несмотря на то, что архетип «друг» достаточно прочно прижился в современном киргизском обществе (о чем свидетельствуют стихи киргизских поэтов и публицистические очерки о дружбе), паремиологический материал киргизского языка демонстрирует особый взгляд, связанный с предпочтением другу родного по крови человека.

Семантический анализ русских и киргизских паремиологических единиц о дружбе позволяет выделить следующие их тематические рубрики: **в русском языке:** Ценность друзей; Испытание дружбы; Сила дружбы; Честность в дружбе; Выбор друзей; Истинная дружба; Преданность в дружбе; Корысть в дружбе; Противопоставление друг – враг; **в киргизском языке:** Представление о дружбе; Выбор друзей; Противопоставление друг – враг; Ненадежность друзей; Корысть в дружбе; Противопоставление родич – друг; Плохой друг.

На основании выделенных групп можно говорить о явных различиях в понимании дружбы носителями русского и киргизского языков. Следует отметить преобладание положительной оценки дружбы в русских поговорках, дружба определяется как высшая ценность в человеческом общении, она зиждется на верности, преданности, искренности, взаимной поддержке. Иную картину наблюдаем в киргизских пословицах и поговорках. Образ друга обнаруживается как бы в оппозиции к врагу и к родственнику.

Подтвердим наблюдения иллюстративным материалом.

Паремиологическая репрезентация концепта «Друг»

Ценность друзей: *Без друга в жизни туго; Дерево держится корнями, а человек друзьями; Человек без друга, что земля без воды; Человек без друзей, что сокол без крыльев.*

Испытание дружбы: *Друг в беде – друг вдвойне; Друг не испытанный, что орех не расколотый; Знал дружка в радости, не оставяй в горести.*

Сила дружбы: *Дружное стадо и волков не боится; Дружные сороки и гуся съедят; Дружные чайки и ястреба забьют.*

Честность в дружбе: *Ложь дружбу губит, почему дружба её не любит; Дружба крепка не лестью, а правдой и честью; Не тот друг, кто мёдом мажет, а тот, кто правду в глаза скажет.*

Дружба подразумевает искреннее участие в делах друга, поэтому не исключает критики за его недолжное поведение [3, с. 228].

Выбор друзей: *Две кошки в мешке дружбы не заведут; Не тот друг, кто потакает, а тот, кто на ум наставляет; Гусь свинье не товарищ.*

Истинная дружба: *Дружба заботой да подмогой крепка; Не мил и свет, коли друга нет; Для дорогого друга – ворота настежь.*

«...Идея – помочь в случае необходимости – является ключевой для русского концепта друга» [4, с. 183]. А. Д. Шмелев пишет о том, что «интенсивное душевное общение не является необходимым для того, чтобы человека назвать другом» [Там же, с. 184].

Преданность в дружбе: *Старый друг лучше новых двух; Одежда хороша новая, а друг – старый; Из-за нового приятеля не теряй старого.*

Корысть в дружбе: *Были бы пирожки – будут и дружки; Скатерть со стола – и дружба сплыла; Дружба дружбой, а в карман не лезь.*

Противопоставление друг – враг: *Вода у друга лучше, чем у врага мёд; Друг спорит, а недруг поддакивает.*

Исследователи считают, что «...очень важен эмотивный аспект дружеских отношений: они всегда теплые и эмоциональные, а базовой эмоцией дружбы является эмоция радости [5, с. 56]. В дружеских связях большое значение имеют этические ценности, крепкие узы, что обусловлено духом общинности в русской культуре.

О. М. Лунцова в своей статье предлагает ряд когнитивно-семантических признаков, характеризующих паремиологическую интерпретацию концепта «Друг»; в их числе – равенство, удовольствие от общения друг с другом, взаимопомощь, взаимное уважение, близость, благодарность, доверие, сочувствие готовность помочь независимо от обстоятельств и опасности, умение радоваться чужой удаче (см. [5]).

Рассмотренные выше пословицы и поговорки русского языка эксплицируют следующие когнитивы:

- Дружба – это высшая ценность;
- Дружба проходит испытания действиями, поступками;
- Сплоченность в отношениях помогает преодолевать препятствия;
- Дружеские отношения должны быть основаны на честных правилах;
- Выбор друзей субъективен (зависит от самого человека);
- Высокая степень надежности отношений;
- Постоянство отношений во времени;
- Вторжение материальных факторов ведут к утрате отношений.

Паремиологическая репрезентация концепта «Дос»

Представление о дружбе: *Чыныгы достук кыйынчылыкта эмес, кубанычта билинет* (досл.: Истинная дружба познается не в трудности, а в радости); *Достук тар кыяда сыналат* (досл.: Дружба познается на узкой горной тропе).

Эта группа паремиологических единиц актуализирует следующие смыслы: друг нужен для утешения, для помощи, для душевного общения, для безопасности, для взаимовыручки; друг должен быть честным, говорить правду в глаза, должен быть чelовечным в дружбе, в дружбе не должно быть коварства, расчета; преданность старой дружбе; истинных друзей не должно быть много; настоящая дружба выдержит любые испытания.

Выбор друзей: *Акмак достон акылдуу душман артык* (досл.: Умный враг лучше глупого друга); *Аңдышкан айыл конбойт, сатуулашкан дос болбойт* (досл.: Те, кто слеживает друг друга, не будут односельчанами, те, кто рядится друг с другом, не будут друзьями).

Противопоставление друг – враг: *Дос менен дос болсоң – мактан, кас менен дос болсоң – сактан* (досл.: Если общаешься с другом, то гордись, если общаешься с врагом, то берегись); *Дос сыртыңдан мактар, душман көзүңчө мактар* (досл.: Друг хвалит за глаза, враг хвалит в глаза).

Ненадежность друзей: *Достун көнүлү бир атым насвайдан калат* (досл.: Друг может обидеться из-за понюшки табака); *Дос таарынса, бергенин алат* (досл.: Друг обидится – подаренное отнимет); *Алыстагы душмандан, аңдып жүргөн дос жаман* (досл.: Подсигивающий друг хуже дальнего врага).

В данных пословицах и поговорках речь идет о вероломстве, низости, подлости друзей.

Корысть в дружбе: *Эл четине жоо келсе, жан аяган жигитпи. Жакшы көргөн досунан мал аяган жигитпи* (досл.: Разве мужчина тот, кто жалеет себя, когда нагрянул враг, разве тот мужчина, кто жалеет скот от друга); *Досуңдан төө сура, чыдабаса бээ берет* (досл.: У друга проси верблюда, если не выдержит – отдаст кобылу).

Противопоставление родич – друг:

Друг меньшая ценность, чем родственник: *Дос айрылат, сөөк кайрылат* (досл.: Друзья расстанутся – сваты всегда придут на помощь); *Дос айрылат, тууган кайрылат* (досл.: Друзья расстанутся – родич всегда придет на помощь).

Плохой друг: *Жаман жолдош жоого алдырат, жаман сөз доого алдырат* (досл.: Плохой товарищ врагу выдаст, дурное слово в тяжбу затаяет); *Душмандан бир сактан, жаман достон миң сактан* (досл.: Врага опасайся один раз, плохого друга – тысячу раз).

Когнитивные, характеризующие паремиологическое воплощение концепта «Дос»:

- Статус друга воспринимается в противопоставлении к врагу;
- В дружбе недопустим обман чужого доверия, преднамеренное нарушение верности обещанию;
- В дружбе часто превалирует личная материальная выгода;
- Выбор друзей надо делать в соответствии с собственными морально-нравственными установками;

- Чтобы обезопасить себя в жизни, к выбору друзей следует подходить осторожно и взвешенно;
- Чтобы обеспечить душевный комфорт, надо тщательно выбирать друзей;
- Дружба нужна для закрытого душевного общения;
- Настоящая дружба проверяется тем, умеет ли друг разделить с тобой твой успех;
- Друзей не должно быть много;
- Настоящая дружба проходит любые испытания;
- Родственники надежней, чем друзья;
- Плохой друг хуже врага.

В представленной выше тематической классификации русских и киргизских пословиц и поговорок о дружбе три рубрики оказались общими для обоих языков: «Выбор друзей», «Корысть в дружбе» и «Противопоставление друг – враг». Однако в рамках общности выявляются специфические черты, раскрывающие разное понимание одной и той же проблемы. Сравн.:

Выбор друзей: *Две кошки в мешке дружбы не заведут; Не тот друг, кто потакает, а тот, кто на ум наставляет; Кто ищет друга без недостатков, тот останется без друга; Гусь свинье не товарищ – Акмак достон акылдуу душман артык* (досл.: Умный враг лучше глупого друга); *Аңдышкан айыл конбойт, сатуулашкан дос болбойт* (досл.: Те, кто выслеживает друг друга, не будут односельчанами, те, кто рядится друг с другом, не станут друзьями).

Главная установка, которую транслируют русские пословицы: при выборе друзей важно сойтись по взглядам, по характеру, по интересам. В киргизском языке при выборе друзей главная установка: надо отделить друга от недруга.

Корысть в дружбе: *Были бы пирожки – будут и дружки; В долг давать – дружбу терять; Не давай денег, не теряй дружбы; Скатерть со стола – и дружба сплыла; Дружба дружбой, а в карман не лезь – Эл четине жоо келсе, жан аяган жигитти. Жакшы көргөн досунан мал аяган жигитти* (досл.: Разве мужчина тот, кто жалеет себя, когда нагрянул враг, разве тот мужчина, кто жалеет скот от друга); *Малың барда баары дос, малың жокто кана дос?* (досл.: Когда ты богат – все друзья, где же друзья, когда ты беден?); *Мансап үчүн сүйбө, мал-мүлк үчүн достошпо* (досл.: Люби не ради должности, дружи не ради богатства).

Мотивы корысти в дружбе в общих чертах перекликаются в паремиях сопоставляемых языков. Следует отметить лишь один аспект в трактовке корысти в киргизской паремиологии, связанный с проявлением скарденности по отношению к другу.

Противопоставление друг – враг: *Вода у друга лучше, чем у врага мёд; Друг спорит, а недруг поддакивает – Дос менен дос болсоң – мактан, кас менен дос болсоң – сактан* (досл.: Если общаешься с другом, то гордись, если общаешься с врагом, то берегись); *Дос сыртыңдан мактар, душман көзүңчө мактар* (досл.: друг хвалит за глаза, враг хвалит в глаза).

Оппозиция друг – враг в русском языке стремится к полярности, то есть границы между другом и врагом однозначно четкие.

В киргизской картине мира нет четкого разделения друга и врага. К другу могут быть применимы такие выражения, как *коварные замыслы, черная зависть* и т. п. Друг в понимании киргиза может превратиться во врага, а враг стать другом. Зыбкость и неустойчивость границ между другом и врагом очевидны. Но если подойти к данному вопросу в более широком историко-культурном ракурсе, то можно обнаружить, что в киргизских исторических эпосах дружба занимала значительное место в жизни эпических героев. И примечательно то, что настоящие друзья – именно те, кто плечом к плечу противостоит врагам. Например: «Разве можно одолеть киргиза, если рядом

верный друг, в руке – надежное оружие, под седлом – крылатый конь» или «Вместе с верным другом мы заставили склониться всех, кто имеет головы, и преклонить колени всех, кто имеет ноги» [6, с. 80]. По всей видимости, в героическом прошлом понятие дружбы изначально воспринималось как союз, направленный против общего врага, т. е. формировалось из противопоставления друга и врага. Именно поэтому эти два понятия в киргизском языке и предполагают, и взаимоисключают друг друга.

Когнитивно-семантический анализ паремиологической вербализации концепта «Друг» / «Дос» в сравнительном изучении позволил выявить определенное своеобразие в интерпретации данного концепта в языковой картине мира русского и киргизского народа. Оно заключается в следующем:

1. Категория «друг» в русском языковом восприятии представляет одну из ключевых ценностей; факты киргизского языка демонстрируют вторичность данной категории по отношению к родственным связям, которые в киргизской культуре считаются более значимыми.

2. В ретроспективном (главным образом в эпическом) киргизском сознании на первоначальном этапе зарождения понятия «друг» для его обозначения использовалось слово иранского происхождения *шерик*, которое несло в себе значение союзника, единомышленника, того, на кого можно положиться в противостоянии врагу. Понятие «друг» при общинно-родовом, позднее семейно-клановом образе жизни киргизов не было востребовано, так как тесные родственные связи не порождали потребности в других формах социальных отношений. Формирование понятия «друг» в киргизской культуре происходит с момента распада традиционных взаимоотношений, что подтверждается языковым материалом, полученным из текстов более позднего времени, прежде всего советского периода.

Для русского языкового сознания характерен более устойчивый стереотип друга, поскольку для русской культуры это одна из исконных аксиологем [7, с. 193–196].

3. В паремиях обоих языков выявлены как положительные, так и отрицательные оценки друга. В русских паремиях, однако, превалирует положительное отношение к другу; оно проявляется в таких сторонах дружбы, как искренность, преданность, взаимная поддержка, душевное понимание, сострадание. Значительно реже говорится о проявлении в дружбе таких негативных качеств людей, как зависть и корысть. В киргизском языковом материале, напротив, о зависти и корысти друзей говорится чаще.

Список использованных источников

1. Арапова, О. А. Дружба / О. А. Арапова, Р. М. Гайсина // Антология концептов / под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. – М. : Гнозис, 2007. – 512 с.
2. Кон, И. С. Дружба / И. С. Кон. – 4-е изд., доп. – М. : Питер, 2005. – 329 с.
3. Колесов, В. В. Словарь русской ментальности : в 2 т. / В. В. Колесов, Д. В. Колесова, А. А. Харитоновна; гл. ред. А. В. Голубева. – СПб. : Златоуст, 2014. – Т. 1. – 592 с.
4. Шмелев, А. Д. Русская языковая модель мира / А. Д. Шмелев. – М. : Языки славянской культуры, 2002. – 224 с.
5. Лунцова, О. М. Градиент-концепт «дружба – мир – вражда» в русской и английской лингвокультурах (на материале лексики и фразеологии) / О. М. Лунцова. – Магнитогорск, 2007. – 260 с.
6. Иманалиев, К. Каганат / К. Иманалиев. – Бишкек, 2009.
7. Дербишева, З. К. Основы лингвокогнитивного сравнения языков / З. К. Дербишева. – М. : Флинта, 2019. – 336 с.
8. Жуков, В. П. Словарь русских пословиц и поговорок / В. П. Жуков. – М. : Просвещение / Дрофа, 2014. – 656 с.
9. Кыргыз макал-лакап, учкул сөздөрү / составитель М. Ибрагимов. – Кара-Балта, Кыргызстан, 2005. – 500 с.

Abstract. The article presents a comparative analysis of proverbs about friendship in the Russian and Kyrgyz languages. The linguo-cognitive approach to the study of paremiological material made it possible to reveal significant differences in the content of the concept «Friend» in Russian and Kyrgyz linguistic consciousness.

Keywords: paremia, proverbs, sayings, concept, cognitema, Russian language, Kyrgyz language.

УДК 811.161.1'42'367:398.91

П. С. Дронов

**НАШЕ ДЕЛО МАЛЕНЬКОЕ, ТВОЕ ДЕЛО ТЕЛЯЧЬЕ:
О НЕСКОЛЬКИХ БЛИЗКИХ МОДЕЛЯХ ФРАЗЕОСХЕМ
В РУССКОМ ЯЗЫКЕ**

Аннотация. В данной работе описывается несколько близких моделей фразеосхем в русском языке. Отдельные примеры реализации этих моделей могут быть отнесены к идиомам – речевым формулам (в частности, *мое / твоё дело телячье, мое дело маленькое, мое дело сторона, дело молодое*). Несмотря на то, что одни из них более идиоматичны, чем другие, хорошо заметны сходство структуры и близость фразеологических значений. Делается вывод о том, что необходимо включение соответствующей информации во фразеологические словари.

Ключевые слова: фразеология, семантика, идиомы, фразеосхемы.

Термин «фразеосхема» был впервые предложен Д. Н. Шмелевым в книге «Современный русский язык. Лексика» [1, с. 327]. К ним были отнесены различные продуктивные конструкции, строящиеся по регулярным моделям, наподобие *X как X, сначала V1, потом V2 (сначала думай, потом говори), X не X, а P (дура не дура, а полтинник в день имею)*. В настоящее время такие единицы часто получают название «фразеошаблоны» (*Phraseoschablone* [2]), «синтаксические фразеологизмы» (см. монографию А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского «Аспекты теории фразеологии» [3]) и «предложения фразеологизированной структуры», или «фразеологизированные предложения» (в «Грамматике-80» [4, с. 382–386]). Фразеосхемы оказываются близки и идиомам, и пословицам: по замечанию В. Мидера, «существуют определенные пословичные структуры, которые стали основой для десятков пословиц, например: *куда X, туда и Y, без X нет Y, каков X, таков и Y* и т. д.» (“<...> certain fundamental proverb structures exist that have been the basis for dozens of proverbs, as, for example, ‘Where there’s X, there’s Y,’ ‘No X without Y,’ ‘Like X, like Y,’ ‘One X does not make a Y,’ and so on” [5, с. 9]). При этом принадлежность тех или иных фразеологических единиц к фразеосхемам может быть неочевидна.

В данной работе мы опишем несколько близких моделей фразеосхем. Отдельные примеры реализации этих моделей могут быть отнесены к идиомам (в том числе речевым формулам по А. Н. Баранову и Д. О. Добровольскому, т. е. преимущественно законченным высказываниям, которые характеризуются фиксированной иллюкутивной силой или определяют иллюкутивные характеристики речевого высказывания [3, с. 81]) или поговоркам (по определению М. Л. Ковшовой, иносказаниям, служащим иллюстрацией каких-либо ситуаций, явлений и событий, не являющимся в полной мере синтаксически оформленными выражениями [6, с. 6]).

В начале приведем толкования из двух словарей.

«**ДЕЛО ТЕЛЯЧЬЕ** *чьё*. Прост. Шутл. Кому-то приходится мириться с обстоятельствами; слушаться, быть покорным» [7, с. 183].

«Твоё дело телячье – обосрался и жди (и молчи, и стой). Вульг.-прост. Не возражай и не рассуждай: всё равно своей правоты не докажешь; жди и делай что прикажут» [8, с. 182].

Прежде всего, обращает на себя внимание выбор местоимения; в «заромбовой» зоне после толкования [7, с. 183] приводятся примеры с местоимениями *мое* и *наше*. Сравн. примеры из Национального корпуса русского языка [9]:

(1) **а.** *Потолковать бы с сыном по душам, но дыбом вставало отцовское самолюбие: нет же, щенок допоухий, не тебе перед отцом этаких принцев Гамлетов разыгрывать, между отцом и матерью клинья вбивать... Родители поссорятся и помирятся, а **твое дело телячье**...* (М. Л. Халфина. Расплата (1978)). **б.** ***Мое дело телячье – вспоминать свою жизнь и записывать, пусть доктор разбирается*** (Геннадий Николаев. Вещие сны тихого психа // «Звезда», 2002). **с.** ***Я не честолобив. Мое дело телячье, я только капитан. А мог бы уже год быть майором*** (Михаил Панин. Камикадзе // «Звезда», 2002).

В примерах (1б, с) *мое дело телячье* является формулой отказа от споров или рассуждений, вызванного невозможностью или нежеланием изменить те или иные жизненные обстоятельства. Иное значение у этой речевой формулы в (1а), причем это значение обусловлено «Я-Ты-Он-грамматикой» по Э. Бенвенисту: «В “Я-грамматике” <...> кореферентны говорящий и субъект высказывания, выраженный местоимением я в роли подлежащего или дополнением, выраженным косвенными формами этого личного местоимения – *мне, меня* и т. п.: *Я – тупица / олух царя небесного; Я не боюсь ничего / Меня ничего не страшит и Мне море по колено* и т. п. В “Ты-грамматике” <...> высказывание строится в режиме диалога, где субъект-адресат выражается местоимением *ты* или косвенным падежом этого местоимения: *Ты – бездельник и Ты бьешь баклуши; Ты живешь как у Христа за пазухой и Тебе живется как у Христа за пазухой* и т. д. В “Он-грамматике” речь идет о “третьем лице”, которое выражается в именительном или косвенных падежах местоимения *он*: *Он – лишний в этом деле и Он – пятое колесо в телеге; Он имеет обыкновение болтать лишнее и У него длинный язык* и т. д.» [10, с. 212]. При этом в «Ты»-употреблении диалог идет “открытым забралом”, но говорить приятное – почему-то считается лестью, а неприятное – грубостью» [Там же]. Именно такое грубое указание мы видим в форме *твое дело телячье* (1а): собеседнику явно и грубо дают понять, что он должен отказаться от любых возражений или рассуждений, так как не может повлиять на соответствующие жизненные обстоятельства.

Возможно и «Он-употребление» этой речевой формулы, однако в единственном обнаруженном примере оно представляет собой «Ты-употребление» в косвенной речи, и в повествовании от третьего лица «Он-грамматика» сливается с «Ты-грамматикой» (2).

(2) **а.** *И этот кольт сразу отбил у Малянова желание расспрашивать. Как-то сразу стало ему ясно, **что его дело телячье и что спрашивает здесь не он*** (Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. За миллиард лет до конца света (1974)). **б.** – *А девочки как? Согласны? – Да кто же их согласия спрашивает? **Их дело телячье. Тут уж не до их согласия, когда генерал в мужья наклонился*** (М. Л. Халфина. Живи одна (1986)).

Данная речевая формула может сопровождаться пояснением и уточнением: *мое дело телячье – вспоминать свою жизнь и записывать, пусть доктор разбирается* (1б); *мое дело телячье, я только капитан* (1с); *что его дело телячье и что спрашивает здесь не он* (2а). Тем самым задаются рамки ограничений, в которых находится субъект высказывания. Приведенные словосочетания, очевидно, являются частным случаем реализации некой фразеосхемы. Форма *Твоё дело телячье – обосрался и жди <и молчи, и стой>* из словаря [8] характеризуется большей степенью идиоматичности, чем варианты фразеосхемы, приведенные выше. Структурную модель фразеосхемы можно представить следующим образом: PERS.P *дело телячье*: P.

Сама эта структурная модель представляется частным случаем реализации иной фразеосхемы, сравн. (3).

(3) **а.** – *А я что? – отозвался Чернаков, не оборачиваясь. – Мое дело маленькое. Капай себе да капай. Ему не хотелось вступать в спор хирургов* (Влада Валеева. Скорая помощь (2002)). **б.** *Ваше дело маленькое – на след красоты навести, как пес на дичь* (Михаил Гиголашвили. Экобаба и дикарь (1998–2007) // «Зарубежные записки», 2009). **с.** – *Наше дело простое: удостовериться, что корыто с дерьмом уплыло по адресу* (Дина Рубина. Русская канарейка. Блудный сын (2014)). **д.** *Наше дело – военное: крепить оборону, стеречь секреты, руководить научными кадрами, чтоб их не заносило, чтобы шли прямо, по намеченной руководством линии* (Геннадий Николаев. Вещие сны тихого психа // «Звезда», 2002). **е.** *Обо мне речи нет, мое дело скромное – токарь-пекарь* (Виктор Пронин. Охота пуще неволи (1970–1980)).

Эту более широкую модель можно представить как *PERS.P* дело *ADJ_P*: *P*, где *ADJ_P* – прилагательное, имеющее отношение к ситуации общения (*P*). Фразеосхема допускает варьирование компонентов: пропозиция *P* может предшествовать именной группе, а не следовать за ней, сравн.: *Конечно не понимаю, мое дело бабье* ‘будучи женщиной, я разбираюсь в других вопросах и не обязана понимать эту проблему’ (4).

(4) – *Стаська, ты сама не понимаешь, что говоришь. – Конечно не понимаю, мое дело бабье. Но ты-то, самец, положи руку на сердце – неужели тебе не будет хотя бы лестно?* (Вячеслав Рыбаков. Гравилет «Цесаревич» (1993)).

Похожую структуру имеет речевая формула *мое дело сторона* ‘я тут ни при чем’ [11, с. 434] (5а), которая может быть представлена как частный случай реализации фразеосхемы *PERS.P* дело *N_P* ‘субъект высказывания отказывается концентрировать свое внимание на конкретной проблеме, указывая на ее несоответствие своим компетенции и интересам’, сравн. *мое дело инструкция* (5б).

(5) **а.** *Тут уж моё дело – сторона, я со спокойной совестью иду дальше* (И. Грекова. Знакомые люди (1982)). **б.** – *Вы же знаете: они нас не слушают. – Ничего я не знаю. Моё дело – инструкция. Вот она. Днём спать нельзя* (Ю. О. Домбровский. Факультет ненужных вещей, часть 2 (1978)).

Близкой по структуре, но не по значению, является фразеосхема *дело ADJ_P* (например, *дело молодое, дело хозяйское*), сравн. (6).

(6) **а.** – *Вот же люди, счастья своего не понимают! Живет один, не звелит никто над ухом, бабы сами липнут... Ну, дело хозяйское. Простившись с Геней, Гринев спустился по гулкой прокуренной лестнице и вышел из больницы. Генкины расспросы были ему не слишком приятны* (Анна Берсенева. Возраст третьей любви (2005)). **б.** *Роберт уже открыто ухаживал за ней, то и дело хватал за руку. Она, улыбаясь, гладила его по голове. Дело молодое, решил я* (Сергей Шикера. Идущий против ветра (Записки неизвестного) // «Волга», 2010). **с.** *«Сели за стол, выпили, ну и переклинило меня, по пьяни-то – приревновал» Ладно, дело житейское* (Максим Жуков. Третья степень // «Сибирские огни», 2012).

Данная фразеосхема означает ‘выражение согласия с тем, что собеседник может действовать по собственному желанию’. От выбора прилагательного зависят оттенки значения: например, *дело хозяйское* (6а) указывает на несогласие говорящего с мнением или действиями собеседника (в «Словаре образных выражений русского языка» [12] в таких случаях дается прагматическая помета «говорится с неодобрением»), *дело молодое* (6б) – на возрастную маркированность его действий, а *дело житейское* (6с) – на широко распространенный характер действий.

При помещении пропозиции перед именной группой: *P* – *дело ADJ_P* – эти оттенки значений выходят на передний план, сравн. (7).

(7) **а.** *Во-первых, я всегда предполагал, что искусство – это, как правило, дело молодое* (Сергей Есин. Маркиз Астольф де Кюстин. Почта духов, или Россия в 2007 году. Переложение на отечественный Сергея Есина (2008)). **б.** *С другой стороны, зачем описывать на страницах молодежного журнала такие вещи, как субботники с мили-*

ционерками и бандитами, побои, унижения, отношение как к половой тряпке и частые посещения венерологических диспансеров, куда ж без этого. Все-таки журнал «Аврора» комсомолки и комсомольцы читают, пусть думают, что **проституция – хорошее дело, молодое** (Алексей Моторов. Преступление доктора Паровозова (2013)).

Структурная близость двух фразеосхем делает возможной их контаминацию, как в примере (8):

(8) *Обменявшись со всеми приветствиями, отец Марины отвел ее и Германа чуть в сторону. – Я понимаю, ваше дело – молодое. Погуляйте, побеседуйте, я не буду вам докучать* (Андрей Ростовский. По законам волчьей стаи (2000)).

Итак, мы показали, что несколько фразеологизмов – речевых формул (в частности, *мое дело телячье, мое дело маленькое, мое дело сторона, дело молодое*) являются частными случаями реализации фразеосхем *PERS.P дело ADJ_P: P, PERS.P дело N_P, дело ADJ_P*. Заметно формальное и семантическое сходство между этими словосочетаниями, причем одни примеры реализации фразеосхем более идиоматичны, чем другие (*мое дело сторона vs. мое дело инструкция*). По нашему мнению, информация о подобных конструкциях должна содержаться во фразеологических словарях. Мы полагаем, что необходимо сближение словарей идиом [7; 12] или поговорок [8] с такими лексикографическими ресурсами, как, например, разрабатываемый в настоящее время «Русский конструктик» [13]. Конечно, при рассмотрении речевых формул и фразеосхем следует учитывать наличие свободных словосочетаний с похожей формой (например, *Он возмущился, заверил меня, что мое дело беспрюгрышное* (Геннадий Николаев. Вещие сны тихого психа // «Звезда», 2002)).

Список использованных источников

1. Шмелев, Д. Н. Современный русский язык. Лексика / Д. Н. Шмелев. – М. : Просвещение, 1977. – 335 с.
2. Pavlova, A. Und ob es Phraseologie ist! / A. Pavlova // C. Engel, I. Pohlan, S. Walter (Hg.). Russland übersetzen / Russia in Translation / Россия в переводе. Festschrift für Birgit Menzel. Berlin : Frank&Timme, 2020. – S. 117–132.
3. Баранов, А. Н. Аспекты теории фразеологии / А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский. – М. : Знак, 2008. – 646 с.
4. Русская грамматика. Том II. Синтаксис / гл. ред. Н. Ю. Шведова. – М. : Наука, 1980. – 714 с.
5. Mieder, W. Proverbs are never out of season: Popular wisdom in the modern age / W. Mieder. – New York; Oxford : Peter Lang, 1993. – 284 p.
6. Ковшова, М. Л. Лингвокультурологический анализ идиом, загадок, пословиц и поговорок: Антропонимический код культуры / М. Л. Ковшова. – М. : ЛЕНАНД, 2019. – 400 с.
7. Федоров, А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка / А. И. Федоров. – М. : Астрель: АСТ, 2008. – 828 с.
8. Мокиенко, В. М. Большой словарь русских поговорок / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. – М. : ЗАО «Олма Медиа Групп», 2007. – 784 с.
9. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.ruscorpora.ru>. – Дата доступа : 02.08.2020.
10. Телия, В. Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.
11. Михельсон, М. И. Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний. Посмертное издание / М. И. Михельсон. – СПб. : Типография Акц. Об. «Брокгауз и Ефрон», 1912. – 1046 с. + 103 с.
12. Аристова, Т. С. Словарь образных выражений русского языка / под ред. В. Н. Телия / Т. С. Аристова, М. Л. Ковшова, Е. А. Рысева, В. Н. Телия, И. Н. Черкасова. – М. : «Отечество», 1995. – 368 с.
13. Эндресен, А. А. Русский Конструктик: новый лингвистический ресурс, его устройство и специфика / А. А. Эндресен, В. А. Жукова, Д. Д. Мордашова, Е. В. Рахилина,

О. Н. Ляшевская // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам ежегодной международной конференции «Диалог» (Москва, 17 июня–20 июня 2020 г.). Вып. 19 (26). – М. : Изд-во РГГУ, 2020. – С. 241–255.

Abstract. The paper deals with several closely knit models of Russian phraseoschemata. Some of their implementations are usually regarded as idioms (e.g., *moë delo telâč'e*, *moë delo malen'koe*, *that is none of my business*); while some of those set phrases are more idiomatic than the others, similarity of their structure and figurative meaning is evident. The paper suggests that information on the phraseoschemata be included in dictionaries of idioms.

Keywords: phraseology, semantics, idioms, phraseoschemata.

УДК 811.161.1'373:398.91(4)

П. С. Завтрикова

ПРОВЕРБИАЛЬНАЯ ИДЕЯ «МИР МАЛ» В ЕВРОПЕЙСКОМ КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Аннотация. Статья посвящена вопросу общего и частного в языковой репрезентации представлений человека об окружающей действительности. Рассматривается реализация идеи о малом мире, зафиксированная в устойчивых выражениях. Анализируются иноязычные аналоги русской поговорки «мир тесен». Выявляются схожие для разных этносов представления о мире.

Ключевые слова: поговорка, устойчивое выражение, мир, этнос, европейское культурное пространство.

В связи с развитием лингвокультурологии все больше исследовательского внимания направляется на изучение этноспецифичных и общечеловеческих представлений отом или ином фрагменте окружающего мира. Сопоставительный подход становится одним из ведущих в языкознании и, по утверждению Е. И. Зиновьевой и Е. Е. Юркова, «дает нам возможность выявить общие и национально обусловленные способы членения языковой действительности носителями разных языков» [1, с. 58].

Профессор В. Н. Телия в своем хрестоматийном труде «Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты» выражает мысль о том, что «лингвокультурология призвана исследовать и описать взаимодействие языка и культуры не только и не столько в ее этнических формах <...>, сколько в формах национальной и общечеловеческой культур» [2, с. 216]. Выявление схожих представлений, отображенных в языковой картине мира разных народов, оказывается важной лингвистической задачей, поскольку оно позволяет делать выводы о сущностных характеристиках человеческого восприятия и тем самым дополняет объективный образ человека.

Нередко объектом сопоставительных исследований становятся устойчивые выражения, поскольку именно в них фиксируется коллективный человеческий опыт. Вопросу общего и частного в языковой репрезентации представлений об окружающей действительности посвящено значительное количество работ (Х. Вальтер и В. М. Мокиенко [3], О. Д. Добровольский [4], Л. Г. Золотых [5], Е. Е. Иванов [6], Н. Г. Мед [7], Е. В. Ничипорчик [8], Ю. А. Петрушевская [9] и многие другие).

Выраженная в пословицах и поговорках того или иного народа мысль о мире зачастую претендует на универсальность, подтвердить которую может наличие аналогичных по содержанию устойчивых выражений в паремиологических фондах иных этносов. Тезис о смысловом тождестве многих разноязычных устойчивых выражений не нов, тем не менее мы каждый раз удивляемся, когда сталкиваемся с фактами совпадения в разных национальных культурах представлений об окружающей действительности.

В центре нашего исследовательского внимания языковое выражение идеи малого мира в паремиологических единицах, принадлежащих разным этносам.

Всем носителям русского языка хорошо знакомо выражение *мир тесен*. Полагаем, что данная поговорка входит в ядро русского провербиального фонда, так как она отмечается во многих словарях [10; 11; 12; 13; 14; 15] и характеризуется сравнительно высокой частотностью фиксации в текстах Национального корпуса русского языка. Общее количество употреблений в текстах Основного корпуса данного ресурса – 90 единиц [16].

Поговорка фиксируется в словарях с пометой *разг.* и наделяется более или менее широким значением. Так, в «Большом словаре русских поговорок» В. М. Мокиенко и Т. Г. Никитиной приводится следующее толкование выражения *мир тесен*: ‘о неожиданной встрече знакомых’ [10, с. 403]. В «Большом толковом словаре русского языка» С. А. Кузнецова в статье о прилагательном *тесный* поговорка примыкает к третьему значению слова (‘состоящий из лиц или предметов, расположенных близко, вплотную друг к другу’) и истолковывается таким образом: ‘о неожиданно обнаружившихся обших знакомых, связях’ [11].

Ключевой характеристикой мира в случае употребления исследуемой поговорки становится наличие в нем неожиданных связей. Чаще всего имеются в виду межличностные связи, когда знакомые вдруг встречаются далеко от дома или выясняют, что третье лицо известно им обоим.

«Тесность» мира подтверждается социологами. Наиболее ярким примером научного обоснования «феномена тесного мира» («small world phenomenon») является экспериментально доказанная теория американского ученого С. Милгрэма, в настоящее время известная как «теория шести рукопожатий». В 1967 году социолог разослал выбранным случайным образом американцам шестьдесят писем одинакового содержания, в которых сообщалось, что данное письмо должно достигнуть определенного незнакомого человека в Бостоне, чей адрес неизвестен. Каждый из получателей должен был переслать письмо любому знакомому, который, по их мнению, мог помочь достигнуть конечного адресата. В итоге большинство писем пришли нужному человеку, причем в среднем за 5,5 пересылок [17].

В 2011 году «теория шести рукопожатий» была проверена при помощи крупнейшей социальной сети Facebook. По итогам совместного исследования университетов Корнелла и Милана, в ходе которого были проанализированы связи 721 миллиона пользователей, выяснилось, что количество «рукопожатий», связывающих незнакомцев, даже меньше шести и в среднем составляет 4,74 [18]. Как ни парадоксально, мир с населением более чем в семь миллиардов человек действительно оказывается «тесен», и раз в теории все люди знакомы в среднем посредством 4–5 других человек, то неудивительно, что обнаруживаются неожиданные связи.

Провербиальная идея тесного, малого мира отнюдь не этноспецифична. Как показало наше исследование, представление о тесном мире находит языковое выражение во многих национальных культурах. Иноязычные аналоги русской поговорки отмечаются во многих языках:

– польском: *świat jest mały* (‘мир мал’); варианты поговорки – *jaki ten świat mały / mały jest ten świat* [19]; близкой по значению является пословица *Góra z górą się nie zejdzie, a człowiek z człowiekiem – zawsze* (‘гора с горой не сойдется, а человек с человеком – всегда’) [20];

– словацком: *svet je obec* (‘мир – деревня’) [21];

– чешском: *svět je vesnice* (‘мир – деревня’) [21];

– английском: *it's a small world* (‘мир мал’); толкование: «said to show your surprise that people or events in different places are connected» (‘используется, чтобы показать

удивление, что люди или события в разных местах связаны’) [22]; в качестве аналога употребляется также поговорка *the world is a village* (‘мир – деревня’) [21];

– греческом: *ο κόσμος είναι πολύ μικρός* (‘мир очень мал’) [19];

– испанском: *el mundo es un pañuelo* (‘мир – носовой платок’); толкование: «se dice cuando se encuentra a alguien de improviso en un lugar inesperado o después de mucho tiempo, incluso años» (‘используется, когда кого-то вдруг встречают в неожиданном месте или спустя долгое время, даже годы’) [19];

– итальянском: *quant’è piccolo il mondo* (‘как мал мир’) / *il mondo è piccolo* (‘мир мал’) [11]; близкой по значению является поговорка *tutto il mondo è paese* (‘весь мир – деревня’); толкование: «per indicare la sostanziale uniformità di pregi, di difetti e di abitudini del genere umano, nonostante le diverse civiltà, o anche per affermare l’adattabilità a vivere in qualsiasi luogo» (‘используется для указания на существенное единообразие достоинств, недостатков, привычек человеческой расы, несмотря на различные цивилизации, или подтверждения приспособляемости к жизни в любом месте’) [23];

– каталанском: *el món és un mocador* (‘мир – носовой платок’) [19];

– немецком: *die Welt ist ein Dorf* (‘мир – деревня’); толкование: «sagt man, wenn man an einem weit entfernten Ort überraschenderweise jemanden Bekannten trifft; als wäre man in einem Dorf, begegnet man sich auf der Welt» (‘используется, когда вы неожиданно встречаетесь с кем-то, кого знаете, в отдаленном месте; как если бы вы были в деревне, вы встречаетесь в мире’); вариант поговорки – *die Welt ist klein* (‘мир мал’) [19, 21];

– нидерландском: *de wereld is klein* (‘мир мал’) [24];

– финском: *maailma on pieni* (‘мир мал’) / *maailma on ahdas* (‘мир тесен’) [25];

– французском: *le monde est petit* (‘мир мал’) [19];

– персидском: *کوه به کوه نرسد آدمی بآدمی رسد* (‘гора не достигает горы, человек достигает человека’) [19].

Недоступность многих иноязычных словарей пословиц и поговорок затрудняет сравнительный анализ устойчивых выражений, в которых фиксируются представления разных этносов о тесном мире. Вероятно, в гораздо большем количестве языков, в том числе не только индоевропейской семьи, можно найти аналоги исследуемой поговорки. Однако и приведенное разнообразие выражений позволяет прийти к некоторым выводам.

Наиболее распространенное представление о мире в исследуемых поговорках выражается посредством грамматического ядра, переводимого как *мир мал* (английский, греческий, итальянский, немецкий, нидерландский, польский, словацкий, финский, французский языки). В основу предикативного признака положена идея контраста, так как в пресуппозиции мир мыслится большим.

Русский вариант *мир тесен*, по всей видимости, семантически несколько отличается от своих иноязычных аналогов. Обозначение *тесен* не только подразумевает пространственную характеристику, но и включает в себе представление о связях внутри объекта. Обращает на себя внимание также тот факт, что финский словарь приводит оба прилагательных (в переводе – *малый, тесный*) как используемые в поговорке.

Интересно происхождение испанской поговорки *el mundo es un pañuelo* и ее каталанского эквивалента *el món és un mocador* (‘мир – носовой платок’) [19]. Одна из гипотез возникновения данного выражения трактует метафору о носовом платке как результат нанесения первых карт мира на ткань: «La gente de épocas pasadas quedaron maravilladas al ver que todo el mundo cabía en un pedazo de paño tan pequeño» (‘Люди былых времен были поражены, увидев, что весь мир мог уместиться в таком маленьком куске ткани’) [26].

Обособляется вариант поговорки, являющейся результатом сравнения мира с деревней (английский, итальянский, немецкий, чешский языки). Здесь также проявляется контраст между объективным размером мира относительно человека и субъективным ощущением этого размера. Неожиданные встречи и связи в мире обнаруживаются,

по мнению носителей языков с фиксацией такой поговорки, не реже, чем в деревне – пространстве и социуме гораздо более едином в сравнении с городом, страной или миром вообще.

Стоит отметить, что и в русскоязычной среде бытуют языковые формулы, в которых крупные цивилизационные образования сопоставляются с деревней. Известно выражение *Москва – большая деревня*, употребляемое, впрочем, чаще в пренебрежительном контексте (о культурном уровне горожан и стиле городской застройки), чем в нейтральной коннотации (в качестве реакции на внезапную встречу) [27].

Метафора о деревне встречается не только в народных представлениях, но и в научной литературе. Культуролог М. Маклюэн в 1960-е годы разработал концепцию «глобальной деревни» (англ. *global village*) как новой формы социальной организации постиндустриального общества: «Центральное место в новой форме социальной организации, с точки зрения М. Маклюэна, занимают электронные медиасистемы» [28, с. 39]. Общение в медийном пространстве действительно становится ведущим в мире и, ввиду своей простоты и скорости, делает людей ближе друг к другу. Исследователь В. Л. Колесниченко, осмысляя теорию М. Маклюэна, пишет, что «глобализация коммуникаций, связывая людей во всем мире, приведет к созданию единого коммуникационного пространства и превратит нашу планету в одну “глобальную деревню”» [29, с. 44].

В персидской и польской пословицах, близких по значению поговорке *мир тесен* и примерно переводимых как *Гора с горой не сойдется, но человек с человеком всегда [сойдутся]*, подчеркивается идея о неограниченности человеческих возможностей и неразрывности межличностных связей. Отметим, что эта пословица также фиксируется в словарях устойчивых выражений русского языка [15, 30]. Носители языка употребляют данное выражение, желая подчеркнуть, что «планета наша довольно мала, а значит, люди всегда имеют возможность встретиться» [15, с. 109].

Пословичный материал показывает, что удивление людей, вызываемое внезапными встречами или связями, получает в разных языках схожее выражение. Представители разных культур зачастую осмысливают подобные случайности не как результат их индивидуальной удачи, а как свойство мира и свидетельство его «тесноты», единства. Трудно судить о том, когда в сознании людей возник образ тесного мира, когда он был закреплен в устойчивом языковом выражении, автономно ли получила провербиальное выражение в культурах народов идея малого мира или межъязыковые корреляты имели общий первоисточник. Однако очевидно, что схожесть представлений о мире, даже выраженная в частной языковой единице, указывает на наличие общечеловеческих закономерностей в восприятии действительности и позволяет говорить о наднациональной общности людей, живущих на планете.

Список использованных источников

1. Зиновьева, Е. И. Лингвокультурология: теория и практика / Е. И. Зиновьева, Е. Е. Юрков. – СПб. : ООО «Издательский дом «МИРС», 2009. – 291 с.
2. Телия, В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.
3. Вальтер, Х. Национальное и интернациональное в славянской фразеологии: различие в едином / Х. Вальтер, В. М. Мокиенко // Национальное и интернациональное в славянской фразеологии : XV Междун. съезд славистов (20–27 августа 2013 г., Минск, Беларусь) : Nationales und Internationales in der slawischen Phraseologie / H. Walter, V. M. Mokienko (Hrsg.). – Greifswald : Ernst-Moritz-Universität Greifswald. Institut für Slavistik, 2013. – С. 1–18.
4. Добровольский, Д. О. Сопоставительная фразеология: межъязыковая эквивалентность и проблемы перевода идиом / Д. О. Добровольский // Русский язык в научном освещении. – 2011. – № 2 (22). – М. : Языки славянских культур, 2011. – С. 219–246.

5. Золотых, Л. Г. Национальная специфика концептов, вербализуемых фразеологическими единицами / Л. Г. Золотых // Аксиологическая лингвистика: проблемы изучения культурных концептов и этносознания : сб. науч. тр. / под ред. Н. А. Красавского. – Волгоград : «Колледж», 2002. – С. 89–95.
6. Иванов, Е. Е. Сравнительная типология фразеологии английского и белорусского языков (актуальность, методология, перспективы исследования) / Е. Е. Иванов, Ю. С. Зверева, А. Н. Шестернева // Восточнославянские языки и литературы в европ. контексте – 2015 : сб. науч. ст. ; под ред. Е. Е. Иванова. – Могилев : МГУ им. А. А. Кулешова, 2016. – С. 164–168.
7. Мед, Н. Г. Ассоциативные стандарты в испанской и русской оценочной картине мира (на материале лексики и фразеологии) / Н. Г. Мед // Вестник СПбГУ. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. – 2008. – Вып. 3. – Ч. II. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 2008. – С. 201–203.
8. Ничипорчик, Е. В. Отражение ценностных ориентаций в паремиях / Е. В. Ничипорчик ; М-во образования РБ, Гом. гос. ун-т им. Ф. Скорины. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2015. – 358 с.
9. Петрушевская, Ю. А. Универсальное и национальное в паремиологической системе языка (на материале английского и белорусского языков) / Ю. А. Петрушевская // Даследаванні па германскай і славянскай філалогіі = Acta Germano-Slavica : зб. навук. артыкулаў ; пад рэд. Я. Я. Іванова. – Магілёў : МДУ ім. А. А. Куляшова, 2015. – Вып. 6. – С. 213–216.
10. Мокиенко, В. М. Большой словарь русских поговорок / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. – М. : ОЛМА Медиа Групп, 2007. – 784 с.
11. Большой толковый словарь русского языка / под. ред. С. А. Кузнецова [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://gufo.me/dict/kuznetsov/тесный>. – Дата доступа : 13.09.2021.
12. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/278012>. – Дата доступа : 13.09.2021.
13. Фразеологический словарь русского литературного языка / А. И. Федоров [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://gufo.me/dict/fedorov/мир_тесен. – Дата доступа : 13.09.2021.
14. Большой словарь крылатых слов русского языка / В. П. Берков, В. М. Мокиенко, С. Г. Шулежкова. – М. : Русские словари, Астрель, АСТ, 2005. – 624 с.
15. Большой толковый уникальный иллюстрированный словарь для детей. Фразеологизмы. Пословицы и поговорки. Афоризмы и крылатые слова / авторы-составители С. В. Волков, С. Н. Зигуненко, С. В. Истомин ; худож. А. И. Артюх, Д. А. Мелких, Т. А. Ляхович и др. – М. : Восток-Запад, 2012. – 254, [2] с. : ил.
16. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://ruscorpora.ru>. – Дата доступа : 12.09.2021.
17. Евин, И. А. Тесный мир искусства и культуры / И. А. Евин [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://ethicsart.ru/p180>. – Дата доступа : 17.09.2021.
18. Facebook проверил теорию шести рукопожатий / [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://dev.by/news/facebook-proveril-teoriyu-shesti-rukopozhatiy>. – Дата доступа : 17.09.2021.
19. Refranero Multilingüe [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://cvc.cervantes.es/lengua/refranero>. – Дата доступа : 11.09.2021.
20. Przysłowia polskie [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://przyslowia-polskie.pl/przyslowie/509,gora-z-gora-sie-nie-zejdzie-a-czlowiek-z-czlowikiem-zawsze>. – Дата доступа : 11.09.2021.
21. Die Welt ist ein Dorf – Wiktionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://de.wiktionary.org/wiki/die_Welt_ist_ein_Dorf. – Дата доступа : 11.09.2021.
22. It's a small world | meaning in the Cambridge English Dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/it-s-a-small-world>. – Дата доступа : 11.09.2021.
23. Boggione, V. Dizionario dei proverbi. I proverbi italiani organizzati per temi / V. Boggione, L. Massobrio. – Torino : UTET, 2007. – 654 p.
24. Russisch-Nederlands Universal Dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://translate.academic.ru>. – Дата доступа : 12.09.2021.
25. Русско-финский новый словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://new_ru_fi.en-academic.com. – Дата доступа : 12.09.2021.

26. ¿Cuál es el origen de la expresión ‘el mundo es un pañuelo’? [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://blogs.20minutos.es/yaestaellistoquetodolosabe/cual-es-el-origen-de-la-expresion-el-mundo-es-un-panuelo>. – Дата доступа : 17.09.2021.

27. Прозвища Москвы | Яндекс Дзен [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://zen.yandex.ru/media/urpguide/prozvisca-moskvy-pochemu-moskva--bolshaia-derevnia-i-port-5-morei-kak-mestnye-i-provincialy-nazyvaiut-gorod-5e4038-e2cfae456d3d73b1ae>. – Дата доступа : 14.09.2021.

28. Карнаушенко, Л. В. «Глобальная деревня» как новая форма социальной организации постиндустриального общества и фактор угрозы государственному суверенитету / Л. В. Карнаушенко // *Философия права*. – 2016. – № 2 (75). – Ростов : Изд-во ФГКОУ ВО «РЮИ МВД России», 2016. – С. 38–41.

29. Колесниченко, В. Л. Медийная концепция М. Маклюэна – методологическая основа канадского медиаобразования / В. Л. Колесниченко // *Медиаобразование и медиакомпетентность: слово экспертам* / под ред. А. В. Федорова. – Таганрог : Изд-во Таганрог. гос. пед. ин-та, 2009. – С. 42–48.

30. Михельсон, М. И. Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии : Сборник образных слов и иносказаний [Электронный ресурс] / М. И. Михельсон. – Режим доступа : https://dic.academic.ru/dic.nsf/michelson_new/2062/гора. – Дата доступа : 17.09.2021.

Abstract. The article is devoted to the question of general and particular in the linguistic representation of a person’s ideas about the surrounding reality. The implementation of the idea of a small world, fixed in regular expressions, is considered. The foreign language analogs of the Russian proverb «small world» are analyzed. Ideas about the world that are similar for different ethnic groups are revealed.

Keywords: proverb, saying, world, ethnos, European cultural space.

УДК 811.161.1’374.2:398.92

Е. И. Зыкова

ШКОЛЬНЫЙ СЛОВАРЬ КРЫЛАТЫХ СЛОВ РУССКОГО ЯЗЫКА (опыт составления)

Аннотация. Статья представляет собой полное описание основных принципов «Школьного словаря крылатых слов русского языка», входящего в серию фразеологических словарей для школьников, которая составляется на филологическом факультете СПбГУ. Одним из главных принципов формирования словника и определения структуры словаря стала его ориентированность на адресата: учащихся русских школ, колледжей, учителей среднего образования. Для отбора крылатых слов авторы ориентировались на результаты экспериментального анкетирования школьников старших классов и студентов из разных регионов России.

Ключевые слова: русистика, фразеология, крылатика, фразеология языка писателей, крылатые слова.

История лексикографической обработки крылатых слов (далее – КС) достаточно хорошо известна. Жанр словарей крылатых слов уже более ста лет популярен в России. Достаточно вспомнить словарь М. И. Михельсона [1], справочник «Крылатые слова» С. В. Максимова [2], словари Н. С. Ашукина и М. Н. Ашукиной [3], В. П. Беркова, В. М. Мокиенко, С. Г. Шулежковой [4].

В русской лексикографической практике описания крылатых слов прочно закрепился алфавитный принцип расположения материала, начиная со «Словаря крылатых слов» Ашукиных [3]. Такой же принцип положен в основу «Большого словаря крылатых слов» [4], «Словаря крылатых выражений из области искусства» [5], «Словаря жи-

вых крылатых выражений русского языка» Ю. П. Князева [6], а также в структуру двуязычных словарей: украинско-русского словаря крылатых слов [7] и польско-русского [8].

Во фразеологическом семинаре под руководством профессора В. М. Мокиенко Санкт-Петербургского государственного университета был разработан принцип лексикографического описания крылатых слов по стержневому слову. Стержневой подход позволяет более компактно описывать ассоциативные гнезда крылатых слов, что позволяет не дублировать лексические и историко-этимологические комментарии в разных местах словаря. Данный структурный метод был апробирован в Больших словарях половиц, поговорок и устойчивых сравнений [9; 10], а также в кратком словаре-справочнике крылатых слов, который вышел в серии «Давайте говорить правильно» [11].

Представляемый проект «Школьного словаря крылатых слов русского языка», с одной стороны, продолжает традиции лексикографирования крылатых слов, а также серию фразеологических словарей для школьников, которая составляется фразеологической группой В. М. Мокиенко. Так, уже два издания выдержал «Школьный словарь живых русских поговорок» [12].

С другой стороны, авторы представляемого проекта В. М. Мокиенко, Е. И. Зыкова и О. В. Ломакина положили в основу структуры «Школьного словаря» принцип расположения материала по источнику крылатых слов, что позволило сформировать 4 больших раздела: античные КС, библеизмы, фольклоризмы и крылатые слова и выражения, источниками которых стала художественная литература.

При отборе материала мы под крылатыми словами и выражениями понимали образно-экспрессивные лексические, фразеологические и афористические единицы разного структурного типа, вошедшие в язык из определенных литературных, исторических, культурологических источников [12, с. 15].

Как и в словаре серии «Давайте говорить правильно!», в данном проекте представлены все основные разновидности КС:

- собственно КС (*Отелло, Обломов, Кащей, Квзимодо, Нарцисс*);
- КС-идиомы (*камень преткновения, авгиевы конюшни*);
- КС-половицы (*Кто не с нами, тот против нас*);
- КС афористического характера (*Привычка – вторая натура. Природа не терпит пустоты*);
- КС-цитаты, литературные сентенции (*Минуй нас пуще всех печалей и барский гнев, и барская любовь*).

Главным принципом формирования словника и определения структуры словаря стала его ориентированность на адресата: учащихся русских школ, колледжей, учителей среднего образования. Этим обстоятельством объясняется и тот факт, что последний раздел – КС из художественной литературы – является самым многочисленным, так как словник включает в себя крылатые слова из произведений, входящих в программу общеобразовательной средней школы РФ и прежде всего в курс русской литературы.

По этой причине в разделе литературных цитат выделены 5 подразделов: КС из древнерусской литературы, из русской литературы 18 века, 19 и 20 веков, а также КС из произведений зарубежной литературы.

Статистика распределения крылатых слов по разделам и подразделам выглядит следующим образом:

1. Литературные цитаты:
 - из древнерусской литературы – 4 единицы;
 - из русской литературы 18 века – 28 единиц;
 - из русской литературы 19 века – 644 единицы;
 - из русской литературы 20 века – 293 единицы;
 - из зарубежной литературы – 198 единиц.

2. Античные крылатые слова – 217 единиц.
3. Библизмы – 213 единиц.
4. Фольклорные крылатые слова – 62 единицы.

Таким образом, в настоящее время корпус словаря насчитывает более 1 600 единиц.

Внутри каждого из подразделов выделены гнезда авторов литературных произведений, ставших источниками КС, а библейские, фольклорные и античные КС расположены одним списком, но по стержневому принципу.

Данный принцип структуры словаря предполагается разумным с учетом его конкретного адресата – школьников. Он должен облегчить школьникам поиск нужного выражения, сконцентрированно предоставить информацию о культурном наследии изучаемого писателя, к которому, несомненно, относятся крылатые слова и выражения, а также расширить знания молодого поколения в области изучения языка писателя, с творчеством которого они знакомятся на уроках литературы.

В связи с этим список авторов – источников КС определялся строго в соответствии с Государственным стандартом по русской литературе для среднего образования РФ. В словарь включены 93 автора.

Самым цитируемым в России автором является А. С. Пушкин, поэтому в нашем словаре он занимает первое место по количеству включенных в словарь цитат: 217. Это лишь малая толика по сравнению с 3000 пушкинскими цитатами, входящими в «Школьный словарь крылатых выражений Пушкина».

Второе место по количеству представленных КС в ряду писателей занимают А. С. Грибоедов – 75 выражений и В. В. Маяковский – 73 выражения, затем Н. В. Гоголь – 67 единиц, И. Ильф и Е. Петров – 47, И. А. Крылов – 46, В. Шекспир – 32 КС.

Еще одним принципом формирования словника был принцип частотности, т. е. в словарь включены единицы, которые не только восходят к произведениям, изучаемым в средней школе, но и наиболее активно употребляются. Поэтому одним из важных критериев отбора КС в словник было количество их употреблений как в языке художественной литературы, так и в языке СМИ, о чем наглядно свидетельствуют контекстные иллюстрации, включенные в словарную статью.

Структура словарной статьи повторяет ту, что представлена в маленьком словаре серии «Давайте говорить правильно». В вокабулу выведено стержневое слово, далее само крылатое слово, затем стилистическая помета, потом дефиниция и этимологический комментарий. Но в отличие от данного словаря в статью включены 5 контекстов из художественной литературы и современной публицистики, что продолжает серию Школьных словарей [12].

Отдельным знаком ** отмечены контексты с использованием КС в трансформированном виде.

Аналогично с предыдущими словарями указывается грамматическая характеристика КС, например, управление.

Для крылатых выражений, структура которых представляет собой словосочетание, в круглых скобках указаны лексические варианты. Например: *Благими (добрыми) намерениями ад вымощен; ни [одного] дня без строчки (черты, линии).*

Кроме того, выделяются и факультативные компоненты или части цитат, которые нередко опускаются при употреблении данного КС, они приведены в квадратных скобках. Например: *Блажен, кто смолodu был молод [блажен, кто вовремя созрел] или Ешь ананасы, рябчиков жуй! [день твой последний приходит, буржуй!].*

В словаре используются два типа помет, которые уже были апробированы в вышеуказанных словарях крылатых слов. Это пометы из сферы функционирования данного выражения (*разг., прост., книжн., фольк., устар.*) и пометы эмоционально-экспрессивной окраски (*шутл., ирон., одобр., высок.*).

Вопрос о дефиниции КС достаточно сложен, что объясняется прежде всего их широким структурно-синтаксическим диапазоном: от отдельного слова до развернутой цитаты-афоризма. Типология дефиниций крылатых слов и выражений, представленная в данном проекте, была описана в предисловии к краткому словарю-справочнику крылатых слов из серии «Давайте говорить правильно» [11, с. 16–18]. Она такова:

1. Толкование крылатых слов-лексем соотносится с толкованием лексики, например: *ИВАНУШКА-ДУРАЧОК*. Пренебр. О наивном, непрактичном, крайне доверчивом, но справедливом и сообразительном в случае необходимости человеке.

ЕХИДНА. Злой, язвительный и коварный человек.

ОБЛОМОВ. Неодобр. О ленивом, праздном и апатичном человеке.

2. Дефиниции крылатых выражений-словосочетаний фразеологического типа сопоставимы с толкованием разного рода фразеологизмов, например:

КРАСНОКОЖАЯ ПАСПОРТИНА. Публ. прост. О советском паспорте.

МОЛОТКАСТЫЙ, СЕРПАСТЫЙ СОВЕТСКИЙ ПАСПОРТ. Публ. Употребляется как образное описание паспорта гражданина СССР.

ЛЬВИНАЯ ДОЛЯ чего. Книжн. Большая и лучшая часть чего-л.

3. Дефиниции синтаксически законченных крылатых фраз с афористическим обобщением и без него соизмеримы с толкованиями коммуникативных сочетаний, например:

А БЫЛ ЛИ МАЛЬЧИК? Шутл. А было ли что-л., о чем говорят, что обсуждают? или с толкованиями афоризма, например:

ЕСТЬ ЖЕНЩИНЫ В РУССКИХ СЕЛЕНЬЯХ... Одобр. или шутл. Употребляется как характеристика необыкновенности русских женщин.

МЫ ВСЕ ВЫШЛИ ИЗ ГОГОЛЕВСКОЙ «ШИНЕЛИ». Книжн. или публ. Употребляется как образное описание влияния Н. В. Гоголя на развитие русской литературы и преемственность этой традиции; расширительно – о преемственности литературной традиции вообще.

4. Дефиниции синтаксически законченных крылатых выражений с обобщенно паремнологическим значением соотносимы с толкованием пословиц, например:

КОГО БОГ (ЮПИТЕР) ХОЧЕТ ПОГУБИТЬ (НАКАЗАТЬ, ПОКАРАТЬ), ТОГО ОН ЛИШАЕТ РАЗУМА. Посл. книжн. Потеря рассудка – самое страшное наказание для человека.

НЕЛЬЗЯ ДВАЖДЫ ВОЙТИ В ОДНУ И ТУ ЖЕ РЕКУ (ВОДУ). Посл. книжн. Невозможно абсолютно точное и полное повторение чего-л.

5. Дефиниции синтаксически законченных крылатых фраз вопросительного или восклицательного типа соотносятся с толкованием соответствующих фразеологических коммуникантов, например:

БА! ЗНАКОМЫЕ ВСЕ ЛИЦА! Обычно шутл. 1. Выражение удивления при неожиданной встрече с людьми, которых не рассчитывал встретить. 2. Выражение удивления в случаях, когда обнаруживают, что работа, теория, идеи, аргументы и т. п., выдаваемые за новые, оказываются на самом деле старыми и хорошо известными.

Основной частью словарной статьи является историко-этимологический комментарий об исходном источнике крылатого слова или выражения, их авторе. При этом для авторской цитаты указывается точно произведение и дата его написания, а в некоторых случаях, особенно для поэтических цитат, приводится авторский контекст-источник данного КС, например:

КЛЯЧА ИСТОРИИ. Выражение из первой строфы стихотворения В. В. Маяковского «Левый марш» (1918):

*Довольно жить законом,
данным Адамом и Евой.*

Клячу истории загоним.

Левой! Левой! Левой!

Для некоторых единиц дается указание на исходную языковую принадлежность, при заимствовании – на языковой источник.

Например: *ИСТИНА В ВИНЕ*. Книжн. часто шутил.-ирон. Цитируется также по-латыни: *In vino veritas*. Слова Плиния Старшего (*Естественная история*, 14, 28, 22).

В некоторых случаях приводится развернутый комментарий с указанием всех вариантов вторичного цитирования КС, например:

И ДЫМ ОТЕЧЕСТВА НАМ СЛАДОК И ПРИЯТЕН. Посл. книжн. иногда ирон. *Восходит к латинской пословице Et fumus patriae dulcis; Dulcis fumus patriae* (букв. *И дым отечества сладок; Дым отечества сладок*). Аналогичные изречения встречаются в античной литературе – напр., в “*Одиссее*” Гомера: “...*Видеть хоть дым, от родных берегов вдалеке восходящий...*” (1, 56-58) или у Овидия (“*Понтийские послания*” (1, 3, 33): “...*чтоб мог увидеть дым отечественного очага*”. В русском языке пословица появляется, видимо, в 70-е гг. XVIII в., когда в России увеличивается интерес к античности. Она приводится в разных вариациях Державиным (стихотворение “*Арфа*” – 1798), Вяземским, Батюшковым. Крылатой она стала в русском литературном языке благодаря употреблению в комедии “*Горе от ума*” А. С. Грибоедова (д. 1, явл. 7 – 1824).

Одним из основных отличий данного словаря, кроме его явной ориентированности на адресата – школьников, является наличие контекстных иллюстраций, что позволяет создать достаточно полную картину реального функционирования крылатых слов и выражений в современном русском языке, показать их культурологический и коннотативный потенциал.

В словарную статью включены пять контекстов. Отдельным знаком ** отмечены контексты с использованием КС в трансформированном виде.

Источниками контекстов послужили произведения современной художественной литературы, материалы СМИ, в том числе и Интернет-ресурсы.

Для расширения диапазона использования словаря в конце приводится список всех крылатых слов и выражений в алфавитном порядке, а также список авторов данных КС. Это поможет и учителю, и школьнику легче ориентироваться в нем.

Список использованных источников

1. Михельсон, М. И. Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний / М. И. Михельсон. – Т. 1 : А–О. – СПб, 1902; Т. 2 : П–V. – СПб., 1903.
2. Максимов, С. В. Крылатые слова / С. В. Максимов. – М. : Терра, 1995. – 512 с.
3. Ашукин, Н. С. Крылатые слова. Литературные цитаты, образные выражения / Н. С. Ашукин, М. Г. Ашукина. – 4-е изд., доп. – М. : Худож. лит-ра, 1987. – 527 с.
4. Берков, В. П. Большой словарь крылатых слов / В. П. Берков, В. М. Мокиенко, С. Г. Шулежкова. – М. : Рус. словари, 2000. – 624 с.
5. Шулежкова, С. Г. Словарь крылатых выражений из области искусства : более 1000 крылатых выражений / С. Г. Шулежкова. – М. : Азбуковник и др., 2003. – 427 с.
6. Князев, Ю. П. Словарь живых крылатых выражений русского языка : около 4000 крылатых выражений / Ю. П. Князев. – М. : АСТ : Астрель, 2010. – 793 с.
7. Дядечко, Л. П. Новое в русской и украинской речи: крылатые слова – крилаті слова (материалы для словаря) : учеб. пособие : в 4 ч. / Л. П. Дядечко. – Киев : Комп'ютерпрес, 2003.
8. Chlebda, W. Rosyjsko-polski słownik skrzydlatych stów / W. Chlebda, V. M. Mokienko, S. G. Szuleżkova. – Łask, 2003. – 459 с.
9. Мокиенко, В. М. Большой словарь русских поговорок : более 40 000 образных выражений / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. – М. : ОЛМА Медиа Групп, 2013. – 783 с.
10. Мокиенко, В. М. Большой словарь русских пословиц : около 70000 пословиц / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина, Е. К. Николаева. – М. : ОЛМА Медиа Групп, 2010. – 1023 с.

11. Зыкова, Е. И. Давайте говорить правильно! Крылатые слова в современном русском языке: Краткий словарь-справочник / Е. И. Зыкова, В. М. Мокиенко. – СПб. : Академия, Филологический факультет СПбГУ, 2006. – 356 с.

12. Ермолаева, Ю. А. Школьный словарь живых русских пословиц / Ю. А. Ермолаева, А. А. Зайнульдинов, Т. В. Кормилицына, В. М. Мокиенко, Е. И. Селиверстова, Н. Е. Якименко. – СПб. : Астрель: АСТ, 2007. – 352 с.

Abstract. The article is a complete description of the basic principles of the “School Dictionary of the winged words of the Russian language”, which is part of a series of phraseological dictionaries for schoolchildren, which is compiled at the Faculty of Philology of St. Petersburg State University. One of the main principles of forming the vocabulary and determining the structure of the vocabulary has become its focus on the addressee: students of Russian schools, colleges, teachers of secondary education. To select winged words, the authors relied on the results of an experimental survey of senior schoolchildren and students from different regions of Russia.

Keywords: Russian studies, phraseology, winged words, phraseology of the language of writers, winged words.

УДК 811.161.1'42:398.92:791-5

И. В. Зыкова

ФРАЗЕОЛОГИЯ В КОНСТРУИРОВАНИИ КИНЕМАТОГРАФИЧЕСКОЙ ОБРАЗНОСТИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Аннотация. Исследование направлено на развитие теории лингвокреативности посредством изучения креативных возможностей фразеологических единиц в построении кинематографических тропов. В работе анализируются фильмы отечественных и зарубежных кинорежиссеров разных периодов, жанров и направлений. Особое внимание уделяется разработке таких понятий, как «поэтика кинодискурса», «лингвокреативность», «кинематографический троп», «кинематографическая постанова фразеологизма». Выделяются основные типы вербально обусловленных кинотропов. Вырабатывается пошаговый алгоритм анализа кинеметонимий и кинеметафор, основанных на фразеологических единицах.

Ключевые слова: лингвокреативность, фразеологизм, кинематографический троп, поэтика кинодискурса.

В настоящей статье мы обращаемся к рассмотрению особого способа креативного функционирования фразеологических единиц, под которым имеется в виду их использование в качестве основы или источника для создания кинематографической образности. Наше исследование проводится в русле такого активно развивающегося сегодня научного направления, как поэтика кино. Кратко осветим специфику этого направления и представим ключевые понятия проводимого нами исследования, позволяющие изучить потенциал фразеологизмов в лингвокреативном моделировании кинодискурса.

Начало формирования поэтики кино было положено в 1927 году, когда выходит в свет сборник статей «Поэтика кино», подготовленный представителями и сторонниками формализма и посвященный актуальным проблемам седьмого искусства (по Р. Канудо) – искусства кино. В сборник вошли работы Б. М. Эйхенбаума, Ю. Н. Тынянова, Б. В. Казанского, А. И. Пиотровского, В. Б. Шкловского, Р. О. Якобсона и др. Тематика статей указывает на целевую направленность этого издания – осмыслить природу кинопроизведения, выявить его отличительные особенности, разработать язык кино, предложить систему новых поэтических приемов и методов построения многомерной художественной реальности кинофильма. Идеи и концепции авторов сборника «Поэтика кино» послужили фундаментальной основой для формиро-

вания со временем новых междисциплинарных подходов к изучению кино, активное становление и развитие которых приходится на вторую половину XX–начало XXI вв. В настоящее время данные подходы образуют целостное трансдисциплинарное направление – поэтику кино (см., например, [1; 2]).

Принимая во внимание накопленный в поэтике кино опыт изучения кинопроизведений, в своем исследовании мы обращаемся к анализу роли вербальной модальности в создании кинематографической образности, в частности к проблеме использования фразеологизмов как оснований порождения кинематографических тропов, в ходе которого раскрываются их (т. е. фразеологизмов) креативные возможности (см. также о различных неконвенциональных способах использования фразеологических единиц в [3; 4]). В исследование вводится в качестве основополагающего понятие «поэтика кинодискурса» и разрабатывается его дефиниция. Под **поэтикой кинодискурса** нами понимается «совокупность разного рода художественных принципов, приемов, стратегий и средств, направленных на построение кинематографического дискурса как специфической по своей природе (т. е. многомерной, полимодальной, поликодовой, мультиканальной, виртуальной) кинематографической (художественной) реальности, существующей в фикциональном пространстве и времени и отражающей определенную концепцию мира (или определенное мировоззрение, определенную идеологию)» [5, с. 115].

Во многих современных исследованиях отмечается, что в процессе конструирования художественной реальности кино (*fictionalization*) происходит своеобразная, творчески осознанная и эстетически осмысленная «интеракция» разных видов образности – вербальной, визуальной (или зрительной), аудиальной (или звуковой) и кинетической. Создаваясь посредством соответствующих средств и приемов, данные виды совокупно формируют особый род образности – **образность кинематографическую**. При этом сопряжение и взаимосвязь вербальной, визуальной, аудиальной и кинетической образности в кино обладают определенной исторической динамикой и зависят от определенного направления в киноискусстве и киножанра, в рамках которых производится фильм. С учетом этого, в своем исследовании мы обратились к изучению кинопроизведений разных направлений и жанров игрового кино. В качестве основного материала были отобраны отечественные кинокомедии, вышедшие с 1960-х по 2020-е годы, т. е. в течение шести периодов, каждый из которых представляет собой отдельный этап развития отечественного кинематографа (например, кинокомедии «Полосатый рейс», «Три плюс два», «Кин-дза-дза», «Небеса обетованные», «Приходи на меня посмотреть», «Артистка», «Холоп»). Общий объем основного киноматериала составляют 44 кинокомедии, общая продолжительность которых 73 часа. Кроме того, для изучения указанной выше проблематики к исследованию привлекаются фильмы таких кинорежиссеров, как Андрей А. Тарковский, Вуди Аллен, Альфред Хичкок, Ингмар Бергман, Федерико Феллини, Питер Гринуэй. Таким образом, в фокусе нашего внимания находятся, с одной стороны, фильмы, принадлежащие к так называемому киноейнстриму и ориентированные на массового зрителя, а с другой стороны, – фильмы, относящиеся к такому направлению, как авторское или поэтическое кино и не рассчитанные на широкую аудиторию.

Наше исследование вербальных (фразеологических) источников кинематографической образности базируется на совокупности накопленного теоретико-методологического опыта в области изучения ряда феноменов, среди которых наибольшей значимостью для настоящей работы обладает кинематографический троп.

Стоит отметить, что понятие «кинематографический троп» (*cinematic trope*) коррелирует с понятием «кинематографический образ» и по-разному определяется в современной научной литературе. К примеру, основываясь на понятии тропа Х. Уйта и идеи практики М. Фуко, А. Прохоров считает, что (кинематографические) тропы «создают операционные системы, порождающие смыслы и ценности, необходимые для поддержания существующей в обществе модели экономического производства» [6, с. 40].

В своем исследовании мы исходим из понимания **кинематографического тропа** как основного конститутивного элемента поэтики кинодискурса, представляющего собой сложно организованную динамическую полимодальную единицу, посредством которой формируется образно-содержательный план кинопроизведения и реализуются его основные художественно-эстетические и прагматические задачи.

Существуют различные подходы к типологии кинематографических тропов, отличающиеся, главным образом, по количеству выделяемых основных тропов и их разновидностям (см., например, [6; 7]). К числу наиболее распространенных относится типология, в которой выделяют два кинематографических тропа – кинематографическую метафору, или кинометафору, и кинематографическую метонимию, или кинометонию (о возможности выделения других тропов – киногоиперболы, кинолитоты, киноиронии и т. д. – см., например, [8; 9]).

Предпринятое нами исследование позволило, прежде всего, определить в исследуемых кинопроизведениях и проанализировать одну из основных разновидностей кинематографических тропов – вербально обусловленные кинотропы, среди которых были разграничены кинометафоры и кинометонимии. Одним из источников выявленных нами кинотропов являются фразеологические единицы. О том, что важным ресурсом кинематографической образности выступают устойчивые словесные метафоры, писали еще основатели теории киносемантики. Так, Б. М. Эйхенбаум утверждал, что «материалом для кинометафор могут служить только ходячие словесные метафоры» [10, с. 52]. Для демонстрации этого утверждения Б. М. Эйхенбаум приводит кинометафору, образованную на базе фразеологизма *смотреть сверху вниз на кого-либо* («относиться к кому-либо свысока, пренебрежительно; вести себя высокомерно» [11]) в фильме «Шинель», описывая ее следующим образом: «...в сцене между Акакием Акакиевичем и “значительным лицом” меняются ракурсы снизу, когда Акакий Акакиевич смотрит на “значительное лицо”, и сверху, когда “значительное лицо” кричит на Акакия Акакиевича» [10, с. 52].

Как показало исследование, фразеологизмы, лежащие в основе выявленных кинематографических тропов, имеют разную форму презентации. Они могут быть представлены только аудиовизуальным рядом (см. пример 1, рис. 1), а также могут произноситься и / или быть написаны (см. пример 2, рис. 2). Рассмотрим примеры разных форм представления фразеологизмов, составляющих основу построения кинометонимии и кинометафоры.

Пример 1. На рис. 1 представлены несколько кадров из советской кинокомедии «Семь няnek» (Р. Быков, 1962), изображающих первую встречу двух киноперсонажей – Павла (Валентин Буров) и Аллы (Вера Майорова). Первое и случайное знакомство молодых людей происходит в общежитии часового завода, куда приходит Алла в поисках Афанасия Полосухина – трудного подростка, которого Павел и его друзья взяли на перевоспитание из детской колонии.

Рисунок 1 – Кадры из фильма «Семь няnek»

Посредством ряда кинематографических приемов – крупных планов, смены перспективы и ракурсов съемки – создается кинометонимия, в основе которой лежит фразеологическая единица *с первого взгляда (влюбиться)* со значением ‘сразу же (влюбиться)’ [11]. Данная фразеологическая единица не произносится в фильме, однако по мере просмотра всего эпизода она без труда реконструируется кинореципиентом. Благодаря определенному взаимодействию визуального, кинетического и аудиального (музыкального) рядов становится очевидно, что внезапное чувство влюбленности при первом знакомстве возникает у молодого человека. Согласно позиции У. Эко, созданный в фильме кинематографический троп можно охарактеризовать как визуальное воспроизведение хорошо знакомой кинозрителю и легко распознаваемой им в фильме языковой единицы [12]. Придерживаясь же разрабатываемого в нашем исследовании подхода, мы считаем, что создание данной кинометонимии и многих других кинематографических тропов представляет собой кинематографическую постановку (или инсценировку) фразеологизма (см. подробнее в [13]).

Пример 2. В качестве примера кинематографического тропа, созданного на базе фразеологизма, который не только произносится, но и является ключевым элементом в его (т. е. кинотропа) вербальной структуре, служит эпизод из кинокомедии «Добро пожаловать, или Посторонним вход воспрещен!» (Э. Климов, 1964). В данном эпизоде раскрывается воображаемая главным киноперсонажем Костей Иночкиным (Виктор Косых) ситуация того, что произойдет с его бабушкой, когда она узнает, что за нарушение дисциплины его выгнали из детского лагеря. На рис. 2 даны несколько кадров разворачивающейся в ходе показа фильма кинометафоры, источником которой выступает фразеологизм *вгонять / вогнать в гроб кого-либо* – ‘доводить до смерти кого-либо’ [11].

Рисунок 2 – Кадры из фильма «Добро пожаловать, или Посторонним вход воспрещен»

О начале разворачивания кинометафоры сигнализирует предложение *«Ну вот, предположим, приеду я»*. Полная вербальная структура этой кинометафоры включает воображаемый диалог Кости с бабушкой и воображаемую прощальную речь начальника лагеря во время похоронной процессии, в которой он винит Костю в смерти его бабушки:

(Костя, голос за кадром): *Ну вот, предположим, приеду я. Бабка ничего не знает. Пока что поет. Щас увидит меня и скажет: «Костя! Тебя что, из лагеря выгнали?»*

(Бабушка Кости): *Костя! Тебя что.... из лагеря выгнали?*

(Костя, голос за кадром): *Ну и конечно, «Ты меня в гроб вгонишь».*

(Бабушка Кости): ***Ты меня в гроб вгонишь.***

(Костя): *Ну вот, началось.*

(Костя): *Тааак, щас говорить начнут. «Когда он был маленьким...»*

(Начальник пионерлагеря): *Когда я был маленьким...*

(Костя, голос за кадром): *«У него, конечно, тоже была бабушка...»*

(Начальник пионерлагеря): *... у меня тоже была бабушка.*

(Костя, голос за кадром): *«Но за всю свою жизнь он не смог, а я смог...»*

(Начальник пионерлагеря): *Но за всю свою жизнь я не смог **огорчить ее до смерти.** А он – смог.*

Стоит отметить, что фразеологизм – источник кинематографической метафоры произносится в данном эпизоде дважды, а знаком к завершению ее представления в фильме служит экспликация значения фразеологизма посредством выражения «огорчить ее до смерти», а также сигнал отъезжающей электрички, на которой Костя должен быть уехать домой, но не уехал, а тайно вернулся в лагерь.

Согласно полученным данным, по количеству вербальных единиц – источников кинематографической образности установленные кинематографические тропы делятся на моновербальные и поливербальные. К моновербальным мы относим кинотропы, в основе создания которых лежит одна вербальная единица – слово, словосочетание, фраза, предложение, фразеологизм, прецедентный феномен и др. Поливербальные – это кинотропы, в основе создания которых лежат две и более вербальных единицы – слов, словосочетаний, предложений, фразеологизмов, прецедентных феноменов и др. [13]. Особого внимания заслуживает выявленный в ходе исследования такой тип моновербальных кинематографических тропов, как **резонансная кинометафора**. Она образуется тогда, когда одна и та же вербальная единица, в частности фразеологизм, имеет неоднократное воспроизведение в фильме, каждый раз получая кинематографическое воплощение с помощью определенных полимодальных средств. Рассмотрим пример.

Пример 3. Примером резонансных кинометафор является кинометафора «роль случая и провидения, предопределенность судьбы» в фильме Андрея А. Тарковского «Сталкер» (1979). На рис. 3 и 4 представлены разные эпизоды путешествия главных киноперсонажей – Сталкера (Александр Кайдановский), Писателя (Анатолий Солоницын) и Профессора (Николай Гринько) – в аномальное место под названием «Зона». В этих эпизодах можно наблюдать разное воплощение кинометафоры, в основе которой лежит один и тот же фразеологизм *бросать (метать, кидать, тянуть) жребий / жребий брошен* – ‘окончательное решение принято; сделано решительное начало в каком-либо деле, предприятии и т. п.’ [11] (см. также *жребий* – ‘условный значок, вынимаемый наудачу из множества других при каком-нибудь споре, состязании, разделе и устанавливающий права на что-нибудь, порядок какой-нибудь очереди или решающий что-нибудь спорное’ [14]).

Рисунок 3 – Кадр из фильма «Сталкер»

Рисунок 4 – Кадр из фильма «Сталкер»

На рис. 3 изображается ситуация, когда Сталкер ведет Профессора и Писателя к Комнате желаний, находящейся в «Зоне». В качестве образно воспринимаемого жребия здесь выступает перебинтованная гайка, которую бросает Сталкер для проверки безопасности места и выбора безопасного направления их пути к Комнате. На рис. 4 представлена ситуация принятия решения о том, кто первым пойдет в самое опасное и страшное место в «Зоне» – тоннель, который прозвали «мясорубка». В качестве жребия участники этой экспедиции тянут спички. Таким образом, в фильме осуществляется разная кинематографическая постановка фразеологизма *бросать (метать, кидать, тянуть) жребий / жребий брошен*, обеспечивающая разное развертывание кинометафоры и создающая эффект резонанса. Надо сказать, что поддержание и в известной мере усиление эффекта резонанса до-

стигается за счет неоднократного произнесения киноперсонажами данного фразеологизма, а также близких ему по значению лексических единиц.

В ходе нашего исследования был выработан алгоритм анализа вербально обусловленных кинематографических тропов. Он состоит из нескольких этапов, предполагающих изучение специфики кинематографической постановки вербальной единицы (в частности фразеологизма) по следующим параметрам:

1) **форма презентации исходной вербальной единицы** в кинофильме: произнесена или написана; произнесена и написана; не произнесена и не написана;

2) **продолжительность кинематографической постановки исходной вербальной единицы**, в результате которой создается кинотроп, и ее локализация в темпоральной структуре фильма;

3) **общая вербальная структура кинотропа**: все вербальные средства, задействованные в инсценировке исходной вербальной единицы и построении на ее основе кинотропа;

4) **визуальный ряд кинотропа**: описание мизансцены (место, время, действующие лица, костюмы, декорация), движение камеры, угол съемки, монтаж, свет, контраст и др.;

5) **звуковой ряд кинотропа**: музыкальное сопровождение, различные звуки и шумы, акустические эффекты;

6) **кинетический ряд кинотропа**: широкий спектр экстероцептивных и проприоцептивных модальностей, связанных с игрой актеров, например перемещение и положение в пространстве, жестикуляция, телодвижения, мимика и т. д. (см. подробнее в [13]; см. также в [15]).

В результате применения данного алгоритма анализа выявляются модальности, наиболее релевантные для кинематографической постановки вербального источника, каковым является в данном случае фразеологизм, и, соответственно, для целостного восприятия кинотропа, декодируемого реципиентом в ходе просмотра того или иного фильма.

Подводя итог всему вышесказанному, мы можем заключить, что фразеологизмы могут выступать в кинодискурсе своего рода креативными модуляторами процесса конструирования многомерной полимодальной образности, направленной на достижение ключевой прагматической задачи кинопроизведения и оказания определенного лингвоэстетического и прагматического воздействия на реципиента. Исследование фразеологических единиц в такой их функции позволяет расширить представление о креативных возможностях фразеологии в полимодальном (кинематографическом) дискурсе и углубить понимание природы и характера лингвистической креативности.

Список использованных источников

1. Bordwell, D. Poetics of cinema / D. Bordwell. – New York (N.Y.) / London : Routledge, 2007. – 512 p.
2. Kappelhoff, H. The politics and poetics of cinematic realism (Columbia themes in philosophy, Social Cr) / H. Kappelhoff. – New York (NY) : Columbia University Press, 2015. – 280 p.
3. Мелерович, А. М. Фразеологизмы в русской речи. Словарь / А. М. Мелерович, В. М. Мокиенко. – 2-е изд., стереотип. – М. : Русские словари, Астрель, 2001. – 856 с.
4. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / отв. ред. В. Н. Телия. – 2-е изд., стер. – М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. – 784 с.
5. Зыкова, И. В. Лингвокреативность в кинодискурсе / И. В. Зыкова // Лингвокреативность в дискурсах разных типов: пределы и возможности : коллективная монография / отв. ред. И. В. Зыкова. – М. : Р.Валент, 2021. – С. 105–195.
6. Прохоров, А. Унаследованный дискурс: Парадигмы сталинской культуры в литературе и кинематографе «оттепели» / А. Прохоров. – СПб. : Академический проект, Издательство ДНК, 2007. – 344 с.

7. Chandler, D. Semiotics: The basics. 2nd ed. / D. Chandler. – London-Ney York : Routledge, 2007. – 308 p.
8. Whittock, T. Metaphor and film / T. Whittock. – Cambridge : Cambridge University Press, 1990. – 178 p.
9. Urios-Aparisi, E. Interaction of multimodal metaphor and metonymy in TV commercials: Four case studies / E. Urios-Aparisi // Forceville Ch., Urios-Aparisi E. (eds) Multimodal metaphor. – Berlin : Mouton de Gruyter, 2009. – P. 95–117.
10. Эйхенбаум, Б. М. Проблемы киностилистики // Поэтика кино. Теоретические работы 1920-х гг. / Б. М. Эйхенбаум. – М. : Академический проект; Альма Матер, 2016. – С. 14–53.
11. Фразеологический словарь литературного русского языка / А. И. Федоров [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://phraseology.academic.ru/>. – Дата доступа: 30.09.2021.
12. Эко, У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию [пер. А. Г. Погоняйло и В. Г. Резник]. – СПб. : ТОО ТК «Петрополис», 1998. – 432 с.
13. Зыкова, И. В. Поэтика кинодискурса в полимодальном измерении / И. В. Зыкова // Полимодальные измерения дискурса / отв. ред. О. К. Ирисханова. – М. : Издательский Дом ЯСК, 2021. – С. 153–238.
14. Толковый словарь Ушакова / Д. Н. Ушаков. – Режим доступа : <https://dic.academic.ru/contents.nsf/ushakov/>. – Дата доступа : 30.09.2021.
15. Müller, C. Cinematic metaphor: Experience – affectivity – temporality / C. Müller, H. Kappelhoff (eds.). – Berlin : DeGruyter, 2018. – 280 p.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №19-18-00040) в Институте языкознания РАН.

Abstract. The research is aimed at developing the theory of linguistic creativity by studying the creative possibilities of phraseological units in the process of shaping cinematic tropes. The material includes films of Soviet and Russian as well as foreign film directors. The studied films are released in different periods and represent various cinematic genres. Special attention is paid to the development of the concepts of “poetics of cinematic discourse”, “linguistic creativity”, “cinematic trope”, and “cinematic staging of phraseological units”. The main types of verbally-based cinematic tropes are established. The multistep algorithm of analyzing phraseologically-based cinematic metonymies and cinematic metaphors is offered.

Keywords: linguistic creativity; phraseological unit; cinematic trope; poetics of cinematic discourse.

УДК 811.161.3'373:398.9

Я. Я. Іваноў, Ю. А. Петрушэўская

**ЯКІЯ ПРЫКАЗКІ Ў БЕЛАРУСКАЙ МОВЕ
МОЖНА ЛІЧЫЦЬ НАЦЫЯНАЛЬНА АДМЕТНЫМІ?
(да праблемы вызначэння нацыянальнай спецыфікі
прыказкавага фонду беларускай мовы)**

Анатацыя. Разглядаецца метадалогія апісання нацыянальнай адметнасці беларускіх прыказак, якая павінна вызначацца ў рэчышчы сінхранічнага падыходу шляхам размежавання прыказак на спецыфічна беларускія і агульныя з іншымі мовамі (на шырокім моўным фоне) і далейшай дыферэнцыяцыі і тых, і другіх паводле нацыянальна-моўнай своеасаблівасці (наяўнасці ўласна беларускіх элементаў у моўным афармленні прыказак) і / або нацыянальна-культурнай маркіраванасці (адлюстравання ў прыказках як цэласных моўных знакаў або ў асобных элементах іх структуры ці зместу фактаў беларускай нацыянальнай гісторыі і культуры, менталітэту беларускага народа).

Ключавыя словы: беларуская мова, прыказка, нацыянальная адметнасць, прыказкавы фонд, агульнасць з іншымі мовамі, спецыфічнасць, нацыянальна-моўная своеасаблівасць, нацыянальна-культурная маркіраванасць.

Вызначэнне нацыянальнай спецыфікі прыказкавага фонду беларускай мовы з’яўляецца адной з актуальных праблем беларускай парэміялогіі [1]. Гэта праблема акрэслілася ў беларускім мовазнаўстве ў канцы XX – пачатку XXI ст. [2; 3; 4] і ў розных аспектах разглядаецца ў шматлікіх даследаваннях [5], у тым ліку і ў метадалагічным плане [6; 7; 8]. Аднак дыферэнцыяцыя нацыянальнага і іншанацыянальнага кампанентаў у беларускай парэміялогіі і фразеалогіі яшчэ застаецца дыскусійнай праблемай з уласна лінгвістычнага пункту гледжання як у факталагічным, так і ў метадалагічным плане.

Аб’ём нацыянальна спецыфічнай часткі ў прыказкавым фондзе беларускай мовы звычайна неапраўдана перабольшваецца. Ва ўласна лінгвістычным плане гэта выяўляецца ў тым, што прыказкі кваліфікуюцца як уласна беларускія паводле паходжання на падставе ўжывання ў іх слоў-рэалій, адлюстравання ў прататыпах прыказак гістарычных, геаграфічных, сацыяльных, культурных умоў жыцця беларускага народа, карэляцыі прыказкавага зместу з духоўным светам беларусаў, наяўнасці ў лексічна-фразеалагічным складзе прыказак кампанентаў, якія адсутнічаюць у іншамоўных прыказкавых аналагах і г. д. Аднак такія характарыстыкі могуць быць уласцівы і запазычаным прыказкам, якія лінгвакультурна асіміляваліся ў беларускай мове. Так, прыказку *Не адразу Вільню пабудавалі* [9, с. 278] або *Не за дзень Вільня станавілася* [9, с. 279] нельга лічыць уласна (спецыфічна) беларускай толькі на падставе наяўнасці ў яе складзе слова-рэаліі *Вільня*, паколькі прыказка не ўтварылася ў беларускай мове, а трапіла ў яе з іншых моў (відаць, з лацінскай ці з польскай), шырока ўжываецца ў сучасных еўрапейскіх мовах, у многіх з якіх змянілася, набыла нацыянальна спецыфічныя слоўны кампанент-рэалію, параўн.: “*Rome / Moscow / Krakov / Prague / Kiev / Zagreb / Paris / Washington / Lviv / Kayseri / Buda castle / Soho was not built / made in a / one day (in a day)*” (“Рым / Масква / Кракаў / Прага / Кіеў / Загрэб / Парыж / Вашынгтон / Львоў / Кайсеры / замак Буды / Соха не быў пабудаваны / зроблены ў адзін дзень (за дзень)”) [10, р. 449].

Трэба адзначыць, што найбольш яскрава недакладная кваліфікацыя (у бок неапраўданага перабольшвання) прыналежнасці тых ці іншых прыказкавых адзінак да нацыянальна спецыфічных (уласна беларускіх) праяўляецца ў выніку этымалагічнага аналізу прыказак.

Напрыклад, прыказка *Аржаная каша сама сябе хваліць* вызначаецца ў “Этымалагічным слоўніку прыказак” (2014) І. Я. Лепешава, як “уласна беларуская” прыказка “з нерэальным вобразам у яе аснове, а яе суб’ект (з азначэннем “аржаная”) іранічна абазначае не лепшы гатунак сярод іншых відаў кашы (грэчневай, рысавай і г. д.)” [11, с. 21]. Гэта прыказка ўпершыню зафіксавана ў беларускай мове ў зборніку І. І. Насовіча (1874) [12, с. 3]. Аднак у рускай мове, паводле парэміяграфічных крыніц XVIII–XIX стст., здаўна ўжывалася прыказка *Ржаная каша сама сябе хвалит* як адзін з шматлікіх варыянтаў прыказкі *Всякая (грэчневая, овсяная, ржаная, ячная і г. д.) каша сама сябе хвалит*, што актыўна функцыянуе і ў сучаснай рускай літаратурнай мове [13, с. 403]. У беларускай мове існуе толькі адзін прыказкавы варыянт *Грэцкая каша сама сябе хваліць*, які фіксуецца ў другой палове XX ст. [14, т. 2, с. 338]. Абмежаванасць у беларускай мове варыянтаў прыказкі *Аржаная (грэцкая) каша сама сябе хваліць* сведчыць пра яе запазычаны характар (звычайна пры запазычанні ў іншую мову трапляе толькі адзін-два варыянты ўстойлівай адзінкі), паказвае на рускамоўнае паходжанне гэтай прыказкі, што не дазваляе ўключаць яе ў нацыянальна спецыфічную частку адзінак прыказкавага фонду беларускай мовы (г. зн. лічыць яе “уласна беларускай”).

Прыкладаў такога кшталту можна падаваць шмат. Так, прыказкі *Адна галава добра, а дзве <яшчэ> лепш (лепей), Дай божа ў добры час сказаць, а ў ліхі (нядобры) памаўчаць, З вялікага грому <часамі, заўсёды> малы дождж <бывае>, Хто мажа, той і едзе* таксама вызначаюцца ў “Этымалагічным слоўніку прыказак” (2014) як “уласна беларускія” [11, с. 18, 39, 49, 126], аднак такімі не з’яўляюцца ні паводле паходжання, ні паводле сферы ўжывання, ні паводле нацыянальна-культурнай адметнасці [15; 16; 17; 18]. Тоесныя гэтым прыказкам па структуры, лексічным складзе і граматычнай арганізацыі адзінкі ўжываюцца і ў іншых славянскіх і неславянскіх мовах, пры гэтым многія з такіх моў ніколі не мелі прамых і непасрэдных кантактаў з беларускай мовай. Так, прыказка *Дай божа ў добры час сказаць, а ў ліхі (нядобры) памаўчаць* не можа разглядацца як “уласна беларуская”, паколькі, паводле парэміяграфічных крыніц, мае непасрэдныя аналагі ў славянскіх, раманскіх і германскіх мовах, напр.: = руск. *В добрый (В доброй) час молвить, а в худой (лихой) – помолчатъ (промолчатъ)* [13, с. 978]; *Дай Бог в час сказать, в худой промолчатъ* [13, с. 63] = укр. *В добрый час сказать, а в лихий помовчатъ!* [19]; *В добрый час говорити, в лихий мовчати* [19]; *В добрый час сказати, а в лихий замовчати* [19] = польск. *Daj Boże w dobry czas mówić, a we zły milczeć* (‘Дай Божа ў добры час сказаць, а ў ліхі памаўчаць’) [20, т. 1, с. 5] = англ. *There is a time to speak and a time to be silent* (‘Ёсць час сказаць і ёсць час маўчаць’) [21, р. 637] = ням. *In guter Stunde soll man sprechen, in böser soll man schweigen* (‘У добры час сказаць, а ў ліхі памаўчаць’) [22, с. 23]; *Reden hat seine Zeit, und Schweigen hat seine Zeit* (‘У свой час сказаць і ў свой час памаўчаць’) [23, р. 144]; *Schweigen und Reden hat seine Zeit* (‘Маўчанне і мова маюць свой час’) [21, р. 637] = ісп. *Hay tiempos de hablar, y tiempos de callar* (‘Ёсць час гаварыць і час маўчаць’) [21, р. 637] = іт. *Vi è tempo di parlare, e tempo di tacere* (‘Ёсць час гаварыць і час маўчаць’) [24, с. 159] = фр. *Il y a un temps de parler et un temps de se taire* (‘Ёсць час гаварыць і час маўчаць’) [21, р. 637] і г. д.

Трэба заўважыць, што далёка не ўсе прыказкі, якія функцыянуюць у сучаснай беларускай літаратурнай мове і ўспрымаюцца яе носьбітамі (і яе даследчыкамі) як уласна беларускія паводле зместу і формы (і на гэтай падставе інтэрпрэтуюцца як нацыянальна спецыфічныя), ужываюцца толькі ў беларускай мове і маюць уласна беларускае паходжанне. Гэта ўласціва і іншым мовам свету, у якіх многія прыказкі маюць іншамоўнае паходжанне, але з цягам часу асіміляваліся ў мове-рэцыпіенце і, як правіла, ужо не асацыююцца з чужымі мовамі і культурамі. Так, паводле меркавання Х. Вальтэра і В. М. Макіенкі, “вопреки расхожему представлению о густо национальной маркированности идиоматики и паремиологии они – как это ни парадоксально – являются более интернациональными, чем лексика” [25, с. 2].

На наш погляд, дакладна высветліць тое, ці з’яўляецца пэўная прыказка ўласна беларускай (спецыфічнай у адносінах да іншых моў), ці мае ў сваім складзе нацыянальна спецыфічныя элементы структуры ці зместу (у выпадку, калі з’яўляецца агульнай для беларускай і іншых моў), можна толькі на шырокім моўным і лінгвакультурным фоне шляхам сінхранічнага аналізу прыказкавых структурна-семантычных мадэляў.

Сінхранічны аналіз нацыянальнай спецыфічнасці прыказак дазволіць унікнуць, з аднаго боку, памылак і недакладнасцей этымалагічнага аналізу, а з другога боку, неабходнасці ўлічваць шматлікія, перакрываваныя ў часе і прасторы, заўсёды складаныя і таму даволі часта суб’ектыўныя (у абгрунтаванні і верыфікацыі) моўныя і культурныя ўплывы (узаемаўплывы) іншых моў і лінгвакультур у станаўленні і гістарычным развіцці прыказкавага складу беларускай мовы, паколькі ні тое, ні другое не дапамагае дакладна размежаваць агульнае з іншымі мовамі (лінгвакультурамі) і спецыфічнае (нацыянальнае) у дачыненні да прыказак. Зварот да сінхранічнага

аналізу дазволіць вызначыць актуальны для сённяшніх носьбітаў мовы аб'ём і характар спецыфікі і нацыянальнай адметнасці адзінак прыказкавага фонду беларускай мовы.

Пры вызначэнні нацыянальнай спецыфічнасці адзінак прыказкавага фонду беларускай мовы ў якасці неабходнага моўнага фону (на падставе існуючых парэміяграфічных крыніц) павінны выступаць усе славянскія мовы (найперш, блізкароднасныя – руская і ўкраінская мовы, а таксама гістарычна блізкая – польская мова), а таксама арэальна блізкія балтыйскія мовы (літоўская і латышская), мовы культурных кантактаў з ліку германскіх і раманскіх моў (нямецкая, англійская, французская і інш.). Пры гэтым у неабходных выпадках, найперш пры вызначэнні ў складзе прыказкавага фонду беларускай мовы агульных з іншымі мовамі адзінак, але не абумоўленых ні моўнай роднасцю, ні моўнымі кантактамі, мэтазгодна выкарыстоўваць у якасці моўнага фону (на падставе існуючых парэміяграфічных крыніц) любыя мовы свету [26]. Так, прыказка *З вялікага грому <заўсёды, часамі> малы дождж <бывае>* або *З вялікае хмары малы дождж <бывае>* [27, с. 216–217] не можа лічыцца “ўласна беларускай” (на суперак І. Я. Лепешаву), паколькі, паводле парэміяграфічных крыніц, мае аналагі ў іншых мовах, у тым ліку, у кітайскай мове, напр.: = руск. *Из большой тучи да малая капля* [13, с. 917]; *От большой тучи не всегда много дождя* [13, с. 917] = укр. *Велика хмара, та малий дощ* [28]; *З великої хмари малий дощ буває* [28] = польск. *Z wielkiej burzy (chmury) mały deszcz* (“З вялікага грому / З вялікае хмары малы дождж”) [20, t. 1, s. 29] = лат. *Pērkons sausu laiku apducina* (“Гром у сухі час”) [29, р. 33] = англ. *When the thunder is very loud, there's very little rain* (“Калі гром вельмі гучны, тады вельмі малы дождж”) [29, р. 33] = ням. *Grosse Wolken, kleiner Regen* (“Вялікія хмары – малы дождж”) [30, s. 235]; *Aus einer grossen Wolke kommt oft nur ein kleiner Regen* (“З вялікае хмары часта бывае малы дождж”) [31, Bd. 1] = фр. *De grand vent, petite pluie* (“Моцны вецер – малы дождж”) [32] = кіт. 雷声大雨点小 (“Гром, але малы дождж”); 雷声儿大雨点儿小 (“Гром моцны – дождж малы”) [33] і г. д.

У якасці лінгвакультурнага фону мэтазгодна разглядаць нацыянальна-культурны змест іншамоўных прыказак, маркіраваны слоўнымі кампанентамі. Гэты змест можа захоўвацца або адсутнічаць у аналагічных ім беларускіх прыказках, а таксама замяшчацца уласна беларускім (г. зн. нацыянальна спецыфічным) зместам, маркіраваным слоўнымі кампанентамі ў аналагічных ім беларускіх прыказках. Так, у іншамоўных аналагах прыказкі *Зяць на парог – цешча за бутэльку (за яешню)* [27, с. 232] у якасці стравы для блізкага сваяка замест *яешні* згадваецца *пірог*, напр.: = руск. *Зять на двор – пирог на стол* [13, с. 382] = укр. *Як зять за поріг, то теця за пиріг* [34, с. 201], што сведчыць пра нацыянальную адметнасць традыцыйнай беларускай кухні, у якой таксама пачэснае месца займаюць *пірагі*, але *яешня*, якая калісьці была рытуальнай стравой беларускай кухні (у прыватнасці, звязана з памінальнымі абрадамі), дагэтуль захоўвае ў свядомасці носьбітаў беларускай мовы статус стравы, якой не сорамна пачаставаць, што не актуальна ні для рускай, ні для ўкраінскай кухні.

Як частку лінгвакультурнага фону мэтазгодна разглядаць і нацыянальна-моўныя асаблівасці іншамоўных прыказак (наяўнасць адметных фармальна-варыянтаў, лексічных кампанентаў, элементаў граматычнага афармлення і інш.). Такія асаблівасці іншамоўных прыказак могуць часткова супадаць або адсутнічаць у беларускіх прыказкавых аналагах або замяшчацца ў іх складзе ўласна беларускімі (г. зн. нацыянальна спецыфічнымі) моўнымі элементамі. Так, прыказка *Каб не дзірка ў роце, хадзіў бы ў злоце* [27, с. 243] мае аналагі ў славянскіх мовах, напр.: = руск. *Если бы брюхо не просило, голова бы в золоте ходила* [13, с. 97] = укр. *Коли б не дірка в роті, ходив би у золоті* [35] = польск. *Gdyby nie gęba, to by człowiek w złocie chodził* (“Каб не рот, то чалавек хадзіў бы ў злоце”) [20, t. 1, s. 14], аднак мае ў беларускай мове

фармальны варыянт з часткова адметным лексічным складам *Каб не ежка ды адзежка, была б грошай поўна дзежка* [27, с. 244], якога няма ў іншых мовах.

Такім чынам, праблема вызначэння нацыянальнай спецыфікі адзінак прыказкавага фонду беларускай мовы можа быць аб'ектыўна вырашана, па-першае, толькі ў сінхранічным плане (без уліку гістарычных умоў і працэсаў фарміравання прыказкавага фонду беларускай мовы), па-другое, толькі на шырокім моўным фоне (паводле парэміяграфічных крыніц), па-трэцяе, толькі з улікам агульных з іншымі мовамі і лінгвакультурамі прыказак, якія могуць быць нацыянальна адметнымі ў беларускай мове за кошт пэўных элементаў сваёй структуры і зместу. Вызначэнне і апісанне нацыянальнай адметнасці прыказкавага фонду беларускай мовы павінна засноўвацца, на наш погляд, на наступных палажэннях.

Па-першае, у прыказкавым фондзе беларускай мовы спалучаюцца, з аднаго боку, агульныя з іншымі мовамі адзінкі, а з другога боку, спецыфічна беларускія (унікальныя на фоне іншых моў) прыказкі, але нацыянальна адметнасць прыказкавага фонду складаецца не толькі са спецыфічна беларускіх, але і з асіміляваных у беларускай мове і нацыянальна-культурна маркіраваных агульных з іншымі мовамі прыказкавых адзінак.

Па-другое, колькасць спецыфічна беларускіх прыказак не перавышае ў мове колькасць агульных з іншымі мовамі адзінак (паколькі прыказкавы фонд беларускай мовы не з'яўляецца ізаляванай і замкнёнай сістэмай), аднак значная частка агульных з іншымі мовамі прыказак асімілявалася ў беларускай мове, набыла нацыянальна-моўна спецыфічныя і/або нацыянальна-культурна маркіраваныя элементы структуры ці зместу і таму даволі часта ўспрымаецца носбітамі беларускай мовы як уласна беларуская.

Па-трэцяе, у нацыянальна адметнай частцы прыказкавага фонду беларускай мовы пераважаюць не спецыфічна беларускія (на фоне іншых моў) адзінкі, а агульныя з іншымі мовамі прыказкі, якія маюць у беларускай мове нацыянальна-моўна своеасаблівыя (спецыфічна беларускія) і/або нацыянальна-культурна маркіраваныя (што адлюстроўваюць нацыянальную беларускую культуру) элементы структуры і зместу.

Па-чацвёртае, суадносіны спецыфічна беларускай (на фоне іншых моў) і агульнай з іншымі мовамі адзінак і ўдзельная вага нацыянальна адметных прыказак найбольш рэпрэзентатыўна прадстаўлены ў трох групах прыказак, функцыянальна абмежаваных паводле шэрага часавых, сацыякультурных і лінгвістычных фактараў (прыказкавым складзе літаратурнай мовы, асноўным прыказкавым фондзе, прыказкавым мінімуме) [36; 37].

Сукупнасць гэтых палажэнняў абумоўлівае метадалогію вызначэння нацыянальнай адметнасці прыказкавага фонду беларускай мовы, якое павінна ажыццяўляцца на матэрыяле найбольш вядомых і ўжывальных прыказкавых адзінак у рэчышчы сінхранічнага падыходу шляхам размежавання прыказак на спецыфічна беларускія і агульныя з іншымі мовамі (на шырокім моўным фоне, паводле існуючых парэміяграфічных крыніц) [38] і далейшай дыферэнцыяцыі і тых, і другіх у плане нацыянальна-моўнай своеасаблівасці (наяўнасці ўласна беларускіх элементаў у моўным афармленні прыказак) і/або нацыянальна-культурнай маркіраванасці (адлюстравання ў прыказках як цэласных моўных знакаў або ў асобных элементах іх структуры і зместу фактаў беларускай нацыянальнай гісторыі і культуры, менталітэту беларускага народа).

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Иванов, Е. Е. Белорусская паремиология и афористика в общеевропейском контексте (актуальные проблемы изучения) / Е. Е. Иванов // XV Міжнародны з'езд славістаў, Мінск, 20–27 жніўня 2013 г. : у 2 т. / А. А. Лукашанец (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Беларуская навука, 2013. – Т. 1. – С. 322–323.

2. Сацыякультурная прастора мовы (сацыяльныя і культурныя аспекты вывучэння беларускай мовы) / С. Ф. Іванова, Я. Я. Іваноў, Н. Б. Мячкоўская. – Мінск : Веды, 1998. – 112 с.

3. Іваноў, Я. Я. Нацыянальна-культурная семантыка беларускай мовы як аб'ект лінгвакраіназнаўства (пры вывучэнні беларускай мовы як замежнай і як другой ва ўмовах блізкароднаснага руска-беларускага білінгвізму) / Я. Я. Іваноў // Беларуская мова: шляхі развіцця, кантакты, перспектывы / Г. А. Цыхун (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Беларускі кнігазбор, 2001. – С. 285–290.
4. Іваноў, Я. Я. Прынцыпы супастаўляльнага апісання афарыстычнай парэміялогіі беларускай і рускай моў / Я. Я. Іваноў // *Studia slawistyczne*. – 2003. – Т. 4. – С. 49–55.
5. Беларуская парэміялогія канца ХХ – пачатка ХХІ стагоддзя (1991–2014 гг.) : бібліяграфічны агляд / Е. Е. Іванов, Ю. А. Петрушэўская // *Парэміялогія в дискурсе* / под ред. О. В. Ломакиной. – М. : URSS : Ленанд, 2015. – С. 252–292.
6. Петрушэўская, Ю. А. Нацыянальная адметнасць прыказкавага фонду беларускай мовы / Ю. А. Петрушэўская // *Учённыя запіскі ВГУ імя П. М. Машэрава*. – 2018. – Т. 27. – С. 150–154.
7. Зверева, Ю. С. Сравнительная типология фразеологии английского и белорусского языков (актуальность, методология, перспективы исследования) / Ю. С. Зверева, Е. Е. Иванов, А. Н. Шестернёва // *Восточнославянские языки и литературы в европейском контексте* – 2015. – Могилев : МГУ імя А. А. Кулешова, 2016. – С. 164–168.
8. Іваноў, Я. Я. Універсальнае і нацыянальнае ў фразеалагічнай і парэміялагічнай падсістэмах беларускай мовы ў еўрапейскім моўным кантэксце (актуальнасць, метадалогія, перспектывы даследавання) / Я. Я. Іваноў // *Славянская фразеология в синхронии и диахронии*. – 2016. – Вып. 3. – С. 46–49.
9. Котова, М. Ю. Русско-славянский словарь пословиц (с английскими соответствиями) / М. Ю. Котова. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 2000. – 360 с.
10. Paczolay, G. *European Proverbs in 55 Languages, with Equivalents in Arabic, Persian, Sanskrit, Chinese, and Japanese* / G. Paczolay. – Veszprém : Veszprémi Nyomda, 1997. – 528 p.
11. Лепешаў, І. Я. Этымалагічны слоўнік прыказак / І. Я. Лепешаў. – Мінск : Вышэйшая школа, 2014. – 139 с.
12. Носовичъ, И. И. Сборникъ бѣлорусскихъ пословиць / И. И. Носовичъ. – СПб. : Тип. Императорской Академіи Наукъ, 1874. – VI, 232, 18 с.
13. Большой словарь русских пословиц / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина, Е. К. Николаева. – М. : ОЛМА Медиа Групп, 2010. – 1024 с.
14. Прыказкі і прымаўкі : у 2 кн. / склад. М. Я. Грынблат. – Мінск : Навука і тэхніка, 1976. – Кн. 1. – 559 с. ; Кн. 2. – 616 с.
15. Петрушэўская, Ю. А. Інтэрнацыянальны характар прыказкі *У добры час сказаць, а ў ліхі намаўчаць* / Ю. А. Петрушэўская // *Восточнославянские языки и литературы в европейском контексте* – V. – Могилёв : МГУ ім. А. А. Кулешова, 2018. – С. 123–128.
16. Петрушэўская, Ю. А. Пра сферу ўжывання і паходжанне прыказкі *Адна галава добра, а дзве лепш* / Ю. А. Петрушэўская // *Вестник МГЛУ. Серия 1, Филология*. – 2015. – № 5(78). – С. 84–96.
17. Петрушэўская, Ю. А. Пра сферу ўжывання і паходжанне прыказкі *З вялікага грому малы дождж* / Ю. А. Петрушэўская // *Роднае слова*. – 2016. – № 1. – С. 44–47.
18. Петрушэўская, Ю. А. Пра сферу ўжывання і паходжанне прыказкі *Хто мажа, той і едзе* / Ю. А. Петрушэўская // *Вестник Полоцкого гос. ун-та. Серия А, Гуманитарные науки*. – 2016. – № 2. – С. 138–144.
19. Прислів'я та приказки : Взаємини між людьми / упоряд. М. М. Пазяк. – Київ : Наукова думка, 1991. – 436 с.
20. Nowa księga przysłów i wyrażeń przysłowiowych polskich : T. I–IV / red. naczelny J. Krzyżanowski. – Warszawa : Państwowy Instytut Wydawniczy, 1969–1978.
21. Strauss, E. *Concise Dictionary of Proverbs* / E. Strauss. – 1 ed. – London : Routledge, 1998. – 502 p.
22. Zwilling, M. J. *Sprichwörter. Sprichwörtliche Redensarten. Russisch-Deutsches Wörterbuch. Über 700 Einheiten* / M. J. Zwilling. – 2. unv. Aufl. – Moskau : Verlag „Russkij jazyk“, 2001. – 216 s.
23. Anuțej, M. *Dicționar de proverbe german-român* / M. Anuțej. – București : Editure științifică și enciclopedică, 1978. – 231 p.
24. Świerczyńska, D. *Słownik przysłów w ośmiu językach* / D. Świerczyńska, A. Świerczyński. – Warszawa : PWN, 1998. – 437 s.

25. Nationales und Internationales in der slawischen Praseologie / Hrsg. H. Walter, V. M. Mokienko. – Greifswald : E. M. A.-Universität, 2013. – 276 s.
26. Петрушэўская, Ю. А. Універсальны, інтэрнацыянальны і нацыянальны кампаненты парэміялагічнага фонду сучаснай беларускай літаратурнай мовы / Ю. А. Петрушэўская // Філолагічны студыі. – 2017. – Вип. 16. – С. 195–201.
27. Лепешаў, І. Я. Тлумачальны слоўнік прыказак / І. Я. Лепешаў, М. А. Якалцэвіч. – Гродна : ГрДУ імя Янкі Купалы, 2011. – 695 с.
28. Прислів'я та приказки : Природа. Господарська діяльність / упоряд. М. М. Пазяк. – Київ : Наук. думка, 1989. – 480 с.
29. Latvian-English Dictionary : Vol. 1–2 / comp. by L. Zusne. – USA : Xlibris, 2008. – 825 p.
30. Wójcik, A. Słownik przysłów niemiecko-polski, polsko-niemiecki / A. Wójcik, H. Ziebart. – Warszawa : Wiedza Powszechna, 2001. – 547 s.
31. Wander, K. F. W. Deutsches Sprichwörter-Lexikon : Bd. I–V / K. F. W. Wander. – Leipzig : F. A. Brockhaus, 1867–1880.
32. Французско-русский фразеологический словарь (онлайн-версія) [Электронны рэсурс]. – 2021. – Рэжым доступу : <http://www.classes.ru/all-french/dictionary-french-russian-phrase-term-12616.htm>. – Дата доступу : 25.09.2021.
33. Гром [Электронны рэсурс] // Китайский онлайн-словарь. – 2021. – Рэжым доступу : bkrs.info/slovo.php?ch=гром. – Дата доступу : 25.09.2021.
34. Українські прислів'я та приказки / упоряд.: С. В. Мишанич, М. М. Пазяк. – Київ : Дніпро, 1983. – 390 с.
35. Прислів'я та приказки : Людина. Родинне життя. Риси характеру / упоряд. М. М. Пазяк. – Київ : Наукова думка, 1990. – 528 с.
36. Петрушэўская, Ю. А. Паняцце парэміялагічнага фонду мовы і прынцыпы яго дыферэнцыяцыі (у сувязі з вызначэннем універсальнага і нацыянальнага кампанентаў у парэміялагічнай сістэме мовы) / Ю. А. Петрушэўская // Філолагічны часопіс. – 2015. – Вип. 1(6). – С. 100–106.
37. Ivanov, E. E. Paremiological Minimum and Basic Paremiological Stock (Belarusian and Russian) / E. E. Ivanov. – Prague : RSS, 2002. – 136 p.
38. Петрушэўская, Ю. А. Універсальны і інтэрнацыянальны кампаненты ў парэміялагічным складзе беларускай мовы : беларуска-іншамовны слоўнік / Ю. А. Петрушэўская. – Магілёў : МДУ імя А. А. Куляшова, 2020. – 316 с.

Abstract. The methodology of describing the national identity of Belarusian proverbs is described, which should be determined in a synchronic way by differentiating proverbs into specific Belarusian and common with other languages (on a broad language background) and further differentiation of both according to the national and language identity (the presence of the proper Belarusian elements in the proverbs language form) and / or national and cultural marking (the facts of the Belarusian national history and culture, mentality of the Belarusian people reflected in proverbs as integral language signs or in separate elements of their structure or content).

Keywords: the Belarusian language, proverb, national identity, proverbs fund, commonality with other languages, specifics, national and language identity, national and cultural marking.

УДК 811.161.1'42'36'37:398.91(100)

Е. В. Иванова

АТРИБУТИВНЫЙ ПАРАМЕТР В ПОСЛОВИЧНЫХ КАРТИНАХ МИРА

Аннотация. Цель статьи состоит в рассмотрении атрибутивного параметра в пословичных картинах мира русского и английского языков и выявлении общих закономерностей его репрезентации. Устанавливаются факторы, влияющие на частотность прилагательных-репрезентантов атрибутивного параметра, к которым относятся значимость именуемого

ими признака для социума, наличие оценочного компонента в семантике прилагательного, вхождение прилагательного в антонимическую пару, его роль в когнитивной / семантической структуре пословицы определенного типа.

Ключевые слова: пословица, пословичная картина мира, атрибутивный параметр, сопоставительный анализ.

Описание интерпретации внешнего и внутреннего мира человека в пословичной семантике служит основой моделирования пословичной картины мира (далее – ПКМ), отражающей концептуализацию действительности в пословичных знаках. Подобное моделирование носит многоаспектный характер и может быть направлено, например, на рассмотрение отдельных фрагментов ПКМ и входящих в них концептов и прототипов [1]. Другое возможное направление моделирования ПКМ заключается в выделении лежащих в основе и формирующих ее структуру параметров. В частности, как и языковая картина мира в целом, определяющими координатами которой выступают пространство, время и действие [2, с. 16], ПКМ выстраивается вокруг этих параметров, обладая пространственными и временными характеристиками, а также набором типичных действий, регламентирующих отношения между входящими в нее концептами. Данные параметры, будучи едиными для ПКМ разных языков, обладают в них одинаковыми и национально-специфичными свойствами. Универсальным параметром можно также считать ценностную ориентацию, характеризующуюся сходством и различием вербализации в пословицах разных языков [3] и неизбежно входящую как определяющий компонент в ПКМ любого языка.

В качестве еще одного параметра, позволяющего дать обобщенное описание структуры ПКМ, представляется возможным выделить параметр признака или атрибута, который показывает значимость тех или иных характеристик концептов в ПКМ и их деление на доминирующие, широко или мало распространенные или единичные. Роль данного параметра в ПКМ и его универсальный характер обусловлены широкой репрезентацией прилагательных в составе пословиц, что не могло не привлечь внимание исследователей. Так, роль имени прилагательного в создании каузального пословичного высказывания рассмотрена на материале русского языка С. Л. Михеевой [4], систематизация лексико-семантических групп прилагательных в составе английских пословиц произведена О. И. Натхо [5], но в целом количество работ, посвященных различным аспектам функционирования прилагательных в составе пословиц различных языков, невелико.

Целью данной статьи является определение некоторых закономерностей репрезентации атрибутивного параметра в русской и английской пословичных картинах мира.

Вербализующие атрибутивный параметр прилагательные могут быть систематизированы на основе частотности, следовательно, значимости репрезентируемого ими признака в ПКМ и его роли в строении типовой семантической / когнитивной модели пословицы. Рассмотрение атрибутивного параметра в сопоставительном аспекте позволяет выявить общие черты в пословичной интерпретации признаков концептов и установить ее национально-специфические особенности, что в конечном счете при получении данных относительно достаточно большого количества сопоставляемых языков позволит выявить дополнительные закономерности в пословичном картировании мира и сделать предположения об универсальном характере некоторых из них. В этом отношении интересным представляется сопоставление атрибутивного параметра в ПКМ неблизкородственных языков, не находившихся в тесном взаимодействии за период своей истории, к которым относятся, например, русский и английский.

Рассмотрим некоторые результаты подобного сопоставления и проиллюстрируем на отдельных примерах факторы, влияющие на употребительность прилагательных в составе пословиц.

Так, прилагательные возрастной характеристики *старый / молодой*, *old / young* широко представлены в пословицах обоих языков, что свидетельствует о значимости

данной характеристики для русскоязычного и англоязычного социума. При этом преобладающими в пословицах обоих языков являются компоненты *старый / old*.

Старые глаза плачут чаще.

Старый конь борозды не испортит.

Старого пса к цепи не приучишь.

If you wish good advice, consult an old man.

An old dog barks not in vain.

An old ox makes a straight furrow.

Ряд прилагательных, напротив, обозначает признаки, не обладающие большой частотностью в ПКМ обоих языков. К ним, в частности, относятся прилагательные настроения *веселый / cheerful*, отмеченные в ограниченном количестве пословиц.

Веселая голова живет спустя рукава.

В веселый час и смерть не страшна.

A cheerful wife is the joy of life.

A cheerful look makes a dish a feast.

Весьма значимыми в ПКМ двух языков оказываются оценочные прилагательные *хороший / плохой, good / bad* и синонимичные им единицы. Важность оценочной деятельности в жизни человека в целом и роль оценки в пословицах с их ориентированностью на наставление и поучение не вызывает сомнений и объясняет широкую распространенность оценочных прилагательных в пословицах.

Худой мир лучше доброй ссоры.

И на доброго коня бывает спотычка.

A bad penny always turns up.

A good name is better than riches.

Прилагательные величины *большой / маленький, big / small* с их синонимами и лексико-грамматическими вариантами также приобретают оценочную составляющую, кроме того, они задействованы в создании пословиц об обманчивости внешнего вида объекта. В сознании социума прочно укоренилось архетипическое представление о том, что большая величина связана с положительными качествами объекта, однако пословицы опровергают это убеждение.

Мал муравей, да горы копает.

Мала кобылка, да велик воз везет.

Little pitchers have big ears.

Tall oaks grow from little acorns.

В данных пословицах утверждается, что малые размеры объектов отнюдь не свидетельствуют об отсутствии у них значительных потенциальных возможностей.

Ранее проведенное исследование показало не столь высокую значимость признака цвета в ПКМ русского и английского языков и преобладание черно-белой гаммы в пословичном мировосприятии [6]. Последнее объясняется приобретением оценочной окраски прилагательными черного и белого цветов в обоих языках и их ролью в создании пословиц об обманчивости внешнего вида.

Так, черный цвет ассоциируется у многих народов с несчастьем, неприятностями и бедой, что находит отражение в отрицательной оценочной коннотации обозначающих его прилагательных, тогда как белый цвет, наоборот, воспринимается положительно.

Как душа черна, так и мылом не смоешь.

There is a black sheep in every flock.

Данные прилагательные цвета также используются в семантической / когнитивной модели пословиц об обманчивости внешнего вида.

Черная корова, да белое молоко.

Черная собака, белая собака, а все один пес.

A black hen lays a white egg.

A black plum is as sweet as a white.

Немаловажным фактором является парный характер называемых признаков и их вхождение в антонимическое противопоставление, что отсутствует у других прилагательных цвета.

Следует отметить, что большинство фиксируемых в пословицах прилагательных имеют антонимы в языковой системе, и в пословичных фондах оказывается представленной антонимическая пара. Как известно, противопоставление является одним из главных механизмов формирования картины мира, в основе которой лежат базовые, универсальные оппозиции «Большой – Маленький», «Старый – Молодой», «Хороший – Плохой», «Далеко – Ближе» и пр., что находит свое проявление в языковой картине мира в целом и в ПКМ в частности. Свойственное ПКМ противопоставление реализуется в том числе и на основе антонимической пары прилагательных, что закономерно обуславливает значимость атрибутивного параметра в ее строении.

Большая рыба маленькую целиком глотает.

Little fishes slip through nets, but great fishes are taken.

Некоторые прилагательные используются в пословичном фонде без своего антонима. Так, прилагательное *blind* представлено в английских пословицах, а его языковые антонимы нет.

Hatred is as blind as love.

Соответствующее прилагательному *blind* русское слово *слепой*, однако, используется в пословицах наряду со своим антонимом.

Слепой курице – все шиеница.

И зрячий глаз, да не видит нас.

Таким образом, в данном случае отмечается варьирование в репрезентации атрибутивного параметра двух ПКМ. В то же время необходимо отметить тенденцию, характерную для обеих ПКМ и заключающуюся в том, что прилагательные, не имеющие антонимов или же используемые в пословичном фонде без второго конституента антонимической пары, обладают в нем низкой частотностью.

Антонимические пары участвуют в реализации семантической / когнитивной модели пословиц с противопоставлением, которая является более обобщенной «пословичной формулой», нежели, например, рассмотренная выше когнитивная структура пословиц об обманчивости внешнего вида.

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы:

1. Атрибутивный параметр занимает важное место в ПКМ и может рассматриваться как ее универсальная характеристика, проявляющая целый ряд общих черт при сопоставлении в рамках двух или более языков, хотя и обладающая национально-специфической вариативностью.

2. Атрибутивный параметр выступает как средство выражения оценочности и репрезентирован рядом прилагательных, имеющих оценочный компонент в семантике или же приобретающих его в контексте пословицы.

3. Пословичной репрезентации атрибутивного параметра свойственна антонимия.

4. На частотность прилагательных-репрезентантов атрибутивного параметра в ПКМ влияет значимость именуемого признака для социума, наличие оценочного компонента, вхождение прилагательного в антонимическую пару, роль в когнитивной / семантической модели пословицы определенного типа.

5. Другим аспектом рассмотрения атрибутивного параметра является анализ сочетаемости репрезентирующих его прилагательных с определенными группами существительных-компонентов пословиц, т. е. выявление того, признаки каких концептов эти прилагательные обозначают. Данное направление непосредственно смыкается с первой из обозначенных выше установок на моделирование ПКМ на основе входящих в нее концептов и прототипов.

Список использованных источников

1. Иванова, Е. В. Пословичные картины мира / Е. В. Иванова. – СПб. : Изд-во филологического ф-та СПбГУ, 2002. – 150 с.
2. Мокиенко, В. М. Русские крылатые слова-библейзмы в художественной картине мира / В. М. Мокиенко // Фразеология в языковой картине мира: когнитивно-прагматические регистры : сборник научных трудов по итогам 4-й Международной научной конференции по когнитивной фразеологии (г. Белгород, 26–27 марта 2019 года). – Белгород : ООО «Эпицентр», 2019. – С. 15–26.
3. Ничипорчик, Е. В. Отражение ценностных ориентаций в поговорках / Е. В. Ничипорчик. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2015. – 358 с.
4. Михеева, С. Л. Препозитивное прилагательное в русских поговорках как средство выражения каузальных отношений / С. Л. Михеева // Вестник ВГУ, серия 2, Языкознание. – 2019. – Т. 18, № 2. – С. 83–93.
5. Натхо, О. И. Лингвокогнитивные особенности прилагательных сквозь призму паремнологической картины мира / О. И. Натхо // Вестник РУДН, серия Лингвистика. – 2008. – № 4. – С. 37–45.
6. Иванова, Е. В. Какого цвета поговорочная картина мира? / Е. В. Иванова // Вестник СПбГУ, серия 9. – 2005. – Вып. 2. – С. 31–44.

Abstract. The article is aimed at examining the attributive parameter in the Russian and English pictures of the world and outlining the general patterns of its representation. The article determines the factors that influence the frequency of adjectives representing the attributive parameter, such as the importance of the attribute they name for the society, the presence of the evaluating component in the semantics of the adjective, the existence of an antonym and the part played by the adjective in the cognitive / semantic model of the proverb.

Keywords: proverb, proverbial picture of the world, attributive parameter, cross linguistic analysis.

УДК 811.161.1'42'373;821.161.1-28*-М. Горький.

Н. П. Капшай

РОЛЬ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В ФОРМИРОВАНИИ АВТОРСКОЙ КОНЦЕПЦИИ В ДРАМЕ М. ГОРЬКОГО «НА ДНЕ»

Аннотация. В статье рассмотрены функции фразеологизмов, использованных в пьесе Горького «На дне», выявлена их роль в формировании смысла авторской концепции, которая отличается дискуссионностью и полифонизмом. Доказывается мысль о том, что объективное понимание смысла философской пьесы «На дне» априори невозможно без скрупулезного изучения языка произведения, отличительной чертой которого является чрезвычайная насыщенность фразеологическими единицами.

Ключевые слова: фразеологизмы, функции, пьеса Горького «На дне», речь персонажа, концепция автора, полифонизм.

Отлить мысль в красноречивые, образные, запоминающиеся формы и дать ей жизнь на века, следуя народной традиции, неизменно стремились мастера художественного слова. Писатели-художники черпают богатства из традиций народного творчества и сторицей возвращают долг новыми яркими образами. Благодаря им, талантливо владеющим словом, значительно пополнились языковые сокровища, в которых со временем стерлись имена авторов, но увековеченной осталась образность, меткость, лаконичная содержательность смысла. «Бедный Йорик», «Счастливые часов не наблюдают», «А счастье было так возможно, так близко», «Смех сквозь невидимые миру слезы», «На всякого мудреца довольно простоты» и другие. Сегодня только специалисты-

филологи могут без запинки соотнести выражения, ставшие крылатыми, с именами их творцов: В. Шекспира, А. С. Грибоедова, А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, А. Н. Островского. К видным мастерам художественных образов и словесных формул заслуженно относят автора трилогии «Детство», «В людях», «Мои университеты», пьес «Дети солнца» и «На дне» Максима Горького.

Исследование фразеологизмов – «устойчивых, воспроизводимых в готовом виде сочетаний слов, существующих в языке в виде целостных по своему значению и устойчивых в своем составе и структуре образований» [1, с. 26], – особенно актуально, если они созданы такой личностью, как Алексей Максимович Горький, творчество которого только в XXI веке начинает обретать объективное прочтение в литературоведении (в работах П. В. Басинского, Д. Л. Быкова, Л. А. Спиридоновой и других). Объективное понимание особенностей идиостиля и смысла философской пьесы «На дне» априори невозможно без скрупулезного изучения языка, отличительной чертой которого является чрезвычайная насыщенность фразеологическими единицами. Язык художественного текста, в частности, его фразеологический состав, исследуется на междисциплинарном уровне, требующем интеграции знаний литературоведения и лингвистики. В научном описании органично сочетаются компоненты лингвистики и литературоведческого стиля, соответственно эстетической природе предмета изучения, отличающегося образностью.

Цель статьи – раскрыть семантическое наполнение фразеологизмов в авторском тексте, их функциональность в формировании авторской концепции в познании человека и мира. Гипотетично можно предположить, что фразеологизмы дают ключ к расшифровке философского смысла полифонизма горьковского текста, в котором для драматурга одним из главных ориентиров является категория истины.

В семантическом поле текста «На дне» фразеологические выражения занимают очевидно значимое место. Их многочисленность и специфика функционирования обусловлены многими факторами. М. Горький, развивая авангардные начинания исторического времени, создает вслед Г. Ибсену, Г. Гауптману «новую драму», дискуссионную, актуализирующую самые болезненные проблемы эпохи. Автор «Песни о Буревестнике» и «Старухи Изергиль» пишет театральное произведение, адресованное массовой народной аудитории. Действующие лица в ней являются «аутентичными» носителями народной речи: это люди низов, дна жизни, «золотая рота», воры, преступники, люди без паспорта.

Наглядно, концентрированно и многоаспектно раскрывает роль фразеологизмов аналитическое осмысление речи одного из главных действующих лиц пьесы странника Луки. Речь Луки пересыпана меткими выражениями, что делает ее по-народному выразительной, эмоциональной и позволяет страннику быстро стать своим в ночлежке Костылева. За метким словом Лука не лезет в карман, благодаря богатому словарному запасу мгновенно, точно и образно реагирует на ситуацию. По его словам, Пепел жалеет Наташу *«как волк овцу»*. А Настя проливает слезы из-за роковой любви не напрасно и не бессмысленно, *«ведь так, без причины, и прыщ не вскочит»*.

Образ Луки демонстрирует, как глубоко осмыслено автором фразеологическое богатство русского языка и насколько многопланово используются им возможности фразеологии в реализации творческих намерений. Обращение к фразеологическим структурам – организующий авторский принцип в построении речи и образа персонажа.

Общеупотребительные, проверенные коллективным опытом, узнаваемые устойчивые выражения помогают Луке сразу наладить контакт с постояльцами ночлежки. Входит Лука в ночлежку со словами: *«Доброго здоровья, народ честной!»* Коммуникативная функция фразеологизмов по установлению контакта с окружающими сразу срабатывает, Бубнов тотчас подхватывает данный незнакомцем посыл: *«Был честной, да позапрошлой весной»*.

Выразительно реализуются в поведении Луки психологическая и характерологическая функции фразеологизмов. Беспаспортный Лука не хочет открыто рассказать о себе, намеренно скрывает прошлое. Однако в доверительном общении с другими он не может занять позицию полного умолчания. Он должен отвечать на вопросы Анны, Бубнова, Пепла, тех, кого сам вызывает на откровенность. Его ответы облечены во фразеологическую форму, позволяющую избежать конкретного признания, однако удовлетворить интерес собеседника. Общо, обтекаемо, дипломатично, намеками, иронизируя, он все-таки сообщает о себе: *«Мяли много, оттого и мягок»; «Я их, баб-то, может больше знал, чем волос на голове было...»*.

Весомая роль фразем в манифестации идеологической позиции персонажа. Он пропагандирует теорию утешительного сострадания к людям в окружающем жестоким социуме и гуманного отношения к человеку, достойному всеобщего уважения, уже потому что рожден для жизни на земле. Народный идеолог опирается на богатый народный опыт, его гуманизм укоренен в народной морали и этике, сохраняющихся в пословицах, поговорках, присловьях. *«Я и жуликов уважаю, по-моему, ни одна блоха – не плоха: все черненькие, все – прыгают...»*.

Идейный центр мировоззрения Луки составляет концепт «человек». Антропологическое содержание его теории разворачивается в широком охвате человеческого бытия, имеет поистине философское содержание. В ней опорными являются концепты «правда», «истина», «совесть», «жалость» и другие. Их смысл воспринимается и усваивается людьми низшего сословия во многом благодаря фразеологическому строю речи народного мыслителя.

В его суждениях актуально и целостно развивается экзистенциальное видение человека (от рождения и до смерти), разъясняемое простым языком фразем. В представлении Луки сущность человеческого бытия предопределена самим фактом появления на белом свете: *«Человеком родился, человеком и умрешь»*. Неоспоримы ценность человеческой экзистенции, то есть «существования в его простой фактичности» [2], природная данность, достоинство, наличие духовности и нравственного начала: *«Он какой ни есть – а всегда своей цены стоит»*. Сбереечь ценность человеческой жизни может только сострадание, человеколюбие, милосердие: *«Человека приласкать – никогда не вредно...Христос всех жалел и нам так велел»*. Надо подчеркнуть, что Лука проповедует не пассивный «утешительный гуманизм», а действительно гуманное бытие человеческого сообщества: *«и...если кто кому хорошего не сделал, тот и худо поступил»*.

Жизненные воззрения полно согласуются с коммуникативной компетентностью персонажа, которая, в частности, проявляется в умелом оперировании фразеологическим речевым запасом, используемым в соответствии с особенностями восприятия собеседников. Странник за предельно короткое время смог изучить ночлежников, являющихся непосредственными адресатами его «дискурсов». С коммуникативной точки зрения он умно рассчитывает на интеллектуальные возможности реципиента, запросы и коммуникативные ожидания. Именно с помощью фразем Лука быстро реагирует на ситуацию, оперирует узнаваемыми, зафиксированными народной памятью неоспоримыми истинами. Успокаивая умирающую Анну, для пущей убедительности прямо ссылается на «коллективный» опыт: *«...помрешь – отдохнешь, говорится ... верно это, милая!»* Добиваясь рецептивного воздействия, использует распространенные народные образы: *«...уж губы у нее землей обметало»*.

В коммуникации, благодаря умелому распоряжению фразеологическим потенциалом языка, Лука выступает как опытный оратор, усвоивший правила речевой суггестии. Создавая собственные фразеологические обороты в непосредственном общении с «золотой ротой», он использует не абстрактные слова, а доступную восприятию массовой аудитории лексику. Касаясь конкретной ситуации, в которой конкретный собеседник ждет конкретного решения и желанного совета, он находит самые продуктив-

ные способы воздействия. С помощью сравнений встраивается образное выражение, которое основано на понятном номинативном значении слова. *«Кто в силе да в разуме, тому там – как огурцу в парнике!»* – разъясняет Лука Пеплу преимущество жизни в Сибири. Для актера, страдающего алкоголизмом, нет сомнений в истинности слов старика: *«Признали, видишь, что пьяница – тоже человек»*.

Мгновенную психологическую действенность высказываний Луки объясняет мастерское использование ключевого свойства фразеологического значения, отличающего его «от лексического прежде всего степенью интенсивности проявления признака» [3, с. 109]. Интенсивность продуцируется интенциональным повтором слов: *«Любить – живых надо... живых...»*. Убедительностью пафоса: *«Человек – все может ... лишь бы захотел...»*. Глубоким, но понятным философским смыслом: *«Все мы на земле странники»*. В неопровержимости сказанного убеждают краткость формы и емкость смысла: *«Во что веришь, то и есть...»*. Важно, что сила речей Луки поддержана и тем, что в них слово не только выношено и отшлифовано его носителем, но и проверено жизненной практикой: *«Уважьте человеку... не в слове – дело, а почему слово говорится? – вот в чем дело!»* Лука, как и автор, верит в действенную силу слова, в «память слова», реальную жизненную востребованность его.

В совокупности широкого спектра функций фразеологизмов воплощается их художественная образотворческая предназначенность, что наглядно проявляется в сопоставлении фразеологического строя речи Луки с другими персонажами. Наиболее редко встречаются фраземы в речи Костылева, Квашни, Василисы, Медведева. Общность этой группы персонажей подтверждается использованием традиционных устойчивых словосочетаний, бытующих в народе в виде поговорок, пословиц, присловий. У Горького они свойственны речи маловыразительных действующих лиц и выполняют единичную функцию. Например, Квашня свое намерение выйти замуж обдумывает, ссылаясь на расхожие мнения: *«Замуж бабе выйти – все равно как зимой в прорубь прыгнуть: один раз сделала, – на всю жизнь память»*. Костылев комментирует появление умирающей Анны и сострадающего ей Луки: *«Ах, и хороша парочка, баран да ярочка»*. Высказывание хозяина ночлежки совсем не увязывается с реальным трагизмом происходящего. Укрывается за общеизвестным, распространенным штампом и Василиса, покинутая и оскорбленная Василием Пеплом: *«Насильно мил не будешь»*.

В речи персонажей-хищников семантика фразеологических сращений ограничена функцией выразительности и экспрессивно-оценочной рефлексии. Во всех сюжетных эпизодах они просто отговариваются, им нечем возразить, остается только сослаться на неопровержимость опыта других. По замечанию М. Л. Ковшовой, фразеологии «трудно возразить, потому что она проверена веками.... Фразеологизм – это почти аргумент. За каждым фразеологизмом стоит сжатый, емкий текст – и не одного человека, а общей культуры» [4].

Горький-драматург отказывает второстепенным персонажам в яркости и выразительности речи, прибегая к смысловому минус-приему, этим подчеркивая малозначительность их идейных позиций в смысловой содержательности прогрессивной авторской концепции. На их фоне роль Луки особенно выразительна.

В широком разнообразии фразеологизмов, наблюдаемых в речи Луки, важное место занимают авторские новообразования. Они рождаются в правдоподобной дискуссионной ситуации как свободные выражения, непосредственно соотнесены с участием персонажа в обсуждении насущных проблем, выделяются своевременностью мысли, соотнесены с современностью, многочисленны и полисемантичны.

Одна из отличительных их характеристик – ясно выраженная и многопланово проявляющаяся когнитивная роль. Огромное информативно-познавательное значение имеют речи Луки для жителей ночлежки. Они впервые узнают о существовании лечебниц для алкоголиков, о реальной возможности переселения в Сибирь – и, действитель-

но, странник нигде не врет. Им открываются и новые сведения о себе. Васька Пепел вдруг осознает, что потерял среди воров и беспризорных собственное имя. Актер, всё забывший, с трудом, но вспоминает о бывшем в его карьере театральном успехе. До всех «сожителей» на дно жизни доходит исторически новое видение личности, отражающее прогрессивные эпохальные тенденции в отношении к человеку из социальных низов.

Фразеологические новообразования, характерные для речи народного мыслителя, явственно выражают один из векторов мышления самого автора. Они настолько глубоки по смыслу, выразительны по форме, эмоциональны по модальности, значимы по философскому смыслу, что приближены к познанию правды и истины. Людьми, выброшенными на дно жизни, принимаются на веру. Для читателей и зрителей становятся путеводными маяками.

Здесь явно реализуется главная функция драматического идиостиля Горького – прагматическая, соответственно которой «чрезвычайно важным условием ... является понимание того места, которое отводит себе говорящий в языковом мире» [5]. Автор проверяет разные точки зрения, обозначает стратегию разнонаправленного поиска истины, шлифует формы общения персонажей, стремясь к тому, чтобы мысль говорящего была не просто замечена, но, вступив в диалог с другими мнениями, потенциально оставалась открытой для осмысления. Новое в познании человека транслируется со сцены в зрительный зал, резонирует с внутренними ожиданиями присутствующих. Подобно Сатину – идейному оппоненту Луки, адресат запоминает идеи странника, повторяет его словесные формулы, осваивает понятные ему аксиологические послылы: «...все, как есть, для лучшего живут», «... всякого человека и уважать надо», «Не обижай человека!». У Луки нет негативно окрашенных жизненных позиций, что позволяет отнести его к разряду экзистенциальных оптимистов и зрителю / читателю настроиться на позитивное приятие жизни.

Время подтвердило ценность фразеологических новообразований М. Горького уже тем фактом, что множество цитат из пьесы «На дне» превратилось в крылатые выражения, многие оторвались от имени создателя и бытуют самостоятельно: например, «На карете прошлого далеко не уедешь».

Итак, исследование художественного текста выразительно раскрывает полифункциональность и полисемантическую фразем в пьесе Горького «На дне». Автор как большой мастер слова, искусно владеющий пером, талантливо использует функциональные возможности русской фразеологии, активизируя ее коммуникативный, когнитивный, дидактический, прагматический потенциал. Сбалансированно подчиняет их решению авторской сверхзадачи в создании «новой» пьесы и ясно осознает, что не может выступить в роли всевидящего и всезнающего пророка. Драматург, чутко улавливая и скрупулезно выверяя новые смыслы жизни, выступает в ипостаси личности начала XX века, проповедуя новый взгляд на человека и ясно осознавая, что не может преподнести читателю / зрителю истину в последней инстанции.

Список использованных источников

1. Шанский, Н. М. Фразеология современного русского языка : учебное пособие для вуза / Н. М. Шанский. – М. : Высшая школа, 1985. – 160 с.
2. Экзистенция // Философская энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/1400/. – Дата доступа : 06.10.2020.
3. Далецкий, Чеслав / Риторика: заговори, и я скажу, кто ты : учебное пособие / Чеслав Далецкий. – М. : Омега-Л, 2004. – 488 с.
4. Ковшова, М. Л. Фразеология – ключ к познанию культуры и человека / М. Л. Ковшова [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://sn.ria.ru/20150311/1051998617.html>. – Дата доступа : 06.10.2020.

5. Норман, Б. Ю. Лингвистическая прагматика (на материале русского и других славянских языков) : курс лекций / Б. Ю. Норман. – М., 2009. – 183 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://elib/bsy/bitstream/123456789/1690/2/Norman/pdf>. – Дата доступа : 6.10.2020.

Abstract. The article examines the functions of the phraseological units used in Gorky's play «At the Bottom», reveals their role in the formation of the meaning of the author's concept, which is controversial and polyphonic. The author proves the idea that an objective understanding of the meaning of the meaning of the philosophical play «At the Bottom» is impossible without a scrupulous study of the language of the work, a distinctive feature of which is the extreme saturation of phraseological units.

Keywords: phraseological units, functions, Gorky's play «At the Bottom» character speech, author's concept, polyphonism.

УДК 811.161.1'42:821.161.1-84

В. И. Карасик

САМООЦЕНКА ЛИЧНОСТИ В АФОРИСТИКЕ

Аннотация. Рассматривается самооценка человека, выраженная в афористике. Показаны многомерность и амбивалентность такой оценки: осуждаются завышенная самооценка, чрезмерное честолюбие и болезненное самолюбие. Вместе с тем критике подвергаются недостаточное самоуважение и поведение тех, кто не заботится о своей репутации.

Ключевые слова: язык и культура, ценности, афоризмы, оценка, самооценка.

Самооценка личности – один из важнейших регулятивов поведения. Этот параметр отношения человека к себе представлен в виде группы концептов «честь», «репутация», «лицо», «честолюбие», «амбиция», «самолюбие», «самоуважение», «высокомерие», «спесь», «чванство». Эти ментальные образования представляют собой диффузное поле с акцентированным оценочным содержанием. По своей тематике это самооценка индивида и его оценка со стороны других людей, включающая его стремление занять более высокую позицию в обществе с учетом принятых норм достойного поведения, демонстрацию этого стремления и отношение окружающих к такой самооценке и ее проявлению.

Психологи называют это обычно «Я-концепция». Интересный анализ этого феномена в обиходном сознании предложен в работе Р. М. Фрумкиной (в развитие концепции Ю. С. Степанова) [1]. Как и другие концепты обиходной социальной психологии, эти ментальные отражения своего «Я» представляют собой градуальное образование и могут быть представлены в виде нескольких условных шкал, предельные точки на первой обозначают уважительное и неуважительное отношение человека к обществу, на второй – одобрение и неодобрение поведения этого человека со стороны других людей, на третьей – стандартную либо обостренную чувствительность к мнению о себе от окружающих, на четвертой – реальное и мнимое достоинство личности. Основой такой самооценки и оценки является осознание своей чести, одного из фундаментальных достоинств личности.

Как и другие эмоционально маркированные концепты, честь осмысливается как интериоризованное проявление отношений к человеку: я уважаю себя, поскольку я веду себя так, как должен, стараюсь уважать других людей и хочу, чтобы другие это видели и понимали. Э. Бенвенист приводит объяснение развития концепта «честь» у индоевропейцев: у древних греков противопоставлялась честь как материальные почести, предоставляемые царю или герою, и как достоинства божественного происхождения [2, с. 274]. Конкретизация ситуации, раскрывающей смысл этого концепта, показывает его динамику: доля в добыче – право на долю в добыче – выражение поддержки этого

права – понимание своей ответственности за эту поддержку – оценка такого понимания со стороны других людей – самооценка такого понимания.

Репутация в этой связи представляет собой оценку поведения человека со стороны других людей и стремление индивида завоевать и сохранить свою положительную репутацию. Репутация в глазах других людей уточняется применительно к самооценке и оценке своих поступков в виде концепта «лицо»: человек может сохранить репутацию, но потерять лицо в собственных глазах, и наоборот – сохранить лицо, но нанести ущерб своей репутации.

Честолюбие осмысливается как стремление человека добиться более высокого положения, чем то, которое он занимает и которое занимают окружающие его люди. Считается, что такое стремление не должно быть доминирующим у личности, во-первых, и слишком открыто проявляться, во-вторых. Не случайно говорят: *«Карьеризм вредит карьере»*. Тем не менее, в определенных границах такое стремление поощряется, это называется «здоровым честолюбием». Чрезмерное честолюбие в русской лингвокультуре ранее оценивалось отрицательно и получило специальное название «амбиция, амбициозность». Считалось (и не без оснований), что амбициозная личность легко нарушает нормы поведения ради достижения своих целей, не уважает других людей и неадекватно оценивает свои возможности (*«Для амбиции нужна амуниция»*). Отрицательная оценка честолюбия обусловлена различными мотивами. Во-первых, стремление занять более высокое положение может не соответствовать неписаным законам общества о должной скромности и уважительности и умению вести себя в условиях высокой состязательности (*«Если ты растёшь, не обижайся, когда тебя поливают»*). Во-вторых, такая оценка отражает позицию пассивного большинства, которое не хочет и не может принимать участие в состязании, т. е. продиктована завистью. Заметим, что особенно резко осуждается демонстрация пренебрежительного неуважения кого-либо к другим людям: высокомерие, чванство, гордыня, заносчивость, спесь. Кроме того, критически оценивается чрезмерное стремление к известности, к славе (тщеславие).

Самолюбие осмысливается как аксиологически амбивалентное понятие: считается, что оно присуще каждому человеку, его отсутствие вызывает обвинение в бесхарактерности и несамостоятельности, однако гипертрофированное самолюбие свойственно конфликтным личностям, с которыми неприятно иметь дело.

Обратившись к оценке рассматриваемых концептов в афоризмах [3], отметим, что в этих высказываниях содержится многомерная оценка соответствующих человеческих качеств.

Людям свойственно сравнивать себя с другими:

Одна из причин жадности, с которой читаем записки великих людей, – наше самолюбие: мы рады, ежели сходствуем с замечательным человеком чем бы то ни было, мнениями, чувствами, привычками – даже слабостями и пороками (А. С. Пушкин), *Мы не в силах пренебречь презрением окружающих: у нас слишком мало самолюбия* (Л. де-Вовенарг), *Совершение добрых дел льстит самолюбию, создавая ощущение превосходства* (Ж.-Ж. Руссо), *Из всех страстей человеческих, после самолюбия, самая сильная, самая свирепая – властолюбие* (В. Г. Белинский), *Есть три разряда людей: высокомерные, гордые и прочие. Прочих я еще никогда не встречал* (О. Детёф).

Самопозиционирование личности весьма вариативно:

Как-то Диоген, прибыв в Олимпию и заметив в праздничной толпе богато одетых родосских юношей, воскликнул со смехом: «Это спесь». Затем философ столкнулся с лакедемонянами в поношенной и неопрятной одежде. «Это тоже спесь, но иного рода», – сказал он (Диоген), *Какую же ты обнаруживаешь спесь, притворяясь таким смиренным!* (Платон), *Остроумие есть отшлифованное высокомерие* (Аристотель), *Наше самолюбие больше страдает, когда порицают наши вкусы, чем когда осуждают наши взгляды* (Ф. де Ларошфуко), *Наше самолюбие протиснется в любую щель* (У. Гэзлитт).

Завышенная самооценка наносит ущерб человеку:

От высокомерия происходит раздор, а у советующихся – мудрость (Книга притчей Соломоновых), *Выше высокомерия нет гнуснее порока* (Менандр), *Учтивость отомкнет везде / Расположенъе и доверье, / А глупое высокомерье – / Ключ к неприязни и вражде* (Лопе де Вега), *Печальная участь ожидает того, кто наделен талантом, но вместо того, чтобы развивать и совершенствовать свои способности, чрезмерно возносится и предается праздности и самолюбованию. Такой человек постепенно утрачивает ясность и остроту ума, становится косным, ленивым и обрастает ржавчиной невежества, разъедающей плоть и душу* (Леонардо да Винчи), *Высокомерие складывается из чересчур высокого мнения о себе и чересчур низкого о других* (М. де Монтень), *Высокомерие – вот единственная причина того, что мы так дерзко заносимся перед низшими и так постыдно пресмыкаемся перед высшими* (Ж. де Лабрюйер), *Человек, высокомерный и спесивый в обществе, обычно добивается результата, прямо противоположного тому, на который рассчитывает, – если, конечно, он рассчитывает на уважение* (Ж. де Лабрюйер), *Высокомерное поведение создает больше врагов, чем повышение в ранге – завистников* (Л. де Бональд), *Высокомерие плебейский порок* (М.-Э. Эшенбах), *Безмерное самолюбие и самомнение не есть признак чувства собственного достоинства* (Ф. М. Достоевский).

Вместе с тем у человека должны быть самолюбие и самоуважение:

Самолюбие не так заслуживает осуждения, как недостаток самоуважения (У. Шекспир), *Мы не в силах пренебречь презрением окружающих: у нас слишком мало самолюбия* (Л. Вовенарг), *В природе человеческой два противоположных начала: самолюбие, влекущее нас к себе самим, и добродетельность, толкающая нас к другим. Если бы одна из этих пружин сломалась, человек был бы злым до бешенства или великодушным до безумия* (Д. Дидро), *Тщеславие – свойство натур слабых и порочных, тогда как разумное самолюбие присуще людям вполне порядочным* (Н. Шамфор), *Человек без самолюбия ничтожен. Самолюбие – архимедов рычаг, которым землю с места можно сдвинуть* (И. С. Тургенев).

Люди болезненно переживают угрозу их самолюбия:

Самолюбие есть надутый воздухом шар, из которого вырываются бури, когда его прокалывают (Вольтер), *Насмешка – хорошее испытание для самолюбия* (Л. де Вовенарг), *Гордость не хочет быть в долгу, а самолюбие не желает расплачиваться* (Ф. де Ларошфуко).

Завышенное самолюбие свидетельствует о недостатке ума:

Старик, если только он не очень умен, всегда высокомерен, спесив и неприступен (Ж. де Лабрюйер), *Говоря: «жизнь коротка» – мы высокомерно примеряемся к вечности* (А. Кумор).

Самолюбие парадоксально проявляется в любви:

Любовь сильнее самолюбия: женщину можно любить, даже когда она презирает вас (Л. де Вовенарг), *Любовь тщеславна и самолюбива от начала и до конца* (Дж. Г. Байрон), *Самые самолюбивые люди – это люди, не любящие себя* (Н. А. Бердяев).

В афоризмах сказано о приоритете совести по сравнению с репутацией:

Думай больше о совести, чем о репутации (П. Сир), *О своей репутации заботятся многие, о своей совести – лишь некоторые* (П. Сир), *Почет ценнее известности, уважение ценнее репутации, честь ценнее славы* (Н. Шамфор), *Репутация – это маска, которую человеку приходится носить точно так же, как брюки или пиджак* (Дж. Б. Шоу), *Высокая репутация – первейшая необходимость для жулика* (А. Кристи).

Репутацию можно легко потерять:

Разрушенная репутация подобна разбитой вазе – ее можно склеить, но всегда заметны поврежденные места (Дж. Биллингс), *Репутация многих людей перешла бы*

на другую сторону улицы, доведись им случайно встретиться (Э. Хаббард), Ничто так долго не сохнет, как подмоченная репутация (Г. Коваль).

Существуют действенные средства и приемы нейтрализации высокомерия:

Иной раз довольно не примириться с высокомерием и чванством, чтобы обратить их в ничто; порой их достаточно не заметить, чтобы они стали безвредны (Н.-С. Шамфор), Чашечка кофе после обеда – и наше самоуважение возрастает; точно так же достаточно порою небольшой шутки, чтобы сбить большую спесь (Л. де-Вовенарг), Любовь смиряет гордые сердца, учит высокомерных снисхождению, но главное ее свойство все возвышать и облагораживать (Т. Майн Рид).

Обсуждая честолюбие, мыслители с древних времен говорят о его разрушительной силе:

Ненасытное честолюбие помрачает ум человека, и он не замечает грозящих ему опасностей (Эзоп), Большое честолюбие издавна превращало благоразумных в безумцев (И. Кант), Пылкое честолюбие с самой юности изгоняет из нашей жизни всякую радость: оно хочет править единовластно (Л. Вовенарг), Честолюбие – последнее прибежище неудачника (О. Уайльд), Где замешано честолюбие, там нет места чистосердечию (О. Бальзак), Честолюбие великого ума в лучшем случае негативно. Он борется, трудится, создает не потому, что стремится к превосходству, но потому, что нестерпимо быть превзойденным, чувствуя в себе способность превзойти (Э. По), Люди самолюбивые любят власть, люди честолюбивые – влияние, люди надменные ищут того и другого, люди размышляющие презирают и то и другое (В. О. Ключевский).

Вместе с тем отмечены положительные характеристики честолюбия:

Честолюбие само по себе, может быть, и порок, но оно часто является источником достоинства (Квинтилиан), Честолюбие человека умного и порядочного заключается в том, чтобы выделиться среди других своим добрым именем и быть ценным за свои знания, правдивость и благородство – качества, которые нигде не могут быть куплены, а могут быть приобретены только теми, у кого ясная голова и доброе сердце (Ф. Честерфилд).

Самолюбие дезориентирует человека:

Величайший из всех льстецов – самолюбие (Ф. Ларошфуко), Самолюбие – скорее заносчиво, чем слепо; оно не скрывает от нас наши просчеты, однако убеждает нас в том, что просчеты эти со стороны незаметны (С. Джонсон), Люди всегда так – по самолюбию ближнего готовы бить топором, а когда их собственное самолюбие уколет иголкой, они вопят (А. Дюма), Ничто так не льстит нашему самолюбию, как репутация грешника (О. Уайльд), Самолюбивый человек тот, кто мнением других о себе дорожит больше, чем своим собственным. Итак, быть самолюбивым – значит любить себя больше, чем других, и уважать других больше, чем себя (В. О. Ключевский).

Афористы констатируют естественное желание людей оценивать себя на фоне других, говорят о вариативности и амбивалентности такой оценки, осуждают тех, кто чересчур озабочен своей репутацией, кто слишком зависит от чужого мнения, т. е. людей с ущербной самооценкой, но вместе с тем призывают заботиться о своем добром имени, которое легко потерять.

Список использованных источников

1. Фрумкина, Р. М. Константы культуры – продолжение темы / Р. М. Фрумкина // Язык и культура: Факты и ценности: к 70-летию Юрия Сергеевича Степанова / отв. ред. Е. С. Кубрякова, Т. Е. Янко. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – С. 167–177.
2. Бенвенист, Э. Словарь индоевропейских социальных терминов: пер. с фр. / общ. ред. И вступ. ст. Ю.С. Степанова / Э. Бенвенист. – М.: Прогресс – Универс, 1995. – 456 с.
3. Афоризмы. Золотой фонд мудрости / сост. О. Т. Ермишин. – М.: Просвещение, 2006. – 1695 с.

Abstract. The paper deals with aphoristic expression of self-evaluation. This concept is multi-dimensional and ambivalent: on the one hand, one's overestimation, excessive ambition and sickly psychological vulnerability are criticized, on the other hand, low self-esteem and nonchalance to one's reputation are reproved.

Keywords: language and culture, values, aphorisms, evaluation, self-evaluation.

УДК 811.161.1'42'371'373.6:398.92:004.77:366.46

В. И. Коваль

ИНТЕРНЕТ-ФРАЗЕОЛОГИЗМ *НИГЕРИЙСКИЕ ПИСЬМА*: СЕМАНТИКА, ПРОИСХОЖДЕНИЕ, ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ

Аннотация. Анализируется семантика и внутренняя форма устойчивого словосочетания *нигерийские письма*, активно функционирующего в интернет-коммуникации и используемого для речевой манипуляции поведением потенциальных реципиентов. Выявляется сюжетное разнообразие нигерийских писем. Определяется смыслообразующий потенциал компонентов, входящих в состав интернет-фразеологизма *нигерийские письма*.

Ключевые слова: *нигерийские письма*, фразеологизм, семантика, речевое манипулирование, функционирование.

Фразеологизм *нигерийские письма*, относительно недавно возникший в сфере интернет-коммуникации, употребляется в отвлеченном негативно-характеризующем значении – ‘мошенничество, основанное на рассылке электронных писем с целью незаконного получения денежных средств’. Сравн. другие определения этого устойчивого словосочетания: ‘мошеннические рассылки с целью вымогательства финансовых средств или персональных данных получателя’ [1, с. 38]; ‘спам, электронные письма, рассылаемые с целью мошенничества, вымогания денег’ [2, с. 133]; ‘форма спама, рассылка пользователям электронных почтовых ящиков сообщений с просьбой перечислить денежные средства на лицевой счёт, указанный в письме’ [3, с. 133]; ‘вид спама, в котором пользователя просят выслать какую-то сумму, с которой он потом получит баснословную прибыль’ [4]; ‘выманивание у адресата небольших сумм денег под предлогом обещания поделиться крупным наследством’ [5, с. 100].

«Нигерийские письма» относят также к разновидности такого хорошо известного речевого жанра, как «письма счастья» [6, с. 29] – имевшие хождение еще в средневековой в Европе письменные сообщения религиозного или мистического характера, в которых содержалась просьба или требование распространить копии этого сообщения. Показательно, что в современной разговорной речи устойчивое словосочетание *письма счастья* используется для иронической характеристики извещений о необходимости уплаты каких-либо платежей («коммуналки», алиментов, штрафа за нарушение правил дорожного движения и др.).

Отметим, что языковые особенности нового активно развивающегося вида электронной коммуникации всесторонне изучаются российскими лингвистами в серьезных научных изданиях, а в 2014 году в Кемеровском государственном университете по специальности «теория языка» была даже защищена кандидатская диссертация «Стратегическая организация манипулятивной коммуникации в рамках речевого жанра “нигерийское письмо”». Автор диссертации, используя богатый и разнообразный фактический материал – более трехсот «нигерийских писем» на русском, английском, французском, испанском и итальянском языках – охарактеризовала данный жанр как проявление манипулятивного воздействия, имеющего место в коммуникации и, главным обра-

зом, остановилась на описании вербальных средств, используемых адресантами для достижения собственных целей [7].

Адъективный компонент фразеологизма *нигерийские письма* реализует «в первом приближении» лишь свое прямое значение, указывая на географическую «привязку» письменных текстов. (Характерно, что, отвечая на наш вопрос о том, что обозначает словосочетание *нигерийские письма*, почти все респонденты, в недоумении пожимая плечами, отвечали: «Как что? Просто – письма из Нигерии»). В действительности возникновение этого оборота связано с тем обстоятельством, что первоначально подобные многообещающие «письма» рассылались еще в «докомпьютерную» эпоху именно из Нигерии, и лишь в дальнейшем география *нигерийских писем* значительно расширилась, поскольку такие послания высылались и продолжают высылаться не только из разных африканских стран, но и из государств Азии, Америки и Европы.

Естественно, что в таком случае степень фразеологизации рассматриваемого устойчивого словосочетания значительно возрастает, поскольку оно постепенно используется уже не столько для обозначения конкретного содержания письменных сообщений из определенной страны, сколько для характеристики очевидной мошеннической схемы: «От имени лиц различного социального статуса и рода деятельности у получателя письма просят помощи во многомиллионных денежных операциях, обещая солидные проценты с сумм. Взамен адресат подобного письма должен предоставить лицу, позиционирующему себя как автор письма, некоторые свои персональные данные, как-то: адрес, паспортные данные, номер банковского счета или кредитной карты. Если получатель согласится участвовать, у него постепенно выманиваются крупные суммы денег якобы на оформление сделок, уплату сборов, взятки чиновникам, а потом и штрафы. Если получатель отправляет свои данные, а затем, в какой-то момент, отказывается от «сотрудничества», его начинают шантажировать, используя полученные персональные данные» [6, с. 29].

Совершенно очевидно, что в данном случае речь идет о так называемой речевой манипуляции, которая представляет собой «речевое воздействие, направленное на неявное, скрытое побуждение адресата к совершению определенных действий»; цель речевой манипуляции заключается в том, чтобы «склонить манипулируемое лицо (адресата) к тому, чтобы принять определенные высказывания за истинные без учета всех аргументов» [8, с. 19].

Среди разнообразных сюжетов *нигерийских писем* назовем основные:

– «бизнесмен, нуждающийся в партнере», сообщает о том, что из-за сложившихся неблагоприятных обстоятельств (преследований по политическим мотивам или угроз со стороны преступников) он готов перевести крупную денежную сумму (от нескольких сотен тысяч до нескольких миллионов долларов) на безопасный банковский счет реципиента, но для этого необходимы все сведения о данном счете;

– «выигрыш в лотерею»: адресату сообщается новость о том, что он случайно стал обладателем крупной денежной суммы по итогам лотереи, проводившейся между различными адресатами электронной почты, и для получения выигрыша необходимо заплатить определенный налог;

– «наследство богатого родственника»: адресат получает письмо от «адвоката» его дальнего родственника, который внезапно умер или погиб в авиационной (автомобильной, железнодорожной) катастрофе; получателю полагается солидное наследство, но для получения денег требуется подробная информация о его банковском счете;

– «деньги попавшего в бедственное положение богатого наследника»: адресант сообщает о том, что, будучи сыном (дочерью) убитого миллионера, он является беженцем или военнопленным и хочет перевести состояние отца на имя подставного лица, которому в дальнейшем будет выплачена значительная денежная сумма; с этой целью у будущей «жертвы» просят сообщить свои банковские реквизиты;

— «неизлечимо больной» ставит в известность получателя письма о своем намерении создать от его имени – добропорядочного и честного человека – благотворительный фонд для помощи бедным (тяжело больным, инвалидам), но для оформления финансовых документов необходимо перевести определенную сумму на счет в европейском (азиатском, африканском) банке;

– «кредит для бизнеса»: реципиенту на льготных условиях (без залога или стартового взноса) предлагается взять большой кредит для реализации его бизнес-проекта, для чего требуется лишь оплатить расходы банка по оформлению кредита и проектной документации;

– «одиноким отставной военный ищет спутницу жизни»: представившись бывшим военным (участником секретных спецопераций), мошенник живописно и прочувствованно излагает женщине (как правило, заявляющей о себе на сайтах знакомств) историю своей полной лишений жизни, не забывая при этом упомянуть о том, что он является обладателем огромного наследства, завещанного ему умершим (погибшим в катастрофе) богатым родственником; в завершение «одиноким отставной военный», предлагая женщине руку и сердце, просит ее перевести на его имя для оформления наследства определенную сумму на счет в зарубежном банке.

Настоящей «классикой жанра» считают самое смешное мошенническое письмо от имени брата первого нигерийского космонавта, долгие годы находящегося в полном одиночестве на орбитальной станции:

«Меня зовут Бакаре Тунде, я брат первого нигерийского космонавта, майора ВВС Нигерии Абака Тунде. Мой брат стал первым африканским космонавтом, который отправился с секретной миссией на советскую станцию «Салют-6» в далеком 1979 году. Позднее он принял участие в полете советского «Союза Т-163» к секретной советской космической станции «Салют-8Т». В 1990 году, когда СССР пал, он как раз находился на станции. Все русские члены команды сумели вернуться на землю, однако моему брату не хватило в корабле места. С тех пор и до сегодняшнего дня он вынужден находиться на орбите, и лишь редкие грузовые корабли «Прогресс» снабжают его необходимым. Несмотря ни на что, мой брат не теряет присутствия духа, однако жаждет вернуться домой, в родную Нигерию. За те долгие годы, что он провел в космосе, его постепенно накапливающаяся заработная плата составила 15 000 000 американских долларов. В настоящий момент данная сумма хранится в банке в Лагосе. Если нам удастся получить доступ к деньгам, мы сможем оплатить Роскосмосу требуемую сумму и организовать для моего брата рейс на Землю. Запрашиваемая Роскосмосом сумма равняется 3 000 000 американских долларов. Однако для получения суммы нам необходима ваша помощь, поскольку нам, нигерийским госслужащим, запрещены все операции с иностранными счетами. Вечно ваш, доктор Бакаре Тунде, ведущий специалист по астронавтике».

В рамках жанра *нигерийских писем* выделяют три динамических типа дискурса: *восходящий*, начинающийся с подробного рассказа о личной жизни находящегося в трудной ситуации адресанта и завершающийся «манипулятивным посылом»; *нисходящий*, начинающийся с «манипулятивного посыла» и характеризующийся в дальнейшем обстоятельным изложением жизненных обстоятельств; *шоковый* (или *точечный*), состоящий только из «манипулятивного посыла» [6, с. 31–31].

Рассматриваемый фразеологизм, по нашим сведениям, пока не зафиксирован в современных толковых словарях русского языка. Отсутствует он и в «Самом новейшем толковом словаре русского языка XXI века» Е. Н. Шагаловой, хотя и упоминается в этом источнике для иллюстрации употребления неологизма *фишинг* в качестве близкой по значению номинации: *Особую опасность таят в себе послания, которые используются для того, чтобы выманить у получателя письма деньги. Это и так называемые «нигерийские письма» (предложения вложить деньги в сверхдоходное предприятие), и фишинг – выма-*

нивание конфиденциальных данных – пароля, PIN-кода и прочих сведений, необходимых для электронного ограбления («Новые известия», 17.02.2009) [9, с. 336].

Как свидетельствуют данные Национального корпуса русского языка, в средствах массовой информации, кроме устойчивого словосочетания *нигерийские письма*, с тем же значением употребляются выражения *нигерийские письма счастья* и *нигерийская почта*: Как оказалось, это один из распространенных на сегодня способов мошенничества, который получил даже специальное название «нигерийские письма» (В. Васильев. «Нигерийские письма» // Труд-7, 2003.09.04); Статистику обманутых «нигерийскими письмами» в России никто не ведет (А. Савин. Миллионы Лимпопо. Волна «Нигерийской почты» захлестнула компьютеры российских пользователей // «Известия», 2003.02.10); Это были знаменитые «нигерийские письма»: адресатам предлагали помочь с переводом средств людям, которым подобные операции в Нигерии запрещены (С. Лютых. «Действовали дерзкие черные парни» // lenta.ru, 2018.02.25); Власти надеются, что эти меры позволят Нигерии выйти из первой десятки стран с самой широкой распространенностью мошеннических электронных посланий и оставить в прошлом само понятие «нигерийских писем счастья» (П. Тарасенко. Нигерия взялась за спамеров // РБК Daily, 2009.10.27); Общее число потерь от «нигерийской почты» за все время ее действия составило в Америке \$ 100 миллионов (А. Савин. Миллионы Лимпопо. Волна «Нигерийской почты» захлестнула компьютеры российских пользователей // «Известия», 2003.02.10) [10].

Приведенный материал позволяет говорить о специфичности распределения смысловой и фразеомобразующей нагрузки во фразеологизме *нигерийские письма*. Грамматически стержневой субстантивный компонент *письма* фактически реализует свое прямое значение – ‘написанные тексты, передаваемые, посылаемые кому-либо для какого-либо сообщения’. Важно при этом подчеркнуть, что форма множественного числа именного компонента в данном случае обозначает совокупность предметов как нерасчлененного множества: речь идет о письменных текстах, обладающих рядом обобщенных специфических признаков. В то же время синтаксически зависимый адъективный компонент этого фразеологизма – *нигерийские* – является не только смыслообразующим, но и формирующим выразительную негативную коннотацию устойчивого словосочетания в целом. Сказанное позволяет отнести номинацию *нигерийские* к числу слов, обладающих, в соответствии с известной классификацией В. В. Виноградова, фразеологически связанным значением, поскольку данное слово имеет избирательную, ограниченную (точнее – единичную) сочетаемость со словом-компонентом *письма*.

Список использованных источников

1. Кожеко, А. В. Эпистолярные жанры интернет-коммуникации: лингво- прагматический и лингвостилистический аспекты (на материале русскоязычных текстов) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / А. В. Кожеко ; Сибирский федеральный ун-т. – Красноярск, 2020. – 328 с.
2. Доброва, Мария. Русские фразеологизмы в интернет-дискурсе: функциональный аспект / Мария Доброва. – Оломоуц : Университет Палацкого в Оломоуце, 2018. – 247 с.
3. Филиппова, Е. А. «Нигерийское письмо»: власть, управление, манипуляция в среде массмедиа / Е. А. Филиппова // Аспирантский вестник Поволжья. – 2015. – Т. 15. – № 7–8. – С. 133–137.
4. Станкевич, В. Что такое нигерийский спам? / В. Станкевич [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.kv.by/archive/index2008241105.htm>. – Дата доступа : 10.09.2021.
5. Фенина, В. В. Особенности речевого манипулирования в электронных спам-письмах / В. В. Фенина // Язык и культура. – 2017. – №3. – С. 97–114.
6. Колмогорова, А. В. Речевой субжанр «нигерийские письма» как одна из форм коммуникативной манипуляции / А. В. Колмогорова // Вестник КемГУКИ. – №19. – 2012. – С. 29–37.

7. Радевич, В. В. Стратегическая организация манипулятивной коммуникации в рамках речевого жанра «нигерийское письмо»: дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / В. В. Радевич ; Сибирский федеральный ун-т. – Красноярск, 2014. – 194 с.

8. Чернявская, В. Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия : учеб. пособие / В. Е. Чернявская. – М. : Флинта: Наука, 2012. – 128 с.

9. Шагалова, Е. Н. Самый новейший толковый словарь русского языка XXI века : ок. 1500 слов / Е. Н. Шагалова. – М. : АСТ : Астрель, 2011. – 413 с.

10. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.ruscorpora.ru>. – Дата доступа : 11.09.2021.

Исследование выполнено в рамках финансируемой темы «Беларуска-рускія фразеалагічныя і парэміялагічныя паралелі ў слоўніку і інтэрнэт-камунікацыі», № государственной регистрации 20212044, дата государственной регистрации 02.06.2021.

Abstract. The semantics and internal form of the stable phrase *Nigerian letters*, which is actively functioning in Internet communication and is used for speech manipulation of the behavior of potential recipients, are analyzed. The plot variety of Nigerian letters is revealed. The semantic potential of the components that make up the Internet phraseology *Nigerian letters* is determined.

Keywords: *Nigerian letters*, phraseology, semantics, speech manipulation, functioning.

УДК 811.161.1'06'367.623'37

М. М. Козловская

КОЛОРАТИВНЫЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ В НОВЫХ УСТОЙЧИВЫХ СОЧЕТАНИЯХ РУССКОГО ЯЗЫКА

Аннотация. В статье рассмотрены колоративные прилагательные, отмеченные в современных словарях в составе новых устойчивых сочетаний. В образовании неоднословных единиц чаще всего участвуют лексемы *черный, белый, красный*. Новые сочетания с данным компонентом отражают реалии современного мира и формируются при участии процессов семантической деривации. Переосмысление сочетания или его компонентов основано на реальном сходстве / смежности объектов, на символическом восприятии цвета, на сочетании этих критериев. Наблюдаются варианты сочетаний, антонимические пары.

Ключевые слова: колоратив, прилагательное, новые сочетания, устойчивые сочетания, русский язык, семантическая деривация.

В языковой картине мира значимое место занимают колоративы – слова со значением цвета. Они тесно связаны с национально-культурными традициями носителей конкретного языка и, выступая в качестве содержательного элемента культуры, характеризуют, систематизируют предметы, социальные установки и нравственно-эстетические понятия [1]. С их помощью создается художественный образ, достигается эмоциональная выразительность, выражается определенное смысловое значение [2]. Будучи одним из знаков визуальной информации, цветообозначения выполняют следующие важные функции [3]:

- 1) коммуникативные (устанавливают те или иные связи между элементами),
- 2) символические (указывают на предмет, явление, сущность),
- 3) выразительные (передают и вызывают эмоции).

Большая роль цвета в жизни человека определяет высокий лексико-семантический потенциал колоративных прилагательных и их активное участие в развитии соответствующей системы русского языка в целом и фразеологии в частности. Достаточно вспомнить такие часто употребляемые единицы, как *белая ворона, в розовом свете, серая (черная) кошка пробежала, голубая кровь, шито белыми нитками,*

зеленая улица, синий чулок, держать в черном теле и др. Исключением не стали и процессы неологизации, о чем свидетельствует языковой материал, представленный в толковых словарях русского языка последних десятилетий [4; 5; 6; 7]. Цель данной работы – рассмотреть некоторые особенности новых неоднословных единиц, одним из компонентов которых являются цветковые прилагательные. В указанных источниках зарегистрировано 34 таких сочетания. Устойчивость данных единиц подтверждает и фундаментальный словарь [8].

Глаз человека способен различить около 120 цветов [2]. В рассматриваемых словарях отмечено всего 18 цветковых прилагательных, однако чаще они фиксируются как прилагательные в новом значении без указания устойчивого сочетания (*серый* ‘разг. осуществляемый в обход существующих законов, обычно через посредников, без уплаты надлежащих пошлин, налогов’, *зеленый* ‘относящийся к движению защитников окружающей среды; разделяющий их взгляды’ и *зеленый* ‘информ. характеризующийся сниженным потреблением энергии, уровнем шумов и содержанием вредных материалов (об аппаратном обеспечении)’ или как субстантивированные существительные (*красно-белые* ‘жарг. спортивный клуб «Спартак»; спортсмены этого клуба’) (все примеры даны по [7], если не указано иное). В составе новых неоднословных единиц зафиксировано только 8 прилагательных.

Издавна, еще со времен каменного века, люди придавали особое значение трем цветам, наделяя их магической силой: красному, черному и белому [9]. Поэтому неудивительно, что в разных подкорпусах Национального корпуса русского языка (основном, поэтическом, газетном, устном) прилагательные *белый*, *черный* и *красный* составляют тройку самых частотных [10]. Эти же слова активнее других участвуют в образовании новых неоднословных единиц. Так, лексема *черный* использована 11 раз, *белый* – 9, *красный* – 4. Частота других прилагательных такова: *голубой* – 3, *желтый* – 3, *зеленый* – 2, *малиновый* – 1, *коричневый* – 1.

Цвет, будучи отличительным и выделяющим признаком, неотделим от предмета [11], поэтому закономерно, что все рассматриваемые сочетания построены по модели «прилагательное+существительное». Однако схеме «цвет+объект-носитель цвета» соответствует около 25 % сочетаний, в остальных случаях определяемое существительное не обладает признаком цвета в его прямом значении. Во всех единицах зависимый компонент находится в препозиции по отношению к опорному слову.

Рассматриваемые сочетания обозначают понятия следующих лексико-семантических групп:

- человек: *красный пиджак* ‘разг., насмешл. о новом русском’;
- предметный мир: *черные деньги* ‘доходы, скрытые от налогообложения или полученные незаконным путем’;
- непредметный мир: *коричневая чума* ‘о фашизме’.

Отличительной чертой языковой картины мира является антропоцентричность, поэтому новые сочетания, как и неологизмы в целом, отражают изменения в тех сферах, которые чаще всего соприкасаются с жизнью любого человека:

- экономика: *голубая фишка* ‘фин. о компании, пользующейся общенациональной известностью и финансовой надежностью’;
- политика: *Белый дом* ‘разг. здание правительства России’, *красный пояс* ‘публ. совокупность регионов, население которых традиционно поддерживает коммунистов и близкие к ним политические организации’;
- социально-бытовая сфера: *желтые страницы* ‘принятое в международной практике название городских телефонных справочников, обычно бесплатных’;
- религия: *белое братство* ‘тоталитарная религиозная секта, проповедующая второе пришествие Христа, «конец света», после которого спасутся лишь члены этой секты’.

Для процесса неологизации характерен поиск оптимальной номинации и, как следствие, наличие фонетических, лексических, словообразовательных, морфологических вариантов одной и той же единицы. В рассматриваемом материале зафиксированы лексические варианты (*малиновый пиджак* и *красный пиджак* ‘разг., насмешл. о новом русском’). Примечательны пары *черный пиар* – *черный PR* ‘формирование отрицательного общественного мнения о ком-, чем-либо’, *белый пиар* – *белый PR* ‘формирование положительного общественного мнения о ком-, чем-либо’: в данном случае наблюдается разница в графическом оформлении заимствованной лексемы, что говорит о ее недостаточной освоенности.

Прилагательные *желтый* и *желтоватый* отмечены в источниках практически в одном значении: *желтый* ‘публ. низкопробный, недобросовестный, ориентированный на скандальные репортажи, непроверенные сенсационные факты (о средствах массовой информации, журналистике)’ и *желтоватый* ‘публ., разг. несколько желтый (в значении: низкопробный...)’. Словари приводят близкие примеры с существительными *пресса / газеты*, однако только с первым прилагательным сочетание дано как устойчивое: *желтая пресса* ‘о низкопробной, пошлой, недобросовестной печати, ориентированной на скандальные публикации’. Возможно, суффикс *-оват-*, имеющий значение ослабленного качества, «смягчает» смысл и снижает коннотативную окраску сочетания, что делает его менее употребительным.

Новые устойчивые сочетания с колоративными прилагательными формируются в определенном контексте при участии процессов семантической деривации. В результате может наблюдаться:

- полное переосмысление выражения: *голубые каски* ‘миротворческие войска ООН’;
- частичное переосмысление выражения: *черный нал* ‘незаконные наличные деньги, не зафиксированные в финансовых документах и не облагаемые налогом’.

При замене контекста происходит десемантизация словосочетания и возвращение к словарному, номинативному значению компонентов: сравн. *Мимо знаменитого дома ... мимо какого-то посольства, обложенного мешками с песком, над которыми возвышались голубые каски китайцев из ооновского батальона, мы вышли на Спиридоновку* (Александр Кабаков. Путешествие экстраполятора) [12].

Цвет может вызывать различные ассоциации, в том числе психологические и физические [2]. В связи с этим появление новых устойчивых сочетаний с цветовым компонентом во многом обусловлено значимой ролью метафорических и метонимических переносов значения в развитии лексико-семантической системы языка. В зависимости от ассоциативных связей, лежащих в основе номинации, в рассматриваемых единицах наблюдается:

- переосмысление, основанное на реальном сходстве или смежности: *Белый дом* ‘резиденция Президента США в Вашингтоне; перен. правительство США как проводник той или иной политики’ [8];

- переосмысление, основанное на символическом восприятии цвета: *черный рынок* ‘место купли-продажи товаров, незаконно произведенных или незаконно ввезенных в страну’;

- переосмысление, основанное на сочетании реального сходства / смежности и символического восприятия цвета: *зеленая карта* ‘действующая за рубежом система страхования гражданской ответственности владельца автотранспортного средства на случай нанесения им в дорожно-транспортном происшествии ущерба кому-либо; страховка, выдаваемая при такой системе’ (оформляется на бланке зеленого цвета).

Колоративные прилагательные являются элементом общей лексико-семантической системы языка и не существуют сами по себе, без каких-либо отношений с другими словами. Эти отношения определяют систематизацию лексем по разным основаниям, в том числе с точки зрения противопоставления. Классическим примером

антонимов является контрастная пара *белый – черный*. Противоположность прямых значений обусловила то же в переносных и отразилась в новых устойчивых сочетаниях: *белая магия* ‘связанная с естественными силами природы, направленная на избавление от зла, излечение’ и *черная магия* ‘связанная со сверхъестественными силами, с сатаной, дьяволом, способная причинить вред, зло кому-, чему-либо’; *белое духовенство* ‘священнослужители, не принявшие монашества, живущие в браке’ и *черное духовенство* ‘священнослужители, принявшие монашество’.

Таким образом, колоративные прилагательные активно участвуют в неологизации лексической системы русского языка, входя в состав устойчивых сочетаний, отражающих реалии современного мира. Новые языковые единицы с данным компонентом формируются в результате процессов семантической деривации, характеризуются наличием вариантов, антонимических пар.

Список использованных источников

1. Завьялова, Н. А. Фразеологизмы с компонентом цветообозначения как реализация национального самосознания китайского и русского народов / Н. А. Завьялова // Лингвокультурология. – 2008. – № 2. – С. 99–106.
2. Сенько, Д. С. Основы композиции и цветоведения / Д. С. Сенько. – Минск : Беларусь, 2010. – 189 с.
3. Кошеренкова, О. В. Символика цвета в культуре / О. В. Кошеренкова // Аналитика культурологии. – 2015. – № 2. – С. 156–162.
4. Катлинская, Л. П. Толковый словарь новых слов и значений русского языка / Л. П. Катлинская. – М. : АСТ : Астрель, 2008. – 380 с.
5. Толковый словарь новейших слов и выражений русского языка. – М. : ООО «Дом Славянской книги», 2013. – 960 с.
6. Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения / под ред. Г. Н. Складчиковой. – СПб. : Изд-во «Фолио-Пресс», 1998. – 700 с.
7. Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / под ред. Г. Н. Складчиковой. – М. : Эксмо, 2006. – 1136 с.
8. Морковкин, В. В. Большой универсальный словарь русского языка / В. В. Морковкин, Г. Ф. Богачева, Н. М. Луцкая ; под ред. В. В. Морковиной. – М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА; Словари XX века, 2016. – 1456 с.
9. Миронова, Л. Н. Цвет в изобразительном искусстве / Л. Н. Миронова. – Минск : Беларусь, 2011. – 151 с.
10. Масевич, А. Ц. Частотное поведение прилагательных цвета в русских поэтических текстах // А. Ц. Масевич, В. П. Захаров // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2019. – Т. 17. – № 1. – С. 21–48.
11. Кезина, С. В. Динамика валентности цветообозначений в истории русского языка / С. В. Кезина, М. Н. Перфилова // Российский гуманитарный журнал. – 2017. – Т. 6. – № 1. – С. 67–78.
12. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://ruscorpora.ru>. – Дата доступа : 28.09.2021.

Abstract. The article considers the colorative adjectives marked in modern dictionaries as part of new stable combinations. The black, white, and red lexemes are most often involved in the formation of ambiguous units. New combinations with this component reflect the realities of the modern world and are formed with the participation of semantic derivation processes. The reinterpretation of a combination or its components is based on the real similarity/adjacency of objects, on the symbolic perception of color, on the combination of these criteria. There are variants of combinations, antonymic pairs.

Keywords: colorative, adjective, new combinations, stable combinations, the Russian language, semantic derivation.

Н. Я. Кошкіна

ВАРЫЯНТНЫЯ ФРАЗЕААДЗІНКІ Ў “СЛОЎНІКУ БЕЛАРУСКАЙ МОВЫ” І. І. НАСОВІЧА (1870)

Анатацыя. У артыкуле аналізуюцца варыянтныя фразеалагічныя адзінкі, якія ўвайшлі ў склад “Слоўніка беларускай мовы” Івана Насовіча (1870). Вылучаюцца розныя віды фразеалагічных варыянтаў, прыводзіцца паказальны ілюстратыўны матэрыял. Робяцца высновы адносна характару фразеалагічнай варыянтнасці, якая служыць паказчыкам пэўнага ўзроўню развіцця тагачаснай моўнай сістэмы.

Ключавыя словы: фразеалагічная адзінка, фразеалагічныя разнавіднасці, варыянтнасць, фразеалагічныя варыянты, фразеалагічная норма.

“Слоўнік беларускай мовы” Івана Насовіча – гэта ўнікальны лексікаграфічны помнік XIX стагоддзя, які да нашых дзён з’яўляецца і неацэнным практычным дапаможнікам, і крыніцай шматлікіх філалагічных даследаванняў. Слоўнік быў высока атэставаны адразу пасля свайго выхаду у свет, у прыватнасці І. Сразнеўскім, які пісаў: “Толькі пры дапамозе такога слоўніка ... можна пачаць падрабязныя даследаванні складу беларускай мовы”. У “Филологических записках” 1871 г. слоўнік быў названы “найлепшым упрыгожаннем рускай вучонай літаратуры”, а вядомы славіст дарэвалюцыйнага перыяду А. А. Катлярэўскі ахарактарызаваў гэты лексікаграфічны твор як узорную працу (паводле Л. М. Шакуна [1, с. 187]). Ухвальныя рэцэнзіі слоўнік атрымаў ад іншых тагачасных філолагаў: М. М. Шапіры, П. А. Бяссонава, Я. Ф. Карскага. Сучасныя навукоўцы ацэньваюць выданне І. І. Насовіча як выключную з’яву, якая сталася грунтам усёй наступнай беларускай лексікалагічнай і лексікаграфічнай навукі і аказала істотны ўплыў на развіццё ўсходнеславянскай лексікаграфіі. Прычым яго значнасць не вычэрпваецца толькі філалагічнымі аспектамі, а дапаўняецца шырокім культурна-гістарычным сэнсам, бо сваёй працай “Іван Іванавіч Насовіч здолеў паказаць, што сусвет беларусаў бязмерны, а жыццё багатае і разнастайнае, даў магчымасць глыбей даследаваць гэты сусвет, што было немалаважна для развіцця нацыянальнай самасвядомасці” [2, с. 4].

“Слоўнік беларускай мовы” аўтарства беларускага Даля (паводле дэфініцыі І. К. Цішчанкі) за перыяд XX – пачатку XXI стст. шматбакова вывучаны лексікалагамі і гісторыкамі мовы. Найбольш поўныя пералікі даследчых прац, сярод якіх вядучае месца займаюць артыкулы, прысвечаныя “Слоўніку беларускіх гаворак”, удалося адшукаць у прадмове да зборніка матэрыялаў навуковых чытанняў, якія праводзіліся ў 2008 годзе з нагоды 220-годдзя з дня нараджэння І. Насовіча на філалагічным факультэце БДУ тагачаснай кафедрай гісторыі беларускай мовы [3], – 103 пазіцыі, а таксама ў артыкуле В. Мартысюка “Іван Насовіч: бібліяграфія” – 206 пазіцый [4]. Л. М. Шакун у артыкуле “Творчая спадчына І. І. Насовіча ў асвятленні сучаснай навукі” (1990 г.) указвае, што асабліва актыўна навуковыя творы І. Насовіча і слоўнік як асноўная праца пачалі ўключацца ў навуковы разгляд з 1940-х гадоў, і сярод даследчыкаў насавічаўскай спадчыны называе М. Р. Судніка, А. І. Жураўскага, І. І. Крамко, М. Ф. Гуліцкага, І. К. Цішчанку, М. Р. Прыгодзіча, М. Г. Булахаву [1]. Сёння гэты пералік можна дапоўніць шматлікімі прозвішчамі. Так, слоўнік паслужыў факталагічнай крыніцай у артыкулах такіх лінвістаў, як М. В. Абабурка, З. І. Бадзевіч, Ж. Я. Белакурская, Л. Р. Белка, В. М. Галай, І. А. Гапоненка, Л. А. Гедзімін, А. В. Губкіна, С. М. Запрудскі, Я. І. Камароўскі, І. І. Караткевіч (Савіцкая), А. А. Крывіцкі, Л. І. Козыраў, Г. І. Кулеш, В. М. Курцова, І. Я. Лепешаў, М. М. Макарэвіч, У. У. Манько, Т. Л. Памазенка, В. У. Патапава, Д. Д. Паўлавец, А. А. Плотнікава, А. А. Прыгодзіч, М. І. Свістунова, Г. Б. Хіхол,

В. К. Шчэрбін, І. Я. Яшкін і інш. У іх працах слоўнік І. Насовіча разглядаецца ў кантэксце станаўлення лексікаграфіі, аналізуецца яго роля ў мова- і нацыятворчасці беларусаў, вывучаюцца прадстаўленыя ў ім этнастэрыятыпы, даследуюцца розныя групы лексікі (назвы абрадавага адзення, лексіка афіцыйна-дзелавой сферы, рыбабоўнага промыслу, запазычаныя і тэрміналагічныя адзінкі і г. д.). Цалкам прадказальна і лагічна, што асноўным даследчым аб'ектам пры лінгвістычным вывучэнні “Слоўніка” з'яўляецца найперш змешчаная ў ім лексіка. Аднак, акрамя лексічнага багацця, праца І. Насовіча ўтрымлівае прадстаўнічы фразеалагічны пласт, які звычайна або ігнаруецца ўвогуле, або ў публікацыях толькі канстатуецца наяўнасць прыказак і прымавак у якасці ілюстрацый да рэстравых слоў [5]. Больш падрабязна фразеалогія “Слоўніка беларускай мовы” разгледжана фактычна ў лічаных артыкулах. Найбольш поўна гэтая тэма раскрываецца ў даследаванні І. Я. Лепешава і Г. Б. Хіхол “Фразеалагізмы ў «Слоўніку беларускай мовы» І. І. Насовіча” [6]. Артыкул у асноўным прысвечаны разгляду лексікаграфічнай апрацоўкі фразеалагічнага матэрыялу: у ім аналізуюцца спосабы слоўнікавай падачы, тлумачэнняў значэння і ілюстравання фразеалагізмаў, характар суправаджальных граматычных, культуралагічных і этымалагічных памет. Фразеалагізмы (пераважна парэміялагічнага тыпу) з рэстру слоўніка І. І. Насовіча з'яўляюцца таксама аб'ектам аналізу ў публікацыі А. М. Муравіцкай “«Слоўнік беларускай мовы» І. І. Насовіча і фальклор”, дзе прыводзяцца прыклады выкарыстання прыказак, у якіх перадаецца народная мудрасць, гумар, духоўны вопыт народа, заснаваны на традыцыйных хрысціянскіх каштоўнасцях [7].

У сваім даследаванні мы паспрабуем звярнуць увагу на такія незакрануты ў ранейшых публікацыях аспекты, як выяўленне на матэрыяле “Слоўніка беларускай мовы” І. І. Насовіча спецыфічных адзнак фразеалагічнай нормы беларускай мовы з гістарычнага пункту погляду. Вывучэнне тэндэнцый развіцця фразеалагічнага складу на тым этапе, калі закладваліся нарматыўныя асновы сучаснай беларускай літаратурнай мовы, можна адносіць да адной з найбольш перспектыўных задач беларускай гістарычнай фразеалогіі. Такі аналіз дае магчымасць атрымаць аб'ектыўнае ўяўленне пра вытокі сучаснай фразеалогіі, прасачыць шляхі і заканамернасці яе фарміравання.

Зыходзячы са спецыфікі беларускага нарматворчага працэсу XIX ст., даследаванні нарматыўных з'яў у мове (і фразеалогіі) данага перыяду магчымае амаль выключна ў ходзе вывучэння суадносін паняццяў *норма* і *варыянтнасць*. Прычына ў тым, што для беларускай літаратурнай мовы XIX–пачатку XX ст. гэтыя паняцці не проціпастаўляюцца, бо ў варыянтнасці выразна выступаў стан тагачаснага моўнага дынамічнага развіцця [8, с. 14] і “менавіта ў межах варыянтнага поля адбываліся найважнейшыя працэсы, звязаныя з пачатковым перыядам станаўлення і развіцця новай беларускай літаратурнай мовы, з выпрацоўкай функцыянальных стыляў і нацыянальных нормаў” [8, с. 3]. Адпаведна асноўная ўвага ў артыкуле будзе сканцэнтраваная на вывучэнні варыянтных фразеалагічных намінацый у слоўніку І. І. Насовіча. Фразеалагічнымі варыянтамі будуць лічыцца адзінкі, якія, маючы аднолькавы сэнс, у структурных адносінах паказваюць мінімальную розніцу, часам у выглядзе аднаго кампанента [9, с. 161].

У цэлым, як сцвярджаюць даследчыкі, у “Слоўніку беларускай мовы” І. І. Насовіча налічваецца каля 3 тысяч фразеалагізмаў, большасць з якіх уяўляюць адзінкі парэміялагічнага тыпу (прыказкі і прымаўкі), уведзеныя ў ілюстрацыйную частку слоўнікавых артыкулаў [6]. Факталагічная база нашага даследавання ўключае прыкладна 10 % ад гэтай колькасці.

Лічым патрэбным адзначыць, што парэміі і ўласна фразеалагізмы, маючы пэўныя ідэнтычныя рысы (напрыклад, вобразнасць і спосаб фарміравання значэння ў выніку пераносу прамога значэння свабоднага словазлучэння), у цэлым адносяцца да розных тыпаў устойлівых спалучэнняў, што не дазваляе цалкам іх атаясамліваць. Аднак для

нашага даследавання істотна тое, што і парэміі, і ўласна фразеалагізмы характарызуюцца семантычнай нераскладальнасцю, устойлівасцю і ўяўляюць сабой своеасаблівы згорнуты тэкст. У межах артыкула мы будзем прытрымлівацца так званага шырокага разумення фразеалогіі, згодна з якім парэміі ўключаюцца ў фразеалагічную сістэму, і прымяняць аналагічныя прыёмы аналізу для парэмій і ўласна фразеалагізмаў. Як універсальная агульная назва для абодвух разнавіднасцей устойлівых спалучэнняў будзе выкарыстоўвацца тэрміналагічнае спалучэнне “фразеалагічная адзінка” (скарочана – ФА).

Паводле адабранага намі матэрыялу, варыянтныя фразеалагізмы прадстаўлены такімі разнавіднасцямі:

Фанетычныя фразеалагічныя варыянты, якія адрозніваюцца гукавым складам аднаго з кампанентаў. У прыватнасці, І. І. Насовіч указвае на магчымае альтэрнатыўнае ўжыванне дзвюх акцэнталагічных версій саюза *ажно* ў складзе фразеалагізма: АЖНО і АЖНО́, союз. Такі што дае. *Ударився головою, ажно искры съ вочь посыпались.*

Словаўтваральныя варыянты, якія адрозніваюцца адзін ад другога словаўтваральнай структурай аднаго з фразеалагічных кампанентаў. У “Слоўніку”, напрыклад, зафіксаваныя ФА з варыянтнымі суфіксальнымі формамі:

- ЗАКУСА́ЦЬ. Кусать, прикусывать. *Закусай, закуси свой языкъ*; (перен. значить *Придерживай, удержи свой языкъ*);

ЗАКУ́СЫВАЦЬ. То же, что Закуса́ць. Прикусывать. *Не говори лишняго; закусы-вай свой языкъ.*

- СТОВБНЁМЪ, нарѣч. 1) Подобно столбу, неподвижно. *Стовбнёмъ вочи стали.* 2) Остолбенѣвши. *Стовбнёмъ ставъ и вочи вылупивъ*;

СЛОВПОМЪ, въ знач. нарѣч. То же, что Стовбнёмъ въ обоихъ знач. *Словпомъ вочи поставивъ. Кабъ ты стовпомъ ставъ!*

Адзначаны таксама варыянты ФА, кампаненты якіх уяўляюць вынікі дзеяння розных словаўтваральных спосабаў, у прыватнасці прыставачнага і спосабу рэдуплікацыі:

ВВѢКИ, нар. Вѣчно, при отриц. никогда. *Ввѣки того не будзець.*

ВВѢКЪ-ВѢКОВЪ, нар. То же, что Ввѣки. *Ввѣкъ-вѣковъ того не было и не будзець.*

Марфалагічныя варыянты – разнавіднасці фразеалагізмаў, якія маюць розныя склонавыя, асабовыя, лікавыя і іншыя формы аднаго ці двух кампанентаў, – у нашым матэрыяле не адзначаны.

Найбольш шырока прадстаўленымі ў “Слоўніку” І. І. Насовіча з’яўляюцца *лексічныя* варыянты ФА, якія адрозніваюцца адным з кампанентаў, пры гэтым захоўваецца рознаўзроўневая тоеснасць і агульнае значэнне фразеалагічных адзінак, а адрозныя кампаненты выступаюць як цалкам узаемазамяняльныя. Прывядзем некалькі прыкладаў такіх варыянтных радоў.

Так, у аналізуемай лексікаграфічнай крыніцы паказальным з’яўляецца ланцужок варыянтаў фразеалагізма са значэннямі ‘прачынацца’, ‘пачынаць разумець сапраўднае становішча чаго-н.’. Зафіксаваны адзінкі з варыянтнымі дзеясловамі ў складзе фразеалагізма (*процерици, пролутиць*), а таксама цэлы шэраг адрозных словаўжыванняў для абазначэння паняцця ‘вочы чалавека’ (*бакулы, баньки, бачелки, болонки, бѣлки, бѣльмы, вочки, зерки, ляльки, щелки, ямки*):

БАКУЛЫ. Глаза. Говорится шутливо или презрительно. *Пролупи свое бакулы* (заўважым, што з усіх значэнняў лексем, прадстаўленых у “Слоўніку” І. І. Насовіча, у артыкуле падаюцца толькі тыя, якія адносяцца да прадмета разгляду).

БАНЬКИ. перен. Глаза. *Протри свое баньки, кабъ видзѣли лѣпи.*

БАЧЕЛКИ. Глаза: говорится презрительно. *Пролупи свое бачелки.*

БОЛОНКА. перен. Глаза. *Протри свое болонки, коли не бачишь.*

БЪЛКИ. перен. Глаза, говорится презрительно, какъ и Бѣльмы. *Пролупи свое бѣлки, дакъ и ўвидиши.*

БѢЛЬМЫ. Говорится укоризненно. Глаза. *Ци пролупивъ только бѣльмы, заразы и гыць давай.*

ЗЕРКИ. Глаза. *Только пролупивъ зерки, да й за хлѣбъ, не помолившись Богу.*

ЛЯЛКИ. перен. Глаза. *Протри свое лялки, дакъ и ўвидиши.*

ЩЕЛКИ. перен. Глаза. *Только щелки пролупивъ, а ужо дай ему гыць.*

ЯМКИ. перен. Глаза, говорится презрительно. *Пролупи ты свое ямки. Ци тобѣ ямки залепило, што ты не бачиши?*

Фразеалагічны варыянт гэтай ФА са словам *вочы* адзначаны ў артыкуле, прысвечаным лексеме *ранні*: РАННІЙ, прил. Рано встающій отъ сна. *Ранняя птушечка носикъ церебиць, а позняя вочки процираець.*

Лексічныя варыянты ў “Слоўніку” таксама маюць наступныя ФА:

• Для перадачы значэння ‘надакучваць папрокамі, здзеклівымі словамі’:

ВЫБИРАЦЬ ВОЧИ. Надоўдаць насмѣшкамі. *За цебе мнѣ выбираюць, выбрали вочи.*

ВЫПСТРИКИВАЦЬ. Ставить на видъ; колоты глаза упрекамі. *Усѣ выпстрикиваець мнѣ вочи моею неўдачею. Выпстрикавъ вочи ему невѣстою.*

• Для перадачы значэння ‘пра стан змучанасці чым-н., затлумленасці’:

ЗАГЛОМОЖЖОНЬІЙ. Затемненный. *Моя голова загломожжона розными толками вашими.*

ЗАКЛУМЛЕНЬІЙ. Одурѣлый. *Моя голова заклумлена вашимъ крикомъ.*

ЗАПЛУТАНЬІЙ. Омраченный. *Ходзиць, якъ заплутаный. Заплутаная голова твоя!*

ЗАТУМАНЕНЬІЙ. Омраченный. *Моя голова отъ цебе, отъ говорокъ твоихъ затуманена.*

МОРОЧЕНЬІЙ. Омраченный. *Мороченая твоя голова, куды ты лѣзиши?*

• Для перадачы значэння ‘пачаць дрэнна бачыць, аслабець зрокам’:

ПРИГЛѢДЗИЦЬЦА. Ослабѣть зрѣніемъ. *Вочи мое пригледзились ужо.*

ПРИСЛѢПИЦЬ. Притупить зрѣніе. *Вочи прислѣпивъ, глѣдзючи, ци скоро ты пригдѣйши.*

• Для перадачы значэння ‘міжвольна выказаць нешта патаемнае; прагаварыцца’:

ВЫБУРКНУЦЬ. Высказать что либо тайное, или неприятное. *Выбуркнешъ часомъ слово, потымъ не вернешъ.*

ВЫХАВКНУЦЬ. перен. Неосторожно высказать тайну. *Выхавкнущъ слово, уже не вернешъ.*

БУРКАЦЬ. въ знач. дѣйств. Сказать. Буркнуць грубое слово. *Буркнувъ слово, да ужо не вернешъ.*

ВЫМОВЛЕНЬІЙ, прич. стр. отъ д. глагола Вымовиць. Выговоренный. *Вымовленаго слова не вернешъ.*

• Для перадачы значэння ‘пра нешта складанае, цяжкае для выканання’:

ЛАТВО, нар. въ знач. безл. Удобно. *Латво сказаць, да не латво здѣлаць.* (Погов.)

ЛѢГКО, нар. Легко, можно. *Сказаць-то гето лѣгко, да не здѣлаць!*

ЛЪГА, гл. безл. Легко, лѣзя, можно. *Сказаць-то лѣга, да якъ-то здѣлаць?*

Для разумення нарматыўнай эвалюцыі паказальным можа быць аналіз таго, якія з варыянтаў, прадстаўленых у “Слоўніку” І. І. Насовіча, захавалі ўжывальнасць у фразеалагічнай сістэме сучаснай беларускай мовы. Для такога параўнання быў выкарыстаны двухтомны “Фразеалагічны слоўнік беларускай мовы” І. Я. Лепешава [10], які на сённяшні дзень з’яўляецца найбольш поўным нармалізаваным зборам сучаснага беларускага фразеалагічнага матэрыялу. Згодна з данымі гэтага выдання, на сённяшні дзень ужывальнымі з’яўляюцца наступныя ФА, суадносныя са згаданымі фразеалагізмамі са “Слоўніка” І. І. Насовіча:

– праціраць (працерці) вочы; развязаць (развязаць) вочы; адкрываць вочы – ‘дапамагаць зразумець сапраўднае становішча, рабіць відавочнай праўду аб чым-, кім-н.’; ‘дапамагаць зразумець сапраўднае становішча, прасвятляць каго-н. палітычна, духоўна і пад.’;

– выбіраць вочы – ‘вельмі здзекліва дакараць’;

– замарочаная галава – ‘пра стан таго, хто не можа разумна разважаць’. Акрамя таго, шэраг фразеалагізмаў прэзентуе адпаведны працэс: *адурьць, (задурьць, затлуміць, надурьць) галаву* – ‘страшэнна надакучыць чым-н.; заблытаць каго-н., пазбавіць здольнасці разумна разважаць’;

– лёгка сказаць – ‘ужываецца, каб падкрэсліць асаблівую важнасць, складанасць, цяжкасць чаго-н.’.

У цэлым аналіз прэзентатыўнай выбаркі фразеалагічных адзінак са “Слоўніка беларускай мовы” І. І. Насовіча паказаў надзвычай багатую варыянтнасць у фразеалагічнай сістэме беларускай мовы XIX ст. Разнастайнасць спосабаў перадачы інфармацыі, закадаванай у фразеалагічных адзінках, можна лічыць станоўчай адзнакай, якая характарызуе высокі ментальны ўзровень пэўнага этнасу і ўзровень развіцця адпаведнай моўнай сістэмы. У дачыненні нарматыўнага станаўлення наяўнасць вялікай колькасці альтэрнатыўных фразеаварыянтаў сведчыць, што “з усіх этапаў моўнага планавання корпуса (выбар нормы, кадыфікацыя, устанаўленне кадыфікаванай нормы, удасканаленне і далейшая распрацоўка) перыяд XIX–пачатку XX ст. у беларускай літаратурнай мове быў часам выбару нормы (normselection)” [11, с. 30]. На пазнейшых этапах моўнай гісторыі з агульнай фразеалагічнай базы, адлюстраванай у “Слоўніку” І. І. Насовіча, былі селектыўна адабраны і замацаваны ў сучаснай фразеалогіі найбольш жыццяздольныя адзінкі.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Шакун, Л. М. Творчая спадчына І. І. Насовіча ў асвятленні лінгвістычнай навукі / Л. М. Шакун // Карані роднай мовы : выбраныя працы па гісторыі беларускай мовы. – Мінск, 2001. – С. 185–193.

2. Гедзімін, Л. А. Іван Насовіч – чалавек-загадка / Л. А. Гедзімін // Спадчына Івана Насовіча і беларускае мовазнаўства : матэрыялы навуковых чытанняў, прысвечаных 220-годдзю з дня нараджэння І. І. Насовіча. – Мінск : ВТАА “Права і эканоміка”, 2008. – С. 3–15.

3. Спадчына Івана Насовіча і беларускае мовазнаўства : матэрыялы навуковых чытанняў, прысвечаных 220-годдзю з дня нараджэння Івана Іванавіча Насовіча (18 лютага 2008 года, г. Мінск) / адк. рэд. М. Р. Прыгодзіч; Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт. – Мінск : Права і эканоміка, 2008. – 116 с.

4. Мартысюк, Вячаслаў. Іван Насовіч: бібліяграфія / Вячаслаў Мартысюк [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу : <https://belarus.github.io/Slouniki-Nasovic/art4.html>. – Дата доступу : 07.09.2021.

5. Лепешаў, І. Я. Насовіч – славуты лексікограф і фалькларыст / І. Я. Лепешаў // Наша слова. – № 40 (1139), 2 кастрычніка 2013 г.

6. Лепешаў, І. Я. Фразеалагізмы ў «Слоўніку беларускай мовы» І. І. Насовіча / І. Я. Лепешаў, Г. Б. Хіхол // Весці АН БССР. Серыя грамадскіх навук. – 1989. – № 2. – С. 99–105.

7. Муравіцкая, А. М. «Слоўнік беларускай мовы» І. І. Насовіча і фальклор / А. М. Муравіцкая // Фальклор і сучасная культура : матэрыялы III Міжнар. навук.-практ. канф., 21–22 крас. 2011 г., Мінск : У 2 ч. Ч. 1 / рэдкал.: І. С. Роўда [і інш.]. – Мінск : Выд. цэнтр БДУ, 2011. – С. 189–190.

8. Мова “Нашай Нівы” (1906–1915). Варыянтнасць. Сінанімія / пад рэд. д-ра філ. навук, праф. В. П. Лемцюговай. – Мінск : Беларуская навука, 2005. – 303 с.

9. Сеидова, Н. О разграничении синонимии и вариативности в области фразеологических единиц / Н. Сеидова // Вісник Дніпропетровського університету імені Альфреда Нобеля. – Серія «Філологічныя навукі». – 2015. – № 1 (9). – С. 160–163. [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу : <https://phil.duan.edu.ua/images/PDF/2015/1/24.pdf>. – Дата доступу : 10.02.2021.

10. Лепешаў, І. Я. Фразеалагічны слоўнік беларускай мовы / І. Я. Лепешаў. – У 2 т. – Мінск : Беларуская Энцыклапедыя, 1993. – Т. 1. – 590 с.; Т. 2. – 607 с.

11. Гапоненка, І. А. Спецыфіка нормы беларускай літаратурнай мовы XIX–пачатку XX ст. / І. А. Гапоненка // Веснік БДУ. – Сер. 4, Філалогія. Журналістыка. Педагагіка. – 2012. – № 3. – С. 25–32.

Abstract. In the article the variable phraseological units that were included in the “Dictionary of the Belarusian language” by Ivan Nasovich (1870) are analyzed. There have been found out different types of phraseological variants are specified, a demonstrative illustrative material is given. Conclusions are drawn about the nature of phraseological variability, which serves as an indicator of a certain level of development of the language system of that time.

Keywords: phraseological unit, phraseological varieties, variance, phraseological variants; phraseological norm.

УДК 811.163.6'373

E. Kržišnik

PROBLEM PISANJA SKUPAJ IN NARAZEN V SLOVENSKI FRAZELOGIJI – ORTOGRAFSKA IN RABNA / UZUALNA NORMA

Povzetek. V članku je obravnavan pravopisni problem pisanja skupaj in narazen v povezavi z razmerjem med frazeološko enoto in iz nje nastalim enobesednim leksemom. Predstavljena je s tem povezana kodifikacijska norma v slovenskem jeziku in preverjana z rabno / uzualno normo, kakor se kaže v tekstih slovenskega spleta (elektronski korpus slWaC). Kot kaže, se vsaj v okviru frazeologije tako v slovenski kodifikacijski kot rabni pisni normi težko prestopajo meje med besedno zvezo in besedo.

Ključne besede: frazeologija, frazem, beseda, ortografija, pisanje skupaj in narazen, konverzija, korpus slovenskega spleta slWaC.

1 Različna pravopisna poglavja temeljijo na različnih pravopisnih načelih, nekatera so bolj, druga manj jezikovna. Pravopisno poglavje o pisanju skupaj ali narazen je tesno povezano z jezikovnim v pravopisu – kaj se piše skupaj ali kaj narazen, je izrazito jezikovno vprašanje, v osnovi katerega stoji problem težko določljivega pojma besede.

1.1 Dve temeljni lastnosti frazemov zapletata uveljavljanje pravopisnih pravil, prva je **oblikovna**, to je razpetost frazema med leksikalno in sintaktično enoto, druga **pomenska**, to je njegova idiomatičnost. Problem pisanja skupaj ali narazen je povezan predvsem s prvim: frazem je leksikalna enota, znotraj katere sestavine do neke mere uveljavljajo svoje kategorialne lastnosti in pomene, zato se sestavine lahko pregibajo znotraj frazema, tj. znotraj leksikalne enote, med sestavinami frazema se pogosto pojavljajo prvine iz sobesedila, ki enoto nekako razstavljajo. Ker se v slovenščini kot tudi v vseh drugih slovanskih jezikih leksikalne enote večinoma, vsekakor pa praviloma vse enobesedne, oblikovno spreminjajo na koncu, je omenjena večbesednost oz. večkomponentnost frazema ortografski problem.

1.2 Pregled slovenskih pravopisov (1899, 1920, 1935, 1950, 1962, 2001) razkrije, da je bilo normiranje frazeologije bolj obstranska stvar. Podobno za hrvaške pravopise (dalje HP) ugotavlja tudi S. Ham [1, 134/135]. Vsaj za problematiko pisanja skupaj in narazen pa lahko rečemo, da se je hrvaška frazeologija z njo ukvarjala prej in več kot slovenska. Od hrvaške je treba poleg S. Ham [1] omeniti vsaj še članka B. Tafre [2] in B. Kovačević/E. Ramadanović [3], od slovenske Kržišnik [4].

2 Tradicija in sodobno stanje. Neposredni vzrok za to, da bomo pisanje skupaj ali narazen v SP na koncu primerjali tudi s stanjem v HP, je dejstvo, da je F. Levec [5], avtor prvega SP (1899), glede tega sledil zgledu HP, »ki ga je leta 1893 za hrvaške šole spisal dr. Iv. Broz« [6, s. 123]. Kot v svoji kritiki tega SP ugotavlja jezikoslovec in avtor naslednjega

pravopisa A. Breznik [6], je Levec pod tem vplivom dokaj dosledno izpeljal **načelo en naglas – ena beseda** in vse stalne predložne zveze razumel kot »besede, ki so sestavljene ali sklopljene s predlogi« [5, § 608], in sicer ne glede na vsa druga načela, od *docela* do *kletu*. Uveljavljal pa je tudi **pomensko načelo**, po katerem naj se »besede, ki tvorijo en pojem, /.../ pišejo skupaj« [6, s. 160/161], npr. *semintja* 'včasih'. Z uveljavljanjem druge skrajnosti, tj. čim več pisanja skupaj, je tako zaključil obdobje t.i. etimologiziranja v 19. stol., ki je v časopisju in v literarnih tekstih uveljavljalo nasprotno načelo »besede naj se pišejo kolikor moči vsaka zase« [6, s. 123], torej narazen, posledično se je pisalo npr. *v mes, po leti, k malu, po sebno*.

Pisanje skupaj ali narazen v tekstih (zlasti 2. polovice) 19. stol. na eni strani in kodifikacija v SP na drugi sta dve skrajnosti, ki obe hkrati nista mogli postati tradicija, zato je bilo v nadaljnjih SP za pisanje skupaj ali narazen vpeljana še **načelo ohranjene oz. neohranjene (okrnjene) oblike**. Razlog za pisanje skupaj so torej arhaične ali okrnjene oblike, vendar je bilo to načelo po pravopisih do SP 2001 [7] zelo nenatančno formulirano.

2.1 Šele SP 2001 (pravila in pravopisni slovar) zastavi pisanje skupaj ali narazen v izhodišču kot jezikoslovno vprašanje o tem, kaj je beseda, in v uvodnem delu tega poglavja določa [7, § 485]: »Črkovje posamezne besede pišemo praviloma skupaj, obenem pa z razmikom ločeno od črkovja druge besede /.../. Merilo za to, ali je del jezikovnega gradiva treba obravnavati kot eno ali več besed (in ga torej načeloma pisati ali skupaj ali narazen), je **nerazdružnost in nezamenljivost zaporedja delov** dane besede.« Oba razloga sta v celoti oblikovna, formalna. Takoj v nadaljevanju [7, § 487] pa sta relativizirana ravno s stalnimi besednimi zvezami: »Načela razdružljivosti in nezamenljivosti zaporedja pa ne moremo uporabiti zmeraj za merilo pisanja skupaj ali narazen. Odpove namreč pri nekaterih stalnih besednih zvezah /.../. Tu se ravnamo po določljivosti samostojnih sestavin na podlagi **pomena in oblikoslovja** /.../.« Za oblikoslovno (ne)določljivost se navaja primer z *lepo* proti *zlepa* – vzrok za pisanje skupaj je arhaična roditeljska oblika pridevnika, za pomensko pa zveza *biti na poti* z »navadnim pomenom« 'potovati' proti frazeologizirani *biti napoti* 'ovirati'. Pri tem je bilo spregledano, da ima zveza z »navadnim pomenom« valenco, kakor jo zahteva glagol *biti* (*kje s kom*), medtem ko ima glagolski frazem valenco kot zveza (*biti na poti*) (*komu*), kar pomeni, da na sintaktični ravni obstaja oblikovna razlika. Da sprememba leksikalnega dela pomena ni dovolj distinktivni kriterij za pisanje skupaj ali narazen, so se zavedali tudi avtorji SP 2001 in so zato med pravili pogosto ohranili tudi možnost obojnega pisanja, torej pisanja skupaj in narazen [7, § 485].

2.2 Če povzamemo: načela o pisanju skupaj ali narazen so v slovenski pravopisni tradiciji naslednja:

SP 1899	SP 1920	SP 1935	SP 1950	SP 1962	SP 2001
naglas	naglas	naglas	naglas	naglas	
	oblika	oblika			oblika
pomen	pomen	pomen	pomen	pomen	pomen

3. **Doslednost pravil v SP 2001.** Iz oblikovnih kriterijev besednosti (nerazdružljivost in nezamenljivost delov) v SP 2001 sledi, da za ogromen del frazemov odločitev za pisanje skupaj ali narazen ne bi smela biti problem. Tako na primer ne za glagolske frazeme, saj ti vsaj med glagolskim in neglagolskim delom dopuščajo ali vstavljanje sobesedilnih prvin ali vsaj spremembo besednega reda, prav tako ne za vse samostalniške frazeme s pridevniškim prilastkom, saj se le-ta ujema s samostalnikom v jedru in se v skladu s tem tudi obliko(slo)vno spreminja (npr. *prva violina, boljša polovica*), izjema so le primeri z nesklonljivim oz. ničto sklonljivim levim prilastkom tipa *figa mož, figa moža* itd.

Če frazem razumemo kot (eno in isto) jezikovno enoto, potem različno pisanje tudi ne bi smelo biti mogoče pri variantnih frazemih, npr. adverbialnih tipa *tja v dan / tja v en dan / tja v tri dni* 'brez smisla, cilja'. SP 2001 pri tem frazemu kodificira tri različne vrste pisanja: samo skupaj *tjavdan*, skupaj in narazen *tjavendan* in *tja v en dan*, samo narazen *tja v tri dni*,

pri čemer pomen in sintaktična funkcija ostajata enaka v vseh treh variantah. Nekaj drugega je raba, ki se navaja v SP 2001 (a je v besedilnih korpusih še ni mogoče najti), *prerasti svoj prazni tjavdan* 'brezciljno življenje', kjer gre za konverzijo v samostalnik.

Jezikoslovno gledano je torej prvi pogoj za poenobesedenje sklopovskega tipa, ki se kaže zgolj s pisanjem skupaj ali narazen (ne pa recimo s kake druge vrste besedotvorno spremembo), **stalno zaporedje** sestavin/besed. Ker je stalnost ena od temeljnih lastnosti frazema, je za njegovo poenobesedenje potrebna skladijskofunkcijska sprememba s **konverzijo**, natančneje z leksikalizirano (ustaljeno) prekategorizacijo.

3.1 Posledice zgoraj (pod 2) omenjenega sovпада dveh skrajnosti v odnosu do pojma besede konec 19. stol., kakor se realizira v pisanju skupaj ali narazen, lahko opazujemo še danes, v začetku 21. stol. Naj to predstavimo na primeru frazema *ne bodi treba koga* oz. besede *nebodigatreba*. V slovenskih slovarjih od Pleteršnika [8] (1894/95) dalje in v SP-jih od l. 1935 dalje je naveden samo kot s konverzijo nastala samostalniška beseda, ki se spreminja znotraj *-ga/-je/-jih-* (*nebodigatreba*, *nebodijetreba*, *nebodijihatreba*). Kljub temu pa v sodobni besedilni rabi še vedno najdemo soobstoj frazeološke enote in besede, in to ne samo glede na pisno podobo (vsi navedeni zgledi in statistični podatki so iz korpusa internetnih tekstov slWaC [9]):

a) Izhodišče je iz zveze *ne bodi koga treba* nastali pragmatični frazem, po obliki stavčni, ki izraža 'razmerje govorca do tistega/tega, o čemer/komer govori': *Da bi preživela, morata soseda združiti moči /.../. Potem pa, ne bodi ga treba, se Oz zaljubi v Jimmiyevno ženo /.../. Raba je v sodobnih tekstih sicer redka, a ostaja.*

b) Po prekategorizaciji nastaneta samostalnika *nebodigatreba* za moški spol 'neprijeten, nezaželen človek ali stvar' in za ženski spol *nebodijetreba* (z oblikama v pluralu in dualu *nebodijihatreba*, *nebodijutrebata*), sklanjata se z ničto končnico: *Za fante, ki jim je bila šola nebodijetreba. /.../ včasih pa vendarle postane prav nemogoč nebodigatreba. /.../ tisti mirne krvi so se gumijastih nebodijihatreba lotili z raznimi razpršili.* Neobičajni, na sredini spreminjajoči se besedi in njune oblike kažejo nadaljnji razvoj v prevlado ene, in sicer začenja prevladovati *nebodigatreba*.

c) V zadnji stopnji poenobesedenja se *nebodigatreba* vključi v ustrezno oblikoslovno paradigmo *nebodigatreba -e* (kot *mama -e*): *Psihologi, sociologi in drugi nebodigatrebe tako imenovanih neeksaktnih znanosti /.../. /.../ kako se je trener v očeh javnosti preobrazil iz odrešitelja v nebodigatrebo.* Tovrstnih rab je za zdaj še relativno malo in niso kodificirane, v korpusu slovenskih internetnih tekstov slWaC [9], ki obsega pribl. 750 mio besed, smo jih našli 22.

Gre torej za tri sinhrono obstoječe stopnje, od katerih prvi dve najdemo v tekstih zapisani tako skupaj kot narazen, pri čemer (a) pogosteje narazen (in praviloma z vejicami ločeno od konteksta), (b) pogosteje skupaj. Pisanje samo skupaj je v celoti doseženo šele na stopnji (c), ko se beseda preneha oblikovno spreminjati sredi enote in se uvrsti v ustrezno sklanjatveno paradigmo z glasovnimi končnicami. Tako stanje nakazuje, da se pri piscih v slovenščini celo s prekategorizacijo, ki je ustaljena konverzija in v SP-jih že daljši čas tudi kodificirana kot enobesedna enota, le s težavo doseže samoumevno pisanje skupaj.

4 **Vzrok za vztrajanje pri pisanju narazen.** Ali je omenjena težava pri nejezikoslovcih le posledica nepoznavanja obstoječih pravil, pri jezikoslovcih pa neke vrste ostanek omenjenega etimologiziranja ali pa obstaja zanjo še kak drugi razlog (morda bolj jeziko/slo/vni?), bomo poskušali preveriti na nekaj primerih minimalnih predložnih frazemov, nastalih s konverzijo iz neglagolskega dela glagolskega frazema, oz. tudi širše na primerih pisanja predložnih zvez v frazemih tako kodifikaciji kot tudi rabi.

4.1 Primere lahko razdelimo na tri skupine:

a) Prva skupina so glagolski frazemi s predložnozvezno komponento, ki se ne osamosvaja in seveda tudi ne spreminja pomena, torej ne gre za sekundarno frazeologizacijo. Za primer lahko vzamemo že v 2.1 omenjeni frazem (*kdo/kaj*) *biti*, *stati na poti* (*komu/čemu*),

ki mu zaradi prenesenega, frazeološkega pomena SP 2001 v Pravilih in nato tudi v lovarskem delu pod geslom *napoti* predpisuje pisanje skupaj. Toda pisanje predložne zveze *s poti* v vsebinsko povezanih frazemih *iti s poti komu* 'umakniti se komu, prenehati ovirati koga' in *spraviti s poti koga* 'onemogočiti koga/kaj, ubiti koga' se v Pravilih niti ne omenja, v slovarskem delu pa se pod (predložnozveznim) geslom *s póti* tudi *s potí* (pozor na akcentuacijo!) navajata oba frazema. Žal rabe pisanja *napoti* in *spoti* v korpusu ne moremo primerjati natančneje (ker *spoti* ni lematizirano, kot besedna oblika /word form/ pa je homonimno s 3. os. sg. od *spotiti se* in Nom. in Acc. sg. samostalnika *spot*), lahko pa po pregledu konkordanc potrdimo, da kodifikacija odslilkava nedoslednost rabe, pri čemer je pisanje skupaj *napoti* bistveno pogostejše kot *spoti* – razlog za to je verjetno obstoj samostalnika *napota*, katerega nastanek bi bilo treba podrobneje analizirati, vsekakor pa spominja na že opisano zadnjo stopnjo razvoja *nebodigatreba* (zanimivo je, da se je tudi *napota* umestila v isto sklanjatveno paradigmo). Podobni frazemi s predložnozvezno komponento v tako pisno namreč nasprotje ne prihajajo, npr. *(kaj) biti pri roki (komu)* 'biti blizu, na lahek način dosegljivo' in *(kaj) biti od rok (komu)* 'biti daleč, težko dosegljivo' – tako v kodifikaciji kot v rabi je uveljavljeno pisanje narazen.

b) Druga skupina so glagolski frazemi, iz katerih so se predložnozvezne komponente osamosvojile s prekategorizacijo in spremenjenim pomenom, torej gre za sekundarno frazeologizacijo. Primer so frazemi (a) frazeološki sklop (r. edinstvo) *(kaj) priti, pasti na pamet (komu)* 'domisliti se česa, spomniti se kaj'; (b) frazeološki skup (r. sočetano) *(kdo) (na)učiti se, znati, povedati (kaj) na pamet* 'znati, naučiti se, povedati kaj brez pisne predloge, dobesedno'; (c) adverbialni minimalni frazem *na pamet* 'brez dokazov, argumentov, premisleka'. Osamosvojitve minimalnega frazema ne poteka neposredno iz frazeološkega sklopa, temveč preko frazeološkega skupa, v katerem je v bistvu že izvršena prekategorizacija. Ali gre osamosvajanje dela frazema vedno (ali vsaj praviloma) po tej poti, bi bilo treba natančneje raziskati, je pa to gotovo najbolj verjetna pot.

Pisanje predložne zveze v glagolskih frazemih in v adverbialnem minimalnem frazemu je normirano kot pisanje narazen. Kako je v rabi, zvezo v korpusu. Razmerje med pisanjem narazen in skupaj je 11.203 zadetkov (dalje z.) (12,50/mio) za *na pamet* in 254 z. (0,28/mio) za *napamet*, kar torej podpira obstoječo kodifikacijo. Za opazovanje tendence v rabi pa je bolj kot to razmerje pomembno razmerje med pisanjem *na pamet* in *napamet* glede na to, s katerimi glagoli kolocira in katero frazeološko enoto v resnici predstavlja: sklopovski ali skupovski ali minimalni frazem? V naslednji tabeli je navedenih 10 najpogostejše rabljenih glagolov:

Glagol + <i>na pamet</i>	Število z.	Glagol + <i>napamet</i>	Število z.
<i>pasti na pamet</i>	2599	<i>znati napamet</i>	16
<i>govoriti na pamet</i>	550	<i>govoriti napamet</i>	14
<i>priti na pamet</i>	544	<i>pasti napamet</i>	11
<i>naučiti na pamet</i>	334	<i>priti napamet</i>	7
<i>vedeti na pamet</i>	220	<i>naučiti napamet</i>	7
<i>učiti na pamet</i>	179	<i>vedeti napamet</i>	6
<i>poznati na pamet</i>	98	<i>učiti napamet</i>	6
<i>pisati na pamet</i>	53	<i>pisati napamet</i>	4
<i>delati na pamet</i>	38	<i>znati napamet</i>	3
<i>padati na pamet</i>	31	<i>učiti napamet</i>	2

Dovolj jasno se pokaže, da je predložna zveza daleč najpogostejša v sklopovskem frazemu, zanj je zapis skupaj, torej kot *napamet*, irelevanten. Pogostejši je zapis adverbialne komponente kot *napamet* v skupovskem frazemu, medtem ko o pogostnosti zapisa minimalnega frazema iz navedb v tej tabeli natančneje ni mogoče sklepati, ker so glagoli, s katerimi se veže, preveč razpršeni, lahko pa iz razlike med vsemi pojavitvami in

pojavitvami, ki jih zasedeta sklopovski in skupovski frazem predvidimo, da je sicer pogosto, a še zdaleč ne pogostejše od pisanja *na pamet*.

c) Tretja skupina so minimalni predložnozvezni frazemi brez (vsaj sinhrono) obstoječega *glagolskega* frazema.

Kodifikacija v SP 2001 je glede tega precej raznolika, v splošnem pa sledi navedenima načeloma o sodobnosti oblike in pomena. V Pravilih [7, § 567] se med izpeljankami iz predložne zveze, torej pisano skupaj, navaja *zbogom* (pozdrav ob odhodu), v § 568 in 569 pa med adverbialnimi predložnimi zvezami, torej pisano narazen, *na moč, na mah, na pamet, od rok, po krivem, v nič (devati)*; v § 571 se kot posebnost navaja: »Narazen pišemo tudi primere, ki kažejo večji pomenski premik /.../, kot so *na glas, /.../ po navadi /.../*. Redko take zveze pišemo tudi skupaj, npr. *na posodo* in *naposodo*.«

4.2 Kakšen je razlog za take odločitve? O pisanju (skupina a) *na pamet* kot delu frazema in minimalnem frazemu ter (skupina b) o predložni zvezi *od rok*, ki je del frazema *biti od rok* (in v paru s frazemom *biti pri roki*) smo že govorili. Zveze skupine (c) *na moč* 'zelo', *na mah* 'naenkrat, v hipu', *na glas* 'glasno' in *po navadi* 'običajno' so variante večkomponentnih frazemov *na vso moč, na en mah, na ves glas* in *po stari navadi*, zato je vsaj sistemsko pričakovano pisanje narazen, kot zahteva kodifikacija v SP 2001, enako pričakovana je tudi možnost obojnega pisanja *na posodo/naposodo*, saj zveza vsebuje arhaično komponento *pósoda* 'posojilo'.

Koliko temu sledi raba, pokaže že pregled pisanja skupaj: zapis *namoč* (v pomenu 'zelo') se v korpusu sIWaC sploh ne pojavi, *namah* se pojavi 49-krat, kar je pri tako velikem korpusu enako tipkarski napaki, enako velja za zapis *naposodo*, ki ima 14 pojavitev. To pomeni, da rabna norma potrjuje pisanje narazen. Ne moremo pa spregledati pisanja *naglas* 'glasno', ki ima v korpusu 3513 pojavitev. Pri presoji moramo upoštevati, da obstaja homonim (enakopisnica) *naglas* 'akcent', a tudi če gre v večini primerov za homonim, je število pojavnic s pomenom 'glasno' še vedno zelo veliko in kaže, da rabna norma daje prednost pisanju skupaj. Še toliko bolj to velja za pisanje *ponavadi* s 74.492 pojavitvami (in brez kakega homonima). Tako za pisanje *naglas* kot za *ponavadi* ni nepomemben podatek, da ga je normiral že SP 1962.

Če povzamemo navedene podatke, lahko ugotovimo, da v slovenski kodifikacijski normi tako v glagolskih frazemih s predložno komponento kot v predložnozveznih minimalnih frazemih prevladuje pisanje narazen. Nekoliko manj to velja tudi za rabno normo.

4.3 Ugotovljeno stanje v slovenski kodifikacijski normi bomo primerjali s podatki o pisanju tovrstnih predložnih zvez v hrvaški kodifikaciji, kakor jih najdemo v citirani frazeološki literaturi (predvsem v [1]). Ne nazadnje je ravno v zvezi s pisanjem skupaj ali narazen (prim. pod 2) HP vplival na prvi SP (1899). Za primerjavo smo izbrali zveze, ki so enake oz. primerljive z zvezami v slovenski frazeologiji, način pisanja smo preverili v pravilih in slovarskem delu Hrvatskega pravopisa [10] in v Aničevem slovarju [11], nato pa slovenske ekvivalente še v SP 2001 [7]. Vsi izbrani primeri so v SP pisani narazen, torej kot predložne zveze, v HP in Aničevem slovarju je zapis različen (ločujemo med hrv.1=pisano narazen; hrv.2=pisano skupaj). Pisanje predložnih zvez skupaj ali narazen smo ločili na tri skupine glede na njihovo vključenost v večkomponentni frazem ali samostojnost:

a) enote, ki so kot predložne zveze komponenta glagolskega frazema:

slo. *stopilo je komu kaj v glavo* in *ne gre mi v glavo, dobiti jih po nosu, kaj leži na srcu komu, kaj/kdo iti na roko komu*;

hrv.1 *udarilo je komu što u glavu* (HP pravila), *ne ide mi u glavu* (Anić); *dobiti po nosu* (HP pravila; Anić), *ležati kome na srcu* (HP /, Anić),

hrv.2 *sve mi je išlo naruku* (HP slovar, geslo *naruku*), *ići nārūku* (Anić, geslo *nārūku*);

b) enote, ki nastopajo v sklopovskem frazemu, skupovskem frazemu in kot minimalni frazem (oz. pisna beseda):

slo. v 4.1 b) obravnavana zveza *na pamet* v treh vrstah frazemov in treh pomenih,

hrv.1 *pada mi na pamet* (HP pravila), *pasti na pamet* (Anić),

hrv.2 *Pjesmica se mora naučiti napamet* (HP slovar, geslo *napamet*), *učiti pjesmu napamet, govoriti napamet* (Anić, geslo *nāpamēt*);

c) enote, ki nastopajo samo kot minimalni frazem (ali kot pisna beseda):

slo. *na las* 'popolnoma, v celoti', *na smrt* 'zelo',

hrv. *navlas* (*Pisali su navlas jednako*. HP slovar), *nāvlās* (način pisanja uz *na vlas*) (*navlas isti*; Anić), *nasmrt* (*Preplašili su ga nasmrt*. HP slovar), *nāsmrt nasmrt preplašen, nasmrt preplašiti*; Anić).

Iz navedenega lahko najprej sklepamo, da slovenska kodifikacija razmeroma dosledno vztraja pri pisanju predložnih zvez kot zvez tudi po konverziji, medtem ko se v hrvaški ortografiji (in v slovarjih) predložne zveze po konverziji razmeroma dosledno pišejo skupaj (ali res vse prehajajo v enobesedne lekseme, je drugo vprašanje). Za slovenskega frazeologa je pri tem opazno, da imajo primeri, pisani skupaj, akcentski premik na predlog. To se namreč v podobnih slovenskih primerih ne dogaja in poleg tega akcentske spremembe v SP 2001 niso eksplicitno navedene kot eno od načel za pisanje skupaj. Naj za konec navedemo primer, ki kaže, da morda vendarle implicitno vplivajo na način pisanja. Obstajata namreč dva pragmatična frazema z istim pomenom, oba sta medmetna in členkovna, vendar se eden po kodifikaciji v SP 2001 piše skupaj, drugi narazen. To sta *zabóga* in *za vrága*. Samo pri *zabóga* je pri frazeologizaciji prišlo do akcentskega premika (< *za bogá*). Mogoče bo treba akcentualizaciji v zvezi s pisanjem skupaj ali narazen v prihodnje posvetiti več pozornosti.

Seznam uporabljenih virov

1. Ham, S. Pravopisu ponosu ili pravopisu po nosu / S. Ham // Jezik. – 2000. – Letn. 47. – S. 134–152.
2. Tafra, B. Konverzija kao gramatični i leksikografski problem / B. Tafra // Filologija. – Zagreb. – 1998. – Letn. 30–31. – S. 349–361.
3. Kovačević B. Frazemske polusloženice (od rječnika preko tvorbe do pravopisa i obratno) / B. Kovačević, E. Ramadanović // Časopis Instituta za hrvatski jezik i jezikoslovlje. – 2013. – Letn. 39/1. – S. 271–291.
4. Kržišnik, E. Frazeologija v Slovenskem pravopisu 2001 / E. Kržišnik // Slavistična revija. – 2003. – Letn. 51/2. – S. 221–236.
5. Levec, F. Slovenski pravopis / F. Levec. – V cesarski kraljevi zalogi šolskih knjig – Na Dunaju, 1899. – 167 s.
6. Breznik, A. Razvoj novejšje slovenske pisave pa Levčev pravopis / A. Breznik // Dom in svet. – 1914. – Letn. 27. – S. 123–124; 160–161.
7. Slovenski pravopis. 2001. – Spletna izdaja na www.fran.si. – Dostop 30.09.2021.
8. Pleteršnik, M. Slovensko-nemški slovar / M. Pleteršnik. – 1894/95. – Spletna izdaja na www.fran.si. – Dostop 1.10.2021.
9. Korpus slovenskega spleta slWaC v2.1. 2014. – www.clarin.si/noske. – Dostop 3.10.2021.
10. Hrvatski pravopis Instituta za hrvatski jezik. – Spletna izdaja na <https://pravopis.hr>. – Dostop 7.10.2021.
11. Anić, V. Rječnik hrvatskoga jezika / V. Anić. – Novi Liber–Zagreb, 2000. – 1439 s.

Abstract. The article deals with the orthographic problem of writing as one or two words in connection with the relationship between a phraseological unit and a one-word lexical item derived from it. The codification norm in the Slovenian language connected with this issue is presented and checked against the usage norm as shown in the internet texts from the Slovenian domain (slWaC corpus). It seems that within phraseology, it is difficult to make a distinction between a word combination and a single word in the Slovenian codification as well as in the written usage norm.

Keywords: phraseology, phraseme, word, orthography, writing as one or two words, conversion, slWaC corpus.

С. Б. Кураш, Л. А. Богданович

**КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ТЕРМИНОЛОГИИ ИДИОМАТИКИ
ВНЕ ПРЯМОЙ РЕФЕРЕНЦИИ В РУССКОМ ПОЭТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ**

Аннотация. Исследование посвящено выявлению и систематизации корпуса поэтических контекстов, в которых представлена метаязыковая рефлексия относительно терминологемы «идиома» и некоторых близких понятий. Установлено, что не только непосредственно идиомы привлекают поэтов как один из ярких стилистических ресурсов, но и сама терминология идиоматики способна концептуализироваться в образных контекстах.

Ключевые слова: идиома, термин, детерминализация, поэтический дискурс, концептуализация, образ.

Введение. Филологичность, под которой мы понимаем непосредственное обращение авторов к фактам языковой денотативной сферы (понятийной области «ЯЗЫК») отличает идиостилю таких русских поэтов, как С. Кирсанов, Б. Слуцкий, И. Бродский, Б. Ахмадулина и др., а как доминанта идиостиля выступает в творчестве поэтов постмодернистского направления – А. Ерёмченко, Т. Кибирова, С. Бирюкова, И. Иргеньева, Д. Быкова и др.

Выражением предельной экспликации филологичности можно считать ряд поэтических текстов и сборников, имеющих лингвистические заглавия и такое же содержание, которые можно причислить к научной поэзии, например, стихотворения «Вводные слова» А. Кушнера, «К вопросу о коммуникативной функции слова» Д. Сухарева, «Основы фонологии» С. Бирюкова (и ряд его других текстов), сборник «Часть речи» И. Бродского и др. Это именно тот случай, когда «“поэтическая филология” избирает своей стратегией полидискурсивность – смешение и взаимоналожение элементов институционального научного и персонального поэтического дискурсов. (...) Для выражения метаязыковой рефлексии литературный метатекст актуализирует свою “грамматическую партитуру”» [1, с. 6].

Весьма характерно и название одного из новейших исследований в области «филологичности» поэтического языка – монографии Н. А. Фатеевой «Поэзия как филологический дискурс» [2], в основу которой положена идея о том, что в поэтическая функция языка вступает в стихотворных текстах в тесную интеракцию с метаязыковой функцией. Автор данного исследования утверждает, что у поэтов XX–XXI вв. палитра филологической лексики существенно расширяется, причем не только за счет специальных стиховедческих терминов (что было характерно и ранее), но и за счет понятий, связанных с уровневым устройством языка (строевыми элементами языка, лексикограмматическими разрядами, категориями, формами, синтаксическими единицами и понятиями и пр.), а также за счет их вовлечения в поэтическую детерминализацию и основанную на ней языковую игру.

Исследователями уже отмечались факты, когда отдельные лингвистические понятия систематически выходили за пределы своего «родного» (научного, филологического) дискурса. Например, такие, как *метафора*, *модальность*, *дискурс*, *плюсquamперфект* и др. [3; 4].

Целью данного исследования является выявление и систематизация корпуса поэтических контекстов, в которых так или иначе представлена метаязыковая рефлексия относительно фразеологического уровня и идиомы как его основной единицы.

Материал исследования. Обращение к ресурсам Национального корпуса русского языка (www.ruscorpora.ru) и информационно-поисковым системам (Яндекс и Google) позволило выявить целый ряд употреблений терминологической лексики, связанной

с фразеологией, в нетерминологическом (не строго терминологическом) значении, характерных для различных видов дискурса – прежде всего, поэтического. Из терминологического состава, связанного с проблемным полем фразеологии, вне пределов филологического дискурса нами зафиксированы такие единицы, как *идиома*, *оборот* и некоторые другие. Первое – наиболее частотное.

Результаты исследования. В первую очередь следует отметить достаточно представительную группу поэтических текстов (прежде всего из сетевой поэзии), в которых термин *идиома* (или производные от него) содержится уже в заглавии. Как правило, все эти тексты посвящены раскрытию содержания данного понятия в поэтической форме, обычно реализуемой в виде языковой игры с сериями фразеологических единиц с установкой на юмористический эффект (например, «Идиома» О. Самойловой, «Русская идиома» Т. Пежемской, «Идиомы современности» Синеи Моли, «Фразеологический портрет обобщённого натурщика» С. Петрова и др.). Приведем фрагмент одного из таких текстов под названием «Смешные детские стихи “Идиома”», размещенном на одном из сайтов для родителей детей дошкольного возраста: *Что такое идиома? / Если люди говорят, / что у вас не все, мол, дома... / отвечайте: – я и брат! / «В голове у вас солома» / или «каша в голове» – / это тоже идиома. / А точнее, целых две. / Фразу «взяли ноги в руки» / умный правильно поймёт. / А хватать себя за брюки / будет только сумасброд. / Кто-то долго тыкву чешет: / Не поймёт, чудак, никак, / что собак не надо вешать, / чтоб навесить всех собак. / Идиомы – это фразы, / смысл которых – между строк. / Вы поймёте это сразу, / если варит котелок.*

Цикл шуточных стихотворных миниатюр под общим названием «Идиома» принадлежит Виктору Адуеву. Каждая из них строится на обыгрывании компонентов одного или двух идиоматических оборотов в прямом или омонимичном значении (т. е. на разрушении семантической слитности и структурной целостности устойчивого выражения), сравн.: *Я много странствовал по свету, / все больше в бурю и в ненастье... / О, мне найти бы Гульку эту, / с чей нос отмерено мне счастья (Гулькин нос); Если сил не хватило тебе самому / дать отпор, за себя постоять, / ты тогда призывай на подмогу / Кузьму / и его безымянную мать (Кузькина мать); На ТВ попал ты круто, / и мелькаешь там все чаще, / и ликуешь почему-то. / А чему? / Сыграл-то в ящик! (Сыграть в ящик).*

В абсолютном большинстве случаев употребляемые терминологемы подвергаются частичной (семантические трансформации) или – реже – полной детерминологизации (метафоризации), обусловленной окказиональными синтагматико-парадигматическими связями в тексте.

В тех же случаях, когда терминологическая семантика сохраняется, она обычно дополняется эмоционально-оценочными коннотациями.

Так, в ряде случаев нами отмечена негативная или, по крайней мере, саркастично-скептическая оценка фразеологии (идиоматики) как языкового явления и / или как стилистического средства, сравн.: *Какой-то идиот / придумал идиомы, / не вынеся тягот / под скрежет якорей... / Чтоб вы мне про Фому, / а я вам – про Ерему (А. Еременко); Киркою рудоконный гном / Согласных хрусты рушит в томы... / Я – стилистический прием, / Языковые идиомы! / Я – хрустом тухнувшая печь, – / Пеку прием: стихи – в начинку; / Давно поломанная вещь, / Давно пора меня в починку (А. Белый).*

Концептуально близкими являются такие примеры, в которых рассматриваемые термины также трактуются как что-то не очень серьезное, легкое, банальное, но оцениваются более нейтрально: *К чертям, к чертям! Не иначе – / И мы-то все Горынычи, / И нами переловятся, / Как стаи птиц, пословицы / Со старыми, знакомыми / Слепыми идиомами (Г. Оболдуев); «В такие нас забросило места, / что ничего не остается, кроме / как постничать задолго до Поста». / «Ты говоришь о сумасшедшем доме?» / «Да, наша география проста». / «А что потом?» «Ты вечно о потоме! / Когда – потом?» «По снятии с креста». / «О чем ты?!» «Отнесись как к идиоме» (И. Бродский).*

Иногда в значении образно употребленного термина акцентируются семы типа 'неясность смысла, непроясненность': *Жена в семье не голова, / а воплощенье идиомы. / Хоть для меня её слова / полупонятны, но весомы* (С. Малин).

В обнаруженном в сетевом пространстве стихотворении Андрея Сутоцкого понятие *идиома* становится символом чего-то чужого, навязанного извне, порабощающего: *Мы все не можем жить без идиом, / Чужих племён трагедии играя, / Чтоб спохватившись, как-нибудь, потом, / Паниковать, без пользы прогорая. / Да, нас насильно... Да, нас за слова... (...) Покайтесь в лени. Вслушайтесь в себя. / Того ли вы хотите, люди?... То есть: / Согласны ль вы носить клеймо раба, / Иль жить, как вам указывает совесть?*

Примерно такой же смысловой направленности нами ранее были отмечены поэтические реакции на метафору, а последняя, как известно, очень часто выступает в качестве семантической основы фразеомобразования. Основной «минус» метафоры еще со времен античности многие мыслители (а вслед за ними и литераторы) видели и продолжают видеть в ее способности уводить от сути вещей, служить механизмом обмана, противопоставляя при этом метафору реальности: *Натуральная тьма / наступает опять, / как движенье ума / от метафоры вспять, / и сиянье звезды / на латуни осей / глушит звуки езды / по дистанции всей* (И. Бродский); *Мой ум в метафорах померк, в метаморфозах!* (Ю. Мориц) [3, с. 147–152]. Выдающийся белорусский поэт Пимен Панченко в своих дневниковых записях и вовсе вынес «эстетический приговор» метафоре: «*Метафар убогі зброд – “пацалунак слова”, “дакраніся да зоркі” – гэта жалкі падман, антыментальнае глупства. Толькі рэальная матэрыя і высокія сімвалы маюць права на існаванне. Гэта і ёсць вобразны свет, а мы займаемся яго падменай*» [Цит. по: 5, с. 11].

У Б. Ахмадулиной встречаем употребление слова *идиома* в расширенном значении, близком к понятию 'номинативная единица', 'индивидуальный способ именования': *Сиены площадь так нарёк мой жар, / это его наречья идиома. / Оставим площадь – вечно возлежать / прелестной девой возле водоёма* (Б. Ахмадулина).

В следующем примере *идиома* концептуализируется как некое 'благозвучное экзотическое слово', которое может быть использовано в качестве редкого эпатажного имени, и в этом опять же сходство с рядом выявленных ранее детерминологизированных употреблений лексемы *метафора* [3, с. 145–146]: *система редких приполярных городов / сгущенных сливок с поясной наценкой / удовлетворенье нужд путем народных песен / население так стосковалось по культуре / что называет своих немудрящих дочерей / викторина ольвия идиома* (А. Цветков).

В ряде контекстов у анализируемой лексемы акцентируются отдельные семантические составляющие. Например, *идиома* – это то, что называют «крепким (метким, сочным) выражением»: *но когда по стеклу ледяному / проложили маршрут на урал / мне на флейте одну идиому / милицейский сержант наиграл* (А. Цветков); *И покуда там, / на поле – ловкость рук, никакого мошенства, – позабывши о футболе, / я испытывал блаженства, не похожие на блаженства, / что испытывал стадион, не похожие, но не похуже, / а пожалуй, даже погуце. / От чего? От словесного жеста, / от испытанных идиом* (Б. Слуцкий); *При несогласии мы отвечаем «Нет!» / Хотя возможно применить и идиому / В три буквы ... Правда, пишем по-другому / И произносим ... Но конкретнее ответ!* (С. Нестеров).

Встречается анализируемая терминологическая лексема и в контекстах, основанных на языковой игре, что связано с реализацией юмористического эффекта: *Случайная небрежность иль ослышка / Вредны уму, как толстяку одышка. / Сейчас пример мы приведем: / Один филолог, / Беседуя с невеждою вдвоем, / Употребил реченье «идиом». / И понадергали они друг другу челок! / Но виноват из двух друзей, конечно, тот, / Который услышал оплошно: «идиот»* (О. Мандельштам).

Ряд собранных контекстов демонстрирует примеры контекстуальной синонимизации анализируемых терминологем, сравн.: *Я сижу на ступеньках / Деревянного дома, / Между мною и смертью / Пустячок, идиома / Пустячок, идиома – / То ли тень водоема, / То ли давняя дрема, / То ли память погрома* (С. Липкин), а также их контекстуальной антонимизации: *В этом мире царем был дуб, а народом – / ельник, березняк, ивняк, / а когда говорили о почве, корнях – / это все было термином, не простым оборотом* (Б. Слуцкий).

Лексема *оборот* в собранном корпусе поэтических контекстов чаще всего фиксируется в значении ‘элемент индивидуального стиля’, сравн.: *Его обороты, эпитеты, дикция, / стереоскопичность его – / все в нем выдает со стихом Бенедиктова / свое роковое родство* (В. Набоков. Пастернак); *Я был плохой приметой, / я был травой примятой, / я белой был вороной, / я воблой был вареной. / Я был кольцом на пне, / я был лицом в окне / на сотом этаже... / Всем этим был уже. / А чем теперь мне стать бы? (...) Подстрочным примечаньем? / Привычкой порочной? / Отчаяньем? Молчаньем? / Нет, просто – строчкой точной, / не знающей покоя, / волнующей строкою, / и словом, оборотом, / исполненным огня, / излюбленным народом, / забывшим про меня...* (Б. Слуцкий); *У вас / простейшие слова, / а за сердце / берет! / Глядишь – / метафора слаба, / неважный / оборот...* (С. Кирсанов. Разговор с Дмитрием Фурмановым).

На периферии собранного корпуса контекстов находятся те, в которых тематическая сфера фразеологии / идиоматики представлена косвенно, без участия соответствующей терминологии или с использованием терминологии смежных лингвистических направлений, сравн.: *Я крылатую фразу / из прогулки лесной извлеку* (Г. Семенов); *В сорок третьем, в августе, когда / город был освобожден, я сразу / забежал к ней. Помню фразу: / горе – не беда!* (Б. Слуцкий).

Выводы. Приведенный фактический материал еще раз, причем с несколько неожиданной стороны, подтверждает аксиологический статус идиоматики как особого специфического языкового ресурса. Обращение к неспециализированному (в данном случае – поэтическому) дискурсу как сфере бытования анализируемых терминологических единиц позволяет судить о том, что фразеологизмы (=идиомы) – не только важный стилистический ресурс и аксиологический идентификатор, но и объект концептуализации на уровне самого данного понятия, номинируемого термином. Лексема *идиома* – одно из сравнительно немногочисленных филологических понятий, активно функционирующих за пределами «родного» дискурса, по-разному концептуализируемое в целом, семантически подвижное, ассоциативно нагруженное, загадочное и потому привлекающее внимание не только специалистов, но и просто людей, чутких к языку и интересующихся его разнообразными ресурсами. К таковым, безусловно, в первую очередь относятся художники слова, в особенности те из них, идиостили которых характеризуются так называемой «филологичностью».

Список использованных источников

1. Черняков, А. Н. Метаязыковая рефлексия в текстах русского авангардизма 1910–20-х гг. : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 ; 10.02.19 / А. Н. Черняков ; Рос. гос. ун-т им. И. Канта. – Калининград, 2007 – 23 с.
2. Фатеева, Н. А. Поэзия как филологический дискурс / Н. А. Фатеева. – М. : Изд. дом ЯСК, 2017. – 360 с.
3. Кураш, С. Б. Метафорика белорусской и русской поэзии: тексто-дискурсивный аспект / С. Б. Кураш. – Мозырь : УО МГПУ им. И. П. Шамякина, 2020. – 322 с.
4. Сичинава, Д. В. «Увы, для них это всё плюсквамперфект»: лингвистический термин как языковой образ / Д. В. Сичинава // Русский язык в научном освещении. – 2014. – № 27. – С. 90–121.
5. Старычонак, В. Д. Метафора ў беларускай мове: на матэрыяле субстантываў : манагр. / В. Д. Старычонак. – Мінск : БДПУ, 2007. – 190 с.

Abstract. The research is devoted to the identification and systematization of the corpus of poetic contexts in which metalanguage reflection on the term “idiom” and some related concepts is presented. It is revealed that not only idioms directly attract poets as one of the brightest stylistic resources, but the terminology of idiomatics itself is able to be conceptualized in figurative contexts.

Keywords: idiom, term, determinologization, poetic discourse, conceptualization, image.

УДК 811.161.1'373:398.9

А. А. Лавицкий, А. Л. Дединкин

КОНФЛИКТОГЕННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

Аннотация. В статье представлен теоретический взгляд на конфликтогенный потенциал фразеологизмов и его оценку с позиции лингвистической экспертологии. Конфликтогенность фразеологизмов зависит от их семантики и прагматической функции. Конфликтогенность фразеологизмов может быть универсальной (абсолютной) и контекстуальной. Прагматическая специфика фразеологической конфликтогенности реализуется в речевой ситуации.

Ключевые слова: фразеологизм, конфликтогенность, лингвистическая экспертология, семантика, прагматика.

Современная коммуникация активно тяготеет к публичности, что, согласно меткому замечанию М. А. Осадчего, делает ее сферой повышенной правовой ответственности [1, с. 9]. По сути, публичность современного речевого взаимодействия связана с тенденцией активного перехода в цифровое пространство, где сохранение анонимности уже практически невозможно. В этой связи актуализируется проблемное поле изучения конфликтогенного потенциала языковых единиц. Очевидно, что этот вопрос имеет междисциплинарное значение, так как требует задействовать не только лингвистику, но и научный аппарат юриспруденции, а также знания смежных гуманитарных парадигм (педагогика, психологии, социологии и др.). Именно таким направлением является юрислингвистика, исследовательский интерес которой фокусируется в том числе и на изучении соответствия семантики и прагматики речевого высказывания нормам правовой регламентации речевой деятельности.

Понимание конфликта, в том числе речевого, в правовом пространстве отличается от понимания этого типа человеческих взаимоотношений в других гуманитарных науках; традиционно конфликт связывается с такими формами взаимодействия, как столкновение, разногласие, напряжение, нарушение гармонии и т. д. В коммуникации конфликтогенность текста определяется релевантностью его семантики и прагматики.

Практика лингвоправовой оценки текста (лингвистической экспертизы) показывает, что данные лексикографических источников не всегда могут быть использованы специалистами при проведении специального исследования текста на предмет наличия в его содержании признаков совершения противоправного деяния, например, оскорбления, клеветы, экстремистских призывов и т. д. Касается это, прежде всего, оценки экстралингвистической составляющей текста: его интенции, экспрессивности. Кроме того, словари не всегда фиксируют весь спектр семантической полисемии и вариативность коммуникативных ситуаций использования той или иной лексической единицы. Стилистические пометы в словарных статьях не последовательны и зависят чаще всего от авторского подхода составителей.

Обозначенные проблемы обнаруживаются и по отношению к фразеологизмам. Дополнительную сложность оценки значения фразеологизмов придает их функциональная специфика. С одной стороны, исследователи отмечают, что данный лексический пласт есть не что иное, как результат «участия языка и речемыслительных меха-

низмов сознания в процессах предметного восприятия и формирования представлений, понятий, суждений, умозаключений, а также механизмах памяти, участия языка в хранении и передаче от поколения к поколению общественно-исторического опыта людей» [2, с. 89]. В этом случае в преломлении к теории лингвистической экспертологии можно сделать вывод, что фразеологизм в тексте имеет значение некой смысловой квинтэссенции, которая указывает на отношение к объекту или явлению с позиции массового языкового сознания. Иными словами, это уже не совсем авторский текст, а некое иносказание, объективизированное коммуникативной ситуацией. С другой стороны, фразеологизмы «обладают свойством служить средством обучения каким-то нужным вещам» [3, с. 45], то есть выражают авторское видение объекта или явления. В этом случае фразеологизмы играют роль языкового инструментария. Разумеется, что прагмалингвистический анализ позволяет дифференцировать обозначенные функциональные значения фразеологических единиц в конкретном тексте, что, однако, не дает (и не может дать) однозначного ответа об их семантической коннотации: А. Вежбицкая вообще пишет о недопустимости взаимоподмены семантики и прагматики устойчивых оборотов [4, с. 139], а Л. А. Лебедева и С. Ю. Замай утверждают, что «носители языка эмпирически различают семантическую и прагматическую функцию устойчивого сравнительного оборота, исходя из коммуникативных целей его употребления» [5, с. 129].

Конфликтотенный потенциал языковых единиц является естественным проявлением их сущностных характеристик (о том, что собственно сам язык способен на преступные действия, писала Н. Д. Арутюнова [6, с. 3]). Речь в данном случае идет обо всех единицах, так как они в той или иной степени могут реализовывать конфликтотенную прагматику текста. Н. Д. Голев прямо указывает на то, что любой речевой акт потенциально конфликтотенен [7, с. 38] – все зависит от коммуникативной ситуации: образов адресата и адресанта, жанрово-институциональной принадлежности текста, канала языкового взаимодействия и т. д. (например, слово *Привет* представляется логичным в ситуации бытового общения и совсем неуместным в речевом взаимодействии преподавателя и студентов, начальника и подчиненных).

Очевидно, что и иллокутивная, и перлокутивная функции фразеологизмов могут быть целенаправленно ориентированы на создание конфликтотенной коммуникативной ситуации. В этом случае их семантика имеет второстепенное значение, так как определяется, прежде всего, контекстуальным окружением. Важнее является интенция адресанта, который и формирует контекст. Таким образом, в определении конфликтотенности фразеологизмов на первый план выходит их прагматическая характеристика.

Различают внутреннюю и внешнюю прагматику фразеологизмов. Первая определяется их семантикой, точнее ее интенциональным потенциалом: дать совет, предупредить, упрекнуть и т. д. Внутренняя прагматика фразеологизмов проявляется после их «погружения» в коммуникативную ситуацию. Именно поэтому можно говорить о двойном конфликтотенном потенциале фразеологии: первый – содержательный (*свиное рыло, не в своем уме, черная душа* и др.), другой – контекстуальный (сравн.: *Ты в курсе всех новостей – настоящая ходячая газета – Тебя только сплетни интересуют – настоящая ходячая газета; Вывели тебя в чины не зря – Сам бы ты с твоим-то умом в чины не вывелся бы; В работе с людьми нужно нос держать по ветру – Разве можно в работе с людьми все время нос держать по ветру?*). Думается, что такая дифференциация прагматической специфики фразеологизмов соответствует и двум типам конфликтотенности: универсальной (абсолютной) и ситуативной. Т. С. Непшекуева определяет первую как «те речевые действия, которые практически всегда вызывают конфликт в любой ситуации, по отношению к любому человеку; в основном это грубые нарушения этикета – оскорбления, резкость, дерзость, хамство, выражение презрения и т. п.» [8, с. 108]. Ситуативная конфликтотенность реализуется в конкретной коммуникативной ситуации.

С позиции теории речевых актов наибольшей конфликтогенной прагматикой обладают высказывания, имеющие интенциональные установки (внутреннюю прагматику) упрека, пожелания, предостережения, совета, угрозы и др. Сложно не согласиться, что обозначенные типы речевых актов обобщают весь фразеологический фонд языка. Даже достаточно частотные фразеологизмы, не имеющие соответствующих стилистических помет, могут реализовывать в речевой деятельности свой конфликтогенный потенциал. Сравн.: *Выставлять на вид* (обнаруживать, делать явным, обозримым для всех [9, с. 121]) – *Пора выставить на вид все твои делишки*; *Закон не писан* (не считаться с обязательными правилами, нормами поведения [9, с. 241]) – *Все знают, что для тебя закон не писан*; *Идти в ногу* (1) действовать согласованно с кем-либо, 2) поступать сообразно приятным правилам, нормам [9, с. 268]) – *Ты всегда идешь в ногу с самыми алчными казнокрадами*. Приведенные примеры наглядно показывают, что фразеологизмы могут быть триггерами речевого конфликта, так как в определенном контексте вызывают у адресата чувство оскорбления, обиды, страха или агрессию. Кроме того, употребление фразеологизмов в тексте рассматривается и как проявление экспрессивности – значимой составляющей референтной коммуникативной ситуации. По сути, это начало конфликтогенного общения: М. М. Бахтин определяет референтную ситуацию как «вербальное противодействие, имеющее статус имманентной характеристики коммуникативного взаимодействия [10, с. 12]). Но сам факт наличия фразеологизмов в речевом высказывании не дает оснований считать его конфликтным. Содержание текста должно явно или имплицитно противопоставляться, диссонировать с представлениями адресата.

Следует, конечно, понимать, что в речевом конфликте не всегда обнаруживаются признаки противоправного деяния. Более того, необходимо четко дифференцировать некоторые виды правонарушения в зависимости от их дискурсивной принадлежности. Так, оскорбительными для адресата могут быть высказывания *Ты звезд с неба никогда не хватала* или *Ты только и умеешь, что языком чесать*. Однако в данном случае речь идет об оскорблении с позиции коммуникативной лингвистики, что зачастую не имеет ничего общего с правовой трактовкой речевого деяния и его содержания. Дело в том, что так называемые преступления, совершаемые вербальным способом, имеют четкие юридические дефиниции, которые задают систему параметров текста. Характеристика этих параметров позволяет четко идентифицировать речевой акт, содержащий признаки преступления.

Вернемся к представленным выше примерам и проведем их краткий лингвоправовой анализ на предмет соответствия содержания высказываний параметрам оскорбления. Так, Кодекс об административных правонарушениях Республики Беларусь определяет оскорбление как умышленное унижение чести и достоинства, выраженное в неприличной форме. С позиции лингвистической экспертологии это означает, что конфликтогенный текст должен содержать утверждени(е)я (параметр фактологичности), негативно характеризующ(ее)ие кого-либо (параметр атрибутированности) и выраженн(ое)ые в неприличной форме (параметр ненормативности) (не вдаваясь в пространственные дискуссии о приличности и неприличности речевого акта, отметим здесь, что в экспертной работе сложилась следующая практика: к неприличной форме речевого выражения относят использование лексических единиц, имеющих в лексикографических источниках «пометы ‘бран.’, ‘руг.’, ‘груб.-прост.’, или внесенных в словари бранной лексики, матизмов и обсценизмов» [1, с. 98]). Таким образом, рассматриваемые примеры при несомненном соответствии параметрам фактологичности и атрибутированности не содержат неприличную форму речевого высказывания: *хватать звезды с неба* маркировано в словаре как ‘экспресс.’, *чесать языком* – ‘прост.’, ‘неодобр.’.

Фразеологические единицы, зафиксированные в специализированных лексикографических изданиях матерных и обсценных выражений, как правило, имеют соответ-

ствующие стилистические пометы и относятся к неприличной форме речевого высказывания. Однако с правовой точки зрения сам факт их использования в речевом потоке не является доказательством совершения противоправного деяния, так как – напомним – для идентификации оскорбления важно наличие всех упомянутых выше параметров.

Фразеологизмы достаточно частотны и в других проявлениях деструктивного дискурса, который отличают особые характеристики субъекта (делинквентная языковая личность) и текста (являет собой противоправный вербальный инструментарий). Однако их иносказательность зачастую не «пересекает черту» правового поля. Так, совершение угрозы (речевое высказывание намерения принести моральный и физический вред лицу или его имуществу) подразумевает наличие в высказывании четырех параметров: 1) тип вредоносного действия, 2) субъектность действия, 3) адресованность, 4) темпоральная маркированность, однако первая из указанных характеристик часто не выполняется. Иными словами, в семантике фразеологических единиц не всегда конкретизируется действительное воздействие на объект (какой вред будет нанесен): *Я тебе покажу Кузькину мать; Я прижму тебя к ногтю, Свяжешься со мной – только шишек себе набьешь; Будешь себя так вести – дам по шее* и др. При этом очевидно, что с коммуникативной точки зрения приведенные примеры содержат определенную угрозу по отношению к адресату.

Итак, конфликтогенность фразеологизмов определяется их семантикой и прагматикой. Конфликтогенность фразеологических единиц может быть универсальной (абсолютной) и ситуативной. Поэтому важнейшую роль при их лингвоправовой экспертной оценке имеют иллюкутивная и перлокутивная составляющие. В определенной коммуникативной ситуации фразеологизмы могут становиться ядром референтной ситуации – триггером коммуникативного конфликта. При этом следует четко дифференцировать конфликтогенность речевых актов с фразеологическим компонентом на содержащие признаки правонарушения и не имеющие таковых.

Список использованных источников

1. Осадчий, М. А. Русский язык в судебном процессе / М. А. Осадчий. – М. : Издательство URSS, 2019. – 256 с.
2. Мечковская, Н. Б. Социальная лингвистика : пособие для студентов гуманитар. вузов и учащихся лицеев / Н. Б. Мечковская. – 2-е изд., испр. – М. : Аспект Пресс, 2000. – 207 с.
3. Пермяков, Г. Л. Английские пословицы / Г. Л. Пермяков. – М. : Просвещение, 1970. – 255 с.
4. Вежбицкая, А. Сравнение – градация – метафора / А. Вежбицкая // Теория метафоры : сборник / пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз. ; вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой ; общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. – М. : Прогресс, 1990. – С. 133–152.
5. Лебедева, Л. А. Соотношение семантики и прагматики в лексикографическом представлении устойчивых сравнений / Л. А. Лебедева, С. Ю. Замай // Язык и дискурс в современном мире : мат-лы Междунар. научно-лингвистической конф. (19-20 мая 2005 г.). / Адыгейск. гос. ун-т. – Ч. 1. – Майкоп : АГУ, 2005. – С. 127–133.
6. Арутюнова, Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт : монография / Н. Д. Арутюнова. – М. : Наука, 1998. – 341 с.
7. Голев, Н. Д. Конфликтность и толерантность как универсальные лингвистические категории / Н. Д. Голев // Лингвистические проблемы толерантности : тезисы докладов Межд. науч. конф. / Урал. федеральн. ун-т. – Екатеринбург : УФУ, 2001. – 37–41.
8. Непшекуева, Т. С. Внутриличностный конфликт как лингвистический феномен : дис. ... докт. филол. наук : 10.02.19 – теория языка / Т. С. Непшекуева ; КубГУ. – Краснодар, 2006. – 226 с.
9. Фёдоров, А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка : ок. 13 000 фразеологических единиц / А. И. Фёдоров. – 3-е изд., испр. – М. : Астрель : АСТ, 2008. – 878 с.
10. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – М. : Искусство, 1979. – 424 с.

Abstract. The article presents a theoretical view of the conflict potential of phraseological units and its assessment from the standpoint of linguistic expertology. The conflict potential of phraseology depends on their semantics and pragmatic function. The conflict potential of phraseological units can be universal (absolute) and contextual. The pragmatic specificity of phraseological conflicts is realized in a speech situation.

Keywords: phraseological unit, conflict potential, linguistic expertology, semantics, pragmatics.

УДК 811.161.1'42'27:398.92

М. Л. Лаптева

ЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ ЦЕННОСТЬ ЗНАНИЯ ВО ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ

Аннотация. В данной статье на фразеологическом материале доказывается ценность такого базового концепта русской культуры, как «Знание». Представлен дуалистический подход к понятию знания, заключающийся, с одной стороны, в постоянном стремлении человека познать окружающий мир, а с другой стороны, в понимании наличия высшего знания, недоступного человеку, ограничивающему себя в желании знать все.

Ключевые слова: лингвокультурная ценность, знание, фразеологизм, репрезентация.

Стремление к развитию, совершенствованию, тяга к знаниям, осознание важности обладания знаниями о человеке и мире являются тем базисом, на котором формируется и развивается культура многих народов. Признавая этот факт, нельзя не включить в число универсальных лингвокультурных ценностей, наряду с Родиной, Любовью, Верой, Свободой и др., именно *Знание*.

Ю. С. Степанов, отнесший концепт «Знание» к константам русской культуры, говорит об исконном для всей индоевропейской культуры различии двух видов знания: *земного*, человеческого, знания о мире, доступного органам чувств, передаваемого от человека к человеку, истинного или ложного; *высшего*, божественного знания, недоступного органам чувств, но доступного разуму, исключительно истинного знания, открываемого человеку богами.

Исследователь отмечает: «В этой оппозиции двух видов знания – «божественного» и «земного, человеческого», <...> проступает лишь одна из линий более общего противопоставления, выражающегося и в других оппозициях корней и слов и являющегося одним из важнейших явлений европейской культуры вообще» [1, с. 464].

В древнерусском языке сохраняется различие двух корней -вѣд- и -зна-, оязыкующих названную оппозицию. Производные от корня -вѣд- тяготеют к производным от -вид-, т. е. 'получать знание через органы чувств, прежде всего, через зрение и слух', синонимом к *ведать* оказывается *слышать* – 'знать по рассказам'. Напротив, производные от корня -зна- передают «чистое знание», понимание. Знание, выраженное посредством корня -зна-, относится к высшей сфере, к «мудрости», Знание-вЕдение, от корня -вѣд-, относится к земной, бытовой сфере [1, с. 465].

Вспомним в связи с этим поговорку тавтологического типа *Знать не знаю, ведать не ведаю*, в которой не только путем повтора форм одного и того же слова, но и путем употребления синонимов *знать* и *ведать* достигается категоричное отрицание владения каким-либо знанием. Лексикографическую закрепленность данной поговорки находим и у В. И. Даля [2], и у М. И. Михельсона [3], а большинство примеров употребления обнаруживаем в художественных текстах второй половины XIX века. Так, из 44 вхождений в Национальном корпусе русского языка [4] на их долю приходится 24.

В более поздних употреблениях выражение встречается у Б. Л. Пастернака, М. А. Булгакова, В. Я. Шишкова, Б. Васильева, Ю. Трифонова.

Например: *Аннушка к самым глазам подносила драгоценность, и глаза эти горели совершенно волчьим огнем. В голове у Аннушки образовалась вьюга: «Знать ничего не знаю! Ведать ничего не ведаю!... К племяннику? Или распилить ее на куски... Камушки-то можно выковырять... И по одному камушку: один на Петровку, другой на Смоленский... И – знать ничего не знаю, и ведать ничего не ведаю!»* (М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита) [4].

Обратим внимание: около 100 вхождений (из них почти 20 – в текстах начала XXI века) содержат поговорку в усеченном виде – *знать не знаю*, менее 50 вхождений (из них только 2 относятся к началу XXI века) – в форме *ведать не ведаю*.

Например: *Царь просит ее объявить народу, что Дмитрий мертв, но Марфа отвечает весьма странно: «Ведать не ведаю, может, и не зарезан он вовсе, потому как люди, теперь умершие, говорили о спасении ребенка и о том, что за рубежами русской земли он...* (Э. Радзинский. Лжедмитрий (1999) [4].

Эти небольшие статистические данные, а также факт устаревания глагольной лексики *ведать* в трех значениях, совпадающих со значениями слова *знать* ('иметь сведения о ком-чем-н.', 'обладать какими-н. познаниями, иметь о ком-чем-н. понятие, представление', 'испытывать, переживать что'), наводят на мысль о том, что в языке развивается идея преобладания «чистого» знания. Именно поэтому остановимся на смыслах, аккумулированных в корне *-зна-* и актуальных для современного русского языкового сознания.

Имя рассматриваемого нами концепта дает отглагольное существительное *знание*, которое является полисемантом: '1. Знать. 2. Результаты познания, научные сведения. 3. Совокупность сведений в какой-н. области' [5, с. 231]. Сложно однозначно сказать, в каком из перечисленных значений употреблено слово *знание* в афоризме *Знание – сила*: сила и в том, чтобы знать, мыслить, получать знания (1), и в том, чтобы располагать готовым знанием (2, 3). Безусловно, встречающееся в труде «Нравственные и политические очерки» известного английского ученого Ф. Бэкона выражение «Знание – сила» (от лат. *Scientia est potentia*) в XXI веке все так же популярно, как и в XVI веке, когда оно родилось. Примечательно, что в языковой памяти носителей русского языка выражение поддерживается благодаря выходу в свет в 1926 году научно-популярного журнала с таким же названием. Поощряя чьи-либо учебные или научные занятия, мы можем шутливо отметить: «Знание – сила!». И в настоящее время, когда все чаще можно слышать о том, что модно быть умным, что образование должно длиться всю жизнь, что мир меняется и следует постоянно узнавать что-то новое, чтобы быть в курсе этих изменений, упомянутое латинское выражение является актуальным. Сравн.: *Знание – сила, незнание – темная сила. Первой alma-mater, начавшей обучать умению ориентироваться в PR, стал МГИМО (Рекламный мир. 30.03.2000)* [4]. Употребительность данного выражения подтверждает ориентированность современного лингвокультурного сообщества на получение знания, являющегося двигателем прогресса, дальнейшего развития науки и общества, т. е. научного, а не просто житейского знания. Следовательно, концепт «Знание» коррелирует с концептом «Образование», а если рассматривать *знание* как результат процесса овладения каким-либо науками, то названный концепт модифицируется в концепт «Наука».

Национальная картина мира как способ отношения человека к миру, окружающей его действительности имеет вид упорядоченной системы представлений, соотношенных с определенными национальными ценностями, которые выражаются через язык. Действительно, склонность к приобретению новых знаний, пытливость, любознательность в русской культуре поощряются и считаются ценными, а мелочный интерес к любым, даже несущественным подробностям, любопытство, напротив, вызывают негативное отношение и даже наказываются (вспомним пословичные выражения *Любопытство*

не порок, а большое свинство; Любопытной Варваре на базаре нос оторвали; Знайку на суд ведут, а незнайка дома сидит и др.). Этнокультурная специфика становится видна, если обратиться, например, к турецкому языку, где понятия *любопытный* и *любопытательный* передаются одной лексемой *meraklı*.

В лингвокультурном сообществе носителей русского языка на очередной интересующий вопрос любопытный ребенок может услышать и такой ответ: «Много будешь знать – скоро состаришься». Конечно, на первый взгляд, знание напрямую связано с жизненным опытом и мудростью, которые человек приобретает с годами. Но все же в этом выражении кроется, как думается, и более глубокий смысл, объясняемый через магические народные представления, сходные с теми, что лежат во внутренней форме фразеологизма *собаку съест*. Так, раскрывая этимологическую версию происхождения данного оборота со значением ‘познать до тонкости какую-либо науку, мастерство и т. п.’, Б. А. Успенский объясняет его ритуальной нечистотой собаки, проявляющейся в запрете на употребление ее в пищу и связанного с ним поверья: если ребенок съест кусок хлеба, обнюханный собакой, он заболит болезнью, называемой «собачья старость» [6, с. 108–109]. Таким образом, приобретение знания может иметь колдовской характер, а полное знание можно получить только с помощью магии.

Несомненно, важным показателем актуальности концепта в когнитивном сознании носителей языка считается номинативная плотность этого концепта. В этом отношении по степени детального языкового обозначения определенного концептуального пространства можно дать оценку и его ценностной значимости в рамках конкретного лингвокультурного сообщества. Множество наименований всегда свидетельствует о важности той или иной сферы для практической деятельности народа.

Так, в «Словаре фразеологических синонимов русского языка» А. К. Бириха, В. М. Мокиенко и Л. И. Степановой (2009) [7], где объектом описания становятся только фразеологизмы в узком смысле слова (идиомы), насчитывается свыше 20 единиц, передающих расширенную семантику ‘знаток’ (*ходячая энциклопедия, с понятием, ему и кары (книги) в руки* и др.) и ‘опытный’ (*тертый калач, не первый год замужем, побывавший в переделках* и др.), столько же единиц, номинирующих умного человека: *семи пядей во лбу, кладезь премудрости, ума палата* и др. Большинство косвенно-производных знаков содержит соматический компонент *голова*, заключающий в себе образную мотивировку каждого фразеологизма: *иметь голову на плечах, с царем в голове, светлая (умная) голова, голова варит* и др.

Кроме того, фразеологическое поле концепта «Знание» включает большое количество устойчивых сочетаний с компонентом *знать*. Среди них разноструктурные единицы:

(а) устойчивые сравнения: *знать как свою ладонь; знать как свои пять пальцев; знать как помилуй мя, Боже; знать как свой карман; знать как пеструю собаку; знать как Отче наш; знать как облупленного*.

(б) синтаксические фразеологизмы: *Будешь (будет, буду и т.п.) знать! Интересно знать... Знал бы (я (ты, он), знали бы мы (вы, они)... Знаю я тебя (вас, их и др.)! Кто (его, ее, меня, тебя и др.) знает! Как знаешь (знаете). Так и знай! Как не знать! Не знает границ (пределов). Не знаю (не знает, не знают) как...*

(в) идиоматичные выражения: *знать зверя по когтям да по ушам (знать зверя по когтям, знать и по копытам (клыкам)); знать все ходы и выходы; знать, где раки зимуют; знать, откуда ветер дует; знать свое кривое веретено; знать свое место; знать себе цену; знать слово; знать /узнать назубок; знать /узнать почем фунт лиха*.

Несмотря на «пестроту» смыслов, передаваемых различными единицами данного фразеологического поля, каждая из них может являться репрезентацией знания как лингвокультурной ценности. Так, в большинстве компаративных оборотов подчеркивается хорошее, твердое, безошибочное, совершенное знание человека или предмета. Например, просторечное выражение *знать как облупленного* – ‘знать кого-либо очень

хорошо' – появилось в литературном языке относительно недавно. Оно существовало в диалектной речи в более полной форме – *знать как облупленную козу*. Такая анималистическая реконструкция строится на предположении о том, что коза достаточно часто подвергалась хозяйским побоям, а битый, как известно, «ученый», хорошо знакомый, свой. Наличием в языке диалектных единиц, в которых основанием сравнения становится какое-то животное (*знать как белых воробьев, знать как попову собаку, знать как рябую собаку*), В. М. Мокиенко доказывает выдвинутую версию [8, с. 484–485].

Названный фразеологизм активно функционирует в живой разговорной речи и раскрывает представления именно о житейском знании. Например: *Да я вашего брата знаю как облупленного...* (Е. Водолазкин. Лавр) [4].

В то же время с помощью многих перечисленных выше эмоционально-экспрессивных фразеологизированных конструкций реализуются разнообразные коммуникативные интенции: желание узнать, выражение недоверия к знанию чего-либо, стремление полагаться на свои знания, отрицание полноты знания о ком-чем-либо и пр. Становится понятно, что данные единицы неравномерно располагаются на семантической шкале с двумя крайними точками – «знание» и «незнание». Обратим, например, внимание на функционирование оборотов *Как не знать!* ('подчеркнутая осведомленность в каком-либо вопросе') и *Кто (его, ее, меня, тебя и др.) знает!*, который зачастую используется как ответная реплика, выражающая категорическое отрицание знаний о каком-либо деле, отрицание наличия достоверной информации о ком-чем-либо. Сравн.: 1) – *Ты знаешь, где этот Урух? – быстро спросил Анзор у Байрама. – Как не знать! – обиделся тот. – Последнее село в Кабарде* (М. Гиголашвили. Чертово колесо) [4]; 2) *Меня, собственно, вот что интересует: сделку-то мы успеем провести? Или уже не суетиться? – Кто его знает, – вздохнул Будяев. – Я, собственно, имел в виду модель* (А. Волос. Недвижимость (2000) // «Новый Мир», 2001) [4].

Возвращаясь к анализу ядерной части фразеологии – идиоматики, заметим, что семантика некоторых устойчивых сочетаний закодирована путем указания на объект знания. Например, в разговорном обороте *знать все ходы и выходы* компоненты *ходы* и *выходы* эксплицируют подробности, детали, пути получения информации; в народном ироническом обороте *знать свое кривое веретено* компонент *веретено* ограничивает сферу знания только «своим делом», поскольку традиционно в боярских и царских семьях женщины должны были заниматься рукоделием и не вмешиваться в дела мужчин [8, с. 89–90]. А оборот *знать слово* – 'уметь заговаривать, знать заговоры' – вновь актуализирует мысль о магическом характере знания, так как объект знания – слово – выступает в данном устойчивом глагольно-именном сочетании в метафорическом значении – 'заклинание, магическая формула'.

В заключение подчеркнем, что Знание – одна из универсальных лингвокультурных ценностей русского народа. Стремясь к получению знания, двигаясь на пути к прогрессу и совершенствованию себя и общества, человек никогда не забывает о том, что абсолютное знание находится в высшей сфере, является недостижимым, поэтому ограничивает себя в этом постоянном стремлении и неуемном желании узнать, познать и разведать все. Представленный дуалистический подход к понятию знания во многом объясняет многообразие фразеологических способов объективации ценностных культурных представлений русского народа о знании.

Список использованных источников

1. Степанов, Ю. С. Константы: словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. – М. : Академический Проект, 2001. – 990 с.
2. Пословицы русского народа : сборник В. И. Даля. – 4-е изд., стер. – М. : Русский яз. Медиа, 2009. – 814 с.

3. Михельсон, М. И. Русская мысль и речь: Свое и чужое: Опыт русской фразеологии: сборник образных слов и иносказаний / М. И. Михельсон / в 2-х т. – СПб. : Русские словари, 1994. – Т. 1. – 819 с.
4. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.ruscorpora.ru>. – Дата доступа : 26.07.2021.
5. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М. : Азбуковник, 1999. – 944 с.
6. Успенский, Б. А. Мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии / Б. А. Успенский // Б. А. Успенский. Избранные труды. Т. 2 : Язык и культура. – М. : Издательство «Гнозис», 1994. – С. 53–128.
7. Бирих, А. К. Словарь фразеологических синонимов русского языка / А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова; под ред. В. М. Мокиенко. – М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2009. – 448 с.
8. Бирих, А. К. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник / А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова. – М. : Астрель: АСТ: Люкс, 2007. – 926 с.

Abstract. This article proves the value of such a basic concept of Russian culture as “Knowledge” on the basis of phraseological material. A dualistic approach to the concept of knowledge is presented, which consists, on the one hand, in the constant desire of a person to know the world around him, and on the other hand, in the understanding of the presence of the highest knowledge that is inaccessible to a person who limits himself in his desire to know everything.

Keywords: linguocultural value, knowledge, phraseological unit, representation.

УДК 811.161.3'42'373:16:398.92

В. А. Ляшчынская

УЯЎЛЕННІ БЕЛАРУСАЎ ПРА ЯГАДЫ Ў ЛЮСТЭРКУ ФРАЗЕАЛАГІЧНЫХ ВОБРАЗАЎ

Анатацыя. У артыкуле на матэрыяле дыялектных і літаратурных фразеалагізмаў беларускай мовы з кампанентам-найменнем ягад у іх разнавіднясцях як рэпрэзэнтантах гастронамічнага кода культуры беларусаў выяўляюцца прычыны адбору кампанентаў-трафонімаў як асновы ўтварэння вобразаў устойлівых адзінак беларускай мовы, устанаўліваецца інфармацыя аб прадстаўленні выніку пазнання новага, характарызуюцца ўяўленні беларусаў аб розных баках свайго жыцця, найбольш аб самім сабе з вызначэннем ацэнкі.

Ключавыя словы: фразеалагізм, кампанент, ягада, сімволіка, вобраз, способ мыслення, экспрэсіўнасць, ацэнка.

Вядома, што з ліку самых розных кодаў культуры гастронамічны з'яўляецца адным з асноўных у вызначэнні нацыянальна-культурнай адметнасці кожнага народа, паколькі менавіта ежа адыгрывае адну з галоўных роляў у жыцці чалавека, а нацыянальныя прадукты харчавання, рэцэпты прыгатавання страў, іх найменні захоўваюцца на ўсім працягу гісторыі. Гастронамічны код культуры беларусаў, які складаецца з сукупнасці найменняў прадуктаў харчавання, іх смакавых уласцівасцей, спосабаў гатавання, характарыстыкі ежы народам і самога сябе паводле спосабу, часу, колькасці ўжывання ежы, якасці яе прыгатавання і інш., што надзелены дадатковымі сэнсамі культуры, прадстаўлены ў беларускай фразеалогіі колькасна і разнастайна паводле структуры, семантыкі, гастронамічных кампанентаў, што абраны ў якасці ключавых пры стварэнні вобразаў фразеалагічных адзінак (далей – ФА).

У задачы заяўленага артыкула ўваходзіць аналіз і інтэрпрэтацыя ФА з кампанентам-найменнем ягад як толькі невялікай часткі ФА-рэпрэзэнтантаў гастронамічнага кода культуры беларусаў, паколькі тэматычная група кампанентаў-

трафонімаў (ад гр. *trophe* = ежа [1, с. 477]) ‘ягады’ прадстаўлена адзінкавымі найменнямі – *ягады, маліна, гарбуз, брусніца і ізюм*, якія маюць розную частотнасць выкарыстання ў ФА.

Найбольшай частотнасцю ў складзе ФА беларускай мовы вызначаецца кампанент *маліна* (9 ФА), што, несумненна, звязана з ведамі пра гэты від ягад, іх месца і ролю ў жыцці чалавека. Вядома, што ягады маліны вызначаюцца салодкім смакам, выключна прыемным пахам, сакавітасцю і надзвычай прыгожым колерам (*малінавы* – ‘падобны на колер спелых малін, цёмна-чырвоны’). Маліны з’яўляюцца шырока ўжывальнымі ў свежым, вараным і сушаным выглядзе, гэта дабаўка ці ўпрыгожванне печыва, аснова настоек. З маліны вараць варэнне, гатуюць мусы, кампот, сок, ёгурты; маліны замарожваюць, закатваюць, ужываюць з чаем, малаком і інш. Каштоўнасць маліны вызначаецца і яе лекавымі здольнасцямі, асабліва маліны дапамагаюць ад прастуды, сушаныя ягады ўжываюцца як патагонны сродак.

Зразумела, што лексема *маліна* як найменне не толькі ‘адной ягады маліны’, але і ‘чаго-небудзь вельмі прыемнага’ [ТСБМ-1979: 96] у свядомасці чалавека замацавалася як найменне сімвала салодкага, прыемнага, добрага і прывольнага жыцця, поўнага дастатку, выключных умоў, ці маліна з яе высокая станоўчай ацэнкай і дадатнай сімволікай стала адным з цэнтраў у вобразах ФА, што прадстаўляюць гастронамічны код культуры беларусаў, паколькі лексема, якая называе салодкую ягаду, не толькі ўжо гэтым пазнавальная ў складзе другасных адзінак, але і тым дадатковым і значным для культуры сэнсам, які адлюстроўвае і выяўляе адзнакі культуры беларускага народа.

У прыватнасці, салодкі смак, пах, яркі чырвоны колер метафарычна праецыруюцца на асалоду, задавальненне чалавека ў адносінах да ўжывання любой смачнай ежы, што і выяўляецца ў выдзеленых ФА, утвораных паводле мадэлі «прыназоўнік *за* + *маліна*» ці «прыназоўнік *за* / *што* + *малінка*», якія сталі вобразнымі абазначэннямі задавальнення, ахвоты, асалоды ад смаку ежы: *за маліну* ‘з вялікай ахвотай, са смакам (есці, з’есці што-н.)’ [Л-2008-2: 16]. Тут маецца на ўвазе, што любая ежа, а тым больш смачная, ці ўвогуле тая, якую з’ядаюць з вялікім задавальненнем і ахвотай, метафарычна прыпадабняецца да той, што ва ўяўленні чалавека прымаецца за маліну як найменне ягады з яе смакам, пахам, сакавітасцю. Напрыклад: *Гэта ж колькі гадоў назад, дык, здаецца, за маліну з’ў бы [варэнне], а цяперака дык і прыелася* (Гіль); *Выгаладаліся за дзень у лесі, то ўсё, што паставіла, за маліну з’елі. Ішоў я, ішоў, аш бачу квас прадаецца, і, ведаеш, так піць захацелася – першы выпіў, што малінку глынуў* [Д-2020: 312].

І наогул высокая ацэнка дзеяння ці лепшая прыкмета чаго-небудзь таксама вобразна перадаецца з дапамогай ФА-словазлучэння *за маліну* ‘вельмі добра, без цяжкасці (ісці, пайсці)’; ‘добра’ [ДСБ-1989: 275] і ‘вельмі добры, цудоўны’ [Л-2008-2: 17]. Напрыклад: *Грышка прывёз тры бочкі дахаты, памяняў накрыўкі, і другім разам яны пайшлі за маліну, першым гатункам* (Рубанаў); [Шурэйчык:] *Ёй замуж трэба. А які я жаніх? Вось ты! Давай... Жыццё будзе за маліну. І на людзей з такой выйсці не пасаромеешся* (Ярашэвіч).

З такім дваіным значэннем і суаднесенасцю адпаведна з прыслоўем ці прыметнікам выкарыстоўваецца і ФА *разлюлі-маліна*, дзе зноў адзначаецца кампанент *маліна* з яе сімволікай, што і паслужыла асновай высокай ацэнкі прыкметы (‘вельмі добры, надзвычайны’) ці якасці дзеяння (‘вельмі добра, надзвычайна’ [Л-2008-2: 304], напрыклад: *Што за ўдалая мясіна! Разлюлі-люлі-маліна!* (Крапіва); – *Зялёную грай!.. – Не слухай яго... Вальс-слёзы сыграй нам... Эх, разлюлі-маліна...* (Каваль). ФА *разлюлі-маліна*, як можна меркаваць, ў беларускую мову запазычаны з рускай, тым больш што ў рускай мове ФА *разлюлі-маліна* са значэннем ‘о беспечной жизни, весёлом и раздольном времяпрепровождении’ адносяць да ўласна рускага паходжання і звязваюць яго з вясёлым прыпевам папулярных рускіх песень са словамі «Люли, калина-малина!» [2, с. 413]. Верагодна і другое тлумачэнне ФА на аснове выкарыстання

жаргоннай лексемы *маліна* – ‘тайнае месца знаходжання, збору прадстаўнікоў зладзейскага асяроддзя’.

Дапаўняюць групу ФА з кампанентам *маліна* дыялектныя адзінкі, узнікненне якіх абавязана іншым уяўленням чалавека, што звязаны з вобразам маліны. Так, у аснове ФА *зжыўшы лета ды ў маліны* ‘што-н. позна рабіць, рабіць не ў пару’ [М-К-1972: 106] ляжаць веды чалавека аб пэўным часе паспявання і збору маліны, што і стала адпраўным у стварэнні новай адзінкі для вызначэння і характарыстыкі выканання чаго-небудзь з вялікім спазненнем, не ў свой час. У аснову вобраза абрана працэсуальна-дзеясная метафара, паводле якой рабіць што-небудзь позна, са спазненнем прыпадабняецца да паходу ў маліны пасля таго, як скончылася лета як тая пара збору гэтых ягад. Напрыклад: “*Нада было п хлеў накрыць, а то цячэць дужа на карову*”. – “*Зжыўшы лета ды ў маліны! Хто гэта хлеў крыіць – зіма на дварэ*”. У выніку маем вобразнае і канкрэтнае ўяўленне пра абстрактнае паняцце ‘позна’, ‘запознена’ і сродак выражэння ацэнкі такога паняцця.

А вось у аснове ФА *як дурны ў малінах* (крычаць) ‘вельмі моцна’ [Д-2020: 183] ляжыць не сам працэс параўнання, а яго вынікі – збліжэнне дзеянняў у розных сітуацыях і іх адрозненне. Так, вядома, што пры зборы ягад у лесе ягаднікі, адышоўшы адзін ад другога, час ад часу перагукваюцца, аклікаюць адзін аднаго, каб не згубіцца. ФА ўтворана як вынік фразеалагізацыі параўнання такога крыку чалавека ў лесе, што зусім заканамерны, зразумелы, з крыкам без прычыны, без патрэбы. А фарміраванню негатыўнай ацэнкі вобраза кампаратыўнай ФА спрыяе скарыстанне субстантываванага прыметніка *дурны*, даючы такім чынам адмоўную канатацыю ўсёй адзінцы і выражаючы асуджэнне ці іранічнае стаўленне да такога неразумнага, непатрэбнага і да таго ж моцнага крыку. Напрыклад: *Чаго крычыш як дурны ў малінах?! ФА негатыўна характарызуе асобу паводле дзвюх сітуацый: хто пры зборы ягад, грыбоў у лесе без патрэбы крычыць і хто ўвогуле так паводзіць сябе ў лесе. ФА адлюстроўвае стэрэатыпныя ўяўленні аб традыцыйна прыпісаных дурням і чаканых ад іх якасцях гучных, крыклівых паводзін, і ФА *як дурны ў малінах* выступае як эталон вымярэння высокай ступені праяўлення і негатыўнай ацэнкі неразумнага крыку чалавека без патрэбы, проста так.*

Дзве ФА з кампанентам *маліна* адрозніваюцца сваім апорным кампанентам-дзеясловам, які выразна вызначае адметнасць семантыкі ФА, паколькі дзеяслоў часткова захоўвае сваё значэнне і разам з тым служыць фразеалагізацыі ўсяго выразу, ці ФА ўспрымаюцца як вынік метафарычнага пераасэнсавання. Так, у ФА *перабіць маліну* ‘перашкодзіць ажыццявіць што-н.’ [Д-2020: 312] кампанент *маліна* вобразна асацыюецца з нечым надзвычай прыемным, добрым, якое па нейкай прычыне спыняецца, яго перабіваюць (*перабіць* – ‘парушыць натуральны ход, развіццё якіх-н. падзей, з’яў і пад.’ ці ‘перашкодзіць каму-н. ажыццявіць, здзейсніць што-н.’ [ТСБМ-1980: 160]). Напрыклад: *За сёньня ўсё сено ўбралі п, аля гэты дошч перабіў маліну*. А ў ФА *ўсю маліну сапсаваць* ‘зрабіць учынак, які кепска адбіваецца на якой-н. справе’ [Д-2020: 312] дзеяслоўны кампанент (*сапсаваць* – ‘сарваць, парушыць’ [ТСБМ-1983: 58]) указвае на парушэнне запланаванага ажыццяўлення пэўнай добрай справы ў далейшым. Напрыклад: *Я збіраўся ехаць летам у Крым, дзед захварэў і мне ўсю маліну сапсаваў*.

Як відаць, лексема *маліна* пазнавальная як найменне ягады са сваім знакавым сэнсам, але пры гэтым скарыстоўваецца толькі для ўяўлення пра штосьці добрае, прыемнае, якое служыць супастаўленню з чым-небудзь негатыўным для ўяўлення аб новых паняццях, як правіла, абстрактных.

Другое найменне ягад – *гарбуз* (*гарбуз* – 1) ‘агародная расліна сямейства гарбузовых з паўзучым сцяблом’; 2) ‘буйны круглы або авальны плод гэтай расліны’; 3) ‘страва з гэтай расліны’ [ТСБМ-1978: 30] лічыцца запазычанай з усходніх моў

[ЭСБМ-1985: 56], узыходзіць «к перс. *харбуза* – “дыня”, буквально значаючому “ослиный огурец”» [3, с. 28]). Аднак, нягледзячы на факт ужывання ў беларускай мове лексемы *гарбуз* як наймення стравы – гарбузавой кашы, ці дакладней *гарбузянкі*, вобразы ФА звязаны сваімі вытокамі зусім з іншымі ведамі чалавека пра гарбуз, у прыватнасці, пра ўласцівасці гэтай ягады для вобразнага ўяўлення, характарыстыкі і ацэнкі новых паняццяў.

Так, вобразы некалькіх ФА абавязаны аднаму з народных звычаяў, сутнасць якога заключаецца ў адмаўленні сватам, калі сватанне заканчавалася паднашэннем гарбуза як сімвала адмовы таму, хто сватаецца. Праўда, вобразы ФА канстатуюць вынікі такой адмовы таму, хто сватаецца – *атрымліваць гарбуз (-а)* ‘абнеслаўляцца пры сватаўстве, не дабіўшыся згоды на шлюб’ [Л-2008-1: 95], і таго, хто адмаўляе, але пры гэтым улічваецца яшчэ адмова пры першым сватанні (*даваць гарбуз* ‘адмаўляць таму, хто сватаецца’ [Л-2008-1: 342] ці некалькі, не адзін раз (*надаваць гарбузоў* ‘шмат разоў адмовіць таму, хто сватаецца’ [Л-2008-2: 74]. Напрыклад: [Ганну] *асабліва трывожыла тое, што Глушакі сваты былі не абы-якія, ім не так проста даць гарбуз, паказаць, як ісці туды, адкуль прыйшлі...* (Мележ); [Мікіта:] *Яна хлапцоў вунь колькі перабрала і гарбузоў з паўсотні надавала* (Клімковіч).

Дэтальна паходжанне гэтай адзінкі, раскрыццё ўнутранай формы яе разглядае У. І. Коваль, які ў выніку аналізу шматлікіх меркаванняў даследчыкаў і фалькаларыстаў, іншых рытуальных дзеянняў такога ж тыпу (уручэнне пустога кола сланечніка, паднашэнне чайніка, навязвання кацялка, пустога кошыка і інш.) даводзіць аб агульнасці ФА ва ўсходнеславянскіх моў, сувязях вытокаў семантыкі, адбору кампанента *гарбуз* як цэнтры вобраза адзінак з негатыўнай сімволікай гарбуза як палага прадмета, яго малакаштоўнасці, не адмаўляючы ўспрымання гарбуза як сімвала дзетанараджэння і на аснове гэтага немагчымасці сватаўства да дзяўчыны як нячэснай, як ёмішча нячыстых сіл і інш. [4, с. 32–39].

З улікам архаічнасці звычая, трэба прызнаць, што названыя ФА выразна сведчаць пра далікатнасць у зносінах з людзьмі, калі, як пра адмове сватам, не скарыстоўваюцца словы і суправаджальныя пры гэтым прычыны адмаўлення, а выстаўляецца плод-сімвал. Можна меркаваць, што даць гарбуз – гэта вобраз аб жаданні атрымаць згоду пры сватанні, запалучыць ці «з’есці» жаданае, прыпадабняецца да атрымання гарбуза як замены адной «ежы» на другую. Ці вобразы названых фразеалагізмаў заснаваны на гастронамічнай метафары: хацелі з’есці – ешце, толькі гарбуз.

Гарбуз як плод лічыцца несапраўднай ягадай, мае розную форму і колер, цвёрдую абалонку і мясістую мякаць. Можна меркаваць, што менавіта форма гарбуза была асноўным зыходным пры вобразным утварэнні ФА *гарбуза з’есці* ‘зацяжарыць’ [Д-2020: 138], які суадносіцца з раслінна-гастронамічным кодам праз кампанент *гарбуз*, а праз кампанент-найменне прыёму ежы *з’есці* – з гастронамічным, ці антропным, уласна чалавечым. Выраз *гарбуза з’есці* на аснове метафарычнага пераасэнсавання дзеяслова *з’есці*, які асэнсоўваецца як ‘займець, набыць’ (узгадаем, што міфалагічна паяданне ежы сімвалізуе смерць дзеля далейшага перароджвання і жыцця, а таму асацыюецца з вобразамі спалучэння палоў, нараджэння, смерці і ўваскрашэння), і паводле ролі кампанента *гарбуз* як вобразнага наймення вялікага жывата, пры цяжарнасці даводзяць пра факт цяжарнасці жанчыны. Напрыклад: *Твая жонка зноў гарбуза з’ела, зноў дзіця будзя?* [Д-2020: 138]. Фразеалагізм перадае стэрэатыпнае ўяўленне пра цяжарнасць жанчыны на аснове знешніх прыкмет і выступае народным эўфемістычным выразам з «матэрыялізаванай» формай выражэння.

Дыялектная ФА *як свіння гарбуз* (запэцкаць і пад.) ‘вельмі моцна, да непазнавальнасці (запэцкаць што-н.). Пра адзёне’ [Д-2020: 473] утворана ў выніку фразеалагізацыі параўнальнага звароту, абранага ў народным ўяўленні ў якасці вобраза-эталона вызначэння высокай ступені забруджанасці адзёння. ФА далучаецца да

колькасна прадстаўленых сінанімічных ФА, якія адлюстроўваюць такі негатыўны факт з жыцця чалавека, якому надаецца вялікая ўвага (параўн. *як з свінога гнязда; як камінар; як свінню ссаўшы; як свіння ў дождж; як чорт з балота; як чорт з коміна вылезшы* [5, с. 23]), дзе адным з пашыраных вобразаў-эталонаў інтэнсіўнасці праяўлення такой нехайнасці, забруджанасці выступае свіння. А выбар кампанента *гарбуз*, што вызначаецца круглай формай і вялікім памерам, наглядна яшчэ больш падкрэслівае функцыю інтэнсіфікацыі працэсу забруджвання на аснове выразнага прадстаўлення: свіння доўга качае па зямлі гарбуз, паколькі ён цяжка даступны для яго ўжывання. І таму зразумела, што параўнанне чалавека са свіннёй з брудным гарбузом выступае яскравым паказчыкам неадабрэння, асуджэння такога праяўлення якасці ці прыкметы знешняга выгляду чалавека. Напрыклад: *Згавэньдзіў штаны як свінія гарбус*. У выніку ФА *як свіння гарбуз* выступае ў ролі стэрэатыпа аб вельмі моцным забруджванні адзення чалавекам як паказчык негатыву, як крытыка. Сапраўды, узнікненне гэтай ФА абавязана, паводле заўвагі Й. Дапчавай, «неўсвядомленым імкненнем да выпраўлення чалавека, уплыву на яго развіццё і ўдасканаленне з дапамогай крытыкі, іроніі, пагардлівасці» [6, с. 176].

Асобную групу ФА ў беларускай мове складаюць адзінкі з абраным у іх аснове вобразам ягады. І гэта зусім не выпадкова, паколькі ягады вядомы чалавеку са старажытных часоў, іх ужываюць свежымі, замарожваюць, вараць, кансервуюць, настойваюць. З ягад рыхтуюць сокі, морсы, кампоты, кісялі, соусы, сіропы, віно, настойкі, лікёры, дэсерты, джэмы, варэнне, мусы, мармелад, пасцілу, ёгурты, начынку для цукерак, дабаўляюць у печыва, імі ўпрыгожваюць торты, пірожныя, марожанае. Прыцягальныя ягады сваёй, як правіла, формай, розным колерам, пахам, сакавітасцю, невялікім памерам і найбольш сваім смакам з рознымі яго адценнямі ад салодкага да кіслага, але заўсёды смачнага. Ягады вядомы як дзікія, што дае прырода, і культураваныя, што вырошчвае чалавек. Ягады з'яўляюцца падарункам прыроды для чалавецтва, толькі значна пазней людзі самі сталі вырошчваць ягады, выводзіць новыя гатункі, віды. На Беларусі найбольш тыповымі з'яўляюцца чарніцы, суніцы, брусніцы, ягады маліны, парэчкі, смародзіны, агрэсту. Ягады багатыя вітамінамі, лічацца лекавымі сродкамі. Зразумела, што ўсё гэта абумоўлівае выбар лексемы *ягада* як наймення 'невялікага плода некаторых кустовых і травяністых раслін' ці *ягады* як наймення 'ядомых пладоў гэтых раслін як прадукту харчавання, прадмета промыслу, гандлю і пад.' [ТСБМ-1984: 489] з прычыны надання гэтай лексеме дадатковага культурнага сэнсу – замілаванасці, мноства, падабенства і інш., што і скарыстана пры ўтварэнні вобразаў ФА. Аднак частотнасць кампанента-графоніма *ягада* абмежаваная наяўнасцю ў чатырох фразеалагізмах беларускай мовы.

І першай адзначым дыялектную кампаратыўную ФА *як/што ягад* 'вельмі многа' [Ю-1977: 251] з абраным вобразам-эталонам як вынікам прыпадабнення вялікай колькасці працаўнікоў (*Людзей на луку што ягид*) на адной прасторы да вялікай колькасці аднолькавых ягад, што звычайна растуць на пэўнай плошчы. І менавіта кампанент *ягада* якраз і надае адзінцы тое дадатнае, станоўчае ў ацэнцы вялікай колькасці людзей (параўн. кампаратыўныя ФА *як дроў; як сабак нярэзаных* з тым жа значэннем), што сабраліся і разам працуюць. Фразеалагізм *як/што ягад* набывае ў народнай свядомасці ролю вобразнага эталона вялікай колькасці людзей і дадатнай ацэнкі гэтага.

А вось семантычным фонам для ўзнікнення дзвюх блізкіх паводле кампанентнага складу і розных паводле значэння ФА *аднаго поля ягада (-ы /-ка/-кі)* 'вельмі падобныя адзін на аднаго ў якіх-н. адносінах' [Л-2008-2: 682] і *не нашага поля ягада (-ы)* 'не раўня каму-н., зусім чужы (па становішчы, паводзінах, духу і пад.)' [Л-2008-2: 683] паслужылі веды і ўяўленні чалавека пра блізкасць і падабенства ягад аднаго віду, што растуць на адной прасторы і не адрозніваюцца адна ад адной. Семантычнай асновай

гэтых адзінак стала сема 'аднолькавыя, падобныя', што абрана на аснове падабенства ягад і перанесена на падобных у чым-небудзь людзей. Напрыклад: *Толькі паступова, пад уплывам гутарак з Лабановічам Каль пачынае разумець, што цар і ўсе яго слугі – аднаго поля ягады...* (Колас).

ФА *аднаго поля ягада*, акрамя гастронамічнага, суадносіцца яшчэ з прасторавым кодам (праз кампанент *поле* як сродак адлюстравання пераасэнсаванага паняцця для абазначэння агульнасці плошчы-прыкметы выражэння падабенства) і з лікавым (праз кампанент *адным*), што яшчэ больш падкрэслівае адзінства і падабенства людзей. Як ягады на адной прасторы растуць аднолькавыя, так і людзі паводле сваіх пэўных якасцей лічацца аднолькавымі, падобнымі адзін да другога на аснове якога-небудзь паказчыка. ФА *аднаго поля ягада* набыла ролю эталона для вобразнага вызначэння падобных у чым-небудзь людзей і, як правіла, негатыўнай ацэнкі, але ў меншай ступені праяўлення гэтага, што асабліва відавочна пры параўнанні з сінанімічнымі ФА *абое рабое; аднаго крою; адным лыкам шытыя; адным мірам мазаны; два боты пара; <з> аднаго балота чэрці; з аднаго цеста <спечаны>; зроблены на адзін капыл* і інш., чаму спрыяе новы вобраз з ягадамі для ўяўлення такой пашыранай прыкметы людзей, як іх падабенства паводле самых розных якасцей.

Што датычыць ФА *не нашага поля ягада (-ы)*, то яе вобраз засноўваецца на супрацьпастаўленні «свой – чужы» як базавай апазіцыі архетыпічнага пласта культуры, калі свая прастора-поле супрацьпастаўляецца чужой. Гэта даводзіцца з дапамогай займеннікавага кампанента *нашага* і адмоўнай часціцы *не* як выразных сродкаў адмаўлення ў прыналежнасці да аднаго агульнага паказчыка, якім выступае вобразнае ўяўленне пра ягады, што растуць на адным, «нашым» полі, а калі не на «нашым», то яны не такія. ФА выступае характарыстычнай і ацэнчнай пры параўнанні людзей і служыць для вобразнага супрацьпастаўлення людзей рознага сацыяльнага, матэрыяльнага, культурнага, інтэлектуальнага ўзроўняў, рэлігійнай прыналежнасці і інш. Напрыклад: *[Сакратар] граматы вельмі, не інакі. Граматы. Канешне. Не нашага поля ягада...* (Мележ); *[Праксэда:] Завельмі пачала хваліць гэтых галадранцаў...* *[Кася:] Што дрэннага, мама, убачыла ў іх? [Праксэда:] Не нашага поля ягады. Недавяркі* (Галубок).

Як бачым, ФА з кампанентам *ягада / ягадка* выступаюць вобразнымі эталонамі для перадачы вялікай колькасці людзей, для характарыстыкі ў чым-небудзь падобных паміж сабой ці, наадварот, адрозных людзей.

Заключаюць групу ФА *маладзіца як брусніца* [С-1991: 73], дзе на першы план выступаюць падбор спалучаных слоў на аснове агульнасці фанетычных асаблівасцей, аднак выбар наймення ягады зусім не выпадковы, паколькі маем дакладнае вобразнае ўяўленне аб прыгожай, моцнай, здаровай жанчыне паводле асацыятыўнай сувязі з уяўленнем пра брусніцу з яе чырвона-ружовым колерам, моцнай і пружкай абалонкай. А яшчэ гэта адзінкавая ФА *не фунт ізюму* як вынік утварэння пры скарачэнні выразу *Гэта не фунт ізюму з 'есці* для абазначэння новага паняцця – 'не дробязь, не пусцяковіна; справа сур'ёзная' [Л-2008-2; 589], якая сваім складам (*фунт* – старая мера вагі, *ізіюм* – сушаныя ягады вінаграду) даводзіць пра мінулую адзінку вымярэння вагі іншаземных тавараў, гандлёвыя сувязі з іншымі народамі, а шляхам адмаўлення (часціца *не*) характарызуе сур'ёзную справу ў адрозненне ад простага адважвання ці з'ядання фунту ізюму, напрыклад: *З турмы чалавека вызваліць – гэта не фунт ізюму* (Арабей).

Такім чынам, аналіз ФА з кампанентам-найменнем ягад дазваляе адзначыць, што ўтвораныя адзінкі адлюстроўваюць, захоўваюць і перадаюць кожнаму новаму пакаленню носьбітаў мовы культурныя сэнсы ў нацыянальнай культурнай прасторы праз адбор ягад з іх дадатковай сімволікай і складаюць частку выражэння «карціны свету» беларусаў, выяўляюць іх сутнасць, складаюць унікальную адметнасць, выражаюць нацыянальна-культурную асаблівасць нашага народа, даводзяць правілы і нормы як вынік яго духоўнага і практычнага вопыту.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Булыка, М. А. Слоўнік іншамоўных слоў : у 2 т. – Т. 2 : М-Я / М. А. Булыка. – Мінск : БелЭН, 1999. – 736 с.
2. Бирих, А. К. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь: около 6000 фразеологизмов / СПбГУ; Межкаф. словарный кабинет им. Б. А. Ларина; А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова; под ред. В. М. Мокиенко. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : Аст-рель: АСТ: Хранитель. 2007. – 926 с.
3. Шанский, Н. М. Краткий этимологический словарь русского языка / Н. М. Шанский, В. В. Иванов, Т. В. Шанская; под ред. чл.-кор. АН СССР С. Г. Бархударова. – изд. 3-е, испр. И доп. – М. : Просвещение, 1975. – 543 с.
4. Коваль, В. И. Фразеология народной духовной культуры: состав, семантика, происхождение : монография / В. И. Коваль. – Минск : РИВШ, 2011. – 195 с.
5. Ляшчынская, В. А. Вобраз чалавека ў беларускай фразеалогіі / В. А. Ляшчынская, З. У. Шведава. – Мінск : РИВШ, 2020. – 304 с.
6. Дапчева, Й. Фразеологизмы, обозначающие интеллектуальные свойства человека в болгарском и русском языках (Семантический и лингвокультурологический аспекты) / Й. Дапчева // Весник МГУ. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2006. – № 1. – С. 172–184.

Прынятыя скарачэнні

- Д-2020 – Даніловіч, М. А. Фразеалагічны слоўнік гаворак Гродзеншчыны / М. А. Даніловіч. – Гродна : ГрДУ, 2020. – 267 с.
- ДСБ-1989 – 3 фразеалагізмаў Брэстчыны // Дыялектны слоўнік Брэстчыны / склад. Аляхновіч М. М. і інш. – Мінск : Навука і тэхніка, 1989. – 294 с. – С. 272–281.
- Л-2008-1 – Лепешаў, І. Я. Слоўнік фразеалагізмаў : у 2 т. / І. Я. Лепешаў. – Т. 1 : А–Л. – Мінск : Беларус. энцыклапедыя імя П. Броўкі, 2008. – 672 с.
- Л-2008-2 – Лепешаў, І. Я. Слоўнік фразеалагізмаў : у 2 т. / І. Я. Лепешаў. – Т. 2 : М–Я. – Мінск : Беларус. энцыклапедыя імя П. Броўкі, 2008. – 704 с.
- М-К-1972 – Мяцельская, Е. С. Слоўнік беларускай народнай фразеалогіі / Е. С. Мяцельская, Я. М. Камароўскі. – Мінск : БДУ, 1972. – 320 с.
- С-1991 – Санько, З. Малы руска-беларускі слоўнік прыказак, прымавак і фразем / З. Санько. – Мінск : Навука і тэхніка, 1991. – 218 с.
- ТСБМ-1978 – Тлумачальны слоўнік беларускай мовы : у 5-ці т. – Т. 2 : Г–К / [Рэд. тома А. Я. Баханькоў]. – Мінск : Гал. рэд. Беларус. Сав. Энцыклапедыі, 1978. – 768 с.
- ТСБМ-1979 – Тлумачальны слоўнік беларускай мовы : у 5-ці т. – Т. 3 : Л–П / [Рэд. тома П. М. Гапановіч]. – Мінск : Гал. рэд. Беларус. Сав. Энцыклапедыі, 1979. – 672 с.
- ТСБМ-1980 – Тлумачальны слоўнік беларускай мовы : у 5-ці т. – Т. 4 : П–Р / [Рэд. тома Г. Ф. Вештарт, Г. М. Прышчэпчык]. – Мінск : Гал. рэд. Беларус. Сав. Энцыклапедыі, 1980. – 768 с.
- ТСБМ-1983 – Тлумачальны слоўнік беларускай мовы : у 5-ці т. – Т. 5. Кн. 1 : С–У / [Рэд. тома М. Р. Суднік]. – Мінск : Выд-ва Беларус. Сав. Энцыклапедыі, 1983. – 663 с.
- ТСБМ-1984 – Тлумачальны слоўнік беларускай мовы : у 5-ці т. Т. 5. Кн. 2 : У–Я / [Рэд. тома М. Р. Суднік]. – Мінск : Выд-ва Беларус. Сав. Энцыклапедыі, 1984. – 608 с.
- Ю-1977 – Юрчанка, Г. Ф. Слова за слова (Устойлівыя словазлучэнні ў гаворцы Мсціслаўшчыны) / Г. Ф. Юрчанка. – Мінск : Навука і тэхніка, 1977. – 272 с.
- ЭСБМ-1985 – Этымалагічны слоўнік беларускай мовы. – Т. 3. Г–І / [Р. У. Краўчук, В. У. Мартынаў, А. Я. Супрун, Н. І. Івашына; Рэд. В. У. Мартынаў]. – Мінск : Навука і тэхніка, 1985. – 408 с.

Abstract. The article on the material of dialectal and literary phraseology of the Belarusian language with a component-name of berries in their varieties as representatives of the gastronomic code of Belarusian culture reveals the reasons for selecting components-trophony as the basis for forming images of stable units of the Belarusian language. about different aspects of his life, most about himself with the definition of evaluation.

Keywords: phraseology, component, berry, symbolism, image, way of thinking, expressiveness, evaluation.

РУССКАЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТИНА МИРА КАК РЕЗУЛЬТАТ ДЕЯТЕЛЬНОСТНОГО И КОГНИТИВНОГО АНАЛИЗОВ

Аннотация. В статье рассматривается подход к фразеологической картине мира через деятельностный и когнитивный анализы. В каждом конкретном языке зафиксирована особая национальная картина, в том числе и фразеологическая картина мира, поскольку фразеология – это душа каждого языка. Языковая личность строит высказывания в соответствии с этой картиной. Называя фразеологическую картину мира «наивной», мы не умаляем ее ценности.

Ключевые слова: языковая картина мира, фразеологическая картина мира, когнитивный анализ, деятельностный подход.

Исследователь в гуманитарных и даже естественных науках должен учитывать, что он есть носитель некоторой этнической культуры, которая вооружает и одновременно ограничивает его определенной системой категорий. Только так он может составить представление и о своей, и о чужой культуре, потому что каждый язык, сквозь призму которого его носитель вбирает в себя миропознание и миропонимание, по-своему членит мир, т. е. имеет свой способ его концептуализации. Отсюда заключаем, что каждый язык имеет в некоторой степени особую картину мира и языковая личность обязана организовывать содержание высказывания в соответствии с этой картиной. В этом и проявляется специфически человеческое восприятие мира, зафиксированное в языке.

Совокупность знаний о мире, о человеке и его культуре, запечатленных в языковой форме, представляет собой то, что в различных концепциях называется то как «языковой промежуточный мир», то как «языковая репрезентация мира», то как «языковая модель мира», то как «языковая картина мира». В силу большей распространенности мы выбираем последний термин. Картина мира – базисное понятие философии, антропологии, лингвокультурологии, когнитивной лингвистики и ряда других наук.

К концу XX – началу XXI века появилось много работ, посвященных данной проблеме – работы Г. А. Брутяна, С. А. Васильева, Г. В. Колшанского, Н. И. Сукаленко, М. Блэка, Д. Хаймса, коллективная монография «Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира» (1988) и др. В предисловии к данной монографии Б. А. Серебrenников пишет: «Утверждение многих лингвистов и философов, будто бы язык отражает действительность, основано на недоразумении. Звуковой комплекс, образующий слово, ни к какому отражению сам не способен. Фактически результатом отражения являются концепты или понятия. Язык связан с действительностью через знаковую соотношенность. Язык не отражает действительность, а отображает ее знаковым способом» [1, с. 6]. Язык в этой концепции есть некий инструмент, с помощью которого происходит концептуализация мира человеком. По мнению Ю. Д. Апресяна, каждый естественный язык отражает определенный способ восприятия и организации («концептуализации») мира.

В современной лингвистике существует несколько направлений в изучении языковой картины мира. Это 1) типологические исследования: славянская языковая картина мира, балканская модель мира и т. д.; 2) изучение языковой картины мира в аспекте реконструкции духовной культуры народа; 3) исследование отдельных сторон языка: отражение языковой картины мира в русской лексике, фразеологии, словообразовании, в зеркале метафор и т. д.

Для нас представляет интерес фразеологическая картина мира с позиций деятельностного и когнитивного подходов.

Человеческая деятельность протекает в определенном климате, где преобладает определенный рельеф, флора и фауна, которые в совокупности обуславливают жизне-

деятельность того или иного народа; все это находит отображение в русской фразеологической картине мира, которая одновременно интернациональна и глубоко национальна. Языковая картина мира есть репрезентант концептуального мира, а репрезентирующая система всегда беднее репрезентируемого мира, как метаязык беднее естественного языка.

Общность выполняемой функции в бытовой практической деятельности человека, в его сознании может объединять объекты в одну группу, например, общность функции таких органов, как *рот* и *глаза* при выражении удивления человека обозначается в языке с помощью идиом *раскрыть рот*, *вытаращить глаза*. В то же время во фразеологической картине мира разграничиваются даже очень близкие в научной классификации объекты, например, во фразеологизме *встать на ноги* 'обрести самостоятельность, независимость' и *встать на колени* 'выражать свою покорность'; колени, как часть ног, противопоставлены собственно ногам, так как в составе идиомы соматизм *колени* приобретает квазисимвольное значение 'вид недопустимой опоры' в отличие от значения соматизма *ноги* 'вид необходимой опоры' (см. об этом в работах В. Н. Телия).

Представители когнитивной лингвистики справедливо утверждают, что наша концептуальная система, отображенная в виде языковой картины мира, зависит от деятельности и культурного опыта народа (носителя данного языка) и непосредственно связана с ними.

Лингвокультурную картину русского общества составляют фразеологизмы, связанные с:

1) библейскими текстами: *глас вопиющего в пустыне*; *внести свою лепту*; *святая простота*; *блудный сын*; *валаамова ослица* и др. [2];

2) историческими событиями: *Потёмкинские деревни*; *Мамай прошел*; *вот тебе, бабушка, и Юрьев день*; *пропал, как швед под Полтавой* и др.;

3) русскими прецедентными текстами: *луч света в тёмном царстве*; *человек в футляре*; *умом Россию не понять*; *лебедь, рак да щука* и др.;

4) прецедентными зарубежными текстами: *между молотом и наковальней*; *мальчик для битья*; *сразаться с ветряными мельницами*; *тайны мадридского двора*; *бальзаковский возраст*; *гадкий утенок* и др.;

5) национально локализованной спецификой: *сибирский валенок*; *вольный казак* и др.;

6) национально-культурными реалиями: *бесструнная балалайка*; *тряхнуть мошной* и др.

Во фразеологии заложена наивная картина мира: земля в ней плоская, поэтому имеет края (*вся земля от края и до края*; *на краю земли, по всей земле*), внутри она полая (*под землей, провалиться сквозь землю, из-под земли, толща земли*), она может держать человека, а может гореть у него под ногами, т. е. земля неустойчива (*как земля держит, земля горит под ногами*), землей может называться народ (*немецкая земля*), это нечто важное, сакральное, поэтому ей кланяются (*поклониться земле, земной поклон*).

Но научная (концептуальная) картина мира так же, как и наивная (языковая), репрезентирована средствами языка. Различаются они по нескольким параметрам. Поскольку познание мира человеком постепенно избавляется от ошибок и заблуждений, его концептуальная картина мира постоянно уточняется, меняется, как бы перерисовывается, тогда как языковая картина мира еще долгое время хранит следы этих ошибок и заблуждений. Так, довольно часто для обозначения и передачи состояния эмоционального подъема говорящий использует фразеологизм *воспарить душой*, не всегда осознавая, что это выражение связано с архаическими представлениями о наличии внутри человека субстанции – души, которая мыслилась в мифологической картине мира в виде пара и могла покидать тело, перемещаясь к небесам. И человек, и мир в наивной картине мира представлены не так, как в научной (логически правильной): *дождь идет* (хотя с точки зрения логики здравого смысла он *падает*, так как *идти*

можно только по горизонтальной или наклонной поверхности); у человека в разных ситуациях могут неадекватно действовать разные органы (от удивления может *отвалиться челюсть*), он может *нутром чують*, от горя он становится *чернее тучи* и т. д.

В наивной картине мира зафиксированы различные способы мировосприятия. Так, зрение в народной анатомии – это особое видовое понятие для многих способов восприятия: *вижу дом* (зрение), *вижу, что вы не понимаете этого* (рацио), *смотрю – кругом мокро* (осязание) и т. д.

Чутье – еще более широкое, годное для всех способов восприятия, включая духовное зрение (*чують запах* – обоняние; *чую, мокро / сухо* – осязание, *чують сладость на языке* – вкус; *чують звуки* – слух, *чують беду* – предвидение, духовное зрение).

Из данных примеров мы видим, что фразеологическая картина мира формируется как средство воплощения различных культурных прескрипций, которые организуют некоторый этнос в лингвокультурное сообщество – нацию – и создают пространство народной мудрости. Традиционно считалось, что фразеология – хранитель исторического опыта, культуры, мудрости нации. Однако мы видим множество современных фразеологизмов, обусловленных современными реалиями: *голосовать обеими руками; доводить до ума; хотели как лучше; поставить на счётчик; сесть на иглу* и др. (Х. Вальтер и В. М. Мокиенко создали словарь ковидных фразеологизмов и пословиц). Это позволяет нам сделать вывод о **континуальности смысла во фразеологии**.

Субъект видит окружающую его действительность сквозь призму своих знаний, потребностей, интересов, что делает фразеологическую картину мира (как и языковую вообще) индивидуальным, хотя и социокультурным образованием. По меткому сравнению Е. Князевой и А. Турובה, субъект познания как будто водит вокруг себя лучом фонарика, выхватывая из темноты то одно, то другое явление, и именно от человека зависит, куда он направит этот луч, т. е. чем он заинтересуется.

Выводы. Мы живем в мире собственных ментальных схем, предложенных нам языком, зачастую думая, что это объективные схемы. Мир, отраженный сквозь призму механизма вторичных номинаций в процессе деятельности, – это главные факторы, которые определяют универсальность и специфику любой конкретной национальной языковой картины мира.

Наше миропонимание в значительной степени находится в плену у языковой картины мира. Следовательно, каждый конкретный язык заключает в себе национальную, самобытную систему, которая определяет мировоззрение носителей данного языка, но при этом добавляет в нее новый опыт, как бы подрисовывает фразеологическую картину мира.

Наивная (языковая) картина мира отличается значительной прагматичностью. Прагматичность эта особого рода: знания, отображенные в языке, могут далеко отходить от того, что посчитала бы истиной традиционная наука (*солнце садится, дождь идет*). Их критерием выступает не логическая безупречность, а целостность и универсальность модели, ее способность служить объясняющей (чаще квазиобъясняющей) матрицей для структурирования опыта нации. Она не примитивна, как писал Ю. Д. Апресян, «во многих случаях не менее сложна и интересна, чем научная.., она отражает опыт интроспекции десятков поколений на протяжении многих тысячелетий» [3, с. 39]. Следовательно, называя фразеологическую картину мира «наивной», мы не умаляем ее ценности.

Список использованных источников

1. Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / [Б. А. Серебренников, Е. С. Кубрякова, В. И. Постовалова и др.]; отв. ред. Б. А. Серебренников; АН СССР, Ин-т языкознания. – М. : Наука, 1988. – 212 с.

2. Лепта библейской мудрости : русско-славянский словарь библейских крылатых выражений и афоризмов с соответствиями в германских, романских, армянском и грузинском

языках : в 2 т. – Т. 2 : П–Я / авт.-сост.: З. К. Адамия [и др.]; под общ. ред. Е. Е. Иванова [и др.]. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2019. – 308 с.

З. Апресян, Ю. Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания / Ю. Д. Апресян // Вопросы языкознания. – 1995. – № 1. – С. 37–68.

Abstract. The article discusses an approach to the phraseological picture of the world through activity and cognitive analysis. In each specific language, a special national picture is recorded, including the phraseological picture of the world, since phraseology is the soul of every language. The linguistic personality constructs statements in accordance with this picture. Calling the phraseological picture of the world “naïve”, we do not detract from its value.

Keywords: linguistic picture of the world, phraseological picture of the world, cognitive analysis, activity approach.

УДК 811.16-13'373:572

В. М. Мокиенко

АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ДОМИНАНТЫ В СЛАВЯНСКОЙ СОМАТИЧЕСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ И ПАРЕМИОЛОГИИ

Аннотация. Статья посвящена аксиологической характеристике восточнославянской соматической фразеологии и паремиологии. Названия частей человеческого тела образуют активную составную часть фразеологической и паремиологической систем разных языков. Автор рассматривает классификацию фразеологических соматизмов на натуральные и конвенциональные (Ст. Скорупка) и демонстрирует ее отношение к оппозиции «универсальное» – «национально специфическое». Приводятся примеры, подтверждающие актуальность этой оппозиции и в некоторых случаях релятивизирующие ее.

Ключевые слова: аксиология, фразеология, паремиология, натуральная и конвенциональная фразеология, паремиологические универсалии, национальная специфика фразеологии.

Соматическая фразеология – один из постоянных и неизменно востребованных объектов лингвистического и лингвокультурологического исследования. Ее мифологическая и этнографическая «заряженность» требует, естественно, детализированного экстралингвистического анализа. И не случайно, что именно в Беларуси недавно опубликована фундаментальная этнокультурологическая монография на эту тему с «говорящим» названием «Цела чалавека: слова, міф, рытуал» [1]. Интерес гуманитариев к соматизмам понятен: ведь с одной стороны, они сущностно связаны со всем человеческим бытием и духовной жизнью, с другой же – они дают неисчерпаемые ресурсы новых номинаций и коннотаций. Этот момент лапидарно и точно подчеркивает автор другой – уже собственно лингвистической (resp. фразеологической) монографии на нашу тему: «Человеческое тело сосредоточивает в себе две могучие силы: природу и культуру. Обе они находятся в непрерывном действии становления себя и воздействия друг на друга, создавая пространство для тела, определяющего его форму» [2, с. 33]. Природа и культура, закодированные языковой формой, отражаются во фразеологической и паремиологической подсистемах во всем разнообразии – особенно в разнообразии оценок всего телесного в бытии человека. Это разнообразие во фразеологических и паремиологических единицах, с одной стороны, консервативно, ибо в силу кумулятивной функции паремий сохраняет многие «культурные реминисценции» прошлого – как слепки материальной культуры, так и следы уже изжившего себя мифологического и ритуального сознания. С другой стороны, в силу постоянной изменчивости языковой системы, и соматизмы, несмотря на их экзистенциальную универсальность, все-таки обнаруживают способность к изменчивости во времени, актуализируясь вместе с соци-

альными коловращениями. Не случайно одна из значимых для славянской фразеологии монография красноречиво названа «Dynamika súčasnej slovenskej frazeologie fond somatických frazém» [3]. Именно динамика соматизмов славянских языков в составе фразеологии и паремиологии во многом определяет развитие их национальных фондов от праславянского единства к современному славянскому многообразию.

И здесь – очередной парадокс функционирования и развития фразеологической и паремиологической системы. Компонентный ее состав, т. е. набор основных соматизмов, практически не претерпел количественных изменений. Качественные, семантические «подвижки», конечно же, коснулись и этой лексики, но они не столь значительны, чтобы привести к полному отрыву от ядерной группы телесных наименований. Сравн. рус. *рот* и чеш. *ret* ‘губа’, рус. *губа* и чеш. (прост.) *huba* ‘рот’, рус. *уста* и макед. *усна* ‘губа’ и под. Такие смысловые «нюансы» объяснимы родством славянских языков и создают платформу для так называемых «ложных друзей переводчика». Различия же в сфере фразеологических и паремиологических соматизмов гораздо более многогранны. Причина этому – прежде всего в различном аксиологическом членении таких языковых единиц, влияния на их динамику как собственно национальных факторов, так и иноязычного окружения.

Аксиологические параметры здесь также амбивалентны. Ведь с точки зрения физиологии все части тела человека равны, ибо каждая из них выполняет полезную для всего организма функцию. Но аксиологическая ось, как правило, делит соответствующие наименования на «важные» и «неважные», «приличные» и «неприличные», «чистые» и «нечистые». Так, «жаночы “ніз”» в традиционной культуре белорусов (как, впрочем, и других славян) является, с одной стороны, сакральным в связи со своей детородной функцией, с другой – уходит в сферу табу и образует целую цепь скатологических коннотаций, аксиология которых в основном негативна [4]. Собственно, и «мужской низ» развивает не менее мощные аксиологические потенции, становясь одним из активных генераторов славянской бранной лексики и фразеологии [5]. При этом в каждом языке набор такого рода паремий различен, ибо с праславянского периода его динамика была подвержена многообразным влияниям внутриязыковых и экстралингвистических факторов. Так, при сопоставлении русской и польской соматической фразеологии с бранной семантикой обнаруживается определенная асимметрия, имеющая системный характер: напр., ругательства польского языка типа *Bodaj cię zła krew zaląła! Niech cię (go, ich itp.) nagła krew zaleje! Żeby cię nagła krew zaląła!, Psia krew!* и под. являются фразеологической лакуной в русском языке [2, с. 150].

Проблема аксиологической насыщенности и коннотативного многообразия соматической фразеологии и паремиологии связана с другой, пожалуй, еще более общей лингвистической проблемой, к которой на конференциях в Гомеле исследователи не раз возвращались – проблемой паремиологической универсальности и специфичности. Ей посвящена и коллективная монография «Национальное и интернациональное в славянской фразеологии», изданная нами по материалам XV Международного съезда славистов в Минске [6]. Для решения этой проблемы соматическая фразеология и паремиология является, можно сказать, «судьбоносным» материалом. Ведь сама номинативная универсальность соматизмов как будто имплицитно представляет и об их универсальности и в составе паремий.

Именно в таком ключе польским фразеологом Ст. Скорупкой в докладе на IV-м Международном съезде славистов в Москве в 1958 году [7, с. 124–155] была предложена теоретическая дифференциация фразеологии на **конвенциональную** и **натуральную**. Какие представления во фразеологии разных языков имеют яркую национальную окраску, а какие остаются универсальными – вот главный вопрос, на который пытались и пытаются ответить фразеологи. Разграничение фразеологизмов на конвенциональные и натуральные было разграничением диахроническим, ориентированным на их «генезис». «Фразеологические сочетания, которые я называю **натуральными**, – писал он, –

часто являются общими для многих языков, возникают независимо друг от друга, поскольку имеют общую основу в явлениях природы, в наблюдениях человека над природой, ее проявлениями и жизнью, в общих физических и психологических видах деятельности человека, в общих условиях развития. Фразеологические же сочетания, которые я называю **конвенциональными**, отражают специфические условия развития данного народа: его занятия, условия существования, обычаи, религиозные и культурные различия, – словом, развитие материальной и духовной культуры человека» [8, с. 123]. Этот тезис был проиллюстрирован обильным количеством примеров из разных языков – как славянских, так и неславянских. Такие примеры также даются им с диахронической направленностью, ибо «*tertium comparationis*» разграничения является их внутренняя форма. Вот почему классификация фразеологизмов Ст. Скорупки достаточно прямолинейно переросла в классификацию их опорных компонентов. При этом к **натуральным** фразеологизмам исследователь относит в основном выражения и обороты, построенные на аналогиях с названиями частей человеческого тела, его внутренних органов, его деятельности и чувств. Соматизмы, географические и метеорологические термины, анимализмы – вот основной набор компонентов, который описывается им в разделе о **натуральной** фразеологии.

Методологическую эффективность разграничения, предложенного Ст. Скорупкой, в последнее время доказывают многие фразеологи-слависты. Важно теперь прагматически оценить массив русской натуральной и конвенциональной фразеологии с точки зрения ее лингвистической обоснованности и объективности. Основным концептуальным *raison d'être* разграничения «натуральности» и «конвенциональности» является здесь именно оппозиция «**универсальность – индивидуальность**». Было бы заманчиво выявить для каждого отдельно взятого языка набор пословиц и поговорок, относящихся либо к первой, либо ко второй части этой оппозиции. Сделать это можно лишь на основе конкретного анализа фразеологии и паремиологии отдельных групп. Соматическая фразеология в этом отношении – благодатное поле исследования, ибо, как выше подчеркивалось, человеческое тело хотя универсально (что делает причисление соответствующих фразеологизмов и паремий к «натуральным» оправданным), но в то же время в процессе культурно-исторических «переживаний» обрастает национально-специфическими, мифологическими, акциональными и др. коннотациями, демонстрируя их различную аксиологическую градацию в разных языках.

В процессе фразеологического образования соматическая лексика, наряду с зоонимами, фитонимами, колоративами, числительными, терминами родства и др., является одной из приоритетных для использования. Это объясняется универсальными для всех языков понятиями, в отличие, например, от этнолингвомаркёров – компонентов фразеологизмов и паремий (имен собственных, названий артефактов, присущих материальной культуре конкретного народа, этнонимов), отражающих национальное своеобразие, «культурную память» и зачастую не имеющих прямых аналогов в другом языке, «благодаря чему раскрывается этноспецифичность языкового знака» [8, с. 105–107].

Аксиологический анализ соматической фразеологии и паремиологии можно вести по двум направлениям – горизонтальному и вертикальному. Горизонтальный предполагает исследование максимально полного набора паремий, «нанизанных» на тот или иной стержневой соматический компонент. В таком направлении в основном и ведется анализ соматизмов разных языков [9; 10; 11; 12; 13 и др.]. Масштабность исследуемой таким образом фразеологии и паремиологии может быть весьма внушительной. Так, А. Р. Попова, проанализировав полисемант *рука* на широком пространстве русского языка, включая и его периферию, сделала его объектом специального словаря [14], что позволило выявить влияние отдельной фразеолеммы на систему языка в целом. В близком ключе исследуются русские фразеологизмы (включая диалектные) Н. А. Власовой [15]. При таком подходе детализированно градуируется квота оценоч-

ности каждой паремии в синхронной плоскости, но остается открытым вопрос о распределении таких единиц на оси «универсальное» – «национально специфичное».

Вертикальный подход, менее используемый при анализе соматической фразеологии и паремиологии, предполагает детализированный диахронический и сопоставительный анализ одного фразеологизма со всеми его вариантами на диалектном и межъязыковом пространстве с целью реконструкции его внутренней формы. Таков, например, анализ фразеологических европеизмов: рус. *делать ноги*, укр. *робити ноги* ‘быстро убежать’, чеш. *dělat nohu komu* ‘держат кого-л. в напряжении, принуждая к бегству’, нем. *j-n Bein machen* ‘заставлять кого-л. убежать’ и др. [16]. Раскрытию такой информации посвящены историко-этимологические словари фразеологии, включающие и экскурсы в ее историю. Разумеется, нацеленность на диахронический анализ диктует и количество, и качество отбора соматизмов в таких словарях.

Показательна в этом отношении фразеология и паремиология с компонентами *Голова* и *Нога*. Ведь они по номинационной оси покрывают «зону телесности» человека сверху донизу (или снизу доверху) и уже потому относятся и к языковым универсалиям. В нашем «Историко-этимологическом словаре русской фразеологии» [17] представлено 48 ФЕ с компонентом *голова* [17, с. 145–150] и 36 – с компонентом *нога* [17, с. 472–476]:

ГОЛОВА • *бедовая голова, голова в голову, деревянная голова, дубовая голова, дырявая голова, еловая голова, забубённая голова, садовая голова, сам себе голова, свежая голова, светлая голова, умная голова, о двух головах кто, засточертело в голове, к голове что, биться (колотиться) головой об стенку, выдавать / выдать головой кого, выдавать / выдать [себя] с головой, качать / покачать головой, кивать / покивать (закивать) головой [на что], отвечать / ответить головой за кого, что, перед головой, приходит / прийти с повинной [головой], уходить / уйти с головой во что, вбивать / вбить в голову кому что, вешать / свесить (повесить, понурить, опустить) голову, давать / дать голову на отсечение, класть / положить голову за кого, что, ломать голову, мылить / намылить (мыть / помыть устар.) голову кому, на голову, на голову (наголову) побить неприятеля, на свою голову [сделать что], где голову (головы) приклонить, очертя голову [бежать, лететь, нестись, бросаться куда], посыпать / посыпать голову пеплом, преклонить (приклонить) голову где, куда, складывать / сложить (класть, положить) голову, сломя голову [бежать, нестись, бросаться и т. п. куда], снявши голову, по волосам не плачут (не тужат), схватываться / схватиться за голову, терять / потерять голову, говорящие головы, с головы до пят (до ног), с ног до головы. целиком, полностью, ставить / поставить с ног на голову что, сваливать / свалить с больной головы на здоровую.*

НОГА • *без задних ног [спать], падам до ног, сбиваться / сбиться с ног, с ног до головы, со всех ног (бежать), ставить / поставить с ног на голову что; одна нога здесь, другая там, чего моя [левая] нога хочет, вертеться под ногами, весёлыми ногами [идти], выносить / вынести вперёд ногами, голосовать / проголосовать ногами, В ногах правды нет; стоять на собственных ногах, на дружеской ноге [быть] с кем, жить на широкую ногу, на короткой ноге [быть] с кем, встать с левой (не с той) ноги, делать / сделать ноги, кланяться / поклониться в ноги, [брать / взять] ноги в руки, ноги [больше] не будет чьей где, ноги протянуть, ставить / поставить на ноги, хромать на обе ноги (на оба колена), чтобы (чтоб) ноги не было чьей где, не левой ногой сморкается, стоять одной ногой в могиле, жить на широкую (большую) ногу (на большой ноге), идти [нога] в ногу с кем, с чем, на приличную ногу, [не дам, не позволю себе] на ногу наступить, не знать, на какую ногу ступить, не идти в ногу с кем, подставлять / подставить ногу кому, шагать не в ногу.*

Какие же из них относятся к славянским и – шире – общеевропейским универсалиям, а какие маркированы национальной спецификой?

Известный лимит моего Предисловия не позволяет представить классификацию всех таких выражений по избранному критерию. Но в общем можно заметить, что соответствие универсальных и национально специфических фразеологизмов является достаточно сбалансированным. Таковы фразеологизмы второго типа с компонентом **голова**: *бедовая голова, забубённая голова, садовая голова, свежая голова, о двух головах кто, засточертело в голове, выдавать / выдать головой кого, очертя голову* и др. К первому же типу – с различной межъязыковой «дальнобойностью» относятся выражения *качать головой, вбивать в голову кому что, вешать голову, мылить голову кому, терять голову, Снявши голову, по волосам не тужат* и др.

Примерно такое же соответствие обнаруживается и для фразеологизмов с компонентом **нога**: к национально маркированным относятся выражения *без задних ног [спать], сбиваться с ног, чего моя [левая] нога хочет, весёлыми ногами [идти], голосовать / проголосовать ногами, идти [нога] в ногу с кем, с чем; В ногах правды нет*. К универсальным – *ставить с ног на голову что, одна нога здесь, другая там; вертеться под ногами, на дружеской ноге [быть] с кем, встать с левой ноги, [брать / взять] ноги в руки, хромать на обе ноги* и др.

Соматизмы *голова* и *нога* образуют номинативный симбиоз, объединяющий два противоположных «полюса» человеческого тела. Аксиологически при этом, судя по коннотативному потенциалу соответствующих лексем, *голова* как вместилище интеллекта оценивается выше, чем *нога*, номинирующая лишь двигательный аппарат человека. Такой различной оценке способствует и вышеозначенная глобальная семиотическая оппозиция «Верх – Низ». Во фразеологии и паремиологии с соматическими компонентами в целом эта аксиологическая дихотомия также находит свое отражение. «Вряд ли можно ставить под сомнение то, что в любом провербиальном фонде мы найдем паремии, в которых ум, благоразумие, просвещенность получают высокую оценку, а глупость, безрассудство и невежество подлежат осуждению, – замечает Е. В. Ничипорчик, – нет сомнений и в том, что в любом из провербиальных фондов каждый из названных феноменов может осмысляться как в положительной, так и в отрицательной своей значимости» [18, с. 217]. И действительно: в силу своей категориальной экспрессивности паремиологии оценки здесь могут либо нейтрализоваться, либо смещаться своими полюсами. Так, возможны «перемены мест слагаемых» и во ФЕ, объединивших в своем составе оба эти компонента: *с головы до ног (до пят)* и *с ног до головы, ставить / по-ставить с ног на голову что* и под.

Любопытный аксиологический вектор представляет собой пословичный «тандем», объединивший эти лексемы в своем составе и уточнивший их аксиологической характеристикой «глупый», «дурной». Он эксплицирован в русской пословице *Дурная голова ногам покою не дает*, пренебрежительно характеризующей глупого, хлопотливого и непоседливого человека, который много бегаёт и напрасно суетится, вместо того чтобы подумать о целесообразности своих действий.

В восточнославянском паремиологическом пространстве эта пословица известна во многих вариантах [см. 19; 20; 21]:

Рус.: *Бестолковая голова ногам покою (спокою) не даёт; Дурная голова ногам покою (спокою) не даёт; Дурная голова ноги мучит; При дурной голове ноги болят; За дурной головой и ногам [в] непокой; За дурной головой и ногам непокой; За дурной головой – ногам работа; За дурной головы ногам покою нет; От глупой головы (голове) ногам уморно; От дурацкой головы и ногам тяжело.*

Бел.: *Дурная галава нагам спакою не дае; За дурною галавою нагам бяда; За дурною галавою нагам не балазе; Праз дурную галаву і нагам гора; За дурною галавою нагам няма пакою; За дурной галавой нагам непакой; За дурной галавой спіна баліць, нагам непакой; Вінавата галава, куда ногі вяла; Калі галава дурная, то і напала ліха.*

Укр.: *За дурною головою да й ногам лихо; За дурною головою ногам горе; За дурною головою, то і ногам біда; За дурною головою, то нема ногам спокою; За дурною головою і ногам нема спокою; За дурною головою нема ногам супокою.*

Фиксация этой пословицы в диалектной речи восточных славян свидетельствует о ее исконности. Но является ли это доказательством их национальной специфики и свидетельством того, что симбиоз соматизмов *Голова – Нога* для этих языков уникален?

Сопоставительный анализ показывает, что такой симбиоз универсален, как универсальна и та аксиологическая ось, на которой эти соматизмы расположены.

В славянских языках пословица известна в разных вариантах [22, с. 40]: болг. *Който го няма в главата, трябва да го има в краката; Който е слаб в главата, трябва да е здрав в краката*; пол. *Kto nie ma w głowie, ten ma w nogach*; серб. *Теико ногама под лудом главом; Ко нема у глави, има у ногама*; словацк. *Kto nemá v hlave, má v päťach; Kto nemá v hlave, musí mať v päťach*; чеш. *Co není v hlavě, musí být v nohou*. Здесь же приводится и английская параллель, имеющая несколько иную структуру и образность, но – тот же смысл, соединяющий голову и ноги: *My head will never save my feet*.

Европейский ареал этой пословицы нетрудно расширить, обратившись к многоязычным словарям [напр.: 23, с. 380–381; 24, с. 220–222 и др.]: англ. *Who has not an understanding (memory) let him have legs; Little wit in the head makes much work for the heel (feet)*; нем. *Was man nicht im Kopfe hat, muß man in den Beinen haben*; фр. *Quand on n'a pas bonne tête, il faut avoir bonnes jambes*; итал. *Chi non ha testa, abbia gambe*; лит. *Ažu durnos galvos ir kojoms atilsio neturi*; латыш. *Saur gīpu golvu kōjom namīrs* и др. Сравн. лат. *Pedibus compensanda memoria est*. Этот ареал расширяется и за пределы многих других языков – как индоевропейских, так и неиндоевропейских: албанского, баскского, венгерского, вепского, вотякского, голландского, греческого, датского, зырянского, испанского, карельского, каталонского, норвежского, румынского, словенского, финского, фризского, шведского, эстонского... Находят его и в арабском и турецком языках [25, с. 280–282]. Конечно, полного тождества образа и структуры в таких пословицах нет, но доминантная структурно-семантическая модель обеспечивает их сходство. Что за ним кроется – общая генетика или универсальность, свойственная «натуральной» фразеологии и паремиологии?

Скорее всего – второе, ибо при стабильности символического симбиоза соматизмов *Голова – Нога* детализированный анализ вскрывает в них и определенные различительные нюансы в структуре и образной репрезентации этих пословиц. Например, нельзя не назвать национально специфичной яркую белорусскую пословицу, приведенную Е. В. Ничипорчик в ее фундаментальной монографии – *Галава добрая, ды на дурныя плечы наладжана* [19, с. 202].

Несомненно, на универсальный симбиоз влияют и общие международные культурно-исторические «переживания» и влияния. Так, упомянутый фразеологизм *с головы до ног (с ног до головы)* вызывает ассоциации с библейскими текстами, напр.: «Поразит тебя Господь злою проказою на коленях и голених, от которой ты не можешь исцелиться, *от подошвы ноги твоей до самого темени головы твоей*» (Второзак. 28, 35); «*От подошвы ноги до темени головы* нет у него здорового места: язвы, пятна, гноящиеся раны, неочищенные и необвязанные и не смягченные елеем». (Исаия. 1, 6) и др. Употребляется оно и в произведениях теологов, напр., *a pedibus usque ad caput* – «с ног до головы» (Hieronym. Augustin. Ambros). Но подобные выражения известны в древнегреческих текстах – у Аристофана, Теокрита, Гомера. Сравн., напр., у Гомера: Ἐκ κεφαλῆς εἰς πόδας ἄκροϋς. (Ном. II. 16, 640; 18, 353). Историки фразеологии приводят массу близких оборотов и из латинских текстов (Плавт, Петроний), где выражения *a capillis usque ad unguis* (букв. от волос на голове до ногтей) и *a capite usque ad calcem* (букв. от головы до обуви) [26, с. 769–779]. Не случайно оборот известен многим европейским языкам, напр., англ. *from head to foot, from head to toe, from top to toe, from face to foot*; нем. *von Kopf bis Fuß*, фр. *de la tête aux pieds*; белор. *ад галавы да пятак*, укр.

З (від) голови до ніг (до п'ят), з (від) ніг до голови; пол. *od stóp do głów, x/c od glave do pete* и др. Тем самым и этот соматический «дуэт» возвращается в лоно древнего семиотического «единства противоположностей» «Верх» – «Низ».

Как видим, распределение фразеологии и паремиологии на «натуральную» и «конвенциональную», предложенное более века назад Ст. Скорупкой, и ныне сохраняет свою актуальность. Однако современные исследователи, раскрывая функциональные, аксиологические и лингвокультурологические потенции этих языковых единиц, обнаруживают при этом и относительность такого разграничения, переходность границ от универсального к национальному и наоборот. Для анализа соматической паремиологии, тем не менее, неизменно остается симбиоз соотношения «Верха» и «Низа». Он проходит красной нитью через все вариантные мутации пословиц и поговорок, образованных соматизмами *Голова* и *Нога*. Проходит, тонко градуируя их конкретные аксиологические характеристики.

Список использованных источников

1. Валодзіна, Т. В. Цела чалавека: слова, міф, рытуал / Т. В. Валодзіна. – Мінск : Тэхналогія, 2009. – 431 с.
2. Mirosława, Hordy. Frazeologia somatyczna współczesnego języka rosyjskiego i polskiego / Hordy Mirosława. – Szczecin, 2010. – 219 s.
3. Baláková, Dana. Dynamika súčasnej slovenskej frazeologie fond somatických frazém / Dana Baláková. – Greifswald : Ernst-Moritz-Arndt-Univ., 2011. – 315 s.
4. Валодзіна, Тацяна. Жаночы «ніз» у традыцыйнай культуры беларусаў / Тацяна Валодзіна // Terra alba. Т. 2. Homo veneris: Сексуальная прастора беларускай культуры / пад рэд. С. І. Даніленкі; Магілёўс. т-ва гуманіт. інтэлектуал. і культур. ініцыятыў «Брама». – Мінск : «Экаперспектыва», 2001. – С. 30–44.
5. Мокиенко, В. М. Русское сквернословие. Краткий, но выразительный словарь / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. – М. : ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2007. – 384 с.
6. Национальное и интернациональное в славянской фразеологии : коллектив. монография по материалам XV Междунар. съезда славистов (Минск, 20–27 августа 2013 г.) / отв. ред.: Х. Вальтер, В. М. Мокиенко. – Greifswald, 2013. – 276 с.
7. Skorupka, St. Idiomatyzmy frazeologiczne w języku polskim i ich geneza / St. Skorupka // Славянская филология. – Т. 3. – М., 1958. – С. 124–155.
8. Ломакина, О. В. Карпаторусинские соматические паремии на славянском фоне / О. В. Ломакина, В. М. Мокиенко // Славянская микрофилология / под ред. А. Д. Дуличенко и Мотоки Номати. – Slavic-Eurasian research center. – Hokkaido University, Sapporo. Vene ja slaavi filologia osakond (=Slavica Tartuensia XI / Slavic Eurasian Studies No. 34). – Tartu Ülikool, Tartu, 2018. – С. 103–128.
9. Городецкая, И. Е. Фразеологизмы-соматизмы в русском и французском языках : дис. ... канд. филол. наук / И. Е. Городецкая. – Пятигорск, 2007. – 233 с.
10. Долгополов, Ю. А. Сопоставительный анализ соматической фразеологии (на материале русского, английского и немецкого языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ю. А. Долгополов. – Казань, 1973. – 21 с.
11. Кравчик-Тырпа А. Соматическая фразеология в польских говорах: фразеология, отражающая специфику названий частей тела. – Вроцлав, 1987. – 274 с.
12. Русецкая, Ёвита. Концептуализация культурных стереотипов *душа* и *тело* в русской соматической фразеологии (с привлечением литовских параллелей) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ёвита Русецкая. – М., 2012. – 23 с.
13. Тунси, Мохсен. Лингвострановедческий анализ русских соматических фразеологизмов : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Мохсен Тунси. – М., 1984. – 23 с.
14. Попова, А. Р. Словарь одного слова / А. Р. Попова. – Орел : ОО О ПФ «Оперативная полиграфия», 2009. – 356 с.
15. Власова, Н. А. Фразеологическое гнездо с вершиной *глаз* в общенародном языке и говорах : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н. А. Власова. – Орел, 1997. – 26 с.

16. Мокиенко, В. М. Из истории европейской соматической фразеологии (*Kam s nohama?*) / В. М. Мокиенко // *Phraseologische Studien. Фразеологические исследования. Dynamische Tendenzen in der slawischen Phraseologie. Динамические тенденции в славянской фразеологии.* Redaktion Dana Baláková und Harry Walter. – Greifswald, 2010. – С. 252–267.
17. Бирих, А. К. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник / А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова / под ред. проф. В. М. Мокиенко. – 4-е изд., стереотип. – М. : Астрель: АСТ: Люкс, 2007. – 926. [2] с.
18. Ничипорчик, Е. В. Отражение ценностных ориентаций в поговорках / Е. В. Ничипорчик ; М-во образования РБ, Гом. гос. ун-т им. Ф. Скорины. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2015. – 358 с.
19. Мокиенко, В. М. Большой словарь русских пословиц : около 70 000 пословиц / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина, Е. К. Николаева / под общей ред. проф. В. М. Мокиенко. – М. : «ОЛМА Медиа Групп», 2010. – 1024 с.
20. Прыказкі і прымаўкі ў дзвюх кнігах / складанне, сістэматызацыя тэкстаў, уступны артыкул і каментарыі М. Я. Грынבלата. – Мінск : Навука і тэхніка, 1976. – Т. 1. – 560 с.; Т. 2. – 616 с.
21. Прислів'я та приказки / упорядник М. М. Пазяк. – Т. 2. Людина. Родинне життя. Рис характеру. – Київ : «Наукова думка», 1990. – 524 с.
22. Котова, М. Ю. Русско-славянский словарь пословиц (с английскими соответствиями) / М. Ю. Котова. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 2000. – 360 с.
23. Arthaber, A. Dizionario comparato di proverbi e modi proverbiali in sette lingue (italiana; latina; francese; spagnola; tedesca; inglese; greca antica) / A. Arthaber. – Milano : Ulrico Hoepli Editore, 1989. – 822 s.
24. Grigas, K. Patarlių paralelės. Lietuvių patarlės su latvių, baltarusių, rusų, lenkų, vokiečių, anglų, lotynų, prancūzų, ispanų, atitikmenimis / K. Grigas. – Vilnius : Leydykla “Vaga”, 1987. – 662 p.
25. Paczolay, Gyula. European Proverbs in 55 languages with equivalents in Arabic, Persian, Sanskrit, Chinese and Japanese / Gyula Paczolay. – Veszprem : Nyomda Rt., 1997. – 527 p.
26. Михельсон, М. И. Русская мысль и речь. Своё и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний / М. И. Михельсон. – Т. 1. – СПб., 1903. – 779 с.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 20-18-00091 «Мир восточных славян в паремнологической интерпретации: аксиологические доминанты и их лингвокультурологическая репрезентация», реализуемый в Санкт-Петербургском государственном университете).

Abstract. The article is devoted to the asiological characteristics of the East Slavic somatic phraseology and paremiology. The names of parts of the human body form an active component of the phraseological and paremiological systems of different languages. The author examines the classification of phraseological somatisms into natural and conventional (St. Skorupka) and demonstrates her attitude to the opposition “universal” – “nationally specific”. Examples are given that confirm the relevance of this opposition and, in some cases, relativize it.

Keywords: axiology, phraseology, paremiology, natural and conventional phraseology, paremiological universals, national specificity of phraseology.

УДК 811.161.2'373:398.9

В. В. Мушинская, О. С. Сергиенко, М. Ю. Котова

ВЫБОР ПОСЛОВИЧНОГО ИНВАРИАНТА УКРАИНСКОЙ ПАРАЛЛЕЛИ РУССКОЙ ПОСЛОВИЦЫ В ЭССАВІ

Аннотация. Настоящее исследование посвящено процессу выбора пословичного инварианта среди украинских параллелей русских пословиц, вошедших в «Электронный словарь современных активных восточнославянских пословиц», над которым в настоящее время работает

коллектив авторов под руководством проф. М. Ю. Котовой. Под инвариантом пословицы в нашем исследовании понимается форма пословицы, которая чаще всего встречается в ответах информантов, участников паремиологического социолингвистического эксперимента. Такой эксперимент по выявлению украинских пословичных параллелей к русским пословицам уже второй год проводится в интернете с участием информантов-носителей украинского языка. Результаты эксперимента дают возможность установить инвариант для каждой украинской параллели пословиц русского паремиологического минимума, а также демонстрируют пословичную вариантность на фонетическом, морфологическом, лексическом и синтаксическом уровнях.

Ключевые слова: пословица, пословичная параллель, пословичный инвариант, русский язык, украинский язык, социолингвистический паремиологический эксперимент, электронный словарь.

Настоящее исследование посвящено процессу выбора пословичного инварианта среди украинских параллелей русских пословиц, вошедших в «Электронный словарь современных активных восточнославянских пословиц» (далее – ЭССАВП), над которым сейчас ведется работа на кафедре славянской филологии Санкт-Петербургского государственного университета (в проекте принимают участие авторы статьи, а также Н. Е. Боева). ЭССАВП будет словарем русско-белорусских и русско-украинских пословичных параллелей, имеющих активное употребление в настоящее время, кроме того, он будет репрезентацией белорусского и украинского пословичного отражения русского паремиологического минимума. Основу Электронного словаря составили пословицы, вошедшие в «Русско-славянский словарь пословиц с английскими соответствиями» (далее – РССПАС), опубликованный в 2000 г. М. Ю. Котовой [1]. В дальнейшем коллектив исследователей под руководством проф. М. Ю. Котовой продолжил исследование по выявлению параллелей русского паремиологического минимума в каждом из представленных в словаре славянских языков. Необходимо было завершить обработку результатов социолингвистического паремиологического эксперимента, проверить каждый пословичный вариант, указанный информантами, на употребительность в современном языке, найти контекстные иллюстрации и установить инвариант каждой пословичной параллели.

В лингвистике *инвариант* трактуется как «абстрактное обозначение одной и той же сущности (напр., одной и той же единицы) в отвлечении от ее конкретных модификаций – вариантов» [2, с. 81].

Обращение к инвариантному и вариантному восходит к 70-м гг. XIX в. и продолжает оставаться актуальным в научных исследованиях XX в. Проблемами соотношения инвариантного / вариантного занимался целый ряд ученых (А. Х. Востоков, А. М. Пешковский, Ф. Ф. Фортунатов, А. А. Шахматов, Н. С. Трубецкой, Е. Курилович, Р. О. Якобсон, С. И. Карцевский, Л. Ельмслев, В. Г. Адмони, Дж. Лакофф, А. В. Бондарко, Н. В. Перцов и др.)

Наиболее детально тема инвариантности раскрыта в работе Н. В. Перцова «Инварианты в русском словоизменении», в которой под инвариантом понимается «общее содержание, объединяющее разные интерпретации соответствующей единицы или соответствующего значения, проявляющиеся в разных языковых или ситуативных контекстах» [3, с. 12]. Н. В. Перцов выделяет две ипостаси инварианта языковой единицы:

1. Сильный инвариант – «некоторая сущность, из которой по определенным правилам могут быть выведены все частные интерпретации единицы».

2. Слабый инвариант – некое «общее ядро», «сущность, свойственная любой частной интерпретации единицы» [3, с. 35, 246].

Изучение слабого инварианта представляется Н. В. Перцову более реалистичным, так как для его мотивировки достаточно продемонстрировать проявление инварианта в конкретной интерпретации языковой единицы, в то время как для определения сильного инварианта требуется формулировка соответствующих правил.

В нашем исследовании под инвариантом понимается «форма пословицы, которая чаще всего встречается в ответах информантов, вне зависимости от того, совпадает ли она с исходным вариантом пословицы, приведенной в РССПАС» [5, с. 40].

Результаты белорусского социолингвистического эксперимента, проведенного в начале XXI века в Беларуси, уже нашли свое отражение в «Тетрадах паремиографа. Выпуск 5» [4]. Результаты опроса помогли скорректировать белорусскую часть словаря, что нашло свое отражение в ЭССАВП, где в качестве белорусской параллели русской пословицы будет указан ее инвариант, т. е. тот вариант ее продолжения, который был указан большинством респондентов.

Второй год в Интернете нами проводится украинский социолингвистический паремиологический эксперимент с участием информантов-носителей украинского языка по выявлению украинских пословичных параллелей к русским пословицам. Его результаты уже отражены в нескольких публикациях нашего коллектива [6; 7], а также будут представлены в ЭССАВП.

Украинский эксперимент (далее – УЭ) основан на анкете, размещенной на платформе Google 2020–2021 гг., и состоит из 193 украинских пословиц, у которых редуцирована постпозиционная часть, т. е. при заполнении анкеты нужно дописать усеченную часть пословицы. В анкете пословицы представлены без контекста, что позволяет носителям языка продолжить пословицу в известном для них виде.

На данный момент в эксперименте принял участие 21 украинский респондент. Возраст респондентов колеблется от 18 до 63 лет; семнадцать женщин, трое мужчин, один информант не указал свой пол; до 17-летнего возраста они проживали в следующих городах Украины: Владимир Волынский, Донецк, Ивано-Франковск, Киев, Харьков, Винница, Ужгород, Львов, Николаев, Горловка, Ирпень, Червоноград; в эксперименте приняли участие представители следующих профессий: преподаватель вуза, научный работник, аспирант, спортсмен, фрилансер, экономист, инженер.

Русской пословице *Москва слезам не верит* со значением ‘о равнодушии общества к чужому горю’ в РССПАС соответствует украинская параллель *Москва сльозам не вірить* [1, с. 98]. Пословица относится к тематической группе «Взаимоотношения людей» в разделе «сочувствие – равнодушие» [1, с. 197].

Данные социолингвистического эксперимента (17 ответов из 21) показывают, что украинская пословичная параллель *Москва сльозам не вірить* соответствует русской пословице *Москва слезам не верит* и не имеет вариантов, т. е. они были зафиксированы в одной и той же форме. Таким образом, можно говорить о том, что инвариант = варианту. Очевидно, что безвариантность этой пословицы связана с названием известного фильма «Москва слезам не верит».

По результатам украинского эксперимента были классифицированы варианты пословиц носителей украинского языка и рассмотрены различные типы вариантности: лексическая (*В лісі був, а дров і не бачив, В лісі був, а дров і не здобув, В лісі був, а дров і не знайшов*), синтаксическая (*Дай йому палець, він і руку відкусить, Дай йому палець, то він і руку відкусить, Дай йому палець, і руку відкусить*), морфологическая (*Без вини винні, Без вини винен*) и фонетическая (*Починає за здоров'я, а закінчує за упокій, Починає за здоров'я, а кінчає за упокій*).

Наиболее яркий тип – лексическая вариантность. Приведем пример: русской пословице *Мягко стелет, да жёстко спать* со значением ‘о лукавом и лицемерном человеке, который за приятными словами скрывает свои подлые действия, наносящие вред кому-л.’ в РССПАС соответствует украинская параллель *М'яко стеле, та твердо спати* [1, с. 152]. Пословица относится к тематической группе «Взаимоотношения людей» в разделе «хороший – плохой человек в отношениях с другими людьми» [1, с. 195].

Данные социолингвистического эксперимента (14 ответов из 21) показывают, что в украинских пословичных параллелях происходит лексическая вариантность – замена синонимом:

М'яко стеле, та твердо спати (11 инф.)

М'яко стеле, та жорстко спати (3 инф.)

В данном случае инвариант *М'яко стеле, та твердо спати* равен варианту.

Сочетание двух типов вариантности украинских пословиц в УЭ – лексической и фонетической – продемонстрируем на другом примере: русской пословице *Береги платье снову, а честь смолоду* со значением 'отношение окружающих к человеку формируется с первых шагов его общения с людьми, поэтому следует заботиться о своем авторитете с самого начала жизненного пути, как и о чистоте и аккуратности одежды с момента ее приобретения' в РССПАС соответствует украинская пословичная параллель *Бережи одягу знову, а честь змолоду* [1, с. 113]. Пословица относится к тематической группе «Человек» в разделе «внешний вид» [1, с. 185] и к тематической группе «Характер. Психика. Нравственность. Эмоции» в разделе «скромность – бахвальство» [1, с. 187].

Результат социолингвистического эксперимента (19 ответов из 21) показывает, что русской пословице соответствует несколько украинских пословичных параллелей, для которых характерно приблизительное совпадение по употребительности:

Бережи одягу знову, а честь змолоду (10 инф.)

Бережи одягу знову, а честь замолоду (1 инф.)

Бережи одягу знову, а здоров'я змолоду (7 инф.)

Бережи одягу знову, а здоров'я змолоду (1 инф.)

В данных пословичных параллелях наблюдается, с одной стороны, фонетическая вариантность: наречие *змолоду* и его вариант *замолоду* и неправильное написание *змолоду*, с другой стороны, замена компонента пословицы *честь* на компонент *здоров'я*. Данные компоненты не находятся в отношениях семантического сходства, синонимии и антонимии. Это позволяет говорить о пословичном новообразовании, которое связано с актуальной темой здоровья, характерной для последних десятилетий.

Данные социолингвистического эксперимента (16 ответов из 21) показывают, что в концовках украинских пословичных параллелей может происходить одновременное лексическое, морфологическое, синтаксическое преобразование пословицы. Так, у русской пословицы *За что купил, за то и продаю* со значением 'говорится, когда человек рассказывает о том, что знает с чужих слов, а сам при этом не присутствовал' относится к тематической группе «Человек», раздел «Язык, речь – молчание» [1, с. 187]), по данным «Русско-славянского словаря пословиц с английскими соответствиями», есть украинская пословичная параллель *За що купив, за те й продаю* [1, с. 79]. Украинские информанты указали следующие варианты концовок этой пословицы:

За що купив, за те й продав (3 инф.)

За що купив, за то і продав (1 инф.)

За що купив, за те і продаю (3 инф.)

За що купив, за те і продав (2 инф.)

За що купив, за те й продаю (4 инф.)

За що купив, за те продав (1 инф.)

За що купив, за те продаю (1 инф.)

За що купив, за то продав (1 инф.)

Инвариантом является пословичная параллель *За що купив, за те й продаю*.

Выводы:

1. Данные социолингвистического украинского эксперимента представляют собой несомненный научный интерес. Эксперимент позволяет установить инвариант каждой из представленных в анкете пословиц.

2. Из 193 украинских пословиц, предложенных информантам в упомянутом списке, 3 получили единодушное «продолжение» (одинаковые концовки *Два на два – чотири*, *У тихому болоті чорти водяться*, *Хліб-сіль їж, а правду ріж*), что позволяет их отнести к безвариантным, например: *Москва сльозам не вірить*.

3. Для остальных 190 украинских пословиц информанты указали разнообразные варианты (от 2 до 21).

4. Были зафиксированы различные типы вариантности в концовках пословиц: лексическая и синтаксическая, морфологическая и фонетическая, как в отдельных проявлениях, так и в сочетании с другими типами вариантности.

5. В результате проведенного УЭ стало возможным выявить инвариант пословицы, который мы определяем как форму пословицы, «которая чаще всего встречается в ответах информантов, вне зависимости от того, совпадает ли она с исходным вариантом пословицы, приведенной в РССПАС» [5, с. 40].

Список использованных источников

1. Котова, М. Ю. Русско-славянский словарь пословиц с английскими соответствиями / под ред. П. А. Дмитриева / М. Ю. Котова. – СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2000. – 360 с.

2. Лингвистический энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://tapemark.narod.ru/les/080d.html>. – Дата доступа : 02.09.2021.

3. Перцов, Н. В. Инварианты в русском словоизменении / Н. В. Перцов. – М. : Языки русской культуры, 2001. – 279 с.

4. Котова, М. Ю. Тетради паремиографа. Выпуск 5: Белорусские пословичные параллели русских пословиц паремиологического минимума : учебно-методическое пособие для студентов / М. Ю. Котова, Н. Е. Боева. – СПб. : Изд-во «ВВМ», 2019. – 304 с.

5. Сергиенко, О. С. Нормативность и вариантность чешских и словацких пословиц : монография / О. С. Сергиенко. – СПб. : С.-Петербург. гос. ун-т, 2015. – 296 с.

6. Мушинская, В. В. Украинские пословичные параллели в электронном словаре современных активных восточнославянских пословиц / В. В. Мушинская // Русский язык и литература в славянском мире: История и современность : материалы Международной научно-практической конференции в онлайн-формате. – М. : Изд-во Московского университета, 2020. – С. 45–51.

7. Мушинская, В. В. Украинские пословицы с зоонимами в электронном словаре современных активных восточнославянских пословиц / В. В. Мушинская // Язык. Культура. Коммуникация: изучение и обучение : материалы IV Международной научно-практической конференции (13 октября 2020 г., г. Орел). – Орел : ОГУ имени И. С. Тургенева, 2020. – С. 345–350.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00105/21.

Abstract. The study is devoted to the process of choosing a proverbial invariant among the Ukrainian parallels of Russian proverbs included in the “Electronic dictionary of current East Slavonic proverbs”, on which a team of authors headed by prof. M. Yu. Kotova is currently working on. In our study, the invariant of a proverb is understood as the form of a proverb, which occurs the most in the responses of the informants, participants of the paremiological sociolinguistic experiment. Such an experiment with the participation of informants-native speakers of the Ukrainian language meant to identify Ukrainian proverbial parallels to the Russian proverbs has been carried out on the Internet for two years now. The results of the experiment make it possible to determine an invariant for each Ukrainian parallel to a proverb of the Russian paremiological minimum, and also demonstrate proverbial variation at the phonetic, morphological, lexical and syntactic levels.

Keywords: proverb, proverbial parallel, proverbial invariant, Russian language, Ukrainian language, sociolinguistic paremiological experiment, electronic dictionary.

Г. Г. Нечаева

**СЛЯПЫЯ ВЯДЗЬМЕДЗІ І ЗОРКІЯ ВЕРЯБ'І:
АРХАЙКА В ТЕРМИНОЛОГИИ ОРНАМЕНТА ДЕРЕВНИ НЕГЛЮБКИ**

Аннотация. Терминология узорного ткачества деревни Неглюбки (юго-восток Беларуси) рассматривается в этнокультурном контексте. Обнаруживается семиотическая связь формы орнаментальных элементов, их полилексемных наименований, образа-архетипа в их основе. В параллелях проявляется единое действие древних культурных кодов невербального характера. Например, актуализируется архаическая семантическая оппозиция слепоты / зрения. Данные представляют богатый ресурс для восстановления локального варианта картины мира.

Ключевые слова: Неглюбка, традиция, терминология орнаментальных элементов, фразеологические единицы, семантическая оппозиция «слепой / зрячий», картина мира.

Этнокультурный аспект, требующий междисциплинарных усилий, относится к числу приоритетных в современных фразеологических исследованиях. Изучение фразеологии локальных народных традиций, особенно в словарях уходящих форм деятельности, – неопределимый фонд для восстановления национальной языковой картины мира.

С 1979 г. Ветковский музей собирает материалы по терминологии орнамента местных традиций узорного ткачества. В 2002 г. мы опубликовали «Алфавит орнаментальных элементов рушников» – 642 названия с иллюстрациями и точными адресами записей [1, с. 74–162]. Затем частично – аналогичный материал по названиям орнаментов народной одежды [2, с. 74–162].

Уникальным по сохранности традиции оказался куст исторически связанных деревень, называемый по оси «Неглюбка – Верещаки». Это деревня Неглюбка Ветковского района Гомельской области с поселками – и родственные в буквальном смысле слова российские деревни порубежья Гомельской и Брянской областей. Этот куст дал 445 наименований орнаментальных фигур. Из них около 170 – полилексемные термины. Чаще всего это словесные комплексы имя+определение, согласованное или несогласованное. Эти пары взаимнообъясняют друг друга, но очень специфически: *вядзьмедзька з веряб'ём – зоркі мядзьведзь* (здесь и далее курсивом – сведения из экспедиционных материалов Ветковского музея) [3]. Вне этнокультурного контекста мотивация объединения лексем необъяснима, но порождает яркий фразеологизм, где внутренняя форма слов-компонентов усиливает свою образную коннотацию. Терминологическое определение «крюковатый ромб с крестом в центре» противостоит местному термину *вядзьмедзька кучарявы зоркі*. Первое стремится к обозначению формы в терминах геометрии. Второе обращается сразу к трём кодам: зооморфному; волос / шерсти; зрения, причем опознает все признаки в той же самой геометрической фигуре.

Анализ семантики названий позволяет объединить термины в тематические группы. Они устроены по типу семантических оппозиций, восходят к архетипу «стихийное / культурное» и к перечню культурных операций [4] с применением архаических невербальных кодов. Таковы: 1) геометрия с разрядами культурного упорядочивания форм: деление – *расколена глухоўка=расколка, хрясты расколатыя*; соединение (сведение) – *калёсы зводжаныя, лотаціны сушчэленыя*; положение / восстановление – *калодкі / стаўпцы*; 2) земледельческий код с разрядами ритуальной геометрии: возделывание, разработка-распахивание – *расцярэба* (при земледельческом местном *расцярябіць зямлю*); обведение – *хрэшчыкі абводжаныя*; огораживание – *глухая абгарожваная*; засаживание – *сады – балонкі*, обсаживание – *хрэст вінаградам абсожаны*; 3) растительный дикий лесной – *елка кучарявая, жалуддзе з мядзьведзьмі, лісьце з елкай, дубовае лісьце*; 4) растительный культурный с разрядами: огородный –

рэдзька разряная, рэпа, гурочки; садовый – *сліўкі з цвятком, рожса* [роза] *кучарявая*; 5) антропоморфный – *старцы, красныя барышні*; 6) зооморфный дикий / культурный – *мядзьведзь глухой, мядзьвежае вока, лапка мядзьведзява / казёл заслеплены, валоўе вока, васьмірогая рагатая*; 7) орнитоморфный дикий / культурный – *лебядзіная дарога, зязюліны вочы / петухі веряшчацкія*; 8) код насекомых и гадов – *мітусь-мятлушка, цярэшка* [бабочка негл.] *абсоджаная, глушкі з мушкамі, павукі з зорачкамі, ваіаночкі, рачыкі малыя, жабкі, мышыная сцезка*; 9) астральный – *звёзды кучарявыя, сонца абгароджанае*; 10) дорожный – *богава дарога, жалезныя пуці, цёмная сцезка, мышыны брадок*; 11) транспортный с рядами колёсного и водного транспорта – *калёсы па-цёмнаму / чаўны і вуткі*; 12) строительный код – *калодкі зубатыя, гарадкі з цярэшкай, будачкі, цярэкаўкі, калакольня*; 13) предметный, орудийный – *кап'ё-звёзды, сякеркамі абсоджаны, чачатая капейка, чайнічкі-самаварчыкі, чашачкі, каробкі, чамаданы*; 14) код ритуальной пищи (сырой / вареный / печеный) – *яблакі з какатком, ягадкі, рэпа, рэдзька кучарявая / пячэнне, піражкі, прынікі, праскуркі, галушкі*; 15) код прямого / кривого – *хрясты глухія, хрясты кучарявыя, хрясты расколатыя, стаўпцы і лебядзі / васьмірожкі ў крывульцы, вялікая крывуля, крывуля кучарявая*; 16) код слепоты / зрения – *сляпы верябей, заслеплены казёл / верябей відзяшчы, з вочкам; елка з вочкамі, кароўскія вочы*; 17) код волос (отсутствия / избытия) – *пляшывы перябор / лапа кучарявая*; 18) код глухого / голоса – *глухая сляпая, глухоўка кучарявая, глушкі з мушкамі / званы*; 19) код темноты / света – *калёсы па-цёмнаму, цёмная сцезка, цёмная крывуля / калесе па-беламу, светачы, лампадкі*; 20) код цвета – *елка белая, белая рожса / крывуля красная, вярабей гарышчы*. Анализ материала показывает, что коды исторически сменяются, отражая смены предпочтений образов и стилей в ассоциативных наименованиях орнамента. Например, с архаических систем – на активный садовый и цветочный код: *лапа кучарявая* – на *цвецік чачаценькі*; *жалуддзе з медзьведзям* – на *сліўкі з цвятком*; *сонца абгароджанае* – на *любісток* и т. д.

Пласты ассоциаций отражают живую систему номинации. Взаимоотношения мастерицы с узором сходны с семиотическим отношением к тексту как к личности: *Калі не той узор ставіш – рукама і нагама упіраецца, а не ідзець....* Узор сопоставим с младенцем: *У чалнакі* (ромбы в форме челнов – Г. Н.) *ткалі калісь – дык я вазьму чалнок, абсаджу – як у люлечцы...* Само «орнаментальное поведение» сопоставимо с ритуальным: *Эта як хто скаромнага не есць, так і рушнік яркі (гарашчы) у пост....* Архетипично «наложение имени» как акт сотворения: *Васьмірогі етыя я звала «качэлі». Чужасельскі ўзор, не знала імя яму, дык я сама накладала...* Особенность этого языка – неперемная семантическая, образная составляющая мотивировки (среди них и темы данного исследования: *вядзьмедзь глухі / сляпы – зоркі вядзьмедзька*).

В части «культурного» могут быть любые термины разных кодов (см. выше). В части первого члена оппозиции – первичный неразработанный элемент, ромб или крест, осознаваемый как начало. И если «в основе всех знаков лежит ромб как символ земли, продленные стороны ромба трактуются обычно как ростки, ромб с крючками – как знак урожая» [5], то в неглюбской орнаментальной традиции культурная разработка, что свойственно для ромбического символа женского начала, применяется и к кресту, этому «ян» дуального устройства славянского и – глубже – индоевропейского геометрического чина орнамента: *Мне так думаецца: таго ж хрясты дзелаюцца, штоб яно ўсё саедзінілася... З хряста ідзе ўся фігурына*. Поразительно свидетельство орнаментального восприятия самих этапов земледелия: *Насеньне прарастае... калі яшчэ няма лісточкаў, то гаварылі, што буракі ў хрэшчыках, яны яшчэ толькі вылазяць, яно яшчэ ў хрэшчыках*. В таком случае далеко не формально объяснение геометризованных растительных орнаментов: *Хрясты – штоб было ў што чапляцца лістам*.

Ромб всегда осознается как женская фигура: *ромбачка, бубка* [6]. Чаще всего в основу названия ромба в Неглюбке и соседних традициях кладется признак ‘глухого’:

глухоўка, глушка, глушачка, галушачка, глушка абгароджаная, глухоўка кучарявая... Глуховачка з верябейкам (ромб с крестиком внутри), *без верябейкі – цёмная*. В Верхличах Красногорского района (Россия) это субстантив *глухая*, он очень выразителен в «культурной разработке». Так, глухой, сплошной ромб – *глухая сляпая*. Ромб с отверстием-*вочкам* или с крестиком-*хрэшчыкам / веряб'ём* в середине – *глухая з глазам*. Противопоставление слепоты / глухоты / темноты – и зрения / света архаично [7, с. 185–206]. Его актуализация в живой номинации орнаментальных элементов позволяет входить в древние параметры культурного пространства.

Тема *вока* общеязыковая: любое отверстие, ячея. Однако признак зрения / видимости / внятности образно жив в Неглюбке. Крупный почерк – *Я лупата пишу*. Орнамент и знание, грамотность – «где-то рядом»: *Як ты пишаш буквы, так я – узоры, чысленка к чысленке... Вочки* есть у многих фигур неглюбского орнамента. Они называются *лупатыя / відушчыя / відзяшчыя / зоркія*. Однако уже в их разновидностях выделяются разряды по числу глаз: с одним глазом, с парой глаз – и, по терминологии иконописи, – «многоочитые». Первые – *з вокам, з глазам*, т. е. с одним отверстием (чаще крестообразным) или с крестиком в центре ромба в любых его конфигурациях и применениях. Надо сказать, что антропоморфные фигуры в северно-русских и старообрядческих витебских вышивках, как и в некоторых местных орнаментах самого Ветковского района, имеют такие *зоркія* ромбы в качестве голов. Антропоморфный характер восприятия приобретает при этом и сам чистый геометрический орнамент.

По отношению к теме зрения / узора важен такой простейший элемент, как прямой крестик – *верябей*. Он является тем самым формальным «семенем», которое, наряду с ромбиком, входит в состав множества фигур. Этот знак синтаксически активен, сочетаясь как свободный элемент с любыми элементами орнаментальных систем браного, закладного и переборного ткачества местных традиций. Крестик-*хрэшчык* сохраняет название *верябей* и образует семантическую группу семи разновидностей и названий-полилексем. В семантической паре ‘слепой / зрячий’ находим: *верябей сляпы, заслеплены верябей, верябей глухі, верябей нямы, верябей пусты, просты верябей / зоркі верябейка, відзяшчы верябей, відушчы (відушчанькі) верябей, верябей з вокам*. Причем если характеристика зрячести дает семантические оттенки в лексемах зрения: наличие органа, зоркость, вещая «видущность», активное смотрение, присутствие (смотрящий – *відзяшчыі*), то в первом стихийном члене пары находим архаический синкретизм и отсутствие всех форм восприятия и органов чувств: *сляпы–глухі–нямы*. Тема слепоты и называния воробьев «слепцами» известна по этнолингвистическим исследованиям, в том числе Полесья, это мера защиты от поедания зерна воробьями в будущем [8, с. 592]. Не могут ли в этой связи быть апотропеическими и называние, и форма орнаментального элемента *сляпы верябей*?

Данные этнолингвистики в сопоставлении с «поведением» орнаментального элемента *верябей* дают еще несколько схождений. В народной символике, в том числе по данным региона, воробей имеет эротический символизм [8, с. 595]. Возможно, способность внедряться в самые разные фигуры имеет архаическую оплодотворительную семантику. Так, часто изображение «расколотого» ромба (по-неглюбски, *расколка, расцярэба*) и «влетающих» в него крестиков-*веряб'ёў*: *расколка абсожаная веряб'ямі*. Сравн. примету, что ловля во сне воробьев – к беременности [8, с. 597]. Эротический мотив – и ловля воробьев решетом. В Неглюбке мотивации не помнят, но рассказывают, как девушки ловили так воробьев *радзі смеха*.

Гроза, огонь, сжигание, подпаливание, печение, помещение воробья в самый центр ритуально печеного животного, ритуальное поедание, разговление, новогодние обычаи, гадания на Святки, связь с мертвыми, роль воплощения душ умерших родственников – все эти данные, накопленные в связи с образом воробья, обращают наше внимание и на архетипические семы в орнаменте и его обозначении. Помещение

маленького креста в центр ромбической фигуры противопоставляет ее глухому ромбу, и эта формальная оппозиция системна во всех локальных местных традициях. Она имеет поразительный аналог в молдавском пограбальном коврике-мортюаре, где две ромбические фигуры противопоставлены друг другу по этому же принципу, и второй ромб – пустой, без креста, но с ромбом в центре – символизирует смерть одного из супругов [9, с. 165]. Возможно, в орнаменте актуализируется древняя сема креста как начала всего, как залога жизни и ее животворного зачатия. *Верябей*, по неглюбской терминологии, относится к разряду крестов-*хрэставога*: *хрястоў, хрэшчыкаў*. Воробей, запеченный в рождественском поросенке / крестик *верябей* внутри орнаментальных фигур: *мядзьведзь з веряб'ём*. Эта же тема – в коде зрения / света (*зоркі вядзьмедзька – вядзьмедзь з верябейкам*). Самая архаическая сема креста – символ огня, который реконструируется и в смысле ‘огня жизни’. Этот смысл вычисляется по тексту белорусской юрьевской песни: *Разгуляўся Юр'яў конь, разбіў камень капытом. А у камні агню нет – а у хлопцаў праўды нет; А ў гарэхе ядро ёсць – а у дзевак праўда ёсць!* В представленных текстом оппозициях вычисляются синонимы – семы: *агонь – ядро – праўда*. То, что семантически реконструируется в археологических материалах [10], может быть прослежено в формах, синтаксисе орнаментальных локальных традиций – и в терминологии орнамента, выносящей древнейшие принципы на поверхность языкового сознания.

Головные свадебные платки Неглюбки, те, что носили *малодкі*, всю небесную центральную часть своей орнаментальной композиции отдают *хрэставому, веряб'ям*, красным *гаряшчым* крестикам-*хрэшчыкам*, заполняющим белое поле / небо головного убора, семантически реконструируемого как небесная дорога. «Синонимами» этим крестикам выступают на других платках геометризованные бабочки-*цярэшкі, мухі*, при живом семантическом ощущении орнамента: *Паляцелі Ганніны мухі ў Ляда, аддала ў заклад* (по обычаю в залог нерушимости договора о свадьбе мать невесты отдавала платок в род жениха, потом этот платок давала молодой свекровь). Тема душ в образе летающих насекомых также жива в Неглюбке и соотносится с их знаками в орнаменте. Возможно, что синтаксическое тождество орнаментальных элементов подтверждает значение.

В оппозиции слепого / глухого / немого / темного // зоркого важно сопоставление орнаментального элемента креста, особенно маленького прямого равноконечного крестика-‘плюса’, – с его семантикой в иных традициях, которые участвовали в складывании орнаментальных систем региона. В целом ряде пограничных традиций юго-востока Беларуси произошло взаимодействие браного ткачества, которое представляется нам автохтонным, с пришлой техникой заклада, стилистикой килимов, связанных в том числе с казаческой и шляхетской культурой проникновения. По происхождению – это системы древнего иранского, арийского геометрического чина [11].

Крестик, а также крестик в ромбе в килимах сам по себе осознается мастерицами ковроделия как *глаз-«гёз»*, причем *глаз* оберегающий [12]. Трудно объяснить совпадение неглюбского *глаз, вока* с тюркским *гёз*, если не видеть здесь живых ассоциаций, сохранявшихся в древнейших орнаментальных системах браного ткачества и заклада. А также во взаимодействии семантических изоглосс в результате сплетения традиций. Оно осуществлялось прежде всего через брачные связи и передачу мастерства и обслуживающих его кодов. Так, результаты наших наблюдений над оппозицией слепого / зрячего в орнаменте могут соотноситься и с брачным кодом.

Вторая группа «зорких» орнаментальных элементов геометрического чина, в том числе и неглюбских, выделяет уже не один *глаз*, но пару *вочак* в культурно разработанных ромбах. Ромб, разделенный косым крестом, реконструируется в древних культурах как знак засеянного поля, нивы. В Неглюбке удастся восстановить оппозицию целых ромбов-*глуховак* и «нив»-*ряшотак* в комплексе знаков на рубахах, головных платках, скатертях. Мы предположили, что в брачном коде это девичьи и женские знаки по

происхождению и с 1980-х гг. собираем варианты ромбов, представленные в локальных традициях региона. Часто четыре отверстия ромба-нивы оформляются неравномерно. Два горизонтальных явно выделяются как глаза и указываются как *вочки* самими неглюбчанами.

Наконец, у Неглюбки и ее соседей по геометрическому чину есть и третий тип «зрячих» фигур. Это горизонтальные цепи ромбов с отверстиями (либо с крестиками в отверстиях): *Калодка вочачками зделалася... У мяне гарлячка была на дзесяць вокаў.* Эти «многоочитые» цепи зовутся в целом *кывулі*, а в разновидностях и в синонимии названий соседних традиций – *валоўе вочы, коровськія вочы, вароннія вочы, сарочыя вочы, зязюліны вочы*. Изучение живости семантики этих существ в образах фольклора и обрядовой деятельности Неглюбки не оставляет сомнения в первоначально сакральном значении этих *вачэй*. Наличие оппозиции *сляпы / відушчы, відзяшчы, зоркі, з вокам, з глазам*, а также группа *сляпы, нямы, пусты, цёмны* попадают в мифологический контекст местных обрядов, гаданий, быличек. Так, *Той, што на мяжы жыве*, с указанием конкретной местности, оказывается невидимым отцом ребенка земной неглюбчанки. У нее рождается сын *увесь у поўсці, сляпы, вочак няма, толькі ямкі, а калі плача, з іх слёзы коцяцца...* *Невідзімцы, невідзімыя багатыры, дабрахожыя* – разряд мифологических существ нашего региона. Признаки невидимости и локализация активности / хождения *на раскрэсах, дзе ў іх вяселлі бываюць, на межгах, на дарогах* могут семантически дополнить нашу парадигму признаков наименований и употреблений узоров. Близко мифо-поэтическому образу восприятие орнаментального элемента *вядзьмедзь* (особый концентрический ромб с крюковатыми выступами): *Бач, і ланкі ё, і вушкі развесістыя! Вядзьмедзькі* по межам-границам орнаментальной композиции свадебного рушника, как и расположение орнамента медведя по межам-границам орнамента скатерти, головного платка, девичьей рубахи – соотносятся с мифологемой межи в данной традиции, что представляется архаичным. Признаки-наименования орнаментов *сляпы вядзьмедзь* и *кучарявы вядзьмедзь* соотносятся с мифологическими представлениями о медведе, с медвежьей символикой в неглюбской свадьбе и с эротическими шутками, когда мать жениха, в вывороченной шубе, заваливали в воротах, призывая: *Хадзіце, дзеці, медзьвядзя глядзеці!* Среди ромбических крюковатых знаков обнаружилось *глухія вядзьмедзі (бальшы глухі вядзьмедзь, мядзьведзі глухія сушчэленыя)*.

Парадигма орнаментальных признаков и их наименований включает тему слуха / голоса: *глухі / нямы*. Могила, на которой не плакали родственники покойника, в Неглюбке называется *безгалосай* и обрядово отмеченной. Скатерти с *лапамі* и *вядзьмедзьмі*, как и головные женские платки с говорящими хтоническими названиями, расстилают на Радуницу по всем могилам родственников, не ассоциируя сегодня связи между знаками медведя и божеством Нижнего мира. Рушники, осознавая их древнее значение (*рушнікі, эта ж дарога на неба...*), вешают на могильных крестах. Однако ритуальная траектория этих действий воспроизводит геометрию обращения к предкам с непременно участим ткани и угощения. Как и ситуацию архаичного истолкования примет в данном локусе / моменте. Так, на расстеленной скатерти на могиле матери неглюбчанки в Радуницу появилась ранняя по весне муха: *А то ж матка мая была...* Так же, как и непременно участие скатерти и рушника, а следовательно, и текста-орнамента, во всех обрядовых действиях, описанное в экспедиционных тетрадках Ветковского музея.

Показательно сравнение рядов фигур, их названий и образов невербальных культурных кодов – в синтагматике именованных элементов, в семантическом синтаксисе рушника. Композиция орнамента представляет текст и модель культурного пространства [13], вернее, хронотоп, с тенденцией к симметричному устройению пространства–времени [14]. Актуальны пространственно-семантические параметры границы / межи / края – промежу-

точного / срединного / ритуального пространства – сакрального центра. В основе орнаментальных построений и порядка лежат древнейшие оппозиции. Так, тема слепого / глухого / кривого, а также образов зрения-оберега от сглаза – это тема края. *Глуховачкі, глухоўкі* – ромбы краевых полос орнамента. Им отвечают *чаўны, чаўны і вуткі* (узкие длинные ромбы в сочетании с геометризованными *вуткамі*); *кывулі, цёмныя сцежкі* (цепи ромбов); *цёмныя капейкі* (глухие ромбы). В этих же краевых полосах орнамента размещаются крюковатые концентрические ромбы *глухія вядзмедзі*, ромбические с выступами *жабкі, зігзагі-кывулькі*. А также перечисленные нами цепи ромбов с семами волшебного вещего зрения: *вароннія вочы* и т. п.

В прицентровых полосах активизируются темы зрячего, зоркого, светлого, вплоть до астрального и солярного кодов. Здесь чаще всего в ромбах участие прямого крестика-*веряб'я*, по реконструкции знака огня. В транспортном коде сдвоенные цепи ромбов зовутся *калёсы / калессе / воз / калясачкі*. Противопоставляются прицентровые *калёсы* с крестами в сдвоенных ромбах (архетипически пиктограммы солнечной колесницы) – и краевые узкие ромбы *чаўны, чоўнакі* (транспорт нижний, от мифа до календаря и обряда). На краю, на межах стихийного / культурного пространств – *цёмныя калёсы*. В дубле названий оппозиция усиливается до «святого / тёмного»: *Богава дарога / цёмная сцежка, цёмныя пуці*.

Таким образом, анализ терминологии орнаментального фонда уникальной по сохранности локальной традиции ткачества приводит к выводу о действии в этой системе архаических невербальных культурных кодов. В роли словарных единиц, определяющих дифференцирующие признаки геометрических фигур орнамента, непременно возникают фразеологические единицы – полилексемные термины. Механизмы их образования обнажаются в образных поговорках локального характера, представляющих своеобразный герменевтический анализ. Для примера рассматривается пара стихийного / культурного в коде слепоты / зрения. Она одна из важнейших в системе семантических оппозиций, лежащих в основе древнеславянской картины мира – и в системе неглюбского орнамента. Между фразеологическим словарем такой терминологии, парадигматикой самих знаков и их синтаксисом в орнаментальной композиции обнаруживается многоуровневая семантическая связь структурного характера. Обращение к словарям, синтаксису и текстам «говорящей» традиции ткачества Неглюбки показывает единые основы образного языка – в обрядах, мифологических представлениях, фольклоре, орнаменте [15]. Они представляют богатый ресурс для восстановления достоверных подробностей ее картины мира, включая архаические слои.

Список использованных источников

1. Арнаменты Падняпроўя /аўт. тэкстаў Нечаева Г.Г. и інш.) – Мінск : Бел. навука, 2004. – 606 с.
2. Нячаева, Г. Р. Арнамент: прастора рэчы і мова традыцыі. Кашулі, галаўныя жаночыя “платкі” і абрусы / Г. Р. Нячаева // Навуковыя запіскі Веткаўскага музея народнай творчасці. – Гомель : ГДУ імя Ф. Скарыны, 2004. – С. 111–139.
3. Экспедиционные материалы Ветковского музея старообрядчества и белорусских традиций им. Ф. Г. Шклярова. Неглюбка. Т. 13; 14; 85; 87; 105. Записи С. И. Леонтьевой, Г. И. Лопатина, Г. Г. Нечаевой, Л. Д. Романовой. – 1979–2003 гг.
4. Топорова, Т. В. Семантическая структура древнегерманской модели мира / Т. В. Топорова. – М. : Радикс, 1994. – 202 с.
5. Амброз, А. К. Раннеземледельческий культовый символ («ромб с крючками») / А. К. Амброз // Советская археология. – 1965. – №3. – С. 11–22.
6. Нячаева, Г. Р. Арнаментальны знак “ромб” і яго асацыятыўныя мясцовыя назвы / Г. Р. Нячаева // VIII Навуковыя чытанні, прысвечаныя С. Некрашэвічу : зборнік навуковых артыкулаў у 2-х частках. – Ч. 2. – Гомель, 2007. – С. 229–234.

7. Толстой, Н. И. Язык и народная культура : очерки по слав. мифологии и этнолингвистике / Н. И. Толстой. – М. : Индрик, 1995. – 509 с.
8. Гура, А. В. Символика животных в славянской народной традиции / А. В. Гура. – М. : Индрик, 1997. – 912 с.
9. Урсу, Н. А. Древо жизни / Н. А. Урсу // Атеистические чтения. Вып. 20. – М. : Изд-во политической литературы, 1990. – С. 156–170.
10. Дробушевский А. И. Ромбы «целинные» и «засеянные». Геометрический чин знаков в археологических и этнографических памятниках / А. И. Дробушевский, Г. Г. Нечаева // Деснинские древности. Материалы межгосударственной научной конференции, посвященной памяти Ф. М. Заверняева. Вып. 5. – Брянск, 2008. – С. 24–33.
11. Дробушевский, А. И. «Иранский компонент» у северян и особенности этнографических тканей междуречья Сожа – Ипути / А. И. Дробушевский, Г. Г. Нечаева // Российско–Белорусско–Украинское пограничье: проблемы формирования единого социокультурного пространства – история и перспективы. – Брянск, 2008. – С. 57–62.
12. Символика килимов Стамбульского музея ковров [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://asian-lin.livejournal.com/13006.html> – Дата доступа : 18.09.2021.
13. Нячаева, Г. Р. Арнаментальныя кампазіцыі канцоў ручнікоў як мадэлі культурнай прасторы / Г. Р. Нячаева // Ткацтва. Зборнік матэрыялаў па беларускаму народнаму ткацтву. – Мінск, 1999.
14. Нечаева, Г. Г. Симметрия пространства и времени в рушнике. Семантика формы рушника / Г. Г. Нечаева // Матэрыялы абласной навукова-практычнай канферэнцыі “Ручнік як увасабленне традыцыйнай культуры беларусаў” (Віцебск, 29–31 кастрычніка 1996 г.). – Віцебск, 1998. – С. 20–23.
15. Нечаева, Г. Г. Тексты текстиля и мифологические мотивы / Г. Г. Нечаева // Славянская мифология и этнолингвистика : сборник научных статей / редкол.: В. И. Коваль (отв. ред.) [и др.]; М-во образования РБ, Гом. гос. ун-т. Ф. Скорины. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2015. – С. 197–202.

Abstract. The tradition of patterned weaving of Neglyubka (southeast of Belarus) is investigated in the context of its culture. The article deals with the implementation of the semantic opposition of blindness / vision in the specific terminology of the names of ornamental elements, an essential part of which are phraseological units. In parallel coding of form / meaning, the action of ancient cultural codes of a non-verbal nature is manifested. Data represent a rich resource for reconstructing the local version of the worldview.

Keywords: Neglyubka, tradition, names of ornamental elements, phraseological units, semantic opposition “blind / seeing”, picture of the world.

УДК 811.161.1’373:398.9:087.5

Т. Г. Никитина, Е. И. Роголёва

ЛИНГВОКУЛЬТУРОГРАФИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ РУССКИХ ПОСЛОВИЦ И ПОГОВОРОК МЛАДШЕМУ ШКОЛЬНИКУ

Аннотация. В статье обобщается отечественный опыт лингвокультурологического описания русских паремий в словарях, адресованных младшим школьникам. Особое внимание уделяется историко-этимологическому комментированию и репрезентации современного функционирования материала. Раскрываются принципы описания паремий в проектах Экспериментальной лексикографической лаборатории ПсковГУ.

Ключевые слова: паремиология, паремиография, лингвокультурология, лингвокультурология, пословица, школьный словарь пословиц.

Русские половицы и поговорки, обладающие огромным лингвокультурологическим потенциалом, все чаще становятся объектом описания в словарях, адресованных

младшему школьнику. Эти издающиеся и переиздающиеся большими тиражами словари и словарики, зачастую составленные непрофессионально, активно раскупаются родителями независимо от качества разработки материала, которое в такой ситуации никем не контролируется. Цель данной статьи – обобщить отечественный опыт лингвокультурологической репрезентации паремий в учебных словарях и представить методически и научно обоснованные и лингвокультурологические приемы их описания, реализуемые в проектах Экспериментальной лаборатории учебной лексикографии Псковского университета.

Лингвокультурологическая репрезентация пословицы или поговорки должна, на наш взгляд, включать такие параметры, как комментирование этнокультурно маркированных компонентов оборота, лингвокультурологически ориентированное его толкование, историко-этимологический комментарий, контекстуальное иллюстрирование особенностей функционирования в современных социокультурно значимых ситуациях. На материале поговорок, под которыми, вслед за В. М. Мокиенко, мы понимаем фразеологизмы-идиомы [1, с. 3], эта модель последовательно реализуется в учебных словарях В. П. Фелицыной и В. М. Мокиенко [2–5], ориентированных на старших школьников, а также иностранных студентов и активно используемых в педагогической и лексикографической практике [6–8].

В ходе анализа фразеологических словарей для младших школьников, изданных в 2000–2020 гг. [9–13], нами не выявлено ни одного источника, соответствующего требованиям научной достоверности при раскрытии культурного фона поговорок при их историко-этимологическом комментировании: недочеты в этимологизирующих формулировках и художественных иллюстрациях, допущенные составителями таких словарей, подробно рассмотрены нами в монографиях и научных статьях [14, с. 49–51; 15, с. 60–64; 16, с. 103–106; 17, с. 179–180]. Лингвокультурология пословиц в детских словарях, о чем и пойдет речь ниже, также не лишена недостатков, затрудняющих освоение этнокультурной специфики паремиологического материала.

Возникают вопросы к авторам детских словарей по поводу отбора паремий. Вряд ли оправданным с воспитательной и лингвокультурологической точек зрения является включение в словари для младших школьников таких единиц, как *Солдат спит – служба идет* [18, с. 155] или *Натура – дура, судьба – индейка, а жизнь копейка* [19, с. 72], как и иллюстраций, изображающих курящих персонажей (например, в статье «Сытый голодного не разумеет») [18, с. 158] или отчаянно дерущихся мальчика и девочку («До свадьбы заживет») [18, с. 54]. Вводят в заблуждение относительно аксиологического содержания и происхождения пословиц иллюстрации в статьях «Русская душа простор любит» (на рисунке медведь в крестьянской одежде, убивающий бревном стрекозу) [18, с. 141], «Сорока на хвосте принесла» (стая птиц, у одной из которых на шее спасательный круг с надписью «Спасайся сам») [18, с. 156], «Бодливой корове бог рогов не дает» (изображена агрессивная свинья с вилами) [20, с. 164].

Недостаточными представляются и комментарии лингвокультурологического плана, включающие, например, в словарях, составленных С. Н. Зигуненко [18] и Д. В. Недогоновым [20], толкование паремий и этимологическую информацию. Здесь уместными были бы и комментарии к отдельным компонентам пословиц – устаревшим лексическим единицам, этнографизмам, фольклоризмам и т. п., например, *коромысло* («Ремесло не коромысло, плеч не тянет») [18, с. 140], *сыр-бор* («Из искры сыр-бор разгорелся») [18, с. 77] или к целому прототипу паремии, отражающему ушедшие в прошлое реалии крестьянской жизни: например, в статье «Вскачь не напашешься» у С. Н. Зигуненко лингвокультурологический комментарий мог бы включать краткое описание процесса пахоты, где лошадь не должна скакать галопом. Однако приводимое автором пояснение доступно толкует паремию, но никак не раскрывает культурологически ценный пословичный образ: *ВСКАЧЬ НЕ НАПАШЕШЬСЯ. Не надо чересчур*

торопиться, «пороть горячку», от этого страдает качество, – намекает пословица. Важна не скорость исполнения того или иного дела, а тщательность. «Спешилка нужна лишь при ловле блох, а то разбегутся, – язвительно может добавить кто-то, указывая на орехи наскоро выполненной работы. И добавит: «Скоро только блины пекут», а твоя работа – «не блин испечь» [18, с. 39]. Добавим, что при таком отражении в словарной статье системных связей паремии уместным было бы отослать читателя к словарным статьям «Скоро только блины пекут», «Не блин испечь», в которых получит комментарий и этнокультурно маркированное сочетание *печь блины*, однако такие статьи в словаре отсутствуют и дополнительная лингвокультурологическая информация остается не раскрытой.

Нереализованность лингвокультурологического потенциала паремии на уровне ее компонентов и всего прототипического выражения при комментировании проиллюстрируем и материалом словарной статьи у этого же автора: *МОЯ ХАТА С КРАЮ. Полный текст пословицы таков: Моя хата с краю, ничего не знаю. Так говорят те, кто хочет подчеркнуть свою непричастность к какому-то делу или событию, чаще всего неприятному [18, с.104].*

В нашей лексикографической концепции экспликация этнокультурных и аксиологических компонентов содержания паремии является основополагающим принципом и реализуется с учетом фактора адресата – младшего школьника (уровень языковых и страноведческих знаний, особенности протекания познавательных процессов и т. п.). Так, статья «Моя хата с краю» в интерактивном словаре «Ума палата» [21] представляет южнорусскую и украинскую хату на фоне севернорусской избы, юрты, чума, вигвама (читатель посещает выставку детского рисунка «Такие разные дома»). Затем в формате компьютерной игры из множества хат он формирует деревню, при этом какие-то хаты все время остаются «с краю». Текст, сопровождающий такое конструирование, рассказывает о жизни деревни в те давние времена, когда появилась пословица, и подводит читателя к выводу о ее происхождении: хаты на окраине деревни строили приезжие, которые были не в курсе деревенских новостей и на вопросы незнакомого человека отвечали фразой, которая потом стала пословицей. Да и осторожные старожилы тоже могли использовать это выражение, чтобы не вступать в контакт с чужаками [21, с. 108–112].

Особое внимание уделяется в наших паремиографических проектах комментированию компонентов пословиц, которые оказываются ключевыми при интерпретации исходного значения паремий, которое не всегда корректно определяется в детских словарях. Так, Д. В. Недогонов отмечает, что пословица *Делу время, а потехе час* ведет происхождение со времен правления царя Алексея Михайловича, ссылается на его указ, в котором говорилось, что «нельзя разного рода забавам отдавать все свое время». Приводится и цитата из текста указа («не забывайте: делу время и потехе час»), в которой автор комментария не обращает внимания на соединительный союз *и*, который в современном варианте пословицы заменен противительным *а*.

Формат паремиологического словаря в рассказах позволяет нам детализированно представить эту пословицу и ее компоненты на разных этапах функционирования и более точно передать все нюансы сопровождавших это функционирование языковых преобразований. Так, из комментария к компоненту *час* читатель узнает, что в древнерусском языке это слово употреблялось в значении ‘время’, и с учетом этого делает вывод о первоначальном значении пословицы: всему свое время – и делу и развлечениям. Изложение этой информации от лица школьника, осмысляющего содержание паремии, делает лексикографический текст более привлекательным и убедительным для сверстников «рассказчика»:

Так хочется отдохнуть после школы! Но тут как тут бабушка: «Надо за уроки садиться! Делу время, потехе час!» Сначала я ей говорил, что час еще не прошёл, и она

засекала время. А теперь я знаю, как перевести эту поговорку с древнерусского языка: «делу – время, потехе – время»! И про количество времени ничего не говорится! Это аргумент в мою пользу! Молодцы наши предки – тоже любили развлекаться. Правда, поговорка имела у них такой смысл: всему своё время. Но это я бабушке пока не скажу (Сергей С., Псков) [22, с. 48–49].

Сюжеты таких рассказов основаны на реальных историях, которые в период педагогической практики собирают студенты, работающие с младшими школьниками. А работа с готовыми словарными материалами подтверждает эффективность этого лексикографического приема, стимулирующего познавательную активность школьников и мотивирующего их к осмыслению, в том числе критическому осмыслению, официальных этимологических версий, например, из словаря Д. В. Недогонова: *ТЯЖЕЛО В УЧЕНЬЕ, ЛЕГКО В БОЮ*. Эта фраза из бессмертной «Науки побеждать» великого русского полководца А. В. Суворова стала народной поговоркой [20, с. 200].

Вот как в нашем словаре [22] рассказчик-школьник уточняет этимологию выражения:

Тяжело в учении – легко в бою! Многие думают, что так своим солдатам говорил великий полководец Суворов. Но разве в бою может быть легко? Там ведь даже убить могут. Суворов говорил по-другому: «Легко в учении – тяжело в походе, тяжело в учении – легко в походе», а со временем его выражение трансформировалось. Это нам рассказал наш историк. Он даже чем-то похож на Суворова. И тоже Александр Васильевич. Но использует уже современный вариант поговорки. «Тяжело в учении – легко в бою», – так он говорит нам перед зачётом по теме [22, с. 99–100]. Далее в тексте представлены разные речевые смыслы поговорки, реализуемые и другими членами семьи рассказчика в актуальных для них ситуациях: сестре рассказчика тяжело на репетициях перед отчетным концертом, брату – в обучении на медицинском факультете – зато будет легко в профессии.

Такое привлечение современных ситуаций употребления паремий в значимых для школьников сферах (семья, школа, спорт, развлечения и т. п.) позволяет отразить особенности функционирования паремий, подготовить школьников к их использованию в реальной коммуникации, т. е. решить задачу, которую не ставят перед собой составители детских словарей поговорок, не иллюстрирующие паремии контекстами употребления [18–20].

Нельзя считать удачными и игровые речевые реализации поговорок в «научно-развлекательных» произведениях, как, например, в книге С. А. Лавровой, где ожившие поговорки ведут диалог, не дающий никакого представления об их реальном функционировании:

< ... > – Ничего себе горошек, – почесала в затылке поговорка «Кто надеется на небо, тот сидит без хлеба».

– Непонятно, почему стебель не падает, – подивилась поговорка «Что посеешь, то и пожнешь, что пожнешь, то и смолотишь».

– Так уже было в русской сказке, – вспомнил «Что летом родится, то зимой пригодится». – Горох высокий вырос, а старик по нему до неба слазил.

– Ага, отличная идея! – обрадовался «Кто первый сеет, тот первый и убирает» [23, с. 188–189].

Лингвокультурологическая ценность тематических словарей поговорок, которые также представлены изданиями, предназначенными младшим школьникам [19; 24], заключается в поговорочной репрезентации базовых концептов лингвокультуры, а также различных этноспецифических реалий окружающего мира, наименования которых вынесены в заголовки тематических разделов. При отсутствии толкований и комментариев особую значимость приобретает наполнение этих разделов, позволяющее при соответствующем уровне лингвокультурологической компетенции сделать выводы о поня-

тийном содержании, образной стороне и аксиологических установках, передаваемых материалом соответствующих фрагментов пословичной картины мира. Однако эта задача практически невыполнима в том случае, если критерии формирования тематических разделов не выдерживаются автором. Например, в словаре И. В. Ключиной при заявленном формировании тематических групп «по ключевым (опорным) словам, которые определяют смысловую нагрузку выражений» [19, с. 3], эти опорные слова определяются крайне субъективно, в результате чего в группу «Деревня» наряду с пословицами *Деревня богата, так и город богат; Деревня родима краше Москвы* и т. п. попадает выражение *Пришел сон из семи сёл, пришла и лень из семи деревень* [19, с. 20], в группу «Лес» включаются пословицы *Работа не волк, в лес не убежит; Волков бояться – в лес не ходить* и т. п. [19, с. 36–37], к пословицам о матери (*Мать кормит детей, как земля людей; Сердце матери – вещун* и т. п.) относятся и паремии *Праздность – мать всех пороков; Усердие – мать удачи; Матушка-рожь кормит всех сплошь* и т. п.) [19, с. 40–41]. И даже при корректном тематико-стержневом расположении материала, например, у О. Д. Ушаковой [24], для адекватного осмысления младшим школьником всей полноты этнокультурного фона паремий явно не хватает хотя бы кратких лингвокультурологических комментариев.

Оптимальным приемом учебной лингвокультурологической интерпретации группы паремий, общих по тематической принадлежности, является, на наш взгляд, их комплексное описание в лингвокультурологическом тексте-комментарии. Так, в словаре «Пословицы в русской речи» [22] статья «Хлеб – всему голова» помимо этой заголовочной единицы включает описание паремий *Хлеба ни куска – и в избе тоска; Хлеб – батюшка, водица – матушка; Земля – матушка, а хлеб – батюшка; Ржаной хлебушко – калачу дедушка; Ржаной хлебушко – калачу дедушка*, а рассказ-комментарий ведется от лица школьницы, побывавшей на экскурсии в Музее хлеба [22, с. 108–109]. В статье «Жениться – не воды напиться» лингвокультурологическая интерпретация заголовочной паремии, а также пословиц *Не ищи красоты, а ищи доброты* и *Стерпится – слюбится* включается в полилог членов семьи, обсуждающей подготовку к свадьбе старшего сына и вспоминающей семейные традиции прошлого, отразившиеся в пословицах [22, с. 57–58]. Тему дружбы в паремиологическом отображении (пословицы *Не имей сто рублей, а имей сто друзей; Друзья познаются в беде; Сам погибай, а товарища выручай* и др. – статья «Не имей сто рублей, а имей сто друзей») представляет ребята школьная учительница, хорошо разбирающаяся в музыке и цитирующая в дополнение к пословицам современные рэп-композиции, посвященные дружбе и друзьям [22, с. 80–81].

Таким образом, разработка словарей пословиц, адресованных младшим школьникам, требует от составителей профессионального подхода к параметризации материала в лингвокультурологическом плане, использования опыта отечественной лингвокультурологии, накопленного в сфере словарной репрезентации паремий, учета познавательных потребностей и способностей ребенка. Представленные в данной статье модели лингвокультурологического словарного описания паремий, используемые в проектах Экспериментальной лаборатории учебной лексикографии Псковского университета, прошедшие широкую апробацию и получившие положительные отзывы в научной и педагогической среде, могут быть использованы составителями при разработке детских словарей пословиц.

Список использованных источников

1. Мокиенко, В. М. Большой словарь русских поговорок / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. – М. : ОЛМА Медиа Групп, 2013. – 784 с.
2. Фелицына, В. П. Русские фразеологизмы : лингвострановедческий словарь / В. П. Фелицына, В. М. Мокиенко. – М. : Рус. яз., 1990. – 220 с.

3. Фелицына, В. П. Школьный фразеологический словарь русского языка / В. П. Фелицына, В. М. Мокиенко. – М. : ЭКСМО-Пресс, 2002. – 704 с.
4. Фелицына, В. П. Фразеологический словарь для школьников / В. П. Фелицына, В. М. Мокиенко. – СПб. : Норинт, 2005. – 512 с.
5. Мокиенко, В. М. Школьный словарь живых русских пословиц / В. М. Мокиенко. – СПб. : Нева, 2002. – 352 с.
6. Бинь, Ч. Концепт «богатство» в русских поговорках / Ч. Бинь // Русский язык в XXI веке: исследования молодых : мат-лы VI междунар. науч. конфер. – Сургут : Сургутский государственный педагогический университет, 2019. – С. 80–81.
7. Никитина, Т. Г. Русские пословицы в современном социокультурном контексте: к вопросу о составе паремнологического минимума / Т. Г. Никитина // Международный научно-исследовательский журнал. – 2015. – № 10–5 (41). – С. 87–89.
8. Мамонтов, А. С. Лингвострановедческий учебный словарь для монгольских граждан: специфика представления материала / А. С. Мамонтов, Э. Цэдэндоржийн, В. В. Богуславская // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. – 2019. – Т. 18. – № 1. – С. 74–85.
9. Волина, В. В. Фразеологический словарь / В. В. Волина. – СПб. : Дидактика Плюс, 2001. – 256 с.
10. Розе, Т. В. Большой фразеологический словарь для детей / Т. В. Розе. – М. : Абрис ОЛМА, 2019. – 224 с.
11. Ставская, Г. М. Учусь понимать образные выражения: Фразеологический словарь : пособие для учащихся нач. шк. / Г. М. Ставская. – М. : Дрофа, 2002. – 224 с.
12. Ушакова, О. Д. Почему так говорят: Фразеологический словарь школьника / О. Д. Ушакова. – СПб. : Издательский Дом «Литера», 2004. – 96 с.
13. Волков, С. В. Уникальный иллюстрированный фразеологический словарь для детей / С. В. Волков. – СПб. : Сова, 2009. – 222 с.
14. Роголёва, Е. И. Современная учебная фразеография: теория и практика / Е. И. Роголёва. – Псков : ООО ЛОГОС Плюс, 2014. – 344 с.
15. Роголёва, Е. И. Современные проблемы словарного описания русских фразеологизмов / Е. И. Роголёва. – Псков : ООО ЛОГОС Плюс, 2015. – 312 с.
16. Роголёва, Е. И. Художественная иллюстрация как средство лексикографической интерпретации фразеологического образа в учебном словаре для детей / Е. И. Роголёва // Педагогика искусства. – 2016. – № 2. – С. 102–108.
17. Роголёва, Е. И. Учебный фразеологический словарь как средство социокультурной адаптации младших школьников / Е. И. Роголёва // Герценовские чтения. Начальное образование. – 2013. – Т. 4. – № 2. – С. 179–186.
18. Уникальный иллюстрированный толковый словарь пословиц и поговорок для детей / авт.-сост. С. Н. Зигуненко. – М. : АСТ : Астрель, 2010. – 206 с.
19. Пословицы, поговорки и крылатые выражения: Начальная школа / сост. И. В. Ключина. – М. : ВАКО, 2009. – 96 с.
20. 7 иллюстрированных словарей русского языка для детей в одной книге / авт.-сост. Д. В. Недогонов. – М. : АСТ–Астрель: Полиграфиздат, 2012. – 207 с.
21. Роголёва, Е. И. Ума палата. Детский фразеологический словарь / Е. И. Роголёва, Т. Г. Никитина. – М. : Изд. Дом Мещерякова, 2014. – 192 с.
22. Ая, У. Пословицы в русской речи. Учебный словарь с комментариями на эстонском языке / У. Ая, Т. Г. Никитина, Е. И. Роголёва. – Псков : Логос, 2012. – 124 с.
23. Лаврова, С. А. В главных ролях – пословицы! / С. А. Лаврова. – М. : Изд. Дом Мещерякова, 2019. – 208 с.
24. Ушакова, О. Д. Пословицы, поговорки и крылатые выражения. Словарик школьника / О. Д. Ушакова. – СПб. : Литера, 2021. – 96 с.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №20-18-00091 «Мир восточных славян в паремнологической интерпретации: аксиологические доминанты и их лингвокультурнографическая репрезентация», реализуемый в Санкт-Петербургском государственном университете).

Abstract. The article summarizes the domestic experience of linguoculturological description of Russian proverbs in dictionaries addressed to younger schoolchildren. Special attention is paid to the historical and etymological commentary and representation of the current functioning of the material. The principles of describing proverbs in the projects of the Experimental Lexicographic Laboratory of Pskov State University are revealed.

Keywords: paremiology, paremiography, linguoculturology, linguoculturography, proverb, school dictionary of proverbs.

УДК 811.161.1'316.752'373.4

Е. В. Ничипорчик

МИР ЧЕЛОВЕКА В ПАРЕМИОГРАФИЧЕСКОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИХ РЕШЕНИЯ

*Я всегда надеюсь на то, что, беспристрастно рассматривая свои суждения
с точки зрения других, мне удастся найти нечто третье,
что будет лучше, чем мое предыдущее решение.*

Иммануил Кант

Аннотация. В статье сопоставляется философское и паремиографическое решение вопроса о том, что лежит в основе познания мира человеком. Объясняется преимущество тематической организации паремиологических словарей. Обосновывается необходимость создания академических электронных словарей пословиц и поговорок. Систематизируются данные о содержании словарных статей в электронном словаре и инструментах, способствующих оптимизации работы с паремиологическим материалом.

Ключевые слова: человек, мир, ценности, словарь, тематический словарь, электронный паремиологический словарь, структура словаря, инструменты словаря.

Мир человека, внутренний и внешний, до бесконечности разнообразен и личностно неповторим, в то же время на протяжении всей истории развития философской мысли для выяснения природы человека предпринимались попытки создания некоторого собирательного образа человека. И если Иммануил Кант, отвечая на ключевой вопрос философской антропологии «*Что такое человек?*», приходил к выводу о детерминированности познавательной и практической деятельности человека трансцендентальными, выходящими за пределы чувственного опыта, принципами разума [1, с. 160–162], то другой немецкий мыслитель Макс Шелер, заложивший основы феноменологической аксиологии, в сущностном строении человека видел приоритет чувственных актов перед познанием [2, с. X, XI]. «Не те вещи и свойства, которые способен познать человек, определяют и ограничивают его целостный мир, – пишет М. Шелер, – но именно его ценностно-сущностный мир устанавливает пределы и определяет доступное его познанию бытие, и, словно остров, поднимает его из мира бытия. Чем пленялась душа его, там всякий раз и оказывается для него «сердцевина» так называемой «сущности» вещей <...> Его фактический этос, т. е. правила предпочтения одних ценностей и небрежения другими, определяет также структуру и содержание его мировоззрения, познания мира, мышления о мире, а к тому же его волю к самоотдаче вещам или к господству над ними. Это имеет силу для индивидов и рас, наций, культурных кругов, народов и семей, партий, классов, каст, сословий. Внутри общезначимого человеческого порядка ценностей каждой особой форме человечности предназначены определенные качественные сферы ценностей, и только их гармония, их смыкание в строении общей мировой культуры способно изобразить всё величие и широту человеческой души» [3, с. 353]. Обращение к такой объемной цитате в начале наших рассуждений о том, каким образом

должен структурироваться словарь пословиц любого языка, чтобы паремиологическая картина мира получала зримые очертания, и какими хотелось бы видеть современные паремиологические словари вообще, объясняется тем, что выраженные М. Шелером мысли проливают свет на организующие начала паремиопространств, стимулы, лежащие в основе порождения паремий, и причины распространения провербиальных идей во времени и пространстве.

Не менее важными для объяснения феномена паремиологических единиц в человеческой культуре и принципов организации паремиологического пространства являются идеи философа М. Шелера о проявлении в «мире ценностей» разного рода антиномий: случайного и сущностного, изменчивого и постоянного, логически конструируемого и фактического, общечеловеческого и индивидуального: «Конечно, порядок сердца не содержит упорядочения всех фактических благ и зол, которые мы способны любить и ненавидеть, – подчеркивает М. Шелер. – Напротив, даже в мире ценностей и благ и отнесенных к ним актов любви имеется основополагающее различие между случайными, а потому изменчивыми, и сущностными, или постоянными, закономерностями шкалы рангов и предпочтения. Сущностные и постоянные законы порядка рангов и законы предпочтения имеются лишь применительно к оторванным от их случайных, реальных носителей ценностным качествам и сферам их модальности, в то время как комбинация этих качеств, в которую они вступают в фактических благах, их присутствие (Dasein) или неприсутствие (Nichtdasein) в фактической системе благ какого-то человека или союза, их ощутимость для определенного круга людей, способ их распределения на действительное присутствие наличных вещей, их становление или нестановление нормами воли и целями воли может произвольно меняться от субъекта к субъекту, от эпохи к эпохе, от союза к союзу» [3, с. 364].

Игнорирование противоречий в мире человека, происходящих от противоречивости самой природы ценностей, создает серьезные препятствия для объективного оценивания современных лингвоаксиологических и лингвокультурологических концепций. В частности, в условиях множественных конфликтов, развивающихся на национальной почве, антигуманных акций террористов и религиозных фанатиков под сомнение может быть поставлен тезис о наличии общечеловеческих ценностей, а следовательно, и тезис о том, что тождество аксиологем, представляющих различные лингвокультуры, может быть объяснено совпадениями в системах этнических ценностей. В связи с изменчивостью ценностных приоритетов и амбивалентностью оценок, которая наблюдается при объективации содержания важнейших лингвокультурных концептов, небесспорным видится выявление аксиологических доминант как в культуре каждого отдельного этноса, так и в человеческой культуре в целом. С другой стороны, можно усомниться также и в национальной специфике фактов той или иной лингвокультуры, объективирующих ценностные ориентации членов этнического сообщества, если учесть, что семиозис характеризуется постоянным взаимодействием культур.

Чтобы преодолеть возможные крайние проявления скепсиса, по-видимому, нужно априори делать скидку на некоторую степень относительности устанавливаемых закономерностей в языковом отражении «царства ценностей», учитывать, что ценностная картина мира, на основании которой лингвист конструирует концептосферу того или иного этноса, – это, по определению Н. Д. Арутюновой, идеализированная модель мира: «Она не столько познается, сколько создается. Ее творцом является человек, и это дает ему право на варьирование» [4, с. 180].

Какой же видится составителю словаря картина мира, сотканная из десятков тысяч паремий – «устойчивых выражений, объективирующих ценностное отношение к сущему с позиций обыденного сознания» [5, с. 1].

Удивительная исследовательская интуиция В. И. Даля, долгая и кропотливейшая работа с материалом при осмыслении структуры будущего словаря позволили его со-

ставителю так сформулировать свое «паремиографическое» кредо: «Человек должен явиться здесь таким, каков он вообще, на всем земном шаре, и каков он, в частности, в нашем народе» [6, с. 10]. «В этом сборнике, который не есть катехизис нравственности, ниже наказ обычаям и общежитию, именно должны сойтись народная премудрость с народной глупостью, ум с пошлостью, добро со злом, истина с ложью», – объясняет свой замысел В. И. Даль [6, с. 10]. Поднимаясь над частным и случайным, В. И. Даль уловил то общее, что цементирует всё паремиологическое пространство – систему ценностных и антиценностных координат, систему противопоставленных и соположенных сущностей, многие из которых впоследствии были возведены Г. Л. Пермяковым в ранг логико-тематических «стержней» разноязычных провербов [7, с. 107–118]. Назвав тематические объединения паремий «Бог – Вера», «Богатство – Убожество», «Правда – Кривда», «Былое – Будущее», «Родина – Чужбина», «Народ – Язык», «Муж – Жена», «Здоровье – Хворь», «Работа – Праздность», «Ремесло – Мастерской» и т. п. и обнажив таким образом «внутри» пословиц в перечне тем словаря, В. И. Даль вручил пользователям словаря своеобразный «путеводитель» по миру человека в паремиологической интерпретации: «При таком расположении довольно полного сборника я уже не только тешусь острою той либо другой пословицы, но вижу в них одну общую и цельную картину, в которой есть более глубокий смысл и значение, чем в одиночных заметках. <...> А чего нет в приговорах этих, то и в насущности до народа не доходило, не заботило, не радовало и не печалило его» (выделение автора – Е. Н.) [6, с. 15]. Разумеется, эта мысль В. И. Даля неоднократно цитировалась паремиологами, но хочется вновь ее актуализировать, чтобы найти в ней подтверждение философской, умозрительной идеи М. Шелера об обусловленности пределов познания бытия «ценностно-сущностным» миром человека.

Какие же темы должны найти отражение в структуре паремиологического словаря? Что подсказывает многовековой опыт составления тематических словарей?

Очевидно, что тематическое членение паремий в том или ином их словарном собрании зависит прежде всего от того, какую цель ставит перед собой паремиограф: представить все богатство национального паремиофонда, личный / диалектный или иной социально или концептуально ограниченный паремиофонд.

Если паремиограф стремится к максимальной полноте сборника, то оптимальной видится не одноуровневая, а многоуровневая организация словаря. В одной из своих прежних работ мною были описаны в сопоставлении структуры двух равнообъемных тематически организованных паремиологических словарей (словаря В. И. Даля [8] и словаря В. Боджоне, Л. Массобрио [9]) и показано, какие преимущества дает многоуровневая тематическая организация словаря, какие инструменты позволяют вскрыть внутренние связи паремий и преодолеть трудности, связываемые с политематичностью некоторых провербиальных выражений [10].

Сопоставительное исследование ряда разноязычных (русских, белорусских, итальянских, немецких) тематически организованных словарей позволило выявить общие сферы паремиологической концептуализации: 1) среда обитания человека; 2) физическое в природе человека; 3) быт и материальные интересы человека; 4) трудовая деятельность человека; 5) человек и его семья; 6) общество, государство, мир и человек; 7) мораль и психический мир человека; 8) духовная жизнь человека [11, с. 27; 5, с. 39]. Эти сферы дают системное представление о содержании разноязычных паремий, а значит, могут быть использованы в качестве концептуальной основы для дифференциации крупных тематических блоков в многоязычном словаре.

Полагаю, что сейчас, как никогда, актуальна задача составления многоязычных паремиологических словарей, так как решение этой задачи призвано продемонстрировать «единство многообразия культур» [12]. Понимание важности решения этой задачи подвигает паремиографов к объединению усилий для создания уникальных по замыслу

словарей. Таким словарем, по идее научного коллектива, возглавляемого профессором Санкт-Петербургского государственного университета В. М. Мокиенко, будет словарь, в котором найдут отражение аксиологические доминанты мира восточных славян, выявленные посредством сопоставительного изучения пословиц русского, белорусского и украинского языков.

В обосновании Проекта «Мир восточных славян в паремиологической интерпретации: аксиологические доминанты и их лингвокультурологическая репрезентация» В. М. Мокиенко подчеркивает: «Последовательный лингвоаксиологический сопоставительный анализ, который будет осуществлен на максимально полном паремиологическом материале, накопленном как многолетними усилиями исполнителей проекта, так и составителями украинских и белорусских паремиологических собраний, фольклористами и этнографами, позволит определить квоту общего и различного в паремиологических системах современных восточнославянских языков. <...> Такая постановка и решение предлагаемой проблемы имеет научную и общественную значимость на фоне известного пересмотра генезиса восточнославянского языкового пространства, общность и единство которого подвергается сомнениям» [13]. Действительно, сопоставление наиболее полных собраний разноязычных паремиологических единиц, позволит, по мнению В. М. Мокиенко, не только чётко отграничить «концептуальную универсальность большинства пословиц от их формально-языковой (resp. компонентной) национальной маркированности», но и дать «объективную диагностику ценностной составляющей паремиологического фонда восточнославянских языков» [13]. Соглашусь и с другой мыслью В. М. Мокиенко, которая выражена в отзыве о монографии автора данных строк (монография посвящена выявлению ценностно-ориентационного единства продуцентов разноязычных паремий [11]): выводы о доминантных направленностях человеческого интереса в паремиопространствах и особенно об отличиях в ценностных предпочтениях продуцентов разноязычных паремий нужно делать с очень большой осторожностью и обязательно с учетом того, что исследовательским данным, получаемым методом статистического анализа паремийного материала, свойственно характеризоваться определенной долей релятивности [14, с. 175,176].

В европейском культурном пространстве уже накоплен значительный паремиографический опыт, демонстрирующий множественные совпадения проverbsиальных идей в разноязычных паремиях. Это – уникальное собрание пословиц (общих для 55 европейских и ряда азиатских языковых культур), составителем которого является Дж. Паджолой [15], коллекция европейских эквивалентных пословиц Э. Штрауса [16], семьязычное собрание европейских пословичных аналогов А. Артхабера [17], многоязычная коллекция паремий К. Григаса [18], собрание славянских пословиц с английскими аналогами М. Ю. Котовой [19] и многие другие мультилингвальные паремиологические словари. Отрадно отметить, что сейчас паремиографическая практика обретает новые контуры в связи с тем, что составлением подобных словарей занимаются целые коллективы, и все очевиднее становится, что современный паремиологический словарь должен создаваться в новых форматах.

Если идти в ногу со временем, то ответ на вопрос, каким должен быть современный паремиологический словарь, очевиден: это должен быть электронный словарь. К сожалению, бумажные версии словарей, издаваемые в разных странах, оказываются по большей части недоступными для зарубежного читателя, да и изданные в своем отечестве словари не всегда оказываются доступными для тех, кто ставит своей задачей изучение паремий.

Оцифрованные версии печатных словарей не могут быть использованы для оптимального решения исследовательских задач. Во-первых, многие оцифрованные словари размещаются на сайтах с нарушением авторских прав, иногда не указываются даже имена составителей и выходные данные печатной версии словаря, более того, материа-

лы того или иного словаря могут подаваться с искажением действительной структуры словаря (см., к примеру, не соответствующее авторскому замыслу алфавитное расположение тематических объединений в словаре В. И. Даля на сайте hobbitaniya.ru). Во-вторых, некоторые электронные собрания паремий составляются неспециалистами, неизвестны источники, из которых черпаются включенные в словарь выражения, наблюдается некорректное толкование значений провербов (как, например, в электронном словаре русских пословиц и поговорок, размещенном на сайте skazka-dubki.ru). В-третьих, не все подобные электронные словари снабжены поисковыми инструментами, ради которых, собственно, и должны создаваться электронные словари.

Но, согласитесь, все мы нередко обращаемся к подобного рода ресурсам, так как это экономит время. Хорошие базы данных позволяют практически мгновенно сопоставить информацию о той или паремии, представленную в разных словарях. Такой базой является, к примеру, библиотека «Электронные словари и энциклопедии на Академике» (academic.ru). Вот какую информацию об этой библиотеке можно найти в Интернете: «“Academic.ru” – интернет-сервис для поиска информации по базе словарей, энциклопедий, книжных магазинов и фильмов. Материалы приведены без соблюдения авторских прав, тем не менее сайт часто используется в ссылках на словари и энциклопедии. Расположение сервера – Германия. Автор – Иван Иванович Кузьмин» [20]. Аналогичным энциклопедическим электронным агрегатором является ресурс с самопровозглашенным статусом научной библиотеки, названной «Наука. Искусство. Величие» (<http://niv.ru/articles/copyright.htm>). Однако этот ресурс, как и многие другие частные электронные библиотеки, грешит искажением названий словарей, ошибками в именах и фамилиях авторов словарных собраний (см., к примеру, список словарей и их авторов, который приводится по ссылке «Русский язык» – <http://niv.ru/#r25>).

Чтобы преодолеть распространение такого рода практик, специалисты сами должны стремиться к созданию электронных словарей и размещению их на сайтах вузов или личных сайтах. Примером создания электронной версии словаря может служить ресурс с фундаментальным словарем немецких устойчивых выражений К. Вандера [21]. Словарь снабжен гиперссылками ключевых слов, связанными с составом паремий в каждом из гнезд, удобными инструментами поиска паремий с заданным компонентом по всему словарю и указанием количества паремий в сгенерированных машиной списках, возможностью копирования выражения с точным его адресом в структуре словаря и другими полезными инструментами. Несмотря на то что К. Вандер в ряде случаев приводит иноязычные соответствия немецким выражениям, данный словарь все же нельзя отнести к многоязычным.

Своеобразным примером многоязычного электронного паремиологического словаря является словарь «Refranero multilingüe», созданный (и работа над словарем, по видимому, продолжается) большим многонациональным коллективом ученых под руководством профессора кафедры французской филологии Мадридского университета Севильи Муньос [22]. Сайт, на котором размещен словарь, имеет все необходимые для использования его ресурсов в научных целях сведения: состав авторов, перечни источников устойчивых выражений (а это в основном пословицы), алфавитный список пословиц с гиперссылками, дидактический блок и др. Переход по гиперссылке открывает окно с информацией, включающей значение устойчивого выражения, его жанровую принадлежность, ключевые идеи, значение, источники, лингвокультурологический комментарий, контекстуальные употребления, индекс частотности. Есть в словаре и серия гиперссылок второго порядка, отсылающих к вариантам выражения, его контекстуальным употреблениям и иноязычным аналогам. Словарь отражает наличие содержательных параллелей в 21 языке, среди которых, испанский, каталанский, галисийский, баскский, португальский, английский, немецкий, французский, итальянский, русский, польский, румынский, венгерский, новогреческий, древнегреческий, китайский и др.

В перечнях использованных источников, кроме печатных словарей, можно увидеть ссылки на электронные ресурсы. Обращает на себя внимание тот факт, что, например, для поиска русских эквивалентов наряду с академическими словарями фразеологизмов и пословиц использовались электронные ресурсы, созданные любителями, например «Пословицы и поговорки дореволюционного и советского времен» П. Гросса, Е. Счастливецовой [23].

Интерфейс электронного паремиологического словаря «Refranero multilingüe» не дает возможности сформировать общее представление о содержании межъязыковых коррелятов, то есть не проливает свет на содержание провербов, стянутых в одно мультилингвальное пространство, как, например, это можно наблюдать в тематически организованном шестязычном словаре пословиц Ежи Глуского [24]. У пользователя электронного паремиологического словаря «Refranero multilingüe» в общем обозрении только алфавитный перечень испанских паремий, каждая из которых создает свое «гнездо» отношений.

Очевидно, что создание электронного провербиального мультитрана с тематическим сводом разноязычных провербиальных единиц возможно. Разумеется, созданию таких словарей должна предшествовать кропотливая работа по сбору данных, практическая реализация концепций, аналогичных концепции паремиологического словаря восточных славян, предложенной В. М. Мокиенко. Необходима опора и на такие методики, которые позволят дифференцировать константное и вариативное, архаичное и живое в национальных паремиофондах. Критически оценивая некоторые многоязычные словари, Ю. В. Николаева (один из участников проекта «Refranero multilingüe») обращает внимание на то, что нередко многоязычный паремиологический словник «пестр, как лоскутное одеяло», так как «включает в себя и давно вышедшие из употребления, и существующие в современном узусе пословицы, при этом значимые языковые особенности паремий, предопределяющие их функционирование в текстах, никак не комментируются» [25, с. 274].

Ю. В. Николаева предлагает активнее привлекать для формирования многоязычных паремиолексиконов данные национальных корпусов [25, с. 278]. О том, какие частные задачи могут быть решены паремиографами при обращении к корпусным данным, говорят и другие исследователи [26; 27]. Целесообразным видится снабжение многоязычного паремиологического словаря макросами, связывающими с базами данных национальных корпусов, как это, к примеру, реализовано в словаре коллокаций Г. И. Кустовой [28].

Нельзя не согласиться с паремиографами, которые считают, что в словарной статье должна содержаться исчерпывающая информация о бытовании паремии: истории ее возникновения, канонических и окказиональных вариантах, степени востребованности единицы в речи носителей языка. Удобная система словарных помет, свидетельствующих о степени употребительности паремий, степени содержательного соответствия иноязычных аналогов, принята в словарях «Deutsch-Russische Sprichwörter. Historisch-etymologisches Wörterbuch mit europäischen Parallelen» [29], «Русско-немецко-польский словарь активных пословиц (с иноязычными параллелями и историко-культурным комментарием)» [30]. Материалы названных словарей, а также двухтомного русско-белорусского словаря пословиц Е. Е. Иванова [31], русско-белорусского паремиологического словаря Е. Е. Иванова и В. М. Мокиенко [32], многоязычного паремиологического словаря Ю. А. Петрушевской [33], паремиологические базы данных, формируемые двумя научными коллективами Санкт-Петербургского государственного университета (проект № 20-18-00091, проект № 20-012-00105/21) и научным коллективом Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины (государственная регистрация проекта №20212044) вполне могут быть использованы для создания объединенным коллективом паремиографов электронного словаря славянских паремиоло-

гических параллелей – славянского паремиологического мультитрана. Электронная версия многоязычного словаря славянских паремий даст новую жизнь исходным печатным версиям словарей в связи с нахождением гораздо большей аудитории читателей.

Итак, в качестве заключения подчеркнем, что в настоящее время благодаря плодотворной деятельности многих паремиографов сформировано достаточно четкое представление о том, каким должен быть современный электронный словарь паремий, в том числе и паремиологический мультитран. В соответствии с уже сформированными традициями оптимальной видится такая словарная статья, в которой содержатся следующие информационные блоки:

1) системообразующий; в этот блок входят цифровые и буквенные индексы, указывающие на место паремии в общем корпусе выражений; в качестве системообразующих операторов выступают а) наименования тематических объединений, б) имена стержневых концептов, объективированных в содержании паремий; в) ключевые слова;

2) парадигматический; блок представлен вариантами, в которых бытует устойчивое выражение; синонимичными и антонимичными паремиями;

2) семантический; в блоке определяется значение паремии;

3) прагматический; в блоке содержится толкование назначения паремии с опорой на структуру типичной ситуации: кому – в каких случаях – с какой целью адресуется паремия; указываются стилистические коннотации паремии;

4) историко-этимологический; подается информация о происхождении паремии (при возможности установления), истории распространения;

5) культурологический; содержится объяснение внутренней формы паремии, символического смысла кодов культуры; комментируется значение этнически маркированной лексики в составе устойчивых выражений;

б) мультилингвальный: приводятся иноязычные аналоги;

7) функциональный; указывается частотность употребления паремии в национальном корпусе, в живой речи; определяется степень подверженности трансформациям, приводятся зафиксированные в словарях трансформы;

8) библиографический; паремия паспортизируется, важной является индексация всех паремиологических собраний, в которых было зафиксировано выражение, наиболее последовательно эта задача решена, к примеру, в паремиологической трилогии, созданной под руководством профессора В. М. Мокиенко (см., например, «Большой словарь русских пословиц» [34]).

Электронный словарь должен характеризоваться наличием тематического путеводителя. Тематической (или идеографической) может быть и организация электронных фразеологических словарей. Тематическую организацию имеет, к примеру, печатный словарь-справочник «Русская фразеология» Р. И. Яранцева; словарь снабжен также алфавитным указателем фразеологизмов с индексами, указывающими на тематическую принадлежность устойчивых выражений [35].

Увеличение общего числа электронных фразеологических словарей в интернет-пространстве свидетельствует об их востребованности. Жаль, что правообладание на такие версии словарей зачастую не учитывается.

Главным достоинством электронных словарей является возможность использования ряда инструментов, способствующих оптимизации работы с паремиологическим материалом, к числу таких инструментов относятся:

1) тематические гиперссылки или инструменты тематического стягивания паремий в единый свод, выборки паремий определенной тематической принадлежности;

2) инструменты поиска и генерирования списков паремий по ключевому слову с сохранением индексов, отражающих тематическую принадлежность паремий;

3) инструменты поиска паремий по наличию определенного компонента с сохранением индексов, отражающих тематическую принадлежность паремий;

- 4) инструменты автоматического подсчета паремий в сгенерированных машиной списках и расположения паремий в алфавитном порядке;
 - 5) инструменты копирования сгенерированных машиной списков;
 - 6) инструменты связи паремии с ее семантическими, прагматическими, историко-этимологическими, функциональными характеристиками;
 - 7) инструменты связи паремии с ее контекстуальными употреблениями;
 - 8) инструменты связи паремии с ее синонимами, антонимами, иноязычными аналогами;
 - 9) инструменты автоматического перевода операционного аппарата.
- Надеемся, что в ближайшем будущем мы сможем объединить усилия научных коллективов для создания действительно академических электронных версий паремиологических словарей, в том числе и для создания славянского паремиологического мультитрана.

Список использованных источников

1. Кротикова, Т. И. Философская антропология Иммануила Канта и Макса Шелера / Т. И. Кротикова // Материалы Международного конгресса, посвященного 280-летию со дня рождения и 200-летию со дня смерти Иммануила Канта. – М. : ИФ РАН, 2005. – С. 159–167.
2. Денежкин, А. В. От составителя / А. В. Денежкин // М. Шелер. Избранные произведения : пер. с нем. ; пер. А. В. Денежкина, А. Н. Малинкина, А. Ф. Филлипова ; под ред. А. В. Денежкина. – М. : Гнозис, 1994. – С. VII–XII.
3. Шелер, М. *Ordo amoris* / М. Шелер // М. Шелер. Избранные произведения : пер. с нем. ; пер. А. В. Денежкина, А. Н. Малинкина, А. Ф. Филлипова ; под ред. А. В. Денежкина. – М. : Гнозис, 1994. – С. 339–377.
4. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – 2-е изд., испр. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1999. – 896 с.
5. Ничипорчик, Е. В. Отражение ценностных ориентаций в паремиях: лингвокогнитивный, сопоставительный и социопсихолингвистический аспекты : автореф. дис. ... докт. филол. наук : 10.02.19 / Е. В. Ничипорчик; Белорусский гос. ун-т. – Минск, 2016. – 54 с.
6. Даль, В. И. Напутное // В. И. Даль. Пословицы русского народа. – М. : Изд-во Эксмо, Изд-во ННН, 2005. – С. 5–16.
7. Пермяков, Г. Л. О смысловой структуре и соответствующей классификации пословицных изречений / Г. Л. Пермяков // Г. Л. Пермяков. Основы структурной паремиологии. – М. : Наука, 1988. – С. 107–134.
8. Даль, В. И. Пословицы русского народа / В. И. Даль. – М. : Изд-во Эксмо, Изд-во ННН, 2005. – 616 с.
9. Boggione, V. *Dizionario dei proverbi. I proverbi italiani organizzati per temi* / V. Boggione, L. Massobrio. – Torino : UTET, 2007. – 654 p.
10. Ничипорчик, Е. В. Тематический принцип составления паремиологических словарей как отражение структуры провербиального пространства / Е. В. Ничипорчик // Славянская фразеология в синхронии и диахронии : сб. науч. статей. ; М-во образования РБ, Гомел. гос. ун-т им. Ф. Скорины ; редкол.: В. И. Коваль (отв. ред.) [и др.]. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2011. – Вып. 1. – С. 270–274.
11. Ничипорчик, Е. В. Отражение ценностных ориентаций в паремиях / Е. В. Ничипорчик ; М-во образования РБ, Гом. гос. ун-т им. Ф. Скорины. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2015. – 358 с.
12. Меликов, И. М. Культура диалога культур (обзор международной научной конференции) [Электронный ресурс] / И. М. Меликов, А. А. Гезалов. – Режим доступа : http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1294. – Дата доступа : 15.08.2021.
13. Мокиенко, В. М. Обоснование проекта [Электронный ресурс] / В. М. Мокиенко // Мир восточных славян в паремиологической интерпретации: аксиологические доминанты и их лингвокультурологическая репрезентация. – Режим доступа : <http://phraseoseminar.slovospb.ru/mf-20-18-00091.htm>. – Дата доступа : 18.08.2021.

14. Мокиенко, В. М. Рецензия на монографию: Ничипорчик Е. В. Отражение ценностных ориентаций в поговорках / В. М. Мокиенко // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2016. – №2. – С.171–176.
15. Paczolay, G. European Proverbs in 55 languages with equivalents in Arabic, Persian, Sanskrit, Chinese and Japanese / G. Paczolay. – Veszprem : Nyomda Rt., 1997. – 527 p.
16. Strauss, E. Concise Dictionary of Proverbs / E. Strauss. – London : Routledge, 1998. – 502 p.
17. Arthaber, A. Dizionario comparato di proverbi e modi proverbiali in sette lingue (italiana; latina; francese; spagnola; tedesca; inglese; greca antica) / A. Arthaber. – Milano : Ulrico Hoepli Editore, 1989. – 822 s.
18. Grigas, K. Patarlių paralelės. Lietuvių patarlės su latvių, baltarusių, rusų, lenkų, vokiečių, anglų, lotynų, prancūzų, ispanų, atitikmenimis / K. Grigas. – Vilnius : Vaga, 1987. – 662 p.
19. Котова, М. Ю. Русско-славянский словарь пословиц с английскими соответствиями / М. Ю. Котова. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 2000. – 360 с.
20. Academic.ru // Википедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://ru.wikipedia.org/wiki/Academic.ru>. – Дата доступа : 1.08.2021.
21. Wander, K. Deutsches Sprichwörter-Lexikon [Электронный ресурс] / К. Wander. – Режим доступа : <https://woerterbuchnetz.de/#1>. – Дата доступа : 20.09.2021.
22. Refranero multilingüe [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://cvc.cervantes.es/lengua/refranero/Default.aspx>. – Дата доступа : 20.09.2021.
23. Гросс, П. Пословицы и поговорки дореволюционного и советского времен [Электронный ресурс] / П. Гросс, Е. Счастливецова. – Режим доступа : http://zhurnal.lib.ru/p/pawel_g/poslowicyipogoworkidorewoljucionnogoisowetskogowremen.shtml. – Дата доступа : 8.09.2021.
24. Gluski, J. Proverbs. Proverbes. Sprichwörter. Proverbi. Proverbios. Poslovitsy. A comparative book of English, French, German, Italian, Spanish and Russian proverbs with a Latin appendix / J. Gluski. – New York : Elsevier, 1971. – 448 p.
25. Николаева, Ю. В. Корпусный метод и современная паремиография / Ю. В. Николаева // Język i metoda. – 2016. – № 2. – С. 273–280.
26. Беликов, В. И. Паремии как объект лексикографии / В. И. Беликов // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : по материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Бекасово, 4–8 июня 2008 г.). – Вып. 7 (14). – М. : Изд-во РГГУ, 2008. – С. 45–49.
27. Гомонова, И. Г. О проекте электронного словаря «Паремии в корпусе текстов» / И. Г. Гомонова // Славянская фразеология и паремиология: традиционные и новаторские решения проблем: К 80-летию со дня рождения профессора В. М. Мокиенко / редкол.: Е. В. Ничипорчик (отв. ред.) [и др.] ; М-во образования РБ, Гом. гос. ун-т им. Ф. Скорины. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2020. – С. 86–90.
28. Кустова, Г. И. Словарь русской идиоматики. Сочетания слов со значением высокой степени [Электронный ресурс] / Г. И. Кустова. – Режим доступа : <http://dict.ruslang.ru/magn.php>. – Дата доступа : 5.09.2021.
29. Walter, H. Deutsch-Russische Sprichwörter. Historisch-etymologisches Wörterbuch mit europäischen Parallelen / H. Walter. – Greifswald, 2013. – 284 s.
30. Walter, H. Русско-немецко-польский словарь активных пословиц (с иноязычными параллелями и историкокультурологическими комментариями) / H. Walter, W. M. Mokienko, E. Komorowska, K. Kusal. – Greifswald ; Szczecin : Volumina, 2014. – 433 s.
31. Иванов, Е. Е. Русско-белорусский словарь пословиц = Руска-беларускі слоўнік прыказак : 777 пословиц русского языка, свыше 5000 белорусских паремиологических эквивалентов и соответствий : в 2 ч. / Е. Е. Иванов. – Могилев : Брама, 2001.
32. Иванов, Е. Е. Русско-белорусский паремиологический словарь / Е. Е. Иванов, В. М. Мокиенко. – Могилев : МГУ им. А. А. Кулешова, 2007. – 248 с.
33. Універсальны і інтэрнацыянальны кампаненты ў парэміялагічным складзе беларускай мовы : беларуска-іншамоўны слоўнік / аўт.-склад. Ю. А. Петрушэўская. – Магілёў : МДУ імя А. А. Куляшова, 2020. – 312 с.

34. Мокиенко, В. М. Большой словарь русских пословиц / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина, Е. К. Николаева ; под общ. ред. В. М. Мокиенко. – М. : ОЛМА Медиа Групп, 2010. – 1024 с.

35. Яранцев, Р. И. Русская фразеология. Словарь-справочник : около 1500 фразеологизмов / Р. И. Яранцев. – 2-е изд. стереотип. – М. : Рус. яз., 2001. – 845 с.

Исследование выполнено в рамках финансируемой темы «Беларуска-рускія фразеалагічныя і парэміялагічныя паралелі ў слоўніку і інтэрнэт-камунікацыі», № государственной регистрации 20212044, дата государственной регистрации 02.06.2021.

Abstract. The article compares the philosophical and paremiographic solution to the question of what lies at the heart of human cognition of the world. The advantage of the thematic organization of paremiological dictionaries is explained. The necessity of creating academic electronic dictionaries of proverbs and sayings is substantiated. The data on the content of the electronic dictionary entries as well as on tools that help to optimize work with paremiological material are systematized.

Keywords: human, world, values, dictionary, thematic dictionary, electronic paremiological dictionary, dictionary structure, dictionary tools.

УДК 811.161.1'373.612.4:398.9

Е. В. Огольцева

МУЖИК И БАБА В РУССКИХ ОЦЕНОЧНЫХ ТАВТОЛОГИЧЕСКИХ ФРАЗЕОКОНСТРУКЦИЯХ С ТВОРИТЕЛЬНЫМ ПАДЕЖОМ

Аннотация. В статье рассматриваются фразеологизированные тавтологические конструкции, образованные по модели N-1+N-5. Выявляются основные признаки таких структур: тавтологичность, оценочность, экспрессивность, связь с системой устойчивых сравнений и метафор. На материале Национального корпуса русского языка проанализированы основные коммуникативно-прагматические функции конструкций *баба бабой* и *мужик мужиком*, детерминируемые культурно значимыми ценностями языкового коллектива.

Ключевые слова: оценка, фразеологизированные конструкции, тавтологические конструкции, модель, творительный падеж, синтаксически обусловленное значение, метафора, устойчивое сравнение.

Разговорная речь характеризуется исключительным разнообразием колоритных фразеологизированных конструкций оценочного характера. Одна из наиболее распространенных и весьма продуктивных фразеоконструкций – модель «N-1+N-5»: *бродяга бродягой, коза козой, баба бабой, дура душой, болван болваном, свинья свиньёй* и т. д. Очевидно, что лингвистический статус подобных конструкций пока не определен: они явно балансируют между устойчивыми и свободными, языковыми и речевыми образованиями. По отношению к подобным структурам можно было бы употребить термины «квазифраземы» или «полуидиомы» [1]. В большинстве случаев перед нами конструкции высокоэкспрессивные, пейоративно окрашенные, выражающие отрицательное впечатление или суждение человека о других или о самом себе: «– *Хорошее лекарство. Спишь всю ночь до самого утра, только на другой день ходишь как недоваренный. Зеваешь, ни с кем не ссоришься, ни от чего не радуешься, почти спишь на ходу. Короче говоря, чувствуешь себя болван болваном* (Ю. В. Красавин. Тропинки нашего детства); «*Не принято у нас, у дураков, никаких нежностей. Маленькие ещё, куда ни шло, можем приласкаться, но как в возраст вошёл – шабаш, бука букой*» (В. П. Астафьев. Последний поклон).

Лексическое наполнение данной модели чрезвычайно разнообразно. Может показаться, что рассматриваемые конструкции всегда формируются экспрессивно-

оценочными существительными с коннотативным лексическим значением (случаи, когда оценочные коннотации входят в семантическую структуру в качестве неотъемлемого компонента): *болван болваном, стерва стервой, подлец подлецом, идиот идиотом, дура душой, остолоп остолопом* и т. д. Однако факты опровергают это ложное впечатление. В подобных структурах, как правило, используются вовсе не оценочные лексемы, а нейтральные в своих прямых значениях, но характеризующиеся яркими фоновыми семами, потенциально заложенными в их семантике и лишь ждущими подходящего случая для своей реализации. У некоторых подобных слов есть переносно-метафорические (в том числе закрепленные в толковых словарях) значения: *акула* ('об очень прожорливом, жадном, хищном человеке'), *лиса* ('о хитром, лицемерном человеке'), *дуб* ('о тупом, несообразительном человеке'), *бульдог* ('о человеке с квадратным по форме и некрасивым лицом') и т. д. Источником коннотации в подобных случаях является скрытое сравнение, в структуре которого в качестве образа (компонента В) выступает, как правило, наименование человека или животного, с которым языковое сознание ассоциирует эталонное проявление соответствующего качества. Коннотации в данном случае проявляются опосредованно – через образ сравнения. Органическая связь существительных, регулярно реализующих качественно-оценочные значения, и сравнения в разных его формальных вариациях совершенно очевидна: «Образные ассоциации, лежащие в основе выражения отрицательной оценки нейтральными существительными, возникают за счет сравнения, сходства. При оценке, основанной на сравнении, существительное в функции сказуемого сохраняет в своем значении один качественный признак» [2, с. 73].

Практически каждое из таких существительных встречается в текстах в качестве метафоры, употребляясь преимущественно в функции слова с синтаксически связанным значением [3]. И существительные, переносные значения которых обусловлены определенной синтаксической позицией, и тавтологические оценочные конструкции с творительным падежом в предложении всегда выступают в функции предиката. Однако очевидно и глубокое различие между такими оценочными суждениями, как *Их начальница – змея* и *Их начальница – змея змеёй*: второе экспрессивнее, выразительнее, «категоричнее».

В рассматриваемых структурах нельзя не отметить явное преобладание существительных одушевленных над неодушевленными, конкретных – над отвлеченными. Из всех лексико-семантических групп наиболее продуктивны в качестве компонентов подобных полуклише наименования лиц (*сапожник сапожником, босяк босяком, фокусник фокусником, аристократ аристократом, холоп холопом*), сверхъестественных существ (*ведьма ведьмой, ангел ангелом, богиня богиней*), животных (в том числе млекопитающих, птиц, насекомых, земноводных, рыб: *зверь зверем, волк волком, баран бараном, медведь медведем, аист аистом, вобла воблой, змея змеёй, крыса крысой, боров боровом, петух петухом*).

Из неодушевленных существительных, по нашим наблюдениям, преобладают слова двух семантических групп: наименования веществ и названия мест (помещений, вместилищ): *воск воском* (о бледно-желтоватом цвете лица человека); *атлас атласом, бархат бархатом* ('о мягкой, нежной коже человека'); *бирюза бирюзой* ('о синих глазах'), *базар базаром* ('о шумном месте, в котором все говорят беспорядочно, не слушая и перебивая друг друга'), *баня баней* ('об очень жарком, душном месте'), *гроб гробом* ('о тесном, темном и мрачном, вытянутом в длину, глухом помещении'), *болото болотом* ('о затхлом месте, в котором находятся – живут или работают – люди с косными взглядами, в котором невозможны никакие перемены') и т. д.

В качестве образа такого сравнения-редупликации выступают, как правило, слова, несущие с собой отрицательную оценку. Однако возможны и случаи с нейтральной оценкой; сравн. *араб арабом* ('о смуглом, сильно загоревшем человеке'), *артист ар-*

тистом ('о человеке, который любит быть в центре внимания, смешить или развлекать окружающих'). Относительно редко встречаются примеры наполнения данной модели образами с явно положительной эмоционально-экспрессивной окраской: *куколка куколкой, ангел ангелом* и т. д.

Рассматриваемые нами конструкции не получают системного лексикографического описания. В толковых словарях они представлены лишь спорадически, причем, как правило, без толкований. К примеру, ССРЛЯ помещает единицу *свинья свиньёй* в статье существительного *свинья* после основной части словарной статьи, во фразеологической зоне: <> *С в и н ь я с в и н ь ё й. – Куда тебе деньги тратить, дома живёшь свинья свиньёй, никого не принимаешь.* Пушкин. Дубровский. <...> [4, с. 375]. Фразеологические словари и словари устойчивых сравнений тоже, как правило, не фиксируют подобные конструкции, за исключением «Словаря сравнений русского языка» В. М. Мокиенко [5]. В этом словаре нашли отражение некоторые сочетания рассматриваемой модели, причем толкуются они идентифицирующим способом, через соотносительные с ними устойчивые сравнения: '*бирюк бирюком.* Народн. То же, что как *бирюк*'; '*мужик мужиком.* Прост. Неодобр. То же, что как *мужик*' [5, с. 33; 261].

Рассмотрим более подробно два тавтологичных полуклише: сочетание *баба бабой* и *мужик мужиком*. Выражение *баба бабой* представлено в Национальном корпусе русского [б] языка шестью примерами (учитывались основной, акцентологический, газетный, диалектный подкорпусы). Эти примеры свидетельствуют о том, что данное выражение может характеризовать как женщину, так и мужчину: 1) *Но на сей раз Полосатов решил заменить Марианну полностью: напялил на себя её платье, надел парик, ресницы наклеил. Вышел баба бабой, только сутулый и косолапый, а тигры его не узнали: налетели, содрали одежду. Еле ноги унес! Говорят, в Киевском цирке все до сих пор ржут, как ненормальные, когда вспоминают эту сценку* [Вальтер Запашный. Риск. Борьба. Любовь (1998–2004)]; 2) *Эта жена Надя была ещё моложе Ленки, ей вообще было восемнадцать лет, а дать ей можно было пятнадцать, худая, тонкая, рыжая, испорченная по виду школьница, на это только и мог клюнуть Андрей, который давно был известен благодаря болтливости своей казённой жены Анюты как полный импотент, которому ничего не нужно. Испорченная-то Надя испорченная, но вышла замуж и стала баба бабой, откроет пасть эта нимфетка и поёт: то-то она сварила, так-то Андрей тил и она его не пускала больше пить, то-то они купили* [Людмила Петрушевская. Свой круг (1987)]. Если в первом примере выражение *баба бабой* выступает как характеристика мужчины, ставшего похожим на женщину по внешним признакам (благодаря переодеванию в женскую одежду), то во втором это же выражение предстает как характеристика изменившегося характера и поведения девушки, вышедшей замуж и почувствовавшей себя женщиной, женой.

Третий случай, представленный в Национальном корпусе русского языка, радикальным образом отличается от предыдущих. Это омонимичное безобразное выражение, которое объединяет с редупликативной оценочной характеристикой лишь одно: оба случая представляют собой фразеологизированные конструкции, образованные по общеязыковой модели и характерные для разговорной речевой стихии. Структурное различие сопоставляемых единиц состоит в том, что вторая представляет собой полуклише с устойчивой первой частью и свободным «продолжением», начинающимся противительным союзом: *баба бабой, а (но...)*. Общую семантическую функцию, присущую подобным единицам, можно определить так: «некто (или чьи-л. признаки) представлены как несущественные и противопоставлены другим, более значимым субъектам или иным, более существенным признакам»: *Ну и правильно, сказал седой. Баба бабой, а жена – это серьезно. Да и нам удобней. Любочка-то ваша и сама кое-что знает, может, и подскажет нам, что вы там в нежном бреде в постели болтали...* [Александр Кабаков. Сочинитель (1990–1991)].

Важно отметить, что редупликативные выражения рассматриваемого типа образуются в основном повтором одушевленных существительных и, соответственно, характеризуют человека. В относительно редких случаях наблюдаем использование подобных конструкций по отношению к веществу: *Отфыркиваясь по-телячьи / Слепой пузырчатой ноздрей, / Сопит, одышкою горячий, / Чванливый хлебный домострой. Толчётся в кадке (баба бабой), / Сырые бухнут телеса, / Пока в утоне сладкой, слабой / Тяжелый гриб не поднялся. И вышлепнутый на лопату, / Залакированный водой, / В сиянье зоба, сам зобатый / С капустной прется бородой* [В. И. Нарбут. Хлеб «Отфыркиваясь по-телячьи...» (1915)]. В этом контексте выражение *баба бабой* употреблено по отношению к тесту, которое шевелится, «отфыркивается», сопит, тяжело дышит, уподобляясь бабе.

Интересно, что в некоторых фрагментах анализируемое нами выражение фиксирует сходство с «бабой» по одному лишь частному признаку: *Норовит корявой лапой / Ухватить за сиську, / Ухмыльнулся баба-бабой Страхолюдный Митька* [А. П. Платонов. Песня «На зеленой, на поляне...» (1919–1922)]. Здесь сравнение мужчины с бабой основано только на одном мимическом проявлении – на сходстве улыбки (ухмылки). В других случаях (и они явно преобладают) редупликативное выражение «именительный+творительный» используется для выражения «глобального» сходства, похожести буквально во всех аспектах и по всем признакам, ассоциативно закрепленным в языковом коллективе за «бабой»: *Я мягкая, добрая, уступчивая, неконфликтная, нецелеустремленная, нещеславная. То есть баба бабой. Ещё я очень благодарный читатель, который тупо и послушно идет за писателем, как осёл за морковкой, – так увлекаюсь. Очень часто бывает, что мы с мужем читаем один детектив, первым читает он, а потом я, и муж говорит: «Ой, Машуня, кажется, я уже понял, кто тут убийца»* [Заозерская Анжелика. Александра Маринина: «Я мягкая, добрая, неконфликтная – баба бабой» // Труд-7, 2010.02.25]. Важно отметить, что все признаки, по которым осуществляется сравнение, в данном случае эксплицированы: они представляют собой результат саморефлексии героини интервью.

Любопытно, что выражение *мужик мужиком* представлено в Национальном корпусе намного богаче и разнообразнее. Так же как и *баба бабой*, выражение *мужик мужиком* может быть употреблено и по отношению к мужчине, и по отношению к женщине.

Отметим «мужские» качества, которые подвергаются характеристике (в том числе образно-экспрессивной) посредством этого выражения:

1. Констатация внешних признаков, свидетельствующих о принадлежности кого-либо к мужикам как представителям общественного класса, т. е. к мужицкому сословию (а не к дворянству, купечеству, офицерству, интеллигенции и проч.): *Нет, нет – неправда, неправда! – К сожалению, правда: вот вы, молодой человек, по-видимому, принадлежите к интеллигенции, а посмотришь на вас – мужик мужиком: это потому, что подлинная культура вам не под силу; оттого-то вы и чудачите; вы себя заставляете видеть сны: проснитесь...* [Андрей Белый. Серебряный голубь (1909)].

2. Темнота, необразованность, неотёсанность, неопрятность, неприспособленность к «городской» работе: *Я народ тоже сортирую, у меня с выбором каждый принят. Иной раз из дальней деревни выпишу, мужик-мужиком, стать у станка не умеет. Ничего, выучу, к делу определю, если только человек по разуму подходящий. Так мне каждый раз цену им менять не приходится* [В. Г. Короленко. Павловские очерки (1889–1890)].

Отметим, что приведенные примеры часто маркируют некое несоответствие внешних и поведенческих признаков человека – и его действительного положения в обществе. Выражение *мужик мужиком* как бы провоцирует противопоставление, которое чаще всего сопровождается отрицательной коннотацией: сравнение с мужиком явно не в пользу сравниваемого лица, поскольку внешние признаки «свиного рыла» вступают в противоречие с претензией оказаться в «калашном ряду»: *Со свиным рылом*

в калашный ряд... Только что вот богатый, денег много, а ежели подумать и разобратся, то **мужик мужиком**... (Перелистывает, книгу.) Читал вот книгу и ничего не понял [А. П. Чехов. Вишневы сад (1904)].

Отмеченное противопоставление может быть, наоборот, связано с «приятным удивлением»: столь высокий статус у человека, а как просто держится, как непритязательно выглядит. Подобные контексты в художественной литературе весьма многочисленны, что свидетельствует о приоритете в русской национальной культуре внутренних качеств над внешними, души – над социальным статусом, подлинного – над наносным, кажущимся: *Зело честен и прямоушен, генералом был бы добрым, – непугливый старик... Афанасий вышел к Иевлеву – мужик мужиком, хоть и в шелковой, длинной, до колен, рубахе, нечесаный, хмурый. Сильвестр Петрович собрался было приложиться к руке, Афанасий совсем словно рассердился: – Брось, не для чего!* [Ю. П. Герман. Россия молодая. Часть вторая (1952)].

3. Грубость одежды, обуви, отсутствие изящества и вкуса в манере одеваться, простота и практичность одежды: *Одеваются святогорец одинаково с соловчанином – то же грубое платье, та же неуклюжая обувь. Но последний перед вами является мужик мужиком. И ходит он приседая, и лапища у него заскорузлая, и чрева нет (у мужика брюха не найдешь, оно ему не полагается). Святогорец же отрастил себе живот, а уж если истым монахом явится, так именно иконописным, с сухой складкой изможденного лица, с равнодушным, безучастным к страданию и радости своего ближнего, взглядом* [В. И. Немирович-Данченко. Святые горы (1880)]. Интересно, что соловчанин – «мужик мужиком» – противопоставляется святогорцу, который, конечно, «мужик», но только по внешним и несущественным проявлениям. Чтобы получить характеристику-клеймо «мужик мужиком», нужны более существенные признаки, чем одежда, в частности: большие, потрескавшиеся, жёсткие, натруженные руки («лапища заскорузлая»), худоба, поджарость («и чрева нет»).

4. Бедность и отсутствие способностей и интереса к получению богатства, к приумножению собственного благосостояния: *Вы хорошо повели свое хозяйство, в тысячах стали... А я все-таки и теперь мужик мужиком... Ничего не умею, ничего не имею, одно только, что жена в ситцах ходит, да чай мы пьем по пяти раз в день... – А твои деньги?* [Г. П. Данилевский. Воля (1863)].

5. Грубость в общении, неумение выражать и сдерживать свои эмоции: *Женщина оказалась бойкой, а её муж трусливым. Хоть он был ответственный партийный работник, но проявил себя мужик мужиком и схватил графин с водкой, и закричал Сапожкову: – Пошли! Тут Сапожков в теще узнал кассиришу, которую обозвал сукой на танцах* [Юрий Петкевич. Явление ангела (2001)].

Нельзя не заметить, что выражение *мужик мужиком* отличается своеобразной «двойственностью»: с одной стороны, это **логическая** констатация черт, типичных для «настоящего» мужика», с другой стороны – **образное** выражение признаков, присущих персонажу и сближающих его с эталоном мужских качеств во внешности, в характере и поведении мужчины.

Интересно, что в восприятии того или иного персонажа признаки «мужиковатости» могут оцениваться и как положительные. Эта оценка связана с душевной крепостью и здоровьем, мужским достоинством, плебейской гордостью, нежеланием казаться не тем, чем он является на самом деле, уважением к самому статусу мужчины, мужика, добытчика и труженика: *Он никогда не хотел маскировать ни пробелов своего образования, ни недостатка хороших манер и всего того, что в его кругу считалось воспитанностью. Он любил повторять – и было трудно разобрать, из самоунижения или же, наоборот, из плебейской гордости: «я ведь мужик, мужиком родился, мужиком и умру». Кажется, что при коснувшихся матери столичных и общелитературных народнических веяниях ему у матери это повредить не могло. В конце концов,*

натуры у них были явно несходные: более тонкая и глубокая у матери, более примитивно-здоровая и счастливая у отца [В. М. Чернов. Перед бурей. Воспоминания (1953)].

При употреблении этого выражения по отношению к женщине выявляются следующие функции:

1. Констатация резкой перемены в облике женщины, метаморфозы, произошедшей с ее внешностью, чаще всего не в пользу внешнего вида женщины. Это преобразование, как правило, связано с утратой женственности, нежности, мягкости, изящества манер и, напротив, с появлением некоей мужиковатости во внешнем облике и ухватках – грубовато-прямолинейных, топорных: *Что, мол, из Большой стало. Была великосветская ingenue... а тут вдруг мужик мужиком. Эх, голубчик! С тех пор много воды утекло* [П. Д. Боборыкин. Василий Теркин (1892)]. Опять налицо противопоставление: была «великосветская ingenue – стала «мужик мужиком».

Ту же функцию наблюдаем в примере: *А так как она с каждым годом всё больше и больше шла в кость, то и ставила мужу в большую заслугу, что он, несмотря на это, не только ни разу ей не изменил, но никогда ни на одну горничную завистливым оком не взглянул. – Что я такое – мужик мужиком! – открывалась она ключнице Платонидушке, – кожа на мне словно голенище выростковое, на руках – мозоли, на ногах – сапожищи! Ты думаешь, он этого не понимает?* [М. Е. Салтыков-Щедрин. Пёстрые письма (1884–1886)]. Критически оценивая себя, героиня обобщает произошедшие с ее внешностью перемены посредством решительного сравнения с мужиком, усиливая полноту сходства редупликацией. Сравнение осуществляется сразу по целому ряду признаков: тело перестало быть мягким и женственным («всё больше и больше шла в кость»); кожа утратила свою нежность («словно голенище выростковое»); руки стали грубыми и мозолистыми от работы («на руках мозоли»); обувь не по размеру, она некрасива и груба («на ногах сапожищи»).

2. Смелость, решительность, выносливость в физическом труде, в норме не присущие женщине: *Я набоялась за свою-то жизнь – хватит! Я его скрывала, свой страх и робость, и стыд скрывала, что не такая была, как все, а бабы обо мне говорили: «Зинка – она храбрая, ничего не боится, мужик мужиком!»* [Сергей Залыгин. Комиссия (1976)].

Отметим некоторые аспекты проблемы исследования тавтологических сочетаний «N-1+N-5», которые кажутся нам наиболее актуальными и значимыми как в теоретическом, так и в сугубо практическом плане.

1. Было бы полезно (прежде всего с коммуникативно-прагматической точки зрения) рассмотреть особенности употребления конструкций разговорной речи, очень похожих по характеру экспрессии и являющихся, по существу, представителями одного образно-компаративного гнезда (термин наш – Е. О.): *баба бабой, баба и баба, баба да и только* и проч.

2. Представляется интересным также анализ связи подобных выражений с системой устойчивых сравнений русского языка (сравн. компаративные фразеологизмы *ангел ангелом – как ангел, как сатана, змея змеёй – как змея, свинья свиньёй – как свинья* и проч.

3. Актуален и вопрос об открытости рассматриваемой модели, о тех возможных ограничениях, которые налагаются на ее действие.

4. Единицы типа *баба бабой* употребляются как в авторской речи, так и в речи персонажей и в несобственно-прямой речи. Поэтому актуальной задачей представляется рассмотрение функций тавтологических полуклише в разных формах речи. По предварительным наблюдениям, в качестве основной выступает функция имитации живой разговорной речи.

5. Перспективны также следующие частные направления анализа: проблема синтаксических позиций, в которых чаще всего употребляются подобные выражения; их возможные синтаксические функции; знаки препинания, сопровождающие их употребление в текстах.

Список использованных источников

1. Melchuk, I. A. Phrasemes in Language and Phraseology in linguistics / I. A. Melchuk // Idioms: structural and psychological perspectives / Eds. M. Everaert et.al. Hillsdale; Hove, 1995. – P. 167–232.
2. Емельяненко, Е. М. Существительные-сказуемые со значением отрицательной оценки / Е. М. Емельяненко // Русский язык в школе. – 1990. – № 5. – С. 73–76.
3. Виноградов, В. В. Основные типы лексических значений слова / В. В. Виноградов // Избранные труды. Лексикология и лексикография. – М. : Наука, 1977. – С. 184–185.
4. Словарь современного русского литературного языка. – Т. 13. – М.–Л. : Изд-во АН СССР, 1962. – 1516 с. [ССРЛЯ].
5. Мокиенко, В. М. Словарь сравнений русского языка / В. М. Мокиенко. – СПб. : «Норинт», 2003. – 603 с.
6. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.ruscorpora.ru>. – Дата доступа : 02.09.2020.

Abstract. The article considers phraseologized tautological constructions formed according to the model N-1+N-5. The main features of such structures are revealed: tautology, evaluativeness, expressiveness, connection with the system of stable comparisons and metaphors. The main communicative and pragmatic functions of the constructions *баба бабой* and *мужик мужиком* determined by culturally significant values of the language collective are analyzed on the material of the National Corpus of the Russian language.

Keywords: evaluation, phraseologized constructions, tautological constructions, model, instrumental case, syntactically determined meaning, metaphor, stable comparison.

УДК 811.161.1'373:398.6

О. С. Орлова

РОЖДЕНИЕ В ЗАГАДКАХ РУССКОГО НАРОДА

Аннотация. Статья посвящена когнитивно-культурологическому описанию русских народных загадок о рождении и загадок русского народа, в тексте которых рождение используется для иносказательного описания различных объектов действительности. Основное содержание исследования составляет когнитивно-культурологический анализ рассматриваемых загадок. Проведенный анализ показал, что рождение в загадках русской традиционной культуры описывается как перемещение из одного пространства в другое, а с помощью рождения в загадочных текстах метафорически обозначается как появление живых организмов, так и изготовление различных артефактов или начало каких-либо явлений, событий и действий.

Ключевые слова: загадка, рождение, метафора, образ, когнитивно-культурологический анализ.

Загадка представляет собой уникальный словесный знак, который может описываться в разных аспектах – как фольклорный жанр, как текст, как единица речевой коммуникации, наконец, как образное языковое выражение высокой степени протяженности (об этом см. подробнее в: [1]). Так, загадка понимается исследователями как «иносказание или намеки, окольная речь, обиняк; краткое иносказательное описание предмета, предлагаемое для разгадки» [2, с. 506]; «текст, денотатом которого служит некоторый объект, в самом этом тексте явно не названный и исчерпывающим образом не описанный» [3, с. 283]; «ситуация, основанная на нарушении соотношения между структурами загаданного денотата и загадочного текста» [4] и др. В лингвистике приняты попытки построения модели загадки, основывающейся на представлении от-

гадки как определенного концепта, а загадочного текста как репрезентации его концептуальных, стереотипных свойств (см., например, [5]). В историко-культурологической, или культурно-семиотической парадигме, заданной в этнолингвистике В. Н. Топоровым, загадка рассматривается как культурно-языковое явление. Описание загадки, по В. Н. Топорову, построено на том, что ее исходный локус представляет собой некий текст, понимаемый как целое, а «отдельная загадка не более чем отпавший от сакрального целого тела его профанизированный член» [6, с. 472].

Семантику загадки составляет денотативный компонент (исходный денотат) и мотивационный компонент (преобразованный денотат, образ); два этих компонента формируют семантику загадки и ее состав как комплексного словесного образного игрового знака [1, с. 72]. Загадки представляют собой культурно-языковые феномены, в создание которых положен принцип непрямого номинации, состоящий в преднамеренно иносказательном обозначении объекта, сознательном употреблении такого именования, которое указывает на объект номинации не прямо, а опосредованно, описывает его вуалированно (см.: [7]). Эксплицировать принцип непрямого номинации, лежащий в основе формирования загадок, позволяет когнитивно-культурологический подход (см.: [1; 7]).

Применение когнитивно-культурологического подхода в исследовании загадок предполагает их описание в два этапа, первым из которых является когнитивный (фреймовый) анализ загадок, а последующим, уточняющим и дополняющим когнитивное описание загадки – культурологический комментарий. В основе когнитивного (фреймового) анализа лежит классическая когнитивная структура фрейма (см. труды Н. Н. Болдырева, Е. Е. Голубковой, В. З. Демьянкова, О. К. Ирисхановой, Ч. Филлмора, А. П. Чудинова и др.) и теория метафоры Дж. Лакоффа, М. Джонсона. Фрейм при этом понимается как «особая организация знания, которая является обязательным условием нашей способности понимать значение ассоциированных с ним слов» [8, с. 224]. Формализация фрейма в виде таблицы позволяет раскрыть когнитивное «устройство» загадки. Когнитивная (концептуальная) метафора, в рамках данного подхода, описывается как «понимание и переживание сущности одного вида в терминах сущности другого вида» [9, с. 5] и понимается как наиболее обобщенный образ, которому уподоблена ситуация (событие, явление). Такое понимание когнитивной метафоры связано с прототипом как «точкой отсчета в языковой репрезентации» [10, с. 36]. Когнитивная метафора моделируется как взаимодействие двух областей – области-источника и области-цели. Отметим, что под областью-источником в данной статье понимается мыслимое и ищущее обозначение явление / процесс, под областью-целью – искомое и найденное в языке средство выражения. Под культурологическим комментарием понимается, вслед за [11], модель культурной интерпретации языковых знаков, которая позволяет репрезентировать их культурную значимость.

Рассмотрим на примерах, как когнитивно-культурологический подход в исследовании загадок позволяет описать когнитивную структуру загадок, выявить формирующие их когнитивные метафоры и реконструировать ту культурную основу, которая мотивирует когнитивную метафору и образы для ее конкретизации.

Проанализируем загадку русского народа на тему рождения *«Из человека вышли душа и тело, что с этим делать?»* [12, с. 151]. Данная загадка зафиксирована с отгадкой *«крестить младенца»* [Там же], однако загадочный текст строится на иносказательном описании рождения человека. Фреймовый анализ для наглядного описания представим в Таблице 1.

Таблица 1 – Фреймовый анализ загадки «Из человека вышли душа и тело, что с этим делать?»

	Рождение человека	=	<i>Из человека вышли душа и тело, что с этим делать?</i>
	Область-источник	Конституирующие признаки	Область-цель
	Антропная, физиологическая, пространственная, акциональная	Антропный, физиологический, пространственный, акциональный	Антропная, физиологическая, духово-бытийная, пространственная, акциональная
Типовые сценарии	Женщина рождает младенца	Элемент 1 покидает пространство элемента 2, перемещаясь в новый локус	Из человека выходит душа и тело
Фрейм фрагмент Признаки типовых ситуаций: Слоты Конкретизация фрейма Элементы ситуации	Младенец	Элемент 1	Душа и тело
	Женщина-мать	Элемент 2	Человек
	Материнская утроба	Пространство элемента 2	Пространство внутри человека
	Выход младенца из материнской утробы	Перемещение элемента 1 в новый локус	Выход души и тела из человека
	Земной мир	Новый локус элемента 1	Внешнее пространство, в котором находится человек

В таблице описана область-источник, куда входят категориальные признаки такого феномена, как рождение – антропный, физиологический, пространственный, акциональный; область-цель, которая характеризуется как антропная, физиологическая, духово-бытийная, пространственная, акциональная; и показаны конституирующие признаки, составляющие основу для кодирования денотата в загадке. Антропный, акциональный, физиологический и пространственный конституирующие признаки, общие для области-источника и области-цели, выявляют базовую когнитивную метафору: «рождение – перемещение человека из одного пространства в другое». Образ человека, из которого выходит душа и тело, «помещается» в конституирующие признаки загадки и таким образом создается загадочный текст.

Важно отметить, что когнитивная метафора «рождение – перемещение из одного пространства в другое», лежащая в основе рассмотренной загадки, не только формирует и другие загадки русского народа на тему рождения, но и является базовой в репрезентации рождения в загадках русской традиционной культуры (об этом см. подробнее в [7]). Сравн.: «Какой зверь из двери выходит, а в дверь не входит? (младенец)» [13, № 1707]; «В тёмном лесу выросла метлица, не вырвать не вытащить, пока бог не пособит (беременная женщина)» [12, с. 52]; «Когда душа выходит, а тело не умирает? (когда рождается человек)» [14, № 2034] и др.

Добавим к фреймовому описанию загадки краткий культурологический комментарий. Отгадка «младенца крестить» сигнализирует о том, что данную загадку следует прочитывать с опорой на знание русской православной культуры, согласно традициям которой новорожденного положено крестить на сороковой день жизни. Младенец, появляющийся на свет, в анализируемой загадке представлен как единство души и тела. Такое иносказательное описание человека создано с опорой на христианские верования. Сравн.: «И создал Господь Бог человека из праха земного, и вдунул в лице его ды-

хание жизни, и стал человек душою живою» (Быт.2:7) [2]. В русской православной культуре отделение души от тела означает смерть человека. Такое представление о смерти закрепилось и на уровне языка. Сравн.: эвф. *душа с телом растает* (об умирающем), *душа отлетела*, *душа покинула бренное тело* (об умершем) и др. Во время беременности внутри женщины две души – ее душа и душа ребенка [15, с. 160], что делает ее состояние опасным из-за «близости к границе жизни и смерти (сравн. рус. вологод.: *“с брюхом ходить – смерть на вороту носить”*)» [Там же]. В загадке описание рождения представлено сходным образом с описанием смерти, однако подсказкой того, что речь идет не о смерти, выступает то, что из человека выходит не только душа, но и тело, что возможно только при появлении ребенка на свет. Таким образом, культурологический комментарий репрезентирует интерпретацию загадки в пространстве культуры, объясняя причину, по которой когнитивная метафора, лежащая в основе загадки, реализуется в данных образах.

Проанализируем русскую народную загадку, в которой рождение используется для иноказательного описания объекта материальной действительности – *«Без души родился, народу пригодился, / Дам пить – пьет, попрошу – отдает (кадка)»* [12, с. 116]. Фреймовый анализ представим в Таблице 2.

Таблица 2 – Фреймовый анализ загадки *«Без души родился, народу пригодился, / Дам пить – пьет, попрошу – отдает»*

	Кадка	=	<i>Без души родился, народу пригодился, / Дам пить – пьет, попрошу – отдает</i>
	Область-источник	Конституирующие признаки	Область-цель
	Артефактная, бытовая, бытийная	Бытийный	Физиологическая, бытийная, антропная, пространственная, акциональная, водная
Типовые сценарии	Кадку изготавливают	Элемент 1 начинает своё существование	Живое существо рождается
	В кадку наливают воду, из кадки выливают воду	Элемент 1 взаимодействует с элементом 2	Живое существо пьет воду и отдает обратно
Фрейм / фрагмент	Кадка	Элемент 1	Живое существо
	Без души	Характеристика элемента 1	Без души
Признаки типовых ситуаций:	Изготовление кадки	Начало существования элемента 1	Рождение живого существа
	Вода	Элемент 2	Вода
Конкретизация фрейма	В кадку наливают воду	Элемент 2 попадает в пространство элемента 1	Живое существо пьет
	Из кадки выливают воду	Элемент 2 покидает пространство элемента 1	Живое существо отдает выпитое
Элементы ситуации			

В таблице представлена область-источник – артефактная, бытовая, бытийная; область-цель – физиологическая, бытийная, антропная, пространственная, акциональная, водная; и показаны конституирующие признаки, составляющие основу для кодирова-

ния денотата в загадке. Бытийный конституирующий признак, являющийся общим для области-источника и области-цели, выявляет базовую когнитивную метафору, формирующую анализируемую загадку: «артефакт – живое существо». Необходимо отметить, что в когнитивной структуре загадки могут переплетаться несколько метафор. Так, базовую когнитивную метафору, составляющую основу рассматриваемой загадки, дополняет когнитивная метафора «изготовление артефакта – рождение», которую помогает выявить иносказательное описание изготовления кадки как рождения живого существа.

Анализируемая загадка содержит противоречие: загаданный объект, с одной стороны, уподобляется живому существу («родился», «пьет», «отдает»), а, с другой стороны, отрицается его причастность к миру живых («без души»). Упоминание души в загадочном тексте является отсылкой к тому, что загадку следует «прочитывать» в контексте русской православной культуры. В Христианстве распространено представление, согласно которому душой обладает человек и животное. Сравн.: «Господь Бог образовал из земли всех животных полевых и всех птиц небесных, и привел [их] к человеку, чтобы видеть, как он назовет их, и чтобы, как наречет человек всякую душу живую, так и было имя ей» (Быт.2:19) [2]. При этом душа человека отличается от души животного. Сравн.: «Ибо если Господь воспринял душу, лишенную ума, то Он воспринял душу неразумного животного» (Иоанн Дамаскин Кн. 3. Гл. 18) [16]. Согласно Библии, вдохнуть душу в живое существо может только Бог, а у предметов, созданных человеком, души быть не может. Так, характеристика загаданного объекта «родился без души» отсылает отгадчика к тому, что речь в загадке идет не о человеке или животном, которых сотворил Бог, а об артефакте, который сделан человеком.

Другой культурологической «подсказкой» является знание крестьянского быта. Кадка – «стойковая обручная посуда на одном дне» [17, с. 690], которая может использоваться для хранения муки, зерна, хлеба, крупы, квашений, а также кваса и воды. Сравн.: «Была бы мука да кадушка, а по-воду и сам схожу»; «Бездонной кадки водою не наполнишь»; «Пьет, как в бездонную кадку льет» [Там же] и др. Этим объясняется уподобление кадки живому существу, которое пьет воду. Таким образом, культурологический комментарий позволяет «частично реконструировать те представления, которые (предположительно) включены в мотивационный фон образного основания [знаков]» [18, с. 392].

Загадки русского народа, в которых рождение используется для иносказательного описания различных объектов действительности, содержат когнитивные метафоры: «начало – рождение» (сравн.: «С зарёй родился, чем больше рос, тем меньше становился, / К ночи помер, оставил номер (день)» [12, с. 148]; «В потёмках родился, с огнем умирает (дым)» [12, с. 102] и др.), «возникновение организма – рождение» (сравн.: «На кусте родился, под куст скатился, на руках очутился (орех)» [12, с. 66]; «В воде родилась, а в ней мало бывает (лягушка)» [12, с. 32] и др.); «изготовление артефакта – рождение» (сравн.: «Вился – родился, мучился – крестился, / Пошел – замылся, весь мир засмеялся (горшок)» [12, с. 113]; «Кто родился – не крестился, на себе Христа носил? (крест)» [12, с. 149] и др.). При этом когнитивные метафоры в загадках конкретизируются в различных культурно-обусловленных образах.

Отметим также, что в загадках русской традиционной культуры рождение используется и для неметафорического обозначения свойств загаданных объектов. Сравн.: «Кто один раз родился, два раза умирал? (Лазарь)» [12, с. 153]; «Кто родился, не крестился, умер, не спасся, а был богоносец (осёл)» [12, с. 154] и др.

Таким образом, рождение в загадках русского народа иносказательно описывается как переход из одного пространства в другое, перемещение из точки А в точку Б; в русских народных загадках, в которых кодируются различные объекты, не связанные с темой рождения человека, рождение используется для метафорического обозначения начала, изготовления артефактов и возникновения в природе различных организмов.

Кроме того, рождение в загадках русской традиционной культуры используется для неметафорического обозначения свойств загаданных объектов.

Список использованных источников

1. Ковшова, М. Л. К вопросу о семантической структуре загадки. Когнитивный и культурологический комментарий как принцип исследования / М. Л. Ковшова, О. С. Орлова // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. – 2020. – Т. 4. – С. 70–79.
2. Библия православная. – Российское Библейское Общество, 2007. – 928 с.
3. Левин, Ю. И. Семантическая структура загадки. / Ю. И. Левин // Паремнологический сборник. Пословица. Загадка (Структура, смысл, текст). – М. : Наука, 1978. – С. 283–314.
4. Журинский, А. Н. Семантическая структура загадки: Немегафорические преобразования смысла / А. Н. Журинский / отв. ред. Н. В. Охотина. – М. : Наука, 1989. – 128 с.
5. Головачева, А. В. К вопросу о прагматике загадки / А. В. Головачева // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Загадка как текст. – М. : Индрик, 1994. – С. 195–213.
6. Топоров, В. Н. К реконструкции «загадочного» прототекста (о языке загадки) / В. Н. Топоров // Исследования по этимологии и семантике. – Т. 2 : Индоевропейские языки и индоевропеистика. Кн. 2. – М., 2006. – С. 471–483.
7. Орлова, О. С. Принцип непрямого номинации в загадках и эвфемизмах на тему рождения и смерти : автореф. дис... канд. филол. наук / О. С. Орлова. – М., 2020. – 22 с.
8. Fillmore, Ch. J. Frames and the semantics of understanding / Ch. J. Fillmore // Quaderni di semantica. Vol. VI, no. 2, 1985. – Pp. 222–254.
9. Lakoff, G. Metaphors we live by / G. Lakoff, M. Johnson. – Chicago : The University of Chicago Press, 2008. – 276 p.
10. Болдырев, Н. Н. Прототипы в языковой репрезентации знаний / Н. Н. Болдырев // Когнитивные исследования языка. – 2009. – Вып. II. – С. 36–44.
11. Ковшова, М. Л. Словарь лингвокультурологических терминов / М. Л. Ковшова, Д. Б. Гудков. – М. : Гнозис, 2017. – 192 с.
12. Митрофанова, В. В. Загадки / В. В. Митрофанова. – Л. : Наука, 1968. – 256 с.
13. Садовников, Д. Н. Загадки русского народа. Сборник загадок, вопросов, притч и задач / Д. Н. Садовников. – СПб. : Типография Н. А. Лебедева, 1876. – 333 с.
14. Рыбникова, М. А. Загадки / М. А. Рыбникова – М.–Л. : Academia, 1932. – 472 с.
15. Толстая, С. М. Беременность / С. М. Толстая // Славянские древности. Этнолингвистический словарь : в 5 т. – Т. 1. – М. : Институт славяноведения РАН, 1995. – С. 160–164.
16. Дамаскин, И. Точное изложение Православной веры / Иоанн Дамаскин [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://azbyka.ru/otechnik/Ioann_Damaskin/tochnoe-izlozhenie-pravoslavnoj-veru/. – Дата доступа : 03.09.2021.
17. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Часть 2 / В. И. Даль. – М. : Об-во любителей рос. словесности, 1863. – 1351 с.
18. Брагина, Н. Г. Память в языке и культуре / Н. Г. Брагина. – М. : Языки славянских культур, 2007. – 520 с.

Abstract. The article deals with a cognitive-cultural description of Russian folk riddles about birth and the riddles of Russian traditional culture which provide figurative descriptions of different objects using the image of birth. The focus is on the cognitive-cultural analysis of the riddles under consideration. The analysis reveals that birth is represented in the riddles under review as a movement from one space to another and the images of birth are used to create metaphorical descriptions of the beginning of the existence of living organisms as well as the creation of various artifacts and the starting point of a wide range of phenomena, events and actions.

Keywords: riddle, birth, metaphor, image, cognitive-cultural analysis.

А. А. Осипова, Н. В. Позднякова

РЕЧЕВЫЕ ШТАМПЫ СОВРЕМЕННОГО ДИСКУРСА: МОЖНО ЛИ ИХ НАЗЫВАТЬ ФРАЗЕОЛОГИЗМАМИ?

Аннотация. В конце XX–XXI в. фразеологический корпус русского языка значительно расширился. Источниками обогащения послужили цитаты из песен и кинофильмов, изречения политиков, Интернет-пространство, реалии, возникшие в период коронавируса, и т. д. Среди них выделяется блок единиц, представляющих собой штампы речи, вызывающие негативное восприятие. Подобные фразеологизмы стали предметом анализа в данной статье.

Ключевые слова: фразеологический неологизм-штамп, словарь, историко-лингвокультурологический анализ, семантика.

В конце XX – первой четверти XXI в. корпус фразеологических единиц (далее – ФЕ) в русском языке активно пополнялся из различных источников: 1) ФЕ из военной сферы (*афганский синдром, белые каски, горячая точка, груз 200, черный тюльпан* и пр.) или связанные с памятью о Великой Отечественной войне (*бессмертный полк, георгиевская ленточка* и пр.); 2) ФЕ, возникшие в процессе борьбы с терроризмом (*антитеррористическая операция, ваххабитская зараза, воины Аллаха, объявить джихад, очистить Чечню, чеченская кампания, черная вдова* и пр.); 3) ФЕ-наименования массовых протестных движений на постсоветском пространстве и в странах третьего мира (*арабская весна, крымская весна, бархатная революция, болотная революция, желтые жилеты, зеленая революция, оранжевая революция, цветная революция* и пр.); 4) ФЕ, порожденные Интернетом (*бежущая строка, в один клик, в режиме онлайн, виртуальная реальность, глобальная деревня, гугл в помощь, жизнь онлайн, жизнь офлайн, нигерийские письма, офисный планктон, сетевое поколение, цифровые аборигены* и пр.); 5) ФЕ, отражающие реалии социальной сферы (*антивозрастная медицина, волонтерское движение; демографическая яма, коммунальная мафия, лежащий полицейский, потребительская корзина, черная пятница, черный вторник, экологический туризм* и пр.); 6) ФЕ из песен (*батяня-комбат; группа крови на рукаве; девочка с Севера; Мое сердце остановилось (Мое сердце замерло); Мои мысли – мои скакуны; Напрасные слова – виньетка ложной сути; Перемен! – требуют наши сердца* и пр.); 7) ФЕ, восходящие к художественному кинематографу и мультипликационным фильмам (*Беги, Форест, беги!; В деньгах вся сила, брат!; Вкусновато, но маловато; Да пребудет с тобой сила!; Кольцо Всевластия; Моя прелесть!; Не мы такие – жизнь такая; Не смейте мои подковы!; Улыбаемся и машем, парни!; Хьюстон, у нас проблемы; Это Спарта!* и пр.); 8) ФЕ, порожденные коронавирусной пандемией (*бессимптомный носитель, дистанционное обучение, красная зона, паспорт вакцинации, режим самоизоляции, социальная дистанция* и пр.); 9) ФЕ – крылатые выражения политических и государственных лидеров России (*Вот такая, понимаешь, загогулина получается; Денег нет, но вы держитесь; Здесь вам не тут!; кошмарить бизнес; мочить в сортире; Никогда такого не было, и вот опять; Хотели как лучше, а получилось как всегда; Я устал, я ухожу* и пр.) (См. [1]). Среди неофразеологизмов выделяется особый блок широко употребляемых единиц, представляющих собой штампы речи, о которых и пойдет речь в данной статье.

Обычно фразеологизмы способствуют выразительности речи, ее образности. Употребляя их, мы придаем своему рассказу эмоциональность, афористичность и даже метафоричность. Но современные ФЕ-штампы в большинстве своем вызывают у участника коммуникации раздражение. Так, ФЕ *Я вас услышал*, имеющий своим источником английское «Got it!» (буквально: «Понял!»), наложившись на российскую модель коммуникации, породил негативное восприятие, сравн.: *Расстались с парнем, потому что*

ссорились <...> прошло уже три месяца <...> я понимаю, что все равно люблю его безумно и готова принять его таким, какой он есть, и позвонила ему и сказала, что очень люблю и хочу вернуть наши отношения <...> он внимательно выслушал меня и в ответ сказал: **«Я тебя услышал»**... то есть никакого прямого ответа <...> Я вот думаю, что если бы он хотел сказать «нет», он просто взял и сказал бы «нет», а тут какая-то непонятка.... так вот жду все-таки, что он примет решение. Как вы думаете? Эта фраза **«Я тебя услышал»**... что он хотел добиться? [2]; Волнующий многих российских граждан вопрос о возможности сделать 31 декабря выходным днем был задан Владимиру Путину в ходе заседания Совета по развитию гражданского общества и правам человека. Глава государства ушел от прямого ответа на этот вопрос, но улыбнулся и сказал: **«Я вас услышал»** [3]; Когда чиновник в ответ на ваши просьбы или жалобы употребляет в разговоре дежурную фразу: – **Я вас услышал!** – это не предвещает ничего хорошего. Эта коронная фраза значит, что вы его окончательно достали и он палец о палец не ударит, чтобы вам помочь! Даже за большие деньги. Можете больше к нему не обращаться... Между простыми людьми и чиновниками огромная пропасть. И поэтому наши проблемы и боль никто из руководителей не слышит... [4].

На самом деле тот, кто в ответ на просьбу или вопрос кого-либо произносит *Я тебя услышал / понял*, не знает, как ему реагировать, ему необходимо время, чтобы подумать. Эта фраза сама по себе нейтральная. И дело здесь не в словах, а в психологии собеседников. Англоязычный слушающий обязательно будет реагировать во время беседы на слова говорящего: это могут быть «кивки понимания», короткие высказывания типа *Got it* («уловил, понял»). Так человек дает понять, что его внимание сосредоточено на собеседнике. Это необходимая базовая часть и деловой, и повседневной коммуникации. У нас переводной вариант *Я вас услышал* обычно использует тот, от кого что-то зависит, кто-то вышестоящий по иерархии. По идее данный ФЕ бессмыслен в плане информативности: человек, у которого нет проблем со слухом, в любом случае услышит собеседника. Воспринимаем же мы оборот не иначе, как «Ты меня утомил, давай закончим разговор», «Мне до лампочки, что ты там сказал, я все равно сделаю по-своему». *Я вас услышал / понял* – штамп деловой и чиновничьей речи, типичная менеджерская фраза. Публицист и блогер Г. Иванкина саркастично определила подобные фразы как «говорок недоменеджеров полусреднего звена, милых выпускниц Международных Академий Маркетинга (бывш. кулинарно-слесарный техникум в поселке городского типа Лесная Пердь)» [5]. Психологи пытаются реабилитировать фразу: «Что слышит адресат? “Ты ничтожество, а я важный”. “Что бы ты ни сказал, ничего не изменится”. “Кроме как слышать, я ничего не собираюсь для тебя делать”. “Отвяжись”. “Оставь меня в покое со своими глупостями”. “Того, что я тебя слышу, уже достаточно, чтобы ты был счастлив” <...> Что на самом деле имеет в виду адресат? Чтобы это понять, надо знать, что ситуация, в которой эта фраза произносится, всегда одна и та же: ваш собеседник не готов к немедленному ответу. В российском обществе культурный код – промолчать в ответ на неудобный вопрос. В течение последних трех лет этот код меняется в сторону появления обратной связи даже в тех ситуациях, где она раньше отсутствовала. “Я тебя услышал” – новая полноценная обратная связь в тех случаях, где раньше молчали, при этом не включающая в себя немедленный результат коммуникации» [6].

Еще одно выражение-«паразит», которое может употребляться в речи по любому поводу, часто для подчеркивания несоответствия чего-л. чему-л. и выделения каких-либо свойств, – *На минуточку / секундочку*. Ведущий научный сотрудник сектора теоретической семантики Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН И. Левонтина отмечает: «В последнее время вошли в моду и новые языковые единицы, которые по смыслу должны снижать напряженность ситуации, однако используются для поле-

мического заострения: *на минуточку / на секундочку (Это на минуточку моя квартира!); если что (Это, если что, моя квартира!); а ничего, что... (А ничего, что он мой начальник?)*» [7]. Выражение *на минуточку / секундочку* сейчас часто употребляется не только в смысле ‘ненадолго’, но и в особом значении, не имеющем отношения к указанию на время (‘кстати, к слову, так сказать, между прочим’), сравн.: *Министерство культуры скатило телегу (на минуточку) на сам Газпром. Вообще Министерство культуры организация довольно бесправная и беспомощная, рассчитанная на управление интеллигентами. Интеллигенты – они интеллигенты и есть. И если столь малые и слабые замахиваются на столь больших, то, значит, их руку поддерживает серьезный дядя* [8]; *Гражданская война в России продолжалась с 1918 по 1922 годы (некоторые исследователи считают, с 1917 по 1923 гг.), и погибло в ней, по разным оценкам, около 12 млн. человек. Двенадцать миллионов – это, на секундочку, каждый четырнадцатый житель Российской империи начала двадцатого века* [9]; *Очень волнуемся за наши «честные выборы», которые осуществляются, на минуточку, на деньги налогоплательщиков! ЦИК обеспечивает свою работу под девизом «цирк с конями». Чтоб вы понимали, кони, это мы, избиратели! Это для нас создан весь этот цирк и зоопарк вместе взятые* [10]. Особенность этих выражений в том, что вне временного контекста они всегда употребляются саркастически.

Вызывает отрицательные эмоции и формула сетевого приветствия *Доброго времени суток*. Оборот появился в начале 1990-х гг. в электронной почте и общении на форумах. Он возник благодаря новым условиям коммуникации. Считается, что данное обращение учитывает разнообразные временные условия, в которых находятся участники общения на форуме или подписчики электронной рассылки. Действительно, адреса приветствия могут находиться в разных местах земного шара и в разных часовых поясах, и потому здесь не подходят привычные формулы типа *Доброе утро!* М. Кронгауз отмечает, что «с одной стороны, это справедливо, с другой – в этом есть определенное лукавство: существуют ведь и “вневременные” приветствия, например нейтральное *Здравствуй!* Форма родительного падежа, скорее всего, возникла под влиянием распространившегося в 1990-х годах приветствия *Доброй ночи!* Первоначально воспринималось как шутка или, по крайней мере, шутовское, а потому бодрое приветствие. По мере употребления шутовскость стерлась, переродившись в некоторую фамильярность, раздражающую многих» [11], сравн.: *Появилось новшество: здороваться не по-русски, а «доброго времени суток». Откуда пошло такое искусственное выражение? Есть «доброе утро/день/вечер», и все же знают, что мы живем в разных часовых поясах. Очень легко понять, почему человек утром здоровается как вечером, значит, он живет на севере или Дальнем Востоке. А это вот «доброго времени суток» показывает, что людям просто не хочется заморачиваться, какие там у вас сутки, какое мне дело, сами разберетесь. В общем, очень некрасивая тенденция* [12]; *Девушка начала свое обращение к участникам группы с выражения «доброго времени суток» и понеслось. Сразу же объявились заумные «филологи», осуждающие такое начало <...> Сочетание «Доброго времени суток» неграмотно и нарушает принципы этикета письма <...> Сегодня добрый день недели. Прекрасный килограмм груш. Ну как вам? Красиво звучит? Не думаю. То же самое и с **добрым времени суток** [13]; Так что же все-таки раздражает противников «**добрых суток**» в переписке, почему возникает желание отправить письмо в корзину, а отправителю написать: «и вам здравствуй!»? Одну из версий озвучил еще один выдающийся филолог Михаил Эпштейн: «Когда я вижу приветствие “**Доброго времени суток!**”, меня чуть передергивает от этого мещанского политеса. Нечто зоценковское. Дескать, не “день”, а “время суток”, не “ванна”, а “обмывочный пункт”. Как в пору урбанизации 1920-х деревня повалила в город, так теперь она атакует Интернет. В деревне самой по себе нет ничего плохого, но вот деревнет, это щегольство новоприобретенным жаргончи-*

ком! <...> А ведь кому-то это кажется остроумным и деликатным. Мою-то цидульку прочтут неизвестно где и когда, пусть и воспримут мое пожелание близко к сердцу, на заре – как пожелание прекрасной зари и т.д. Ради такой учтивости не жалко накатать много лишних букафф. И невдомек, что канцелярский оборот – «время суток» – с первого взгляда убивает в адресате лучшие чувства и с добротой никак не совмещается, просто по стилю [14].

В любой аудитории находятся и те, кто использует оборот *Доброго времени суток*, и те, кого он крайне раздражает. Возможно, причиной недовольства становится «некий условный образ, стоящий за ним: бодрый, фамильярный и неухоженный сисадмин из эпохи девяностых» [11]. Оборот *Доброго времени суток!* считают штампом, официальной, подхваченной кем-то и распространившейся с бешеной скоростью. Согласно речевому этикету в русском языке приветствия имеют форму именительного падежа (*Доброе утро! Добрый день! Добрый вечер! Хлеб да соль!*). В родительном же падеже обычно стоят конструкции, обозначающие прощание (*Доброй ночи! До скорой встречи! До свидания! Счастливого пути!*). Таким образом, приветствие *Доброго времени суток!* неграмотно. В своем бестселлере «Русский язык на грани нервного срыва» (2008 г.) М. Кронгауз всячески рекомендует не расшатывать стройную систему русского этикета и не использовать приветствий в родительном падеже.

В качестве «финального аккорда» обратимся к ФЕ *вишенка на торте*. Его источником обычно считают два английских фразеологизма: точной калькой одного из них является закрепившийся в русском языке оборот *cherry on the cake*, в качестве другого указывают *icing on the cake* («глазурь на торте»). По данным НКРЯ, выражение появилось в конце 10-х гг. XXI в. Во всяком случае, на рубеже веков переводчики еще не использовали русский аналог при передаче английских прототипов [15]. Данный неофразеологизм называют одним из самых часто употребляемых и многим надоевших. Он имеет два противоположных значения: 1. Прекрасное завершение, дополнение к чему-, кому-л. 2. Завершающий неприятный акцент. Сравн.: 1. *Ты стала вишенкой на торте*. / Тебя я выиграл за карточным столом / Когда твой друг в хмельном азарте / Тебя поставил наравне с баблом <...> Ты стала моей **вишенкой на торте** / В придачу к пачке денег и ключам / Сегодня мне везло как демону, как черту... / Плевать мне на тебя. Иди к другим чертям [16]; Нападающий «Баварии» Томас Мюллер после победы над «Севильей» в матче за Суперкубок УЕФА (2:1 д.в.) отметил, что игра получилась тяжелой. Также он добавил, что гол Хави Мартинеса в дополнительное время стал **вишенкой на торте** [17]; 2. Ушел в прошлое 2016 год – год дальнейшего обнищания пенсионеров. Он вместил в себя многое – и ежемесячное снижение покупательной способности пенсий, и отсутствие их индексации, и – вот она, **вишенка на торте!** – са크раментальную фразу премьера: «Денег нет, но вы держитесь» [18]; Мы воспитывали граждан. А сегодня на образование выделено 3-3,5% от ВВП. Теперь мы получаем поверхностное образование, плюс ко всему добавлена **вишенка на торте** в виде дистанционного образования», – сказал депутат... [19].

ФЕ *вишенка на торте* нередко используется в трансформированном виде, что расширяет ее семантику, сравн.: *Российский рассвет для Крыма наступает на фоне украинского заката. Майдан не выполнил главной своей задачи – передачи полуострова Крым в руки американцев. Украина осталась вишенкой без торта. А вишенка без торта Вашингтону не нужна. Особенно если учесть, что вишенка эта обошлась в 5 миллиардов долларов [20]; – Москва привлекательна еще и тем, что именно здесь идет очень большое бюджетное субсидирование, – говорит Ирина Маликова, гендиректор ЗАО «Жилкомаудит», кандидат экономических наук <...> А эти деньги в отличие от других сфер бизнеса вообще не зависят от спада или падения рынка. Они всегда есть и будут – ценное свойство бюджета <...> Но и эти деньги – не самая сладкая «вишенка» в сдобном пироге товариществ [21].*

Таким образом, наблюдения над значительно обновившимся фразеологическим корпусом современного русского языка позволяют сделать выводы, что с фразеологизмами, приносящими яркость, образность, точность, гармонично сосуществуют фразеологические штампы, которые хотя и раздражают многих носителей языка, но при этом обладают 1) сверхсловностью, то есть «состоят из двух или более компонентов словного характера, связанных между собой по грамматическим законам данного языка»; 2) «воспроизводимостью (они не создаются в процессе общения, а воспроизводятся как готовые целостные единицы)»; 3) «устойчивостью компонентного состава и грамматической структуры (не исключаяющей вариантности)»; 4) «стабильностью, устойчивостью семантики, закреплённой за данным оборотом в языковом узусе» [22, с. 21–22], и широко используются в дискурсе. Это особые единицы, которые, как мы считаем, следует фиксировать во фразеологическом словаре.

Список использованных источников

1. Русско-болгарский словарь фразеологических неологизмов / С. Г. Шулежкова, Л. Н. Чурилина, О. Е. Чернова, С. И. Георгиева, А. А. Осипова, А. Н. Михин, Н. В. Позднякова, Д. А. Новиков, Е. Д. Миланова; пер. на болг. Н. П. Делева; под ред. С. Г. Шулежковой (гл. ред.), А. А. Осиповой. – Магнитогорск : Магнитогорск. гос. техн. ун-т им. Г. И. Носова ; Пловдив : Пловдивский ун-т им. Паисия Хилендарского, 2021. – 457 с.
2. Я тебя услышал, 16.09.2019 // Woman.ru. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.woman.ru/relations/men/thread/5154491/>. – Дата доступа : 01.04.2021.
3. Я Вас услышал: Путин улыбнулся в ответ на предложение сделать 31 декабря выходным, 10.12.2019 // ЦарьГрад [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://tsargrad.tv/news/ja-vas-uslyshal-putin-ulybnulsja-v-otvet-na-predlozhenie-sdelat-31-dekabrja-vyhodnym_229710. – Дата доступа : 01.04.2021.
4. Александров-Снегирь. Коронная фраза – Я вас услышал!, 2019 / Александров-Снегирь // Проза.ру. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://proza.ru/2019/01/28/1594>. – Дата доступа : 01.04.2021.
5. «Я Вас услышал». 8 офисных дебилизмов, которые нужно забыть раз и навсегда // Anews.com. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://yandex.ru/turbo/anews.com/s/razvlechenija/101932595-ja-vas-uslyshal-8-ofisnyh-debilizmov-kotorye-nuzhno-zabyty-raz-i-navsegda.html>. – Дата доступа : 01.04.2021.
6. Рублева, Ю. Я тебя услышал / Ю. Рублева // Психологи на b17.ru. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://www.b17.ru/blog/ya_tebya_uslyshal/. – Дата доступа : 01.04.2021.
7. Левонтина, И. Так на минуточку если что / И. Левонтина // Троицкий вариант наука: газета [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://trv-science.ru/2020/06/tak-na-minutochku-esli-chno/>. – Дата доступа : 29.03.2021.
8. Веллер, М. Медведевское крыло входит в боевой разворот?, 20.11.2009 / М. Веллер // Сайт КПРФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://kprf.ru/opponents/73154.html>. – Дата доступа : 08.01.2020.
9. Малышев, И. «Заграница не поможет. Никогда не помогала». Об участии Антанты в гражданской войне в России, 04.11.2012 / И. Малышев // Сайт КПРФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://kprf.ru/rus_soc/112090.html. – Дата доступа : 08.01.2020.
10. Эхо Москвы: Очередные fake news о Грудинине, 06.03.2018 // Сайт КПРФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://kprf.ru/activity/elections/173703.html>. – Дата доступа : 08.01.2020.
11. Кронгауз, М. Доброго времени суток! / М. Кронгауз // Arzamas: журнал [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://arzamas.academy/micro/etiket/13>. – Дата доступа : 19.03.2021.
12. Matryoshka-doll. Что еще за «доброго времени суток»? , 23.12.2012 // Ярмарка Мастеров [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.livemaster.ru/topic/175417-chno-za-esche-dobrogo-vremeni-sutok>. – Дата доступа : 06.02.2021.
13. «Доброго времени суток» – почему нельзя начинать свою беседу с этих слов, 14.04.2019 // Яндекс Дзен [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://zen.yandex.ru/media/>

id/5c9f34f807523700b397b038/dobrogo-vremeni-sutok-pochemu-nelzia-nachinat-svoiu-besedu-s-etih-slov-5cb2b5dbcc595b00b3b85e6d. – Дата доступа : 06.02.2021.

14. Kurto, N. Интернет-этикет: Доброго времени суток?!, 13.06.2019 / N. Kurto // Люди Роста [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://ludirosta.ru/post/internet-etiket-dobrogo-vremeni-sutok_2837. – Дата доступа : 06.02.2021.

15. Давыдова, О. А. Новые фразеологизмы русского языка / О. А. Давыдова // Вестник Российского нового университета. Сер. «Человек в современном мире». – 2019. – Вып. 2. – С. 52–60.

16. Вранский, А. Вишенка на торте, 2019 / А. Вранский // Стихи.ру [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://stihi.ru/2019/04/03/7614>. – Дата доступа : 04.02.2021.

17. «Вишенкой на торте стал гол Хави Мартинеса». Мюллер – о победе в Суперкубке УЕФА // Спорт-экспресс, 25.09.2020 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.sport-express.ru/football/uefa-supercup/news/vishenko-na-torte-gol-havi-martinesa-muyuller-o-pobede-v-superkubke-uefa-1713591/>. – Дата доступа : 04.02.2021.

18. Кондратьева, О. Ниже планки выживания / О. Кондратьева // Правда, 31.01-01.02.2017, № 10 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://kprf.ru/pravda/issues/2017/10/article-57413/>. – Дата доступа : 04.02.2021.

19. Ющенко, А. О работе Госдумы в уходящем 2020-м и планах на будущее для КПРФ, 08.12.2020 / А. Ющенко // Сайт Московского городского отделения КПРФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://msk.kprf.ru/2020/12/08/150567/>. – Дата доступа : 04.02.2021.

20. Цуканова, А. Крымский торт и украинская вишенка, 18.03.2016 / А. Цуканова // Информационное агентство «News-front» [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://news-front.info/2016/03/18/krymskij-tort-i-ukrainskaya-vishenka-arina-cukanova/>. – Дата доступа : 04.02.2021.

21. Кривякина, Е. Почему в Москве убивают председателей ТСЖ?, 09.08.2018 / Е. Кривякина // Московский жилищный союз [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.moscowhousing.ru/sitePublication/37>. – Дата доступа : 04.02.2021.

22. Шулежкова, С. Г. Крылатые выражения русского языка, их источники и развитие : монография / С. Г. Шулежкова. – Челябинск : Факел, 1995. – 223 с.

Abstract. At the end of the XX–XXI century the phraseological corpus of the Russian language has expanded significantly. The sources of enrichment were quotes from songs and films, words of politicians, the Internet, coronavirus realities and etc. Among them, there is a block of units which contains clichés speech. These units usually cause a negative reaction. Such phraseoneologisms became the subject of analysis in this article.

Keywords: phraseological neologism-cliché, dictionary, historical and linguoculturological analysis, semantics.

УДК 811.163.42'42'373:398.91(=163.42):336.74

M. Popović

NOVČANE JEDINICE U HRVATSKIM POSLOVICAMA

Sažetak. Predmet ovog istraživanja su novčane jedinice u hrvatskim poslovicama. Zanimala su nas osnovna značenja i vrijednosti karakteristične za hrvatske poslovice u kojima se pojavljuju leksemi s novčanim jedinicama (dinar, para, dukat, groš, forinta, škuda, mjed) te leksem „novac“ i njegove istoznačnice. Cilj nam je prikazati dio paremiološke slike monetarnih odnosa identificirajući kulturne simbole, pojmove i kulturne univerzalnosti povezane s konceptom vrijednosti novčanih jedinica te ponuditi značenja manje poznatih poslovice koje mogu biti nerazumljive i suvremenom izvornom govorniku.

Ključne riječi: poslovice, novac, novčane jedinice, hrvatski jezik.

Uvod

Novčane jedinice, njihov nastanak i razvoj daju nam obilje informacija o političkim, kulturnim i gospodarskim karakteristikama kultura i civilizacija koje su ih koristile. Zahvaljujući brojnim promjenama političkih režima tijekom povijesti raznolikost upotrebe novčanih jedinica se povećava, a njihov trag ostaje zabilježen u jeziku. Stoga su nas zanimale novčane jedinice koje su ostale prisutne u hrvatskim paremijama. Za ostvarivanje cilja provest ćemo semantičku analizu paremija. Građa je prikupljena iz dosad najopsežnije zbirke hrvatskih poslovia Kad ti kuća gori, a ti se ogrij sakupljača Bartula Matijace, te poslovia pronađenih u znanstvenim radovima i na Internetu.

U posljednjih se dvadeset godina u 19 od 27 država članica Europske unije koristi euro kao jedinstvena novčana jedinica i njegova upotreba se širi. Uvođenjem eura nacionalne novčane jedinice se više ne koriste, ali su još uvijek ostale zabilježene u jeziku.

Prvi je novac u prvotnim organiziranim ljudskim zajednicama ostvaren predmetima od plemenitih kovina te izražen njihovom masom [1, s. 9]. Tako su prve kovanice nastale u Kini i Indiji (1. tisućljeće pr. Krista), te u Lidiji u Maloj Aziji (635. g. pr. K.). Kovane su od prirodne slitine zlata i srebra, a ubrzo su se počele upotrebljavati i čiste kovine : zlato, srebro, bakar, bronca i dr. [1, s. 14]. Slična je situacija bila i na području Hrvatske „...Hrvati (su) u svojem promonetarnom razdoblju, prije kovanja prve autohtone monete, frizatika i banovaca, a katkad i nakon toga, novčarske transakcije obavljali plaćajući ih gotovinski u izvaganim mjerama raznog srebrnog ili zlatnog novca... pa se u Hrvatskoj i Slavoniji sve do 14. st. često plaćalo u vaganjem izmjerenoj količini srebrnog (katkad i zlatnog) novca, izražena u librama (327,5 g) ili markama (234,5 g), odnosno u «kesama» zlata ili srebra...“ [2, s. 42].

Prije pojave najstarijeg hrvatskog novca, kovanica hercega Andrije (1196–1204) u opticaju je bio bizantski novac. Kasnije su lokalni novac kovali hrvatski velikaši i gradovi (Split, Dubrovnik) [3, s. 11].

Zbirka poslovia Bartula Matijace *Kad ti kuća gori, a ti se ogrij*

Kao osnovni izvor za prikupljanje korpusa koristili smo zbornik *Kad ti kuća gori, a ti se ogrij* iz 2007 s najvećim dosad brojem paremioloških jedinica (14 926).

Zbornik sadrži popis paremija raspoređenih abecednim redom, rječnik motivskih riječi i rječnik manje poznatih riječi koji je neophodan za razumijevanje paremija zbog velikog broja rijetkih leksema *Ko ne čuva karantane, ne broji cekine*, brojnih turcizama, dijalektizama *Ko ne ide na pazar, ide mu para u dinar*. Poslovice pripadaju hrvatskim govorima istočno hercegovačke dijalekatske skupine, a važne su za sliku jezične kulture onog doba.

Autor zbornika je pučki učitelj Bartul Matijaca iz Kaštel Lukšića u Dalmaciji (1859–1934) koji je radeći u raznim dijelovima zemlje zapisivao narodne mudrosti. „Nema, nažalost, podataka o tome gdje su poslovice nastale ni gdje su zapisane. Prema jezičnim se osobinama može zaključiti da su to mjesta Matijačina službovanja (Kaštel Lukšić, Trogir, Pag, Orebić, Trpanj), odnosno krajevi koji su im gravitirali. Dosta ih je iz rukopisnih i tiskanih zbirki kojima se Matijaca poslužio“ [4, s. 13]. Prema Botici jedini podatak o B. Matijaci objavljen je u knjizi *Znameniti i zaslužni Hrvati 925–1925* (Zagreb 1925, ur. E. Laszowski) u kojem se navodi da se bavio folklorom, sabirao poslovice...“ [4, s. 12]. Zbornik je uredio i pripremio za tisak istaknuti povjesničar književnosti prof. dr. Stipe Botica koji se u znanstvenom i istraživačkom radu bavi temama usmene hrvatske književnosti.

Semantička analiza poslovia

Korpus poslovia sadrži manje poznate jedinice, čak i izvornim govornicima hrvatskog jezika. Neki od navedenih primjera pripadaju kategoriji paremija, a ne „pravih poslovia“. U ovoj analizi smo nastojali objasniti značenja poslovia koje rijetko možemo pronaći u zbornicima poslovia. Napomenimo da hrvatski paremiološki minimum i optimum još nisu utvrđeni. Međutim, provedeno je istraživanje u tu svrhu u dvjema fazama (2014 i 2018). Zaključeno je da bi ga trebalo proširiti mrežnim upitnikom koji bi omogućio određivanje hrvatskog paremiološkog minimuma [5, s. 49].

U korpus smo uključili paremije s leksemima: *dinar*, *forinta*, *groš*, *dukat*, *cekin*, *para*, leksem „*novac*“ i regionalizam „*penezi*“, a pronašli smo i rijetke lekseme poput *karantan* i *mjed*.

Poslovice s jednom jedinicom u svom sastavu

Dinar (denar)

Najviše smo pronašli jedinica s leksemom *dinar* što ne iznenađuje s obzirom na rasprostranjenost i upotrebu dinara. Dinar je bio novčana jedinica Dubrovačke Republike u razdoblju od 1337–1621. ostvaren srebrnjacima, srednjovjekovna novčana jedinica Bosne, Kraljevine Srba, Hrvata i Slovenaca (1920–1929.), te Kraljevine Jugoslavije (1929–1941.) kada se dijelio na 100 para. Od 1944–1991. dinar je službena novčana jedinica Jugoslavije i također se dijelio na pare. (Jakobović, 2014: 30–31). Valja spomenuti i denar, (lat. *denarius*) staru novčanu jedinicu iz Rimske Republike, njegove izvedenice u mnogim europskim zemljama koje su bile u opticaju u srednjovjekovnoj Europi: *peni*, *fenig*, *denier*, ali i *banski denar* (lat. *denarius banalis*), koja se smatra prvom poznatom hrvatskom novčanom jedinicom ostvarenom srebrnjacima koju je uveo herceg Andrija (1192–1211) [1, s. 29–30]. *Banovac*, *slavonski banovac*, *banski denar* ili *zagrebački denar* su jedinice iz vremena nasljednika hercega Andrije (1235–1384), ostvarivane su srebrnjacima, kovale su se u Zagrebu i Pakracu, na njima je bila prikazana kuna u trku (Jakobović, 2014: 29–30). Prema Milinoviću [2, s. 43]. *banovci* su zbog čistoće srebra i lijepe izrade već u 13. stoljeću postali „europski novac“ i bili rabljeni u međunarodnoj trgovini za sva plaćanja diljem srednje Europe“.

Dinar je u poslovicama često prisutan kao metonimijska oznaka za novac *Dinara tko ima, što hoće dobiva* uz veličanje moći i neophodnosti novca *Nije gospara bez dinara*. Suprotnost značenja svojstvena je poslovicama, a očituje se u sljedećem primjeru koji se značenjski suprotstavlja prethodnima i izražava ograničenu moć novca *Gospodar da ne ima neg dinar, ali je gospodar, oslovac da ima zlatan pokrovac, al je oslovac*. U sljedećim poslovicama označava jedinicu male vrijednosti (navedeni primjeri mogli bi se odnositi i na kategoriju bogatstvo-siromaštvo) *Da je grad za dinar, kad dinara nije, zaludu je; Skup je grad za dinar, kad dinara nema; Malo je masla za dinar*. O načinu zarađivanja i trošenja novca možemo reći *Ja sam dinar dobio, a ti si ga popio; Ko ne ide na pazar, ide mu para u dinar; Kupio je na drag dinar sramotu; Ko na svoj dinar štete kupuje, ludo se na štetnika tuži; Neka dinar popije oni ki ga dobije*. Frazem *izbiti dinar iz kamena* označava sposobnost zaraditi novac od ničega. Na naplaćivanje usluga upućuje sljedeći primjer poslovice s etnonimom *Za ono što je bilo ne da Židov ni dinara*. Dvije varijante rimovane poslovice *Rim dava dim, a ište dinare za hraniti fratre, Rim dava dim, a pita dinare za gradit oltare* bi se mogle tumačiti kao potvrda o uzajamnosti u pružanju usluga ili odnos dviju nejednakih strana. Karakteristike dinara su izražene u sljedećim poslovicama: *Dinari ne muče, neg buče; Dinari su nespори kao i djeca*. O važnosti štednje kažemo *Dinar čini dinare*.

Forinta

Forinta je bila „hrvatska novčana jedinica iz doba bana Josipa Jelačića koju je u opticaj stavilo Bansko vijeće 1848. god. Ostvarena je srebrnjakom“ [1, s. 38]. U poslovicama ju nalazimo u značenju vrijednosti novca *Ko će znati koliko vrijedi forinta, neka ju uzajmi* i načinu trošenja novca *Kupio hajduk gaće za marijaš, a popio forintu alvaluka*.

Groš

Groš je naziv za srebrni novac se koristio u Europi tijekom srednjeg vijeka i njegova vrijednost, masa i vrsta metala u kojima se ostvarivao se razlikovala tijekom vremena i u odnosu na područje gdje je bio u opticaju. Jakobović [1, s. 38] ju opisuje na sljedeći način „srednjovjekovna hrvatska novčana jedinica, u kojoj je Pavao Šubić, ban Hrvatske i Dalmacije te gospodar Bosne, kovao novce... novčana jedinica Dubrovačke Republike iz 1801.god., vrijednosti ½ perpera“. Leksem *groš* smo pronašli u manjem broju poslovice. Rimovana poslovice koja se odnosi na bogatstvo i potrošnju *Dok groši zveče, i vino teče*, te sljedeća koja upućuje na mogućnost pogreške u svakoga *Posrne i konj od sto groša*. U navedenim poslovicama groš je prikazan kao vrijedna novčana jedinica.

Dukat

Dukat (grč. *dukas*, tal. *ducato*) je naziv za novac različite vrijednosti, osobito u Italiji, Austro-Ugarskoj i Francuskoj [6, s. 328].

U poslovicama se pojavljuje kao vrijedna jedinica koja otvara sva vrata *Ako hoćeš znati koliko je vrijedan dukat, išti ga imati; Biće mišja rupa za dukat; Koji magarac nosi na leđi tovar dukata, istina on se ništa ne mijenja, ali ne ima vrata na koja ući ne može*. Sintagma *sto dukata* u sljedećoj poslovice označava 'veliku vrijednost' i napominje odnos vrijednosti i kvalitete *I konj od sto dukata posrne*.

Cekin

Sljedeća bi se poslovice mogla tumačiti kao nužnost otplaćivanja uzrokovane štete *Izbi Turčinu oko, i ostavi mu cekin na mjesto, i ništa se ne boj*. Cekin je općeniti naziv za zlatnik, ali i novčana jedinica Mletačke republike od 13 do 18 st. [1, s. 27].

Škuda

Rasipnost je izražena u poslovice *Kupio bi hajduk gaće za marijaš, a popio škudu halnauka*. Škuda je prvotno obračunska jedinica Dubrovačke Republike od 1294–1803, povremeno ostvarena srebrnjacima, ali i talijanska novčana jedinica nazvana po štitu koji je na njoj bio utisnut [1, s. 69–70].

Mjed

Potreba za štednjom se izražava paremijom *Bijele mjedi za crnih dana*. Mjed (minca ili folar) je „novčana jedinica Dubrovačke Republike od 1294 god. do 17 st., vrijednosti 1/30 srebrnih denara. Ostvarena bakrenjakom“ [1, s. 56].

U rječniku uz zbirku poslovice B. Matijace navedeno je da je mjed i općeniti naziv za novac „Mjed – novac, (dubrovačka minca) [4, s. 369]. U navedenom primjeru je prisutna opozicija crno – bijelo, a sintagma *crni dani* odnosi se na loše razdoblje ili život u oskudici. Uz primjerima poslovice s leksemom *novac* nailazimo na *bijeli novac* u opoziciji s *crnim danima*, *Bijele novce čuvaj za crne dane, Čuvaj bijele novce za crne dane, Bijele novce valja ostavljati za crne dane*.

Opoziciju crno-bijelo, u kojoj bijelo ima pozitivni, a crno negativni predznak, nalazimo i u sljedećem frazemu u njegovu punom *čuvati (ostavljati, štedjeti) bijele novce (pare) za crne dane* i eliptičnom obliku, koji se češće upotrebljava, *čuvati (ostavljati, štedjeti)) za crne dane* [7, s. 467].

Pare

Para i pare se danas najčešće koristi kao općenit naziv za novac. Međutim, radi se i o nazivu za novčanu jedinicu ostvarenu srebrnjakom u doba Osmanskoga carstva u opticaju od 1623. god. Parame su se nazivale i stotinke dinara Kraljevine SHS (1920–1929), Kraljevine Jugoslavije (1929–1941), Jugoslavije (1944–1991) [1, s. 30]. Pronašli smo i primjere koji se odnose na vrijednost novca *Da je devet džigerica za paru, ne bi se moga hraniti*, odnos vrijednosti i kvalitete *Šuplja para cijenu gubi* i neophodnost novca *Bez para ni u crkvu*, te o pogrešnoj procjeni vlastitih sposobnosti *Dala baba paru da se uhvati u kolo, a poslije dvije da se pusti*.

Pojam siromaštva se u hrvatskom jeziku može izraziti i frazemima sa sastavnicom *pare: biti bez prebijene pare (lipe, kune), nemati ni prebijene pare (lipe, kune)* [8, s. 92]. „U aktualnoj se uporabi, što potvrđuju i primjeri, umjesto *pare* koriste i suvremene hrvatske novčane jedinice *lipa* i *kuna*, a to je prema Ž. Fink (2008) potvrda potpune desemantizacije navedenih frazema, ali vjerojatno i neznanja mlađe generacije kojoj je prebijena para nepoznanica“ [8, s. 93].

Penezi

Ubozijem pamet, a čestitijem pjenez; Pamet ubozijem, a pjenez čestitijem; Bolje je biti bez pjeneza, neg bez pameti– u navedenim primjerima s regionalizmom *pjenez* u značenju 'novac' izražen je odnos uma i novca. Pjenezi, odnosno penezi odnose se na „stariji naziv za novac u većini slavenskih jezika, vjerojatno posuđenica prema starogermanskom *pening*; od čega je njem. *pfening*, engl. i dr. U hrvatskom se riječ zadržala u kajkavskom, čakavskom

i gradišćanskom izričaju [1, s. 16]. Da je novac važan i neophodan kaže se *Ko ne ima pjeneza, ne ima ni obraza*, ali i da nije važniji od vlastita zdravlja *Bolje je jesti pjeneze, nego svoje meso*.

Novac

Poslovice s leksemom *novac* možemo podijeliti na one koje nam opisuju njegove karakteristike: novac je neophodan i važan: *Bez novca nije života, a treba ga i mrtvu; Gdje trebaju novci, ne koristi savjet; Sirotinjski je novac kao košulja od vatre : teško onome ko je obuče, novac pruža brojne mogućnosti: Ko ima novaca, može izabrati zeta, novac je svemoguć: Novci sitno zveče, ali se daleko čuju; Novci su i u iskrivljenoj kesi pohvaljeni; Usta sprdaju, a novci govore; novac omogućuje dobru hranu, piće i odjeću: Pije vino ko ima novaca, a ko nema sjedi kod lonaca; Vino pije ko ima novaca, sukno šije ko ima ovaca; Ko nema novaca, nek sjedi kod lonaca; Gdje su novci, tu su i masni lonci; Loš novac, loša odjeća, novac se lako troši: Novac šepavo ulazi, a plešući izlazi; Lakše je čuvati ovce nego novce; novac utječe na međuljudske odnose: Dok imadeš novaca, imadeš i prijatelja; Sa novcem dobar si brat bio lopov ili tat.*

Iako je novac u prethodnim poslovicama prikazan kao neophodan, svemoguć, važan sljedeći primjeri naglašavaju da se njime ne može sve kupiti: *Dobra riječ ne košta novaca*, da nije garancija kvalitete *Ne cijeni curu po novcu i stasu, već po duši i poštenu glasu* da „novac ne čini čovjeka“ *Banovac je banovac, ako ne ima ni novac, a oslovac je oslovac, ako bi ima svioni pokrovac; Begovac je begovac, ako neće imati ni novac, a magarac je magarac, ako će imati i zlatan pokrovac; Carevac je carevac ako ne će imati ni novac, a magarac je magarac ako će imati i zlatan pokrovac* te da ima i važnijih vrijednosti od novca poput slobode *Ko je dobio novac, a izgubio slobodu, izgubio je više nego dobio, znanja Znanje je gotov novac i vremena Vrijeme je najskuplji novac*.

Ako se o novcu govori u negativnom kontekstu onda se veže uz grijeh, pakao, đavla, „prodaju duše vragu“ *Novac je dušogubac; Novac pomaže mnogim u pakao, ali nikomu iz njega; Gdje je novac, tu je vrag. Liječnički grijesi zemljom su pokriveni, a bogataški novcem*.

Da novac može imati pozitivnu i negativnu konotaciju kaže nam poslovice u kojoj je jezik sinegdoha za ljudsku sposobnost govorenja, *Novci i jezik jednako služe: nekomu donose zlo, a nekom dobro*.

Elemente tradicijske kulture i ruralne sredine nalazimo u sljedećim primjerima o stjecanju blagostanja *Dok je ovaca, bit će i novaca; Dok je telaca, bit će i novaca*. Upotreba novca i prodaja su usko vezani pa su sljedeće poslovice okupljene oko značenja „trgovina i novac“ *Novci (su) trgovci; Ko novcem radi, uvijek mu nešto na dlanu ostane*.

Na posuđivanje novca upućuju poslovice *Ko od mene novac uzajmljuje, taj ili mi je prijatelj, ili hoće da mi bude; Posuđen novac smiješec dolazi, a plaćuć se povraća*.

Štednja je kao motiv neizostavno prisutan u paremijama. Na štednju se potiče i ona ima pozitivnu konotaciju *Novci se ne brane i dvaput brojiti*. Rasipnost nosi za sobom siromaštvo kao posljedicu *Ko novac sije, siromaštvo ženje*.

Poslovice s više jedinica u svom sastavu

U poslovicama u kojima se u suodnos stavljaju dvije jedinice poslužili smo se komparacijom kako bismo odredili karakteristike pojedinih jedinica i njihov međusobni odnos. Sljedeći primjer odnosi se na štednju s idejom da treba početi štedjeti sitne količine novca da bi se došlo do značajnije sume, odnosno jedinice veće vrijednosti *Ko ne čuva karantane, ne broji cekine*. U navedenoj poslovice se spominje *karantan*, novčana jedinica koju smo pronašli samo u ovom primjeru, a odnosi se na više novčanih jedinica. U *Rječniku nepoznatih i manje poznatih riječi* koji se nalazi na kraju izdanja Matijačine zbirke navedeno je da je *karantan* „sitan novac, krajcar, išlo ih je 60 u forintu“ [4, s. 365]. *Karantan* je bila mjedena kovanica iz Tirola i *Karantanije* iz 14 st., a koristi se i kao naziv za groš, a od 16 st. za krajcar. Bio je u upotrebi u Istri, Hrvatskome primorju, Dalmaciji i zaleđu do 19 st. Međutim, *karantan* je i novčana jedinica grada Rijeke 1848–1850 [1, s. 49]. Sljedeća poslovice s istom rečeničnom strukturom govori o štednji i prikazuje odnos jedinica pare – dinar u kojima je očito iz konteksta da je vrijednost pare manja od vrijednosti dinara *Ko ne ide*

na pazar, ide mu *para u dinar*. Paremija *Takijeh mjedi sto za dinar* u suodnos stavlja dvije jedinice različite vrijednosti, manje vrijedan mjed i vredniji dukat. O tome da novac nije najveća vrijednost možemo reći *Ni su blago groši ni dukati*.

Zaključak

Novčana jedinica koja se najučestalije pojavljuje u poslovicama je *dinar*, dok smo s leksemima *škuda* i *mjed* pronašli po samo jedan primjer. Najviše je primjera pronađeno s leksemom „novac“ što je bilo i očekivano.

U poslovicama s nazivima novčanih jedinica možemo izdvojiti kategorije koje se odnose na karakteristike novca. Novac je tako opisan kao neophodan, vezan za trgovinu, međuljudske odnose, ali se i lako troši. Cijeli niz poslovice govori o upotrebi i upravljanju novcem, a poseban naglasak je stavljen na štednju koja ima pozitivnu konotaciju.

Neke pak poslovice dolaze u suprotnim značenjima: vrijednost novca (velika-mala), moć novca (ograničena-neograničena), bogatstvo-siromaštvo. Zanimljivo je da se leksem koji označava istu jedinicu može naći u obje kategorije koje su u opoziciji pa time označavati npr. jedinicu male, ali i velike vrijednosti. U kategoriji moć novca (ograničena) poslovice donose da su od novca važnije sljedeće vrijednosti: sloboda, znanje i vrijeme.

Popis korištenih izvora

1. Jakobović, Z. Leksikon novčanih jedinica / Z. Jakobović. – Zagreb : Školska knjiga, 2014.
2. Milinović, A. Hrvatska novčarska baština / A. Milinović // Hrvatska revija, godište 2 (2). – Zagreb, 2002. – C. 41–48.
3. Dolenc, I. Hrvatska numizmatika od početaka do danas / I. Dolenc. – Zagreb : Prvi hrvatski bankovni muzej Privredne banke Zagreb, 1993.
4. Matijaca, B. Kad ti kuća gori, a ti se ogrij / S. Botica. – Zagreb : Naklada Pavičić, 2007. – 381 s.
5. Aleksa Varga, M. Hrvatske poslovice u slavenskome okruženju: određivanje hrvatskoga paremiološkog minimuma i optimuma / M. Aleksa Varga, A. Keglević // Slavia Centralis 13 (1). 2020. – S. 40–51.
6. Anić, Š. Rječnik stranih riječi / Š. Anić, N. Klaić, Ž. Domović. – Zagreb : Sani-Plus, 1998. – 1504 s.
7. Fink, Ž. Trošimo li do zadnje pare ili lipe? (Novčane jedinice u hrvatskoj frazeologiji) / Ines Srdoč-Konestra i Silvana Vranić // Zbornik Riječki filološki dani 7. – Rijeka, 2008. – S. 463–471.
8. Opašić, M. Bogatstvo i siromaštvo u hrvatskoj frazeologiji / M. Opašić, N. Čunović, M. Fumić // Fluminensia 26 (2). – Rijeka, 2014. – S. 91–103.

Abstract. The subject of this research is monetary units in Croatian proverbs. We were interested in the basic meanings and values characteristic of Croatian proverbs in which lexemes with monetary units (*dinar*, *para*, *dukat*, *groš*, *forinta*, *škuda*, *mjed*) and the lexeme *novac* 'money' and its synonyms appear. Our aim is to present part of the paremiological picture of monetary relations by identifying cultural symbols, concepts and cultural universals associated with the concept of monetary value and to offer meanings of lesser known proverbs that may be incomprehensible even to the modern native speaker.

Keywords: proverbs, money, monetary units, Croatian language.

УДК 811.161.1'371:535.1:811.581'371:535.1:398.92

О. В. Радчук

АКСИОЛОГИЧЕСКАЯ СУЩНОСТЬ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С СЕМАНТИКОЙ «НАЛИЧИЕ / ОТСУТСТВИЕ СВЕТА» (на материале русского и китайского языков)

Аннотация. В статье прослеживаются национально-культурные особенности восприятия отсутствия света и их вербальная рефлексия, выраженная фразеологическими оборотами в рус-

ском и китайском языках. Выявленные устойчивые эквивалентные выражения с семантикой «отсутствие света» в обоих языках имеют негативную оценку, несмотря на различия в мировосприятии. Во фразеологической единице не только фиксируется фрагмент действительности, но и выражается антропоцентрическая оценка.

Ключевые слова: фразеологизм, аксиологическая сущность, семантика «отсутствие света».

В последнее время вопросы компаративной фразеологии активно представлены в работах украинских и зарубежных когнитологов. Особый интерес в этом плане представляют неродственные языки, к которым относятся русский и китайский. Ментальные особенности народов, говорящих на русском и китайском языках, предполагают неодинаковое восприятие реального мира. Культурные и языковые признаки народов обусловлены многими экстралингвальными факторами, к числу которых относится природная и социальная среда.

Адекватное и глубокое исследование национальных языковых картин мира напрямую связано с изучением истории, культуры, традиций, быта и верований этносов. Все составляющие моменты и причины существования народов, принадлежащих к разным социумам и проживающих на отдаленных территориях, находят отпечаток не только в их мировосприятии, но и знаковой (вербальной и невербальной) рефлексии. Чувственное восприятие, подкрепленное опытом, не только фиксирует в сознании людей, а затем и в языке (сначала в устной форме, затем в письменном виде) реалии и абстракты окружающего мира, но и выражает отношение к ним. По замечанию филолога Т. А. Космеды, «собственно оценка является свидетельством познанности мира» [2, с. 25]. Изучение предметов и явлений материального мира с древнейших времен происходило путем их оценивания человеком, в процессе чего развивались его мышление, речь, память и другие когнитивные способности (умения и навыки анализировать, сопоставлять, систематизировать), тем самым эволюционировал *homo sapiens* и параллельно формировалась языковая система. Антропоцентрическая оценка изначально разделилась на положительную и отрицательную и прежде всего была связана с перцепцией и апперцепцией природных явлений, от которых зависела жизнь индивидуумов. К таким природным явлениям относится, например, Солнце, дающее свет и тепло. В русской фольклорной традиции Солнце часто именуется *светилом*, чем подчеркивается его значимость и величие, с языческих времен прослеживается поклонение этому небесному телу. Образ Солнца ассоциативно связан с сильными, яркими и позитивными эмоциями носителей русского языка.

В китайской культуре и традициях предпочтение отдается Луне. Почитание и обожествление данного астрологического явления обусловлено философией, традициями и обычаями китайцев. В их представлении жизнь должна быть размеренной и спокойной, как свет Луны. Китайский народ не жалеет эпитетов для ее воспевания. Свет Луны мягкий и умеренный, а сама Луна в представлениях жителей Поднебесной таинственная и прекрасная.

Отношение к Солнцу у носителей китайского языка изначально сложилось негативное, поскольку оно безжалостно сжигало все живое на Земле, лишало людей воды и пищи. И если для носителей русского языка *восход солнца*, *восходящее солнце* отождествлялся с началом нового дня, нового этапа жизни, выздоровлением, просвещением, радостью, божьей благодатью, озарением, новыми идеями, то китайцы легко «отдают» эпитет *восходящий* своим «соседям». Фразеологизм, часто употребляемый в качестве синонима топонима Япония, – *страна восходящего солнца* – был впервые использован китайцами династии Суй в переписке с императором Японии в связи с тем, что данное государство расположено восточнее Китая [5, с. 491–492].

Неудивительно, что красивая женщина в Китае сравнивается с Луной (闭月羞花 «затмит Луну и посрамит цветы») [4], а в славянской традиции – с Солнцем (как ясное солнышко, как солнышко в небе, улыбка, как солнце) [6].

Заметим, что отданные приоритеты не повлияли на формирование отношения к излучаемому свету. Наличие солнца и света передает положительную оценку, его отсутствие – темнота, соответственно, противоположную – отрицательную. Данная аксиологическая сущность отражена и во фразеологии обоих языков. Исконно созданная оппозиция «наличие / отсутствие чего-либо» становится платформой для формирования корреляционной оценочности: положительный / отрицательный, хороший / плохой, добрый / злой. Коллективная память фиксирует и транслирует последующим поколениям социальную оценку, сформированную на основе бытовых и поведенческих стереотипов этносов. На основе метафорического переноса лексемы *свет* и *темнота* расширяют свое значение, трансформируются из области восприятия природных явлений в сферу синестезии. Именно чувственное восприятие цвета и света, по мнению современных психологов, лежит в основе понимания процесса познания действительности [7]. Фразеологизм как вторичная оценочная номинация, образованная на основе апперцепции, репрезентирует ассоциативно-образное восприятие окружающего мира разными народами. Например, в русской фразеологии представлены выражения *белый свет не мил*, *свет померк в глазах*, *свет в глазах темнеет (тускнеет, меркнет)*, *света белого не видно*, в которых наблюдается бинарное восприятие носителей русского языка. Семантические оппозиции грамматиколлизированы: отсутствие света выражено с помощью предиката. В приведенных фразеологизмах четко прослеживается негативное отношение к отсутствию света. Аналогичные выражения существуют и в китайском языке, обозначены они соответственно иными графическими знаками. Иероглифические элементы передают семантические нюансы. Рассмотрим приведенные эквиваленты.

Белый свет не мил

1. 烟消云散 Метафора, означающая, что что-то исчезает начисто. В буквальном переводе – «как будто рассеивается облако дыма». Исчезновение, потеря, отсутствие чего-либо вызывает неодобрение, негацию. Наличие облака дыма, закрывающего палящее солнце, у китайского народа связано с положительной оценкой.

2. 遮天蔽日 Приведенные иероглифы обозначают предметы, которые могут быть настолько большими, многочисленными или внушительными, что заслоняют небо и солнце. Ассоциации отсылают к древнейшим временам (юрскому периоду мезозойской эры), когда вулканическая пыль не позволяла лучам Солнца проникать на Землю, в связи с чем значительно снизилась температура и вымерли многие виды флоры и фауны.

3. 过眼烟云 Устойчивое выражение с семантикой «проплывающие перед глазами облака и дым» используется для обозначения чего-то, что исчезает очень быстро и не оставляет следов.

Общим для двух языков является негативная оценка отсутствия света по определенным причинам. Отличительным является то, что для носителей русского языка фразеологизм *белый свет не мил* не связан с вещественным миром, относится только к чувственным восприятиям и переживаниям, ассоциативно связан с разочарованием, потерей близкого человека, овеян трагизмом.

Свет померк в глазах

黯淡无光 (暗淡无光) В китайском языке употребляется в значении «тусклый и неяркий свет» и является нейтральным. Для славянского этноса номинативная единица *померк* входит в ряд однокоренных слов *смеркается*, *меркнет*, *смерть*, что накладывает отрицательный отпечаток на все выражение. Христианское мировоззрение осознает смерть «как переход от физиологической и социальной жизни к духовной, вечной, которая не имеет временных границ» [3, с. 82]. После принятия христианства,

предполагающего совершенствование, очищение души, обещание вечной жизни, в русском языке закрепляется устойчивое словосочетание *темная (мертвая) душа*. Толковые, этимологические и исторические лексикографические источники подтверждают, что слово *жизнь* в XI–XVII веках было многозначным, и одно из значений было связано с идеей жизни человека после его смерти. Религиозные представления отражены и в интерпретации противопоставления В. И. Даля, у которого *жизнь Бога* и *жизнь души* осмысливается как вечная бестелесная жизнь, не имеющая смерти [1, с. 226–227]. Образное устойчивое выражение *свет в глазах темнеет (тускнеет, меркнет)* в русском языке передает эмоции грусти, печали. В китайском языке эквивалентное выражение стилистически нейтрально и имеет значение «потемнение в глазах» 两眼发黑 или «тусклый и без блеска» 黯淡无光 (暗淡无光).

Света белого не видно

В русском языке данный фразеологизм имеет пейоративную коннотацию, относится к разговорной лексике, согласно лексикографическим толкованиям, обозначает «быть, находиться в подавленном, угнетенном состоянии». В китайском языке выражение *света белого не видно* используется в ассоциации с Солнцем, относится к отрицательной метафоре, передающей вторичное значение «без света плохо» 不见天日 (暗无天日). Отметим, что русский и китайский народы отличаются трудолюбием, и фразеологическая единица *света белого не видно (не видать света белого)* в обоих языках фиксирует семантику «много работы, загруженность делами». В последнее время анализируемый фразеологизм начали употреблять с ироническим подтекстом в связи с пандемией коронавируса и изоляцией людей друг от друга. Наметившаяся тенденция повлияла на расширение значения и частотности использования данного фразеологического выражения.

Необходимо отметить, что во фразеологии наиболее часто наблюдается обращение к семантике «наличие света», что продуцирует большое количество устойчивых выражений с положительной коннотацией. Источником такого мировосприятия является философия. Для многих европейских этносов предпочтение визуального восприятия восходит к Древней Греции. Такое «видение» окружающего мира настолько уходит корнями в философские, лингвистические и культурные традиции, что, по мнению многих ученых, считается само собой разумеющимся. А зрительная метафора относится к базовым метафорам познания в соответствии с греческой философией [8, с. 76]. Постигание мира на базе фоновых знаний о природных явлениях и опыта освоения природы, борьбы с ее катаклизмами нашли отражение во фразеологических единицах.

Символическое значение света и темноты у славян берет истоки в языческих верованиях и затем переносится в фольклор и художественную литературу, особенно поэзию, выстраивая оппозиции «день – ночь», «свет – тьма». Данные лексемы расширяют спектр значения и коррелируют с понятиями добра и зла. Это соответственно отражено в языке: образованы синтагматически связанные словосочетания *солнечное затмение* и *закат солнца*, первоначально использованные для номинации природных явлений. *Солнечное затмение* является плохим предзнаменованием в русскоязычной среде, *закат солнца* как конец дня нередко соотносится с концом человеческой жизни во вторичной номинации. Внезапное наступление темноты воспринимается носителями русского языка как достаточно драматичное зрелище, способное вызвать страх и отрицательную оценку.

В китайском мировосприятии отношение к *солнечному затмению* (日食) неоднозначно. В древности для китайского этноса затмение солнца предвещало беду. Китайцы считали, что необходимо отогнать громкими звуками гонга, барабана и колокольчиков «поедателя», «поглотителя» лучезарного диска – дракона. Китайский народ, почитавший своего императора, связывал *солнечное затмение* со смертью правителя страны. Несмотря на божественное отношение к Луне, носители китайского языка затмению

Луны придавали гораздо меньшее значение, чем затмению Солнца. Не все китайцы разделяли суеверия, связанные с *солнечным затмением*, часть населения Китая видели добрый знак в этом астрономическом явлении.

Когнитивная обработка информации, которая поступает к человеку через органы чувств, переход к выбору знаковых средств для обозначения воспринимаемого, образное наполнение вербальных единиц отражает потребности в обобщении опыта как индивидуумов, так и этнических коллективов. Образование устойчивых выражений, к которым относятся фразеологизмы, является результатом длительной познавательной деятельности народов. Психологические аспекты восприятия формируют стереотипы, что подтверждает включенная во фразеологическое значение оценка.

Анализ языкового материала позволяет сделать некоторые выводы:

- 1) визуальная перцепция не только является одним из видов сенсорного восприятия, но и относится к процессу познания, составной частью которого выступает оценка;
- 2) экспликация внеязыковой действительности происходит различными средствами, специфическими для каждого языка, в том числе и фразеологическими единицами;
- 3) во фразеологизмах отражается специфика восприятия, психология и ментальность народов, говорящих на неродственных языках;
- 4) один и тот же фрагмент действительности закодирован в вербальные знаки, имеющие графические отличия, что также свидетельствует о различной рецепции этносов и позволяет выявить специфику национальной маркированности аксиологической сущности фразеологизмов с семантикой «наличие / отсутствие света» в русском и китайском языках.

Список использованных источников

1. Даль, В. И. Толковый словарь русского языка: современная версия / В. И. Даль. – М. : Эсмо, 2010. – 736 с.
2. Космеда, Т. А. Отражение лингвофилософской категории оценки в русской и украинской фразеологии / Т. А. Космеда // Русская филология. Украинский вестник: Республиканский научно-методический журнал. – Харьков, 1999. – № 1–2. – С. 25–28.
3. Ли Джиан Пинг. Христианская модель представлений о *жизни* и *смерти* в русской языковой картине мира / Пинг Ли Джиан // Вісник ХНУ: Серія Філологія. – Харьков, 2007. – Вип. 52. – № 787. – С. 80–84.
4. Мэн, Ч. Образ красивой женщины в китайских фразеологизмах / Ч. Мэн [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-krasivoy-zhenschiny-v-kitayskih-frazeologizmah/viewer>. – Дата доступа : 01.08.2021.
5. Пospelov, E. M. Географические названия мира. Топонимический словарь / Е. М. Пospelov. – М. : Русские словари, Астрель, АСТ, 2002. – 512 с.
6. Фразеологизмы к слову *солнце* [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://burido.ru/razvitie-i-obuchenie/451-frazeologizmy-k-slovu-solntse_ – Дата доступа : 01.08.2021.
7. Campen, C. The Hidden Sense / C. Campen // Becoming Aware of Synesthesia. – TEC-COGS, 2009. – Vol. 1. – P. 1–13.
8. Kesselová, J. Syntaktické prostriedky zreteľa v slovenčine vo svetle teórie jazykového obrazu sveta / J. Kesselová // Лексико-граматичні інновації в сучасних слов'янських мовах : Х Міжнародна наукова конференція. – Дніпро : Ліра, 2021. – С. 73–76.

Abstract. The article traces the national and cultural characteristics of the perception of the absence of light and their verbal reflection, expressed by phraseological phrases in the Russian and Chinese languages. The identified equivalent set expressions with “absence of light” semantics have a negative connotation in both languages, despite the differences in the worldview. The phraseological unit does not only fix a fragment of reality but also expresses certain anthropocentric assessment.

Keywords: phraseological unit, axiological essence, “absence of light” semantics.

M. Rak

JESZCZE O FRAZEOLOGII GESTYCZNEJ – *X ZAŁAMIE RĘCE*

Adnotacja. Artykuł dotyczy polskiego frazeologizmu *X załamie ręce*. Jako jednostka należąca do frazeologii naturalnej *X załamie ręce* jest szeroko rozpowszechnione w folklorze słownym i w różnych językach. Słowniki polszczyzny ogólnej przekonują, że temu frazeologizmowi towarzyszą 2 gesty: 1) wyginanie ku dołowi dłoni splecionych palcami, 2) złożenie dłoni jak do modlitwy. Łączliwość składniowa omawianego przykładu (jego rekcja wymaga przyimka *nad* + narzędnik) oraz odniesienie np. do kina niemego wskazują na 3. gest – wzniesienie ugiętych rąk do góry. Najprawdopodobniej to właśnie zachowanie niewerbalne jest podstawą motywacyjną frazeologizmu *X załamie ręce*.

Słowa kluczowe: frazeologia, frazeologia gestyczna, motywacja frazeologii, *X załamie ręce*.

Uwagi wstępne – terminologia i stan badań

Frazeologia gestyczna to podtyp frazeologii somatycznej (na temat której powstało już dość dużo prac [1; 2; 3; 4; 5]), obejmujący jednostki motywowane gestami. Gesty zwykle odnosi się do ruchów rąk towarzyszących wypowiedzianym słowom i w odpowiedni sposób z nimi zsynchronizowanych. Obok ekspresji twarzy i zachowań wzrokowych należą one do systemu kinezyjnego komunikacji niewerbalnej [6, s. 255] i są przedmiotem badań w ramach interdyscyplinarnych *gesture studies*. W polskim językoznawstwie zagadnienie gestów jest opisywane zwłaszcza przez Jolantę Antas i jej uczennice [7; 8; 9; 10; 11; 12; 13]. Nadal jednak brakuje nam takiego opracowania, jakim dysponują rosyjscy badacze – “Словарь языка русских жестов” [14].

W Polsce pionierską pracą, jeśli idzie o frazeologię gestyczną, jest artykuł Anny Krawczyk [15] dotyczący materiału gwarowego. Postulat wydzielenia tego podtypu frazeologii zgłaszali wcześniej radzieccy językoznawcy – Leonid I. Rojzenzon i Iwan W. Abramiec [16], w artykule omawiającym homonimię frazeologiczną, polegającą na współlistnieniu znaczenia dosłownego (motywującego) i przenośnego frazeologizmu, co jest nazywane dwuplanowością, dwupłaszczyznowością albo obrazowością związków frazeologicznych [6, s. 257]. Frazeologia gestyczna była też tematem artykułów m.in. Wolfganga Eismanna [17], Jewgienija M. Wereszczagina i Witalija G. Kostomarowa [18] oraz Haralda Burgera [19]. W literaturze naukowej ten typ frazeologii jest określany kilkoma terminami – w niemieckim językoznawstwie to *elblem*, *kinem* albo *kinegram*, a w rosyjskim, ukraińskim i białoruskim – *somatyzm* [17, s. 133–134]. Warto odnotować, że motywację niektórych frazeologizmów gestycznych, np. *X machnie ręką na coś*, *X załamie ręce*, *X zaciera ręce*, opisywał także Antoni Krasnowolski [20, s. 60–61]. Z kolei *X poda Y rękę* omówiła Izabela Kraśnicka-Wilk [21].

Podsumowując swój artykuł, A. Krawczyk stwierdziła, iż:

“Ten pobieżny przegląd frazeologizmów mimiczno-gestycznych pokazuje, że między kodem gestów i min, a zasobem frazeologicznym języka mogą zachodzić następujące relacje: 1. gestowi (minie) odpowiada jeden zwrot, np. *X załamie ręce*; 2. gestowi (minie) odpowiada szereg zwrotów, np. *X wybahuszy oczy*, *X robi duże oczy*; 3. gestowi (minie) nie odpowiada jednostka językowa, np. gest płacenia w języku ogólnym i w większości gwar; 4. frazeologizm opisuje gest nieistniejący, np. *X zęgnalby się lewą nogą*” [15, s. 143].

W powyższym cytacie oraz w pracy Krasnowolskiego [20, s. 61] pojawia się frazeologizm, którego dotyczy niniejszy tekst – *X załamie ręce*. Moim celem jest tu sprecyzowanie, jakie gesty z polskiego zasobu gestów odpowiadają temu zwrotowi. Wiąże się to oczywiście z pochodzeniem omawianej jednostki, pewną odpowiedzią mogą być także ujęcia słownikowe. Tym samym w artykule znajdują się trzy – krótkie z konieczności – części.

W stronę frazeologii naturalnej

Związek frazeologiczny *X załamię ręce* nie jest typowy dla polszczyzny. Można mu przypisać status frazeologizmu naturalnego w ujęciu Stanisława Skorupki [22], czyli takiej jednostki, “której źródłem powstawania są zjawiska natury, świat roślinny i zwierzęcy, zachowania się człowieka, jego naturalne gesty, nazwy części ciała, podstawowe czynności fizjologiczne” [22, s. 119]. Znamienne dla frazeologii naturalnej jest to, że pojawia się w różnych językach niezależnie, co sprawia, że jeśli idzie o tego typu przykłady oczywiście nie można mówić o internacjonalizmach, gdyż nie dochodzi do zapożyczeń. *X załamię ręce* ma odpowiedniki w językach słowiańskich (np. ros. *заламывать руки*, ukr. *заламувати руки*, błrus. *заламваць руки*, cz. *rukama lomiti*), germańskich (np. niem. *die Hände ringen*, ang. *wring one’s hands*), romańskich (np. franc. *se tordre les mains*) i z pewnością w innych.

Omawiana jednostka (i jej warianty) jest bardzo szeroko rozpowszechniona w dialektach słowiańskich (wybór przykładów – ze względu na oszczędność miejsca – podaję tylko z gwar rosyjskich i polskich):

ros.: *ломать руки* Волг., Прост. ‘горевать, расстраиваться, волноваться о чем-л.’ [СРПФ, s. 83];

ломить руки (рученьки) ‘заламывать, поднимать вверх руки от горя, сильного страдания’, Астрах., Смол. [СРНГ 17, s. 119]; ‘Каяться, сожалеть о содеянном’, Пск. [СПП 2001, s. 66];

поламывать руки Дон. (1862) ‘то же, что *ломать руки*’ [СРНГ 29, s. 35];

ломать рученьки Пск. ‘то же, что *ломать руки*’ [СПП 2001, s. 68] (Na przykłady rosyjskojęzyczne zwrócił mi uwagę Prof. Walerij M. Mokienko, któremu w tym miejscu bardzo dziękuję);

pol.: *łomać rance* ‘głośno wyrzekać, żalić się, zawodzić, rozpaczać, lamentować’, Zdunek (pow. ostrołęcki) [KSGP PAN];

załamać ręce ‘wpaść w rozpacz’ [KSGP PAN];

łomać ryncę ‘składać ręce jak do modlitwy, wyrażając tym samym różne, silnie negatywne emocje, np. oburzenie’ [KąśILG 5, s. 444];

załomić ryncę ‘wpaść w rozpacz, w poczucie bezradności, załamać się’ [KąśILG 12, s. 275].

X załamię ręce często pojawia się również w folklorze słownym (przede wszystkim w pieśniach miłosnych, w których w taki sposób opisuje się emocje tęskniącej, rozpaczającej dziewczyny; w *Ludzie* Oskara Kolberga mamy – jak przekonuje baza Folbas [<http://www.folbas.umcs.lublin.pl/>] – 32 poświadczenia często ze zdrobnieniem *rączka* i przymiotnikiem *biała*, co daje w efekcie *X [koniecznie kobieta] białe rączki załamuje*), np.:

pol.:

Na Podolu biały kamień,
Podolanka siedzi na niem.
Siedzi, siedzi, lamentuje
roncki swoje **załamuje**.

ukr.:

Козака несуть,
І коня ведуть,
Кінь головоньку клонить.

А за ним, за ним

Його дівчина

Білі рученьки ломить.

Ой ломи, ломи

Білі рученьки

До єдиного пальця!

Obydwa argumenty (dialektologiczny i folklorystyczny) przekonują o dawności omawianego frazeologizmu. Prawdopodobnie należy on do zasobu frazeologii prasłowiańskiej, o której wciąż prawnie nic nie wiemy. Wytypowanie jednostek, które ją kontynuują, jest możliwe jedynie poprzez prześledzenie zasięgu geograficznego w dialektach i właśnie w folklorze. Teksty folkloru – jak wiadomo – zachowują dawne zwroty i wyrażenia, co jest podyktowane z jednej strony specyfiką stylu artystycznego, a z drugiej – petryfikacją połączeń językowych, której sprzyjają rytmyka pieśni i obecny w nich rym.

Co mówią słowniki polszczyzny ogólnej? Znaczenie frazeologizmu *X załamię ręce*

Przegląd słowników polszczyzny dawniejszej i współczesnej, por.:

ST, szpalta 2958: *załamywać ręce*, *die Hände ringen*, *se tordre les mains*;

SL 6, s. 798: *załamować ręce*: Załamuje ręce nad nieszczęśliwością ojczyzny;

SWil 2, s. 2108: *załamywać ręce* ‘składać ręce i złożonemi poruszać, co jest oznaką żalu, boleści’;

SW 8, s. 156: *załamać ręce* ‘splótszy je palcami, wygiąć w rozpacz’;

SJPDor: *załamać*, *załamywać*, *łamać ręce* ‘wygiąć, wyginać na zewnątrz dłonie, splecione palcami, na znak rozpacz; wpaść, wpadać w rozpacz’;

SJPSzym: rzad. *łamać ręce*, *dłonie* ‘wyginać dłonie rąk splecionych palcami na znak zdenerwowania, zniecierpliwienia, rozpacz’;

SJPSzym: *załamać ręce* ‘wygiąć na zewnątrz dłonie splecione palcami (w odruchu rozpacz); wpaść w rozpacz’;

NSJPDun, s. 843: *załamywać* – *załamać ręce* ‘wpadać w rozpacz, załamywać się, przyjmować postawę rezygnacji, bezradności, zniechęcenia’;

ISJP 2, s. 447: *załamać ręce* nad kimś, nad czymś, ‘mówimy, że ktoś załamuje lub łamie ręce nad kimś lub nad czym, jeśli jest zaniepokojony postępowaniem lub stanem tej osoby lub rzeczy i czasem okazuje to gestem rąk splecionych palcami i wygiętych do dołu’;

WSJP PAN: *ktoś załamał ręce* 1. ‘ktoś poczuł się zaniepokojony, a nawet zrozpaczony czyimś postępowaniem lub stanem jakiejś rzeczy’, 2. ‘ktoś wykonał gest oznaczający zniechęcenie lub rozpacz, polegający na wygięciu ku dołowi dłoni splecionych palcami’;

SFSkor 2, 28: *łamać* – *załamywać ręce* (ndk) ‘jako znak zmartwienia, rozpacz’;

przekonuje, że frazeologizm *X załamię ręce*, choć w definicjach nie zostało to wyszczególnione w postaci numeracji (z wyjątkiem WSJP PAN), jest wieloznaczny. Jedno znaczenie to opis gestu wykonanego rękami, który komunikuje określone emocje i odczucia, a kolejne – to nazwanie tych emocji i odczuć. W następnej części artykułu zajmę się gestami, tu jednak skupię się trochę dokładniej nad emocjami i odczuciami komunikowanymi frazeologizmem *X załamię ręce*. W zacytowanych definicjach pojawiają się rzeczowniki: *żał*, *boleść*, *rozpacz*, *rezygnacja*, *zniechęcenie*, *zdenerwowanie*, *zniecierpliwienie*, *bezradność* i *zaniepokojenie*. Jak widać, wyrazy te odsyłają do dość szerokiego spektrum mniej lub bardziej negatywnych emocji i odczuć, które nie są tożsame. Na jednym biegunie znajduje się rozpacz, a na przeciwległym zniecierpliwienie. Jest to tak duża różnica, że umieszczenie wymienionych rzeczowników w szeregu jest nieprecyzyjne. Lepiej w takiej sytuacji sprawdza się definicja zakresowa, por. cytowane wyżej *łamać rymce* [KąsILG 5, s. 444].

Ilę gestów?

Przytoczne wyżej definicje słownikowe zwrotu *X załamię ręce* przekonują, że mamy tu do czynienia *de facto* z co najmniej dwoma gestami: 1) wyginanie ku dołowi dłoni splecionych palcami (tak podają SW, SJPDor, SJPSzym, ISJP, WSJP PAN), 2) złożenie dłoni jak do modlitwy (tak SWil i KąsILG). Jeśli do tego dołożymy uwagę składniową o tym, że zwrot *X załamię ręce* łączy się z przyimkiem *nad* + narzędnik, to możemy uwzględnić kolejny gest – 3) zgięte nieco w łokciach ręce uniesione ponad głową mówiącego (który może dotyka dłońmi swojej głowy, przy czym jest to konieczne) i trochę wysunięte do przodu jakby w geście pochylania się nad inną osobą, jej sytuacją i problemami. Tak zresztą wynikałoby też np. ze scen utrwalonych w filmach kina niemego, które – co rozumiały, ze względu na brak kodu

głosowego – są szczególnie dobrym medium pokazującym siłę gestu. W filmie fabularnym *Bestia* z 1917 r. w reżyserii Aleksandra Hertza te właśnie różne negatywne emocje przekazywane frazeologizmem *X załamie ręce* są wyrażane trzema gestami. Widać to zwłaszcza w scenie kłótni między Sonią Basznikową (w tej roli Pola Negri) i jej rodzicami.

Identyczną składnię i podobne znaczenie do omawianego zwrotu mają:

„czasowniki nazywające czynności psychiczne lub stany emocjonalne doznawane i wyrażane przez osobę = TR [trajektor] wobec obiektu LM [landmark], którym często także jest osoba, np. *biadać nad, biadolić nad, boleć nad, lamentować nad, litować się nad, płakać nad, rozczulić się nad, rozpaczać nad, rozpływać się nad, roztkliwiać się nad, rozżalić się nad, szlochać nad, ubolewać nad, ulitować się nad, użalać się nad, płakać nad, rozpaczać nad, zapłakać, zawodzić, zlitować się, zmiłować się* [...]. Motywacją do wyboru przyimka *nad* + *instr* znów mógł być obraz osoby = TR pochyłającej się nad inną osobą = LM i jej sprawami i doznającej w tej sytuacji opisanych przez czasownik V uczuć. Zauważmy, że w języku polskim mamy taki obrazowy metaforyczny związek frazeologiczny *ktos pochyla się nad kimś, ktoś pochyla się nad czymś losem*’ [23, s. 450].

Wynika z tego, że zwrotowi *X załamie ręce* odpowiadają trzy gesty, które zresztą wyrażają nieco inne emocje. Który z nich jest podstawowy, który stoi za motywacją omawianej jednostki? Biorąc pod uwagę jedno ze znaczeń czasownika *łamać* ‘zgiąć coś pod pewnym kątem, nadać czemuś kształt linii łamanej’ [SJPSzym], a także to, że ręka (w znaczeniu kończyna górna) podstawowo ma kształt linii prostej,

można zaryzykować interpretację, że prymarnie frazeologizm odnosi się do 3. gestu. Ponieważ *ręka* w pierwszym znaczeniu to ‘chwytna część kończyny górnej u człowieka i u naczelnych, składająca się z nadgarstka, śródreżca i palców’ [SJPSzym], pod frazeologizm *X załamie ręce* – ze względu na podobieństwo komunikowanych emocji i odczuć – zostały podciągnięte gesty 1. i 2. Zastanawiające jest to, że SJPSzym podaje m.in. formę **X łamie dłonie* jako wariant *X łamie ręce*. Przejrzenie słowników frazeologicznych, a także sięgnięcie do zasobów Internetu i Narodowego Korpusu Języka Polskiego przekonuje, że **X łamie dłonie* to forma nieistniejąca, chyba z rozpisu umieszczona w słowniku.

Podsumowanie

Badania frazeologii gestycznej pozwalają zauważyć różnice kulturowe, o czym zresztą już pisano. Jeden z wielu przykładów, które to obrazują, został przywołany przez W. Eismanna [17, s. 136]. Frazeologizmowi *można policzyć na palcach (jednej ręki)*, ros. *по пальцам можно сосчитать*, niem. *Das kann man an den Fingern abzählen* towarzyszy gest. Polacy, Rosjanie i Niemcy zaciskają w pięść lewą dłoń i liczą palce, przy czym Polacy i Niemcy zaczynają od kciuka, a Rosjanie od małego palca. Innego przykładu dostarcza film wojenny *Bękarty wojny* w reżyserii Quentina Tarantino. Porucznik Archie Hicox (w tej roli Michael Fassbender) ujawnia to, że nie jest Niemcem podczas picia whisky. Zamawia trzy szklanki tego alkoholu, jednocześnie pokazując trzy palce – wskazujący, środkowy i serdeczny (wówczas kciuk i mały palec są zgięte i stykają się), tak jak się to robi w krajach anglosaskich. Dla majora Dietera Hellstroma (w tej roli August Diehl), przyzwyczajonego do pokazywania liczby trzy w postaci wyprostowanych palców – kciuka, wskazującego i środkowego – jak robią to Niemcy, a także np. Polacy – jest to wystarczający sygnał, że ma do czynienia ze szpiegiem.

Czy różnice kulturowe widać w przypadku frazeologizmu *X załamie ręce*? Odpowiedź na to pytanie, to już jest temat na inny artykuł.

Lista wykorzystanych źródeł

1. Krawczyk-Tyrpa, A. Frazeologia somatyczna w gwarach polskich: związki frazeologiczne motywowane nazwami części ciała / A. Krawczyk-Tyrpa. – Wrocław : Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1987. – 273 s.

2. Валодзіна, Т. Цела чалавека: слова, міф, рытуал / Т. Валодзіна. – Мінск : Тэхналогія, 2009. – 423 с.
3. Горды, М. Соматическая фразеология современных русского и польского языков / М. Горды. – Щецин : Volumina, 2010. – 364 с.
4. Baláková, D. Dynamika súčasnej slovenskej frazeologie (fond somatických frazem) / D. Baláková. – Greifswald : Ernst-Moritz-Arndt-Universität, 2011. – 315 s.
5. Michow, E. Studia nad frazeologią somatyczna języka polskiego i bułgarskiego / E. Michow. – Kielce : Wydawnictwo GlobalTranslator CUiT, 2013. – 162 s.
6. Hordy, M. Język ciała we frazeologii polskiej i rosyjskiej / M. Hordy // *Poznańskie Studia Slawistyczne*, 2020, № 18. – S. 171–253. DOI: 10.14746/pss.2020.18.15.
7. Antas, J. Gest, mowa a myśl / J. Antas // *Językowa kategoryzacja świata*, red. R. Grzegorzczukowa i A. Pajdzińska. – Lublin : Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 1996. – S. 71–96.
8. Antas, J. Gesty – obrazy pojęć i schematy myśli / J. Antas // *Ikoniczność znaku: słowo – przedmiot – obraz – gest*, red. E. Tabakowska. – Kraków : Universitas, 2007. – S. 181–212.
9. Antas, J. Semantyczność ciała. Gesty jako znaki myślenia : monografia / J. Antas. – Łódź : PrimumVerbum, 2013. – 300 s.
10. Kraśnicka-Wilk, I. Mówiące ciało. Analiza utrwalonych we frazeologii werbalnych zachowań człowieka / I. Kraśnicka-Wilk. – Kraków : Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2017. – 131 s.
11. Załazińska, A. Schematy myśli wyrażane w gestach. Gesty metaforyczne obrazujące wybrane abstrakcyjne relacje i zasoby podmiotu mówiącego / A. Załazińska. – Kraków : Universitas, 2001. – 119 s.
12. Załazińska A. Po co językoznawcy badania gestów, po co badaniom gestów językoznawca / A. Załazińska // *LingVaria*, 2007, № 2 (4). – S. 43–52.
13. Załazińska, A. Obraz. Słowo. Gest / A. Załazińska. – Kraków : Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2016. – 178 s.
14. Григорьева, С. А. Словарь языка русских жестов / С. А. Григорьева, Н. В. Григорьев, Г. Е. Крейдлин. – Москва–Вена : Языки русской культуры. – Венский славистический альманах, 2001. – 255 с.
15. Krawczyk, A. Frazeologizmy mimiczne i gestyczne na materiale gwarowym / A. Krawczyk // *Socjolingwistyka*. – 1983. – № 5. – S. 137–144.
16. Ройзензон, Л. И. Совмещенная омонимия в сфере фразеологии / Л. И. Ройзензон, И. В. Абрамец // *Вопросы языкознания*. – 1969. – № 2. – С. 54–63.
17. Айсманн, В. Проблемы сопоставления фразеологических единиц обозначающие жесты : на материале русского и немецкого языков / В. Айсманн // *Z problemów frazeologii polskiej i słowiańskiej*. – 1985. – № 2. – S. 131–141.
18. Верещагин, Е. М. О своеобразии отражения мимики и жестов вербальными средствами (на материале русского языка) / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров // *Вопросы языкознания*. – 1981. – № 1.
19. Burger, H. Kinnegramme / H. Burger // H. Burger, A. Buhofer, A. Sialm, *Handbuch der Phraseologie*. – Berlin – New York : Walter de Gruyter, 1982. – S. 56–60.
20. Krasnowolski, A. Przenośnię mowy potocznej, cz. 1 / A. Krasnowolski. – Warszawa : Nakładem i drukiem M. Arcta, 1905. – 254 s.
21. Kraśnicka-Wilk, I. Gesty zachowane w języku. Relacje między językowymi i niejęzykowymi sposobami wyrażania znaczeń na przykładzie analizy semantyki frazeologizmu gestycznego *podać komuś rękę* / I. Kraśnicka-Wilk // *Multimodalność komunikacji*, red. J. Winiarska, A. Załazińska. – Kraków : Księgarnia Akademicka, 2018. – S. 57–71.
22. Skorupka, S. Z zagadnień frazeologii porównawczej / S. Skorupka // *Prace Filologiczne XVIII*, cz. 4, 1965. – S. 119–130.
23. Przybylska, R. Polisemia przymków polskich w świetle semantyki kognitywnej / R. Przybylska. – Kraków : Universitas, 2002. – 608 s.

Źródła

- ISJP: M. Bańko (red.). Inny słownik języka polskiego, t. 1–2. – Warszawa, Wydawnictwo Naukowe PWN, 2000.
- KaśILG: J. Kaś. Ilustrowany leksykon gwary i kultury podhalańskiej, t. 1–12. – Bukowina Tatrzańska – Nowy Sącz – Kraków, 2015–2019.
- KSGP PAN: Kartoteka Słownika gwar polskich PAN [on-line: <https://rcin.org.pl/dlibra/publication/37156?language=en>].
- NSJPDun: B. Dunaj (red.). Nowy słownik języka polskiego. – Warszawa, Wilga, 2005.
- SFSkor: S. Skorupa. Słownik frazeologiczny języka polskiego, t. 1–2. – Warszawa, Wiedza Powszechna, 1967–1968.
- SJPDor: W. Doroszewski (red.). Słownik języka polskiego, t. 1–11. – Warszawa, Państwowe Wydawnictwo „Wiedza Powszechna” (t. 1–4), Państwowe Wydawnictwo Naukowe (t. 5–11), 1958–1969. Wersja na CD-ROOM-ie.
- SJPSzym: M. Szymczak (red.). Słownik języka polskiego, t. 1–3. – Warszawa, Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1978–1981. Wersja na CD-ROOM-ie.
- SL: S.B. Linde. Słownik języka polskiego, t. 1–6. – Warszawa, Drukarnia XX. Pijarów, 1807–1814.
- ST: M.A. Troc. Nowy dykcjonarz to jest Mownik polsko-niemiecko-francuski. – Leipzig, Jan Fryderyk Gledycz, 1779.
- SW: J. Karłowicz, A.A. Kryński, W. Niedźwiedzki. Słownik języka polskiego, t. 1–8. – Warszawa, nakładem prenumeratorów i Kasy im. Mianowskiego, 1900–1927.
- SWil: A. Zdanowicz i in. Słownik języka polskiego, t. 1–2. – Wilno, Maurycy Orgelbrand, 1861.
- WSJP PAN: P. Źmigrodzki (red.). Wielki słownik języka polskiego PAN [on-line: <https://wsjp.pl/>].
- СРНГ: Словарь русских народных говоров. Вып. 1–49. – Москва–Ленинград /Санкт-Петербург. Наука, 1965–2019.
- СПП: Словарь псковских пословиц и поговорок: 13000 единиц. Сост. В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина. Науч. ред. Л. А. Ивашко. – Санкт-Петербург, Норинт, 2001. – 176 с.
- СРПФ: В.М. Глухов. Словарь русской просторечно-диалектной фразеологии (собранный в говорах Иловлинского р-на Волгоградской области). Машинопись. 1988.
- Wykaz skrótów:** ang. – angielskie, błrus. – białoruskie, cz. – czeskie, franc. – francuskie, niem. – niemieckie, pol. – polskie, ros. – rosyjskie, ukr. – ukraińskie.

Abstract. The article is focused on the Polish phraseologism *X zalamie ręce* [wring one's hands]. As an entity belonging to the natural phraseology, *X zalamie ręce* is widespread in verbal folklore and in various languages. Dictionaries of general Polish prove that this phraseologism is accompanied by two gestures: 1) bending downwards hands with interlocked fingers, 2) folding hands as if in prayer. The syntactic connectivity of this phraseologism (its reaction requires the preposition *nad* [over] + instrumental) and the reference to, for example, silent cinema indicate the 3rd gesture – raising bent hands up. Most likely, it is the non-verbal behavior that is the motivational basis of the phraseologism *X zalamie ręce*.

Keywords: phraseology, gesture phraseology, motivation of phraseology, *X zalamie ręce* [wring one's hands].

УДК 811.161.1'367:32

Е. А. Рычева

ИМИДЖ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРА СКВОЗЬ ПРИЗМУ ФРАЗЕОЛОГИИ И ПАРЕМИОЛОГИИ: АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Аннотация. В статье рассматривается аксиологический аспект употребления фразеологических единиц и паремий в речи политического лидера, способствующий формированию его имиджа в публичном пространстве. Выделены три аксиологические диады («труд / безделье»; «правда / ложь»; «искренность / лицемерие») и показаны механизмы моделирования речевого

портрета политика на основании дихотомии «свой – чужой». В политическом дискурсе значение фразеологических единиц и паремий может быть осложнено дополнительными коннотациями в зависимости от коммуникативной стратегии говорящего.

Ключевые слова: образ политика, имидж политика, ценностная картина мира, аксиологическая лингвистика, аксиологическая диада, оппозиция, ценность, фразеологическая единица, паремия.

Образ политического лидера оказывает прямое влияние на его положение на политической арене. Имидж должен поддерживать позицию политика и выгодно выделять его на фоне конкурентов, способствовать проведению успешной избирательной кампании и реализации политической программы, благоприятствовать укреплению авторитета. Одним из инструментов создания и поддержания образа политика является его речевой портрет [1; 2; 3; 4; 5; 6].

Особенности речевого портрета политика отражаются в употреблении специфических языковых средств, а также в использовании речевых стратегий и тактик. Особое место среди лингвистических средств занимают фразеологические единицы (далее – ФЕ) и паремии, транслирующие национально-культурные смыслы и особенности концептуализации мира носителей языка. Кроме того, ФЕ и паремии являются «инструментом» познания мира и передачи ценностно-эмоционального отношения говорящего к окружающей действительности [7; 8]. Таким образом, аксиологический аспект ФЕ и паремий служит основой для их употребления в речи политика в качестве средств прагматического воздействия на реципиента.

Важную роль в процессе создания образа политического лидера играет дихотомия «свой – чужой», которая учитывает национально-культурные ценности и социально-экономические потребности целевой аудитории [9]. По словам Е. И. Шейгал, «оппозиция “свои – чужие” представляет специфику политического дискурса, так же как оппозиция “добро – зло” является базовой для области морального, “прекрасное – безобразное” – в области эстетического» [10, с. 122]. С одной стороны, благодаря реализации данной оппозиции политик противопоставляет свои ценности ценностям оппонента (антитеза – «я – они», «мы разные»). С другой стороны, оппозиция «свой – чужой» способствует поиску и объединению вокруг лидера сторонников и единомышленников (идентификация – «я – это вы», «мы – одно целое»). Таким образом, рассматриваемая дихотомия является основой для построения имиджа политика, что, в частности, проявляется в определенном наборе ценностей, которые он разделяет и пропагандирует. Следовательно, в центре внимания исследователя оказывается ценностная картина мира [11] политического деятеля.

Материалом для данной статьи послужили фразеологические единицы и паремии, собранные методом сплошной выборки из стенограмм публичных выступлений российского президента В. Путина (период 2016–2021 гг.).

Согласно результатам проведенного исследования, в речи В. Путина активно используются единицы фразеологического и паремиологического фонда, которые способствуют актуализации следующих аксиологических диад:

- труд / безделье;
- правда / ложь;
- искренность / лицемерие.

1. Центральное место в речи В. Путина занимает аксиологическая диада «**труд / безделье**».

В речи политика подчеркивается положительное отношение к труду и трудолюбию. Говорящий употребляет различные ФЕ, которые показывают ориентацию политика на результат труда. В значении данной группы ФЕ актуализируется значение «предела, границы»: «*Дмитрий Анатольевич, и Вас прошу взять под контроль это и **довести до конца**. Запомнили, что я сказал?*», «*Мы много раз «подходили к этому **снаря-***

ду», и представители промышленности всё время ссылались на трудности, с которыми они сталкиваются. Всё, дальше *отступить* уже *некуда*. Хочу, чтобы все знали: никаких переносов больше не будет», «Чтобы обеспечить устойчивый рост, нам необходимо это сделать, сделать **во что бы то ни стало**», «Первое, человек должен быть убежден в правоте того, что он делает. И второе, он должен быть готов **идти до конца** в достижении целей, которые перед собой ставит». Таким образом политик демонстрирует стремление достичь желаемых результатов и ориентацию на выполнение обещаний.

Глава государства подчеркивает свою требовательность к подчиненным: «*Лучше работать, засучив рукава, самим*». В данном высказывании политик использует ФЕ *засучив рукава* со значением «разг. одобр. ‘Усердно, старательно, энергично (работать)’» [12], демонстрируя добросовестное отношение к выполнению должностных обязанностей.

Безделье, лень и инфантильность негативно оценивается политиком. Говорящий акцентирует внимание на активной позиции деятеля, который ответственно выполняет свою работу: «*Вы знаете известную поговорку, у нас в народе говорят: **сделал дело – гуляй смело***». Следует отметить, что в речи политика паремии выполняют резюмирующую функцию, помогая закончить высказывание емкой поучительной фразой, апеллирующей к народной мудрости.

2. Аксиологическая диада «**правда / ложь**».

Негативное отношение политика к ложной или искаженной информации демонстрируется за счет употребления ФЕ и паремий с неодобрительной или грубой стилистической окраской. Чаще всего прямолинейность и жесткость политика проявляется в реализации стратегии дискредитации с целью поставить под сомнение профессиональную компетентность противника, лишить его авторитета и доверия. Например: «*Это не доказательство. Это попытка **переложить с больной головы на здоровую** эту проблему. А проблема не у нас*». Говорящий использует ФЕ *свалить с больной головы на здоровую* со значением «прост. неодобр. ‘Об обвинении невинного человека’» [12] для резкого противопоставления политических позиций и «обличения» нечестных действий.

Диада «*правда – ложь*», способствуя актуализации оппозиции «мы – они», часто выражается в эксплицитной оценке предмета или ситуации: «*Откровенно сказать, для меня это было тоже большим удивлением. Ну такой **бред несут**, понимаете!*». В высказывании наблюдается замена лексического компонента *чепуха* (сравн. *городить (молоть, нести, пороть) чепуху* – «разг. неодобр. ‘Говорить глупости, вздор’» [12]) на компонент *бред* со сходным значением ‘нечто бессмысленное, вздорное, несвязное’ [13]. Говорящий дискредитирует действия политических оппонентов, однозначно характеризуя их поведение как неразумное и лишённое смысла.

Политик крайне негативно оценивает неправдивую информацию, которую, по его мнению, распространяет противоборствующая сторона, что указывает на ее непрофессионализм и некомпетентность. Следует отметить, что в речи В. Путина встречаются трансформации ФЕ, которые дополнительно привлекают внимание реципиента за счет необычной формы или изменений семантики фразеологизма. Например: «*Тем более что эти деятели, они **попали пальцем в небо**, а может и в какое-то другое место, неожиданно для себя*». В высказывании используется ФЕ *попасть пальцем в небо* со значением «разг. неодобр. ‘Говорить или делать что-л. невпопад’» [12]. В данном случае происходит актуализация значения слов-компонентов ФЕ за счет комментария «*может и в какое-то другое место, неожиданно для себя*», при этом добавочный элемент усиливает негативную окраску фразеологизма.

Политик обращает внимание на важность адекватной оценки ситуации и неискаженной подачи информации: «*Не нужно здесь, безусловно, **в облаках летать**, мы пре-*

красно с вами понимаем и знаем, как развивается вооружение в других государствах, поэтому здесь никаких иллюзий быть не должно». Говорящий использует ФЕ **витать в облаках** со значением «разг. ‘Предаваться несбыточным мечтам, не замечая окружающего’» [12]. В данном высказывании наблюдается замена слова-компонента **витать** со значением ‘двигаться, носиться в вышине (высок.); перен.: предаваться бесплодным мечтам, забывать о действительности’ [13] на более актуальную с точки зрения говорящего синонимичную лексему **летать** со значением ‘нестись, передвигаться по воздуху’ [13]. Примечательно, что политик использует ФЕ не только для придания речи образности и выразительности, но и для подкрепления своей точки зрения (сравн. «не нужно летать в облаках» – «никаких иллюзий быть не должно»). В значении ФЕ также актуализируется оппозиция «земля – небо», в которой земля выступает в качестве символа реальности, материального мира, прагматичного подхода к делу, а небо репрезентируется как пространство для фантазий, иллюзий, грез.

3. Аксиологическая диада «искренность / лицемерие» [14] тесно связана с диадой «правда / ложь». Противопоставление «ценность / антиценность» используется в речи политика с целью демонстрации честности его эмоций, открытости и способности к сопереживанию. Напротив, в рамках коммуникативной стратегии дискредитации поведение политических оппонентов репрезентируется как фальшивое, оценивается резко негативно и осуждается.

При помощи употребления единиц, связанных с проявлениями искренности, политик стремится сформировать позитивный настрой у реципиента по отношению к своим словам и сблизиться с ним. Для этого говорящий апеллирует к эмоциям адресата, показывая, что политик способен искренне сопереживать, проявлять эмпатию. ФЕ, принадлежащие к данной группе, включают соматические слова-компоненты *душа, сердце*: «Вы так говорите, это у Вас такой **крик души**, и я его полностью разделяю», «Так жалко на это смотреть. У меня **сердце кровью обливается**», «Так что мне кажется, знаете, что самое главное – чтобы **по душе** было. Если **по душе**, человек будет добиваться результата, а в конечном итоге это самое главное». Используя ФЕ с компонентами *сердце* и *душа*, политик стремится продемонстрировать сильные эмоциональные переживания, открытость, благородство и доброжелательность.

Для выражения субъективного отношения к определенному предмету или ситуации в речи политиков используются различные метаязыковые комментарии. Например, говорящий подчеркивает стремление служить интересам государства и народа: «За оценку работы последних лет и за надежду, которую они явно продемонстрировали, за их надежду и расчет на то, что мы будем работать, вся моя большая, расширенная команда и я, **ваши покорный слуга**, так же напряженно, но с большим результатом, чем до сих пор». В данном высказывании используется выражение **ваши покорный слуга** со значением «Разг. Устар. 1. Формула вежливого заключения письма. 2. Выражение, употребляющееся вместо “я”» [12]. Говорящий намеренно указывает на значимость и важность обсуждаемой проблемы и на уважительное отношение к адресату.

Искренность политика как один из аспектов честности также проявляется в том, что говорящий открыто говорит о существующих проблемах в общественно-политической сфере и критически оценивает ситуацию: «Владивосток далеко находится от столицы, но, как у нас всегда в России говорили, “**до господа высоко, до царя далеко**”. И там есть проблема, которую пока не удалось решить», «... в целом, конечно, я прекрасно понимаю, **отдаю себе отчет** в том, что для людей, потребителей – все-таки для них это нагрузка». Благодаря использованию ФЕ и паремий, показывающих откровенность и искренность говорящего, политик стремится предупредить и нивелировать возможную критику со стороны избирателей и оппозиции.

Итак, фразеологические единицы и паремии активно участвуют в создании и поддержании имиджа политического деятеля. Среди выявленных ценностей в речевом

портрете политического лидера можно выделить «труд», «правда», «искренность», а также антиценности – «безделье», «ложь», «лицемерие». Употребление ФЕ и паремий в речи политика отражает ценностную картину мира говорящего и способствует актуализации оппозиции «свой – чужой».

Список использованных источников

1. Альшеева, Ю. С. Речевой портрет В. В. Путина / Ю. С. Альшеева // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2, Языкознание. – 2012. – № 2 (16). – С. 171–174.
2. Асташова, О. И. Речевой портрет политика как динамический феномен : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 – русский язык / О. И. Асташова. – Екатеринбург, 2013. – 245 с.
3. Нахимова, Е. А. Прецедентные имена в президентском дискурсе / Е. А. Нахимова // Политическая лингвистика. – 2007. – № 22. – С. 44–48.
4. Паршина, О. Н. Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты России : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 – русский язык / О. Н. Паршина. – Саратов, 2005. – 325 с.
5. Рычева, Е. А. К вопросу об имиджевых жанрах политического дискурса / Е. А. Рычева // OPERA SLAVICA XXX. – 2020. – № 4. – С. 23–33.
6. Цветкова, Е. Б. Способы реализации коммуникативных стратегий в коллективном речевом портрете современных немецких политиков (на материале текстов протоколно-этикетных речей) / Е. Б. Цветкова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Т. 14. Вып. 5. – 2021. – С. 1583–1587.
7. Телия, В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурный аспекты / В. Н. Телия. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.
8. Ковшова, М. Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: Коды культуры / М. Л. Ковшова. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. – 456 с.
9. Королева, Т. А. Лингвистические средства реализации социальной оппозиции «свой – чужой» в политическом дискурсе / Т. А. Королева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота, 2017. – № 5(71): в 3-х ч. Ч. 2. – С. 85–88.
10. Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса : монография / Е. И. Шейгал. – Волгоград : Перемена, 2000. – 367 с.
11. Карасик, В. И. Культурные доминанты в языке / В. И. Карасик // Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград : Перемена, 2002. – С. 166–205 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://philologos.narod.ru/ling/karasik.htm>. – Дата доступа : 02.08.2021.
12. Большой словарь русских поговорок. М : Олма Медиа Групп. В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. 2007 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://dic.academic.ru/contents.nsf/proverbs/>. – Дата доступа : 02.08.2021.
13. Толковый словарь Ожегова [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://slovarozhegova.ru/>. – Дата доступа : 02.08.2021.
14. Храмова, Ю. А. Концептуальная диада «лицемерие–искренность» (на материале русского и английского языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 – теория языка / Ю. А. Храмова. – Волгоград, 2010. – 12 с.

Abstract. The article examines the axiological aspect of the use of phraseological units and paremias in the speech of a political leader, contributing to the formation of his image in the public space. Three axiological dyads («work / idleness»; «truth / falsehood»; «sincerity / hypocrisy») are highlighted and the mechanisms of modeling the speech portrait of a politician based on the dichotomy «friend and foe» are shown. In political discourse, the meaning of phraseological units and paremias can be complicated by additional connotations depending on the speaker's communication strategy.

Keywords: image of a politician, value picture of the world, axiological linguistics, axiological dyad, opposition, value, phraseological unit, paremia.

В. И. Сенкевич

ФЕНОМЕН ПЕРИФРАЗЫ

Аннотация. В статье постулируется феноменологический статус перифразы, обусловленный рецептивным вектором «для кого». Отмечается, что перифраза не является дискурсивной формой, не имеет семиотической экспликации и не выполняет стилистической функции. Характер перифразы текстовый и этический. С феноменом перифразы корреспондируют феномены иероглифичности, смысла и эвиденциальности. Перифрастика – область этической деривации.

Ключевые слова: перифраза, феномен, бренд, инструментальность, иероглифичность.

Несмотря на широту спектра исследовательских интересов в области перифрастики, теория перифразы до настоящего времени не сложилась. См.: [1]. Не дано лингвистического определения понятия перифразы и не установлен его объем. Такое положение, думается, связано с одним методологическим заблуждением. Перифраза понимается и трактуется как явление дискурсивной (рассудочной) речи [2, с. 189; 3, с. 6; 4]. Так, К. Фукс определяет перифразу как «вид деятельности субъекта речи по «перекодированию» исходного сообщения в сообщение формально иное, но идентичное, с точки зрения субъекта, в данной речевой ситуации» [4, с. 34.]. В таком понимании перифраза представляется специфическим способом синонимической замены языковых номинаций и выполняет функцию идентификации.

По нашему мнению, перефразирование не связано с речевой деятельностью («делом»). Перифраза не явление дискурса, а феномен недискурсивного словесного поведения пользователей языка – слова; деятельность (vs поведение). Об *этологическом* (поведенческом) статусе перифразы писал Ю. Д. Апресян. По его мнению, человек обладает языковой склонностью к перефразированию. Эта склонность обнаруживается в «языковом поведении людей» [5]. «Чем лучше говорящий владеет словарем и грамматикой языка, тем легче он перефразирует в случае необходимости свои высказывания» [6, с. 502]. Феноменально-этологический статус перифразы исключает ее из области языковой парадигматики и функционирования языка как системы знаков. Феноменологический подход к перифразе – *антиномический*. Сущность перифразы постигается через то, чем она не является.

Феноменальность перифразы обнаруживается в ее рефлексивном характере. Не называя предметы и явления объективной действительности, существующие «сами по себе», перифраза характеризует их в аспекте «для нас». Так, *картофель* (разг. *картошка*) как таковой является «корнеплодом семейства пасленовых», однако для белорусов *бульба* – это «другі хлеб», «спадарожніца жыцця», «надзённы хлеб зямлі» и др.: *Асабліва ажыўлена цяпер на бульбяных палатках. Ідзе ўборка «другога хлеба»* («Настаўн. газета»). *Ні дождж, ні град цябе не пеціць, надзённы хлеб маёй зямлі* (Р. Барадулін). *Пазней паэт прывязе з Прымор'я нізку вершаў, праспявае хвалу даўняй спадарожніцы беларуса – бульбе, што выручала яго ў цяжкія гады* («Полымя»).

Перифрастическая референция принадлежит феноменологии восприятия и корреспондирует с *брендом* – неподражаемым опытом восприятия реалий, обуславливающим их узнаваемость. В этом опыте не существенно то, кем (чем) нечто (некто) является на самом деле. Важно, за кого (что) его признают (принимают). Постулируемый перифразой статус референта не нуждается в подтверждении и доказательстве. Референты перифразы *узнаваемы* и оправдывают свои «звания»: *голубой экран* (телевизор), *голубые береты* (десантники), *белые халаты* (врачи), *сладкая смерть* (сахар), *белый яд* (наркотик), *лёгкие планеты* (лес), *ароматная продукция* (парфюмерия) и др.

Ничего не свидетельствуя, перифраза сама *говорит* о референте, обнаруживая в его *эйдосе* (облике) очевидную для реципиента доминирующую характеристику. Это «вещающие» элементы языка, не содержащие сообщения и не являющиеся носителями информации (сведений); сведения (*vs* вести). Знакомство с перифразой не делает слушателя либо читателя осведомленным (информированным). Реципиент становится ознакомленным – *посвященным*. Перифразой не отражаются свойства предмета (явления), а подмечаются и приближаются, становясь доступными, сущностные характеристики реалии. В этом обнаруживается эвиденциальный характер перифразы и ее эссенциальная важность для языковой этологии.

Вряд ли оправдано говорить о лексико-фразеологическом и прагматическом значении перифразирования. Перифраза не вписывается в категории «форма» и «содержание». Ее смысловой *контент* составляет всё, что возникает в сознании реципиента в ходе восприятия реалии. Это мнения, характеристики, а также реминисценции, аллюзии, стереотипы и другие ретроспекции рефлексирующего сознания, из которых складывается репутация референта и которые влияют на характер его презентации. В ходе создания перифразы форма сменяется творческим *дизайном*, не рассчитанным на грамматическую классификацию, однако доступным для описания.

Семиотический план в перифразе уступает место аспекту *знаменательности*; знак (*vs* знамение). Референты перифразы не являются «знаковыми» и «именитыми». Знания, слава и иные идентифицирующие моменты не существенны для перифразирования. Релевантными для этого художественного приема оказываются *известность* и *распознаваемость* референтов – их признание, почитаемость, а также популярность в своем социуме.

Аспект знаменательности соотносится с феноменальной характеристикой языка, составляющей антиномию знаковости – *иероглифичностью*. В знаменитом трактате Я. Друскина «Звезда бессмыслицы», посвященном творчеству А. Введенского и других участников ОБЭРИУ, автором дается следующее определение иероглифа: «Иероглиф – некоторое материальное явление, которое я непосредственно ощущаю, чувствую, воспринимаю и которое говорит для меня больше того, что им непосредственно выражается как материальным явлением» (Разрядка наша – В. С.) [7, с. 324–325]. По мнению ученого, «иероглиф можно понимать как обращенный ко мне язык нематериального, через материальное или чувственное [7, с. 325].

В существующих научных работах перифраза наделяется знаково-идентифицирующей функцией. «Перифразы – это индивидуализированные выражения», когда «разные авторы называют понятия по-разному» [8, с. 34]. Утверждается, что перифрастические построения как «вторые наименования явлений действительности» являются средствами, способствующими выразительности речи [9, с. 27]. Бытует точка зрения об аксиологической и экспрессивной природе перифразы. «В перифразе обычно содержится оценка обозначаемого... или какая-либо экспрессия...» [10, с. 334].

Перифраза, однако, не является экспрессивной единицей речи. Характер перифразы *импрессивный*. Перифразирование оживляет логос (слово, текст), делает повествование торжественным. Прагматическое ощущение ценности в перифразе сменяется восприятием стоимости. В отличие от ценности, статус стоимости феноменологический (стоит «для кого»). Представление о перифразе как о стилистической фигуре надолго определило сугубо стилистический подход к ней. Однако, не будучи функциональной единицей речи, перифраза не имеет стилистических свойств. Это феномен *этический*. Используя перифразу, говорящий / пишущий исходит из интуитивного чувства уместности.

Не имея отношения к дискурсу (делу, «ургии»), перифраза присутствует в *логосе* (слове, «логии») и обнаруживается в творчестве – недискурсивном (интуитивном) пути познания мира. Референция перифразы осуществляется в ходе *интуитивной догадки*.

Реципиент как бы разгадывает «кроссворд» – сам догадывается, о ком-чем говорит перифраза: *золотой голос России* (Н. Басков), *король эстрады* (Ф. Киркоров), *отец русской космонавтики* (К. Э. Циолковский), *создатель русского театра* (Ф. Г. Волков), *великий kobzary* (Т. Г. Шевченко), *вождь мирового пролетариата* (В. И. Ленин), *вождь всех времён и народов* (И. В. Сталин), *великий кормчий* (Мао Цзэ-дун), *буревестник революции* (М. Горький), *всесоюзный староста* (М. И. Калинин), *маршал Победы* (Г. К. Жуков), *архитектор перестройки* (М. С. Горбачев), *железная леди* (М. Тэтчер) и др.

Благодаря перифразе реалия получает свой «титул» (например, вместо *лев – царь зверей*, *пшеница – королева полей* и т. д.). Используя перифразу, говорящие и пишущие не называют предметы (явления) иначе, однако характеризуют их *по-другому* – «не так». Не определяя своих референтов, перифразы выставляют их в другом (феноменальном) свете. Это текстовые элементы языка, смысл которых сам доходит (или не доходит) до реципиента. Перифразы не «работают» на создание языковой картины мира. Статус их *архитектонический*.

Характер перифразы *инструментальный*. Перифраза не служит средством достижения субъектом речи иллюкативной цели, а выступает уникальным инструментом реализации авторского замысла. Перифразой инструментируется эйдический ареол реалии, оказывающий влияние на эффект ее восприятия: вместо *любимая женщина – женщина моей мечты*, вместо *поэт – соловей нашего времени*, вместо *жена – спутница жизни*, вместо *текст – словесная ткань*, вместо *луна – ночное светило*, вместо *дети – цветы жизни* и т. д.

Об этическом статусе перифраз говорит юмористический (а не сатирический!) характер некоторых из них: *соседка по кровати* (жена); *жидкий хлеб* (водка), *асфальтовая болезнь* (синяки и кровоподтеки на видимых частях тела как следствие падений), *сгусток нервов* (чрезмерно большой живот), *слёзы Мичурина* (плодово-ягодное вино), *нюхательная часть тела* (нос) и т. п.; у Пушкина: *юная питомица Талии и Мельпомены*, *щедро одаренная Аполлоном* (молодая талантливая актриса).

Перифразы характеризуются *мелиоративным* звучанием: *Не раз сгорая дотла и восставая из пепла, Москва, – даже оставшись после Петра Великого «порфиросной вдовой», – не утратила своего значения, она продолжала быть сердцем русской национальности, сокровищницей русского языка и искусства, источником просвещения и свободомыслия даже в самые мрачные времена* (А. Твардовский). Аналогично: *северная Венеция* (Санкт-Петербург), *страна восходящего солнца* (Япония), *туманный Альбион* (Англия), *певец «березового ситца»* (С. Есенин), *белокаменная столица* (Москва) и др.

Нельзя не отметить *поэтический* статус перифразы. Многие перифразы снабжаются пометами «*поэт.*», «*народно-поэт.*». Чаще всего это окказионально-авторские дериваты: бел. *начная зязюлька (зязюленька)* (поэт.) – жена; *два васількі, жытнёвыя васількі* (поэт.) – глаза; *адродкі белай Русі* (поэт.) – белорусы; рус. *руки милой – пара лебедей* (С. Есенин) и т. п. А. Мицкевич поэтически называет год краткосрочной вольности (1812) «*rokiem urodzaju*»: *O roku ów! kto ciebie widział w naszym kraju! Ciebie lud zowie dotąd rokiem urodzaju...* (А. Мицкевич); у Пушкина: *певец Гяура и Жуана* (Байрон), *певец Литвы* (Мицкевич), *творец Макбета* (Шекспир). *Слыхали ль вы за роцей глас ночной певца любви, певца своей печали* (А. С. Пушкин). Поэт получает характеристику «невольником чести»: *Погиб поэт, невольник чести, Пал, оклеветанный молвой...* (М. Ю. Лермонтов).

К разряду перифраз принадлежат уникальные поэтические композиты, созданные творческим воображением художников слова. Перифразированием создается изобразительная виртуальная реальность. Творческая сила сознания, работающего в режиме воображения, вкладывает самые разные смыслы в один и тот же референт. Возникает серия перифрастических «званий» одной реалии. Так, Беларусь – это и «*земля под белыми*

крыльями», и «край голубых озёр», и «земля Купалы и Коласа», и др. Однако, помимо изобразительных дериватов, к перифразе принадлежат и целиком прозаические образования: автор «Евгения Онегина» (Пушкин), первый космонавт (Гагарин), открыватель Америки (Колумб) и др.

Перифраза – известный инструмент и прием публицистики. Источниками перифразы становится периодическая печать, а также радио и телевидение: люди огненной профессии (сталевары), людская река (масса людей), янтарный край (Прибалтика), остров Свободы (Куба), жидкое топливо (нефть), лесной солдат (партизан), разведчик космоса (космонавт) и др. Часто употребляющиеся в СМИ парафразы становятся газетными штампами: труженики полей (крестьяне), корабль пустыни (верблюд), вечер жизни (старость), голубое золото (газ), бойцы идеологического фронта (журналисты) и др. Штампованность присутствует в перифразах дары моря, флагман индустрии, эстафета поколений, правофланговые пятилетки, работники прилавка и др.

Возникновение перифразы мотивировано стремлением автора к «остранению» (термин В. Шкловского), выводящему реципиента из привычного автоматизма восприятия. Перифразой замечается необычное («странное»), что благоприятствует свежести восприятия. Однако творческий «беспредел» превращает перифразу в публицистический штамп. Например, над одним из восторженных «бойцов идеологического фронта» иронизирует писатель В. Войнович:

Все обыкновенные слова казались ему (журналисту Ермолкину) недостойными нашей необыкновенной эпохи, и он тут же выправлял слово «дом» на «здание» или «строение», «красноармеец» на «красный воин». Не было у него в газете ни крестьян, ни лошадей, ни верблюдов, а были «труженики полей», «конское поголовье» и «корабли пустыни». Люди, упомянутые в газете, не говорили, а заявляли, не спрашивали, а обращали свой вопрос. Немецких лётчиков Ермолкин называл фашистскими стервятниками, советских лётчиков – сталинскими соколами, а небо – воздушным бассейном или пятым океаном. Особое место занимало у него в словаре слово «золото». Золотом называлось всё, что возможно. Уголь и нефть – «черное золото». Хлопок – «белое золото». Газ – «голубое золото». Говорят, однажды ему попалась заметка о старателях, добытчиках золота, он вернул заметку ответственному секретарю с вопросом, какое именно золото имеется в виду. Тот ответил: обыкновенное. Так потом и было написано в газете: добытчики золота обыкновенного (В. Войнович. «Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина»).

Творческая сущность парафразы выводит ее за рамки словообразовательной системы языка. Создание перифразы – «не способ». Перифраза – область этической деривации, где ничего не «образуется от...» и не «происходит из...», а возникает в силу авторского воображения и таланта. Как и любой деривационный элемент, перифраза не образуется в результате словопроизводства, а возникает в ходе переосмысления референта – обнаружения в нем ещё неизвестных сторон. Перифрастические дериваты могут составлять интегрированные незамкнутые комплексы, возникающие на базе доминирующего в смысловом аспекте ключевого компонента:

к о р о л ь : *король спорта* (футбол), *король футбола* (Пеле), *король сказок* (Андерсен), *король эпидемий* (грипп) и др.;

к о р а б л ь : *корабль пустыни* (верблюд), *корабль революции* (крейсер Аврора), *воздушный корабль* (самолет), *степной корабль* (комбайн) и др.;

ж е м ч у ж и н а : *жемчужина Черноморья* (Одесса), *жемчужина искусств* (г. Петродворец), *жемчужина Тянь-Шаня* (озеро Иссык-Куль), *жемчужина Андриатики* (г. Венеция) и др.

Насущный вопрос изучения перифразы – ее распознавание и отмежевание от языковых явлений, не обладающих феноменально-логистическим характером и принадлежащих именной дискурсии. Перифраза – область паремиологии. Было бы неоправданным включать в состав перифраз фразеологические единицы. Фразеология дискурсив-

на. Обычно фразеологизируются акциональные глаголы, например: умереть (акт смерти) – *почить в бозе*; родиться (акт рождения) – *прийти на свет*; жениться (акт бракосочетания) – *связать себя узами Гименея*, поджечь чью-либо собственность (уголовно наказуемый акт) – *пустить красного петуха* и т. д.: *Всё началось с того, что двое молодых могилевчан решили связать себя узами Гименея* («Обозреватель»). *Нет острых ощущений, всё старьё, мельё и хлам, Того гляди с тоски сыграешь в ящик* (В. Высоцкий); сравн. пол. *korpać już w kalendarz, wachać kwiaty ze sprodu* и т. д. Подлежащие фразеологизации акты принадлежат к области юридической компетенции: поджог, бракосочетание, смерть, рождение, убийство и т. п.

Таким образом, сущность перифразы логистическая и этологическая. Перифраза – возвышающее «звание» реалии, характеризующее ее статус и модус присутствия в общественном сознании. Аналогичным характером, говорящим о масштабах присутствия кого-либо, обладают звания творческих людей, титулы. Феноменологический вектор «для кого», неизменно сопутствует перифразе и выводит ее из области формально-грамматического анализа, использующего традиционные методы и категории. Разграничение деривации и словообразования открывает возможности, с одной стороны, интерпретировать корпус культурнозначимых экзистенциальных единиц речи, а с другой – выявить и описать этический инструментарий языка сущности, к которому и принадлежит перифраза.

Список использованных источников

1. Бытева, Т. И. Краткий очерк истории и современного состояния проблемы перифразы / Т. И. Бытева [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/kratkiy-ocherk-istorii-i-sovremennogo-sostoyaniya-problemy-perifrazy>. – Дата доступа : 26.10.2021.
2. Григорьев, В. П. К проблеме перифразы / В. П. Григорьев // Сборник докладов и сообщений лингвистического общества. – Т. IV. – Калинин, 1974. – С. 158–274.
3. Кобылянский, И. Ю. Перифраз как функционально-семантическая единица речи (на материале современной украинской советской прозы, поэзии и публицистики) : автореф. дис... канд. филол. наук / И. Ю. Кобылянский. – Ужгород, 1986. – 27 с.
4. Fuchs, C. A parafrase linguistica: Equivalencia, sinonimia ou reformulacao? / C. Fuchs // Cadernos de estudos ling. – Campinas, 1985. – N 8. – P. 129–134.
5. Апресян, Ю. Д. Синонимические средства языка и правила перифразирования / Ю. Д. Апресян // Русский язык в национальной школе. – 1972. – № 3. – С. 19–27.
6. Апресян, Ю. Д. Английские синонимы и синонимический словарь / Ю. Д. Апресян // Англо-русский синонимический словарь. – М. : Рус. яз., 1979. – 544 с.
7. Друскина, Я. С. Звезда бессмыслицы / Я. С. Друскин // «...Сборище друзей, оставленных судьбою». «Чинари» в текстах, документах и исследованиях. – М., 2000. – Т. 1, Леонид Липовский, Александр Введенский, Яков Друскин. – С. 323–416.
8. Малажай, Г. М. Сучасная беларуская мова: перыфраза : [вучэб. дапам. для філ. фак. пед. ін-таў] / Г. М. Малажай ; пад рэд. Ф. М. Янкоўскага. – Мінск : Выш. шк., 1980. – 93 с.
9. Кожин, А. Н. Перифрастические построения в языке советской эпохи / А. Н. Кожин // Русский язык в школе. – 1977. – № 4. – С. 89–94.
10. Бельчиков, Ю. А. Перифраза / Ю. А. Бельчиков // Русский язык : Энциклопедия / гл. ред. Ф. П. Филин. – М. : Советская энциклопедия, 1979. – С. 203–204.

Abstract. The article postulates the phenomenological status of the periphrasis, conditioned by the receptive vector “for whom”. It is noted that periphrasis is not a discursive form, has no semiotic explication and does not fulfill a stylistic function. The periphrasis has textual and ethological character. The phenomena of hieroglyphicity, meaning and evidentiality correspond with the phenomenon of periphrasis. Perophrastics is the area of ethical derivation.

Keywords: periphrasis, phenomenon, brand, instrumentality, hieroglyphicity.

Т. В. Сивова

ЧЕРНАЯ ВДОВА В ЦВЕТОВОЙ КОНЦЕПТОСФЕРЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

Аннотация. В статье на материале данных НКРЯ, направленного ассоциативного эксперимента, рекламного и Интернет-дискурса выявляется состав терминов цвета, участвующих в создании номинаций с компонентом *вдова*; устанавливается их цветовая доминанта; описываются сферы функционирования, функциональный потенциал, случаи расширения значения.

Ключевые слова: термин цвета, цветовая концептосфера, фразеологическая единица, концептосфера русского языка.

Термин цвета *черный*, будучи ахроматическим цветом, имеет, согласно авторитетному мнению В. Г. Кульпиной «разветвленную систему значений, многие из которых подверглись процессам фразеологизации» [1, с. 59]. Функциональный потенциал фразеологических единиц (далее – ФЕ), сформировавшихся на основе данного термина цвета (*черный* в составе идиом может осмысливаться как в положительном плане: *черная металлургия*, так и в отрицательном: *черная душа* [2, с. 144–163]), представлен широким спектром функций, среди которых функция сравнения (*черный как деготь*), перифрастическая (*черное золото*), эмоционально-экспрессивная (*черное настроение*), функция указания на опасность для социума (*черная биржа*), магическая (*черная кошка*), терминологическая (*черный дуб*) [1, с. 60–61]. Аксиологический потенциал цветоидиом, служащих характеристике человека, предметов и явлений окружающего мира, обуславливает значимость и актуальность их изучения на материале различных дискурсов (лексикографического, художественного, публицистического, рекламного, Интернет-дискурса), данных Национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ), ассоциативного эксперимента и др. в свете задачи целостного описания цветовой концептосферы русского языка.

ФЕ *черная вдова* (сравн.: *веселая вдова* дон. шутол. ‘растение бегония клубневая гибридная’; *ночная вдова* разг. шутол.-ирон. ‘замужняя женщина, занимающаяся по ночам проституцией’; *соломенная вдова* разг. шутол. ‘жена, временно оставшаяся без мужа (например, уехавшего в командировку, в отпуск) или не живущая с ним’; у *вдовы* жарг. мол. шутол. ‘Дворец культуры им. Н. К. Крупской в Ленинграде – Санкт-Петербурге’ [3, с. 73]) обнаружила свою активность в современной речевой практике. Так, согласно результатам проведенного нами направленного лингвистического ассоциативного эксперимента (588 респондентов; студенты разных факультетов ГрГУ: филологического, инженерно-строительного, математики и информатики, истории, коммуникации и туризма; жен.: 301, муж.: 287; возраст: 17–21 гг.; время проведения: сент.–окт. 2021 г.), в ходе которого респондентам было предложено привести свою реакцию на стимул «черная», реакция *вдова* фиксируется 13 раз (м/ж), *вдова (наук)* – 2 (ж). Актуализация ФЕ *черная вдова*, предположительно, обусловлена популярностью фантастического боевика «Черная вдова» (реж. К. Шортланд, 2021 г.). Вместе с тем список терминов цвета, ассоциируемых с лексемой *вдова*, согласно ассоциативному словарю, включает, помимо черного, белый цвет: сравн.: всего реакций на стимул «вдова» 110, различных реакций 68, одиночных 52, отказов 4, «цветовых» реакций на стимул «вдова» 4: *черная* 6, *в черном* 3, *белая* 1, *черный* 1 [4, с. 79]. Материалы НКРЯ (газетный, основной, устный корпус), рекламный и Интернет-дискурс подтверждают сильную позицию (количество словоупотреблений) ФЕ *черная вдова* и фиксируют функционирование расширяющих колористический диапазон номинаций *белая вдова*, *зеленая вдова*, *красная вдова*, *серая вдова*.

ЧЕРНЫЙ. Паук черная вдова (*Latrodectus mactans*). ФЕ черная вдова актуализирует ряд значений, среди которых, согласно данным НКРЯ (основной корпус 25 контекстов, газетный 24, устный 3) [5] и других источников:

1) ‘род ядовитых пауков из семейства пауков-тенетников’: [осн.] *Я говорю, есть такая разновидность пауков, которые называются «черная вдова»* [Трoнина. Русалка для интимных встреч, 2004]; [газетн.] *Подобное поведение черной вдовы вполне объяснимо с научной точки зрения – у этих пауков сезон размножения начинается ранней весной, когда добычи мало и самка все время хочет есть* [Кузина. Даже кальмаров истоощает ... // КП, 2012.07.18]. В лингвистических исследованиях отмечается терминологический характер данной номинации. Так, В. А. Шевцова, рассматривая тематические группы русских и немецких ФЕ с цветообозначением, фиксирует терминологическое обозначение из области зоологии: *schwarze Witwe* (дословно ‘черная вдова’) ‘зоол. один из видов пауков, чей укус опасен для жизни человека’ (Wahrig, 693) [6, с. 370], констатируя, что «в кругу фразеологизмов с цветообозначениями выявлена незначительная часть устойчивых оборотов, относящихся к области терминологии (в материале русского языка фразеологизмы-термины составляют около 2%, в немецком материале – около 4%)» [6, с. 370]. В свою очередь, Н. М. Охрицкая отмечает, что «в цветофразеологии испанского языка часто встречается сочетание цвета с компонентом названия какого-либо животного, например: *viuda negra* (букв. ‘черная вдова’) ‘паук черная вдова’» [7, с. 115]. Обращаясь к материалу таджикского и английского языков, М. М. Хакимова объясняет возникновение некоторых групп эвфемизмов существованием табу. В частности, указывая на эвфемизмы, употребляемые вместо имен фантастических воображаемых существ: *black widow* (черный паук – «черная вдова») и т. д. [8, с. 55];

2) ‘женщина, убившая либо доведшая до смерти собственного мужа, как правило, не одного, а нескольких’: [осн.] *У них есть поверье о «черной вдове», похоронившей двух мужей: если летчик женится на ней – жди необъяснимых авиaproисшествий* [Прусс. Мужской шовинизм // «Знание – сила», 2008]; *...то «черная вдова» удачно уронит нож на очередного свежезастрахованного супруга, то психопатка утопит детей* [Долгинова. Девушка с косой // «Русская жизнь», 2012]. Связь первого и второго значения закономерно попадает в фокус научного внимания лингвистов. Так, Е. С. Хованская и О. В. Праченко, исследуя лакунарные ФЕ с колоративным компонентом в русском, английском, испанском и португальском языках, отмечают, что «образ черной вдовы присутствует во фразеологии сопоставляемых языков, обозначая женщину «черную вдову», подозреваемую в убийстве своего мужа: *черная вдова* – англ. *black widow* – исп. *viuda negra*; в русском языке эта ФЕ является заимствованием; происхождение переносного значения фразеологизма связано с представительницей «прекрасного пола» из Южной Америки – самки паука черная вдова» [9, с. 4];

3) ‘террористка-смертница’: [осн.] *По информации временного пресс-центра МВД на Северном Кавказе, черная вдова работала связной у боевиков и занималась вербовкой женщин-смертниц для участия в захвате заложников на Дубровке* [Хроника террора // «Спецназ России», 2003.06.15]; [газетн.] *Специалисты уже составили психологический портрет волгоградской смертницы, и он отличается от «черных вдов», которые до сих пор совершали теракты* [Маेतная. Спецслужбы изучают места ... // Известия, 2013.10.24]; [устн.], фиксирующий различную трактовку значения: [№ 2, жен, 55] *Я тоже слышала / что это как бы черные вдовы и у них целая организация / и они создают такие группы вот именно по уничтожению / как бы мстить за погибших мужей и братьев* [Беседа с социологом // Фонд «Общественное мнение», 2003]; [Павловский] *В одних случаях ему нужен партизанский отряд / в других случаях ему нужны так называемые «черные вдовы» / вдовы погибших боевиков* [Лекция Г. Павловского «Культуры политики» // Из коллекции НКРЯ, 2003]. Важным представляется тот факт, что Р. К. Боженкова и В. А. Баскакова, рассматривая «лингвокультурологические осо-

бенности функционирования колоронимов *белый / white* и *черный / black* в аспекте стилистической организации публицистических текстов русского и английского языков» [10, с. 19], отмечают актуализацию в словосочетании *черная вдова / black widow* ‘чеченская террористка-смертница’ переносное значение ‘контрреволюционный, реакционный, террористический’: ...*другая «черная вдова» бросила гранату на пропускном пункте* (Баев. «Талибан» пригрозил терактами в Мумбаи // Известия, 2010.12.27) [10, с. 22]. Л. А. Метелькова с соавторами, исследуя образ терроризма в политической картине мира французских и российских СМИ, констатируют включение ФЕ *черная вдова* в русскоязычный контекстуальный синонимический ряд с ключевым словом «Террорист» [11, с. 40]. Помимо перечисленных узуальных значений, в современном языковом дискурсе актуализируется ряд значений номинации *черная вдова*, расширяющих область ее функционирования.

Комиксы. Художественная литература. Кинематограф. *Черная вдова* – персонаж комиксов и художественных фильмов Marvel (вероятно, в связи с премьерой 2021 г.): [осн.] *Странно, что Фьюри и Черную вдову не показали в самом фильме, а вот парочку неизвестных агентов S.H.I.E.L.D.а мелькнуло* [коллект. Форум: Железный Человек, Iron Man (2008)], [газетн.] *Черную Вдову, или Наташу Романову (Скарлетт Йоханссон), привязанную к стулу, вот-вот отправит к праотцам русский генерал* [Пашкова. Супергерои спасают человечество // РБК Дейли, 2012.05.03]. См. также названия серии комиксов Marvel: С. Ли «Тревожные истории. Первое появление Черной Вдовы» (2021), Р. Морган «Черная вдова. Добро пожаловать в игру» (2020), Г. Рака «Рыцари Marvel. Черная вдова» (2020) и др.

Косметика (активно в кобрендинге). *Черная вдова* – название предметов косметики, ассоциируемых как с персонажем комикса Marvel: *Marvel в коллаборации с корейским брендом выпустил коллекцию косметики для фанаток комиксов. <...> В коллекции Marvel&The Face Shop нашлось место еще одному актуальному тренду – матовой помаде. <...> Тушь 2 in 1 Curling Mascara, напоминающая о сексуальном образе Скарлетт Йоханссон в роли Черной вдовы, подкручивает ресницы и придает им естественный объем* [Гарина 11.07.2017, <https://7sisters.ru>]; палитра для макияжа *ULTA Beauty Marvel X Black Widow 3 pc Face Palette C34* [<https://www.ebay.com>], так и с образом роковой женщины: *кристаллы для лица и тела «Черная вдова»* [Glitter Things; <https://makeup.com.ua>], *воск для стилизации волос Nishman Hair Styling Wax S1 Spyder (BLACK WIDOW)* [<https://mastergroomer.com.ua>], *лак-кракелюр Черная вдова* [Duri; <https://beautyshop.kiev.ua>].

Парфюмерия. *Черная вдова* – название парфюмерной продукции: туалетная вода для женщин *Black Widow Eau de Toilette Marvel* [<https://aromo.ru>]; женские духи японского бренда *Miniso Black Widow Red, Eau De Toilette* [<https://bigl.ua>].

Кулинария. *Черная вдова* – название блюд, напитков: *кофе «Черная вдова»* [<https://www.gastronom.ru>], *коктейль «Черная вдова»* [<http://icocktail.ru>], *кофейная водка «Черная вдова»* [<https://www.povarenok.ru>], *пирожное «Черная вдова»* [<https://www.koolinar.ru>], *торт «Черная вдова»* [<https://lada-matushka.livejournal>], *фаршированные яйца «Черная вдова»* [<https://www.ellegirl.ru>].

Часовая промышленность. *Черная вдова* – название коллекции часов, посвященной пауку: Компания *Ladoire Geneve* представила *коллекцию «Черная вдова»*, названную в честь опасного ядовитого паука *Lactrodaectus Manctans*, паутину которого можно увидеть на циферблате [<https://mywatch.ru>].

Растениеводство. *Черная вдова* – название сорта свеклы: *Свекла столовая «Черная вдова»* [<https://mir-sadovoda.by>].

Астрономия. *Черная вдова* – характеристика пульсара: [газетн.] *Как считают ученые, эта звезда принадлежит к числу так называемых «черных вдов» – пульсаров, обитающих в тесных двойных системах* [Астрономы обнаружили ... // РИА Ново-

сти, 2012.10.25]; *Мы опасаемся, что Плуто́н со своими спутниками, предмет нашей научной привязанности, может на деле оказаться настоящей «черной вдовой»* [Зонду НАСА придется ... // РИА Новости, 2012.10.17]. Данное значение актуализируется и в англоязычном научном дискурсе: *X-ray studies of the black widow pulsar psr b1957+20* [12]; *Evidence for a massive neutron star from a radial-velocity study of the companion to the black-widow pulsar psr b1957+20* [13] и др.

Вооружение. *Черная вдова* – название противопехотной мины: [газетн.] *при взрыве под обувью мины ПМН с массой ВВ 200 граммов (или, как ее называют на Западе, «Черная вдова») ампутации стопы избежать вряд ли удастся* [Защита для сапера // «Солдат удачи», 2004.01.14]. См. также: *Нередко она известна под жаргонным названием «черная вдова» (Black Widow) из-за того, что у человека, наступившего на эту мину, очень мало шансов остаться в живых* [<http://saper.isnet.ru>].

Скоростное поедание пищи. *Черная вдова* – прозвище победителя соревнования: [газетн.] *Ранее Томас неоднократно выигрывала на соревнованиях по скоростному поеданию тех или иных продуктов, отбирая призовые места у представителей сильного пола, за что она и получила прозвище «Черная вдова»* [Калифорниец съел ... // РИА Новости, 2012.07.04].

Активность номинации *черная вдова* в газетном, художественном, рекламном пространстве во многом объясняется ее экспрессивностью. Так, Е. С. Харина, исследуя особенности перевода заголовков испанских СМИ, отмечает, что «сентенционные заголовки пробуждают интерес читателя при помощи риторических средств, удивляют его, обычно содержат пословицы, поговорки, идиоматические выражения», приводя в качестве иллюстрации контекст, содержащий ФЕ *черная вдова*: *La ‘viuda negra’ de Japun, condenada a la horca* © *Diario EL PAIS Madrid / Tokio 7 nov 2017 – Японская «черная вдова» приговорена к смертной казни через повешение* [14, с. 125]. Б. Х. Хакимова, обращаясь к «женской» прозе корейской писательницы Пак Вансо, в связи с ее рассказом «Черная вдова» отмечает: «уже в самом его названии, переданном фразеологическим изречением, присутствует образность, иносказательность, а не прямой смысл. Между тем это сочетание не только отражает объективную реальность, но и выражает отношение к ней, пронизанное эмоциональной окрашенностью. Причем данная эмоциональность несет отрицательную окраску, дающую основание для негативного восприятия героя рассказа» [15, с. 150]. Н. П. Изотова, раскрывая особенности психонаратива в романах Дж. М. Кутзее, при описании психологического состояния отчаяния и разочарования персонажа фиксирует использование метафоры: *I am a black widow in mourning / Я – черная вдова в трауре* [16, с. 47].

БЕЛЫЙ. *Белый каракурт, белая вдова* (лат. *Latrodectus pallidus*). Оппозиция «черный – белый» закономерно находит свое отражение и на уровне фразеологии. Так, газетный корпус НКРЯ содержит 8 контекстов с номинацией *белая вдова* (авторы материалов М. Володин, Э. Лимонов, А. Холина), в которых актуализируется значение ‘террористка’ (дифференциальный признак – национальность): *Вчера в международный розыск объявили 29-летнюю англичанку Саманту Луизу Льютуайт – как ее сейчас называют, Белую Вдову* [Холина. Феминизм для террористок // Известия, 2013.09.27]; *Западные и кенийские СМИ сообщали, что ею могла быть Белая вдова – гражданка Великобритании Саманта Льютуэйт, экс-жена террориста, взрывавшего лондонское метро 8 лет назад* [Володин. О подготовке «африканского Беслана» // КП, 2013.09.26]. Вместе с тем лингвокультурологические исследования вскрывают ряд других значений номинации *белая вдова*. Например, Е. Р. Куртова, проводя сравнительный анализ концепта «Цвет» в идиоматической картине мира русского и английского языков, отмечает: «в Англии белый цвет имеет негативное значение: холод, одиночество и тишина, это древнейший цвет траура, отсюда и фразеологизм *white widow* – белая вдова, жена Ричарда Тальбо, носившая белый траур по ушедшему му-

жу [17, с. 571]. По наблюдениям Е. Л. Березович, среди фразеологизмов, в которых номинативный признак выражен опосредованно, выделяются идиомы с цветовой символикой: «в оппозиции “настоящей” вдове, носящей черный траур, соломенная вдова обозначается как “белая”: макед. *бела вдовица* ‘соломенная вдова’, серб. *бела удовица* (сравн. также диал. воевод. *бела удовица* ‘женщина, чей муж погиб на войне’), итал. *vedova bianca* ‘соломенная вдова’» [18, с. 286]. В сферу функционирования номинации, по нашим наблюдениям, включаются: **Кулинария**. *Белая вдова* – название алкогольных напитков: *коктейль WHITE WIDOW* [<http://spirits.ru>], *рецепт приготовления White Widow от пивоваров* [<https://varimcraft.ru>], *бельгийский пшеничный эль Arthur’s Legacy White Widow* [<http://www.beerblogger.ru>] и **Песенное творчество**. *Белая вдова* – название песен: *White Widow* (альбом «The EMI Album Collection» группы Afterhours); *песня White Widow* (русский трэп-исполнитель MAYOT).

КРАСНЫЙ. *Паук красная вдова* (лат. *Latrodectus bishopi*). Согласно данным нашего исследования, номинация *красная вдова* функционирует в двух сферах: **Кинематограф**. *Красная вдова* – название сериала, в слогане которого «No time to mourn» содержится оппозиция «черный – красный»: *сериал Красная вдова / Red Widow* (реж. Б. Джирхарт и др., 2013) и **Кулинария**. *Красная вдова* – название алкогольного напитка: *Red Widow*. *Крепкий вишневый эль. Сочность зрелых ягод, сбалансированная винность и деликатные оттенки косточки в послевкусии, – главные слагаемые нашей «Вишневой вдовы»* [<http://jawsbeer.ru>]. Лингвокультурологические исследования цвета расширяют фактологическую базу. Так, Н. А. Завьялова, изучая лингвоцветовую картину японского языка на материале ФЕ, основанных на цветовых образах, фиксирует номинацию «*Akaishinnyo* ‘красная еще не умершая женщина’ – вдова, в Японии существует традиция указывать имя живой жены, вдовы на надгробном памятнике умершего мужа» [19, с. 265].

СЕРЫЙ. *Паук коричневая вдова, или серая вдова* (лат. *Latrodectus geometricus*). В статье М. С. Савиной, посвященной автобиографическим мотивам в прозе А. Крячуна, отмечаем номинацию *серая вдова* в составе названия произведения: *в ряде повестей, которые, расположенные в порядке, соответствующем процессу возмужания главного героя, образуют автобиографический цикл-тетраптих: «Первый турнир рыцаря», «Быль о Серой Вдове», «Карышкыр – имя человеческое» ...* [20, с. 127]. Обращение к тексту произведения позволяет заключить, что речь идет о волчице: *Пока Серая Вдова была рядом, он уже не мог не бояться ее: страх начал парализовать волю. <...> Я не Кенеш, дающий пустые клятвы. Я убью тебя, волк!*

ЗЕЛЕНый. Номинация *зеленая вдова*, фиксируемая лингвистами в различных языках, актуализирует в них разные значения. Так, Д. Н. Еркова, описывая на материале русского и испанского языков особенности лексико-семантической группы фразеологизмов с цветовым компонентом, обозначающих характер человека и его качества, выявляет функционирование в испанском языке термина цвета *verde* ‘зеленый’, актуализирующего значение *Viuda verde* (букв. ‘зеленая вдова’) – молодая вдова [21, с. 84]. Е. Л. Березович отмечает: «помимо “соломенного” образа, в славянских, романогерманских, финно-угорских, тюркских языках есть и другие способы “оязыковления” смысла ‘один из супругов, временно оставленный другим’: *временная вдова, летняя вдова, зеленая вдова, мартовский вдовец* и пр.», предполагая, что «в основу выражений такого типа положены признаки “временный”, “переменчивый”, “ассоциирующийся с летом” и др.» [18, с. 6]. Таким образом, «зеленая вдова – та, которая живет без мужа летом, когда все кругом зеленеет» [18, с. 286]. Выявленные в ходе нашего исследования сферы функционирования номинации *зеленая вдова* включают: область **Кулинария**. *Зеленая вдова* – название напитков: *Алкогольный коктейль «Зеленая вдова» делается всего из двух ингредиентов: ликер Блю Кюрасао (Blue Curacao) и апельсиновый сок* [<https://cravemonkey.pl>] и **Юриспруденция**. *Зеленая вдова* – прозвище фигуранта уго-

ловного дела: *Прокуратура и пресса окрестили Мэри Элен Сэмюэлс «Зеленой вдовой» после того, как ее фотографии, покрытые 20 тысячами долларов из наличных денег ее умершего мужа, убедили калифорнийское жюри в том, что она виновна в организации его убийства и убийства другого мужчины* [https://ru.iogeneration.pt].

Таким образом, ФЕ *черная вдова* становится базой для продуцирования ряда номинаций, состоящих из лексемы *вдова* и термина цвета, колористический диапазон которых, по нашим наблюдениям, включает цветообозначения *белый, зеленый, красный, серый, черный* (доминанта), характеризующихся смысловым приращением и расширением сферы функционирования. Перспективным представляется дальнейшее исследование в ключе лингвистики цвета, первый вектор которого – описание случаев контаминации «цветосодержащей» ФЕ и термина цвета (рыболовные снасти: *шнур BLACK WIDOW GREEN (зеленый); Miniso Black Widow Red, Eau De Toilette*), второй вектор – выявление терминов цвета (помимо *черный*), ассоциируемых с концептом «Вдова». Сравн. с данными НКРЯ: [осн.] *Символы – две маски: черная – скорби и сиреневая – вдовья* [Езерская. Сиреневая маска // «Вестник США», 2003.10.15], с исследованиями Е. Л. Березович: «к числу индивидуализирующих мотивов относится, к примеру, мотив черного (темного) цвета в образе вдовы, “окрашенном” в цвет траура (сравн. рус. *вдовый цвет* литер. ‘траурный, не светлый’, простореч. ‘лиловый, фиолетовый’)» [18, с. 268].

Список использованных источников

1. Кульпина, В. Г. Лингвистическая цветология: от истории к современности цветовых концептосфер / В. Г. Кульпина. – М. : МАКС Пресс, 2019. – 288 с.
2. Кульпина, В. Г. Лингвистика цвета: Термины цвета в польском и русском языках / В. Г. Кульпина. – М. : Московский Лицей, 2001. – 470 с.
3. Мокиенко, В. М. Большой словарь русских поговорок / М. В. Мокиенко, Т. Г. Никитина. – М. : Олма Медиа Групп, 2007. – 784 с.
4. Русский ассоциативный словарь : в 2 т. / Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов. Т. I. От стимула к реакции : ок. 7000 стимулов. М. : АСТ-Астрель, 2002. – 784 с.
5. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.ruscorpora.ru>. – Дата доступа : 13.09.2021.
6. Шевцова, В. А. Тематические группы русских и немецких фразеологизмов с цветообозначениями / В. А. Шевцова // *Studia, Slavica, Savariensia. Проблемы контрастивной семантики*. – 2004. – № 1–2. – С. 362–372.
7. Охрицкая, Н. М. Лингвокультурологический аспект цветоименований в испанских фразеологизмах / Н. М. Охрицкая // *Вестник ЧелГУ. Филология. Искусствоведение*. – 2010. – № 29 (210). – Вып. 47. – С. 110–115.
8. Хакимова, М. М. Лексико-семантический анализ эвфемизмов в таджикском и английском языках : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / М. М. Хакимова ; Рос.-тадж. славян. ун-т. – Худжанд, 2018. – 169 с.
9. Хованская, Е. С. Лакунарность ФЕ с колоративными компонентами в русском, английском, испанском и португальском языках / Е. С. Хованская, О. В. Праченко // *Научный журнал КубГАУ*. – 2014. – № 99 (05). – С. 1–16.
10. Боженкова, Р. К. Репрезентация колоронимов *белый / white* и *черный / black* в текстах публицистического стиля (на материале электронных периодических изданий «Известия» и «The Telegraph» за 2007–2013 гг.) / Р. К. Боженкова, В. А. Баскакова // *Известия ЮЗГУ. Сер. Лингвистика и педагогика*. – 2013. – № 1. – С. 19–26.
11. Метелькова, Л. А. Лексико-семантическая группа «терроризм» в русском и французском языках / Л. А. Метелькова, Н. В. Чукарикова, С. В. Иванова // *Вестник ЧГПУ им. И. Я. Яковлева*. – 2017. – № 3 (95). – Ч. 1. – С. 38–44.
12. Huang, R. H. N. X-Ray Studies of the Black Widow Pulsar PSR b1957+20 / R. H. N. Huang, A. K. N. Kong, J. Takata, C. Y. Hui, L. C. C. Lin // *The Astrophysical Journal*. – 2012. – PP. 1–5.

13. Kerkwijk, M. H. Evidence for a Massive Neutron Star from a Radial-Velocity Study of the Companion to the Black-Widow Pulsar PSR b1957+20 / M. H. van Kerkwijk, R. P. Breton, S. R. Kulkarni // *The Astrophysical Journal*. – 2011. – PP. 1–5.
14. Харина, Е. С. Особенности перевода заголовков испанских СМИ / Е. С. Харина // Университетские чтения : мат. научн.-метод. чтений ПГУ, Пятигорск, 11–12 янв. 2018 г. – Пятигорск, 2018. – С. 123–128.
15. Хакимова, Б. Х. Лингвокультурологические особенности паремиологии и фразеологии корейского языка на примере концепта «Женщина» / Б. Х. Хакимова // *Корееведение Казахстана*. – 2020. – Вып. 12. – С. 140–155.
16. Изотова, Н. П. Лингвистика психонаратива в романах Дж. М. Кутзее: параметры изучения / Н. П. Изотова // *Science and Education a New Dimension. Philology*. – 2015. – III (9). – Issue 44. – С. 45–49.
17. Куртова, Е. Р. Сравнительный анализ концепта «цвет» в идиоматической картине мира русского и английского языков (на примере колоратива «белый») / Е. Р. Куртова // *Наука, образование, культура : сб. ст. Междунар. научн.-практ. конф., Комрат, 2020*. – С. 567–572.
18. Березович, Е. Л. Русская лексика на общеславянском фоне: семантико-мотивационная реконструкция / Е. Л. Березович. – М. : Русский фонд содействия образованию и науке, 2014. – 488 с.
19. Завьялова, Н. А. Лингвоцветовая картина японского языка на материале фразеологизмов, основанных на колористических образах / Н. А. Завьялова // *Фразеологические чтения памяти проф. В. А. Лебединской*. – 2006. – Вып. 3. – С. 264–267.
20. Савина, М. С. Автобиографические мотивы в неореалистической прозе А. Крячуна / М. С. Савина // *Сб. мат. Междунар. научн.-практ. конф. «XXXII Кирилло-Мефодиевские чтения: 1150 лет славянской письменности»*, Самара, 23–24 мая 2013 г. / под общ. ред. Л. Б. Карпенко. – Самара, 2013. – С. 125–132.
21. Еркова, Д. Н. Некоторые особенности лексико-семантической группы фразеологизмов с компонентом цвета, обозначающих характер человека, его качества (на материале русского и испанского языков) / Д. Н. Еркова // *Язык профессионального общения и лингвистические исследования : сб. ст. междунар. науч.-практ. семинара, Белгород, 2011 г.* / отв. ред.: Т. В. Самосенкова, Л. Г. Петрова. – Белгород, 2011. – С. 83–85.

Abstract. Based on the Russian national corpus data, on directed associative experiment, on advertising and Internet discourse, the article reveals the compound of color terms involved in nominations with widow-component creation; the color dominant of these nominations is established; the spheres of its functioning, functional potential, cases of meaning expansion are described.

Keywords: color term, color conceptosphere, phraseological unit, the Russian language conceptosphere.

УДК 811.161.3'37:398.9

А. А. Станкевіч

ЭМАТЫЎНАЯ ПАРАДЫГМА Ў БЕЛАРУСКІМ ПАРЭМІЙНЫМ ДЫСКУРСЕ

Анатацыя. У артыкуле аналізуецца эматыўная парадыгма парэміянага дыскурсу, прадстаўленая ў беларускіх народных выслоўях лексічнымі і словаўтваральнымі сродкамі, якія ўключаюць намінацыўныя адзінкі як з пазытыўнай, так і з негатыўнай канатацыяй. Пры гэтым апісваюцца розныя спосабы вербалізацыі эмоцый чалавека ў афарыстычных выслоўях – імпліцытны, выражаны інгерэнтна праз унутраны змест слова, яго ўзуальнае значэнне або адгерэнтна, калі стылістычна нейтральныя словы ў некаторых народных афарызмах набываюць у пэўным кантэксце пераноснае, пераважна іранічнае значэнне, і экспліцытны спосаб

рэпрэзентацыі суб'ектыўна-ацэначнага значэння праз знешнія, фармальныя паказчыкі, як правіла, суфіксы суб'ектыўнай ацэнкі.

Ключавыя словы: парэмія, прыказка, правербіяльны выраз, народны афарызм, эматыўнасць, імпліцытны, экспліцытны, інгерэнтны, адгерэнтны.

Традыцыйная народная культура фарміравалася на працягу многіх стагоддзяў і адлюстроўвае народную мудрасць і вопыт, нацыянальную свядомасць і светапогляд. Важнай часткай нацыянальнай духоўнай культуры з'яўляецца фальклор. Вусная народна-паэтычная творчасць вызначаецца сваёй шматжанравасцю, ідэйнай значнасцю, глыбокім зместам і багаццем разнастайных форм мастацка-вобразнага адлюстравання аб'ектыўнай рэчаіснасці. У агульнай сістэме фальклорных твораў выдзяляюцца так званыя малыя жанры – прыказкі, прымаўкі, загадкі, скарагаворкі і інш., якія збліжае невялікі тэкставы аб'ём, лаканічнасць, афарыстычнасць, вобразнасць і выразнасць выражэння зместу.

Асаблівую папулярнасць і вядомасць у грамадстве маюць прыказкі і прымаўкі. «І прыказкі, і прымаўкі <...> выяўляюць бліскучыя здольнасці народа да вобразнага мыслення, яго выключную назіральнасць, разважлівасць, высокія маральныя асновы, жыццёвы практыцызм і бязмежныя моўныя багацці» [1, с. 10].

У народных афарыстычных выразях сфармуляваны своеасаблівы «кодэкс» паводзін чалавека, выказваюцца агульнапрынятыя філасофскія, сацыяльныя і маральна-этычныя погляды на разнастайныя з'явы жыцця. Як адзначаюць даследчыкі вуснай народна-паэтычнай творчасці, «прыказка закранае слухача, здзіўляе яго незвычайнай змястоўнасцю, згущанасцю думкі пры сцісласці слоў, трапнасцю выяўлення сутнаскага ў прадмеце, лагічнай сувязі ў адносінах, чагосьці таёмнага ў пачуццях» [2, с. 10].

Прыказкі і прымаўкі як асобны жанр вуснай народнай творчасці ў значна большай ступені, чым усе астатнія малыя жанры, маюць выразную прагматычную накіраванасць. Дыдактычна-павучальная функцыя парэмій выражаецца ў тым, што яны ўслаўляюць высокія маральна-этычныя прынцыпы грамадскага і сямейнага жыцця, рэгламентуюць разнастайныя правілы паводзін чалавека, даюць ацэнку усіх сфер дзейнасці чалавека, катэгарычна асуджаюць розныя заганы характару, паводзін, дзейнасці і ўзаемаадносін людзей.

«Прыказкі з іх здольнасцю абагульняць жыццёвы вопыт, суадносяцца з многімі з'явамі рэчаіснасці – гэта, па сутнасці, маленькія прытчы. <...> Прыказка вызначаецца завершанасцю і лаканічнасцю формы, яскравай метафарычнасцю, рытмічнасцю мовы, разнастайнасцю сродкаў мастацкай выразнасці», – адзначае В. П. Рагойша [3, с. 282–283]. Мастацка-вобразная форма адлюстравання фактаў і з'яў аб'ектыўнай рэчаіснасці вымагае выкарыстання ў парэміях развітай сістэмы слоўна-вобразных сродкаў. Паколькі ў правербіяльных выразях даволі часта даецца ацэнка пэўных з'яў, дзеянняў, паводзін і характарыстык, важную ролю ў іх семантыцы адыгрывае катэгорыя эматыўнасці.

Эмацыянальныя адносіны заўсёды звязаны з ацэнкай, характарам разумення чалавекам аб'ектыўнай рэчаіснасці, таму эматыўнасць як кампанент сэнсавай структуры слова адлюстроўвае суб'ектыўныя погляды гаворачых. Як адзначае В. І. Шахоўскі, эматыўнасць – «гэта іманентна ўласцівая мове здольнасць выражаць сістэмай сваіх сродкаў эмацыянальнасць як факт псіхікі, адлюстравання ў семантыцы моўных адзінак сацыяльныя і індывідуальныя эмоцыі» [4, с. 24]. У семантычнай структуры эматываў В. І. Шахоўскі выдзеліў эматыўныя семы – эмасемы, якія і абумоўліваюць рэпрэзентацыю эмоцый чалавека ў маўленчай плыні [5].

Мэтай нашага даследавання з'яўляецца апісанне моўных сродкаў стварэння эматыўнасці ў беларускіх народных прыказках і прымаўках.

Асноўнымі сродкамі выражэння эматыўнасці ў парэміях служаць лексічныя адзінкі і словаўтваральныя элементы.

Эматыўная парадыгма парэміянай прасторы прадстаўлена як намінатыўнымі адзінкамі з пазітыўнай афарбоўкай, якія выражаюць станоўчыя адносіны да выказваемага (меліяратыўная лексіка), так і словамі з адмоўнай канатацыяй (пеяратыўныя назвы). Калі сема эматыўнасці з'яўляецца ядзернай у семантычнай структуры слова, эматыўнасць намінатыўнай адзінкі выражаецца імпліцытна, унутраным зместам слова, яго ўзуальным значэннем і становіцца інгерэнтнай.

Эматыўная лексіка са станоўчым значэннем, якое выражаецца імпліцытна, у афарыстычным дыскурсе перадае пазітыўную ацэнку, адабрэнне пэўных якасцей асоб або ўласцівасцей прадметаў ці з'яў: *Добрая жонка цяплей за валёнкi* [ПП-2, с. 66]; *Дарагі той куток, дзе завязалi пупок* [ПП-1, с. 288]; *У родным лесе i куст родны* [ПП-1, с. 290]; *Родная зямелька – як зморанаму пасцелька* [Янк., с. 59]; *Добрае слоўцо лепш за піўцо* [ПП-1, с. 391]; *Добрая слава далёка чуваць* [ПП-1, с. 172]; *Шчыраму i бог дапамагае* [ПП-2, с. 254]; *Асцярожнага i бог беражэ* [ПП-2, с. 299]; *Жычлівага чалавека ў няшчасці пазнаеш* [ПП-2, с. 255]; *Прыгожаму ўсё гожа* [ПП-28, с. 203]; *У харошага мужыка i свiння дасужа* [ПП-1, с. 202].

Меліяратыўная лексіка ў правербіальных выразах адлюстроўвае таксама такія станоўчыя эмоцыі, як любоў, павага, сімпатыя, пяшчота: *Многа харошых, да мілага нет* [ПП-2, 7]; *Не піў бы, не еў бы, да на люблю глядзеў бы* [ПП-2, с. 8]; *Без сонейка свету не быць, без мілага нельга жыць* [ПП-2, 7]; *Зямля святая ўсё прымае* [ПП-1, с. 52]; *Прачыстая прынясе хлеба чыстага* [ПП-1, с. 109].

Неабходна, аднак, адзначыць, што лексіка-семантычнае поле эматыўнасці ў беларускім парэміяным дыскурсе даволі часта ўключае пеяратыўныя назвы, якія перадаюць пачуццё асуджэння негатыўных паводзін асоб, заганных рыс іх характару, дрэнных адносін да людзей і іншых адмоўных з'яў: *Баламутка на ўсякія штуки хутка* [Янк., с. 320]; *У ліхога бортніка горкі мёд* [ПП-2, с. 258]; *Ліхая кампанія на ліха выведзе* [ПП-1, с. 384]; *Горды ды ўпарты нічога не варты* [ПП-2, с. 300]; *Завіднае вока бачыць далёка* [ПП-2, с. 263]; *Хто ліслівы, той куслівы* [ПП-2, с. 318]; *Дурная галава не сiвее* [ПП-2, с. 244]; *Хата чужая – як свякруха ліхая* [Янк., с. 40]; *Скнарыца i за трэску пасварыцца* [Янк., с. 295].

Сустракаюцца выпадкі, калі стылістычна нейтральныя словы ў некаторых народных афарызмах набываюць у пэўным кантэксце пераноснае значэнне, як правіла, з пеяратыўнай афарбоўкай. Такая эматыўная канатацыя з'яўляецца адгерэнтнай, кантэкстуальна абумоўленай: *Узяў пілку на сваю шыйку* [ПП-2, с. 72]; *Акуратніца – відаць серада з-над пятніцы* [Янк., с. 273]; *Жызь – маліна, а раскусіш – журавіна* [ПП-2, с. 408]; *Праўда халодная, а мана цёплая* [ПП-2, с. 435]; *Свякроў любіць нявестку, як сабакі дзеда* [ПП-2, с. 96].

Калі сема эматыўнасці ў семантычнай структуры асобных слоў у складзе прыказкавага выказвання з'яўляецца дыферэнцыяльнай, відавой, узнікае экспліцытнае выражэнне суб'ектыўна-ацэначнага значэння праз знешнія, фармальныя паказчыкі, як правіла, суфіксы суб'ектыўнай ацэнкі. Такі спосаб стварэння эматыўнай афарбоўкі надзвычай пашыраны ў беларускіх народна-паэтычных крылатых выслоўях.

Суфіксы суб'ектыўнай ацэнкі у афарыстычных выразах з'яўляюцца сродкам экспліцытнага выражэння інгерэнтнай эматыўнасці як са станоўчай, так і адмоўнай канатацыяй. Яны ствараюць эмацыянальнасць і экспрэсіўнасць выказвання, надаюць крылатым выслоўям суб'ектыўна-ацэначны характар. Так, ласкальныя і памяншальна-ласкальныя суфіксы выражаюць пазітыўную ацэнку прадметаў, з'яў, асоб, іх якасцей і ўласцівасцей – перадаюць эмоцыі замілавання, пяшчоты, ласкальнасці, спагады, спачування; павелічальныя і павелічальна-зневажальныя паказваюць негатыўныя адносіны – знявагу, пагарду, насмешку, іронію і інш. з рознымі экспрэсіўнымі

адценнямі. У колькасных адносінах у прыказках і прымаўках значна пераважаюць словы са станоўчай канатацыяй.

Тэматычны спектр эматыўных намінацый з экспліцытнай формай выражэння семантыкі ў парэміях надзвычай разнастайны. Гэта:

– назвы асоб паводле роднасных адносін: *Удаўся сыночак у бацьку – волас у волас, голас у голас* [Янк., с. 134]; *Дзеткі маленькія, а вочкі, як боб* [ПП-2, с. 114]; *Першае дзіцятка – панятка* [Янк., с. 130]; *Кукушка – не птушка, нявеста – не дачушка* [ПП-2, с. 95] або сямейнага становішча: *Без гаспадынькі хата, што дзень без сонца* [ПП-2, с. 68]; *Мой хвор мужычок, да красён, як бурачок; а я здарова, да жоўта, як маркова* [ПП-2, с. 71]; *Бог даў жонку, як мурашачку* [Янк., с. 114]; *Зіма – свякруха, лета – матачка* [ПП-1, с. 73];

– назвы рэалій прыроднага свету: *Свяціла б сонейка, а месячык не сагрэе* [ПП-2, с. 468]; *Дождж вымачыць, а сонейка высушыць* [Янк., с. 81]; *І на працу, і з працы без сонечка* [Янк., с. 32]; *Нашы рэчачкі з крынічак пачынаюцца* [Янк., с. 223];

– назвы з’яў фітасферы: *Па кропельцы – рэчка, па травіныцы – копка, а па копыцы – стог* [Янк., с. 92] і заасферы: *Конік маленькі, але даражэнькі* [Янк., с. 176]; *Бяры удалёку жонку, а кароўку купляй зблізку* [Янк., с. 115];

– назвы сферы паўсядзённага побыту: *Ані дзын, ані за вярвачку* [Янк., с. 299]; *Серадзінка, як аўчынка: і летам, і зімой добра* [ПП-2, с. 484]; *Няма лепшай хаткі, як родная матка* [ПП-2, с. 80]; *Сваё лычка лепей за чужы раменьчык* [Янк., с. 199];

– назвы адцягненых з’яў: *Што гадзінка, то новая прычынка* [Янк., с. 298]; *Серадзінка, як аўчынка: і летам, і зімой добра* [ПП-2, с. 484]; *Што сяльцо, то і нараўцо* [Янк., с. 259]; *Кінуў слаўцом, як пярком* [Янк., с. 154]; *Лецечка няўлежна, затое ўежна* [Янк., с. 86].

Значна радзей выкарыстоўваюцца эматыўныя назвы з адмоўнай ацэнкай: *Паны як паны, ды паняты, як сабачаняты* [Янк., с. 45]; *Ёсць людзі і людзішчы* [Янк., с. 331].

Своеасаблівы гумарыстычны эфект стварае кантрастнае спалучэнне ў адным кантэксце пазітыўных і негатыўных форм суб’ектыўнай ацэнкі ў дачыненні да аднаго і таго ж статуса асобы: *Першая жоначка, як на небе зорачка, а другая жоначка, як у садзе пчолачка, а трэцяя жанішча, як у лесе савішча* [Янк., с. 130].

У некаторых выпадках у правярбальных выразах выкарыстанне форм з суфіксамі пазітыўнай суб’ектыўнай ацэнкі спалучаецца з адгерэнтнай формай выражэння эматыўнасці праз іранічны падтэкст, намёк, схаваную ўсмешку, што значна разнастаіць форму выражэння прыказкавага зместу, уносіць элемент моўнай гульні ў выказванне, набліжае асобныя выразы да каламбураў і павышае іх выяўленчую выразнасць: *Галоўка, як у дзіцяці, што не ведае ні бацькі, ні маці* [Янк., с. 275] ‘пра інфантальнага чалавека’; *На языку мядок, а на сэрцы лядок* [Янк., с. 178] ‘у кагосьці не супадаюць словы і адносіны’; *Не пытайся, ці галоўка гладка, а пытайся, ці падмеценая хатка* [Янк., с. 91] ‘не шукай прыгожую, а шукай працалюбіваю’; *Шчасце на дне мора рыбкаю плавае* [Янк., с. 242] ‘нялёгка дасягнуць поспеху’; *Броўкі, як сярпчкі, а ніўка няжатая стаіць* [ПП-2, с. 270] ‘прыгожая, але лянівая’; *Ты работачка, не бойся, я цябе чапаць не буду* [Янк., с. 269] ‘пра гультаяватага чалавека’.

Такім чынам, эматыўнасць як тэкставая катэгорыя парэміянага дыскурсу, якая выражае эмацыянальны стан чалавека, з’яўляецца важным ацэнным элементам у структуры парэміяных выказванняў, які арганічна спалучаецца з дэскрыптыўнымі кампанентамі. Эматыўная парадыгма парэміянай прасторы прадстаўлена ў беларускіх народных выслоўях лексічнымі і словаўтваральнымі сродкамі, якія ўключаюць намінатыўныя адзінкі як з пазітыўнай, так і негатыўнай афарбоўкай.

Вербалізацыя эмоцый чалавека ў афарыстычных выслоўях выражаецца як імпліцытна, інгерэнтна – унутраным зместам слова, яго ўзуальным значэннем, так і адгерэнтна, калі стылістычна нейтральныя словы ў некаторых народных афарызмах

набываюць у пэўным кантэксце пераноснае, пераважна іранічнае значэнне. Акрамя імпліцытнага выражэння эматыўнасці, у парэміях актыўна выкарыстоўваецца экспліцытны спосаб вербалізацыі суб'ектыўна-ацэначнага значэння праз знешнія, фармальныя паказчыкі, як правіла, суфіксы суб'ектыўнай ацэнкі.

Сукупнасць розных маўленчых спосабаў стварэння эматыўнасці ў парэміях утварае своеасаблівае функцыянальна-семантычнае поле ацэначнасці, прастора якога складаецца з іерархічна залежных рознаўзроўневых адзінак моўнай сістэмы, што выконваюць выразную слоўна-вобразную функцыю, павышаюць выяўленчую выразнасць і экспрэсіўны патэнцыял прыказкавага слова.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Грынблат, М. Я. Прыказкі і прымаўкі ў дзвюх кнігах, кн.1 / рэд. А. С. Фядосік. – Мінск : «Навука і тэхніка», 1976. – 557 с.
2. Калеснік, У. С. Руплівец у матачніках роднага слова / У. С. Калеснік // Прыказкі і прымаўкі ў дзвюх кнігах, кн. 2. / рэд. А. С. Фядосік. – Мінск : «Навука і тэхніка», 1976. – С. 3–14.
3. Рагойша, В. П. Паэтычны слоўнік / В. П. Рагойша. – Мінск : «Выш. школа», 1978. – 320 с.
4. Шаховский, В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. – 3-е изд. / В. И. Шаховский. – М. : ЛИБРОКОМ, 2009. – 208 с.
5. Шаховский, В. И. Эмоции – мотивационная основа человеческого сознания [Электронный ресурс] / В. И. Шаховский // Статьи электронной библиотеки ВГПУ. – Режим доступа : <http://www.vspu.ru/index.php?path=books&info=biblindx&indx=biblindx>. – Дата доступа : 20.08.2021.

Прынятыя скарачэнні

- ПП-1 – Прыказкі і прымаўкі ў дзвюх кнігах, кн. 1 / рэд. А. С. Фядосік.– Мінск : «Навука і тэхніка», 1976. – 557 с.
- ПП-2 – Прыказкі і прымаўкі ў дзвюх кнігах, кн. 2 / рэд. А. С. Фядосік. – Мінск : «Навука і тэхніка», 1976. – 616 с.
- Янк. – Беларускія прыказкі, прымаўкі, фразеалагізмы / склаў Ф. Янкоўскі. – 3-е выд., дапрац., дап. – Мінск : «Навука і тэхніка», 1992. – 491 с.

Abstract. The article analyzes the emotive paradigm of paremia discourse, represented in Belarusian folk sayings by lexical and word-forming means, including nominative units with both positive and negative connotations. At the same time, various ways of verbalizing human emotions in aphoristic sayings are described – implicit, expressed inherently through the internal content of the word, its usual meaning or adherent, when stylistically neutral words in some folk aphorisms acquire a figurative, mainly ironic meaning in a certain context, and an explicit way of representing subjective-evaluative meaning through external, formal indicators, as a rule, suffixes of subjective evaluation.

Keywords: paremia, proverb, proverbial expression, folk aphorism, emotivity, implicit, explicit, coherent, adherent.

УДК 811.161.1'373.74(470.23-25): 94(47).05

Е. Н. Степанов

ПЕТРОВСКАЯ ЭПОХА ВО ФРАЗЕОЛОГИИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

Аннотация. В статье рассмотрены пути влияния социально-исторических событий Петровской эпохи на формирование и особенности функционирования фразеологии города Санкт-Петербурга как социального и лингвокультурного пространства, определено место этих фразеологизмов в системе разных по «внешнему масштабу» лингвокультурных пространствах.

Ключевые слова: социалингвистика, урбанолингвистика, фразеологизм, Петровская эпоха, Санкт-Петербург, социальное пространство, лингвокультурное пространство.

Фразеологизм является одной из лингвокультурных универсалий [1, с. 559], коррелируя с феноменом прецедентного высказывания. Фразеологизмы – лингвосемиотические феномены [2, с. 11], возникающие в прецедентной ситуации и / либо на основе ставшего прецедентным текста, высказывания, имени. Различия этно- и социокультурных интерпретаций фразеологического семиозиса напрямую зависят от особенностей языковых картин мира разных этнических, корпоративных, профессиональных, конфессиональных, территориальных групп, от языковых картин мира и языкового опыта ярких личностей в каждой такой группе [3, с. 26]. Так, фразеологизмы *Адамово яблоко; манна небесная; райское наслаждение; тридцать серебрянников* и под. функционируют в межнациональном лингвокультурном пространстве в виде языковых калек, поскольку являются универсально-прецедентными феноменами конфессионального межнационального сообщества христиан. *Несолоно хлебавиши; бить баклуши; ложка дёгтя в бочке мёда; во всю ивановскую; коломенская верста; язык до Киева доведёт; щи да каша – пища наша; вот тебе, бабушка, и Юрьев день* и под. ограничены русским национально-лингвокультурным пространством, поскольку используют русские национально-прецедентные имена. Ситуации, вызывающие прецедентность большинства таких фразеологических единиц (далее – ФЕ), могут лежать в основе прецедентных феноменов других национальных и лингвокультурных сообществ. Поэтому возможны межъязыковые фразеологические соответствия. Однако часто ФЕ одного лингвокультурного пространства являются безэквивалентными во фразеосистемах других национальных и лингвокультурных пространств, а имеющиеся соответствия, как правило, различаются культурным, историческим, ментальным фоном. Наибольшую трудность при изучении проблем межкультурной коммуникации вызывают фразеологизмы пространств, меньших, чем национально-лингвокультурное, то есть социальных и лингвокультурных пространств, в которых фразеологизм – это социумно-прецедентный феномен [4, с. 131]. Рассмотрим это на примере русских фразеологизмов Санкт-Петербурга.

Лингвокультурное пространство города формируется разными социальными и, как правило, этническими группами населения на протяжении продолжительного периода. Любой большой город – экономический и культурный центр какого-то региона. История основания, заселения, развития города, жизнь, традиции, экономические, профессиональные предпочтения его жителей, особенности климата и географического положения, поведение горожан в периоды социальных катаклизмов воздействуют на лингвокультурное пространство города, формируя прецедентные феномены, в том числе фразеологизмы – одну из обязательных черт самобытного городского койне. Фразеосистема речи каждого города состоит из двух больших блоков: общеупотребительного и подсистемного, который придает своеобразие этой фразеосистеме. Онтологические особенности хозяйственной деятельности, одноязычной или многоязычной культуры города влияют на своеобразие использования донорских и реципиентных концептосфер в процессе образования и трансформации фразеологизмов.

К оригинальным фразеологическим питеризмам мы относим, в первую очередь, те, основой для создания которых являются прошлые или сегодняшние реалии разных сфер жизни Санкт-Петербурга – Петрограда – Ленинграда. Среди этих фразеологических единиц находим устойчивые словосочетания, сравнительные обороты, пословицы, поговорки, афоризмы, проклятия. Регионом функционирования некоторых из них за время их существования в языке стал не только Санкт-Петербург, чему способствует творчество писателей, режиссеров, актеров, популярность исторической личности Петра Первого. 320-летняя история Санкт-Петербурга богата легендами, основанными на личном участии Петра и его современников в создании города, его устоев, традиций, в застройке и заселении районов, улиц, строительстве важных объектов обороны, про-

мышленности, науки, культуры, жизнеобеспечения, а также легендами о жизни в городе самого царя, его единомышленников и противников. Часть легенд – правда, а часть – вымысел. И те и другие нередко лежат в основе городской петербургской фразеологии.

В 1833 г. в пушкинской поэме «Медный всадник» прозвучали слова о значении Петербурга для русской истории, которые сразу стали афоризмом: *Природой здесь нам суждено / В Европу прорубить окно*. По мнению М. С. Кагана, основание Петербурга стало для России второй «культурной революцией сверху» после принятия христианства [5]. Есть легенда, согласно которой *окном в Европу* Санкт-Петербург впервые назвал сам Пётр I при закладке первого камня в основание города [6, с. 150]. Когда родился план обезопасить Петербург от наводнений с помощью строительства дамбы между берегами Финского залива и Кронштадтом, в Ленинграде появилась паремия *Пётр Романов пробил окно в Европу, а Григорий Романов закрыл его дамбой*. Еще раньше появилась ФЕ пропозиционально-диктумного типа мотивации *В Европу Пётр пробил окно, а Сталин там решётку вставил*. В современном русском языке узуальными являются фразеологизмы, созданные на основе функциональной метафоры *окно в Европу* и *ворота в Европу / ворота в Россию*. Второй имеет два варианта и с большей точностью отражает реалии постсоветской России.

Петру I приписывают афоризм *Петербургу быть, России – плыть!* В городской мифологии этот афоризм связывают с ответом Петра на проклятие его недругов *Быть Петербургу пусту!*, преследовавшее город на протяжении его истории и активно распространявшееся во время наводнений, катастроф, фашистской блокады, перед празднованием 300-летия города в 2003 году (именно такой максимальный возраст еще при Петре пророчили Петербургу). Общеупотребительные поговорки *Жди горя с моря, беды от воды; Где вода, там и беда; Царь воды не уймёт* не могли возникнуть в континентальной России, где к воде всегда было уважительное отношение. (Так, русские беглые крестьяне, оказывавшиеся в засушливых районах, стремились селиться в балках вдоль немногочисленных рек и ручьёв). В основе возникновения этих поговорок лежат трудности освоения народом болотистой дельты Невы в начале XVIII в. С такими масштабными проблемами «укрощения» водной стихии русские столкнулись впервые. Кроме того, в то время столицы возникали в результате длительной эволюции на месте старых небольших поселений. Строительство Санкт-Петербурга стало первым в Европе прецедентом специализированного строительства города-столицы. Язык реагирует на это сопоставлением прежде всего родных столичных реалий: *Москва выросла – Петербург выращен; Москва строилась веками, Петербург – миллионами*.

Различия или близость лингвокультурных пространств, экономических, географических особенностей отдельных городов нередко приводят к образованию ФЕ, содержащих несколько городских сем. Например: *Уже не Одесса, но ещё не Петербург / Ещё не Одесса, но уже не Петербург* – (ФЕ на основе метонимии) о людях, которые, соответственно, еще не набрались петербургского официоза либо одесской фамильярности, изменив место жительства.

В российской действительности стала прецедентной ситуация переноса российской столицы из Москвы в строящийся Санкт-Петербург. Соперничество двух городов за первенство в политической, экономической, культурной, научной жизни, начавшееся благодаря деяниям Петра, сегодня, как и 320 лет назад, является актуальным и порождает новые ФЕ. Так, в XVIII в. Москву в аристократических салонах Петербурга стали называть *столицей недовольных*, поскольку в нее из Петербурга переезжали жить попадавшие в монаршую немилость дворяне. Разница в стиле жизни этих городов породила в то время паремию *В Питер по ветер, в Москву – по тоску*. В Петербурге и его пригородах стояло много воинских подразделений для охраны царской власти, создавались военные училища, кадетские корпуса. Петербург уже в XVIII в. воспринимался как военная столица России, Москва же – как православная столица, хранительница народ-

ных традиций. В связи с этим в народной речи возникли паремии *Петербург будит барабан, Москву – колокол; Москва – матушка, Петербург – батюшка; Славна Москва калачами, Петербург – усачами / пиджаками; Москва невестится – Петербург женихается; Питер женится, Москва замуж идёт; Москва – девичья, Петербург – прихожая*. Эти и подобные ФЕ отражают сущностную разницу двух российских столиц: военизированного, «подтянутого», строгого Петербурга и златоглавой, широкой, доброй Москвы. На петербургско-московское происхождение этих ФЕ указывают компоненты с локативными семами ‘петербургский’ и ‘московский’.

В ряде петербургских фразеологизмов яркой семей ‘петербургский’ обладают не родственные названию города слова, а слова, хорошо известные как его историко-культурные и языковые визитки, среди которых часты урбанотопонимы (годонимы, эргонимы), гидронимы, антропонимы, историзмы и производные от них слова. Например: *шлифовать тротуары Невского проспекта / шлифовать невские мостовые – ‘шляться; бесцельно и праздно шататься’; бросаться в объятия красавицы-Невы – 1) ‘использовать невскую воду’; 2) ‘зарабатывать на «дарах Невы», вылавливая из неё полезные находки’; 3) ‘окупаться на Крещение в Иордань, вырубаемую в невском льду перед Зимним дворцом’; каждому поколению своя блокада – о трудной жизни петербуржцев в кризисные 1990-е годы и др. В компонентах многих петербургских ФЕ сема ‘петербургский’ слабая. Однако семантическая целостность фразеологизмов [7, с. 4] дает возможность определить эту сему не для отдельных компонентов ФЕ, а для фразеологизма в целом. Самó отнесение ФЕ к группе питеризмов свидетельствует о ярком характере семы ‘петербургский’ во всех фразеологизмах этой группы, даже тех, которые не содержат компонентов с яркой семей ‘петербургский’. Например, в Петербурге: *пригласить на Чёрную речку – 1) эвфемизм прямого вызова на боевой поединок; 2) метафорическое требование немедленных объяснений по поводу неблагоприятного поступка, непорядочности [Чёрная речка – место дуэли Пушкина и Дантеса в 1837 г.]; вошь да крыса до Елагина мыса – формула бедности, основанная на контрасте роскоши Елагина острова (в бытность Петра I Мишкина / Медвежьего острова) и бедности соседних рабочих поселков Невской губы; поголодаю, поголодаю – и на Волково / и на Красненькое / да и пешком на Смоленское – о плохом состоянии здоровья, о депрессии [трамвайные маршруты, проведенные по острову Голодаю (Голодай) или даже начинавшиеся там, заканчивались у разных петербургских кладбищ: Волкового, Красненького, Смоленского]; Блаженная Ксения поможет – совет попросить помощи у Святой Ксении Петербургской*.*

Ряд ФЕ, появляющихся в отдельном городе, нередко проникают в национальное лингвокультурное пространство. Например, бывшие питеризмы *всякий сам себе Исаакий; съездить в Ригу; под одну гребёнку; почём фунт лиха*. [В основе предпоследней ФЕ – омонимия имени собственного и нарицательного: под руководством или при участии архитектора Н. П. Гребёнки уже в послепетровскую эпоху, в 1840–1870-е годы, быстро, но без архитектурных излишеств было построено не менее 100 доходных домов, обычно похожих один на другой. В основе последней ФЕ – межъязыковая омонимия: по-фински *liha* – «мясо»; мясными и молочными продуктами Петербург снабжался из сёл финского сельскохозяйственного пояса, который сохранялся и благополучно функционировал вокруг города с петровских времен до 1920-х годов].

В 1714 г. Петром I был основан первый в России музей – Кунсткамера. С самого начала работы музей привлекал к себе любознательных людей, став одной из «визитных карточек», одним из прецедентных имен Санкт-Петербурга. Каждый, кто посещает Кунсткамеру, ожидает увидеть диковинные вещи, встречающиеся в природе. В Словаре Даля имеется пословица *В кунсткамере был, а слона не видал!*, которая толкуется как «был невнимателен, ненаблюдателен; не увидел главного» [8]. После появления в 1814 г. басни И. А. Крылова «Любопытный», где обыграна эта паремия, она была

трансформирована в афоризм *Слона-то я и не приметил* [9, с. 124], широко распространившийся за пределами Петербурга. В XVIII в. слоны в Европе считались дорогими подарками азиатских правителей. Не обойден был таким подарком и Пётр I [6, с. 23]. Для слонов в столице строили слоновые дворы. Летом любопытные «толпы зевак ходили» [9, с. 89] поглазеть на слонов, когда тех водили на водопой и купание на берег Невы. В 1809 г. И. А. Крылов отразил эту реалию в басне «Слон и Моська», зачин которой сразу стал афоризмом: *По улицам Слона водили* (= «показывали нечто диковинное»).

Известно, что в 1700 г. Пётр I основал Адмиралтейский приказ, преобразованный в Адмиралтейскую канцелярию, а позже – в Адмиралтейскую коллегию. Там Пётр лично заседал с адмиралами. В 11 часов заседания прерывались, Царь подкреплял себя рюмкой анисовки. Эту привычку подхватили и адмиралы. В связи с этой привычкой в русском языке возникла ФЕ *адмиральский час* = «11 часов утра / дня». Это время стало ассоциироваться в народе с новой традицией: предобеденной выпивкой и закуской [6, с. 4]. В современном русском военном жаргоне адмиральским часом называют послеобеденный часовой отдых на корабле. А время 11 часов дня на флоте получило название *адмиральского полдня*.

При Петре I впервые заговорили о кавалергардии как о роде вооруженных сил [6, с. 89]. В то время о них говорили Кавалергардия – старая гвардия; Гвардия рыцарей. Кавалергардия была элитным подразделением, поэтому фактор внешности играл важную роль в отборе офицеров и солдат. В языке появилась поговорка *Кавалергарды высокие подпирают потолок*. Привилегии развращали этих воинов, и их поведение в быту нередко свидетельствовало о невысоком уровне интеллекта. В связи с этим возник вариант данной поговорки: *Кавалергарды – дураки, подпирают потолок*. Своеобразный головной убор с высоким гребешком вызывал внешнее сходство с индюком либо дрофой, которую в народе называют также *дудаком*. Отсюда еще один вариант поговорки: *Кавалергарды – дудаки, подпирают потолок*. Функционировала поговорка с таким же сценарием, субъектом которой выступали гвардейцы Преображенского полка, созданного Петром I и расформированного в 1918 г.: *Солдаты Преображенского полка достают (головой) до потолка*. Сегодня эти ФЕ устарели по причине экстралингвистической: военных формирований с такими названиями в России нет. Однако жива другая поговорка, зафиксировавшая исключительную привилегию лейб-гвардейцев иметь усы: *Видно птицу по полёту, а гвардейца – по усам*. Всем другим военным Пётр I запретил отращивать бороду и усы, жестоко наказывая за невыполнение указа.

Между военными, служащими в сухопутных войсках и на флоте, издавна существует соперничество в плане социальной престижности. Уже при Петре I, как и сегодня, привилегированное положение занимали моряки. Соперничество распространилось и на гражданскую сферу деятельности. После постройки железной дороги быть железнодорожником в России было социально престижно. Значение водного транспорта значительно уменьшилось. Однако моряки не уступали, давая железнодорожникам прозвища, содержащие отрицательную коннотацию. В Петербурге одно из них сохранилось до сих пор: *свисток с Балтийского вокзала*. Изначально в XIX веке моряки, для которых открыто целое Балтийское море, так называли железнодорожников, ограниченных тоже Балтийским, но лишь вокзалом, дававших сигнал, но не склянкой, а свистком и живших однообразной сухопутной жизнью, привязанной к рельсам. Однако семантическая структура этой фразеологической единицы стала быстро расширяться и размываться, что свидетельствует о ее жаргонизации. Сема «железная дорога» оказалась скрытой, а яркими при архисеме «человек» стали в одном случае семы «обманывать» и «хвастать», в другом – «незначительный» и «маленький». Известно, что уже в начале XX века ФЕ *свисток с Балтийского вокзала* петербуржцы употребляли и продолжают употреблять вместо общеупотребительных *пустослов, болтун, обманщик*,

хвастун, задавака и под., жаргонных *прыщ (на ровном месте); мыльный пузырь; надувающий щёки; «деятель»* и вместе с ним. Свистком с Балтийского вокзала сегодня также уничижительно называют любого «среднестатистического» гражданина, от которого мало что зависит, а также низкорослого мужчину.

В 1716 г. по указу Петра I на левом берегу Невы появилось село Рыбацкое, Рыбная слобода, куда переселили рыбаков-поморов. Рыбный промысел давал рыбакам хорошие доходы, отчего жителей слободы стали называть рыбацкими куркулями. Появилась и паремия *рыбацкий куркуль – вместо корюшки омуль*, фразеологизм модусного типа мотивации с компонентом пространственной ориентации. Эта ФЕ долгое время служила у петербуржцев формулой оценки нелегкого, но прибыльного рыболовного труда на окраинах Петербурга: невские рыбаки имели возможность есть не только мелкую корюшку, но и дорогого омуля. Завистникам отвечали: *А ты поймай угря в Рыбацком да продай за рупь в кабацком*. Эта фраза быстро стала фразеологизмом и использовалась в речи петербуржцев даже в XX веке в ситуации, когда один из собеседников завидовал материальному благополучию трудолюбивого человека, зарабатывавшего своим трудом (независимо от профессии, цены на угрей, омулей и появлению вместо кабаков ресторанов, баров, кафе). Нередко рыбаки праздновали хороший улов в кабаках. Такая ситуация стала прецедентной и породила идиому *Рыбацкое – кабацкое*, которая и сегодня используется в Петербурге для оценки ситуации, в которой оказываются люди, умеющие хорошо заработать, но «прожигают» свой заработок в ресторанах, казино и других увеселительных заведениях. Положительная коннотация при упоминании места, где располагалось село Рыбацкое, сохранилась и в советское время. Когда в 1980-е годы на этом месте стали возводить новый жилмассив, получение квартиры в нем стали называть *рыбацким счастьем*. До сих пор овраг в Рыбацком, как и во времена Петра I, называют *Щучьей гаванью*. Сравн.: *Сенат и Синод живут подарками* – блестящий каламбур, соединяющий коррупционную суть властных структур с архитектурой зданий Сената и Синода, соединенных аркой, под которой начинается улица Галерная. *Менс сана ин «Квисисана» (Mens sana in Quisisana)* – трансформация латинской ФЕ *Mens sana in corpore sano (В здоровом теле здоровый дух)* – о безупречности ресторана «Квисисана», который был открыт в доме № 46 по Невскому проспекту в начале XX в. и восстановлен в 1990-е гг. *Сельмаг–сельпо–Ленинград–Московская товарная* – оборот смешанного типа мотивации со значением ‘самая горячая транзитная точка Петербурга’. Эта территория в Петербурге совмещает индустриальный размах, организационную четкость и невзрачные магазинчики для железнодорожных служащих, будочники стрелочников [6, с. 215–216].

В период возведения Петербурга Пётр I поощрял строительство системы жизнеобеспечения горожан. Огромное значение уделялось строительству общественных бань и развитию культуры купания в них в условиях многотысячного города. В связи с этим у петербуржцев возникла поговорка *Без Петербурга да без бани нам как телу без души*. Фразеологизм *Точно как из пушки* обычно связывают с возникшей в 1856 году традицией выстрела вестовой полуденной пушки с Нарышкина бастиона Петропавловской крепости для проверки жителями города точного времени. Однако городская мифология связывает эту традицию с именем Петра I, который распорядился давать ежедневный пушечный выстрел для того, чтобы обеденный перерыв у всех начинался одновременно, в 12 часов.

От петровских первоапрельских розыгрышей в Петербурге сохраняется традиция создавать абсурдные фразы, называющие несуществующие перекрестки (например: *На углу Галерной и Фонтанки; Угол Малой Охты и Васильевского острова; На углу Невского и Средней Рогатки; Угол Лиговского и 15-ой Линии* и под.). Кроме первоапрельских розыгрышей, для отдыха и развлечений высшей петербургской знати Пётр I ввел «ассамблеи» вместо разгульного *всепьянейшего собора*. Опоздавшему либо про-

винившемуся по указанию царя подносили *штрафной кубок большого орла*, на крышке которого было написано *пей до дна*. С тех пор ритмическая хоровая мелодекламация этой фразы является обязательным элементом русского обряда широкого гостеприимства [6, с. 167].

Развернувшееся в начале XX в. в российских городах активное строительство часто приводило к утрате многих исторических реликвий. Реакцией на это в некоторых городах было создание музеев истории этих городов. В 1907 г. в С.-Петербурге при Обществе архитекторов-художников был создан художественно-исторический музей «Старый Петербург», преобразованный в 1918 г. в Государственный музей истории города. Музей менял адреса, к нему присоединяли целые историко-архитектурные комплексы. Разнообразие экспозиции музея породило фразеологизм с темпоральным сценарием *От Петра до метра* для обозначения содержания экспозиции музея. Учителя истории и краеведы, используя метонимию, так называют весь музей. Известно, что значение деятельности Петра I повлияло на хронологическую квалификацию событий российской истории, как ту, которая была до Петра, так и с петровских времен.

Вхождение Петра I во власть сопровождалось острой борьбой с боярами, царевной Софьей и поддерживавшими ее стрельцами. После провозглашения Петра царем стрельцы в Москве начали бунтовать, за что были казнены на лобном месте Красной площади. Художник В. И. Суриков в 1881 г. изобразил подготовку к этой казни на картине «Утро стрелецкой казни», ставшей одним из прецедентных феноменов русской культуры. Русский человек нередко после появления картины *Утром стрелецкой казни* называет утро перед ответственным и судьбоносным для себя событием (студент – перед экзаменом, милиционер – перед охраной порядка в заведомо беспокойный день, главный бухгалтер предприятия – перед началом ревизии, спортсмен – перед сложным днем соревнований, ученый – перед защитой диссертации и т. п.). В Петербурге *Утром стрелецкой казни* называют также ситуацию прибытия из Москвы железнодорожного экспресса «Красная стрела» [6, с. 248]. В основе переинтерпретации данного ФЕ ассоциативно-терминального типа мотивации лежит реальный для многих пассажиров этого поезда сценарий депрессивного состояния, связанного с утренним хмельным синдромом и бессонной ночью.

Выводы. Рассмотрев часть подсистемного блока фразеосистемы русской речи петербуржцев, а именно группы оригинальных фразеологических питеризмов, мы можем утверждать, что коллективное когнитивное пространство одного большого города отличается от универсального и национального когнитивного пространства. При исследовании проблем функционирования фразеосистемы должен учитываться, наряду с другими, критерий «внешнего масштаба», активно использующийся с начала XXI в. при изучении вопроса о прецедентных феноменах. Применение этого критерия позволяет, кроме национально-прецедентных феноменов, выделить группы ФЕ, входящих в группы универсальных и социумных прецедентных феноменов [10, с. 173–183].

Среди фразем-питеризмов преобладают единицы с пространственным компонентом. Донорскими в процессе образования и переинтерпретации фразеологических урбанизмов чаще всего выступают такие домены и таксоны урбанокультуры конкретного города, как городское районирование, городское жильё, коммунальное хозяйство, экономика, культура и быт горожан, реципиентными – разные сферы суперконцепта ‘человек’. Концептуализация семы ‘петербургский’ во фраземах-питеризмах осуществляется благодаря использованию урбанотопонимов, слов, обычное употребление которых ограничено данным городом и регионом активной экономической деятельности его жителей, общеупотребительных слов с оригинальными значениями, неизвестными за пределами города и региона, метафор, метонимий, сравнений, мотивированных местными историческими, географическими, социально-экономическими, культурными реалиями и приоритетами. Мы выделили и проанализировали определенную группу

городских фразеологизмов Санкт-Петербурга, появление и функционирование которых прямым либо косвенным образом связано с деятельностью великой исторической личности – Петра Первого. Лингвокультурное пространство отдельного города – разновидность социально-лингвокультурного пространства, оно содержит в себе элементы и межнационально-лингвокультурного, и национально-лингвокультурного пространства. Лингвокультурное пространство отдельного города – самостоятельный феномен, заслуживающий внимания при изучении межкультурной и межъязыковой коммуникации.

Список использованных источников

1. Телия, В. Н. Фразеологизм / В. Н. Телия // Лингвистический энциклопедический словарь. – М. : Советская энциклопедия, 1990. – С. 559–560.
2. Селіванова, О. О. Нариси з української фразеології (психологічний та етнокультурний аспекти) / О. О. Селіванова. – Київ ; Черкаси : Брама, 2004. – 276 с.
3. Степанов, Е. Н. Одесские фразеологизмы в системе русской фразеологии / Е. Н. Степанов // Мова : наук.-теор. часопис з мовознавства. – Одеса : Астропринт, 2005. – С. 37–141.
4. Степанов, Е. Н. Фразеология города как лингвокультурное пространство / Е. Н. Степанов // Науковий вісник Ізмаїльського державного гуманітарного університету. – Ізмаїл, 2008. – Вип. 25. – С. 130–135.
5. Каган, М. С. Град Петров в истории русской культуры / М. С. Каган. – СПб. : Паритет, 2006. – 480 с.
6. Синдаловский, Н. А. На языке улиц : Рассказы о петербургской фразеологии / Н. А. Синдаловский. – М.–СПб. : Центрополиграф ; МиМ–Дельта, 2006. – 264 с.
7. Алефіренко, М. Ф. Теоретичні питання фразеології / М. Ф. Алефіренко. – Харків : Вища школа, 1987. – 137 с.
8. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4-х т. / В. И. Даль. – М. : Русский язык, 1978–1980.
9. Крылов, И. А. Избранные произведения / И. А. Крылов. – М. : Советская Россия, 1979. – 320 с.
10. Красных, В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? / В. В. Красных. – М. : Гнозис, 2003. – 375 с.

Abstract. The article examines the ways of the influence of socio-historical events of the Peter the Great era on the formation and functioning of St. Petersburg city phraseology as a social and linguocultural space, and also determines the place of these phraseological units in the systems of different “external scale” linguocultural spaces.

Keywords : sociolinguistics, urban linguistics, phraseological units, Peter's era, St. Petersburg, social space, linguocultural space.

УДК 811.162.1'373:398.9

Я. Тарса

JAKOŚ TO BĘDZIE – ПОЛАГАТЬСЯ НА АВОСЬ ПО-ПОЛЬСКИ

Аннотация. Настоящая статья посвящена польскому крылатому выражению и жизненной философии поляков *jakoś to będzie*. Эти слова хорошо характеризуют польский национальный характер и одну из его главных черт – надежду, что все само собой сложится, как-нибудь обойдется, судьба или бог помогут решить все проблемы, а поляки, как и русские, полагаются на авось.

Ключевые слова: национальный характер, крылатые слова, *авось*.

В языке вербализуется наивная картина мира, а также ключевые концепты культуры и стереотипы мышления. «Особую роль в трансляции культурно-национального самосознания народа и его идентификации как такового играет фразеологический состав языка, так как в образном содержании его единиц воплощено культурно-национальное мировидение» [1, с. 231]. Изучая фразеологию данного народа, можем ознакомиться с его историей, культурными ценностями и традициями. Они многое говорят о способе мышления и поведения его представителей и позволяют лучше понять национальный характер.

Задумываясь над языковым портретом поляков, Войцех Хлебда в 2003 г. создал эскиз словника крылатых слов, описывающих наш народ. В нем нашлось 100 выражений – слов литературных произведений, стихов, песен, политических лозунгов [2]. Они имели разнообразную стилистическую и эмоциональную окраску – некоторые из них выражали патриотические чувства, любовь к родине, другие были шуточные – отображали оптимизм вопреки всем трудным ситуациям, третьи свидетельствовали об отрицательных чертах польского характера. Чуть позже, в 2004 году, в журнале «Политика» был опубликован список «Сто самых важных польских предложений по мнению проф. Ежи Бральчика», и в том же году книга того же автора «*Leksykon zdań polskich*» (Лексикон польских предложений), т. е. 152 крылатых выражения, которые существуют в сознании поляков и которые прямо или косвенно что-то о нас говорят. В списках 100 предложений обоих исследователей 20 единиц повторяется, а среди них есть предложение *jakoś to będzie*. Большинство поляков не помнит, что автором этих слов является Адам Мицкевич. В шестой главе его эпической поэмы «Пан Тадеуш» один из героев, Судья, говорит о будущем восстании: *Szabel nam nie zabraknie, szlachta na koń wsiedzie, Ja z synowcem na czele i? – jakoś to będzie!* В переводе на русский язык эти слова звучат так: *И сабли есть у нас, мы полетим на поле – Тадеуш, рядом я, а там всё в божьей воле!* Как считает Ежи Бральчик, слова *jakoś to będzie*, с одной стороны, свидетельствуют о творческом позитивном мышлении, а с другой – показывают опасную черту нашего характера – то, что мы не принимаем во внимание все обстоятельства, не продумываем свои действия, действуем интуитивно [3, с. 110].

Это крылатое выражение стало заглавием книги, вышедшей в 2017 году – «*Jakoś to będzie. Szczęście po polsku*» [4]. Ее авторы пишут, что только благодаря философии *jakoś to będzie* поляки могут быть счастливы наперекор судьбе, а иногда и здравому смыслу. Эту философию они соединяют с еще одним непереводаемым качеством польского характера – «уланской фантазией», т. е. эмоциональным, импульсивным поведением, легкомысленностью, безумием и нешаблонным мышлением. BBC-Travel на своем сайте объяснял этот способ мышления поляков и сравнил его с датским хюгге, т. е. с такой моделью жизни, в которой счастье дают обычные удовольствия. По мнению журналиста, польское *jakoś to będzie* – это философия на трудные времена [5].

Однако, как показывают примеры употребления этого выражения, очень редко слова *jakoś to będzie* сочетаются в высказываниях поляков со счастьем и удовольствием. Они определяются как **философия**, которая может привести к печальным последствиям. Покупаем дешевле машину, думая, что если в ней что-то сломается, то сможем ее кое-как починить и продать следующему, ничего не подозревающему человеку:

Kupię taniej, może jakoś to będzie. Niestety taką filozofię wyznaje całkiem spora grupa osób. A jak coś poważnego się zepsuje to zawsze przecież można naprawić coś «na partyzanta» i sprzedać kolejnemu – nic nie podejrzewającemu klientowi.

Едем отдыхать в Египет, хотя в уличных беспорядках погибло полтысячи человек, и думаем, что с нами ничего плохого не случится:

Po raz kolejny pokutuje polska filozofia, którą można zamknąć w słowach «jakoś to będzie». Wstrząsająca liczba już ponad pół tysiąca ofiar egipskich starć, nie odstrasza

kolejnych polskich urlopowiczów, którzy ochoczo wybierają się w jeden z najbardziej niebezpiecznych rejonów świata.

По мнению фанатов футбола, философия *jakoś to będzie* характеризует деятельность тренеров клуба «Легия»:

Organizacyjny balagan poparty filozofią «jakoś to będzie» i «zmieścisz się» ma doprowadzić do międzynarodowych sukcesów? Nie rozśmieszajcie mnie:)).

Jakoś to będzie – это принцип, которым руководствуются и согласно которому живут многие, но который дает ряд положительных результатов:

Pytanie czy władze FIM są na to gotowe, a może po prostu są zachłyśnięci wysokim kontraktem i wyznają zasadę «jakoś to będzie z tym żużlem».

Polscy pływacy żądają dymisji działaczy. «Praktykowana w związku od lat zasada 'jakoś to będzie' nie działa».

Эта философия и принцип жизни так глубоко вошли в сознание поляков, что они очень **верят** в силу слов *jakoś to będzie*. Вера, однако, это мало, чтобы добиться успеха. Не заботимся о нашей планете, не беспокоит нас потепление климата, верим, что все само собой сложится:

To z klimatem i z ochroną klimatu nie ma nic wspólnego. Uogólniając, jest to plan dalszej eksploatacji, wykorzystania zasobów naszej planety. No i wiara, że jakoś to będzie. Tymczasem wszyscy płyniemy w tej samej łodzi, która zbliża się do przepaści.

Вера в слова *jakoś to będzie* часто связана с ничем не оправданным и необоснованным оптимизмом:

Tylko naprawdę niepoprawni optymiści wśród kibiców RTS-u wierzyli, że po raz kolejny metoda transferowej rewolucji w połączeniu z hasłem «jakoś to będzie» zadziała na plus....

В этих высказываниях не замечаем философии хюгге, все они говорят о том, что философия *jakoś to będzie* ведет к плачевным последствиям. *Jakoś to będzie* означает ожидание, что судьба решит за нас все проблемы и поэтому нам не нужен никакой план действий или страховка. Хорошо это выражают демотиваторы, графическую часть которых составляет мем «носач» – символ всех отрицательных черт поляков – скупости, ловкачества, лени, зависти, рассчитывания на везение и интуицию. Они иллюстрируют беспечность и беззаботность поляков, выраженную словами *jakoś to będzie*. На первом демотиваторе носач сидит в горячей квартире, думая: как-нибудь обойдется, т. е. даже в опасной ситуации не надо переживать и беспокоиться – будь что будет. На втором – носач-отец говорит сыну: «Я тебе повторяю, возьмешь кредит и все само собой сложится».

Философию *jakoś to będzie* можно сравнить с русским *полагаться на авось*. Как читаем в «Русской фразеологии»: «надеяться / понадеяться (полагаться / положиться) на авось – неодобр. Делать что-л., вести себя в расчете на счастливую случайность, на счастливый исход, действовать наудачу» [6, с. 15– 16]. В словаре «Почему так говорят? От Авося до Ятя» В. М. Мокиенко замечает, что «В пословицах, между прочим, самокритично признается, что привычка полагаться на авось – в какой-то мере черта нашего

русского национального характера: Русак на трех сваях крепок: авось, небось да как-нибудь; Русак на авось и взрос» [7, с. 16]. Похожее суждение находим в «Большом фразеологическом словаре русского языка» В. Н. Телия: «существует (...) мнение, согласно которому полагаться на авось – свойство русской ментальности» [8]. Хорошо иллюстрируют эту черту русского народа высказывания интернет-пользователей:

Сегодня «зеленая повестка» – мировой тренд. Бизнес считает тренды и, на первый взгляд, готов перестроиться. Но надежда на русский авось – уже традиция, считает глава Росприроднадзора Светлана Радионова.

Сегодняшние реалии таковы, что надеяться на «авось пронесет» поздно – коронавирус распространился, поэтому реален шанс, что «не пронесет».

О русском авось говорил В.В. Путин в связи с эпидемией коронавируса:

Обращаюсь ко всем гражданам страны. Давайте не будем поступать, полагаясь на наше русское «авось». Не думайте, пожалуйста, как у нас бывает: «А! Меня это не коснется». Это может коснуться каждого.

Как можно заметить, эти примеры очень близки процитированным ранее польским. И, оказывается, что русское *на авось* как и польское *jakoś to będzie* может привести в печальным последствиям:

Русский человек не только привык, но и полюбил жить на авось. И следовательно, не беречь себя. И бывает так, что, когда сразу несколько человек действуют на авось, случается трагедия.

В отличие от русского *полагаться на авось*, у польского крылатого выражения есть еще одно значение: ‘не переживай, все будет хорошо’. Очень интересно, что поляки, утешая и успокаивая другого человека (или себя), добавляют к нему слова бравого солдата Швейка: *Jak tam było, tak tam było, zawsze jakoś było. Jeszcze nigdy tak nie było, żeby jakoś nie było* (Пусть было, как было – ведь как-нибудь было! Никогда так не было, чтобы никак не было). У Гашека появляется прошедшее время (*Пусть было, как было – ведь как-нибудь было!*), но в польских высказываниях эта часть чешских крылатых слов заменяется фразой *jakoś to będzie* в будущем времени:

U nas wszystko funkcjonuje na zasadzie «jakoś to będzie, bo jeszcze nigdy tak nie było, żeby jakoś nie było». Przecież odpowiednie środki na realizację zadań zleconych zapisane są w Konstytucji.

Nie wiadomo jak będzie, ale wiadomo że jakoś będzie. Jak deszczu nie będzie to cienko z plonem będzie, ale z kolei z ceną lepiej będzie, jeśli jednak deszcz będzie, a wiadomo że kiedyś będzie, to różnie będzie, jak w porę przybędzie to i plon będzie, a wówczas ceny nie będzie, tylko pytanie czy w porę ten deszcz będzie. W każdym razie jakoś to będzie, jeszcze tak nie było żeby jakoś nie było.

Часть интернет-пользователей считает, что слова *jakoś to będzie, bo jeszcze nigdy tak nie było, żeby jakoś nie było* – это цитата из произведения Гашека «Похождения бравого солдата Швейка во время мировой войны» и вкладывают их в уста главного героя произведения, хотя их произносит другой герой – угольщик Франтишек Шквор:

Jak powiadał Szwejk, «jakoś to będzie, bo jeszcze tak nie było, żeby jakoś nie było».

No bo jakoś będzie, zawsze jakoś jest, jeszcze nigdy tak nie było, żeby jakoś nie było. (A to już Szwejk.).

Другие не знают, что это неточная цитата, контаминация двух крылатых выражений, но осознают, что у этих слов есть автор:

Podzielę się moim ulubionym cytatem w stresujących sytuacjach: «akoś to będzie, bo jeszcze nigdy tak nie było, żeby jakoś nie było» :D.

Jak mawiał pewien terapeuta: «Jakoś to będzie, bo jeszcze tak nie było, żeby jakoś nie było».

Эти слова появляются также на мотивационных плакатах и постерах и иногда приписываются Гашеку:

Поляков отличает философия *jakoś to będzie*, которая очень близка русскому *полагаться / рассчитывать на авось*. Мы очень похожи друг на друга и рассчитываем на везение, стечение обстоятельств, счастливый случай, надеемся на бога и поэтому рискуем, действуем без плана и страховки. «(...) чаще всего *авось* используют как своего рода оправдание беспечности, когда речь идет о надежде не столько на то, что случится некоторое благоприятное событие, сколько на то, что удастся избежать какого-то крайне нежелательного последствия» [9, с. 491]. В таких же ситуациях поляки рассчитывают на то, что *jakoś to będzie*. С другой стороны, эта философия приводит к инерции, означает, что лучше ничего не делать, подождать, может, все само собой сложится и нам ничего не надо будет делать. Контаминация польского *jakoś to będzie* с чешским *Пусть было, как было – ведь как-нибудь было! Никогда так не было, чтобы никак не было* усиливает надежду на положительное решение всех проблем, говорит, что не стоит беспокоиться и переживать – ведь как-нибудь будет. Считается, что *полагаться на авось* – отличительная черта русских, а это выражение непереводимо на другие языки. Оказывается, однако, что в польском языке есть его близкий эквивалент – *jakoś to będzie*. И так же, как русское *авось*, неизлечимо. И хотя *авось да как-нибудь до добра не доведут*, и поляки, и русские верят, что *никогда так не было, чтобы никак не было*.

Список использованных источников

1. Телия, В. Н. Лингвокультурология / В. Н. Телия. – М. : Просвещение, 2003. – 283 с.
2. Chlebda, W. Szkice o skrzydlatych słowach. Interpretacje lingwistyczne / W. Chlebda. – Opole : Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego, 2005. – 527 с.
3. Bralczyk, J. Leksykon zdań polskich / J. Bralczyk. – Warszawa : Świat Książki, 2004. – 347 с.
4. Chomańska, B. *Jakoś to będzie*. Szczęście po polsku / B. Chomańska, D. Gruszka, D. Lis, U. Pieczek. – Kraków : Znak, 2017. – 352 с.
5. Mecking, O. The Polish phrase that will help you through tough times [Электронный ресурс] / O. Mecking. – Режим доступа : <https://www.bbc.com/travel/article/20171107-the-polish-phrase-that-will-help-you-through-tough-times>. – Дата доступа : 05.08.2021.
6. Бирих, А. К. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь / А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова. – М. : Астрель-Аст-Люкс, 2005. – 926 с.
7. Мокиенко, В. М. Почему так говорят? От Авося до Ятя / В. М. Мокиенко. – СПб. : Норинт, 2004. – 512 с.
8. Телия, В. Н. Большой фразеологический словарь русского языка [Электронный ресурс] / В. Н. Телия. – Режим доступа : <http://rus-yaz.niv.ru/doc/phraseological-dictionary/articles/988/avos.htm>. – Дата доступа : 01.08.2021.
9. Булыгина, Т. В. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики) / Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1997. – 576 с.

Abstract. This article is devoted to the Polish winged expression and the life position of *jakóś to będzie*. These words well characterize the Polish national character and one of its main features – the hope that everything will work out by itself, somehow it will work out, fate Or God will help solve All problems, and Poles, like Russians, leave to chance.

Keywords: national character, winged words, leave to chance.

УДК 811.161.1'42'367:398.92

Е. И. Тимошенко

ФРАЗЕОЛОГИЗИРОВАННЫЕ СИНТАКСИЧЕСКИЕ КОНСТРУКЦИИ С КОМПОНЕНТОМ *СТОИТ* / *СТОИЛО* В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. В статье рассматривается семантика и грамматический статус постоянного компонента *стоит* / *стоило* в русских фразеологизированных синтаксических конструкциях. В простых предложениях устойчивого типа, выражающих значение недифференцированной оценки, компонент сохраняет глагольную частеречную принадлежность. В сложных конструкциях выражаются синкретичные смысловые отношения обусловленности (условно-причинные, условно-целевые и т. п.); слова *стоит* / *стоило* обнаруживают грамматический синкретизм, совмещая лексико-грамматические особенности знаменательной части речи и служебную синтаксическую функцию аналога союза.

Ключевые слова: синтаксическая фразеологизированная конструкция, недифференцированная оценка, отношения обусловленности, грамматический синкретизм, аналог союза.

Исследования последних лет показывают, что такие признаки, как устойчивость и идиоматичность, присущи единицам всех уровней языка. Фразеологизированные синтаксические конструкции стали предметом изучения языковедов сравнительно недавно – во второй половине 20 в. В работах Н. Ю. Шведовой, Д. Н. Шмелева, В. И. Кодухова, О. И. Москальской, В. А. Белошапковой и других лингвистов отмечаются такие признаки устойчивых грамматических конструкций, как нечеткость или утрата живых синтаксических связей между компонентами, переосмысление категориального грамматического (а часто одновременно и лексического) значения одного из компонентов, устойчивость самой конструкции, проявляющаяся, по выражению Д. Н. Шмелева, в наличии «фразеосхемы». Так, Н. Ю. Шведова, одной из первых обратившаяся к анализу синтаксических особенностей русской разговорной речи, отметила обязательность употребления в устном общении «готовых языковых формул», особого рода устойчивых построений, «с одной стороны, лексически свободных, с другой стороны, таких, в которых черты собственно грамматические выступают в неразрывном единстве с чертами лексико-фразеологическими» [1, с. 6, 7].

В. А. Белошапкина, рассматривая фразеологизированные структурные схемы, пишет о том, что в предложениях устойчивой синтаксической структуры регулируются «не только формы компонентов, но и лексическое заполнение открываемых ими позиций»; в них наблюдаются нечеткие синтаксические связи между компонентами. Значения предложений, строящихся по таким схемам, уникальны и обычно экспрессивны [2, с. 645].

А. В. Величко указывает на такой обязательный признак фразеологизированных конструкций, как наличие в них компонентов двух типов: постоянного – с утраченным или ослабленным лексическим и грамматическим значением и переменного, обладающего свободным лексическим наполнением. В своей монографии, посвященной многоаспектному исследованию устойчивых синтаксических конструкций, ученый подчеркивает, что основной их функцией является выражение разного рода субъективных модальных значений, проявляющихся в категориях

эмотивности, экспрессии, оценки, волеизъявления и т. п. Указанное наблюдение позволяет сделать вывод о том, что подобные предложения связаны с выполнением языком не столько коммуникативной, сколько фатической функции [3, с. 63, с. 85 и сл.].

Классификация предложений, построенных в соответствии с несвободными структурными схемами, содержится в «Русской грамматике»-80. В основе этой классификации лежит учет частеречной принадлежности структурно организующего всю фразеосхему компонента; таким образом, выделяются предложения с союзами, частицами, предлогами, междометиями и различными местоименными и акцентирующими словами [4, с. 96]. Классификация конструкций, построенных по несвободным структурным схемам, описывает типы простых предложений. Однако в русском синтаксисе встречаются и сложные предложения фразеологизированной структуры. По наблюдениям лингвистов, устойчивые грамматические конструкции несвободного типа передают не столько информацию о разного рода фактах и событиях, имеющих место в действительности, сколько отношение говорящего к этим фактам, квалификацию, осмысление им связей между явлениями объективного и ментального мира, – и надо сказать, что это наблюдение особенно справедливо по отношению к сложным синтаксическим построениям фразеологического типа.

Предметом нашей статьи является определение семантического типа простых фразеологизированных конструкций с компонентом *чего стоит / стоило*, установление типов смысловых отношений между предикативными частями в сложных фразеологизированных конструкциях с компонентом *стоит / стоило* в сочетании с инфинитивом, а также выявление грамматического статуса этого устойчивого компонента в каждом из указанных случаев. Сразу подчеркнем, что для всех предложений устойчивой грамматической структуры, кроме уже названных выше признаков, очень важную роль играет порядок слов.

Сложные предложения с компонентом *стоит / стоило* в сочетании с инфинитивом и вторым союзным компонентом *как* описаны в упоминавшейся монографии А. В. Величко. Эти предложения квалифицируются как выражающие временные отношения следования, в частности акцентирующие быструю смену событий; по характеру отношений они равнозначны предложениям, содержащим устойчивые компоненты типа *не успел ... как; не прошло и ... как; союз как только*; например: *Стоит ему узнать о новой выставке, как он идет смотреть ее*. Констатация временных отношений объясняется возможностью замены слова *стоит* союзом *как только*: *Как только он узнает о новой выставке, он идет смотреть ее*. Указывается также, что значение быстрой смены событий может осложняться семантикой обусловленности, а именно условно-следственной, а слово *стоит* может быть заменено модальным словом *надо* [3, с. 279–285].

Наблюдения над языковым материалом показывают, что смысловые отношения, имеющие место между частями таких сложноподчиненных предложений, разнообразнее и сложнее. Их специфика в определенной степени связана и с тем, какой именно союз употребляется в главной части предложения.

Прежде всего следует сказать о том, что наложение, совмещение значений времени и условия – регулярное явление, наблюдаемое в разных типах сложных предложений – как союзных, так и бессоюзных. Сравн.: *По его голосу чувствовалось, что он поддразнивает Цветкова, но Цветков одинаково не признавал шуток, ни когда дела шли плохо, ни когда дела шли хорошо* (К. Симонов) (*не признавал шуток когда? когда дела шли плохо и когда дела шли хорошо и не признавал шуток в каких случаях? если дела шли плохо и если они шли хорошо*); *Лес рубят – щепки летят* (*Когда лес рубят – щепки летят и Если лес рубят – щепки летят*). В сложноподчиненных предложениях с устойчивым компонентом *стоит / стоило* в сочетании с инфинитивом условно-следственные отношения, на наш взгляд, являются не дополнительным, осложняющим,

а основным типом отношений, на который накладываются отношения временные: обычная временная последовательность не может рассматриваться как тип семантически обусловленных отношений, а в предложениях указанной структуры смена событий или действий действительно носит характер обусловленности. Например, в предложении *Тогда нам, писателям, казалось, что стоит лишь добиться отмены цензуры, и жизнь станет прекрасной* (Е. Евтушенко) (здесь и далее иллюстративный материал приводится из Национального корпуса русского языка [5]) слово *стоит* можно заметить временным союзом: *Тогда нам, писателям, казалось, что, как только мы добьемся отмены цензуры, жизнь станет прекрасной*, но очевидно, что речь идет не о простой последовательной смене событий, а о том, что жизнь может стать прекрасной, если добиться отмены цензуры.

Обращает на себя внимание и тот факт, что в предложениях рассматриваемого типа можно выявить не только условно-следственные, но и причинно-следственные отношения: по-видимому, можно предполагать, что при наличии определенных обстоятельств (= условий) складываются предпосылки (= причины), способствующие определенному развитию событий или возникновению возможности осуществления определенных действий. Рассмотрим несколько примеров: *Самолюбие его страдало при мысли, что вот теперь она должна думать: «Мне стоило только знак подать – и он тотчас прибежал!»* (И. Тургенев). С одной стороны, возможна семантическая трансформация *Если только я подам знак, он прибежит*, а с другой – *Он прибежал, потому что я подала знак; Теперь стоило только взглянуть поприлежнее, и можно было рассмотреть две остальные фигуры* (Н. Лесков): с одной стороны, *Если взглянуть поприлежнее, можно было рассмотреть две остальные фигуры*, с другой – *Две остальные фигуры можно было рассмотреть, потому что взглянешь поприлежнее; Другой писатель говорит: «Стоило только какому-нибудь казаку взять огня из своей трубки и зажечь мосты, тогда все усилия наши и переход через Березину сделались бы тщетны»* (А. Михайловский-Данилевский): *Если бы какой-нибудь казак взял огня из своей трубки и зажег мосты, тогда все усилия наши и переход через Березину сделались бы тщетны и Все усилия наши и переход через Березину сделались тщетны, потому что какой-нибудь казак взял огня из своей трубки и зажег мосты.*

В сложноподчиненных предложениях с устойчивым компонентом *стоит / стоило* в сочетании с инфинитивом и вторым союзным компонентом *чтобы* усматривается дополнительный смысловой оттенок цели. Например: *Плуту Сеньке стоило только назваться Французом, чтоб удостоиться отличной их благосклонности!* (Московские записки // «Вестник Европы», 1811); <...> *Стоило только поднять глаза немного вверх, чтоб увидеть причину такой почтительности: на возу сидела хорошенькая дочка с круглым личиком, с черными бровями, ровными дугами поднявшимися над светлыми карими глазами* (Н. Гоголь). В приведенных предложениях целевые отношения не выражены прямо и не являются основными, они накладываются на отношения условные и даже на изъяснительные, но семантизация, позволяющая проявить эти отношения, возможна: *Нужно было назваться Французом (с какой целью?), чтоб удостоиться отличной их благосклонности!*; *Нужно было поднять глаза немного вверх (с какой целью?), чтоб увидеть причину такой почтительности* <...>. Доказательством наличия в подобных случаях целевого оттенка может служить сопоставление сложноподчиненных конструкций с простыми предложениями, содержащими оборот *стоит / стоило* + инфинитив, при котором имеется обстоятельство цели, сравн.: *Стало быть, для безопасности столицы стоило только не допустить неприятеля проехать по фарватеру* (А. Ишимова); *Оно потускло, и мне стоило только поднять руку для его сокрушения* (А. Корнилович).

Очевидно, что в ряде рассмотренных случаев слово *стоит* (*стоило*) грамматизируется и выступает в функции союза (условного, или временного, или

с нерасчлененным условно-временным значением, или причинного), что доказывается возможностью его замены этой служебной частью речи. Правомерность синонимической замены как приема определения частеречной принадлежности слова в сомнительных случаях признается в лингвистической литературе [6, с. 170].

Грамматизацию, однако, нельзя считать полной по следующим причинам. Во-первых, сохраняется «временное» варьирование постоянного компонента (*стоит / стоило*), то есть сохраняются некоторые внешние грамматические признаки глагольной формы. Разумеется, о грамматическом варьировании можно говорить лишь с чисто формальной точки зрения: временное значение содержания, выражаемого частями сложного предложения, не зависит от «формы» этого постоянного компонента. Во-вторых, этот компонент сохраняет элементы «лексичности», так как в нем присутствует модальная семантика необходимости, целесообразности, достаточности, соответствия, что также доказывается семантической трансформацией: *Гончарову стоило только обратиться к собственному своему роману, чтоб убедиться в этом* (М. Салтыков-Щедрин) – *Гончарову надо было бы, достаточно было бы обратиться к собственному своему роману, чтоб убедиться в этом* (во второй части союз *чтоб*); *Стоило только запастись терпением на несколько дней, и тогда, без принесения особенных жертв, можно было ожидать разрушения главной армии Наполеона* (А. И. Михайловский-Данилевский) – *Достаточно, нужно было запастись терпением на несколько дней, и тогда, без принесения особенных жертв, можно было ожидать разрушения главной армии Наполеона* (во второй части союз *и*).

Таким образом, в словах *стоит, стоило* наблюдается грамматический синкретизм, промежуточность положения между знаменательной и служебной частями речи, с преобладанием признаков служебности. По поводу случаев подобного синкретизма В. В. Бабайцева пишет: «Язык нуждается не только в “чисто” грамматических средствах выражения смысловых связей и отношений. Для языка нужны, необходимы и лексико-грамматические средства связи, сохраняющие в известной мере лексические значения, дифференцирующие смысловые связи и отношения» [6, с. 341]. Сходную мысль высказывает и А. Ф. Прияткина, которая предлагает рассматривать «союзоподобие» как относительно самостоятельную функцию, в которой нуждается язык, что и сдерживает переходы от аналогов союзов («союзных эквивалентов», по ее терминологии) к союзам [7, с. 46–47].

Компонент *стоит / стоило* в сочетании с местоимением *чего* выступает как постоянный и в простых фразеологизированных конструкциях, выражающих оценку. В семантической классификации фразеологизированных конструкций, предложенной А. В. Величко, выделяется тип предложений со значением недифференцированной оценки. Оценка в таких случаях может быть как положительной, так и отрицательной, что зависит от контекста, однако конструкции, содержащие сочетание *чего стоит / стоило*, в классификации не рассматриваются. Особенностью таких построений является препозиция местоимения и наличие после слов *стоит / стоило* частиц типа *только* или *хотя бы*. Сравним следующие контексты: *Так вот однажды в эту передачу был приглашен Владимир Абрамович Этуш, обожаемый миллионами зрителей киноактер: чего стоит хотя бы его Саахов в гайдаевской “Кавказской пленнице”* (А. Рекемчук) (положительная оценка); *Неграмотность – это путь к выразительности – чего стоит только абсолютно вульгарное “скушай”* (С. Есин), *Россия признала итоги президентских выборов, которые с точки зрения их проведения были абсолютно недемократичными и несвободными (чего стоило хотя бы публичное избиевание кандидата в президенты Украины Олега Царева) <...>* (Г. Мирзаян). Слова *стоит, стоило* в подобных конструкциях сохраняют свою глагольную принадлежность, их семантика тесно связана с идеей ценности, значимости, а также с передачей высокой степени интенсивности проявления какого-либо качества, действия и т. п. [См. также: 8, с. 269–270].

Таким образом, компонент *стоит / стоило* выступает как структурообразующий как в простых предложениях устойчивого типа, так и в сложных фразеологизированных конструкциях. Простыми предложениями передается значение недифференцированной оценки, слова *стоит, стоило* сохраняют свою глагольную частеречную принадлежность. В сложных предложениях с постоянным компонентом *стоит / стоило* в сочетании с инфинитивом выражаются разнообразные синкретичные смысловые отношения: условно-временные, условно-причинные, условно-целевые, условно-причинно-целевые; компонент *стоит / стоило* обнаруживает лексико-грамматический синкретизм: сохраняя внешние грамматические признаки глагольности (показатели категории времени) и относительную лексическую полноценность в виде семантики модальности, он выполняет служебную синтаксическую функцию и выступает как аналог союза.

Список использованных источников

1. Шведова, Н. Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи / Н. Ю. Шведова. – М. : Изд-во АН СССР, 1960. – 378 с.
2. Современный русский язык : учеб. для филол. спец. ун-тов / В. А. Белошапкова, Е. А. Брызгунова, Е. А. Земская и др. ; под ред. В. А. Белошапковой. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Высш. шк., 1989. – 800 с.
3. Величко, А. В. Предложения фразеологизированной структуры в русском языке. Структурно-семантическое и функционально-коммуникативное исследование : монография / А. В. Величко. – М. : МАКС Пресс, 2016. – 416 с.
4. Русская грамматика : в 2-х томах. Т. II. Синтаксис. – М. : Наука, 1980. – 712 с.
5. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.ruscorpora.ru>. – Дата доступа : 30.09.2021.
6. Бабайцева, В. В. Явления переходности в грамматике русского языка : монография / В. В. Бабайцева. – М. : Дрофа, 2000. – 640 с.
7. Прияткина, А. Ф. Союз и его функциональные аналоги / А. Ф. Прияткина // Синтаксические связи в русском языке / отв. ред. А. Ф. Прияткина. – Владивосток : ДВГУ, 1978. – С. 45–56.
8. Словарь русского языка : в 4-х т. /АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. А. П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Русский язык, 1981–1984. – Т. 4. С–Я. – 1984. – 794 с.

Abstract. The article is devoted to the semantics and grammatical status of the permanent component of the *worth / cost* in Russian phraseologized syntactic constructions. In simple sentences of a stable type expressing the meaning of an undifferentiated evaluation, the component retains a verbal partial affiliation. In complex constructions, syncretic semantic relations of conditionality are expressed (conditionally causal, conditionally targeted, etc.); the words *worth / cost* reveal grammatical syncretism, combining the lexical and grammatical features of the significant part of speech and the service syntactic function of the analogue of the union.

Keywords: syntactic phraseologized construction, undifferentiated evaluation, conditionality relations, grammatical syncretism, union analog.

УДК 811.16'246.3'373

Л. Л. Фёдорова

ОБРАЗЫ И ИДИОМЫ В ЯЗЫКЕ РЕЗЬЯНСКИХ СЛАВЯН

Аннотация. Статья посвящена резьянскому микроязыку, относящемуся к южнославянским языкам и сохранившему многие архаические черты как в грамматике, так и в лексике и фразеологии. Научное изучение резьянского языка было начато Бодуэном де Куртенэ еще в 70-е гг. XIX в., однако до сих пор он остается недостаточно исследованным. В статье приво-

дятся примеры образных топонимов, дается краткий обзор устойчивых фразеологических сочетаний на базе глаголов и предложных конструкций, рассматриваются идиомы со значением семейного сходства, а также приводятся основные устойчивые формулы, используемые в речевой практике.

Ключевые слова: резьянский микроязык, топонимы, устойчивые формулы, выражение семейного сходства.

Резьяне – народ, уже полторы тысячи лет обитающий на севере Италии в долине Альпийских гор в общине Резия; они говорят на южнославянском языке, который сохраняет многие архаичные черты. Этот язык (*Rošajanske Romonenj / langač*) засвидетельствован в письменной традиции с конца XVIII в. и считается литературным микроязыком, в соответствии с определением А. Д. Дуличенко [1], однако он не имеет общей литературной нормы, сохраняя особенности местных диалектов, как фонетические, так и лексические. Язык исследовался со второй половины XIX в. И. И. Срезневским [2], а затем Бодуэном де Куртенэ, который опубликовал и некоторые тексты [3; 4]. Число носителей резьянского языка в настоящее время порядка 1000, все они двуязычны, сам язык находится под угрозой исчезновения, однако резьяне сохраняют и отстаивают свою национальную идентичность.

Резьянский язык имеет свою идиоматику, в которой отражается своеобразный взгляд на окружающий мир. В лексике и фразеологии встречаются узнаваемые образы славянской древности, но присутствуют и особенные черты.

Образные именованья встречаются уже в топонимике Резии; многие объекты имеют двойные названия, итальянские и резьянские, например деревни: ит. *San-Giorgio* – рез. *Bilä*, т. е. Белая, ит. *Prato di Resia* – рез. *Ravänza*, т. е. ‘маленькая равнина’. Река Резья, в долине которой с конца VI в. стали селиться славянские племена, носит резьянское название *Valika woda* ‘большая вода’, известны другие местные водоемы – *Čärny potok* ‘черный поток’, *Šaleni vîr* ‘зеленый омут’ (напоминает старинную пословицу *Mur kak vip*); названия двух горных вершин в долине реки Резьи – *Valika Baba* и *Maja Baba* ‘большая баба’ и ‘малая баба’, названия местности *Korîto* – ‘корыто’, *Lipovâz* ‘маленькая липовая роща’ и др. Эти и многие другие местные наименования были отмечены еще Бодуэном де Куртенэ в его работе «Резия и резьяне» [4]; во время полевых исследований им были собраны богатые материалы, заметки для словаря резьянского языка, опубликованные лишь частично Н. И. Толстым [5].

Современные лингвисты исследуют грамматические особенности резьянской грамматики, в частности глагольной системы (Х. Стинвейк [6], Р. Бенаккьо [7], Д. Сичинава [8]), лексике уделяется меньше внимания. Настоящие наблюдения основаны на материалах Бодуэна де Куртенэ и на работе резьянской коллеги Nadie Clemente [9] и ее записях, которыми она любезно поделилась.

Некоторые распространенные резьянские слова являются сращениями идиоматических сочетаний, например:

böholo < *böhow lok* – ‘радуга’, букв. ‘богов лук’;

Bohow-din – ‘воскресенье’;

prädnën < *prëd dnën* – ‘раннее утро’, букв. ‘перед днем’;

točikej < *v toliče kej* (< *toliko*, сравн. *малая толика*) – ‘только что’;

počasû < *po časû* – ‘медленно’;

wdümu < *w dümu* – ‘быстро’ (так что поднимается пыль, ‘дым’) [9, с. 33, 35].

Сохраняет резьянский язык и старинные обороты с предлогом *po* ‘по’ в значении цели: *tet po kroh* ‘пойти за хлебом’; *Tazé po sëno* – ‘Иди за сеном’; *tet po wödo* или *po vir* ‘пойти по воду’; как и в русском, эта конструкция используется по отношению к немногим лексемам, приобретая идиоматизированный характер.

Понятны глагольные устойчивые выражения:

pravet pravizo – букв. рассказывать сказки, т. е. обманывать;

ně morět (gha) vīdēt – букв. не мочь (его) видеть, т. е. ненавидеть;
tet śa tin – букв. идти (следом) за тем, т. е. интересоваться;
tet na taprit – букв. идти вперед, т. е. продолжать;
to pridē račet – букв. это придет сказать – в значении союза ‘то есть’.

Обращает на себя внимание их описательный характер, раскрывающий переносный смысл через буквализацию образов.

В текстах сказок встречаются наречные формулы:

(Tadaj) dān dīn – букв. (тогда) один день, т. е. однажды;

prīt nu prīt – букв. прежде и прежде, т. е. давным-давно.

Усилительный повтор встречается и в междометном выражении:

Nu bej nu!, где *nu!* – соответствует русскому ну! в функции понукания (в отличие от союза *nu* ‘и’).

Многие устойчивые речевые формулы с именем бога, отмеченные и Бодуэном де Куртенэ, сохранились в современной резьянской речи:

ś Bughōn – С Богом (формула прощания);

Buh dej – Дай Бог;

Buh ne dej – Не дай Бог;

Buh potaghej – Помоги Бог;

Buh vi – Бог знает;

Buh bo vēdel – Бог бы знал (Бог его знает) [9, с. 32–33].

Эти формулы знакомы и привычны для русского уха. Более своеобразны этикетные формулы:

Buh dej no lehko nuč – Бог дай нам легкую ночь (пожелание спокойной ночи);

Spitē lēpu – Спице хорошо (пожелание спокойной ночи);

Dēlitē dōbār vijāč anu stūjte lēpu śdrow! – Счастливого пути и оставайтесь в добром здравье!;

Tastē lēpo počasu – Идите славно потихоньку (пожелание счастливого пути).

Интерес представляют идиомы ориентации со значениями ‘справа’ и ‘слева’. Они строятся на архаичных фразеологических сочетаниях и, по свидетельству информантов, продолжают использоваться до сих пор. При этом в разных резьянских деревнях говорят по-разному, используя пары прилагательных: *dobār* ‘хороший, добрый’ и *hud* ‘плохой, бедный’ или же *praw* ‘правый’ и *hud*.

Так, в Солбице говорят:

na to dōbro rōko ‘направо, справа’, букв. ‘на добрую / хорошую руку’ и *na to hūdo rōko* ‘налево’, букв. ‘на худую руку’.

В Осоянах, Ниве, Биле говорят немного иначе:

na to prawo rōko – *na to hūdo rōko*, т. е. букв. ‘на правую руку’ – ‘на худую руку’.

Значение ‘правый’ у прилагательного *dobar*, наряду с ‘добрый, хороший’, и ‘левый’ у *hud*, наряду с ‘плохой, бедный’, отмечено в резьянском языке еще Бодуэном де Куртенэ и анализируется Н. И. Толстым при сопоставлении антонимичных пар в разных славянских диалектах (*pravъ, dobrъ, desъnъ – krivъ, lěvъ, hudъ*). Толстой считает, что старославянские формы *ó деснѣжъ, ó шоуѣж* могли представлять собой усеченные фразеологизмы типа тех, что сохранились в резьянском языке [10].

Идиома со значением фамильного сходства также использует конструкцию, характерную для славянских языков, но в собственной версии. Про сына, похожего на отца, могут сказать:

Ė vikrōšōn tej njagha oča – Он ‘выструган с его отца’.

Можно сравнить с македонским:

Плукнат е на татко му – (Он) ‘плюнутый на своего отца’, сравн. также русское: (Он) *вылитый отец*.

Получается, что смысл ‘весь в отца’ передается в трех языках близкими оборотами, но специфика каждого языка проявляется в упомянутом материале: он жидкий у македонцев, деревянный у резьянцев, а в русской формуле можно предположить, что речь о застывшем в форме металле.

Выражение семейного сходства в отрицательных чертах с негативной оценкой во многих языках описывается традиционной формулой, восходящей к библейской: *Яблоко от яблони недалеко падает*. Правда, в разных языках меняются плоды. Так, в македонском говорят:

Круша под круша паѓа / Не паднал подалеку од крушата – Груша под грушей падает / Недалеко от груши упал.

В армянском: *Плод от дерева далеко не падает*.

Мексиканцы про это скажут:

Al pie de la palma cae el coyol – Рядом с пальмой падает койоль (плод).

А резьянцы говорят: *Líšnik an ni spadnwa dalěč wod jarbula* – Орех (фундук) не падает далеко от дерева.

Идея одна, только плоды разные, что кому ближе и понятней.

Среди резьянских поговорок можно отметить одну, в которой заключается особенный юмор:

Vinče ghrěben nu-ku patalèn ‘Гребешок больше, чем сам петух’ – со значением ‘много шума, да мало толку’.

Вообще в резьянском фольклоре петух (*patalèn*) – персонаж, к которому относятся с иронией, а в народных сказках действуют известные звери: *lisiza*, *madvĕd*, *uk*, *šez* с их знакомыми характерами (Тексты сказок приводятся в [9]).

Резьянский язык представляет собой интереснейший материал для дальнейшего изучения и осмысления. В настоящей работе ставилась цель дать лишь ознакомительный фрагмент резьянской образной лексики и фразеологии.

Список использованных источников

1. Дуличенко, А. Д. Славянские литературные микроязыки: Вопросы формирования и развития / А. Д. Дуличенко. – Таллинн : Валгус, 1981. – 323 с.
2. Срезневский, И. И. Фриульские славяне (резьяне и словины) / И. И. Срезневский. – СПб., 1878.
3. Бодуэн де Куртенэ, И. А. Опыт фонетики резьянских говоров с приложением: «Резьянский катехизис» / И. А. Бодуэн-де-Куртенэ (I. Baudouin de Courtenay). – Варшава : Э. Венде и К° ; Санкт-Петербург : Д. Е. Кожанчиков, 1875.
4. Бодуэн де Куртенэ, И. А. Резья и резьяне / И. А. Бодуэн де Куртенэ // Славянский сборник – Казань, 1876. – Т. 3, отд. 1. С. 223–371.
5. Бодуэн де Куртенэ, И. А. Резьянский словарь (под редакцией Н. И. Толстого) / И. А. Бодуэн де Куртенэ // Славянская лексикография и лексикология. – М. : Наука, 1966. – С. 183–226.
6. Steenwijk, H. The Slovene dialect of Resia. San Giorgio / H. Steenwijk. – Amstredam; Atlanta, GA : Rodopi, 1992.
7. Бенакьо, Р. Префикс s- и суффикс -nu с мультипликативами в резьянском диалекте (в сопоставлении с русским) / Р. Бенакьо // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. – № 24 (2), 2020. – С. 18–32.
8. Сичинава, Д. В. Семантическое распределение альтернативных славянских форм плюсквамперфекта: типологический контекст резьянских наблюдений И. А. Бодуэна де Куртенэ [Электронный ресурс] / Д. В. Сичинава. – Режим доступа : <https://libweb.kpfu.ru/publication/papers/Baudouin/Baudouin-2017-2/Baudouin-2017-2-193-196.pdf>. – Дата доступа : 02.09.2021.
9. Clemente, Nadia. Introduzione alla lingua resiana / Nadia Clemente. – Udine, 2020.

10. Толстой, Н. И. Из географии славянских слов / Н. И. Толстой // Толстой Н. И. Избранные труды, Т.1. Славянская лексикология и семасиология. – М. : Языки русской культуры, 1997. – С. 122–222.

Abstract. The article is devoted to the Rezyan microlanguage, which belongs to the South Slavic languages and has preserved many archaic features, both in grammar and in vocabulary and phraseology. The scientific study of the Rezyan language was started by Baudouin de Courtenay back in the 70s of the XIX century, but it still remains insufficiently researched. The article provides examples of figurative place names, it gives a brief overview of idiomatic expressions based on verbs and prepositional constructions, examines idioms with the meaning of family similarity, and also provides the main formulas used in speech practice.

Keywords: rezyan microlanguage, place names, idiomatic expressions, expression of family similarity.

УДК 811.161.1'42'371:398.92:796

Ж. Финк

О НОВЕЙШИХ СПОРТИВНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ СО ЗНАЧЕНИЕМ САМООТВЕРЖЕННОСТИ

Аннотация. В статье анализируются английские спортивные фразеологизмы *leave everything (it all) on the field (on the court, on the ice, on the floor, in the ring, in arena, etc.), play one's heart out* и соответствующие им хорватские выражения *ostaviti sve na terenu (parketu), igrati sa srcem, ostaviti / ostavljati srce na terenu (parketu, travnjaku, ledu itd.)*. Отмечается употребительность аналогичных выражений с соматическим кодом в иных южнославянских языках.

Ключевые слова: спортивный фразеологизм, семантическое поле «самоотверженность», соматический компонент, калька, контаминация.

1. Концепт «героизм» предполагает определенный вид поведения и свершения человека, требующих от него «напряжения духовных и физических сил, проявления мужества, храбрости и самоотверженности» [1, с. 3]. Или, как указывается в дальнейшем тексте автореферата *Лингвокультурный концепт «героизм» в русской и английской языковых картинах мира* Д. А. Голубева, в основе данного поведения находятся такие качества, «как смелость, храбрость, мужество, самоотверженность и самопожертвование, выражающиеся в преодолении страха перед опасностью и готовностью пожертвовать собственной жизнью при совершении полезного людям поступка» [1, с. 8]. Интересно, что лексема *героизм* подобным образом определяется и в *Большом толковом словаре русского языка*, т. е. она определяется через следующие понятия: самоотверженность, самопожертвование в критической обстановке, мужество, способность к совершению подвига [2, с. 200]. Надо напомнить, что ситуации, в которых проявляется героическое поведение, чаще всего возникают в военное время: на войне человек совершает подвиги, связанные с защитой родины от врагов. Но это не значит, что и в мирное время человек не может показать себя героем. Есть случаи, в которых можно спасать людей и помогать им в чрезвычайных ситуациях, а помимо этого, данное поведение иногда становится характерным как в области культуры и искусства, так и в спорте, где культурные деятели и спортсмены добиваются значительных результатов [1, с. 11].

Сразу заметно, что оба источника, определяя понятие *героизм*, в качестве одного его элемента упоминают самоотверженность. К чему это относится? В словарях данное существительное определяется через слово *самоотверженный*, от которого оно и образовано, и связывается с книжным словом *самоотвержение*. Значит, лицо, для которого

оно характерно, жертвует или показывает готовность жертвовать своими интересами во имя кого-либо или чего-либо [2, с. 1145].

Подобным образом звучит дефиниция слова *požrtvovnost* ('самоотверженность') и в хорватских толковых словарях – 'osobina onoga koji je požrtvovan', в то время как прилагательное *požrtvovan* определяется следующим образом: 'koji ne žali žrtve, truda; predan, samoprijegoran, nesebičan'; значит, упоминаются слова *преданный, самоотверженный, бескорыстный* [3, с. 1138; 4, с. 920].

Видно, что в приведенных источниках самоотверженность интерпретируется исключительно как позитивная черта характера, благодаря которой лицо жертвует своими интересами ради общего блага. Однако, как известно, иногда под маской альтруизма скрывается корысть. Мотивы могут быть самые разные: желание угодить окружению ради личной выгоды, эгоизм, инфантилизм, материальная сторона.

2.1. Со сравнительно недавнего времени в американском английском языке активно употребляется глагольный спортивный фразеологизм, своим значением относящийся к самоотверженности, к самоотдаче. Этот оборот включает компонент *leave* ('оставить / оставлять'), варианты *everything* и *it all* ('всё'), а затем следует несколько предложных форм существительных, прямо указывающих на вид спорта. Если, скажем, речь идет об американском футболе, упоминается поле (*field*), если имеется в виду хоккей – лед (*ice*), к баскетболу относится паркет (*floor*), к теннису – корт (*court*), к боксу ринг (*ring*) и т. д. Значит, первая часть оборота имеет две возможные формы, в то время как вторая часть варьируется в зависимости от вида спорта: *leave everything (it all) on the field (on the court, on the ice, on the floor, in the ring, in arena, etc.)*. Он определяется следующим образом: 'This idiom, from professional sports, refers to exhausting all possible efforts to win, either individually or as a team' [5] или 'to commit wholly to, or to try one's best at a sport or a game' [6]. Данный спортивный фразеологизм относится к ситуации, когда спортсмены и / или их команда делают все возможное, чтобы достичь как можно лучшего результата, чтобы победить противника. Не входя в возможные эгоистичные мотивы у спортсменов (например, стремление к популярности, материальная выгода и под.), такое поведение отличается весьма позитивным признаком, и можно сказать, что оно во всяком случае содержит элементы самоотверженности, самоотдачи.

Интересно отметить, что в американских текстах указывается на расширение сферы употребления названного фразеологизма и он теперь не появляется только в текстах на спортивную тему. В статье, озаглавленной '*Leaving Everything on the Field*', *From Sports to Politics*, приводятся три случая употребления оборота в политической сфере:

Late last week [...] White House Press Secretary Sean Spicer tried to put a brave face on President Donald Trump's efforts to get the bill passed;

"He's left everything on the field when it comes to this bill," Mr. Spicer said, referring to the stalled Republican legislation, known as the American Health Care Act. Later in the press conference, he continued the theme: "Have we left everything on the field? Absolutely";

Mr. Spicer is hardly the first person to transfer this strenuous sports metaphor to the political arena. In a December 2015 press conference, President Barack Obama spoke optimistically about his goals for his final full year in office. "In 2016, I'm going to leave it all on the field," he said;

After the presidential election last November, Hillary Clinton told her campaign staffers, "You left it all on the field, every single one of you" [7].

Здесь подтверждается уже известный факт, что в политический дискурс часто включаются именно спортивные обороты, поскольку они предполагают определенный способ соревнования, борьбы [сравн., например, 8].

2.2. В современном английском языке фиксируется еще один фразеологизм, употребляющийся наиболее часто в спортивном контексте. Он содержит соматизм *heart*

(‘сердце’) и имеет значение, подобное предыдущему обороту: ‘To exhibit maximum effort and enthusiasm while playing something, such as a sport, game, or instrument’ [9]. Это оборот *play one's heart out* (досл. изнурить (измучить) *чье* сердце), который относится к ситуации, когда лицо дает свой максимум, чтобы добиться успеха.

2.3. Надо еще добавить, что в августе 2017 года начали показывать 5 серию мюзикла *Off Book: The Improvised Musical* под названием *Leaving Your Heart on the Field* (досл. оставляя свое сердце на поле), в которой мальчики играют в футбол (*soccer*) против девочек [10]. Поскольку в английских словарях не фиксируется оборот **leave one's heart on the field*, можно предположить, что название серии создано на основе контаминации двух раньше приведенных фразеологизмов.

3. Употребляются ли в современных хорватских текстах, тематически относящихся к спорту, семантически и структурно соответствующие выражения?

3.1. Следует, во-первых, упомянуть точную кальку по отношению к обороту *leave everything (it all) on the field (on the court, on the ice, on the floor, in the ring, in arena, etc.)*, которая в текстах встречается не весьма часто: *ostaviti sve na terenu (parketu)*. Из примеров употребления видно, что в случаях ее включения в текст чаще всего пишут о футболе, а реже – о баскетболе, гандболе, теннисе, причем подтверждаются два компонента, указывающие на спортивный контекст: *teren* (‘поле’) и *parket* (‘паркет’):

Bišćan: Drama na kraju, a dečki su ostavili sve na terenu [<https://sport.hrt.hr/hrvatski-nogomet/biscan-drama-na-kraju-a-decki-su-ostavili-sve-na-terenu-1257072>, дата доступа: 24.08.2021];

Ja očito nisam igrač tih kvaliteta koje reprezentacija treba. Svaki put sam ostavio sve na parketu, ali to izgleda nije bilo dovoljno [<http://www.zadarskilist.hr/clanci/20092009/repesa-jos-nisam-odlucio-hocu-li-otici>, дата доступа: 24.08.2021];

Na kraju, eto pobijedili sretno, spretno, ne znam, zasluženo, ostavili smo sve na terenu, kazao je Duvnjak [<https://otvoreno.hr/sport/duvnjak-ostavili-smo-sve-na-terenu/246841>, дата доступа: 24.08.2021];

Mario Ančić u finalu PBZ Zagreb Indoorsa nije mogao ugroziti Marina Čilića – U polufinalu sam ostavio sve na terenu [<http://www.24sata.hr/tenis/ancic-mislio-sam-da-ce-mi-pustiti-ali-nije-imao-srca.101481>, дата доступа: 24.08.2021].

3.2. Кроме этого, в текстах весьма активно употребляется оборот *igrati sa srcem*, который относится к самоотдаче, самоотверженности, к уровню мотивации спортсмена к спорту, которым он занимается, к его желанию играть как можно лучше и добиться хорошего результата. Оборот можно считать семантическим эквивалентом английскому *play one's heart out*. Несмотря на факт, что в обоих фразеологизмах в качестве компонента появляется соматизм *сердце*, в глубинной структуре хорватского оборота яснее символизируется самоотверженность, страсть, с которой спортсмен играет и / или подходит к игре. Компонентный состав фразеологизма не указывает на конкретный вид спорта, он становится ясным из контекста:

Ti dečki su igrali sa srcem, Dinamo im je bio iznad svega [11, <http://www.jutarnji.hr/kako-vratiti-1967-/188666>];

To je samo dokaz koliko one vole klub i igraju sa srcem, a to potvrđuje ispravnost naše prošlosezonske odluke da ekipu zadržimo na okupu [11, <http://www.vecernji.hr/sport/ostalo/ne-vedi-samo-nastup-europi-nego-igranje-domacem-prvenstvu-clanak-70032>];

Ono što nas je obradovalo jest probojnost Filipa Hrabrova, koji je igrao sa srcem bez straha i kočnica, unoseći sebe u svaki poen [11, <http://www.zadarskilist.hr/clanci/14102010/koliko-utakmica-toliko-poraza>].

3.3. Наиболее интересным, по нашему мнению, является употребление сравнительно нового соматического оборота, который, кажется, образован на основе контаминации только что упомянутых хорватских выражений: кальки *ostaviti sve na terenu (parketu)* и весьма часто появляющегося в спортивном дискурсе *igrati sa srcem*. Как уже сказано,

он принадлежит семантическому полю самоотверженности, самоотдачи в спортивном смысле, он относится к высокому уровню мотивации спортсмена и / или команды.

Речь идет о фразеологизме *ostaviti / ostavljati srce na terenu (parketu, travnjaku, ledu itd.)* (досл. оставить / оставлять сердце на поле (паркете, футбольном газоне, льду и т. д.), причем первая часть оборота, точнее соматический компонент *srce*, прямо относится к самоотверженности, самоотдаче, которую спортсмен и / или команда вкладывают в игру, а вторая часть (подобно английскому обороту) указывает на вид спорта (чаще всего это футбол, но и баскетбол, гандбол, хоккей). Почему компонент *sve* из кальки заменяется соматизмом? По нашему мнению, употребление соматизма *srce* способствует изменению (хотя бы частичному) стиля, он воздействует на чувства аудитории, до определенной степени наполняется пафосом, и таким образом оборот становится книжным.

Его употребляют не только журналисты, болельщики и тренеры, комментируя спортивную игру, но и сами спортсмены, описывая свой вклад в игру. Сравн. примеры употребления:

Oni su se predstavili kao momčad ne osobite igračke kvalitete, no sve su to nadoknadili velikom trkom i htijenjem. Baš se može reći da su ostavili srce na travnjaku [11, <http://arhiv.slobodnadalmacija.hr/20040722/sport01.asp>];

“Tužan sam i ponosan nakon ove utakmice. Tužan sam zbog igrača koji su dali zadnji atom snage, tužan sam zbog navijača. Ponosan sam na ovo što smo napravili, na drugo poluvrijeme, na sinergiju navijača i na igrače koji su ostavili srce na terenu“, rekao je [https://ezadar.net.hr/sport/4060618/dalic-napravili-smo-bizarne-greske-koje-se-ne-dogadjaju-svakome/?ticker_type=latest_news, дата доступа: 24.08.2021];

Kakvi bi mi igrači bili da ne očekujemo pobjedu u svakoj utakmici. Ostavili smo srce na parketu [<http://www.057info.hr/sport/2011-03-20/jucer-smo-ih-gledali-na-tv-u-a-sada>, дата доступа: 24.08.2021].

Глагольный компонент, как правило, появляется в совершенном виде и обычно имеет форму множественного числа, потому что чаще всего комментируется игра команды, т. е. в большинстве случаев речь идет о коллективных видах спорта. Гораздо реже указывается на результаты, достигнутые в индивидуальных видах спорта. Сравн. пример употребления:

Goran jedva stoji na nogama i brani Poljakov pokušaj stojeće kimure, no uskoro iscrpljen pada na tlo i nekako uspijeva izdržati udarce i dočekuje finalni gong. Goran je ostavio srce u ringu, ali nažalost to nije bilo dovoljno [11, <http://www.profightstore.hr/novosti/soszynski-nadjacao-srcanog-reljica/6322.aspx>].

Кроме того, глаголы наиболее часто употребляются в прошедшем времени, так как обсуждается уже законченный матч или качество игры. Но иногда встречаются и другие формы (например, будущее время), сравн.:

Mogu garantirati da ćemo ostaviti srce na parketu te izboriti plasman u polufinale uvjerljivo s dvije pobjede [11, <http://rukomet.hr/rukometna-festa-u-samoboru-ivana-lovric-zelimo-dokazati-sebi-i-navijacima-da-zasluzujemo-plasman-u-polufinale-challenge-cupa/>].

Иногда вместо компонента *srce* появляется *duša*, сравн. пример употребления:

Ja sam kao igrač uvijek više volio igrati u gostima, atmosfera bi mi davala dodatan motiv, a mi sutra moramo ostaviti dušu na terenu. – rekao je Robert Jarni [11, <http://bodul.blogger.index.hr/post/pobjeda-hajduckog-srca-17-godina-od-hajdukovog-ratnog-trofeja/default.aspx?date=1.3.2008>].

В последнее время фразеологизм начали употреблять и вне спортивного контекста. Первые два нижеприведенных текста относятся к политическому дискурсу, в них политики уверяют нас, что они старались изо всех сил сделать что-либо, что они не щадили усилий. В третьем тексте учителя гимназии в г. Чаковец (северная часть Хорва-

тии) желают успеха своим ученикам, которые сдают экзамен на аттестат зрелости; они уверены, что ученики сделают все возможное, чтобы добиться наилучших результатов:

– *Ja sam svoju utakmicu u smislu predsjednika DP-a otrčao. Dao sam sve što sam mogao, ostavio sam srce na terenu. Volim tu stranku i sve sam napravio u interesu boljitka ove naše države, zaključio je Škoro* [<https://vijesti.hrt.hr/hrvatska/skoro-za-hrt-dao-sam-sve-sto-sam-mogao-ostavio-sam-srce-na-terenu-2404587>, дата доступа: 24.08.2021];

– *Ono što mogu reći je da su ljudi unutar gradske organizacije SDP-a dali sve od sebe, da smo ostavili dušu na terenu, dali smo svoj maksimum* [11, <http://www.index.hr/vijesti/clanak/buducnost-zagrebacke-politike-je-kvalitetna-oporba-ostojic-trebat-ce-nam-jako-jako-jako-puno-srece/681070.aspx>];

Brojne su vam utakmice već u nogama, ovo je samo još jedna, neka bude najbolja! Pouzdano znamo da ćete ostaviti srce na terenu jer drukčije ne znate. Vaši su profesori u mislima s vama i vatreno navijaju za svakoga od vas. Sretnooooo!!! [<https://gimnazijacakovec.hr/drzavna-matura-utakmica-pocinje/>, дата доступа: 24.08.2021].

С другой стороны, иногда меняется вторая часть оборота, указывающая на вид спорта, и таким образом фразеологизм как будто теряет прямую связь со спортом; сравн. пример употребления, в котором речь идет о танцевальной площадке:

Techno karneval: Partijaneri su ostavili srce na plesnom podiju Steela [<https://www.klubskascena.hr/recenzije/izvjestaji/techno-karneval-partijaneri-su-ostavili-srce-na-plesnom-podiju-steela-25022020>, дата доступа: 24.08.2021].

В некоторых случаях в контексте указывается на причину, основание совершения действия, на то, в чьих интересах совершается действие, выраженное фразеологизмом. Чаще всего речь идет о клубе, команде, сборной, родине:

Sretno našim curama i dečkima a na nama je da ih pratimo i bodrimo, poručujem im da ostave srce na terenu za svoju zemlju [11, <http://sportske.blogger.index.hr/post/poznat-draw-roland-garrosa/20857.aspx>];

Bravo za sve cure koje su bile u Vrbovskom i ostavile srce na terenu za svoj klub [11, <http://www.zrk-umag.hr/details.php?newsid=401>].

Интересно, что иногда в таких случаях фразеологизм употребляется в эллиптической форме, т. е. опускается вторая его часть, прямо связывающая его со сферой спорта. Сравн. пример употребления:

...u kojem navijači nisu rušili stadione i uprave nego navijali, u kojem igrači nisu trčali za parama nego su ostavljali srce za klub... [11, <http://www.split.com.hr/hr/news-detail/20071017-govornica-podrug-ljivo-o-smoji>].

Во время Чемпионата Европы по футболу, который состоялся в 2021 г., в разных СМИ следующим образом рекламировали пиво *Ožujsko: Ožujsko – Ostavi Srce za Hrvatsku!* В данном тексте соединяется любовь к родине, к сборной, к футболу с предполагаемой любовью к одному из хорватских сортов пива. Следовательно, пока сборная старается добиться успеха в футболе, болельщики пьют пиво и таким образом вносят свою лепту в желаемый результат.

В хорватском языке зафиксировано довольно много фразеологизмов с соматизмом *srce*. Оно, в отличие от мудрости разума, представляет собой центральную мудрость чувств [12, с. 121], оно является источником переживаний – не только любви, нежности, радости, удовлетворения, но и страха, боли, горя, обиды [12, с. 120–122; 13, с. 21–25]. Но до сих пор словарями не регистрируется фразеологизм, в котором сердце символизирует самоотверженность, самоотдачу, что переносится на значение целой единицы. С другой стороны, надо напомнить, что в хорватском языке уже давно используется другой оборот со значением ‘не щадить усилий, стараться изо всех сил’, но его употребление не ограничивается спортивной сферой, он включается в самые разные контексты. В его глубинной структуре предполагается, что кто-либо сделает все возможное, чтобы добиться наилучшего результата – *dati / davati sve*

od sebe. Он принадлежит нейтральному стилю, в нем не содержится никакого элемента книжности или пафоса.

4. Два новейших фразеологизма с компонентом *сердце* активно включаются и в тексты большинства других южнославянских языков; приводятся по два примера употребления сербских, словенских и македонских текстов):

– *Једна ствар је играти са срцем на терену, а друго је имати довољно квалитета да победиш титулу са +11* [<https://redstarbelgrade.rs/forum/index.php?topic=11970.120>, дата доступа: 24.08.2021];

Ponosna sam i čast mi je što sam deo ovog tima koji je u Londonu ostavio srce na svakom terenu. Hvala što ste došli da proslavimo ovo moju i srpsku 100. medalju [http://stranac.net/html/_docek_srpskih_olimpijaca.html, дата доступа: 24.08.2021];

Ko gre za derbi, ga je treba igrati s srcem. Želim videti odziv moštva po dosedanem skupnem delu in derbi pomeni pravo priložnost, «pravi trener vijoličastih Mauro Camoranesi [<https://mariborinfo.com/novica/sport/foto-in-video-vecni-derbi-brez-gledalcev-a-maribor-obljublja-igro-s-srcem/338864>, дата доступа: 24.08.2021];

Tam je slovenska nogometna reprezentanca ponovno puščala srce na igrišču, še več, v celoti gledano je bila dejansko boljša ekipa, vendar pa niti prvo niti drugo ni zadostovalo za tri točke [<https://www.dnevnik.si/104225700>, дата доступа: 24.08.2021];

Малиот Сантос не дозволува забавуваните гаќи на минувачите да го нервираат и да си игра со срцето [<https://mk.scribaltculture.org/130-cute-ocelot-kitten-is-playing-with-valentine-heart.html>, дата доступа: 24.08.2021];

Калин Ивановски загуби на Вимблдон, но и повреден го остави срцето на терен! [<https://sport1.mk/bozhem-mali/tenis/kalin-ivanovski-zagubi-na-vimbldon-no-i-povreden-go-ostavi-srceto-na-teren>, дата доступа: 24.08.2021].

Их значение и компонентный состав полностью соответствуют хорватским оборотам, в них тоже в зависимости от вида спорта меняется вторая часть фразеологизма, эквивалентного по отношению к хорватскому, *ostaviti / ostavljati srce na terenu (parketu, travnjaku, ledu* itd.).

5. Что можно сказать в заключение? В работе показано использование полных фразеологических эквивалентов с компонентом *сердце* в части южнославянских языков и культур. Несмотря на факт, что речь идет о довольно узкой сфере употребления, сразу бросается в глаза универсальный подход к спортивной игре, к мотивации, к самоотдаче спортсменов и / или команды. Интересным кажется и то, что идентичный подход к спортивной игре виден и в английских оборотах (хотя там немножко иной образ в глубинной структуре), которые вполне вероятно до определенной степени оказали влияние на формирование оборотов в части южнославянских языков. Можно предположить, что такие или подобные обороты встречаются и в других европейских языках и культурах, что такая универсальность подтверждается и шире.

Список использованных источников

1. Голубев, Д. А. Лингвокультурный концепт «героизм» в русской и английской языковых картинах мира : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Д. А. Голубев; Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского. – Ярославль, 2008. – 23 с.

2. Большой толковый словарь русского языка : А–Я / РАН. Ин-т лингв. исслед.; сост., гл. ред. канд. филол. наук С. А. Кузнецов. – СПб. : Норинт, 1998. – 1534 с.

3. Anić, V. Veliki rječnik hrvatskoga jezika / V. Anić; Novi Liber. – Zagreb, 2003. – 1881 s.

4. Rječnik hrvatskoga jezika / J. Šonje (gl. ur.); Leksikografski zavod Miroslav Krleža i Školska knjiga. – Zagreb, 2000. – 1450 s.

5. English Idioms [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://englishidiomsblog.blogspot.com/2010/08/leaving-it-all-on-field.html>. – Дата доступа : 11.08.2021.

6. A Way with Words. A fun radio show and podcast about language examined through family, history, and culture [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://www.waywordradio.org/leave_everything_on_the_field/. – Дата доступа : 11.08.2021.

7. 'Leaving Everything on the Field,' From Sports to Politics. Two presidents use a phrase that sometimes causes confusion [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.wsj.com/articles/leaving-everything-on-the-field-from-sports-to-politics-1490972994>. – Дата доступа : 11.08.2021.

8. Hrnjak, A. Sportska konceptualna metafora u hrvatskoj i ruskoj “političkoj” frazeologiji / A. Hrnjak // Язык на перекрестке культур. Международный сборник научных трудов по лингвокультурологии ; под ред. Е. Е. Стефанского. – Самара. – 2007. – S. 78–82.

9. The Free Dictionary by Farlex [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://idioms.thefreedictionary.com/play+their+hearts+out/>. – Дата доступа : 11.08.2021.

10. Off Book: The Improvised Musical Podcast Wiki [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://offbook.fandom.com/wiki/Leaving_Your_Heart_on_the_Field. – Дата доступа : 11.08.2021.

11. hrWaC – Croatian web corpus [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://nlp.ffzg.hr/resources/corpora/hrwac/>. – Дата доступа : 24.08.2021.

12. Kovačević, B. Hrvatski frazemi od glave do pete / B. Kovačević. – Zagreb : Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje, 2012. – 381 s.

13. Hrnjak, A. Frazemi s komponentom *srce* u hrvatskoj i ruskoj frazeologiji / A. Hrnjak // Riječ. – 2005. – № 2. – S. 20–27.

Abstract. The paper deals with the English sports idioms *leave everything (it all) on the field (on the court, on the ice, on the floor, in the ring, in arena, etc.)*, *play one's heart out* and the corresponding Croatian expressions *ostaviti sve na terenu (parketu)*, *igrati sa srcem*, *ostaviti / ostavljati srce na terenu (parketu, travnjaku, ledu* itd.). The use of similar expressions with a somatic code in other South Slavic languages is noted.

Keywords: sports idiom, semantic field “selflessness”, somatic component, calque, contamination.

УДК 811.161.1'42'221.2:398.92:811.91'42'221.2:398.92

Чан Тхи Суен

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ, ОБОЗНАЧАЮЩИЕ МИМИЧЕСКИЕ И ЖЕСТОВЫЕ ЗНАКИ КОММУНИКАЦИИ, В РУССКОМ И ВЬЕТНАМСКОМ ЯЗЫКАХ

Аннотация. В статье рассматриваются русские и вьетнамские фразеологизмы, обозначающие мимические и жестовые знаки коммуникации. Выявлены их структурно-грамматические, семантические особенности, соотношение по степени эквивалентности.

Ключевые слова: фразеологизм, жест, мимика, эквивалентные фразеологизмы, безэквивалентные фразеологизмы.

Фразеологизмы являются неотъемлемой частью любого языка и отражают жизнь человека, особенности характера, его физическое и эмоциональное состояние. Мимика и жесты, отражающие различные эмоции и реакции людей, находят свое словесное выражение во фразеологизмах. Изучение данных фразеологических единиц (далее – ФЕ) поможет установить общие и отличительные черты, присущие сопоставляемым языкам, а также выявить особенности национальной культуры и восприятия мира русским и вьетнамским народами, что является одной из актуальных проблем современной лингвистики.

Цель нашего исследования – сопоставить русские и вьетнамские фразеологизмы, обозначающие мимические и жестовые знаки коммуникации, выявить их структурно-грамматические, семантические особенности, соотношение по степени эквивалентно-

сти. Объектом изучения в данной статье являются фразеологизмы русского и вьетнамского языков, обозначающие невербальные знаки коммуникации. Предмет исследования – структурно-грамматические, семантические, культурно-языковые особенности фразеологизмов, обозначающих невербальные знаки коммуникации, в русском и вьетнамском языках.

Толкование фразеологии в широком понимании содержится в трудах как русских, так и вьетнамских ученых: В. В. Виноградова [1], Н. М. Шанского [2], Nguyễn Lực [3], Nguyễn Lâm [4], Nguyễn Tùng Cường [5] и других. Под кинетическими фразеологизмами русского языка понимаются «семантические дериваты» [6, с. 269] собственно жестов, мимики, поз, манеры движения; обороты, представляющие собой совмещенную омонимию, когда выражение может одновременно употребляться и в прямом, и в переносном смысле, т. е. называть существующий в культуре жест, позу и т. п. и выступать в качестве фразеологизма.

Фразеологизмы данной группы имеют одинаковое значение. Параллелизм наблюдается в одинаковом переосмыслении носителями двух языков психологического и физического состояния человека. **Полные эквиваленты** – это русские и вьетнамские фразеологизмы, имеющие одинаковое или сходное значение, внутреннюю форму, соотносительные структурно-грамматические и стилистические характеристики. Сравн.: ФЕ, которые имеют сравнительную структуру и описывают страх или волнение человека: 1) в рус.: *Бледный как полотно*; во вьет.: *Mặt trắng như vải liệm* (букв.: лицо бледное, как полотно); 2) в рус.: *Ни (без) кровинки в лице*; во вьет.: *Mặt cắt không còn giọt máu* (букв.: без кровинки в лице). Их полные эквивалентные фразеологические варианты и синонимы: 3) рус.: *Бледный как мертвец*; во вьет.: *Trắng như xác chết* (букв.: бледный как мертвец); 4) рус.: *Бледный как покойник*; во вьет.: *Trắng như người hết* (букв.: бледный как покойник). Другие примеры ФЕ, которые являются полными эквивалентами: 1) в рус.: *Совать палки в колёса*; во вьет.: *Chọc gậy bánh xe* (букв.: совать палки в колёса) обозначают ‘намеренно мешать кому-либо в каком-либо деле, в осуществлении чего-либо’; 2) в рус.: *Связывать по рукам и ногам*; во вьет.: *Bó tay bó chân* (букв.: связывать по рукам и ногам) – ‘лишать возможности свободно действовать, поступать как-либо’.

Частичные эквиваленты – это фразеологизмы, которые имеют одинаковое значение, но существенно различаются составом лексических компонентов: 1) в рус.: *Смотреть сквозь пальцы*; во вьет.: *mắt nhắm mắt mở* (букв.: один глаз открыт, другой закрыт) означают ‘намеренно не обращать внимания на что-либо, умышленно не замечать ничего предосудительного в чём-либо’; 2) в рус.: *Глазом не моргнуть* – ‘ничуть, нисколько не задуматься, не поколебаться, вести себя спокойно’; во вьет.: *Bình chân như vại* (букв.: Ноги спокойные, как корчага); 3) в рус.: *Глазом моргнуть не успел* – ‘быстро произошло что-либо, что не успел осознать, отреагировать’; во вьет.: *Nhanh như chớp* (букв.: быстро, молниеносно, будто моргнуть; имеется два слова *chớp* – омонимы ‘моргнуть глазом’ и ‘молния’); 4) в рус.: *Рвать на себе волосы* – ‘испытывать сильную досаду на себя, приходить в отчаяние или открыто проявлять свое горе от утраты кого-л., чего-л., когда человек старается найти выход’; во вьет.: *Vò đầu bứt tóc* (букв.: трепать голову, рвать волосы) и его вариант: *Vò đầu bứt tai* (букв.: трепать голову, рвать уши) имеют одинаковое значение; 5) во вьетнамском языке есть фразеологизм: *Khóc dở mếu dở / dở khóc dở cười* (букв.: и смех и плач), это выражение лица указывает на состояние человека, когда ему одновременно и смешно, и грустно; этот фразеологизм эквивалентен русскому устойчивому выражению *И смех и грех*; 6) в рус.: ФЕ-позы *Сидеть сложа руки* значит ‘ничего не делать’; его частичный эквивалент во вьет.: *Ăn không ngồi rồi* (букв.: только сидеть и кушать) или *Há miệng chờ sung* (букв.: откройте рот, дождитесь инжира (на юге Вьетнама инжир – один из традиционных фруктов для украшения новогоднего алтаря)); 7) в рус.: *Высоко держать нос / высоко*

нести нос / задирать нос – значит ‘зазнаваться, становиться высокомерным’; его частичные эквиваленты во вьет.: *Lên mặt dạy đời* (букв.: задирать лицо, учить жизни) / *lên mặt với đời* (букв.: задирать лицо к жизни); 8) в рус.: *Пускать пыль в глаза* – ‘создавать ложное представление о себе, обманывать’; во вьет.: *Che mắt thiên hạ* (букв.: закрывать глаза людей) или *Một tay che trời* (букв.: одной рукой закрывать небо); 9) в рус.: *Дрожать как осиновый лист / дрожать как заяц* – произносятся, когда ‘кто-то сильно дрожит от страха, волнения или ужаса’; их эквиваленты во вьет.: *Run như cầy sấu* (букв.: дрожать как собака / цветы / виверры (род азиатских хищных млекопитающих)); 10) в рус.: *Писать (ногами) вензеля / выделять кренделя* – говорится насмешливо ‘о человеке, который идет нетвердым шагом, шатаясь, заплетающейся походкой или передвигается зигзагами’; во вьет.: *Chân nam đá chân chiêu* (букв.: правая нога ударит левую ногу) – ФЕ описывает позу пьяного или спешащего, а также неуклюжего, того, кто ходит неаккуратно; 11) в рус.: *Умывать руки*; во вьет.: *Rửa tay gác kiếm* (букв.: умывать руки, положить меч) – обозначают ‘отказываться от продолжения участия в каком-то деле’; 12) Намекать или говорить о смерти: в рус.: *Протянуть ноги*; во вьет.: *Nắm mắt xuôi tay* (букв.: закрывать глаза, протянуть руки) или *Hai tay buông xuôi* (букв.: протянуть две руки); 13) в рус.: *Показать спину* – ‘убегать, обращаться в бегство или уйти от кого-либо, не желая разговаривать с кем-либо’; ‘отвернуться от кого-либо, уходить, выражая невнимание, равнодушие, пренебрежение’; во вьет.: *Ngo ánh mắt làm ngo* (букв.: равнодушно повернуть лицо) имеет эквивалентное значение; ФЕ, близкая по форме предыдущей: *Vạch áo cho người xem lưng* (букв.: снимать рубашку, показать спину), имеет другое значение: ‘честно, откровенно говорить с кем-либо’.

Безэквивалентные фразеологизмы обозначают мимические и жестовые знаки коммуникации, не имеющие соответствий по значению в сопоставляемых языках. В нашем случае это ФЕ, имеющиеся только во вьетнамском или только в русском языке. Сравн.: 1) в рус.: *Глаза на лоб лезут / полезли* – передает состояние удивления, недоумения; во вьет.: *Mắt để lên trán* (букв.: положить глаза на лбу) используется для того, чтобы ругать кого-то, когда он не видит / не нашел чего-то, что его глаза находятся не на месте, что человек не умеет пользоваться своими глазами (синоним: *Mắt để sau gáy* (букв.: положить глаза за затылок); 2) в рус.: *Бить себя в грудь* – ‘клятво-венно, эмоционально уверять кого-то в чём-либо, каяться’, то есть знак раскаяния; во вьет.: *Võ ngực tự hào* (букв.: гордо хлопать в грудь) или *Võ ngực xưng tên* (букв.: хлопать в грудь, назвать свое имя) – обозначает гордость, высокомерие, чванство, значение этой ФЕ похоже на значение пословицы *Руки в боки, глаза в потолок* (‘о гордой позе, подбоченясь’) в русском языке; 3) в рус.: *Упасть (в чьих-л.) глазах* – ‘оскандальиться, опозориться, скомпрометировать себя’; *Сесть в калошу / Сесть в лужу* – ‘потерпеть неудачу, оказаться в неловком, смешном положении’; эти фразеологизмы не имеют эквивалентов во вьетнамском языке. Безэквивалентную ФЕ *Упасть (в чьих-л.) глазах* вьетнамцы могут понять наоборот: ‘кто-то хорошо относится к кому-то’ или ‘кто-то занимает у кого-то главное положение или получает знаки внимания’.

Безэквивалентные ФЕ, существующие только в русском языке: 1) *Вешать голову / вешать нос* – ‘расстраиваться, приходить в уныние, отчаяние, испытывать душевное волнение’; 2) *Вешать лапшу на уши / стирать очки* – ‘обманывать’; 3) *Посмеиваться в бороду / посмеиваться в кулак* – ‘смеяться тихо и незаметно, стараясь скрыть смех’; 4) *Строить глазки* – ‘смотреть на кого-либо кокетливо, игриво’; 5) *Развесить уши* – ‘слушать с чрезмерным увлечением, доверчивостью’; 6) *После драки кулаками махать* – ‘не оставлять события в покое после его завершения’.

Безэквивалентные ФЕ, существующие только во вьетнамском языке: 1) *Mặt như chàm đỏ* (букв.: лицо было тёмно-синим, как налитое индиго); 2) *Mặt vàng như nghệ* (букв.: лицо жёлтое, как куркума) – передают страх, ужас; 3) *Chi*

tao năm ngón (букв.: указывать пятью пальцами) – о том, кто приказывал другим делать что-либо, в то время как сам устранился; 4) *Đầu mày cuồi mắt* (букв.: глаза на кончике бровей) – любовный взгляд друг на друга, косвенно выражающий привязанность друг к другу; 5) *Vắt chân lên cổ* (букв.: повесить ноги на шею) – описывает очень торопливую походку.

Имеются безэквивалентные ФЕ, перевод которых с русского языка на вьетнамский с помощью фразеологизмов затруднен. Например: 1) *Выкидывать кренделя* – ‘азартно, весело, с увлечением плясать, танцевать’. Говорится о том, кто, танцуя, делает необычные, причудливые па, фигуры [7, с. 79]; 2) *Держать руки по швам, голову в кармане* – ‘вытянуться по стойке смирно, прижав к туловищу руки, испытывать чувство полной подчиненности, покорности, приниженности или дрожать, трепетать’. Употребляется как осуждение покорности, приниженности, подхалимства [7, с. 122]; 3) *Ходить (смотреть) фертом* – когда человек ставит ладони на пояс, он напоминает собой букву «Ф». Сочетания *руки фертом, стоять фертом* вариативны сравнительной конструкции *как ферт*. Это выражение устаревшее, так говорится иронически о самодовольном человеке, который своим поведением обнаруживает преувеличенное представление о самом себе, держится высокомерно, гордо [7, с. 164]. 4) *Бежать высунув язык* – ‘бежать очень быстро, на пределе сил; 5) *Сбиться с ног* – ‘очень устать от беготни, хлопотать до изнеможения’.

Имеются также безэквивалентные ФЕ, перевод которых с помощью ФЕ затруднен с вьетнамского языка на русский. Например: 1) *Mặt la mày lét* – мимический фразеологизм, описывающий взгляд без улыбки, направленный прямо, неуклюже, неприлично; 2) *Phùng mang trợn má / phùng mang trợn mắt* – ‘выражение лица, передающее гнев, угрозу’; 3) *Mặt sưng mày xĩa / Mặt lưng mày vức* – ‘гневное выражение лица’; 4) *Mặt ủ mày châu* – ‘грустное, печальное выражение лица’; 5) *Xỏ dùi lỗ mũi / xỏ chân lỗ mũi* – ‘воспользоваться эмоциональным выражением лица и жестом, которые заставляют другого человека делать то, что мы хотим’. Чаще всего безэквивалентные ФЕ непереводаемы с русского языка на вьетнамский и с вьетнамского на русский язык из-за отсутствия во вьетнамской и русской картинах мира понятий, реалий, представлений, составляющих образную основу этих устойчивых сочетаний.

Выводы. Проведенный нами анализ показал, что у большинства русских мимических и жестовых ФЕ имеются частичные эквиваленты во вьетнамском языке. Это объясняется тем фактом, что мимика и жесты, лежащие в их основе, универсальны, а их значения сходны в рассматриваемых лингвокультурах. Несовпадение значений части фразеологизмов русского и вьетнамского языков можно объяснить тем, что, как и все народы, вьетнамцы и русские имеют свой менталитет, свое представление о жизни, свое мировоззрение и традиции. С точки зрения грамматической структуры анализируемых фразеологизмов (по соотнесенности с той или иной частью речи), в обоих языках преобладают глагольные ФЕ, гораздо меньше выявлено ФЕ адъективных. Фразеологизмы, обозначающие мимические и жестовые знаки коммуникации, во вьетнамском языке, по сравнению с русскими фразеологизмами, часто имеют симметрическую парную структуру, строятся преимущественно за счет ритма, рифмы, различаются степенью выраженности того или иного признака.

Значения слов по объему в русских ФЕ и их вьетнамских соответствиях могут не совпадать, а поэтому при переводе нужно исходить из контекста. Нередко вьетнамские переводчики переводят русские фразеологизмы словом или словосочетанием.

Список использованных источников

1. Виноградов, В. В. Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины / В. В. Виноградов // Избранные труды. Лексикология и лексикография. – М.: Наука, 1977. – С. 118–139.

2. Шанский, Н. М. Фразеология современного русского языка / Н. М. Шанский. – М. : Высш. шк., 1985. – 160 с.
3. Nguyễn, Lục Thành ngữ Tiếng Việt / Lục Nguyễn, Văn Đăng Lương. – Hà Nội : NXB Khoa học xã hội, 2004. – 842 с.
4. Nguyễn, Lân. Từ điển thành ngữ và tục ngữ Việt Nam / Lân Nguyễn. – Hà Nội : NXB Dân trí, 2017. – 450 с.
5. Nguyễn, Tùng Cương. Tục Ngữ Nga Và Các Đơn Vị Tương Đương Trong Tiếng Việt / Tùng Cương Nguyễn. – Hà Nội : NXB Đại Học Quốc Gia, 2004. – 260 с.
6. Козеренко, А. Д. Тело как объект природы и тело как объект культуры / А. Д. Козеренко, Г. И. Крейдлин // Фразеология в контексте культуры. – М. : Яз. рус. культуры, 1999. – С. 269–277.
7. Фелицына, В. П. Русские фразеологизмы. Лингвострановедческий словарь / В. П. Фелицына, В. М. Мокиенко ; Ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина ; под ред. Е. М. Верещагина, В. Г. Костомарова. – М. : Русский язык, 1990. – 220 с.

Abstract. The article is devoted to the study of Russian and Vietnamese phraseological units. There are revealed their structural, grammatical, semantic features, the ratio of the degree of equivalence.

Keywords: phraseological unit, gesture, facial expressions, equivalent phraseological units, non-equivalent phraseological units.

УДК 811.161.1'42:070:398.91

О. В. Ширяева

ПОСЛОВИЦА И ТРАДИЦИОННЫЕ ПЛАСТЫ ЯЗЫКОВОЙ КУЛЬТУРЫ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ДЕЛОВОМ МЕДИАДИСКУРСЕ

Аннотация. В современном деловом медиадискурсе наблюдается взаимодействие двух тенденций в отношении русских пословиц: традиционного функционирования пословиц как составляющей речи автора или других субъектов речи и дистанцирования по отношению к традиционной языковой культуре через вовлечение в языковую игру, оспаривание и восприятие с внешней позиции.

Ключевые слова: медиадискурс, деловой медиадискурс, медиатекст, пословица, традиционная языковая культура.

Современный деловой медиадискурс демонстрирует довольно разнообразные способы и формы инкорпорации пословиц как традиционного пласта языковой культуры. При этом целостное рассмотрение функционирования пословиц в современном деловом медиадискурсе, по всей видимости, одновременно отражает различные фазы динамики национального сознания и самосознания.

Прежде всего, пословицы в деловом медиадискурсе используются в их канонической форме, то есть в качестве общеизвестной обобщенно-безличной сентенции, которая позволяет осмыслить ситуацию и дать ей оценку. Вряд ли можно утверждать, что авторы и, шире, субъекты речи современного медиадискурса часто прибегают к паремическим единицам, однако анализ показывает, что такое обращение осуществляется достаточно регулярно. Пословица с этой точки зрения – неотъемлемая составляющая речи журналиста.

Функции, которые выполняют пословицы в речи журналиста, довольно многочисленны, и объем статьи не позволяет рассмотреть их подробно. Поэтому ограничимся лишь некоторыми из этих функций. Прежде всего, это функция начала текста. Так, статья, посвященная истории Санкт-Петербурга, открывается пословицей *Москва создавалась веками, а Петербург – миллионами, – гласит старинная пословица* («Ком-

мерсантъ Деньги», приложение №19 от 03.06.2021, с. 83). В статье, посвященной общей неэффективности мер Центробанка, направленных на борьбу с мошенничеством, ее автор Максим Буйлов использует поговорку в заключительном абзаце: *Хотя, как говорится, «вода камень точит». Вот только вопрос, достаточно ли быстро это происходит с учетом современных технологий на вооружении мошенников?* («Коммерсантъ», №32, 25.02.2021, с. 7).

В связи с этим хотелось бы обратить внимание на то, что актуализация поговорки в деловом медиадискурсе очень часто сопровождается вводными фразами вроде тех, которые фигурируют в только что приведенных примерах: *как говорится, как принято говорить, как гласит поговорка* и т. п. Пословицы также довольно часто приводятся в кавычках (даже тогда, когда это не требуется правилами пунктуации). Такое маркирование явно свидетельствует о том, что авторы намеренно подчеркивают обращение к арсеналу общеизвестных истин, получивших устойчивое языковое закрепление. По всей видимости, авторы таким образом стремятся отделить собственную речь от того, что они, по их мнению, заимствуют из общего арсенала. Возможно, это свидетельствует об определенном дистанцировании по отношению к традиционному пласту речевой культуры – явлению, к которому мы еще вернемся.

Пословицы как элемент прямой речи обладают особым статусом, поскольку они характеризуют не только медиадискурс, но и другие дискурсы, которые прямая речь репрезентирует. Как показывает материал, это преимущественно дискурс политический (речь политических деятелей), экспертный дискурс (речь экспертов), а также речь интервьюируемых, которые не являются участниками политического или экспертного дискурса, сравн.: *Порошенко выразил уверенность, что переговоры с Мэттисом, который, по его словам, является большим другом Украины, будут иметь «чрезвычайно важное значение для укрепления обороноспособности нашего государства, потому что в беде познаются настоящие друзья»* (Глава Пентагона прилетел в Киев в День независимости Украины // РБК, 23.08.2017); *«Нельзя вести дела в мире путем ультиматумов и санкций, принуждая другие страны к какому-то поведению, которое от них ожидают. У нас есть поговорка – насильно мил не будешь. США, к сожалению, эту поговорку не выучили и действуют с противоположных позиций», – поддержал китайских коллег глава МИД РФ Сергей Лавров, находившийся на этой неделе с визитом в КНР* (Дудина Г. Китай не оставил уйгурский вопрос без ответа // «Коммерсантъ», 26.03.2021).

В этом отношении особенно показателен следующий пример: *Открывая новую площадку, председатель совета директоров Электроцит Самара Йохан Вандерплате напомнил русскую поговорку «Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать» и выразил уверенность, что именно такая форма демонстрации достижений предприятия является самой удобной для партнеров и заказчиков* (Презентация цифровых решений // «Коммерсантъ Волга», 22.07.2021). Русскую поговорку употребляет иностранец, который, будучи носителем иной языковой культуры, проявляет свое знание культуры страны, в которой он работает, и тем самым демонстрирует включенность в эту культуру, приверженность к ней. Ситуация, представленная в дискурсе, не только фиксирует факт, являющийся элементом новостного события, но и иллюстрирует речевую стратегию, при помощи которой субъект вписывает себя в культурный контекст.

Другая характерная черта – актуализация паремических единиц, которые можно было бы назвать профессиональными: *У энергетиков есть поговорка: когда о нас не вспоминают – это лучшая оценка нашей работы* («Коммерсантъ С-Петербург», приложение № 110 «Энергетика», 29.06.2021, с. 20, заголовок); *– Вы знаете, у нас на мехмате была прекрасная поговорка, что ты учишься не в аудиториях, а в коридорах* (Кудрявцева Е. «Наша математика была абсолютно чемпионской»: Ректор «Сколтеха» Александр Кулешов рассказывает, как участвовал в предыдущем математическом кон-

грессе на российской территории // «Коммерсантъ Наука», 23.06.2021, №23, с. 9). Не будучи достоянием национальной языковой культуры, такие пословицы характеризуют отдельные социальные группы.

Особую роль пословицы играют в заголовках медиадискурса, где пословицы могут выступать в исходном, каноническом виде, сравн. заголовок статьи Л. Сухаревой «Клин клином вышибают» (Эксперт, 2006, №36 (92), заголовок), заголовок «Лес рубят – щепки летят» («Коммерсантъ. Юридический бизнес», №225, 8.12.2020, с. 8, заголовок). Использование хорошо знакомой пословицы обычно ничего не сообщает об описываемых событиях и лишь задает своего рода пространство возможных тем, поскольку пословица может соотноситься с содержанием публикации разными способами (само по себе желание выяснить, каким образом пословица соотносится с содержанием текста, уже может служить для читателя мотивом, подталкивающим к ознакомлению с текстом). Благодаря ясности своего смысла известная пословица, во-первых, привлекает читателя, а во-вторых, может выступать в качестве подготовки к восприятию темы.

В отдельных случаях пословицы подвергаются трансформации, в частности, сокращению. В качестве примера можно привести заголовок статьи С. Гуриева и О. Цывинского «Яблоко от яблони» (Ведомости, 24.05.2011, заголовок), в которой рассматриваются корни материального неравенства в современном российском обществе. В той же газете мы находим статью, в которой тот же фрагмент пословицы «Яблоко от яблони» используется в качестве подзаголовка (Авшалумова Р. Сколько можно заработать на детских шоу // Ведомости, 07.07.2013, подзаголовок).

Уже последний пример показывает, что пословица в медиатексте не всегда выступает в полном каноническом виде. В только что приведенных примерах мы имеем дело с эллипсисом, который вполне легко восстанавливается по смыслу. С другой стороны, пропуск сказуемого с обстоятельством (*не далеко падает*) несколько меняет смысл выражения, акцентируя не столько преемственность между поколениями, не столько наследование потомками того, что принадлежало их предкам или характеризовало последних, сколько сам момент сходства. Выражение *яблоко от яблони* равнозначно выражениям *сын / дочь / ребенок своих родителей, папин / мамин сын (папина / мамина дочь)* и близких к ним по смыслу.

Другая форма трансформации пословицы, связанная с отказом от ее канонической формы, – это использование лежащего в основе пословицы образа для осмысления некоторой ситуации, что ведет к своего рода «синтаксическому распаду» паремии, при котором все или отдельные элементы пословицы используются в ином синтаксическом контексте. Что касается первого элемента (осмысление текущей ситуации), то он совершенно естествен. Внимания заслуживает процесс «распада» пословицы и интеграции ее фрагментов в авторский текст или речь героя публикации.

Если судить по исследованному материалу, по-видимому, далеко не все пословицы располагают к такой трансформации с последующей инкорпорацией в текст. Более того, есть основания предполагать, что для некоторых пословиц такая судьба более характерна. В качестве примера можно привести пословицу *В чужой монастырь со своим уставом не ходят*. Остановимся на двух случаях использования этой пословицы, сопровождающихся ее «синтаксическим распадом».

Первый пример – фраза второстепенных участников событий, описываемых героиней интервью: *Мне сказали: «Светлана Владимировна, вы откуда приехали со своим уставом в чужой монастырь? Вы что, у нас революцию собрались делать? Нас все устраивает, у нас и у наших детей ипотеки»* (РБК, 7.07.2015). Исходная пословица применяется к описываемой ситуации непосредственно, что влечет за собой смысловые и синтаксические трансформации вплоть до ее использования в контексте вопросительного высказывания. Замена глагола *ходить* глаголом *приехать* не кажется существенной, однако введение вопросительного местоименного наречия (*вы откуда прие-*

хали?) довольно неуловимым образом меняет смысл описываемой ситуации, возможно, намекая на типичные ситуации, описываемые другими фразеологическими единицами (сравн. *вы что, с Луны свалились?*).

Второй пример – это фраза, высказанная политиком, который оценивает действия другого политика: *Он лезет со своим уставом в чужой монастырь, при этом устав не очень хороший* (РБК, 23.08.2011). Прежде всего, исходная поговорка также утрачивает свою сентенциальную обобщенно-безличную форму и трансформируется таким образом, что становится описанием подразумеваемого действия другого человека; фактически это равнозначно обвинению другого человека в нарушении неформальной нормы, закрепленной моральной традицией. Замена глагола *ходить* глаголом *лезть* кажется вполне естественной, поскольку исходная поговорка по сути сообщает о вмешательстве в чужие дела с чуждыми стандартами, то есть действия агрессивном. Обращает на себя внимание часть, которая добавляется к ситуации, присутствующей в исходной поговорке. Мы имеем в виду характеристику «устава», который оказывается не только «чужим», но еще и «не очень хорошим». Смысл исходной поговорки расширяется, дополняется новым смысловым элементом, который в исходной, канонической поговорке отсутствует и вряд ли подразумевается. Примирительный характер канонической поговорки, неявно подразумевающей, что все «уставы» хороши и имеют право на существование, если люди не навязывают свои правила друг другу, сменяется конфронтацией, которая выражается как скептическая, негативная оценка навязываемых правил.

Конечно, такие случаи, скорее всего, можно было бы писать как процесс образования на основе поговорок фразеологических единиц. Однако представляется, что это не исчерпывает всей проблематики, связанной с подобными примерами. Прежде всего, нуждается в более тщательной проверке гипотеза о том, что некоторые поговорки более располагают к подобного рода трансформациям (наш материал это скорее подтверждает). Во-вторых, если это предположение верно, необходимо объяснить, по каким формальным и смысловым причинам некоторые поговорки больше подвержены таким трансформациям. Наконец, в-третьих, внимания заслуживают формы лексических, морфологических, синтаксических трансформаций, которым в таких случаях подвергаются поговорки.

Еще более сильное искажение поговорок происходит при их обыгрывании, что особенно характерно для ситуаций, когда поговорка берется в качестве основы для заголовка.

Хотя мода на яркие, игровые заголовки, привлекающие внимание читателя и ставящие перед ним своего рода загадку или головоломку, характерна для разных СМИ, особенно яркие примеры мы находим среди публикаций газеты «Коммерсантъ», сравн.: *Дорога – ложка к обеду* (Газета «Коммерсантъ» №175 от 22.09.2016, с. 1) – заголовок новостного материала, посвященного заседанию президентского совета, на котором обсуждались проблемы дорожного строительства; *Сумма не воробей* (Газета «Коммерсантъ» №37 от 04.03.2016, стр. 2) – заголовок статьи о представленном Центробанком РФ проекте развития финансовых рынков в России, в котором не обозначены целевые количественные показатели, и т. д.

В этом отношении представляет интерес сопоставление того, как обыгрывается одна и та же поговорка в заголовках разных статей. В качестве примера можно привести заголовки статьи, посвященной чемпионату четырех континентов по фигурному катанию в столице Южной Кореи, *Не все то золото, что блестит в Сеуле* (заголовок, Коммерсантъ, 09.02.2020), и статьи о конфликте вокруг Итакинского золоторудного месторождения *Не все то прииск, что блестит* (Коммерсантъ, «Юридический бизнес». Приложение №34 от 26.02.2020, стр. 7, заголовок). В первом примере поговорка *Не все то золото, что блестит* дополняется названием города, во втором примере существи-

тельное *золото* в пословице заменяется другим существительным *прииск*, связанным с ним ассоциативно.

В обоих случаях имеет место переосмысление пословицы, и трансформации путем добавления или замены слов только подчеркивают это, нарушая ожидания и как бы готовя читателя к тому, что понимать смысл пословицы привычным образом не следует. Если в канонической пословице имеется в виду золото как драгоценный металл, то в заголовке *Не все то золото, что блестит в Сеуле* под словом *золото* следует понимать золотую медаль, выигрываемую на чемпионате, то есть слово используется в смысле, получившем закрепление в узусе и даже фиксируемом в словарях ('о высшей награде в соревновании, конкурсе, медали из этого металла' [1, с. 369]).

В заголовке статьи *Не все то прииск, что блестит*, содержание которой, несомненно, имеет отношение к золоту, замена слова изначально готовит читателя к тому, что речь пойдет о золотодобыче, то есть о золоте как природном ископаемом и объекте бизнеса. Между содержанием пословицы и содержанием публикации можно найти соответствие: в описываемом конфликте одна из сторон, как указывается в статье, потеряла интерес к доведению сложной сделки до конца, а пословица *Не все то золото, что блестит* в обычном случае интерпретируется как утверждение о том, что не всякая внешне привлекательная вещь является действительно ценной. Смыслы «утрата интереса» и «осознание отсутствия ценности» могут служить своего рода «общим знаменателем» для смысла пословицы и сути описываемой ситуации.

Особым статусом обладает полемика с пословицами, их критическое переосмысление, которые могут принимать довольно сложные формы. Примером прямой полемики может служить следующий пример – реплика героя интервью: – *Жизнь вообще борьба: либо ты, либо тебя. «Тише едешь – дальше будешь»*, – *эта пословица не актуальна. Нужно постоянно поддерживать тот кайф, который присутствует и присутствовал. И да, иначе он начинает угасать. Это аксиома. Элементарно* (Лавринович Н. «У меня все хорошо, спасибо психоаналитику». Вася Васин о новом альбоме «Кирпичей», любви к Майку Науменко, side-проектах и возрасте // Коммерсантъ. Санкт-Петербург. 15.06.2021). Стоит обратить внимание на то, что герой интервью практически полностью отрицает верность или уместность этой пословицы, полагая, что она не соответствует жизни современного человека.

Особый случай представляет еще один пример: в статье, посвященной советской идеологии (Бутрин Д. Что написано на заборе: Источники, стоимость, побочные эффекты и последствия советских лозунгов // «Коммерсантъ Weekend», № 23, 09.07.2021, с. 8), русская пословица *Хлеб – всему голова* критически осмысливается не сама по себе, а в качестве элемента дискурса советской пропаганды. Сама пословица и, в частности, ее верность автором не критикуется (хотя он высказывает сомнение в том, является ли эта пословица аутентичной или литературной) – объектом критической «атаки» становится именно ее эксплуатация советской пропагандой. Для объяснения актуализации этой пословицы в рамках пропаганды автор ссылается на такие факты, как относительная скудость рациона советского человека, которая делала бессмысленной еду без хлеба, дешевизна хлеба, из-за которой этот продукт питания использовали не по назначению (например, для кормления свиней в частных хозяйствах), и общее снижение субъективной ценности хлеба в сознании советских людей.

Наконец, следует отметить дистанцирование от пословицы и ее смысла. Это происходит в контексте, который можно было бы назвать научным; поскольку речь идет о медиадискурсе, правомерно говорить о научно-популярном контексте.

Рассмотрим в качестве примера фрагмент из развернутой статьи, посвященной такому символу главного российского праздника, как Новый год: *в нашей стране ель, по мнению многих отечественных мифологов, традиционно воспринималась как дерево смерти: еловыми ветками выстилался путь, по которому шла похоронная процессия,*

их бросали на гроб в могилу, а на зиму прикрывали ее еловыми лапами. Пословица «Венчали вокруг ели, а черти пели» указывает на родство мифопоэтического образа с нечистой силой (Петухова А. Еловая наука // «Коммерсантъ. Наука», 25.12.2020). Цитируемая в этом тексте русская пословица перестает быть носителем смысла (ее, как известно, использовали, говоря о невенчанной паре [2, с. 223]) и становится источником информации о традиционных представлениях, а именно о языческом обряде бракосочетания («вокруг ели»).

Примечательно, что упомянутая русская пословица появляется в одном контексте с карело-финской пословицей *Ту ель надо слушать, у корней которой живешь*. Последняя пословица используется в качестве демонстрации значимости ели в картине мира финно-угорских народов (через отсылку к обычаю выливать немного молока или похлебки под ель, которая растет во дворе). Этот момент сопоставительного анализа, предполагающий выход за пределы национальной языковой картины мира, выделяет подобные случаи функционирования паремий. Человек, который употребляет в своей речи пословицу, погружен в национальную картину мира, он существует в смыслах этой картины мира и апеллирует к ним, чтобы быть понятым своими адресатами. По всей видимости, это имеет место даже тогда, когда говорящий или пишущий не соглашается с сентенцией, закрепленной в паремии, и критически оценивает ее верность и / или универсальность. Момент сопоставления различных картин мира, пусть даже косвенного, актуализирует аналитическое начало и объективирует картину мира, так что и адресант, и адресат становятся по отношению к ней внешними наблюдателями.

Деловой медиадискурс демонстрирует самые разные формы отношения к паремиологическому фонду языка. С одной стороны, паремии абсолютно адекватно интегрируются в современный деловой медиадискурс, где они широко используются в качестве структурных компонентов текста или материала для заголовков и подзаголовков. Не стоит забывать и о том, что медиадискурс в той или иной степени отражает речевую практику носителей языка, а следовательно, и функционирование в их речи единиц паремиологического фонда.

Однако в плане использования пословиц наблюдаются и явления, которые свидетельствуют о спорадическом дистанцировании от паремий в привычной, канонической форме. Пословицы становятся основой и объектом языковой игры, что проявляется как их формальная трансформация, сопровождающаяся существенными смысловыми сдвигами (которые часто, впрочем, ситуативно обусловлены и не выходят за пределы контекста публикации). Пословица может критически осмыслиться и даже отрицаться, что в определенных отношениях противоречит сути пословицы как «готовой» истины. Наконец, даже в медиадискурсе (а точнее, в его научно-популярных модификациях) пословица становится источником информации о прошлых состояниях культуры и средством демонстрации характерных черт этих прошлых состояний культуры читателю, то есть рассматривается объективированно, глазами внешнего наблюдателя, не принадлежащего к миру, в котором эта пословица наполнена актуальным жизненным смыслом. Последние факты вряд ли следует расценивать как разрушение традиционных пластов языковой культуры или утрату этими пластами актуальности; скорее, речь идет об активном и сознательном освоении традиционных пластов культуры и их адаптации к современным условиям.

Список использованных источников

1. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб. : «Норинт», 2000. – 1536 с.
2. Мокиенко, В. М. Большой словарь русских поговорок / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. – М. : ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2007. – 784 с.

Abstract. In modern business media discourse, there is an interaction of two trends in relation to Russian proverbs: the traditional functioning of proverbs as a component of the speech of the author or other subjects of speech, and distancing in relation to the traditional language culture through involvement in a language game, challenging and perception from an external position.

Keywords: media discourse, business media discourse, media text, proverb, traditional language culture.

УДК 811.16'371

С. Г. Шулежкова

СВЕРХСЛОВНЫЕ ВЕРБАЛИЗАТОРЫ КОНЦЕПТОВ «ДОБРО» И «ЗЬЛО» В ДРЕВНЕЙШИХ СЛАВЯНСКИХ ТЕКСТАХ

Аннотация. Представления о добре и зле были широко отражены в наддиалектном языке славян Средневековья. Однако христианская вера внесла коррективы в славянскую языковую картину мира. Доказательством тому служат активно используемые в старославянских текстах сверхсловные вербализаторы концептов «Добро» и «Зло», которые занимали ключевые позиции в системе этических ценностей славян X–XI веков.

Ключевые слова: диада «Добро» – «Зло», общеславянский литературный язык Средневековья, устойчивый словесный комплекс, христианские ценности.

В эпоху, предшествовавшую принятию христианства, славяне осознавали свое «этническое единство» [1, с. 22], и слависты единодушны в признании того факта, что в VII–IX вв. славяне пользовались общим наддиалектным разговорным языком. Создание же славянской письменности и «международного надэтнического литературного языка» [2, с. 49] еще больше укрепляло это этническое самосознание, а новая вера упала на такую благодатную почву, что сам результат сочетания славянской культуры и христианской религии был оценен одним из выдающихся отечественных славистов, Н. И. Толстым, как «славянское христианство» [3, с. 48]. Именно в эпоху христианизации славянский менталитет обогащается новыми идеями, а нравственные категории обретают новые черты. Это в полной мере отразилось на составе устойчивых словесных комплексов (далее – УСК) общеславянского литературного языка X–XI в., которые отмечены нравственной семантикой. К важнейшим из них, помимо сверхсловных единиц, входящих в поле вербализаторов концепта «Благодать», относятся УСК, характеризующие представления славян о добре и зле. Вербализаторы концептов «Добро» и «Зьло», занимавших важнейшее место в дохристианском менталитете славян, после крещения обогатились новыми семантическими гранями.

Абсолютное большинство памятников общеславянского литературного языка Средневековья пронизано христианскими идеями. В жанровом отношении они представляют собой евангелия, псалтыри, жития святых, фрагменты церковных служб, сборники отрывков из богословских трактатов, первоисточники которых были выполнены на греческом языке. Переводя их для новообращенных христиан, Кирилл и Мефодий вместе со своими учениками «создавали сакральный общеславянский язык, язык богослужения» и тем «возвышали славянскую речь», возводили ее «в чин сакрального языка, языка, по своим функциям и возможностям равного латинскому и греческому»; культура славянская, в соответствии с планами Кирилла и Мефодия, «должна была занять и вскоре заняла место рядом с культурами романо-германской в латино-языковом обличье и греческой в ее поздней византийской форме» [3, с. 45–46]. Этот успех не в последнюю очередь был обеспечен безошибочно выбранной переводческой стратегией византийских ученых. Учитывая осознание многочисленными славянскими племене-

нами своей этнической общности, солунские братья и их последователи, во-первых, опирались на общеславянский лексико-фразеологический фонд; во-вторых, использовали для обозначения новых христианских идей славянскую религиозную терминологию, придавая языческим конфессиональным единицам (типа **БОГЪ**, **СВАТЫН**, **ГРѢХЪ** и пр.) новые христианские значения; в-третьих, они активно занимались образованием новых лексем, опираясь на законы славянского словообразования (см. об этом монографию «Старославянская словообразовательная морфемика» [4]) и, что особенно важно по отношению к теме нашего исследования, создали немало сверхсловных неологизмов по продуктивным славянским моделям, используя в качестве семантических центров новых УСК славянские слова-полисеманты. При сопоставлении с греческими источниками выяснилось, что на месте обычных греческих слов в старославянских памятниках нередко обнаруживаются сверхсловные языковые единицы. Что же касается сложных греческих лексем, то аналогами для них в старославянских текстах, как правило, служат УСК. Лишь в 2003 г. известным ученым Ю. А. Найдой, который 60 лет занимался переводами библейских текстов на туземные языки, был научно обоснован прием, опробованный Кириллом и Мефодием в 60-е годы IX в.: «... Найда высказал идею, что даже в условиях лексического дефицита всегда вполне можно передать на неподготовленном языке смысл христианского Свщ. Писания. Для этого надо отказаться от пословного перевода и прибегать к контекстному *конструированию новых слово-сочетаний*, пригодных для определенного контекста» (цит. по: [5, с. 245]) (Выделено нами. – С. Ш.). Напрашивается предположение: не предугадали ли Кирилл и Мефодий в IX в.(!) зарождающуюся в славянских языках тенденцию, о которой пишут отечественные исследователи применительно к современному русскому языку: «Наивная картина мира чем дальше, тем больше отражается не только в словах, но и в устойчивых воспроизводимых словесных комплексах. За каждым из таких комплексов стоит в философии – симулякр, в когнитивной лингвистике – когнитивно обработанная ментальная сущность, некая идея, лежащая в основе представления об окружающей действительности. Симулякр – подобие. Логоэпистема, извлекаемая из памяти, – подобие более привычной (традиционной!) единицы коммуникации – слова» [6, с. 12]. И далее: «Логоэпистема есть единица коммуникативного пространства. *Это подобие слова, если иметь в виду коммуникативную задачу, но она не всегда равна слову* <...> это артефакт культуры, искусственно установленный знак. Знак, потому что способствует возникновению мысли о чём-то ином <...> что в составляющих логоэпистему смыслах слов не содержится <...> знак-символ» [6, с. 13] (Выделено нами. – С. Ш.).

Под влиянием христианского учения аксиологическая система славян, которая представляла собой, как и в современных национальных языках, совокупность *диад*, построенных по принципу «*ценность – антиценность*» (см. об этом: [7, с. 5–6]), значительно пополнилась новыми элементами (такими, как **ВѢКЪ СЪИ – ВѢКЪ ВЪДЫИ / ВЪДЪЩИИ**, **Вок небесънии – Воиско земьнок**, **Жизнь вѣчнаа – Животъ вѣменьныи**, **Вѣра кръстиганьскаа – Идолскок слоуженик** и пр.). Исконные же аксиологические пары (**Правьда – Лъжь**, **Жизнь – Сѣмръть**, **Сватын – Грѣшьникъ**, **Господь – Рабъ**, **Веселик – Печаль** и пр.) обогатились новыми семами, подсказанными христианским вероучением. Диада **Добро – Зъло** примыкает к этому второму ряду «ценностей» – «антиценностей», представленному не только лексическими, но и фразеологическими средствами в древнейших славянских текстах. Часть сверхсловных единиц, характеризующих эти ценности и антиценности, описана в ряде наших публикаций (см., например, [8; 9; 10; 11]), а также в «Большом фразеологическом словаре старославянского языка» [12].

«Славянское письмо, книги славянского письма – извечный столп нашего культурного самосознания», – не без основания писал автор книги «В поисках единства», посвященной истории славян, их культуры и объединяющей роли русского мира в их

судьбах [1, с. 31]. В древнейших славянских текстах действительно кроются истоки нашего современного мировоззрения, в том числе наше представление о добре и зле. Историк и социолог В. Ф. Чеснокова в монографии «О русском национальном характере» (изданной под псевдонимом К. Касьянова), характеризуя «качества личности» современного русского человека, называет как важнейшие из них «справедливость», «стремление к добродетели», «стремление найти истину», не зависящую от личных потребностей, «встать на объективную точку зрения», «судить о себе со стороны» [13, с. 220], а также «верность моральным принципам» [Там же, с. 243].

О том, насколько глубоко волновали нравственные проблемы наших предков, свидетельствуют сверхсловные языковые единицы, использованные в старославянских текстах. Десятки старославянских УСК отражают ценностные ориентиры средневековых славян, характеризуют их отношение к вере и безверию, к жизни и смерти, к праведным и неправедным поступкам своих современников. УСК дают читателю представление о том, как славяне, принявшие христианство, относились к тем, кто нарушает божьи заповеди, чего ждали они от власть имущих, как расценивали и как искупали собственные грехи. В талантливой монографии «Средневековый человек в зеркале старославянского языка» Т. И. Вендина вполне обоснованно пишет: «Этические ценности средневекового общества были также неразрывно связаны с религиозными, причем не просто связаны, а проистекали от них, так как познание человеком самого себя и своих отношений с другими людьми были одновременно познанием добра и зла, что естественным образом отразилось на формировании средневекового общества» [14, с. 296].

Некоторые сверхсловные языковые единицы нравственной тематики уже попали в лексикографические издания. Так, в «Старославянском словаре (по рукописям X–XI веков)», помимо шести УСК с компонентом **добръ** (**добро** (**кстъ**), **добра**(**а**) **дѣтѣль**, **добро** **врѣмѣ**, **добра** **рода**, **добрѣ** **воняги**, **добрѣ** **мѣдровати**) [15, с. 192]), помещено 34 лексемы из словообразовательного гнезда с корнем **добр-**. Четыре из них однокорневые: «**ДОБРО** *нареч.* καλός хорошо, **ДОБРОТА**, *-ы ж.* ἀγαθότης, ἀρετή добродетель; **ДОБРЪ**, *-ын прил.* καλῶς 1. ἀγαθός, περικαλλής, εὐλαβής, ἥδύς, εὐθαλής, ἐνάρετος, εὐγενής, καλλίνικος, χρηστός, συαετῶς (!) <...> хороший, добрый <...> **добро** *в знач. сущ.* τὸ ἀγαθόν, τὰ ἀγαθὰ, τὸ καλόν, τὰ καλά добро <...> **ДОБРЪ** *нареч.* 1. καλῶς, γνησίως, εὖ, ἀκριβῶς, προθύμως (!), θερμῶς (!), χαριέτως <...> хорошо <...> правильно...» [Там же, с. 190–192]. Что же касается остальных 30, то это лексемы, возникшие из УСК путем словосложения: **добрровник** из **добра****а** **вонѣ** ('благоухание', 'аромат'); **доброговѣник** из **добро**(**к**) **говѣник** ('набожность', 'благочестие'); **добродѣник** ('добродетель', 'добрые дела') из **добро** **дѣяти**; **добротворити** из **добро** **творити** ('делать добро'); **доброродик** ('знатность') из **добра** **рода** и т. д. Аналогично представлены в том же словаре однословные и сверхсловные языковые единицы, в которых фигурирует корень **зъл-**. Авторы-составители в 17 памятниках, признанных ими *каноническими старославянскими*, помимо 25 лексем с корнем **зъл-**, описали 13 УСК с компонентами, содержащими тот же корень. Из однословных единиц семь оказались однокоренными (**зълоба**, **зълобивъ**, **зълобити**, **зълобовати**, **зълобъ**, **зълъ**, **зълъ**, **зълѣ**); прочие же представляют собой лексемы, образованные с помощью словосложения на основе УСК: **зълвѣрник** 'безбожие' и **зълвѣръство** 'ложная вера', 'ересь' – от **зълѣ****а** **вѣра**; **зълдѣи** 'причиняющий зло', 'злодей', и **зълдѣианик** 'злодеяние', 'злодейство' – от **зълѣ** **дѣяти**; **зълонравьнъ** 'дурного нрава', 'безнравственный' – от **зълѣ****и** **нравъ**; **зълѣ** **страдаати** 'испытывать страдания' – от **зълѣ** **страдаати** и пр. [Там же, с. 239–241].

В готовящемся к изданию 3-м томе БФССЯ описаны десятки УСК, в состав которых входят компоненты либо с корнем **добр-**, либо с корнем **зъл-**. Абсолютное их большинство находятся в антонимических отношениях: **добръ** **чловѣкъ** – **зълъ**

чловѣкъ; добро дѣло – зѣло дѣло; добро врѣмѧ – зѣло врѣмѧ, добра вонѧ – зѣла вонѧ; добро дѣяти – зѣло дѣяти; добро(к) житик – зѣло(к) житик; добри помысли – зѣли помысли; добро творити – зѣло творити и пр. При этом все УСК, содержащее компонент **добръ**, обладают эмоционально-положительной коннотацией, а их семантика, как правило, обогащена семой соответствия христианской этике. Так, в отрывке из «Похвалы о сорока мучениках» при описании поведения матери одного из отроков-христиан, подвергнутого страшным мучениям, употреблено несколько УСК с компонентом **добръ**. Своими руками подняв выдержавшего пытки сына, женщина-христианка положила его на повозку, которая везла тела умерших мучеников для сожжения на костре, и благословила его «идти на добрый путь»:

а матери добры матери повестъ да выкнѣтъ. мати кд'ного блаженныхъ. тѣхъ видѣвъши прокныхъ. оуже остоудениѣ оумерѣша. а своего иначе дыхашта. за силоѣ и за сътрьпѣниѣ лютыхъ. оставяштемъ кго княземъ. якоже можшта нѣкако размыслити. сама своимѧ рѣкама въземъши на рамо. възложи на кола. на нихъже прочии лежаште. на огонь везоми бѣахъ. по истинѣ мати мженича. не испустити бо слъзѣ немощныѣ. ни извѣштала ничьсоже. ни смѣрено ни недостойноѣ врѣмени. нѣ иди рече ш с(ы)ноу на добръи пѣтъ. съ тѣчники своимѧ и съ другы своимѧ. не отѣлжчи са лика. не покажи са послѣжде инѣхъ владыцѣ по истинѣ. добра корене добра же и лѣторосль. показа доблаа мати. яко оучениими благыя вѣры въскрьмила и паче. неже млѣкомъ. [Супр 96: 8–19].

Компонент **добръ** здесь реализует семы 'правильный', 'истинно христианский', а оборот **ити на добръ пѣтъ** означает 'поступать в соответствии с заповедями Христа'. Оборот **добра мати**, неоднократно встречающийся не только в «Похвале о 40 мучениках», но и в других житиях, служит названием женщины, воспитывающей своих детей в строгом соответствии с христианской этикой. Атрибутивный УСК **добра корене** указывает на знатное, благородное происхождение персонажа, однако в старославянском контексте он обычно применяется по отношению к представителям семей, где не только потомки, но и предки являются христианами.

УСК **добро к дѣло / добра дѣла** в памятниках X–XI вв. используются в значении 'поступок / поступки, линия поведения, которые соответствуют учению Христа':

такъ да просвѣтитъ са свѣтъ вашъ прѣдъ чловѣкы. да оузьратъ ваша добра дѣла. [(Мф 5: 16) Ват 141: 22–24 118(fol 30v)]; ѿвѣща имъ ис(оус)ъ. многа дѣла добра даахъ вамъ ѿ о(тѣ)ца мого. за кою ихъ дѣло камене на ма метакте. ѿвѣщааша нюдѣи гл(агол)юще. о добрѣ дѣлѣ не мечемъ каменикъ на тѧ. нѣ о власвими. [(Ин 10: 32–33) Арх 56: 9–14]; кже оубо правовѣрноу вѣроу имѣти. шнованиа добрыхъ дѣлъ ксть. [Изб 1076: 29.2: 7–9].

УСК с компонентом, содержащим корень **зѣл-**, напротив, отмечены экспрессивно-отрицательной коннотацией. Например, оборот **зѣло творити / сътворити (кому)** означает 'наносить / нанести вред (кому-либо); совершать / совершить действия, причиняющие / причинившие ущерб и страдания (кому-либо)'; **зѣлоѣ, зѣлодѣискоѣ смъртиѣ оумирати / оумрѣти** – 'скончаться в тяжких унижительных мучениях'; **зѣлъ глаголъ** – 'оскорбительные, клеветнические высказывания'; **зѣлъ доухъ** – 'бесплотное сверхъестественное существо, противостоящее, по христианскому вероучению, Всевышнему и оказывающее отрицательное воздействие на природу и жизнь человека'; **пръвыи зѣлъ** – 'дьявол, сатана'; **зѣлни помыслъ, зѣли помысли, зѣлыа мысли** – 'о дурных, плохих намерениях, замыслах'; **зѣлѣ оумрѣти** – 'принять мученическую смерть; скончаться, жестоко страдая' и пр. Все подобные сверхсловные языковые единицы называют действия, явления, мысли, заслу-

живающие осуждения с точки зрения христианского учения, в основе которого лежат любовь, благодать и милосердие:

Игемонъ же рече имъ • чьто бо зъло сътвори они же излиха въпниа ахъ гл(агол)ище • да распатъ вждеть • [(Мф 27: 23) Остр 197bb: 17-18 – 198aa: 1-6]; мѣсаца марта въ •гі• мжченик с(ва)тааго савина • Цѣсарьствоуиштоу диоклетианоу • заповѣдь посылла по въсеи въселенѣи • якоже въсѣм(ъ) не покораштинимъ са заповѣди ко • и не жържштин богомъ • мжчени бываиште зълж(и) смъртинж оумрѣти • [Супр 144: 29 – 145: 1-4]; Блажен есте егда поносатъ вамъ • чл(овѣ)ци и ижденжтъ вы • и рекжтъ въсь зль гл(агол)ъ • на вы лъжжште мене ради • [Ас 113d: 11–18, с. 226]; коупно же и проказыства лжкавааго вѣды и боа са • кда отъ многааго попеченья • бесъмрътнжж болѣзнь нанесеть • до двою или до трин часъ • тако без милости лѣвжж ржж къ огню придѣа трпѣаше • донелиже оудове ржжныхъ прѣстъ изгорѣвъше отъпадоша • то же сотониньскимъ кѣзнемъ противьяа са творѣаше • якоже кмоу отъ огнѣ прибываиштжж болѣзныж несѣтрпмжж зълоуоумоу помыслоу не нанти на срьдце • [Супр 516: 220–30 – 517: 1]; Повелѣ же воквода въвести ко (василиска) въ храмъ аполоновъ и жрѣти • аште ли не хоштетъ • то въскорѣ смъртинж погоубити ї • изведъше же и вижште глаголаахъ • вълѣзъ въ храмъ жри • повелѣ бо воквода или жърше избыти ти • помысли оубо да не зълѣ оумреши • вѣроуа къ невидимому богоу • [Супр 20: 3–11]; Заклинаж та д(оу)ше зълы • в(о)гомъ саваотгомъ • ѓ в'сѣмъ воинствомъ аѣ(ѣ)лы в(о)жьи • ѓ атанаилемъ • в(о)гомъ в'седръжителемъ • изиди отиди • Заклинаж та в(о)гомъ сътворишимъ в'сѣчьскаа • ѓ с(ва)тымъ д(оу)хомъ • и единачдымъ с(ы)номъ • [Син евх 52a: 7–14, с. 127].

Таким образом, компонент с корнем **зълъ** поддерживает у сверхсловных языковых единиц сему морального осуждения с точки зрения христианского мировоззрения и экспрессивно-отрицательную коннотацию точно так же, как компонент **добръ** обеспечивает УСК сему морального одобрения и экспрессивно-положительную коннотацию в рамках новозаветной этики. Эта категоричность, исключая неопределенность или промежуточность, градацию нравственных оценок, по мнению автора книги «Язык. Культура. Познание», свойственна и самым многочисленным потомкам средневековых славян, русским: «...русские точно так же эмоциональны и склонны к крайностям при выражении морального восторга, как и при выражении морального осуждения» [16, с. 83].

Список использованных источников

1. Трубочев, О. Н. В поисках единства / О. Н. Трубочев. – М. : Наука. 1992. – 186 с.
2. Толстой, Н. И. Древняя славянская письменность и становление этнического самосознания у славян / Н. И. Толстой // Н. И. Толстой. Избранные труды, том II. Славянская литературно-языковая ситуация. – М. : «Языки русской культуры», 1998. – С. 49–65.
3. Толстой, Н. И. Кирилло-мефодиевская традиция у славян / Н. И. Толстой // Н. И. Толстой. Избранные труды, том II. Славянская литературно-языковая ситуация. – М. : «Языки русской культуры», 1998. – С. 43–48.
4. Ефимова, В. С. Старославянская словообразовательная морфемика / В. С. Ефимова. – М. : Институт славяноведения РАН, 2006. – 366 с.
5. Верещагин, Е. М. Кирилло-Мефодиевское книжное наследие. Межъязыковые, межкультурные, межвременные и междисциплинарные разыскания. С двумя приложениями / Е. М. Верещагин. – М. : Индрик, 2012. – 520 с.
6. Бурвикова, Н. Д. Воспроизводимые сочетания слов в коммуникативном пространстве носителя русского языка / Н. Д. Бурвикова, В. Г. Костомаров // Языковая личность: текст,

словарь, образ мира. К 70-летию чл.-корр. РАН Ю. Н. Караулова : сб. статей. – М. : Издательство РУДН, 2006. – С. 11–16.

7. Байрамова, Л. К. Счастье и несчастье как ценность и антиценность во фразеологической парадигме / Л. К. Байрамова. – Казань : Центр инновационных технологий, 2011. – 276 с.

8. Шулежкова, С. Г. Вера и безверие в славянских текстах X–XI вв. сквозь фразеологическую призму (глава в научной монографии) / С. Г. Шулежкова // Логический анализ языка. Понятие веры в различных языках и культурах: в 2 ч. : колл. монография / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, М. Л. Ковшова. – М. : Гнозис, 2019. – С. 564–576.

9. Шулежкова, С. Г. Трансформация представлений славян о жертве и жертвенности, отражённая в памятниках X–XI вв. / С. Г. Шулежкова // Материалы XIII Междунар. науч. конф. «Языковые категории и единицы: синтагматический аспект», посвящён. 90-летию проф. А. Б. Копелиовича и 100-летию пед. образования во Владимирской области (г. Владимир, 24–26 сентября 2019 г.) / отв. ред. М. В. Пименова. – Владимир : Изд-во «Транзит-Икс», 2019. – С. 464–470.

10. Шулежкова, С. Г. Христианские ценности, отраженные фразеологическими средствами в славянских текстах X–XI вв. / С. Г. Шулежкова // Аксиологические аспекты современных филологических исследований : тез. докл. Междунар. науч. конф. (15–17 октября 2019 г.) / отв. ред. Н. А. Купина. – Екатеринбург : Издательский дом «Ажур», 2019. – С. 160–163.

11. Shulezhkova, S. The Linguistic World-Image of the Medieval Slavs Through the Phraseological Prism / S. Shulezhkova, P. Kostina // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences EpSBS. Volum 86. – WUT, 2020. – P. 1548–1553.

12. БФССЯ 2020: Большой фразеологический словарь старославянского языка / Научно-исследовательская словарная лаборатория МГТУ им. Г. И. Носова / гл. ред. С. Г. Шулежкова; авторы-составители: С. Г. Шулежкова, С. А. Анохина, А. А. Осипова, А. Н. Михин, В. Ф. Хайдарова. – М. : Флинта, 2020. – Т. 1 : **Авити гавити дѣло – Вѣвръгнѣти, вѣвръѣци въ пещь огньнѣ.** – 552 с.

13. Касьянова, К. О русском национальном характере / К. Касьянова. – М. : Институт национальной модели экономики, 1994. – 367 с.

14. Вендина, Т. И. Средневековый человек в зеркале старославянского языка / Т. И. Вендина. – М. : Индрик, 2002. – 336 с.

15. Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков) : около 10 000 слов / Э. Благова, Р. М. Цейтлин, С. Геродес и др. / под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. – М. : Русский язык, 1994. – 842 с.

16. Вежбицкая, А. Русский язык / А. Вежбицкая // А. Вежбицкая. Язык. Культура. Познание ; пер. с англ. Г. Е. Крейдлина. – М. : Русские словари, 1997. – С. 33–88.

Принятые сокращения

Арх – Архангельское евангелие 1092 года: евангелие апракос краткий (РГБ, М., 1666), 178 л.

Ас – *Evangeliiář assemanův. Kodex Vatikánský 3. slovanský. Díl II. Úvod, text v přepise cyrilském, poznámky textové, seznamy čterní / vydal J. Kurz. – Praha : Nakladatelství Československé Akademie Věd, 1955. – 322 s.*

Ват – Кръстанов, Тр. Ватиканско евангелие. Старобългарски кирилски апракос Хв.в палимпсестен кодекс Vat Cr 2502 / Т. Кръстанов, А.-М. Тотоманова, И. Добрев. – София : СИБАЛ, 1996. – 216 с.

Изб 1076 – Изборник 1076 г. (РНБ, Эрм. 20), 277 л. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.manuscripts.ru/mns/main?p_text=44358474.

Остр – Остромирово евангелие 1056–1057 г. Иждивением Потомственного Почетного Гражданина Ильи Кирилловича Савинкова. – 2-е (фототип.) изд. – СПб. : Фото-Литография А.Ф. Маркова, Невский просп., № 34, 1889. – 294 с.

Син евх – *Nachtigal R. Euchologium sinaiticum. Fotografski posnetek; II. Tekst s komentarjem. – Ljubljana, 1941 – 1942. – 296 s.*

Супр – Супрасльская рукопись / трудъ Сергѣя Северьянова // Памятники старославянского языка. – Т. II. Вып. 1. – СПб. : Тип. Императ. акад. наук, 1904. – 570 с. *Evangeliiář assemanův. Kodex Vatikánský 3. slovanský. Díl II. Úvod, text v přepise cyrilském, poznámky textové, seznamy čterní / vydal J. Kurz. – Praha : Nakladatelství Československé Akademie Věd, 1955. – 322 s.*

Abstract. The notions of good and evil were widely and variously reflected in the super-dialectal variant of the language of the Medieval Slavs. The Christian faith made some adjustments to the linguistic picture of the world of the Slavs. This fact is proved by numerous set units which verbalize concepts “ДОБРО” and “ЗЪЛЮ” and are used in the Old Church Slavonic texts.

Keywords: Diad “Good” – “Evil”, common literary language of the medieval Slavs, set unit, Christian values.

УДК 81'42:392.3:398.91(=161.2)

О. В. Яковлєва

ВЕРБАЛІЗАЦІЯ РОДИННИХ СТОСУНКІВ В УКРАЇНСЬКИХ ПРИСЛІВ'ЯХ І ПРИКАЗКАХ

Анотація. Об'єктом уваги даної розвідки були стосунки між членами української сім'ї, які склалися тисячоліттями і які збережені в текстах фразем. В рамках сім'ї описуються взв'язки між чоловіком і його дружиною, ставлення батьків до дітей, зокрема до сина та дочки; схарактеризовані стосунки з некровними родичами, які стають членами сім'ї після одруження дітей. Подаються оцінні характеристики різних членів родини.

Ключові слова: сім'я, родина, чоловік, жінка, син, дочка, невістка, свекруха, теща, зять.

Поняття «родина», «сім'я» для українців, як і для інших народів, є надзвичайно важливими і цінними. До того ж, ці поняття є дуже давніми. В. Таранець, відомий український лінгвіст, посилаючись на інших науковців, писав: «Основною ланкою, що пов'язувала сім'ю стародавньої людини в одну сукупність, була спорідненість усіх, хто проживав у цій сім'ї. Тобто, всі члени сім'ї належали до одного роду» [1, с. 97]. Родину утворювали кілька сімей, і це вже в історії людства називали *общиною*. Останні об'єднувалися у племена. Археологічні та етнографічні дані свідчать, що всі вищеназвані суспільні угруповання проживали на території України в післяльодовиковий період. Відомо, що «сім'я – община – плем'я» були характерними для індоєвропейців у давнину та у період після розпаду мови-основи [там само, с. 98]. Етимологічні розвідки В. Таранця дозволили автору припустити, «що іє. *dom*- мало значення “сім'я”, в якій основну функцію виконувала жінка. Більше того, розвиток слова зі значенням “мати” передбачається у напрямку: іє. *doma-ter* “одна в сім'ї, старша в сім'ї” – *matar* “мати”» [1, с. 100].

Основою сім'ї є союз чоловіка та жінки. Лінгвістичні дані показують, що в протиставленні цих понять назва *жінка* була первинною як більш значуща для того часу людина в родовому колективі [1, с. 127].

Форму сімейного побуту український народ переніс із землі на небо так само, «як і всі народи з давніх давен в свої міфології перенесли поперед усього землю на небо» [2, с. 6–7]. Про небесну сім'ю згадується в українських колядках: *батько – то ясний місяць, мати – ясне сонце, сестра – ясна зоря...* [там само, с. 13]. Про це ж писав і М. Костомаров: «Сонце, місяць, зірки і всі небесні явища зображувалися уособленими. Місяць – чоловік зірки, його супутниці...» [3, с. 74].

Науковці вважають, що Перун як бог неба і блискавок мав товаришку, – і це була Перперуна – Додоля, образ вторинний щодо Перуна [4, с. 99–101].

У слов'ян, зокрема в білоруських весільних піснях, є сюжет, де сонце і місяць утворюють сімейну пару [5, с. 70]. Українські обрядові пісні так само свідчать про те, що «Сонце і Місяць є споконвічними символами чоловічого і жіночого начала» [6, с. 184].

При творенні Всесвіту брали участь стихії вогню та води, що так само символізували дихотомію чоловічого та жіночого. Вогонь – це символ активного чоловічого начала, вода – дітородного жіночого. Саме тому й досі в обрядах і ритуалах, – перш за все

мається на увазі купальська обрядовість, – чоловіки та парубки розміщуються біля вогнища, жінки та дівчата – ближче до води [5, с. 90].

Отже, різні міфології світу донесли до наших часів інформацію про поєднання чоловічого та жіночого, що лежить в основі Всесвіту за аналогією людської сім'ї. Фразеологічні одиниці та паремії як найдорожчий скарб вікової народної мудрості у мовних проявах закріпили не тільки важливість родини в житті кожної людини, а й віддзеркалили значущість різних її членів, стосунки та характеристики тих, кого об'єднує кровна спорідненість; і майже кожна фраза дає оцінку членам родини.

Білоруська мовознавиця О. Ничипорчик дослідила ціннісні орієнтації, які репрезентують російські, білоруські, італійські та німецькі паремії. До складу домінуючих ціннісних концептів авторка віднесла і сім'ю як одну з найважливіших соціальних цінностей у людському житті [7, с. 190]. Ця ж науковиця зауважила, що лексема *сім'я* як найменування концепту в пареміях усіх чотирьох мов вживається епізодично. Саме тому вона досліджувала терміни, що утворюють концептуальну парадигму поняття *сім'я*, зокрема: *дружина, діти, син, дочка* [там само]. Результати зробленого О. Ничипорчик аналізу довели, що сім'я – значущий ціннісний феномен для різних народів, що й відзеркалено в паремійних одиницях досліджуваних мов. Однак паремії в білоруській мові свідчать про те, що цей народ у більшій мірі зорієнтований на цінність сім'ї, ніж продуценти російських, італійських і німецьких паремій [7, с. 197–198].

Сім'я та родина – найважливіша цінність і для українців: *Дерево тримається корінням, а людина сім'єю. До свого роду – хоч через воду* [8, с. 35]. *Без сім'ї і без роду – хоч з моста та в воду* [9, с. 109]. Дружня сім'я – то велике щастя: *Сімейний горщик завжди кипить. Сім'єю й горох молотять. Хоч нема, що їсти, аби було з ким сісти. Хоч ох, та вдох. Що є – разом, чого немає – навпіл* [8, с. 42, 44, 45]. Але в житті буває й по-іншому: *Рід великий, а пообідати ніде. Рідня до півдня, а як сонце зайде – і сам чорт не найде. Як до такого роду, то краще з моста у воду* [8, с. 41, 46].

Поєднання чоловіка та жінки для створення сім'ї – величне і прекрасне: *Найкраща спілка – чоловік і жінка* [9, с. 94]; *Чоловік із жінкою – що борошно з водою* [8, с. 45].

Народна мудрість порівнює атмосферу в сім'ї з природними явищами: *В подружжі, як на дворі: буде сонце, будуть і хмари* [9, с. 94]. Корисною є й інформація про необхідність схожості характерів, приблизно однаковому віці тих, хто збирається під вінець. Часто це робиться в алегоричній формі: *Не буде спілки у верблюда й білки. Де муж старий, а жінка молода – там рідко згода. Гроші, молода жінка і бистрі коні – то смерть. З старим жити – вовком вити* [9, с. 94, 95].

Рівноправність чоловіка і жінки в прадавній сім'ї закріплена в міфології, зокрема в ототожненні Сонця і Місяця, що виступають «як «очі» одного єства» [10, с. 144]. З часом встановилась ієрархія між цими світилами, між жінкою та чоловіком, що було зумовлено розвитком свідомості та зміною матриархату патріархатом [6, с. 184]. Відгомін тих далеких часів, коли чоловік і жінка були рівними в сім'ї, зафіксували поодинокі фраземи: *Без жінки так, як без ума. Без чоловіка – то так, як без голови. Добра жінка чоловікові ліпша від рідного батька. Добрий чоловік жінці ліпший від рідної матері. Добра жінка – то камінна стіна. Добрий чоловік надійніший кам'яного мосту. Чоловік і жона – одна сатана. Три друга: батько, мати та вірна жінка* [9, с. 95, 97, 98–99]; *Нема кращого друга, як вірна супруга. Чоловік і жінка – одне болото* [8, с. 40, 44].

Серед проаналізованих українських прислів'їв та приказок про сім'ю і родину, фразем про батька й тата вдвічі менше, ніж про жінку та дружину, що свідчить про споконвічне шанування її як продовжувачки роду та про феміноцентризм української сім'ї: *Аби дружинка, буде й дитинка. Була б жінка, а діти будуть. Добра жінка мужа на ноги поставить, а зла і з ніг звалить. Жінка доти любя, доки не візьме за чуба. Жінка чоловікові подруга, а не прислуга. В хаті жінка три кути держить, муж – чет-*

вертий. Дім держиться не на землі, а на жінці. Ми керуємо світом, а жінки керують нами. Світом рядять золото й жінки [9, с. 94–98].

Народна мораль засуджує у жінок злість, сварливість, балакучість, марнотратство і навіть гарну зовнішність: *Від вогню, води і злої жони – боже борони. Дим, дощ, мороз і сварлива жона – то найбільше нещастя. Жінка би не жила, якби не висварилася. Жіночий язик – це її меч, який ніколи не ржавіє. Жіноча сила в язиці. Жінці іще мовчанка ніколи не пошкодила. Не так чоловік рознесе мішком, як жінка горшком. Біда, в кого жінка бліда, а в кого як калина, то й йому лиха година. Гарна жінка і великі гроші – то нагла смерть* [9, с. 95, 97, 99].

У фольклорних текстах, зокрема у текстах народних пісень, часто використовуються такий художній прийом, як заперечення і протиставлення, наприклад: *...Ой плине ж, плине райське деревце, райське деревце з трьома вершеньками. В однім вершеньку сив соколونько, в другім вершеньку сива кунонька, в третім вершеньку сивластів'ята. Ой не є ж то сив соколонько, але є ж то господаренько. Ой не є ж то сива кунонька, але є ж то ба й газдинонька. Ой не є ж то сивластів'ята, але є ж то, є – їх дитята* [11, с. 5]. Аналогічний прийом зустрічаємо й у текстах паремій: *З доброю жінкою поздоровієш і збагатієш, а з лихою згорбатієш. Добра жінка мужа на ноги поставить, а зла і з ніг звалить. Добра жінка – то весілля, а зла – то погане зілля. Пий пиво, але не лий, люби жінку, та не бий* [9, с. 96, 98].

Багатотіковий маскуліноцентризм українського суспільства зафіксувала й народна мудрість: *Сім'я без батька – як хата без даху. Жінка без мужа – то дім без фундаментів. Таткова хата усім багата* [9, с. 94, 96, 101]; *Чоловік не велик, а все жінці за тишок. Чоловік, як ворона, а все жінці оборона. Красна пава пір'ям, а жінка чоловіком* [8, с. 38, 45].

У чоловіків цінується доброта, хазяйновитість, здоров'я, сила: *За хорошим чоловіком і свинка господинька* [8, с. 37]. *Під добрим куцем трава зеленіє, за хорошим чоловіком жінка молодіє. За доброго мужа жона, як ружа, а за лихого – драба, за рік, за два – баба. Нащо й гроші, коли чоловік хороший. Живе за ним, як за кам'яною стіною (пор. Добра жінка – кам'яна стінка* [8, с. 35]). *Коли ти мені муж, то будь мені дуж, а як не гриб, то не лізть у козуб* [9, с. 99–100]. Засуджуються в народі у чоловіків лінощі, пияцтво, ревності: *За ледачим чоловіком жінка марніє, за хорошим молодіє. Коли чоловік у корчмі скаче, то дома жінка плаче. Не дай бог коня лінивого, а чоловіка ревнивого* [9, с. 99–100].

У усіх народів світу повноцінною вважалася тільки та сім'я, в якій були діти. Одружуючи сина чи дочку, батьки хвилювались, щоб «хтось із пари не виявився неплідним». Ще на заручинах молода підносила на тарілці дар молодому – гарбузове насіння та лісові горіхи як символ плідності [12, с. 12]. Навіть оздоблення хати в українців мало сприяти дітонародженню. Основним обов'язком подружжя в народі вважалось саме народження дітей. Бездітність трактувалась як нещастя, а прагнення запобігти дітонародженню – то був тяжкий гріх [там само, с.13].

Прислів'я та приказки донесли ці уявлення у мовних проявах: *Діти – найбільша радість у світі. Нема смерті без причини, нема щастя без дитини. Хата без дитини – то цвинтар. Хата з дітьми – базар, а без дітей – пустка* [9, с. 105–106]. *Сім'я без дітей, що квітка без запаху* [8, с.48].

Цікавими є етимологічні розвідки О. Трубачова стосовно походження родинних термінів, де наводиться думка про те, що індоєвропейська термінологія родинних зв'язків виникла в прадавні часи в умовах материнського роду за принципом гіноцентричності. Це означає, що більшість назв родинних зв'язків утворилася на ґрунті материнської спорідненості [13, с. 9]. Зокрема, в різних індоєвропейських мовах зафіксовано дві різні назви для сина. Прадавній термін *зупь*, у першу чергу, пов'язаний зі слова-

ми «народжувати», «народжений матір'ю». В інших мовах збережена форма **rit-*, що віддзеркалює чоловіче або батьківське начало. Остання форма є пізнішою [13, с. 48–52].

Епоха патріархату затвердила батьківську родословну лінію та бажання мати сина-первістка. Відгомін тих часів подекуди зберігається дотепер. Окремі збірки українських прислів'їв та приказок виділяють тематичну групу «Син», але немає групи «Дочка». Тематична група «Дитина, діти» втричі більша за групу «Син». В останній часто протиставляються син і дочка, наприклад: *Годуй сина для себе, а дочку для людей. Сини до хати понесуть, а дочки й угли рознесуть. Син – полатайхата, а дочка обдерихата* [9, с. 104–108]. Прислів'я про сина мають в основному позитивні оцінки, на відміну від прислів'їв про дочку: *Син дивиться в хату, а дочка кричить: «Пустити, тату!»* [8, с. 42]. *Один син – не син, два сини – півсина, три сини – один син. Син мій, а розум у нього свій. З дочками таке: до десяти чешеш, до п'ятнадцяти доглядаєш, а після двадцяти дякуєш тому, хто забирає з дому. Дочка, як ластівка: пощобече, пощобече та й полетить. Дочки залишають матір без сорочки* [9, с. 107–108]. *Дочками красуються, синами в пошані живуть* [8, с. 36].

Стосовно інших родинних зв'язків, маємо таку картину: тематична група «Брат» втричі більша за групу прислів'їв про сестру, наприклад: *Брати – що коти: погризуться і помиряться. Дім брата – не своя хата. Поки брати малі, доти й рідні. Сестра з сестрою, як риба з водою* [9, с. 108].

Про свекруху, свекра та невістку прислів'їв вдвічі більше, ніж про тестя, тещу та зятя. Це пояснюється тим, що традиційно в українських сім'ях молода дружина після весілля переїжджала до свого чоловіка, тобто в дім свекра та свекрухи, що й породжувало конфлікти і незадоволення, в першу чергу, свекрухи невісткою. Такі стосунки мають негативну оцінку: *Свекруха любить невістку, як собака діда. Свекруха – то в'їдлива муха. Свекор і свекруха – одного духа. Кум – не родина, зять – не дитина, а невістка – чужа кістка* [9, с. 110–111]. *Свекруха на печі – що собака на мотузці. Свекор – грім, а свекруха – уїдлива муха* [8, с. 42].

Негативну оцінку мають і стосунки між зятем та тещею, часто до такої оцінки додається ще й іронічний відтінок: *Нема чорта в хаті – прийми зятя* [8, с. 40]. *Так м'яко спать, неначе теща постелила! Теща ласкава пече млинці без сала. Тещиноного язика аршином не зміряєш* [8, с. 43]. *Оце роззявив двері, як теща рот* [9, с. 111].

Поодинокі прислів'я про тещу та зятя мають позитивну оцінку: *Мені батько – не рідня, мені мати не рідня, мені теща родина – мені жінку родила* [8, с. 39]. *Зять та брат – теці перші гості* [9, с. 111].

Зроблений аналіз родинних стосунків у межах української сім'ї на матеріалі прислів'їв та приказок, дозволяє зробити конкретні висновки:

- українці вважають сім'ю однією з найбільших цінностей у житті людини;
- подружнє життя буде щасливим з добрим чоловіком для жінки і з доброю дружиною для чоловіка; цінується рівноправність у стосунках;
- засуджуються у чоловіків лінощі, пияцтво, ревності; у жінок – злість, балакучість, марнотратство тощо;
- діти в сім'ї – то найбільше щастя; бездітність – горе; бажання позбавитись ненародженої дитини – тяжкий гріх;
- епоха патріархату на століття затвердила маскуліноцентризм в українському суспільстві та бажання мати сина-первістка, а ще краще, мати трьох синів;
- стосунки між свекрухою та невісткою оцінюються негативно;
- теща має більше негативних оцінок порівняно із зятем; є поодинокі приклади прислів'їв, де наявна позитивна оцінка стосунків між зятем і тещею.

Перспективними вважаємо подальші дослідження сімейних стосунків на матеріалі фольклорних текстів, зокрема українських народних казок.

Список використаних джерел

1. Таранець, В. Г. Арії. Слов'яни. Руси: походження назв Україна і Русь : монографія / В. Г. Таранець. – Одеса : ОРІДУ НАДУ при Президентіві України, 2004. – 294 с.
2. Нечуй-Левицький, І. С. Світогляд українського народу. Ескіз української міфології / І. С. Нечуй-Левицький. – Київ : Обереги, 2003. – 144 с.
3. Костомаров, М. І. Слов'янська міфологія / М. І. Костомаров. – Київ : ФОП Стебеляк О. М., 2014. – 384 с.
4. Гейштор, А. Слов'янська міфологія / А. Гейштор. – Київ : ТОВ «Видавництво “Кліо”», 2014. – 416 с.
5. Коваль, В. И. Мифологические верования восточных славян : пособие / В. И. Коваль. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2016. – 270 с.
6. Яковлева, О. В. Обрядовий дискурс у системі національної лінгвоментальності : монографія / О. В. Яковлева. – Одеса : «Одеський національний університет імені І. І. Мечникова», 2014. – 396 с.
7. Ничипорчик, Е. В. Отражение ценностных ориентаций в поговорках / Е. В. Ничипорчик. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2015. – 358 с.
8. Українські прислів'я та приказки. – Харків : Віват, 2017. – 256 с.
9. Прислів'я та приказки / упоряд. М. К. Дмитренко. – Київ : Ред. часопису «Народознавство», 2000. – 247 с.
10. Таранець, В. Г. Діахронія мови : збірка статей / В. Г. Таранець. – Одеса : Друкарський дім, 2008. – 236 с.
11. Небо України : поетична антологія / упоряд. та ред. В. Р. Коломієць. – Київ : Укр. письменник, 2001. – 479 с.
12. Кондратович, О. П. Народини, або Дарована Богом свіча : родильні звичаї Західного Полісся / О. П. Кондратович. – Луцьк : Волинська обласна друкарня, 2004. – 132 с.
13. Трубачев, О. Н. История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя / О. Н. Трубачев. – М. : КомКнига, 2009. – 242 с.

Abstract. The object of this investigation is the relationship between members of the Ukrainian family, which developed over millennia and which are preserved in the texts. The relationship between a husband and his wife in the family, the attitude of parents to children, including the son and daughter, are described; relationships with non-blood relatives who becomes family members after the marriage of children are characterized. Evaluative characteristics of different family members are given.

Keywords: family, husband, wife, son, daughter, mother-in-law, daughter-in-law, son-in-law.

СОДЕРЖАНИЕ

Слово о юбиляре.....	4
<i>Абакумова О. Б.</i> Концептуальные метафоры в пословицах о правде и лжи... 7	7
<i>Аксёничкова-Бирюкова А. А.</i> Отражение национально-культурной специфики во фразеологизмах, объективирующих эмоцию гнева в русской и китайской лингвокультурах.....	12
<i>Алексеева А. А.</i> Заглавия-фразеологизмы, крылатые слова и пословицы в произведениях для детей.....	17
<i>Алефиренко Н. Ф.</i> Лингвокреативные стимулы фраземосемиозиса.....	22
<i>Андрианова Д. В., Игнатьева Н. Д.</i> О некоторых сложных случаях формирования словарной статьи для «Аксиологического словаря русских, украинских и белорусских пословиц».....	30
<i>Арефьева Н. Г.</i> Духовно-религиозный лингвокультурный код во фразеологическом пространстве носителей русских говоров Одесщины.....	34
<i>Архангельская А. М.</i> Kolikrátě česk mužě řící: jest opilý (лингвистические размышления над первым списком чешской «алкогольной» фразеологии)....	41
<i>Бакина А. Д.</i> Концептосфера библейской фразеологии.....	47
<i>Беженару Л. Е.</i> Родовое поместье и локус дома как пространство «малой родины» в образной аналогии фразеологизмов.....	54
<i>Бодрова Е. В., Чурилина Л. Н.</i> Эпоха коронавируса в коллокациях (на материале административного дискурса).....	57
<i>Боева Н. Е., Гусева О. В., Раина О. В.</i> О белорусских пословичных параллелях русских пословиц в «Электронном словаре современных активных восточнославянских пословиц».....	61
<i>Braxatorisová A.</i> Das sprachliche Bild der Mutter in der slowakischen Phraseologie 67	67
<i>Валодзіна Т.</i> Без маскі чэргі за кавідам не займаць: канцэптуалізацыя маскі ў мове і фальклоры.....	72
<i>Венжинович Н. Ф.</i> Фразеологія у системі сучасної лінгвістичної парадигми 79	79
<i>Владимирова Т. Е.</i> Аксиология восточнославянских паремий с позиций антропологии.....	86
<i>Воробьева Л. Б.</i> Детство в диалектной фразеологической и паремиологической картине мира (на материале псковских говоров).....	91
<i>Головачева О. А., Стародубец С. Н.</i> Фразеологизмы как выразители авторской интенции в статьях Н. С. Лескова, посвященных женскому вопросу.....	96
<i>Гомонова И. Г.</i> Паремии в электронных корпусах текстов: хронологический аспект.....	99
<i>Даниленко Л. І.</i> Над бібліографією чеської фразеології і пареміології: результати й роздуми.....	105
<i>Данич О. В.</i> Фразеологизмы как компонент лингвокультурной картины мира (на материале русского и английского языков).....	109
<i>Денисенко Е. Н.</i> Восточнославянские паремиологические единицы как презентанты архетипа «дерево».....	112
<i>Дербишева З. К.</i> Когнитивно-семантическая специфика паремиологической интерпретации концепта «Друг».....	119
<i>Дронов П. С.</i> Наше дело маленькое, твоё дело телячье: о нескольких близких моделях фразеосхем в русском языке.....	124

<i>Завтрикова П. С.</i> Провербиальная идея «мир мал» в европейском культурном пространстве.....	128
<i>Зыкова Е. И.</i> Школьный словарь крылатых слов русского языка (опыт составления).....	133
<i>Зыкова И. В.</i> Фразеология в конструировании кинематографической образности: теоретические и методологические аспекты.....	138
<i>Иваноў Я. Я., Петрушэўская Ю. А.</i> Якія прыказкі ў беларускай мове можна лічыць нацыянальна адметнымі? (да праблемы вызначэння нацыянальнай спецыфікі прыказкавага фонду беларускай мовы).....	144
<i>Иванова Е. В.</i> Атрибутивный параметр в пословичных картинах мира.....	150
<i>Капшай Н. П.</i> Роль фразеологизмов в формировании авторской концепции в драме М. Горького «На дне».....	154
<i>Карасик В. И.</i> Самооценка личности в афористике.....	159
<i>Коваль В. И.</i> Интернет-фразеологизм <i>нигерийские письма</i> : семантика, происхождение, функционирование.....	163
<i>Козловская М. М.</i> Колоративные прилагательные в новых устойчивых сочетаниях русского языка.....	167
<i>Кошкіна Н. Я.</i> Варыянтныя фразеаадзінкі ў “Слоўніку беларускай мовы” І. І. Насовіча (1870).....	171
<i>Kržišnik E.</i> Problem pisanja skupaj in narazen v slovenski frazeologiji – ortografska in rabna / uzualna norma.....	176
<i>Кураш С. Б., Богданович Л. А.</i> Концептуализация терминологии идиоматики вне прямой референции в русском поэтическом дискурсе.....	182
<i>Лавицкий А. А., Дединкин А. Л.</i> Конфликтогенный потенциал фразеологизмов.....	186
<i>Лантева М. Л.</i> Лингвокультурная ценность знания во фразеологической репрезентации.....	190
<i>Ляшчынская В. А.</i> Уяўленні беларусаў пра ягады ў люстэрку фразеалагічных вобразаў.....	194
<i>Маслова В. А.</i> Русская фразеологическая картина мира как результат деятельности и когнитивного анализов.....	201
<i>Мокиенко В. М.</i> Аксиологические доминанты в славянской соматической фразеологии и паремиологии.....	204
<i>Муцинская В. В., Сергиенко О. С., Котова М. Ю.</i> Выбор пословичного инварианта украинской параллели русской пословицы в ЭССАВП.....	211
<i>Нечаева Г. Г.</i> <i>Сляпыя вядзьмедзі</i> и <i>зоркія веряб’і</i> : архаика в терминологии орнамента деревни Неглюбки.....	216
<i>Никитина Т. Г., Роголёва Е. И.</i> Лингвокультурнографическая репрезентация русских пословиц и поговорок младшему школьнику.....	222
<i>Ничипорчик Е. В.</i> Мир человека в паремиографической репрезентации: актуальные проблемы и перспективы их решения.....	228
<i>Огольцева Е. В.</i> <i>Мужик</i> и <i>баба</i> в русских оценочных тавтологических фразеоконструкциях с творительным падежом.....	237
<i>Орлова О. С.</i> Рождение в загадках русского народа.....	243
<i>Осипова А. А., Позднякова Н. В.</i> Речевые штампы современного дискурса: можно ли их называть фразеологизмами?.....	249
<i>Роровић М.</i> Novčane jedinice u hrvatskim poslovicama.....	254

<i>Радчук О. В.</i> Аксиологическая сущность фразеологизмов с семантикой «наличие / отсутствие света» (на материале русского и китайского языков)	259
<i>Rak M.</i> Jeszcze o frazeologii gestycznej – <i>x załamie ręce</i>	264
<i>Рычева Е. А.</i> Имидж политического лидера сквозь призму фразеологии и паремиологии: аксиологический аспект.....	269
<i>Сенкевич В. И.</i> Феномен перифразы.....	274
<i>Сивова Т. В.</i> Черная вдова в цветовой концептосфере русского языка.....	279
<i>Станкевіч А. А.</i> Эматыўная парадыгма ў беларускім парэміійным дыскурсе	285
<i>Степанов Е. Н.</i> Петровская эпоха во фразеологии Санкт-Петербурга.....	289
<i>Тарса Я.</i> <i>Jakoś to będzie</i> – полагаться на авось по-польски.....	296
<i>Тимошенко Е. И.</i> Фразеологизированные синтаксические конструкции с компонентом <i>стоит / стоило</i> в русском языке.....	301
<i>Фёдорова Л. Л.</i> Образы и идиомы в языке резьянских славян.....	305
<i>Финк Ж.</i> О новейших спортивных фразеологизмах со значением самоотверженности.....	309
<i>Чан Тхи Суен</i> Фразеологизмы, обозначающие мимические и жестовые знаки коммуникации, в русском и вьетнамском языках.....	315
<i>Ширяева О. В.</i> Пословица и традиционные пласты языковой культуры в современном русском деловом медиадискурсе.....	319
<i>Шулежкова С. Г.</i> Сверхсловные вербализаторы концептов «Добро» и «Зъло» в древнейших славянских текстах.....	325
<i>Яковлєва О. В.</i> Вербалізація родинних стосунків в українських прислів'ях і приказках	331

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АБАКУМОВА ОЛЬГА БОРИСОВНА

доктор филологических наук, доцент

Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева

г. Орел, Россия

abakumova-ob@mail.ru

АКСЁНЧИКОВА-БИРЮКОВА АНГЕЛИНА АЛЕКСАНДРОВНА

Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины

г. Гомель, Беларусь

angelaleks99@mail.ru

АЛЕКСЕЕВА АЛЕКСАНДРА АЛЕКСАНДРОВНА

Санкт-Петербургский государственный университет

г. Санкт-Петербург, Россия

st086059@student.spbu.ru

АЛЕФИРЕНКО НИКОЛАЙ ФЁДОРОВИЧ

доктор филологических наук, профессор

Белгородский государственный национальный

исследовательский университет

г. Белгород, Россия

alefirenko@bsu.edu.ru

АНДРИАНОВА ДАРЬЯ ВИТАЛЬЕВНА

кандидат филологических наук

Институт лингвистических исследований

Российской академии наук

г. Санкт-Петербург, Россия

yakonukdar@yandex.ru

АРЕФЬЕВА НАТАЛЬЯ ГЕОРГИЕВНА

кандидат филологических наук, доцент

Одесский национальный университет имени И. И. Мечникова

г. Одесса, Украина

n.arefieva@onu.edu.ua

АРХАНГЕЛЬСКАЯ АЛЛА МСТИСЛАВОВНА

доктор, филологических наук, профессор

Университет Палацкого

г. Оломоуц, Чехия

alla_arkhanhelska@yahoo.com

БАКИНА АННА ДМИТРИЕВНА

кандидат филологических наук, доцент

Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева

г. Орел, Россия

Heart-anna@yandex.ru

БЕЖЕНАРУ ЛЮДМИЛА ЕФИМОВНА
доктор филологических наук, доцент
Ясский университет имени Александру Иоана Кузы
г. Яссы, Румыния
ludbejenaru@gmail.com

БОГДАНОВИЧ ЛАРИСА АНАТОЛЬЕВНА
Мозырский государственный педагогический
университет имени И. П. Шамякина
г. Мозырь, Беларусь
larisa.blishch@yandex.ru

БОДРОВА ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА
Магнитогорский государственный
технический университет имени Г. И. Носова
г. Магнитогорск, Россия

БОЕВА НАТАЛИЯ ЕВГЕНЬЕВНА
Санкт-Петербургский государственный университет
г. Санкт-Петербург, Россия
n.boeva@srbu.ru

БРАКСАТОРИСОВА АНИТА
кандидат филологических наук
Университет св. Кирилла и Мефодия
г. Трнава, Словакия
braxatoris.a@gmail.com

ВЕНЖИНОВИЧ НАТАЛИЯ ФЁДОРОВНА
доктор филологических наук, доцент
Ужгородский национальный университет
г. Ужгород, Украина
vennata2017@gmail.com

ВЛАДИМИРОВА ТАТЬЯНА ЕВГЕНЬЕВНА
доктор филологических наук, доцент
Российский университет дружбы народов
г. Москва, Россия
yusvlad@rambler.ru

ВОЛОДИНА ТАТЬЯНА ВАСИЛЬЕВНА
доктор филологических наук, доцент
Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы
Национальной академии наук
г. Минск, Беларусь
tanja_volodina@tut.by

ВОРОБЬЁВА ЛИНА БРОНИСЛОВОВНА
кандидат филологических наук, доцент
Псковский государственный университет
г. Псков, Россия
lina5558@yandex.ru

ГОЛОВАЧЁВА ОЛЬГА АЛЕКСЕЕВНА
доктор филологических наук, профессор
Брянский государственный университет
имени академика И. Г. Петровского
г. Брянск, Россия
golovacheva-olga@mail.ru

ГОМОНОВА ИННА ГЕННАДЬЕВНА
кандидат филологических наук
Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины
г. Гомель, Беларусь
inna-gomonova@mail.ru

ГУСЕВА ОЛЬГА ВАЛЕРЬЕВНА
кандидат филологических наук, доцент
Санкт-Петербургский государственный университет
г. Санкт-Петербург, Россия
o.guseva@spbu.ru

ДАНИЛЕНКО ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА
доктор филологических наук, профессор
Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко
г. Киев, Украина
dankoua@ukr.net

ДАНИЧ ОКСАНА ВЛАДИМИРОВНА
кандидат филологических наук, доцент
Витебский государственный университет имени П. М. Машерова
г. Витебск, Беларусь
odanich@mail.ru

ДЕДИНКИН АЛЕКСАНДР ЛЕОНИДОВИЧ
кандидат исторических наук, доцент
Витебский филиал Международного университета «МИТСО»
г. Витебск, Беларусь
alexanderdedinkin@yandex.by

ДЕНИСЕНКО ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА
кандидат педагогических наук, доцент
Дипломатическая академия МИД России
г. Москва, Россия
olenaden@gmail.com

ДЕРБИШЕВА ЗАМИРА КАСЫМБЕКОВНА
доктор филологических наук, профессор
Кыргызско-Турецкий университет Манас
г. Бишкек, Кыргызстан
dezami2015@gmail.com

ДРОНОВ ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ

кандидат филологических наук, доцент
Институт языкознания Российской академии наук,
Научно-образовательный центр теории и
практики коммуникации имени Ю. С. Степанова
г. Москва, Россия
dronov@iling-ran.ru

ЗАВТРИКОВА ПОЛИНА СЕРГЕЕВНА

Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины
г. Гомель, Беларусь
tumanika1@gmail.com

ЗЫКОВА ЕЛЕНА ИГОРЕВНА

кандидат филологических наук, доцент
Санкт-Петербургский государственный университет
г. Санкт-Петербург, Россия
ezykova@mail.ru

ЗЫКОВА ИРИНА ВЛАДИМИРОВНА

доктор филологических наук, доцент
Институт языкознания Российской академии наук
г. Москва, Россия
zykova_iv@mail.ru

ИВАНОВ ЕВГЕНИЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ

доктор филологических наук, доцент
Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова
г. Могилев, Беларусь
ivanov-mgu@mail.ru

ИВАНОВА ЕЛИЗАВЕТА ВАСИЛЬЕВНА

доктор филологических наук, профессор
Санкт-Петербургский государственный университет
г. Санкт-Петербург, Россия
e.v.ivanova@spbu.ru

ИГНАТЬЕВА НАТАЛЬЯ ДМИТРИЕВНА

кандидат филологических наук
Российский государственный педагогический
университет имени А. И. Герцена
г. Санкт-Петербург, Россия
nataliagasheva@yandex.ru

КАПШАЙ НАТАЛЬЯ ПАВЛОВНА

кандидат филологических наук, доцент
Гомельский областной институт развития образования
г. Гомель, Беларусь
nkapshaj@gmail.com

КАРАСИК ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ
доктор филологических наук, профессор
Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина
г. Москва, Россия
vkarasik@yandex.ru

КОВАЛЬ ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ
доктор филологических наук, профессор
Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины
г. Гомель, Беларусь
vlad-kov@mail.ru

КОЗЛОВСКАЯ МАРГАРИТА МИХАЙЛОВНА
кандидат филологических наук, доцент
Гомельский государственный медицинский университет
г. Гомель, Беларусь
almark@tut.by

КОТОВА МАРИНА ЮРЬЕВНА
доктор филологических наук, профессор
Санкт-Петербургский государственный университет
г. Санкт-Петербург
m.kotova@spbu.ru

КОШКИНА НАТАЛЬЯ ЕВГЕНЬЕВНА
«Международный государственный экологический институт
имени А. Д. Сахарова» Белорусского государственного университета
г. Минск, Беларусь
koshkina.natalie@mail.ru

КРЖИШНИК ЭРИКА
доктор филологических наук, профессор
Люблянский университет
г. Любляна, Словения
krzisnike@ff.uni-lj.si

КУРАШ СЕРГЕЙ БОРИСОВИЧ
кандидат филологических наук, доцент
Мозырский государственный педагогический
университет имени И. П. Шамякина
г. Мозырь, Беларусь
text2005@mail.ru

ЛАВИЦКИЙ АНТОН АЛЕКСЕЕВИЧ
кандидат филологических наук, доцент
Витебский филиал Международного университета «МИТСО»
г. Витебск, Беларусь
anton_lavitski@mail.ru

ЛАПТЕВА МАРИЯ ЛЕОНИДОВНА
доктор филологических наук, доцент
Астраханский государственный университет
г. Астрахань, Россия
hohlina2004@yandex.ru

ЛЕЩИНСКАЯ ОЛЬГА АЛЕКСЕЕВНА
доктор филологических наук, профессор
Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины
г. Гомель, Беларусь
zshvedova@mail.ru

МАСЛОВА ВАЛЕНТИНА АВРААМОВНА
доктор филологических наук, профессор
Витебский государственный университет имени П. М. Машерова
г. Витебск, Беларусь
mvavit@tut.by

МОКИЕНКО ВАЛЕРИЙ МИХАЙЛОВИЧ
доктор филологических наук, профессор
Санкт-Петербургский государственный университет
г. Санкт-Петербург, Россия
mokienko40@mail.ru

МУЩИНСКАЯ ВИКТОРИЯ ВЛАДИСЛАВОВНА
кандидат филологических наук, доцент
Санкт-Петербургский государственный университет
г. Санкт-Петербург, Россия
v.mushinskaya@spbu.ru

НЕЧАЕВА ГАЛИНА ГРИГОРЬЕВНА
Ветковский музей старообрядчества
и белорусских традиций имени Ф. Г. Шклярова
г. Ветка, Беларусь
vetkamuzejj@rambler.ru

НИКИТИНА ТАТЬЯНА ГЕННАДЬЕВНА
доктор филологических наук, профессор
Псковский государственный университет
г. Псков, Россия
cambala2007@yandex.ru

НИЧИПОРЧИК ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА
доктор филологических наук, доцент
Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины
г. Гомель, Беларусь
evnich@gmail.com

ОГОЛЬЦЕВА ЕКАТЕРИНА ВАСИЛЬЕВНА
доктор филологических наук, доцент
Московский государственный педагогический университет,
Православный Свято-Тихоновский государственный университет
г. Москва, Россия
tertiumcomp@mail.ru

ОРЛОВА ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА
кандидат филологических наук
Институт языкознания Российской академии наук
г. Москва, Россия
OrlovaOlgaS@list.ru

ОСИПОВА АЛЕКСАНДРА АНАТОЛЬЕВНА
кандидат филологических наук
Магнитогорский государственный технический
университет имени Г. И. Носова
г. Магнитогорск, Россия
osashenka@yandex.ru

ПЕТРУШЕВСКАЯ ЮЛИЯ АНАТОЛЬЕВНА
кандидат филологических наук
Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова
г. Могилев, Беларусь
ling-msu@mail.ru

ПОЗДНЯКОВА НАТАЛЬЯ ВИКТОРОВНА
кандидат филологических наук
Магнитогорский государственный технический
университет имени Г. И. Носова
г. Магнитогорск, Россия
nvp2018@bk.ru

ПОПОВИЧ МАРИЯ СИМОВНА
кандидат филологических наук
Загребский университет
г. Загреб, Хорватия
marijaropovitch@gmail.com

РАДЧУК ОЛЬГА ВЯЧЕСЛАВОВНА
доктор филологических наук, доцент
Харьковский национальный педагогический
университет имени Г. С. Сковороды
г. Харьков, Украина
radchuk.o.v@ukr.net

РАИНА ОЛЬГА ВИКТОРОВНА
кандидат филологических наук, доцент
Санкт-Петербургский государственный университет
г. Санкт-Петербург, Россия
o.raina@spbu.ru

РАК МАЧЕЙ
доктор гуманитарных наук, профессор
Ягеллонский университет
г. Краков, Польша
maciej.rak@uj.edu.pl

РОГАЛЁВА ЕЛЕНА ИВАНОВНА
доктор филологических наук, доцент
Псковский государственный университет
г. Псков, Россия
cambala2010@list.ru

РЫЧЕВА ЕКАТЕРИНА АЛЕКСЕЕВНА
кандидат филологических наук
Карлов университет
г. Прага, Чехия
ekaterina.rycheva@ff.cuni.cz

СЕНКЕВИЧ ВАСИЛИЙ ИВАНОВИЧ
доктор филологических наук, профессор
Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина
г. Брест, Беларусь
sienkiewicz@tut.by

СЕРГИЕНКО ОЛЕСЯ СЕРГЕЕВНА
кандидат филологических наук
Санкт-Петербургский государственный университет
г. Санкт-Петербург, Россия
o.sergienko@spbu.ru

СИВОВА ТАТЬЯНА ВИКТОРОВНА
кандидат филологических наук, доцент
Гродненский государственный университет имени Янки Купалы
г. Гродно, Беларусь
sitavi@tut.by

СТАНКЕВИЧ АЛЕКСАНДРА АЛЕКСАНДРОВНА
доктор филологических наук, профессор
Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины
г. Гомель, Беларусь
stankevich_gomel@mail.ru

СТАРОДУБЕЦ СВЕТЛАНА НИКОЛАЕВНА
доктор филологических наук, профессор
Филиал Брянского государственного университета
имени академика И. Г. Петровского в г. Новозыбкове
г. Новозыбков, Россия
starodubets.madam@yandex.ru

СТЕПАНОВ ЕВГЕНИЙ НИКОЛАЕВИЧ
доктор филологических наук, профессор
Хунаньский педагогический университет,
г. Чанша, Китай
stepanov.odessa@gmail.com

ТАРСА ЯДВИГА
кандидат филологических наук
Опольский университет
г. Ополе, Польша
tarsa@poczta.onet.pl

ТИМОШЕНКО ЕЛЕНА ИВАНОВНА
кандидат филологических наук, доцент
Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины
г. Гомель, Беларусь
elena_skorina@tut.by

ФЁДОРОВА ЛЮДМИЛА ЛЬВОВНА
кандидат филологических наук, доцент
Российский государственный гуманитарный университет
г. Москва, Россия
lfvoux@yandex.ru

ФИНК ЖЕЛЬКА
доктор филологических наук, профессор
Загребский университет
г. Загреб, Хорватия
zfink@ffzg.hr

ЧАН ТХИ СУЕН
Одесский национальный университет имени И. И. Мечникова
г. Одесса, Украина
tranthixuyen12sls@gmail.com

ЧУРИЛИНА ЛЮБОВЬ НИКОЛАЕВНА
доктор филологических наук, профессор
Магнитогорский государственный технический
университет имени Г. И. Носова
г. Магнитогорск, Россия
lchurilina@gmail.com

ШИРЯЕВА ОКСАНА ВИТАЛЬЕВНА
доктор филологических наук
Южный федеральный университет
г. Ростов-на-Дону, Россия
shirayeva.oksana@gmail.com

ШУЛЕЖКОВА СВЕТЛАНА ГРИГОРЬЕВНА
доктор филологических наук, профессор
Магнитогорский государственный технический
университет имени Г. И. Носова
г. Магнитогорск, Россия
shulezkova@gmail.com

ЯКОВЛЕВА ОЛЬГА ВАСИЛЬЕВНА
доктор филологических наук, профессор
Одесский национальный университет имени И. И. Мечникова
г. Одесса, Украина
olga.yakovleva.1920@gmail.com

Научное издание

**СЛАВЯНСКАЯ
ФРАЗЕОЛОГИЯ И ПАРЕМИОЛОГИЯ
НАЦИОНАЛЬНОЕ И ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОЕ.
СТАБИЛЬНОЕ И ИЗМЕНЧИВОЕ**

К 70-летию со дня рождения
профессора В. И. Коваля

Сборник научных статей

Подписано в печать 17.11.2021. Формат 60x84 1/8.
Бумага офсетная. Ризография.
Усл. печ. л. 40,46. Уч.-изд. л. 35,24.
Тираж 85 экз. Заказ 608.

Издатель и полиграфическое исполнение:
учреждение образования
«Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины».
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий № 3/1452 от 17.04.2017.
Специальное разрешение (лицензия) № 02330 / 450 от 18.12.2013.
ул. Советская, 104, 246028, г. Гомель